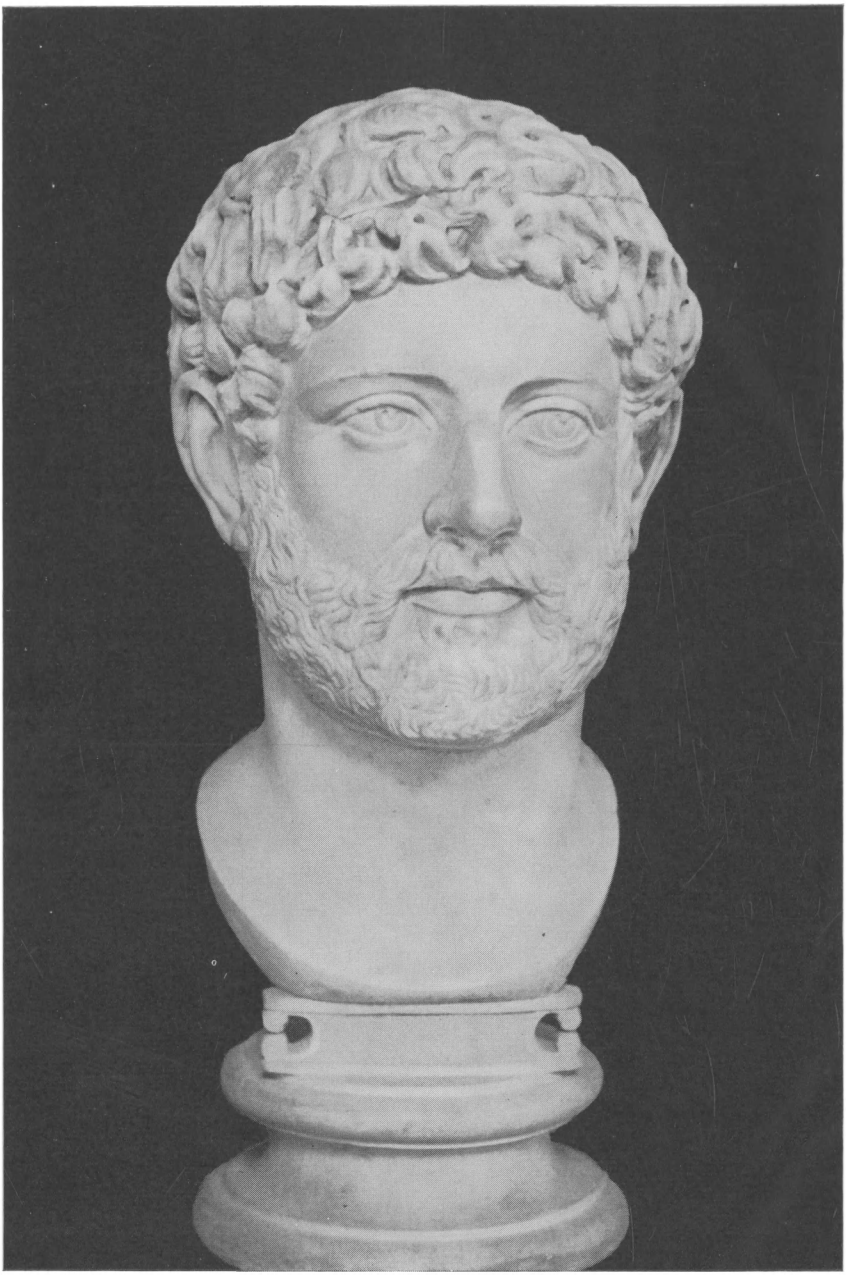
АНТИЧНАЯ НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОЙ НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНТИЧНАЯ НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Голова императора Адриана

Первая половина II в.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОЙ НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

II—V ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1964

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

М. Л. ГАСПАРОВ

ОТ РЕДАКЦИИ

Эта книга — последний из трех сборников, посвященных поздней античной литературе (II—V вв. н. э.) и подготовленных сектором античной литературы Института Мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР. Два предыдущие сборника назывались: «Памятники поздней античной поэзии и прозы» и «Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства». Подобрать заглавие для этого, третьего, сборника было труднее. «Научно-художественная литература» — выражение, не совсем привычное современному читателю. И в то же время, как еще можно назвать литературу, которая по своему содержанию должна быть отнесена к научной, а по своей форме — к художественной? А между тем, именно таковы произведения, включенные в настоящий сборник. При этом ведущая роль в них принадлежит художественной форме, и подчиненная — научному содержанию: наука выступает служанкой литературы.

Конечно, поздняя античная наука имела и самостоятельное существование. Сочинения Птолемея по географии и астрономии, Галена — по медицине, Диофанта — по математике, Плотина — по философии были подлинно научными трудами, занимающими почетное место в истории человеческой мысли. И написаны они совсем не так, как те произведения, которые помещены здесь: деловито, сухо и сложно, как настоящие научные работы. Но именно потому их читали только немногочисленные специалисты и знатоки. А широкая масса обходилась сведениями гораздо менее серьезными, но гораздо более легкими для усвоения. История для таких читателей сводилась к рассказам о занимательных эпизодах прошлого, география — к описанию диковинок дальних стран, философия — к афоризмам о нормах житейского поведения да анекдотам о знаменитых мудрецах. Вот такие сведения — и к тому же в изложении как можно более легком, пестром и увлекательном — и содержатся в сочинениях, отрывки из которых составили настоящий сборник.

Характерная черта большинства писателей этой эпохи — их разносторонность. Почти все они в большей или меньшей степени

энциклопедисты. Первым в ряду авторов нашей книги стоит Плутарх — энциклопедист с философским уклоном, представленный здесь популярными сочинениями по педагогике, по литературной критике, по философии, по истории. Такими же энциклопедистами можно назвать и Авла Геллия и Макробия с их отчетливым филологическим уклоном, таким же энциклопедистом является и Афиней с его преимущественно историко-бытовым уклоном. Большую группу авторов этого тома образуют историки. Рядом с такими содержательными сочинениями, которые оставили Арриан, Аппиан, Дион Кассий, Геродиан, Аммиан Марцеллин, мы находим здесь и образец скандальной «политической биографии» у так называемых писателей истории императоров, и риторические рассуждения Флора, и сжатые очерки Евтропия и Секста Руфа. Ряд сочинений имеет историко-культурный характер: таковы биографии римских поэтов у Светония, греческих философов — у Диогена Лаэртского, мудрецов-ораторов — у Филострата. Из философских сочинений поздней античности в сборнике представлено только одно, зато едва ли не самое интересное: размышления «Наедине с собой» императора Марка Аврелия, «философа на троне». Из географической литературы в книге представлен отрывок из «Описания Эллады» Павсания — своеобразный путеводитель по памятникам греческой старины и начало географической поэмы Дионисия Периэгета. Наконец, рядом со всеми этими произведениями здесь помещены отрывки из сочинений такого содержания, какое современный читатель вряд ли назвал бы научным, но античные читатели называли: это — сочинения по мифологии (Аполлодор, Антонин Либерал, Палефат) и по «онирокритике», т. е. по толкованию снов (Артемидор).

Большая часть текстов, входящих в сборник, появляется на русском языке впервые. Немногочисленные отрывки из старых переводов заново отредактированы. Краткие вступительные заметки содержат основные сведения о жизни и творчестве авторов. Общую вводную статью о поздней античной литературе читатель найдет при первом выпуске «Памятников» — в книге «Памятники поздней античной поэзии и прозы».

Сборник иллюстрирован фотографиями с памятников, хранящихся в Государственном Эрмитаже.

ГРЕЧЕСКИЕ
ИСТОРИКИ, ГЕОГРАФЫ, МИФОГРАФЫ, ФИЛОСОФЫ И ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ

ПЛУТАРХ

Слава Плутарха из Херонеи (46—120 гг. н. э.) основана на созданных им непревзойденных образцах жанра историко-художественной биографии. Его «Параллельные жизнеописания» греческих и римских государственных деятелей и полководцев во все века были одной из самых популярных книг в европейской литературе; не приходится говорить, что одновременно они служат важным источником для изучения древней истории.

Однако этим далеко не исчерпывается все творчество писателя. Каталог, составленный в византийских библиотеках (ок. IV в.), называет 250 его сочинений. До настоящего времени сохранилось 150: из них 48 — биографии, а остальное (включая и неподлинное) условно объединено под названием «Ἠθικά» («Нравственные сочинения»), или «Moralia» («Моралии»).

Эти сочинения впервые собрал воедино византийский ученый Максим Плануд (XIII в.). Первые обнаруженные им трактаты были философско-этического содержания и потому получили название «Моралии»; а затем это заглавие было распространено и на остальные трактаты, подчас вовсе не моралистического содержания.

«Моралии» — это послания, диалоги, трактаты, наброски лекций на самые разнообразные темы. Здесь Плутарх выступает и как философ, и как педагог, и как собиратель древностей, и как популяризатор естественно-научных теорий. Все эти сочинения написаны Плутархом в разное время и содержат немало автобиографических сведений, на основании которых, начиная с XVII в., и составляются биографии этого писателя.

Плутарх происходил из аристократической семьи старинного греческого рода в беотийском городе Херонее. Он получил основательное и разностороннее образование в Афинах, где изучал риторику, философию и естественные науки. Большое влияние на него оказал известный философ того времени, последователь Платона, Аммоний. Плутарх часто упоминает о своих путешествиях. Он неоднократно совершал поездки по Греции, был в Италии. Сирии, Египте. При императоре Веспасиане (69—79 гг. н. э.) он жил в Риме и читал там лекции по философии. Лексикограф X в. Свида сообщает, что Траян даровал Плутарху консульское звание, а затем Адриан сделал его прокуратором Греции, но сейчас это считается не вполне достоверным. Бóльшую часть своей жизни Плутарх провел в родном городе. Сограждане не раз избирали его на должность архонта-эпонима и агоранома,

а под старость он был принят в коллегию дельфийских жрецов. Но основными занятиями Плутарха были наука и преподавание (чтение лекций или беседы) в кругу его родственников и друзей, имена которых постоянно встречаются в «Моралиях»,— к одним из них он обращается в посланиях, а других делает участниками диалогов.

«Моралии» — не только автобиографический, но и ценнейший исторический источник. В них отражены почти все стороны жизни Греции I—II вв. н. э.— тогда уже римской провинции Ахайи: экономическое оскудение и запустение страны под гнетом налоговой системы и произвола римских чиновников, и в то же время — вековая слава древних культурных центров, привлекающая знатных гостей со всех концов империи.

Энциклопедическая образованность Плутарха видна во всех его сочинениях. Им использовано колоссальное количество источников в различных областях знания. Он часто прибегает к цитатам, и мы обязаны ему многими сведениями об утраченных произведениях греческой литературы.

В «Моралиях» можно отметить несколько основных тематических циклов:

1. Педагогический («О воспитании детей», «О слушании», «Как юноше слушать поэтические произведения», «О музыке» и др.).

2. Политический («Наставления об управлении государством», «Об изгнании», «К непросвещенному властителю», «О монархии, олигархии, аристократии и демократии», «Следует ли старику управлять государством?»).

3. Естественно-научный («О лике, видимом на луне», «О первом холоде», «Вопросы природы», «О разуме животных», «Низшие животные обладают разумом» и др.).

4. Религиозный («Об Изиде и Озирисе», «Об Е в Дельфах», «Об исчезновении оракулов», «Почему пифия перестала говорить стихами» и др.).

Основную часть «Моралий» составляют все же сочинения собственно философские. Они содержат полемику со стоиками и эпикурейцами с позиций эклектически переосмысленного платонизма. Философско-этические темы касаются различных сторон человеческой психики — страха, суеверия, гнева, страдания. И, наконец, особую ценность представляют собой так называемые «антикварные сочинения» — собрание исторических курьезов и анекдотов, изречения знаменитых людей.

Чтобы создать наиболее полное представление о «Моралиях» — интереснейшем памятнике поздней греческой литературы, в настоящем сборнике публикуются из него произведения различной тематики.

КАК ЮНОШЕ СЛУШАТЬ [1] ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1. Известны, Марк Седатий, слова поэта Филоксена [2], что самое вкусное мясо не похоже на мясо, а самая вкусная рыба не похожа на рыбу. Если мы согласимся с этим, мы уподобимся людям, у которых, как говорил Катон [3], язык более тонко чувствует, чем сердце. А в философии — нам это совершенно ясно — самое привлекательное, убедительное и пленительное для нашей «зеленой» молодежи далеко от серьезных философских рассуждений. Ведь юноши не только читают побасенки Эзопа и поэтические бредни вроде Гераклидова «Абариса» и Аристоновского «Ликона» [4], но еще и упиваются учением о душе, где примешана мифология. Поэтому мало следить, чтобы юноши не увлекались сладкой едой и питьем; надо еще приучать их к мысли, что при чтении и слушании они прежде всего должны искать целительное и полезное, а наслаждение при этом получать небольшими порциями, словно вкусную приправу. Зачем запирать все находящиеся в городе ворота, если через одни из них все-таки смогут проникнуть враги? Для юноши напрасно воздержание от наслаждений, если он как-нибудь случайно услышит хотя бы об одном. И если не обратить внимания на услышанное, то оно все больше будет влиять на разум и мысли и все вреднее и гибельнее будет для слушающего. А так как невозможно да и бесполезно удерживаться от чтения в таком возрасте, как мой Соклар и твой Клеандр, то мы должны наблюдать за ними со всем вниманием; руководство в чтении им более необходимо, чем сопровождение на прогулках.

Поэтому я написал и решил послать тебе то, о чем я недавно говорил в беседе о произведениях поэтов. Прими и прочти. Возможно, тебе покажется это не менее полезным, чем так называемые аметисты [5] — камни, которые иные люди надевают во время пиршеств перед тем, как пить. Если так, то поделись всем этим с Клеандром. Таким образом ты оградишь от дурных влияний юношу, отнюдь не тупого и безразличного, но живого и наблюдательного. Прочтя эти наставления, он станет более восприимчивым.

Зло и добро у полипа в одной голове обитают... [6]

Голова полипа — очень вкусное блюдо. И все же оно нарушает спокойный сон невероятно странными и страшными образами. Так и в поэзии содержится много приятного и полезного для молодой души, но не меньше и такого, что может смутить ее и внушить вздорные мысли, если слушанье не сопровождается правильными пояснениями. Ведь, по-видимому, не только

о земле египтян, но и о поэзии можно сказать, что для тех, кто соприкасается с нею, она

...много
Злаков рождает: и добрых, целебных, и злых. ядовитых.

Или:

Там и любовь, и желанья, там и знакомства, и просьбы,
Льстивые речи, не раз уловлявшие ум и разумных[7].

Но люди неразвитые и неумные совершенно не воспринимают поэтических вымыслов. Симонид[8] на вопрос: «Почему ты не обманываешь одних только фессалийцев?» ответил: «Для этого они слишком невежественны!».

Горгий[9] называл трагедию обманом, где обманщик справедливее честного, а обманутый мудрее необманутого. Так что же лучше? Залепить уши юношам, как спутникам Одиссея, чем-то вроде твердого, сухого воска и заставить их плыть в челне Эпикура, избегая и обходя поэзию?[10] Или подчинить суждения юношей правильному, как мы полагаем, ходу мысли? В этом случае мы отвлечем нашу молодежь на верный путь и воспрепятствует тому, чтобы наслаждение увлекало их в сторону вредного.

«Нет, и могучий Ликург, знаменитая отрасль Дрианта», вовсе не обнаружил здравого ума: когда многие стали напиваться и безобразничать, он вырубил кругом виноградные лозы вместо того, чтобы подвести ближе источники и, как говорит Платон[11], усмирить беснующегося бога другим, отрезвляющим божеством. Ведь смесь воды и вина устраняет вредное, сохраняя вместе с тем полезное. Также и мы не должны ни вырубать, ни истреблять поэтической лозы муз. Бывают случаи, что поэзия, в погоне за одним только удовольствием и славой, не зная меры, с необузданной дерзостью и наглостью открывает нам свою фантастичность и неестественность. В этом случае мы помешаем ей и заставим ее замолчать. Когда же поэзия воспринимает что-либо от истинной прелести какой-либо музы, так что сладость и увлекательность слова не остаются в ней бесплодными и пустыми, мы введем в нее философию и смешаем их. Подобно тому, как мандрагора[12], растущая возле виноградных лоз, сообщает свой букет вину и скрашивает сон опьяневших, поэзия, черпая слова вперемежку из мифов и из философии, делает учение для юношей приятным и легким. Поэтому желающим заниматься философией следует не избегать поэзии, а учиться философствовать уже при изучении поэтических произведений.

В приятном юноши должны привыкать находить и любить полезное. А если не найдут, пусть победят себя и откажутся от приятного.

Вот начало воспитания по Софоклу:

Любое дело, если кто-нибудь начнет
С успехом, то окончит также хорошо [13].

2. Итак, сначала мы введем в поэзию того, кто ничего иного не знает и всегда готов повторять:

аэды много врут... [14]

Врут они отчасти с умыслом, а отчасти и без умысла. С умыслом потому, что с точки зрения удовольствия для слуха и привлекательности, к чему стремится большинство людей, они считают правду более неприятной, чем ложь. Ведь правдивый рассказ, основанный на верных фактах, не допускает никаких изменений, хотя бы конец его был печален. А выдумку, это сплетение слов, очень легко изменить и обратить из печального в приятное. В самом деле, и размеренность речи, и ее характер, и возвышенность стиля, и удачные метафоры, и слаженность, и композиция в хорошо составленных сказочных историях обладают особой прелестью.

В живописи, например, из-за кажущегося сходства с натурой, краски производят более сильное впечатление, чем контуры. Так и в поэзии, сочетание правды с ложью сильнее потрясает и больше привлекает, чем стихотворные произведения без занимательности и полета фантазии.

Нет ничего удивительного в том, что Сократа [15] некоторые сны побуждали к поэтическому творчеству. Но он сам всю жизнь был прирожденным борцом за истину, а поэтому не мог искусно и убедительно сочинять фантастические истории. Вот он и перелагал стихами басни Эзопа: то, что лишено вымысла, он не считал поэзией.

Мы знаем жертвоприношения без плясок и флейт, но не знаем поэзии без сказок и выдумки. А поэмы Эмпедокла и Парменида, сочинение о животных Никандра и гномические изречения Феогнида [16] — все это произведения, которые взяли взаймы у поэзии размер и высокий стиль, словно телегу, чтобы не ходить пешком. Значит, когда известный и выдающийся человек говорит какие-нибудь нелепости о богах, демонах или о добродетели, то один слушатель принимает это всерьез, дает себя увлечь и получает обо всем неверное представление. А другой ясно видит обманные хитросплетения поэзии и никогда не забывает о них, так что в любую минуту может сказать ей: «Ты, превзошедшая сфинкса в своей загадочности! Что ты хмуришься, играя? Зачем притворяешься, будто учишь нас?» Такой слушатель не поддастся вздорным убеждениям и не поверит ни во что дурное. Напротив, он удержит свой страх перед Посейдоном

и ужас, что тот разверзнет землю и обнажит предо всеми царство Аида [17]. Он сдержит гнев на Аполлона за лучшего из ахейцев:

Кого он в гимнах пел, с кем вместе на пиру
Сидел, того он, сам приговорив, убил [18].

Он не будет уже оплакивать умерших Ахилла и Агамемнона, которые в царстве Аида, страстно желая вернуться к жизни, простирают бескровные и бессильные руки. А если душой этого человека даже и овладеют страсти, если его все-таки отравит яд, содержащийся в поэзии, он тотчас скажет себе:

Ты же на радостный свет поспеши возвратиться, но помни,
Что я сказала, чтоб все повторить при свиданье супруге.

Гомер удачно сказал это о «Некии» [19], которую из-за ее сказочности читают женщины. Вот какие вещи поэты придумывают умышленно.

Но в большинстве случаев даже и то, что не выдумано ими, во что они верят, приобретает в наших глазах оттенок ложности. Как, например, Гомер говорит о Зевсе:

Зевс распростер, промыслитель, весы золотые, на них он
Бросил два жребия Смерти, в сон погружающей долгий:
Жребий один Ахиллеса, другой — Приамова сына,
Взял посредине и поднял: поникнул Гектора жребий,
Тяжкий к Аиду упал; Аполлон от него удалился.

А Эсхил всю свою трагедию на эту тему сделал сказочной, назвал ее «Психостасия» и поставил у весов с одной стороны Фетиду, с другой — Эос, которые просят за своих враждующих сыновей. Всякому ясно, что вымысел и выдумка в этой трагедии предназначены для того, чтобы доставить удовольствие слушателю или поразить его.

А вот стихи:

Зевс всемогущий, который меж смертными браней решитель [20].

Или:

Всегда для смертных божество вину создаст,
Когда захочет с корнем погубить их род [21].

Подобные вещи поэты пишут в соответствии со своими убеждениями и взглядами. Такое обманчивое представление о богах и незнание божественных вещей они несут нам и распространяют среди нас.

И все же почти ни от кого не ускользает, что много вымысла и лжи, словно отрава в пище, примешано ко всем этим описа-

ниям ужасов подземного царства, в которых нагромождения страшных слов порождают в слушателе фантастические образы огненных рек, неприступных и диких мест, жестоких наказаний.

Ни Гомер, ни Пиндар, ни Софокл не были убеждены, что это на самом деле именно так, когда писали, например, следующее:

Там бесконечный мрак исходит из глубин
Безжизненных потоков ночи вековой [22].

Или:

Мимо Левкада скалы и стремительных вод Океана
Шли они... [23]

Или:

Теснины Гадеса и зыби мрачных вод... [24]

А все те, кто считал смерть чем-то скорбным, а непогребение ужасным, говорили так:

Да не сойду я в Аид неоплаканным, непогребенным.

Или:

Тихо душа, излетевши из тела, нисходит к Аиду,
Плачась на жребий печальный, бросая и крепость и юность [25].

Или:

Так рано не губи меня! Смотреть на свет
Мне сладко: ты мне взор под землю обратил [26].

Все эти мысли свойственны тем, кого убедили ложные мнения и кто попал в плен обмана. Тем более такие мысли влияют на нас, смущая душу, наполняя ее страхом и бессилием, от которого они исходят. А к этому прибавим опять же старую, избитую мысль, что поэзии нет дела до правды. Более того, правда в этих вещах весьма трудно уловима и трудно постигаема, даже для тех, кто ничем иным не занимается, кроме изучения и познания действительности. Они сами признаются в этом. Очень подходят сюда слова Эмпедокла:

Это незримо для глаз человеческих, скрыто для слуха,
Непостижимо умом... [27]

Или, например, слова Ксенофана [28]:

Не было ни одного мудреца, да и впредь не родится
Тот, кто бы знал о богах все то, что я здесь излагаю.

Этого же вопроса, я уверен, касаются и слова Сократа, как передает их Платон: именно, Сократ клянется, что человеческое знание в этой области невозможно [29].

3. Мы привлечем внимание юноши еще больше, если, вводя его в чтение поэтических произведений, определим поэзию как искусство подражательное, подобное в этом отношении искусству живописи. Юноша должен слушать не только те известные слова, которые нам уже надоели, а именно, что поэзия — звучащая живопись, а живопись — немая поэзия. Юноше следует еще и внушать мысль, что, когда мы видим изображение ящерицы, обезьяны, лица Терсита [30], мы наслаждаемся и восхищаемся не красотой, а сходством. В действительности ведь безобразное не может превратиться в красивое. А удачное подражание заслуживает похвалы независимо от того, воспроизводит ли оно дурное или прекрасное. Напротив, если изображение уродливого тела окажется прекрасным, оно не будет соответствовать ни действительности, ни своему назначению. Некоторые изображают нелепые и преступные вещи, как, например, Тимомах — убийство детей Медеей, Феон — убийство Орестом матери, Паррасий — притворное безумие Одиссея, Хайрефан [31] — необузданное распутство женщин и мужчин. В таких случаях следует юношу приучать к мысли, что одобрения заслуживает не то, чему подражают, а само искусство. Если оно правдоподобно воспроизводит действительность. Нередко поэзии приходится рассказывать путем воспроизведения о дурных делах, о порочных страстях, об испорченных нравах: то, что воспроизведено удачно и вызывает восхищение, следует считать не прекрасным и правдивым, но соответствующим и подходящим лишь данному действующему лицу. Когда мы слышим хрюканье свиньи, скрип ворота, шум ветра, нам бывает неприятно, и нас раздражает это. Но если кто-то удачно воспроизводит эти звуки, как, например, Парменон, подражая свинье, или Феодор [32] — звукам ворота, мы испытываем наслаждение. Болезненного и нездорового человека мы избегаем, как зрелища, которое удовольствия нам не доставляет; но при виде Иокасты Силания и Филоктета Аристофонта [33], изображенных в момент гибели, мы восхищаемся.

Читая о шутовских выходках Терсита, о корыстолюбце Сизифе, о том, что говорит и проделывает сводник Батрах [34], юноша должен учиться ценить искусство и способность подражания, а воспроизводимые события и поступки — порицать и презирать. Подражать хорошему и подражать хорошо — не одно и то же. Подражать хорошо — значит воспроизводить точно и сообразно предмету. В таком случае дурные вещи дают и уродливые изображения. Так, сапоги хромого Демонида [35], хотя он и желал, чтобы они пришлись вору по ноге, оказались для всех негодны, и только ему одному были впору.

Возьмем такие примеры:

Неправедный поступок, если нужен он,
Всегда прекрасней ради власти совершить.

Или:

Все, что захочешь, делай, лишь бы честным слыть —
И не покинет счастье дом твой никогда.

Или:

Дают приданого талант... Я ль откажусь?
Как буду жить, коль я талантом пренебрег?
Смогу ли спать спокойно, деньги упустив?
Пожалуй, и в Аиде я не искуплю
Вины, так оскорбив серебряный талант!

Слова низкие, полные лжи, но для Этеокла, Иксиона [36] и старого ростовщика подходящие! Так вот следует напоминать юношам, что поэты пишут такие вещи не потому, что они одобряют и ценят это, но потому, что эти нелепые и дурные слова должны исходить из уст людей дурных и безнравственных. И тогда молодежь не будет превратного мнения о поэтах.

Наоборот, если действующее лицо изображено с недостатками, это представит в плохом свете все его слова и дела, так как говорить и поступать дурно свойственно людям дурным. Это относится, например, к рассказу Гомера, как Парис, убежав из битвы, пришел к Елене [37]. Ведь поэт не изобразил никого из других людей, проводящим время с женщиной средь бела дня. Он показал, что такая невоздержанность свойственна только разнузданному и развратному человеку.

4. В этих местах особенно надо обращать внимание, объясняет ли сам поэт слова своих действующих лиц, выражая таким образом свое порицание. Так сделал Менандр в прологе к «Таиде» [38]:

Красотку помоги, богиня, мне воспеть,
Чтоб в ней смешались дерзость с обаянием,
Чтоб оскорбляла часто воздыхателей
И, не любя, искусно притворялась бы.

Лучше всего таким приемом пользуется Гомер. А именно, осуждение он предпосылает порочным речам, а одобрение — хорошим. Заранее хвалит он, например, так:

С словом приятно-ласкательным он обратился к царевне [39].

И еще:

К каждому он подходил и удерживал кроткою речью.

А осуждая что-либо заранее, Гомер выражает таким образом почти запрещение использовать и обращать внимание на эти порочные и нелепые вещи. Например, перед тем, как описать безжалостное обхождение Агамемнона со жрецом, он говорит:

Только царя Агамемнона было то не любо сердцу;
Гордо жреца отослал (и прирек ему грозное слово).

Это грубо, жестоко и противно обычаю. В уста Ахилла, наоборот, он вкладывает слова дерзновенные:

Грузный вином, со взорами песьими, с сердцем еленя!

выразив предварительно собственное суждение:

Но Пелид быстроногий суровыми снова словами
К сыну Атрея вещал и отнюдь не обуздывал гнева.

Ведь нет ничего прекрасного в гневных и резких словах. То же можно сказать и об изображаемых поступках:

Рек,— и на Гектора он недостойное дело замыслил:
Ниц пред Патрокла одром распростер Дарданиона в прахе.

Гомер хорошо пользуется порицаниями, точно так же давая этим собственную оценку тому, что говорится и происходит. Например, о прелюбодеянии Ареса он заставляет говорить богов так:

Злое не впрок; над проворством здесь медленность верх
одержала.

О надменности Гектора:

Так, возносясь, восклицал он; прогневалась мощная Гера.

О стрельбе из лука Пандара:

Так говоря, безрассудного сердце Афина подвигла[40].

Такие места, где автор откровенно высказывает собственное мнение, может увидеть каждый внимательный человек. В других случаях эти оценки поэты выражают самими поступками действующих лиц. Так, например, передают ответ Еврипида тем, кто осуждал его Иксиона, как нечестивого и преступного: «Все-таки я увел его со сцены не раньше, чем пригвоздил к колесу!»

У Гомера есть вот какой вид скрытых наставлений. Не без пользы тщательно исследует он мифы наиболее порочного содержания. Некоторые философы искажают эти мифы, толкуя их по-своему[41]. Под влиянием того, что раньше называлось скрытым смыслом, а теперь аллегорией, они говорят, что Афродиту, когда ее соблазнил Арес, указало солнце, и что звезда Ареса, сошедшись со звездой Афродиты, создают развратные поколе-

ния людей, а скрыться от восходящего и заходящего солнца эти звезды не могут. В наряде Геры, надетом ею ради Зевса, и обольщении супруга волшебным поясом Афродиты они хотят видеть какое-то очищение воздуха, близкое к природе огня, как будто сам Гомер не объяснил это.

В мифах об Афродите поэт учит тех, кого это касается, что скверная музыка, гнусные песенки и развратные слова делают нравы распущенными, образ жизни — презренным, а мужей учат любить роскошь, изнеженность и сожительство с женщинами:

Свежесть одежд, сладострастные бани и мягкое ложе.

Поэтому и Одиссей приказывает кифареду:

...Теперь о коне деревянном,
Чудном Эпеоса с помощью девы Паллады созданье,
Спой нам... [42]

На этом примере Гомер ясно показывает, что поэтам и музыкантам следует черпать материал для своих сочинений из того, что содержит в себе мудрость и здравый смысл.

В мифах о Гере прекрасно показано, что связь с мужчинами и ласки, вызванные при помощи зелий, заклинаний и уловок, не только мимолетны и ненадежны, но оборачиваются враждой и гневом, когда утихает страсть.

Зевс обращается к Гере с такими угрозами:

В помощь ли злобе твоей и любовь и объятия были,
Коими ты, от богов удаляя, меня обольстила [43].

Ведь изображение на сцене и описание злодеяний, окончившихся ущербом и позором для преступника, не вредит, а приносит пользу слушающему.

В самом деле, для наставлений и воспитания философы пользуются образцами, которые им доставляет жизнь, а поэты для тех же целей сами придумывают примеры и сочиняют сказки. Так, Мелантий [44] то ли в шутку, то ли всерьез, говорил, что город афинян долго спасала смута и распря среди ораторов. В таких случаях обычно не бывает, чтобы все тянули в одну сторону. Наоборот, разногласие правителей порождает какое-то сопротивление тому, что приносит ущерб государству. Так и противоречения поэтов, внушая к себе недоверие, не дают большого перевеса вредному началу. Если в одних и тех же местах поэты явно противоречат самим себе, следует соглашаться с лучшим, как например:

Дитя, во многом боги для людей враги.
— Идешь путем ты легким: обвинять богов.

И еще:

Ликуй — богатства много, о другом забудь.
— Жить лишь одним богатством — тупоумие.

И еще:

Зачем терпеть страданья? Лучше умереть.
— Труда нет никакого почитать богов [45].

В подобных случаях опровержения порочных мыслей с полной ясностью выступят перед нами, если, как сказано выше, мы научим юношей отличать хорошее от плохого. А все нелепости, вслед за которыми нет их опровержений, следует сводить на нет при помощи того, что сказано самим же автором в других местах в противоположном смысле. При этом не следует сердиться и негодовать на поэта: он ведь применяется к характеру своих действующих лиц и отдает дань шутке.

Возьмем, к примеру, гомеровские выдумки: боги друг друга сбрасывают с Олимпа, между ними происходят тягчайшие ссоры, их ранят люди.

Мог ты совет и другой, благотворнейший, всем нам
примыслить!

Клянусь Зевсом, в других местах ты мыслишь правильнее и говоришь лучше:

...мирно живущие боги [46].

Или:

Там для богов в несказанных утехах все дни пробегают [47].

Или:

Боги судили всесильные нам, человекам несчастным,
Жить на земле в огорченьях: боги одни беспечальны [48].

Это — здравые и правдивые суждения о богах, а все иное выдумано, чтобы поражать воображение людей. Например, у Еврипида мы находим:

Так боги, превзошедши силою людей,
Обманывать умеют их софизмами.

Тогда неплохо привести и такие его слова:

Они не боги, коль от них исходит зло [49].

Это уже лучше.

На слова Пиндара, полные озлобления и горечи, «уничто-

жить врага надо всеми способами», можно ответить: «А сам-то ты говоришь:

У радости, несправедливо полученной,
Очень печальный конец»[50].

И Софоклу, когда он говорит:

Доход приятен и неправдой нажитый,—

можно возразить: «Да ведь от тебя же мы слышали:

От слов, где есть неправда, толку вовсе нет».

Вот, например, что сказал тот же Софокл о богатстве:

В доступные места и недоступные
Богатство проникает ловко, без труда,
А бедняку желанной цели не достичь,
Хоть и близка порою: превратит молва
Красивого — в урода, дурня — в мудреца.

Этому многое противоречит у него же:

Бедняк достоин также уважения.

Или:

Других не хуже нищий, если разум есть.

Или:

...От многих благ
Нет радости, коль рождены они
Богатством, гнусно приобретенным[51].

А Менандр несомненно поднял на высоту стремление к удовольствиям полными тщеславия, пламенными, прославляющими любовь словами:

Все, что живет на свете, видя солнца блеск,
В плену у наслаждений...

Но в то же время он снова обратил нас и увлек к прекрасному, снова уничтожил дерзкую разнузданность, сказав:

Позорна жизнь в разврате, хоть утех полна[52].

Эти слова противоречат первым, но они лучше и приносят больше пользы.

Одним словом, такое сравнение и толкование противоположных по смыслу мест приведет к тому, что слушающий или возьмет для себя только хорошее или хотя бы утратит веру в авторитет того, что плохо. А если сами поэты не опровергают свои нелепости, слушающим неплохо сопоставить с их словами высказанное другими знаменитыми людьми, и взвесив, как на весах, и те и другие мысли, выбрать лучшее.

Так, например, на некоторых производят впечатление такие слова Алексида [53]:

Мудрец пусть все увидит удовольствия,
Но силы животворной только три из них:
Питье, еда, любовь. А на все прочее
Смотреть он должен как на дополнение.

При этом следует напомнить, что Сократ говорил обратное, а именно, что дурные люди живут ради того, чтобы есть и пить, а хорошие пьют и едят, чтобы жить.

Кто-то написал: «По отношению к подлому подлость — не бесполезное оружие». Этот человек советует в некотором роде уподобляться подлецам, и ему можно возразить словами Диогена [54]. Последний, когда его спросили, что нужно сделать, чтобы отразить врага, сказал: «Стать благородным».

Слова Диогена можно использовать и против Софокла, который множество человеческих душ наполнил унынием, написав о таинствах следующее:

Счастливы трижды те из смертных, кто ушел
В Аид, обряды таинств увидать успев;
В Аиде сносно пребыванье лишь для них,
Для прочих это — лишь одни мучения [55].

Диоген, услышав слова примерно такого же смысла, сказал: «Что это значит? Вор Патэкион посвящен в таинства,— значит, после смерти он получит лучший удел, чем Эпаминонд!» [56].

А Тимофею, когда он пел в театре и назвал Артемиду менадой, неистовой жрицей Феба, Кинесий [57] в ответ крикнул: «Тебе бы такую дочь!». Остроумно и замечание Биона по поводу слов Феогнида [58]:

Бедности бремя несущий свершить ничего не умеет,
Также и слова сказать: связан язык у него.

Мудрец как бы ответил поэту: «Так что же ты, бедняк, столько болтаешь и уже надоел нам?»

5. Не следует также упускать повод и для тех объяснений, которых требуют отдельные мысли или все произведение в целом. Врачи уверены, что ножки и крылья шпанской мушки, хотя бы и мертвой, помогают и придают силы больному [59]. И в поэзии, если отдельное слово или целая фраза скрывают от нас истинную мысль поэта, надо на это тотчас обращать внимание и тут же объяснять. Некоторые так и поступают. Вот, например, Гомер говорит:

Нам, земнородным страдальцам, одна здесь надежная почесть:
Слезы с ланит и отрезанный локон волос на могиле [60].

Или:

Боги судили всесильные нам, человекам несчастным,
Жить на земле в огорченьях [61].

Ведь горестную жизнь боги дают в удел не всем людям, а одним только безрассудным и глупцам. Поэт не говорит об этом прямо. Но под «страдальцами» и «несчастными» он подразумевает именно тех, кто жалок и ничтожен из-за своей порочности.

6. Другой способ исправления заключается в том, чтобы толковать двусмысленные места поэтических произведений в хорошую, а не в плохую сторону. При этом надо приучать юношу к употреблению обыкновенных слов, а не к так называемым глоссам [62]. Конечно, знание некоторых вещей приятно, да и свидетельствует об учености. Например, что слово ῥιγεδανή означает «причиняющий трагическую смерть», так как македоняне «смерть» называют δάνος, что победа у этолян именуется καμμονία от слов ἐπιμονή — «выносливость» и καρτερία — «твердость», что дриопы [63] зовут демонов πόποι. Но если мы хотим получить пользу, а не вред от поэтических произведений, полезно и необходимо знать, как поэты употребляют имена богов, названия пороков и добродетелей, что́ подразумевают они под словами «судьба» — τύχη и «участь» — μοῖρα, и употребляются ли эти названия у поэтов в одном значении или в разных, как и многое другое. Так, «домом», они называют то жилище («дом с высокой крышей»), то имущество («гибнет мой дом!»), «жизнью» — то самую жизнь:

...ее острие обессилил,
В жизни героя врагу отказав Посейдон черновласый [64],

то деньги:

...жизнь мою проедают другие [65].

И ἀλύω — «волноваться» означает то «страдать, томиться»:

Рек,— и она удаляется смутная, с скорбью глубокой [66].

то «ликовать, радоваться»:

...Иль, осилив
Бедного Ира, так поднял ты нос,— берегися однако [67].

Слово θοάζειν одни, как Еврипид, употребляют в значении «быстро двигаться»:

Плывущий кит по зыби Атлантической [68],

другие, наоборот, в значении «быть неподвижным, сидеть», как Софокл:

О деда Кадма юные потомки,
Зачем сидите здесь у алтарей?[69]

Приятно находить объяснение словам в соответствии с тем моментом, когда они употребляются, если эти слова, как учат грамматики, принимают различные значения, по ходу действия. Например:

Меньший хвали корабль, а на больший взваливай грузы[70].

У некоторых поэтов αἰνεῖν — «хвалить» значит «высказывать похвалу», а у Гесиода ἐπαινεῖν — «хвалить» заменяет слово «отказываться». Так и в повседневной жизни мы говорим: «Ну и прекрасно!» или «Покорно благодарю!», когда мы чего-либо не хотим и не принимаем. И Персефону называют Ἐπαινή — «Достойная похвалы» в смысле «Грозная».

Поэтому одновременно с наблюдением за выбором слов и разнообразием их значений в наиболее серьезных и важных местах поэтических сочинений нам следует начать обучение юношей с упоминаний имен богов. Мы объясним, что поэты пользуются этими именами, то намекая на самих богов, то имея в виду некие жизненные силы, которые созданы и управляются богами. Например, Архилох[71] говорит:

Внемли, владыка Гефест, пред тобой преклонил я колена,
Будь милосерд, помоги, дай все, что можешь ты дать.

Ясно, что он призывает самого бога. Но когда он оплакивает мужа сестры, погибшего в море и лишенного обряда погребения, и говорит, что перенес бы это несчастье более стойко,

Если бы пряди кудрей и тело прекрасное в белом
Саване мощный Гефест охватил, укрывши от взоров,—

то здесь он имеет в виду не бога, а огонь.

И опять, если Еврипид произносит клятву:

Арей кровавый, звезды, Зевс — свидетели![72] —

он называет самих богов.

А из слов Софокла:

Смотрите, женщины, слепой Арес смешал,
Свинье подобно, беды и несчастья все[73],—

можно понять, что речь идет о войне.

Точно так же можно уловить, что Гомер подразумевает оружие, когда говорит:

Коих черную кровь по брегам пышноструйного Ксанфа
Бурный Арей разлиял, и в Аид погрузились их души.

Кроме всех этих примеров следует знать и помнить, что именем «Зевс» или «Дий» поэты называют то самого бога, то судьбу, то рок. Так:

Мощный Зевес, обладающий с Иды, преславный, великий! [74]

Или:

О Зевс, кто может счесть себя мудрей, чем ты? [75] —

говорят они о самом божестве.

Но если они называют Дия в числе причин всех явлений и говорят:

Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным
Птицам окрестным и псам... [76],

они подразумевают рок.

Ведь поэт не думает, что божество злокозненно по отношению к людям, он лишь правильно изображает необходимый ход событий. Он показывает, что городам, воинам и полководцам, если они поступают разумно, определено счастье и победа над врагом, а тем, кто предается страстям и порокам, как ахейцы под Троей, тем, кто затевает распрю и впадает во вражду, даны в удел позор, душевные муки и бесславный конец.

За помыслы плохие как возмездие
Пожать плохую жатву смертным суждено [77].

Так и Гесиод, рассказывая, как Прометей учит Эпиметея.

...чтобы дара
От Олимпийского Зевса не брать никогда, но обратно
Тотчас его отправлять... [78]

употребляет имя Зевса в значении судьбы. Он называет дарами Зевса преходящие блага — богатство, брак, власть и вообще все внешнее, то, что приобретать бессмысленно людям, не умеющим этим разумно пользоваться. Поэтому, по мнению Гесиода, ничтожному и безрассудному Эпиметею следует всячески остерегаться благополучения как несущего вред и гибель.

Также людей не дерзай попрекать разрушающей душу
Гибельной бедностью: шлют ее людям блаженные боги.

В этом случае он называет дарами богов то, что дано судьбой. Поэтому стыдно порицать тех, кому суждена бедность; порицания и презрения заслуживает тот, кто беден из-за лени, изнеженности, расточительства. Люди еще не знали самого слова «судьба», когда они постигли могучую силу бесконечного ряда причин, произвольно действующих всюду, силу, перед которой человеческий ум беззащитен. Эту силу стали называть именами богов. Так и теперь мы имеем обыкновение называть демоническими и божественными события, нравы и даже, клянусь Зевсом, слова и людей. Следует исправить многое из того, что нелепо сказано о Зевсе. В том числе, например:

Две глубокие урны лежат перед прагом Зевеса
Полны даров: счастливых одна и несчастных другая.

Или:

Наших условий высокоцарящий Кронид не исполнил,
Но, беды совещающий, нам обоюдно готовит
Битвы... [79]

Или:

А случилось то в самом начале
Бедствий, ниспосланных богом богов на троян и данаев [80].

В этих местах говорится о судьбе и роке, так как причина событий непостижима и вообще мы не в силах ее изменить. Мы считаем, что следует называть богов их настоящими именами там, где это уместно, разумно и вошло в привычку, как, например, в следующих местах:

Он и другие ряды обходил ратоборцев ахейских,
Их и копьем, и мечом, и огромными камнями бьющий;
Но с Аяксом борьбы избегал, с Теламоновым сыном:
Зевс раздражился бы, если б он с мужем сильнейшим
сразился [81].

Или:

Для смертных Зевс печется только о большом,
Все малое оставил он другим богам [82].

Следует также очень внимательно относиться и к другим названиям, применяемым поэтами в зависимости от множества различных обстоятельств и употребляемым в разных значениях. Таково, например, слово «добродетель». Оно не только прилагается к людям разумным, справедливым и добрым, но также в известной мере обозначает славу и авторитет, с чем согласны поэты. Для сравнения вспомним, что «маслина» и «фига» полу-

чили названия от деревьев, их приносящих. А в сочинениях поэтов можно найти следующее:

Но добродетель от нас отделили бессмертные боги
Тягостным потом... [83]

Или:

В час сей ахеяне силой своей разорвали фаланги [84].

Или:

Коль выпал жребий умереть, прекрасна смерть,
Для тех, кто прожил добродетельную жизнь [85].

Читая это, пусть юноша думает, что здесь говорится о лучшем и божественном начале в нас, под которым мы понимаем хорошее направление ума, остроту мысли и гармоничное состояние души. А если юноша прочтет такие строки:

Доблесть же смертных властительный Зевс и величит и малит.

Или:

Вслед за богатством идут добродетель с почетом [86],

он не должен, раскрыв рот от изумления, смотреть на богачей и думать, будто они покупают добродетель за деньги, а также не должен полагать, что во власти судьбы отнять или прибавить человеку разума. Юноше следует понять, что поэт употребил слово «добродетель» вместо слов «слава», «авторитет», «благополучие» или чего-либо подобного этому. Ведь и словом κακότης — «зло» поэты иногда обозначают порочность или распущенность души, как, например, Гесиод:

Зла натворить, сколько хочешь, совсем немудреное дело [87],

а иногда какую-то злосчастность и неудачливость, как Гомер:

...в несчастии люди стареются скоро [88].

Было бы ошибкой думать, что поэты употребляют слово «благоденствие» в таком же смысле, как и философы, подразумевающие в этом случае приобретение всех жизненных благ, обладание ими и даже совершенство жизни, наиболее близкой к природе. Нет, поэты часто пользуются разнообразными значениями этого слова и называют благоденствующим или счастливым богатого, а славу и авторитет — «благоденствием». В прямом значении употребляет это слово Гомер:

С тех пор и все уж мои мне сокровища стали постылы.

Также и Менандр:

Владею многим я, и все меня зовут
Богатым,— но счастливым не зовет никто [89].

А Еврипид вносит большой беспорядок и смятение словами:

В моей печальной жизни благ не надо мне.

Или:

Ты тираннию чтишь, а знаешь ли, что в ней
С несправедливостью блага переплелись? [90]

Читающий это избежит путаницы только в том случае, если обратит внимание на метафоры и на изменение значений слов. Итак, об этом довольно.

7. Не один, а много раз следует напоминать и показывать юношам, что, с одной стороны, поэзия как подражательное искусство использует прикрасы и блеск для изображения событий и нравов, а, с другой стороны, она стремится к правдивости, потому что подражание успешно лишь тогда, когда оно убедительно. Поэтому, если подражание не пренебрегает правдой окончательно, оно воспроизводит присущее вещам сочетание порочности и добродетели. Таково, например, подражание Гомера, весьма резко опровергающее учение стоиков, которые говорят, что в добродетели не может быть ничего дурного, а в порочности ничего хорошего, что невежда всегда поступает неправильно, а мудрец никогда ни в чем не ошибается. Именно это мы слышим в школах. Но на самом деле, в жизни, получается по Еврипиду:

Отдельно не родится ни добро, ни зло,
Всегда они в смешенье... [91]

Если же поэзия лишена правды, она использует в очень большом количестве вещи разнородные, допускающие много толкований. Ведь именно внезапные перемены вносят в мифы возвышенное, чудесное, неожиданное,— то, что влечет за собой и величайшее потрясение и огромное удовольствие. А в гладком течении событий нет ни высоких чувств, ни полета фантазии. Вот почему у поэтов не бывает так, чтобы те же самые люди во всем побеждали, постоянно были счастливы и всегда поступали правильно. Мало того, даже богов, которые соприкасаются с делами человеческими, поэты изображают способными к страданиям и ошибкам, чтобы впечатляющая сила поэзии не дремала, если только ей ничто не угрожает и не противодействует.

8. А раз все это так, пусть юноша, приобщаясь к поэзии, не думает при славных и великих именах прошлого, будто люди были мудрыми и справедливыми, а цари — великодушными

и к тому же образцами всяческой добродетели и праведности. Юноше может повредить, если он будет все их поступки оценивать как великие и восхищаться ими, ничем не возмущаясь, ничего не слыша и не зная об их порочных словах и деяниях, как например:

Если б, о вечный Зевес, Аполлон и Афина Паллада,
Если б и Трои сыны, и ахеяне, сколько ни есть их,
Все истребили друг друга, а мы лишь, избывшие смерти,
Мы бы одни разметали троянские гордые башни.

Или:

Громкие крики Приамовой дочери, юной Кассандры,
Близко услышал я: нож ей во грудь Клитемнестра вонзала
Подле меня...

Или:

...молила
С девою прежде почить, чтоб стал ненавистен ей старец,
Я покорился и сделал.

Или:

Зевс, ни один из бессмертных подобно тебе не злотворен! [92]

Итак, пусть юноша не будет притворно-послушным и хитрым, пусть у него не появится привычка хвалить подобные вещи, прибегая к уверткам и выдумывая оправдания в объяснении дурного. Напротив, пусть он убедится, что люди, жизнь и нравы, воспроизводимые поэзией, не совершенны, не чисты, не безупречны во всех отношениях, в них сталкиваются чувство и разум, ложь и незнание, хотя в силу врожденной склонности к добру часто берет перевес лучшее.

Такое воспитание и образ мыслей сделают чтение поэзии для юноши безвредным, так что при хороших словах и делах он будет испытывать подъем и воодушевление, а дурное вызовет в нем отвращение и негодование. Но тот, кто считает все для себя приемлемым, кто всем восхищается, кто бывает ослеплен именами героев, тот, подобно подражателям сутулости Платона или шепелявости Аристотеля [93], незаметно для себя станет восприимчивым ко множеству дурных вещей. Юноше не нужно трусости или благоговейного страха, словно в храме: о правильном и пристойном, о неправильном и непристойном он должен привыкнуть судить равным образом безбоязненно и прямо. Так, например, Ахилл созывает собрание из больных воинов, негодуя, что война затянулась, и особенно, что сам он пользуется известностью и славой среди войска. Но так как он знаком с врачебным искусством, по прошествии девятого дня — срок, когда болезнь можно

определить,— он убеждается, что недуг не обычен и возник не от обыкновенных причин. Тогда, поднявшись, Ахилл обращается за советом не ко всему собранию, а к одному Агамемнону:

Должно, Атрид, нам, как вижу, обратно исплававши море,
В домы свои возвратиться, когда лишь от смерти спасемся.

Это правильно, скромно и как подобает. Но когда порицатель говорит, что боится гнева сильнейшего из эллинов, Ахилл поступает неправильно и дерзко, клятвенно обещая, что, пока он жив, никто не поднимет руку на Калхаса, и добавляет:

...хотя бы назвал самого ты Атрида.

Этим он показывает пренебрежение и презрение к царю. Затем в порыве сильного раздражения Ахилл хватается за меч с намерением пронзить царя. Это безобразно и бессмысленно. Но передумав, он

...огромный свой меч в ножны опустил, покоряся
Слову Паллады...

Это опять-таки правильно и красиво: будучи не в силах подавить окончательно вспышку гнева, все же, прежде чем сделать что-нибудь необдуманно, он остановился и сдержал свой дух, подчинив его рассудку.

Речи и поступки Агамемнона на собрании смешны. А в том, что касается Хрисеиды, он более преисполнен достоинства и более царствен. Ведь когда увели Брисеиду,

Бросил друзей Ахиллес, и, далеко от всех, одинокий
Сел у пучины седой...

Агамемнон, напротив, без всяких гнусностей и откровенных проявлений любви сам поднялся на корабль, чтобы передать и отослать пленницу, которую, как он говорил незадолго до этого, он ставил в мыслях выше, чем супругу. И Феникс, проклятый отцом из-за наложницы, рассказывает вот что:

В гневе убить я отца изощренною медью решился;
Будет в народе молва, и какой мне позор в человеках,
Ежели отцеубийцей меня прозовут аргивяне! [94]

И действительно, Аристарх, испугавшись, изъял эти строки [95]. Но это оправдано по отношению к данному моменту, так как Феникс объясняет Ахиллу, каким бывает гнев, на что отваживаются люди в состоянии невменяемости, не обращаясь к разуму и не внемля уговорам. Также и Мелеагра Гомер изображает разгневанным на своих сограждан, а затем успокоенным [96]. Он правильно порицает страсти и хвалит как нечто прекрасное и при-

носящее пользу умение не поддаваться порывам, противостоять им, владеть собой и обдумывать свои поступки.

В этих примерах очевидно разное отношение поэта к изображаемому им. Но где мысль его неясна, там следует нам самим найти это различие, объясняя его юноше примерно следующим образом. Вот Навзикая увидела чужеземца Одиссея. Если такие же чувства, как у Калипсо, возникли и у этой избалованной девушки, которой пора выходить замуж, и она по глупости разбалтывает об этом служанкам:

О, когда бы подобный супруг мне нашелся, который,
Здесь поселившись у нас, навсегда захотел бы остаться,

ее следует порицать за дерзость и распущенность. Если же она, узнав из речей незнакомца его характер и восхищаясь его остроумной находчивостью, предпочитает быть его супругой, чем супругой любого из своих сограждан, какого-нибудь матроса или музыканта, этому следует радоваться. И когда Пенелопа разговаривает с женихами не неприветливо, а они дарят ей одежды, золото и другие украшения, Одиссей радуется:

Было приятно ему, что от них пожелала подарков [97].

Если он радуется подаркам как прибыли, он превосходит в сводничестве Полиагра, часто изображаемого в комедиях:

Зевса козу кормить, в дом богатство несущую,
Счастлив был Полиагр [98].

Но если он думает, что ему будет легче справиться с женихами, когда они ослеплены надеждой и не предвидят будущего, его дерзость и радость обоснованны. Так же и с подсчетом вещей, которые феаки погрузили к нему на корабль при отплытии. Если на самом деле Одиссей боится за имущество, очутившись в полном одиночестве и неизвестности:

Цело ли все, не украли ль чего в корабле быстроходном? [99] —

клянусь Зевсом, его корыстолюбие вызывает жалость, доходящую до отвращения. Однако некоторые говорят, что Одиссей, сомневаясь, действительно ли он находится в Итаке, думает, что сохранение богатства есть доказательство честности феаков: ведь не затем везли они его на корабле, чтобы безвозмездно высадить в чужой стране и оставить, не прикоснувшись к вещам. В этом случае ход его мыслей правильный, и дальновидность достойна похвалы. А иные порицают Одиссея за то, что он спал во время высадки. Рассказывают при этом, что у тирренцев [100] есть предание, будто Одиссей от природы был сонлив и поэтому часто не могли его добудиться. Есть и такие, которые считают, что он вовсе и не спал, но, с одной стороны, стыдясь отослать феа-

ков без прощальных подарков, а с другой стороны, будучи не в состоянии скрыться от врагов, если бы они оказались близко, прибегнул к уловке и притворился спящим. За это он достоин одобрения.

Ставя в пример такие толкования, мы не должны допускать, чтобы мысли молодых людей получили дурное направление. В юношах надо пробуждать стремление к лучшему, чтобы они к месту и хвалили и порицали, отдавая должное таким образом и хорошему и плохому. Особенно это важно при чтении трагедий, в которых убедительные и меткие слова относятся к делам бесславным и позорным. Не совсем верно говорит Софокл:

> От дел плохих исходят гнусные слова [101].

А между тем как раз он-то и соединяет обыкновенно испорченные нравы и безобразные поступки с юмором и смягчающими вину обстоятельствами. А его товарищ по сцене, как ты знаешь, изобразил Федру, упрекающую Тезея в том, что из-за его несправедливости возникла ее противозаконная страсть к Ипполиту [102]. Точно такая же дерзость по отношению к Гекубе приписана в «Троянках» Елене, которая думает, что больше всех следует наказать Гекубу за то, что она родила Париса [103]. При таких отступлениях юноше следует не улыбаться, так как в этом вовсе нет ни остроумия, ни тонкости, а привыкать к мысли, что беспорядочных слов надо остерегаться нисколько не меньше, чем разнузданных поступков.

9. Во всех случаях полезно еще и отыскивать причину каждого высказываемого положения. Так, например, Катон [104] в детстве исполнял все, что ни прикажет воспитатель, но всегда хотел знать причину и объяснение приказания. Так и поэтам не следует повиноваться, словно учителям или законодателям, если их слова не имеют смысла. Но смысл содержится в том, что приносит пользу, а приносящее вред должно быть признано пустым и напрасным. Тем не менее многие настойчиво требуют объяснения таких мест, как например:

> Также в то время, как пьют, черпака на кратерную чашу
> Не помещай никогда.

Или:

> Кто ж в колеснице своей на другую придет колесницу,
> Пику вперед уставь [105].

В то же время более серьезные вещи они принимают на веру, не исследуя их.

> И самый смелый рабски клонит голову,
> Стыд матери припомнив и клеймо отца.

Или:

В несчастьи скромность не должна покинуть нас [106].

И все же эти места могут повлиять на характер и нарушить спокойную жизнь, внушая дурные суждения и неблагородные мысли, если мы не будем отвечать на каждую фразу в соответствии с нашим образом мыслей. Почему человек, попавший в несчастье, должен ходить с поникшей головой, а не, наоборот, противостоять судьбе, оставаясь гордым и несломленным? Почему, если я — потомок негодного отца, то моя добродетель не дает мне повода гордиться, а из-за преступности отца я должен быть униженным и забытым? Тот, кто встречает это и отвечает, как полагается, не поддастся всякому слову, как ветру. Тот, кто уверен в правоте слов: «Не умеющий мыслить от каждого слова приходит в ужас», будет избавлен от вредного влияния многого, сказанного неправильно и впустую. А для такого человека чтение поэзии уже безопасно.

10. Но нередко, подобно плоду, затерянному в листьях лозы и в молодых побегах, полезная и нужная часть поэзии скрыта в поэтических выражениях и затуманивающих все мифах. Ни терпеть, ни избегать этого нельзя. Напротив, ко всему, что ведет к добродетели и может сформировать характер, надо относиться очень внимательно.

Неплохо вкратце коснуться самого предмета, разобрав в общих чертах суть дела и предоставив пространные толкования, уловки и нагромождения примеров тем, кто стремится показать свою ученость. Итак, сначала пусть юноша разберется в положительных и отрицательных персонажах и характерах данного произведения, а затем уже обращает внимание на слова и поступки, которыми поэт соответственно наделил каждое действующее лицо. Так, Ахилл говорит Агамемнону, хотя и в гневе:

Но с тобой никогда не имею награды я равной,
Если троянский цветущий ахеяне град разгромляют.

А Терсит поносит Агамемнона следующими словами:

Кущи твои преисполнены меди, и множество пленниц
В кущах твоих, которых тебе, аргивяне, избранных
Первому в рати даем, когда города разоряем [107].

Опять же Ахилл:

Если дарует Зевс крепкостенную Трою разрушить.

И Терсит:

в искупление сына,
Коего в узах я бы привел, иль другой аргивянин? [108]

Когда Агамемнон при обходе войска порицает Диомеда, этот последний молчит:

...Ни слова царю Диомед не ответствовал храбрый,
Внемля с почтеньем укоры почтенного саном владыки.

А какой-то Сфенел возразил:

Нам, о Атрид, не неправдуй, тогда как и правду ты знаешь,
Мы справедливо гордимся, что наших отцов мы храбрее [109].

Если юноша постоянно будет обращать внимание на разницу в словах и поступках изображаемых людей, это научит его относиться к скромности и умеренности как к ценным свойствам души, а самонадеянности и хвастовства остерегаться как дурного. В приведенном месте полезно рассмотреть поведение и Агамемнона. Мимо Сфенела он прошел молча, а возмущение Одиссея не оставил без внимания и заговорил:

Гневным узрев Одиссея, осклабился царь Агамемнон,
И, к нему обращаясь, начал он новое слово [110].

Ведь оправдываться перед всеми — несолидно и недостойно; а презирать всех — признак надменности и глупости. Всего лучше в подобных обстоятельствах поступает Диомед, который, слыша во время битвы оскорбления царя, молчит, а после битвы осмеливается заговорить с ним:

Храбрость мою порицал ты недавно пред ратью ахейской [111].

Хорошо также отметить разницу между мудрым человеком и тщеславным предсказателем. Калхант, например, не задумавшись, удобно ли это, в присутствии многих стал несправедливо порицать царя за то, что тот якобы навлек на войско болезнь. Другое дело Нестор. Он хочет замолвить слово о примирении с Ахиллом, но так, чтобы в глазах воинов это не было осуждением Агамемнона, который, дав волю гневу, совершает ошибку. Поэтому Нестор говорит:

Пир для старейшин устрой: и прилично тебе и способно...
Собранным многим, того ты послушайся, кто между ними
Лучший совет присоветует... [112]

И после обеда он посылает к Ахиллу послов. Это — исправление ошибок изображаемых людей, а случай со жрецом — порицание их и обвинение.

Следует еще рассмотреть, чем отличаются друг от друга по характеру греческие племена. Троянцы бросаются в атаку с криком, в безумной отваге, а ахейцы

...молчат, почитая начальников [113].

Ведь если воины уже одержали победу над врагами и при этом не вышли из повиновения, это признак храбрости, а вме-

сте с тем и воздержанности. Поэтому Платон внушает, что следует бояться позорных поступков и упреков за них в большей мере, чем трудностей и опасностей, а Катон [114] говорил, что людям бледнеющим он предпочитает людей краснеющих. Даже и обещания имеют свои особенности. Долон обещает так:

> Стан от конца до конца я пройду и к судам доступлю я,
> К самым судам Агамемнона [115].

А вот Диомед ничего не обещает, но говорит, что боялся бы меньше, если бы его послали вместе с кем-нибудь другим. Предусмотрительность свойственна утонченным натурам эллинов, а безрассудное дерзание и удальство — дурным людям и варварам. И к первому надо стремиться, второе — отвергать.

Не менее полезно обратить внимание на чувства троянцев и в частности Гектора, когда Аянт собирается вступить с ним в единоборство. На Истмийских играх, когда кого-то из участников ударили в лицо и среди зрителей поднялся крик, Эсхил, находившийся там, сказал: «Что за обычай! Те, кто смотрит, кричат, а те, кого бьют, молчат». Так и Гомер говорит, что греки радостно приветствовали сверкающего доспехами Аянта:

> Но троянину каждому трепет вступил во все члены;
> Даже у Гектора сердце в могучей груди содрогалось [116].

Кого не порадует это различие? У того, кто подвергается действительной опасности, клянусь Зевсом, только сердце колотится, как у борца перед состязаниями, а зрители — те и бледнеют и трясутся от страха за царя и сочувствия к нему.

И, наконец, следует коснуться контраста лучшего и худшего. Терсит —

> Враг Одиссея и злейший еще ненавистник Пелида,
> Их он всегда порицал...

Аянт, напротив, дружески расположенный к Ахиллу, говорит о нем Гектору так:

> Гектор, теперь ты узнаешь, один на один подвизаясь
> В рати ахейской земли, каковы и другие герои
> Есть, без Пелида, фаланг разрывателя, с львиной душою!

И это как будто похвала Ахиллу. Но вот что говорит Аянт в пользу остальных:

> Нас же, ахеян, которые выйти с тобою готовы,
> Много таких... [117]

Аянт показывает, что он не единственный и не самый лучший, а такой же, как и многие, которые могут выступить в единоборстве.

На этом можно было бы кончить наши рассуждения о контрастах, но следует добавить, что много троянцев попало в плен живыми, а из ахейцев никто. И некоторые троянцы покорились врагам, как например Адраст, сыновья Антимаха, Ликаон [118], сам Гектор, просящий Ахилла о погребении. А из греков никто не подвергся этой участи. Как будто умолять и быть побежденным — дело варваров, а греки могут лишь побеждать в сражении или умирать.

11. На лугах и пастбищах пчела ищет цветы, коза — зеленые побеги, свинья — корни, а иные животные — семена и плоды. Также и в чтении поэтических сочинений один тщательно исследует содержание, а другого целиком захватывает красота слов и их расположение, как Аристофан говорит об Еврипиде:

> Я речи закругленность у него беру [119].

А есть и такие, которые считают полезными рассуждения о морали. Именно к ним теперь и обращена наша речь. Напомним им тот замечательный факт, что от любящего сказки не скроется необычное и новое в рассказе, что ученого-филолога не минует соответствие изложенного правилам грамматики и риторики. Также человек с чувством собственного достоинства и любящий добродетель, а поэтому читающий поэзию не ради забавы, а в целях воспитательных, не станет вяло и невнимательно слушать то, что говорится о храбрости, мудрости, справедливости, вроде таких слов:

> Что, Диомед, мы стоим и забыли воинскую доблесть?
> Шествуй сюда ты и стань близ меня: нестерпимый позор нам,
> Если у нас корабли завоюет божественный Гектор [120].

Юноша станет тем более восприимчивым к добродетели, если увидит, что очень разумный человек, находясь под угрозой погибнуть вместе со своими соратниками, боится не смерти, а стыда и позора.

В таком случае и стих:

> Был ей (Афине) приятен поступок разумного юноши,—

допускает такое толкование: богиню радует в человеке не сила, не красота и не богатство, а разум и справедливость. Также, когда она говорит, что не презирает и не покинет Одиссея:

> Мне невозможно в несчастье покинуть тебя: ты приемлешь
> Ласково каждый совет, ты понятлив, ты смел в
> исполненьи [121],—

она дает понять этим, что из человеческих качеств лишь одна добродетель — божественное начало в нас,— и угодна богам, раз так устроено, что все стремится к своему подобию. Подавление

в себе гнева — великое дело. И это не только кажется нам, но и на самом деле так. Однако осторожность и предусмотрительность, ограждающие нас от того, чтобы не впасть в гнев и не сделаться его рабами,— нечто большее. А раз это так, то на некоторые факты мы должны указывать читателю не мимоходом, а обстоятельно. Например, Ахилл, не будучи ни сдержанным, ни кротким, убеждает Приама не раздражать его и вести себя спокойно:

Старец, не гневай меня! Разумею и сам я, что должно
Сына тебе возвратить. От Зевеса мне весть приносила
Матерь моя среброногая, нифма морская Фетида.
. . . . . .
Или страшись, да тебя, невзирая, что ты и молитель,
В куще моей я не брошу и Зевсов завет не нарушу [122].

Затем, прежде чем показать Приаму обезображенного сына, Ахилл приказывает омыть и убрать Гектора; он собственноручно кладет тело на повозку:

Он опасался, чтоб гневом не вспыхнул отец огорченный,
Сына узрев, и чтоб сам он тогда не подвигнулся духом
Старца убить или нарушить священные Зевса заветы.

Такая дальновидность достойна восхищения. Человек суровый, горячий, легко поддающийся гневу, не лицемерит, а всеми силами остерегается того, что может раздражить его, и стремится предусмотреть на возможно бóльшее время все обстоятельства, чтобы не стать рабом страсти. Это следует усвоить и тому, кто любит выпить, и тому, кто предается любви. Например, Агесилай не позволил, чтобы пришедший к нему красавец-мальчик поцеловал его, а Кир не осмелился увидеть Панфею [123]. А между тем люди невоспитанные выискивают средства, разжигающие страсть, и потворствуют этим самым своей невоздержанности и дурным наклонностям. И Одиссей, поняв из слов Телемаха, что тот настроен по отношению к женихам враждебно и нетерпимо, не только сам воздерживается от гнева, но еще и сыну приказывает быть спокойным и сдержанным:

...Когда там ругаться
Станут они надо мною в жилище моем, не давай ты
Милому сердцу свободы, и чтоб б ни терпел я, хотя бы
За ногу вытащен был из палаты и выброшен в двери,
Или хотя бы в меня чем швырнули — ты будь равнодушен [214].

С людьми, склонными к порывам и способными на безрассудство, поступают так же, как с конями, которых взнуздывают не во время бега, а перед состязаниями. Таких людей предупреж-

дают о последствиях и разумными доводами охлаждают их пыл, а затем уже пускают на борьбу.

Следует вникать даже в смысл отдельных слов, но при этом надо отвергнуть игру Клеанфа[125]. А он действительно шутит, делая вид при этом, что толкует такие выражения, как—

Мощный Зевс, обладающий с Иды

Или:

Зевс, повелитель Додоны[126].

Клеанф приказывает читать второе как одно слово, потому что (будто бы он так думает) воздух, поднимающийся от земли, и есть ἀναδωδωναῖος. И Хрисипп часто занимается чепухой. Правда, он не шутит, но неубедительно предается пустословию, превращая «далеко зрящего Кронида»[127] в ловкого собеседника, все побеждающего силой своей речи. А лучше, предоставив все это грамматикам, обращать больше внимания на то, в чем содержится полезное и убедительное:

Сердце мне то запретит: научился быть я бесстрашным.

Или:

...доколе дышал, приветен со всеми
Быть он умел...[128]

Ведь тот, кто показывает, что храбрость есть наука, и кто считает, что знание вместе с разумом порождает в нас дружелюбное отношение к людям, учит нас не пренебрегать собой. Мы должны познавать прекрасное и внимательно относиться к тем, кто нас убеждает, что неумение держать себя и трусость есть не что иное как недостаток знаний и невежественность.

К этому очень подходит то, что Гомер говорит о Зевсе и Посейдоне:

Оба они и единая кровь и единое племя;
Зевс лишь Кронион и прежде родился и более ведал[129].

Ведь поэт показывает здесь разум как божественное и царящее надо всем начало, в котором он видит величайшее превосходство Зевса, считая, что другие добродетели подчинены разуму.

Следует также учить юношу прислушиваться и к таким словам:

Лжи он, конечно, не скажет, умом одаренный великим.

Или:

Что, Антилох, ты сделал, всегда рассудительным слывший?
Славу мою помрачил и коней у меня ты расстроил.

Или:

Главк, и таков ты будучи, так говоришь безрассудно!
Мыслил, о друг, я доныне, что разумом ты превосходишь
Всех населяющих землю пространной державы Ликийской [130].

Слушающий должен заключить из этого, что разумные люди не лгут, не прибегают к увертками в сражениях, не обвиняют других незаслуженно. А рассказывая, как Пандар по собственной глупости поддался уговорам нарушить клятву, поэт несомненно хочет сказать этим, что разумный человек так не поступил бы.

Подобные примеры можно привести и о мудрости, если обратить внимание юноши на следующее:

С юношей Прета жена возжелала, Антия младая,
Тайной любви насладиться; но к жаждущей был непреклонен
Чувств благородных исполненный, Беллерофонт непорочный.

Или:

Прежде самой Клитемнестре божественной было противно
Дело постыдное — мыслей порочных она не имела [132].

Этим поэт хочет сказать, что даже целомудрие есть следствие мудрости. А к сражениям он побуждает примерно так:

Стыд, о ликийцы! Бежите? Теперь вы отважными будьте!

Или:

...Опомнитесь, други! Представьте себе вы
Стыд и укоры людей! Решительный бой наступает!

Видимо, Гомер наделяет мудрых и храбростью, потому что они стыдятся гадких поступков, а также могут пренебречь удовольствиями и противостоять опасностям.

Неплохи и строки Тимофея [133]. Этот поэт, движимый теми же чувствами, что и Гомер, обращается к грекам в своей поэме «Персы»:

Честь уважайте, она в сраженье отваге поможет.

А Эсхил вводит в понятие разума еще скромное отношение к славе, отсутствие кичливости и заносчивости, когда многие хвалят. Он пишет об Амфиарае [134]:

Он хочет быть, а не казаться праведным,
Он из борозд глубоких сердца жатву жнет,
И в нем решенья созревают добрые.

Ведь именно разумный человек может гордиться самим собой и своим образом мыслей — тем, что в нем действительно лучше всего.

Итак, принимая разум за основу всего, поэт показывает, что всякая добродетель может быть достигнута обучением и воспитанием.

12. Пчела в силу природного инстинкта выискивает в душистых цветах очень сладкий и очень нежный мед. Так и дети, если они будут правильно воспринимать поэтические произведения, так или иначе научатся извлекать нужное и полезное даже из тех мест, которые дают повод к нелепым и дурным подозрениям. Подозрителен, например, поступок Агамемнона: он позволил богатому человеку, который подарил ему Эфу, не участвовать в походе:

> Дал, чтоб ему не идти на войну под ветристую Трою,
> Но наслаждаться спокойствием дома: богатством от Зевса
> Был одарен он великим... [135]

Правильно сделал, говорит Аристотель, тот, кто предпочел хорошую лошадь такому человеку. Клянусь Зевсом, такой слабый, трусливый, изнеженный, избалованный богатством человек стоит не более осла или собаки. Также некрасивым представляется нам и поступок Фетиды, когда она зовет сына к удовольствиям и напоминает ему о любовных наслаждениях [136]. Но и в этом месте следует обратить внимание на воздержанность Ахилла: несмотря на то, что он любит вернувшуюся к нему Брисеиду и знает, что конец его жизни близок, он не спешит вкусить наслаждений. Оплакивая друга, Ахилл не предается бездействию, как многие другие в этом случае, и не отказывается от своих обязанностей. Печаль удерживает его от наслаждений, но зато в делах войны он деятелен и неутомим.

Не заслуживает похвалы и Архилох [137], который, грустя о погибшем в море муже сестры, все же хочет разогнать печаль вином и весельем. Однако объяснение его не лишено смысла:

> Слезы мои ничего не поправят, и хуже не будет,
> Если предамся любви и наслажденью пиров.

Если Архилох считал, что он ничего плохого не делает, проводя время на пирах и празднествах, то мы и подавно должны быть довольны своим времяпрепровождением, так как мы занимаемся философией и государственными делами, идем то в Академию, то на площадь или обрабатываем землю.

Поэтому изменения, которые вносили в тексты трагедий Антисфен и Клеанф [138], не так уж плохи. Первый, увидев, какое волнение в театре среди афинян вызывает стих Еврипида:

> Позора нет, коль я его не нахожу
> В своем поступке... [139]

сейчас же переделал:

Позор позорен,— видишь ты его иль нет.

А Клеанф вот что сказал о богатстве. Стих:

Друзьям дать денег и недуги излечить
Расходами... [140]

он изменил так:

Дать денег девкам и недуги накопить
Расходами.

Зенон [141], исправляя слова Софокла:

Явившийся к тиранну станет рабствовать,
Хотя бы не рабом, свободным был рожден,—

написал:

Рабом уже не станет, кто свободным был.

Так Зенон показывает, что человек, не знающий страха, великодушный, бодрый духом, и человек свободный — одно и то же. Что же мешает нам звать юношей к лучшему при помощи подобных мыслей? Надо пользоваться текстом примерно так:

Достойно зависти, когда стрела забот
Желанной цели достигает у людей [142],—

не годится, а следует поправить:

...когда стрела забот
Полезной цели достигает у людей.

Ведь достижение желаемого и обладание им, если оно не приносит пользы, заслуживает не подражания, а сожаления.

Иль ты мнил, на бессменное счастье тебя,
Агамемнон, родил повелитель Атрей?
Боги смертнорожденному в долю дают
Лишь с печалями счастье [143].

Клянусь Зевсом, мы скажем не так. Если ты достиг того, что тебе определено судьбой, так что ни горе, ни радость не коснутся тебя больше, тебе следует радоваться, а не печалиться:

Иль ты мнил, на бессменное счастье тебя,
Агамемнон, родил повелитель Атрей?
. . . . . .
О ужас! Боги людям насылают зло:
Лишь зная о хорошем, дурно поступать [144].

Нет, это не так. Видеть для себя путь добродетели, но идти по стопам дурного из-за изнеженности и безволия — удел людей жалких, неразумных, подобных животным.

Волнует нрав, не слово говорящего [145].

Это не совсем верно: волнует и речь и характер, а еще лучше — характер посредством речи, как всадник управляет при помощи узды, а рулевой — при помощи кормила. Ведь у добродетели нет более естественного и приятного для людей средства, чем слово.

Мысль:

С кем дружен он, с мужчиной или с женщиной?
За красотой идет он в обе стороны

лучше было бы выразить так:

За мудростью идет он в обе стороны.

Это правильнее и пристойнее. А тот, на кого действуют красота и удовольствие, порочен и неустойчив.

Богов знаменья страшны даже мудрецам,—

так нельзя читать ни в коем случае. Надо:

Богов знаменья храбрость мудрым придают [146].

Страх следует оставить людям грубым, глупым и не умеющим мыслить, потому что причину, начало и внутреннюю силу всякого блага они встречают подозрительно, как нечто, приносящее вред.

Вот какого рода должны быть исправления поэтических текстов.

13. Употребление слов в широком смысле правильно показал Хрисипп. А именно, он считает, что полезные мысли следует распространять не на один предмет, а применять ко многим похожим обстоятельствам. Так, если Гесиод говорит:

Если бы не был сосед твой дурен, то и бык не погиб бы [147],—

он говорит этим то же самое и о собаке, и об осле, одним словом, обо всех животных, которые могут погибнуть подобным образом.

И под словами Еврипида:

Найдется ль раб, что смерти не боялся бы? [148]

следует подразумевать, что это сказано им также о трудностях и болезнях. Врачи, например, изучив силу лекарства, пригодного для одной болезни, расширяют границы его действия и пользуются им во всех близких случаях. Также и любую мысль в поэ-

тических произведениях нельзя рассматривать в связи с чем-то одним; надо применять ее ко всем подобным обстоятельствам, приучая так юношей видеть общее и быстро переходить к частному, чтобы на этих многочисленных примерах вырабатывалась и развивалась острая восприимчивость.

Тогда, читая слова Менандра:

Счастливец тот, кто и разумен, и богат[149],—

юноши правильно отнесут их к славе, авторитету, силе слова.

Другой пример. Одиссей упрекает Ахилла, сидящего среди скиросских девушек:

Ты гасишь светоч славы рода своего,
Сын лучшего из греков, сидишь с веретеном[150].

Это можно применить и к распутному, и к корыстолюбивому, и к легкомысленному, и к невоспитанному:

Сын лучшего из греков, без удержу ты пьешь.

Равным образом можно подставить «играешь в кости», «сбиваешь перепелов»[151], «торгуешь в лавке», «занимаешься ростовщичеством». Разве это занятия, требующие высокого полета мысли и достойные человека благородного происхождения? Или возьмем такие слова:

Молчи — я богом Плутоса не назову:
Его достигнет и негодный ведь легко.

А нельзя ли сказать то же и о славе, красоте, одежде полководца, жреческом венке — одним словом, обо всем том, чего достигают также и худшие люди?

У трусости родятся гнусные плоды,—

но, клянусь Зевсом, тоже и у распущенности, у суеверия, у зависти и у всех других недугов души. Лучше всего говорит Гомер:

Гнусный Парис и внешне красивый[153].

Или:

С прекрасной наружностью Гектор!

Поэт показывает, что тот, у кого нет ничего лучше внешней красоты, достоин осуждения и порицания. Это надо распространить на подобные явления, препятствуя чрезмерной заносчивости некоторых людей и приучая юношей считать оскорбительным и постыдным, если к кому-нибудь обращаются, например, так: «Ты, превзошедший всех богатством!», «Ты, первый в пирах!», «Ты, более всех прославившийся детьми!», «Ты, у кого

больше всего скота!» и уж, конечно, «Ты, самый способный гладко говорить речи!».

Ведь стремиться к высшей степени, занимать первое место и быть великим в величайшем надо только в области прекрасного. А слава, возникшая от мелких и дурных дел, ничтожна и недостойна почета. Как внимательно следует относиться к порицаниям и похвалам, напоминают нам примеры, приведенные очень кстати в гомеровских поэмах. Особого внимания заслуживает мысль, что не следует придавать большого значения внешности и преходящим качествам. Во-первых, герои Гомера в обращениях и приветствиях не называют друг друга «красивый», «богатый» или «сильный», но пользуются другими словами, чтобы выразить почтительность:

Сын благородный Лаэрта, герой, Одиссей многоумный!

Или:

О, Ахиллес Пелейон, величайший воитель ахейский!

Или:

О, Менетид благородный, о друг, любезнейший сердцу.

Также и бранят они друг друга, не касаясь внешних качеств, но обращая внимание на порочность нравственную:

Грузный вином, со взорами песьими, с сердцем еленя.

Или:

Спорщик первейший, Аякс злоречивый!

Или:

Но и всегда ты лишь праздно болтаешь; тебе неприлично
Здесь пустословить: и лучше тебя здесь присутствуют мужи.

Или:

Праздные звуки, Аякс! велеречишь огромностью гордый.

И, наконец, Терсита Одиссей называет не «хромым», «плешивым» или «кривым», а несущим вздор; к Гефесту мать обращается ласково, говоря о его хромоте:

В бой, хромоножка! Бросайся, о сын мой! [154]

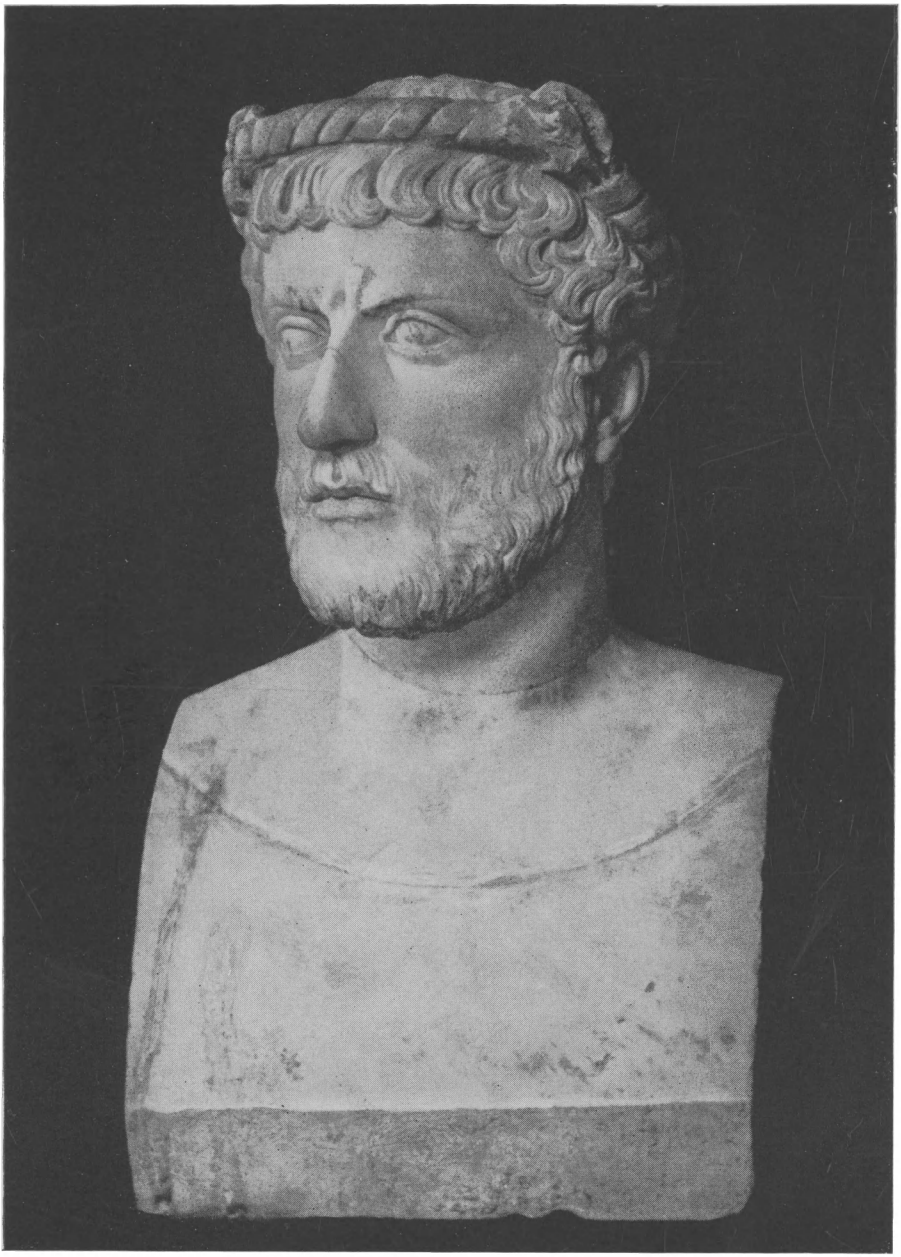
Так Гомер осмеивает тех, кто стыдится хромоты или слепоты. По его мнению, невозможно порицать то, что вовсе не позорно или что позорно не по нашей вине, а потому, что так устроено судьбой.

И вот люди, привыкающие внимательно слушать поэзию, обладают двумя преимуществами: во-первых, это чувство меры, то

Поэт

Обломок стенки саркофага. Римская работа.

Голова победителя на играх

Первая половина II в

есть умение никого не задевать жестокими и бессмысленными упреками за то, что дано судьбой, а во-вторых, это — сила души, которая заключается в том, чтобы, находясь в беде, не вешать голову и не впадать в смятение, а кротко переносить и язвительные насмешки и оскорбления, хорошо помня при этом слова Филемона [155]:

Что более приятно и утончено,
Чем в силах быть любую брань перенести?

Если же кто-нибудь покажется явно достойным порицания, следует обратиться к его ошибкам и страстям, подобно тому, как в трагедии Адраст на слова Алкмеона:

Убившей мужа братом ты приходишься,—

ответил:

Убийца матери, тебя родившей, ты! [156]

Находятся люди, которые, когда им случается сечь кого-либо, бьют по платью, не касаясь тела. С ними можно сравнить тех, кто порицает других за неудачливость или низкое происхождение, суетно и безрассудно нападая на внешнее и обходя душу, а следовательно, и то, что как раз требует резкого осуждения и исправления.

14. В предыдущих главах мы противопоставляли слова и мысли славных и занятых государственной деятельностью людей дурным и вредным стихам, чтобы пресекать и уничтожать доверие к последним. Так и теперь надо остановиться на том, что мы нашли изящного и полезного в этих стихах, развивая и подкрепляя свои мысли примерами и свидетельствами из философии.

Ведь если доверие приобретает силу и авторитет, то правильно и полезно, чтобы все, что говорится со сцены, что поется в сопровождении лиры или что произносится как упражнение в риторской школе, согласовалось с мыслями Платона и Пифагора и приводило к положениям Хилона и Бианта [157], которыми наставляют юношей. Поэтому не будет лишним привести такие примеры:

Милая дочь! Не тебе заповеданы шумные брани.
Ты занимайся делами приятными сладостных браков.

Или:

Зевс раздражился бы, если б он с мужем сильнейшим
сразился [158].

Это нисколько не отличается по смыслу от слов «познай самого себя».

Дурни не знают, что больше бывает, чем все, половина.

Или:

Зло на себя замышляет, кто зло на другого замыслил [159],—

то же самое, что говорит Платон в «Государстве» и в «Горгии», а именно, что «поступать несправедливо хуже, чем испытывать несправедливость самому» и совершать зло более вредно, чем терпеть страдания. К словам Эсхила:

Будь бодр! Предел страданий времени лишен! [160] —

следует добавить, что то же самое высказано и Эпикуром: «большие страдания быстро проходят, а долго длящиеся — ничтожны». Первая половина этой мысли ясно выражена Эсхилом, а вторая следует из сказанного им. Ведь если большое и сильное страдание непродолжительно, то длящееся — невелико и терпимо.

Смотри на Зевса: величайший из богов
Лжи чужд, насмешек также, слов пустых;
Но он один не знает наслаждения.

Чем эти слова Феспида [161] отличаются от слов Платона «божественное далеко от печали и наслаждения»? [162] А то, что сказал Вакхилид [163]:

Лишь благородство славу верную создаст,
Богатством же и трус распоряжается,—

близко к мысли Еврипида:

Почтенней мудрости не знаю ничего:
Она — всегдашний спутник доблестных людей.

Или, например, следующее:

Вы добились этой почести, думая,
Что богатство увеличит вашу добродетель.
Но став благородными, вы не станете счастливыми [164].

Разве это не подтверждает то, что говорят философы о богатстве и о прочих внешних благах, бесполезных и бессмысленных без добродетели для обладающих ими.

Такая общность и связь с философией уводит поэзию от сказочности и театральности, придавая значение словам, содержащим полезное, и побуждает юношу к занятиям философией. Юноша приступает к этим занятиям уже не будучи совершенным невеждой. Он не будет без разбора вмещать в себя то, что он слышал от матери, няньки, даже от отца и воспитателя. Ведь все эти люди почитают и считают счастливыми богатых, страшно боятся трудностей и смерти, называют жалкими добродетель и все то, что совершается без славы и денег. И когда молодые

люди слышат все это, отрицающее слова философов, сначала их охватывает ужас, страх, смятение, если они не приучены стойко выдерживать подобное и не пытаться бежать от отраженного света и слабого блеска правды, смешанной с поэтическим вымыслом. Так бывает с теми, кому после глубокой тьмы предстоит увидеть солнце. Юноши могут прочесть в поэтических произведениях:

Навстречу многим бедам новорожденный
Пришел — его оплачем, а умершего,
Чьи муки кончены, проводим с радостью.

Или:

Что надо человеку кроме двух вещей —
Даров Деметры и обильных влаги струй?

Или:

Ты, тиранния, варваров любимица!

Или:

У тех из смертных в счастье недостатка нет,
Кто меньше всех с невзгодами знаком [165].

И прочтя это, они в меньшей степени испытают смущение и затруднение, если услышат от философов: «Смерть для нас ничто», или «Богатства природы ограничены» [166], или «Блаженство и счастье заключается не во множестве богатств, не в удачном ведении дел, не во власти, не во влиятельности, а в отсутствии печалей, в безмятежности и в духовной гармонии с природой».

Из этого, а также из ранее сказанного понятно, что хорошее руководство в чтении необходимо юноше для того, чтобы никто его не осуждал предвзято: ведь получив предварительную подготовку, он перейдет от поэзии к философии, уже любя эту науку и чувствуя в ней себя как дома.

СРАВНЕНИЕ АРИСТОФАНА С МЕНАНДРОМ

1. Если говорить в общем и целом, бóльшие преимущества на стороне Менандра. А по частностям можно прибавить еще вот что. У Менандра нет напыщенности, искусственности и грубости, свойственных Аристофану. Поэтому простолюдин и невежда, к кому обращается Аристофан, бывает пленен им, а об-

разованному человеку это не нравится. Я имею в виду противопоставления, рифмы [1] и каламбуры.

Менандр ими пользуется кстати, умеренно и со смыслом, Аристофан невпопад, не зная меры и бессодержательно.

Ведь он заслуживает похвалы, говорят, за то, что он утопил тамиев [казначеев], которые были на самом деле не тамиями, а ламиями [2].

Вот еще примеры из его сочинений:

Ведь это дует Кекий, ветер клеветы [3];

или:

По брюху бей его кишками, требухой [4];

или:

От смеха я, пожалуй, и до Гел дойду [5];

или:

Что делать мне с тобой, несчастье-амфора,
Плод остракизма? [6]

или:

Он, жены, по-мужицки грубо нас ругал;
Ведь сам он вырос на мужицких овощах [7];

или:

Что если вдруг султаны молью съедены? [8]

или:

— Подай сюда мой круглый щит с Горгоною![9]
— Пирог мне круглый с сырною начинкою!

И действительно, у него в сочетаниях слов есть трагическое, комическое, гордое, низменное, туманные общие места, возвышенное и величественное, вздор и тошнотворная болтовня. Речь, заключающая в себе такие несогласованности и несоответствия, не бывает характерной для каждого действующего лица в отдельности. Я утверждаю, что, например, царю приличен стиль высокий, оратору — выразительный, женщине — простой, человеку среднему — обыденный, участнику народного собрания — площадной.

Аристофан, словно по жребию, распределяет между действующими лицами случайно попавшиеся ему слова, и невозможно узнать, говорит ли сын или отец, крестьянин или бог, старуха или герой.

2. А речь Менандра так отполирована и обладает такой соразмерностью, что кажется однородной, хотя она сопутствует многим чувствам и нравам. В применении к различным действу-

ющим лицам она сохраняет ровность в употреблении обычных, ходовых слов. Если же случается, что по ходу действия нужно шутовство и громкие речи, звук флейт становится более резким, но скоро мягкими звуками он успокаивает голос и ставит его на место.

Несмотря на то, что было много славных мастеров, ни один сапожник не изготовил обуви, ни один театральный художник не сделал маски, никто не сшил костюма, годных сразу и мужчине, и женщине, и юноше, и старику, и рабу-домочадцу.

Но Менандр так использует речь, что она сообразуется со всяким характером, положением и возрастом. Притом, хотя Менандр начал писать еще юношей, а умер в расцвете сил и таланта, он, по свидетельству Аристотеля, в отношении языка делал огромные успехи по сравнению с другими писателями. И поэтому если кто-либо станет сравнивать первые произведения Менандра со средними и последними, он узнает таким образом, как много мог бы сделать поэт и прибавить к существующим сочинениям другие, если бы прожил дольше.

3. Ведь одни из драматургов пишут для толпы, для черни, другие для немногих, а сказать нечто, составленное из обоих видов поэзии, то, что подходит всем и каждому, нелегко.

Аристофан, конечно, неприятен толпе и невыносим для воспитанных людей. Его поэзия похожа на поэзию уличной девки, в зрелом возрасте подражающей замужней женщине. Самонадеянности ее не выносит толпа, а распущенность и порочность ее вызывают отвращение у почтенных людей. Менандр, напротив, представив поэзию в ее прелести, показал себя в высшей степени своеобразным и на сцене, и в школах, и во время пиршеств, очень близким к тому лучшему, что создала Греция в литературе, в науке и в искусстве спора. Он показал, что собой представляет в действительности искусство речи, являясь всюду с неопровержимой убедительностью, подчиняя себе всю славу и дух греческого языка. Ведь ради кого, как не ради Менандра, пойти в театр образованному человеку? Когда бывает переполнен театр, если показывают комедию? Кто более заслуживает, чтобы сотрапезники уступали, а Дионис[10] давал место за столом? Подобно тому, как живописцы, когда у них устают глаза, обращаются к пестрым и зеленым краскам, Менандр служит отдыхом для философов и ученых от их чрезмерно напряженных размышлений, словно он черпает свои мысли с цветущего луга, богатого тенью и полного благоуханий.

4. Да и хороших актеров-комиков в это время было много в греческом государстве...[11]

Комедии Менандра содержат неиссякаемую и благодатную соль остроумия, как бы порожденную тем морем, из которого родилась Афродита. А соль Аристофана, горькая и шероховатая,

обладает язвительной едкостью. И я не знаю, в чем выражается его трескучее остроумие: в словах или в действующих лицах.

То, что он заимствует, он, безусловно, портит. Интрига у него не поднимается до изящества, а остается в рамках низости; деревенская угловатость не простая, а глупая, забавное вызывает не смех, а насмешку, любовные дела не веселы, а фривольны. Кажется, что этот человек не то, чтобы писал произведения для скромных людей, нет, он расточал свои гнусности и бесчинства для разнузданных, а свое злопыхательство и желчь для завистливых и негодных.

РИМСКИЕ ВОПРОСЫ

1. *Отчего у римлян новобрачную заставляют прикасаться к огню и к воде?*

Может быть, потому, что из этих стихий и начал один знаменует мужское начало, а другая — женское, и первый вносит с собой начало движения, а вторая — силу материи?

Или потому, что огонь очищает, а вода омывает, невеста же должна пребывать чистой и незапятнанной?

Или потому, что как огонь без влаги непитателен и сух, а влага без огня неподвижна и бесплодна, так и мужское и женское начала друг без друга бессильны, соединение же того и другого в браке устанавливает совершенную общность их жизни?

Или потому, что муж и жена не должны покидать друг друга, а должны жить вместе во всякой доле, даже если ничего у них больше не будет, кроме огня и воды?

2. *Отчего на свадьбах зажигают пять восковых факелов, не больше и не меньше?*

Может быть, как пишет Варрон, потому, что у преторов таких факелов было три, у эдилов же больше, а новобрачные зажигали свои факелы именно у эдилов?

Или потому, что из множества чисел, какими мы пользуемся, нечетные считаются и во всем остальном совершеннее и лучше, и для бракосочетания свойственнее всего? Ведь четное число можно разделить пополам, и половины его будут противовесить с равными силами, тогда как нечетное число никак разделить нельзя: всегда при делении останется какая-то часть, общая двум половинам. А из нечетных чисел пятерка для свадьбы подходит больше всего: три есть первое нечетное число, два — пер-

вое четное, и из них, как из мужского и женского начала, складывается пятерка [1].

Или, скорее, потому, что свет есть символ рождения, а женщина может за один раз родить не более пяти младенцев, и поэтому зажигают именно столько факелов?

Или же потому, что считается, что новобрачные нуждаются в покровительстве пяти богов: Зевса совершенного, Геры совершенной, Афродиты, Пейфо и в особенности Артемиды, которую женщины призывают при разрешении и родах?

4. *Почему все святилища Артемиды украшают положенным образом оленьими рогами, и только то, которое на Авентине,— коровьими?*

Может быть, в память о древнем событии? [2] Была, говорят, у сабинца Антрона Корация дивная корова, красотою и ростом превосходившая всех остальных; и один предсказатель объявил ему, что тот, кто принесет эту корову в жертву Артемиде на Авентине, обретет этим для своего города грядущее величие и царство над всей Италией. Антрон отправился в Рим, чтобы совершить это жертвоприношение; но раб его потихоньку сообщил о предсказании царю Сервию, а тот — жрецу Корнелию; и Корнелий велел Антрону перед жертвоприношением совершить омовение в Тибре — такой здесь был закон для всех, приносящих жертвы. Тот пошел омыться; и тогда Сервий поспешно сам принес его корову в жертву богине, а рога ее пригвоздил к стене храма. Так повествуют и Юба [3] и Варрон: только Варрон не называет имени Антрона, и у него обманывает сабина не жрец Корнелий, а храмовый служитель.

5. *Почему, если возвращаются те, кого ложно считали умершими на чужбине, то их не пускают домой в дверь, и они должны спускаться внутрь с крыши?*

Варрон говорит, что причиной тут такое предание. Во время Сицилийской войны была большая морская битва, после которой о многих распространилась ложная молва, будто они погибли. А они вернулись, но немного времени спустя все скончались. Только один из них, входя, обнаружил, что дверь перед ним захлопнулась сама собой и не открывалась, несмотря на все усилия. Здесь, перед дверью, он и заснул; но во сне он имел видение, которое и указало ему спуститься в дом через крышу. Так он и сделал, и был после этого счастлив и долголетен. Отсюда и пошел этот обычай у потомков.

Но посмотрим, не напоминает ли это один обычай у эллинов? Человека, который был похоронен и положен в гробницу как мертвый, эллины считали нечистым, не общались с ним, не подпускали его к жертвоприношениям. И, говорят, один человек по имени Аристин, сделавшись жертвой такого суеверия, послал

в Дельфы спросить бога, как же высвободиться ему из положения, в которое он поставлен обычаем? И пифия сказала:

То, что делает женщина, мучась на ложе родильном,
Сделай и ты, а потом богам соверши приношенья.

Тогда Аристин понял, что он должен дать женщинам омыть себя, как новорожденного, спеленать и приложить к груди и что так должны делать и все другие мнимоумершие. Впрочем, некоторые говорят, что обычай этот древний и что с мнимоумершими так поступали еще до Аристина. Поэтому неудивительно, что и римляне не считают возможным допускать тех, кого уже однажды считали погребенными и причастными смерти, в ту дверь, через которую люди выходят для жертвоприношений и входят после жертвоприношений: они должны переходить снаружи во двор прямо под открытое небо, потому что все очищения положенным образом совершаются под открытым небом.

6. *Почему женщины, здороваясь с родственниками, целуют их?*

Может быть, как полагает большинство писателей, потому, что женщинам запрещено было пить вино, и обычай поцелуя был установлен, чтобы они не могли скрыть нарушения запрета и родственники разоблачили бы их при встрече?

Или, может быть, по той причине, о которой рассказывает Аристотель?[4] Действительно, как кажется, этот смелый поступок, о котором так много говорят и который относят ко многим местам, был совершен в Италии троянками. Когда они причалили и мужчины сошли на берег, женщины подожгли корабли, чтобы положить конец морским скитаниям; но в страхе перед мужчинами они после этого стали своих родственников и близких при встрече и целовать и обнимать. Те смягчились и примирились с ними, а ласка эта так и осталась у них в последующие времена.

Или, может быть, женщинам дано это право, чтобы к ним относились с почетом и уважением, видя, как много у них достойных родственников и близких?

Или же, так как родственникам не дозволено было вступать в брак, любовь у них простиралась лишь до поцелуя, и он остался знаком общности рода? Ведь в старину нельзя было жениться на кровных родственницах, как и теперь — на тетках и сестрах; даже двоюродным родственникам позволено было вступать в брак лишь позднее, и вот по какому случаю. Один человек, бедный, но весьма достойный и уважаемый народом не менее, чем всякий другой гражданин, взял в жены, как утверждали, двоюродную сестру-наследницу и благодаря этому разбогател; на него за это подали в суд, но народ, не разбирая дела, освобо-

дил его от обвинения и принял постановление, разрешавшее вступать в брак всем родственникам до второго колена, но не ближе.

9. *Почему, когда мужья возвращаются из деревни или из путешествия, они посылают предупредить жен о своем прибытии?*

Может быть, это показывает, что муж не подозревает жену ни в каком легкомыслии, тогда как внезапное и неожиданное появление было бы похоже на попытку застичь ее врасплох?

Или мужья спешат обрадовать доброй вестью о себе жен, которые тоскуют о них и ждут?

Или, скорее, они сами жаждут узнать, живы ли дома их жены и тоскуют ли они о мужьях?

Или, может быть, так как у жен в отсутствие мужей бывает много дел и забот по дому, много хлопот и беготни, оттого их и предупреждают, чтобы они, оставив все это, приняли возвращающегося мужа ласково и без суматохи?

14. *Почему на похоронах родителей сыновья покрывают головы, а дочери идут с непокрытой головой и распущенными волосами?*

Может быть, потому, что сыновья должны почитать отца как бога, а дочери — оплакивать как покойника, и таким образом закон каждому полу предписывает дополняющие друг друга проявления скорби?

Или потому, что в горе людям свойственно вести себя необычно, обычно же как раз женщины появляются на людях с покрытой, а мужчины — с непокрытой головой? Ведь и у эллинов при несчастии женщины остригают волосы, а мужчины отпускают, потому что обычно первые носят длинные волосы, а вторые — короткие.

Или, может быть, первая указанная причина[5] относится только к сыновьям? ведь, по словам Варрона, они и над могилами молятся на все стороны, и гробницы отцов чтут, как храмы богов, и над погребальными пепелищами, подняв первую кость, объявляют, что покойник сделался богом. А женщинам в таком случае, может быть, и вовсе не было позволено покрывать голову? Ведь рассказывают, что первым в Риме дал развод своей жене Спурий Карвилий за бездетность, вторым — Сульпиций Галл за то, что увидал ее с плащом, накинутым на голову, третьим — Публий Семпроний за то, что она смотрела на погребальные игры.

15. *Почему Термину, которого считают богом и в честь которого справляют Терминалии, не приносят в жертву ничего живого?*

Может быть, потому, что Ромул не положил римской земле никаких границ, желая, чтобы римляне всегда могли двигаться

вперед, захватывать новые земли и считать своим все, до чего можно достать копьем, по слову спартанца? а Нума Помпилий, справедливый человек, гражданин и философ, положивший границы между своими и соседскими владениями и посвятивший их Термину как хранителю и блюстителю мира и дружбы, рассудил, что такой бог должен быть незапятнан и чист от крови и убийства?

28. *Почему детям запрещают клясться именем Геракла под кровом и заставляют их выходить под открытое небо?*

Может быть, как уверяют некоторые, дело в том, что Гераклу по душе не домашний уют, а жизнь под открытым небом и на вольном воздухе?

Или, может быть, оттого, что среди богов он не изначальный бог, а пришелец и гость? Ведь именем Вакха тоже не клянутся под кровом, потому что это тоже гость среди богов, если точно, что Дионис и Вакх — одно существо.

Или же это говорится детям только в шутку, а на деле, как полагает Фаворин, придумано было лишь как средство удержать их от легкомысленных и опрометчивых клятв? В самом деле, такое условие заставляет их помедлить и дает возможность одуматься. Можно согласиться с Фаворином и в том, что этот обычай относится не ко всем богам, а только к Гераклу, ибо таковы рассказы об этом божестве: говорят, что Геракл был настолько сдержан в клятвах, что за всю жизнь поклялся один только раз — перед Филеем, сыном Авгия. Оттого и пифия попрекнула спартанцев такой клятвой, сказав, что достойнее и лучше держать свое слово без клятв.

34. *Отчего все римляне приносят возлияния и жертвы усопшим в феврале месяце, а Децим Брут, по словам Цицерона, делал это в декабре?* Речь идет о том Бруте, который ходил войной на Лузитанию и первый там перешел со своим войском через реку Лету [8].

Может быть, подобно тому как обычно люди приносят такие жертвы на закате дня и на исходе месяца, вполне разумно для почитания усопших выбирать и конец года, его последний месяц; а декабрь и есть последний месяц года.

Или дело в том, что почитание воздается подземным богам, а срок почитать подземных богов наступает тогда, когда собраны уже все земные плоды? Или же вспомнить о подземных своевременнее всего тогда, когда начинают поднимать землю перед севом?

Или же этот месяц посвящен у римлян Сатурну, а Сатурна причисляют не к небесным богам, а к подземным? Или оттого, что самый большой праздник у римлян — Сатурналии, пора самых веселых пиров и развлечений, и решено было начатки их уделять умершим?

Или же вообще неверно, что один только Брут приносил жертвы в декабре, потому что и в честь Ларенции совершают жертвоприношения и надгробные возлияния в декабре? [9]

35. *Отчего же оказывают такие почести Ларенции, которая была блудницей?*

В самом деле, говорят, что это не та Акка Ларенция, кормилица Ромула, которую почитают в апреле месяце: это — блудница Ларенция по прозвищу Фабула, и известна она вот по какой причине. Был один прислужник в храме Геракла; у него, как водится, много было свободного времени, и он целые дни проводил, играя в кости и в бабки. Однажды случилось, что никого из его обычных товарищей по игре и подобным забавам не оказалось поблизости, и он со скуки предложил самому божеству сыграть с ним в кости на таком условии: если он выиграет, то бог ему окажет какую-нибудь добрую услугу, если же он проиграет, то устроит для бога пир и приведет ему хорошенькую девчонку для развлечения. После этого он бросил кости один раз за себя, другой раз за бога и проиграл. Верный обещанию, он приготовил для бога отличный ужин и пригласил Ларенцию, которая открыто занималась своим промыслом; ее он уложил в храме, а сам запер двери и ушел. И рассказывают, что ночью к ней явился Геракл в своей сверхчеловеческой силе и велел на рассвете отправиться на площадь, подойти к первому встречному мужчине и стать его любовницей. А когда Ларенция встала и пошла, то ей встретился некий Тарруций, человек богатый, холостой и уже преклонных лет. Он ее взял к себе, и пока он был жив, она была хозяйкой в его доме, а когда он умер, стала его наследницей; а когда потом и сама она умерла, то оставила все имение государству и за это получила такие почести.

37. *Отчего из всех приношений богам только отбитые у врага доспехи не пользуются ни почитанием, ни уходом, и их оставляют погибать от времени?*

Может быть, для того, чтобы люди видели, как погибает с давней добычею их слава, и стремились приносить все новые и новые памятники своей доблести?

Или дело в том, что, подновляя и освежая эти самим временем стираемые следы былых раздоров с недругами, люди тем самым поддерживают ненависть и вражду? Ведь и эллины осуждают тех, кто первыми стали ставить трофеи из камня и бронзы.

39. *Отчего те, кто не состоял на военной службе, но находился в лагере, не имели права убивать или ранить неприятеля?* Об этом свидетельствует Катон Старший в одном письме к сыну, где приказывает ему по истечении срока службы оставить войско или же, в противном случае, испросить у полководца право ранить и убивать неприятеля.

Может быть, только необходимость дает право человеку убивать человека, а кто делает это без устава и приказания, тот просто убийца? Потому и Кир похвалил Хрисанта, который готов был убить врага и уже выбил у него меч, но, услыхав, что затрубили отбой, отпустил его невредимым, словно что-то его остановило [10].

Или дело в том, что человек, вступивший в бой и сражающийся, в случае трусости уже не должен быть свободен от взысканий и наказаний? Ведь не столько приносит пользы человек, сразивший или ранивший кого-нибудь, сколько вреда — покидающий строй и бегущий. А человек, отслуживший военную службу, воинским законам уже не подчинен, и только тот, кто испросит дозволения вернуться к воинскому делу, вновь предаст себя уставу и полководцу.

О ДОБЛЕСТЯХ ЖЕНЩИН

В том, что касается женской добродетели, Клея [1], я не согласен с Фукидидом [2]: ведь по его суждению наилучшая из женщин — та, о которой меньше всего говорят чужие, безразлично, в порицание или в похвалу. Иными словами, он полагает, что имя честной женщины, как и она сама, должно таиться под замком и на люди не выходить. Но мне кажется более тонкой мысль Горгия, предписавшего, чтобы женщину знали многие, однако же не в лицо, но будучи наслышаны о ее добронравии. Прекрасным представляется мне и тот римский закон, по которому и женщинам наравне с мужчинами назначено после смерти похвальное слово в меру их заслуг [3]. Вот причина, по которой вскоре после кончины достойнейшей Леонтиды мы вели с тобою немало бесед, причастных философскому утешению. Так и ныне, исполняя твое пожелание, я записал для тебя то, что осталось привести в подтверждение единства и тождественности мужской и женской добродетели, пользуясь при этом историей.

Я не отделывал своего сочинения так, чтобы оно льстило слуху; и все же, коль скоро в самой природе моих примеров заложено свойство не только убеждать, но и доставлять удовольствие, мое рассуждение не оттолкнет помощи, предлагаемой прелестью рассказов, и не убоится

> На помощь музам сладостных харит призвать,
> Прекраснейшим союзом сочетать богинь [4],

как говорит Еврипид, хотя прежде всего оно будет взывать о доверии к той части души, где обитает любовь к нравственно-прекрасному. Скажи, если бы мы выдвигали положение, что мужчины и женщины в равной степени владеют искусством живописи, и в качестве доказательства представили бы выполненные женщинами картины, которые не уступали бы по достоинству апеллесовым, зевксидовым, никомаховым [5],— упрекнул бы нас кто-нибудь в том, что мы скорее воздействуем на чувство, нежели на разум? Не думаю. Ну, а если бы мы в доказательство того, что поэтический или пророческий дар не является одним для мужчин, другим для женщин, но один и тот же и у тех и у других, сравнили бы с песнями Анакреонта — песни Сапфо, а с бакидовыми [6] прорицаниями — сивиллины, смог бы кто-нибудь по справедливости бросить нашему способу доказывать упрек в том, что он вкрадывается в доверие слушателя своей приятностью и завлекательностью? Нет, этого нельзя было бы сказать. Так и для того, чтобы исследовать сходство и различие женской и мужской добродетели, не найти лучшего средства, нежели сопоставлять с жизнью и деяниями одних — жизнь и деяния других, как сравнивают творения большого мастерства, и рассмотреть, одинаковый ли облик и черты имело стремление к великим делам — у Семирамиды и Сесостриса, проворство ума — у Танаквилы и царя Сервия, душевное величие — у Порции и Брута, у Тимоклеи [7] и Пелопида; при этом мы должны смотреть на сходство и силу их доблести в самом существенном. Что же касается до иных, малозначительных различий, вроде тех, какие наблюдаются между оттенками кожи, то они от природы присущи добродетелям разных людей, завися от их нравов, телосложения, пищи и образа жизни. Так, по-своему отважен Ахилл, по-своему — Аянт; одиссеева рассудительность непохожа на несторову, не на один и тот же лад справедливы Катон и Агесилай, и Эйрена в супружеской любви не повторяла Алкестиду, а Корнелия в душевном величии — Олимпиаду [8]. Однако ведь это не причина для того, чтобы признавать множество отличных друг от друга видов отваги, рассудительности и справедливости, коль скоро частные различия не отнимают ни у одной из этих добродетелей присущего ей наименования.

Вещи избитые, которые, как я полагаю, достаточно знакомы тебе по достойным доверия сочинениям, я на этот раз опущу, выбирая лишь то, что заслуживает изложения, но ускользнуло от внимания тех наших предшественников, чьи рассказы пользуются всеобщей известностью. Поскольку же много таких дел, о которых стоит сказать, совершено женщинами сообща, а много — поодиночке, то уместно будет для начала вкратце изложить совместные подвиги.

АРГИВЯНКИ

Никакому другому подвигу, совершенному женщинами сообща, не уступит та борьба за родной город с Клеоменом, которую вели аргивянки по почину поэтессы Телесиллы. Об этой последней сообщают, что она родом была знатна, но телом болезненна: послали вопросить бога о ее исцелении, и прорицание повелело ей служить музам. Она повиновалась божеству и занялась песнями и созвучиями; вскоре она избавилась от недуга и снискала своим искусством восхищение со стороны женщин Аргоса.

Когда спартанский царь Клеомен, перебив множество аргивян (но уж, конечно, не семь тысяч семьсот семьдесят семь человек, как передают иные), пошел на город, единый порыв и свыше внушенная отвага побудили женщин, которые по возрасту были в расцвете сил, сразиться с врагами за отчизну. Под началом Телесиллы они взялись за оружие и заняли посты на стенах, окружив город как бы венком, врагам на изумление. И вот они отразили Клеомена, уложив немало из его воинов. Второго царя, Демарата, который, по словам Сократа [11], ворвался в город и засел в Памфилиаке, они выбили оттуда. Когда город был таким образом спасен, павших в битве женщин они схоронили у Аргосской дороги, а спасшимся было позволено в воспоминание об их подвиге воздвигнуть святилище Эниалия [12]. Что касается самой битвы, то она происходила по одним сведениям — седьмого числа, по другим — в новолуние месяца, который теперь является четвертым и который в старину назывался у аргивян Гермеем. В этот день они и поныне совершают «Обидные» празднества: женщины надевают мужские хитоны и хламиды, а мужчины — женские пеплосы и покрывала.

Недостачу мужчин аргивяне восполнили не за счет рабов, как рассказывает Геродот, но приняли в граждане лучших из числа неполноправных поселенцев и выдали за них женщин. А те, как казалось, ни во что не ставили своих мужей и смотрели на них сверху вниз, как на слабейших. Поэтому был установлен закон, по которому замужняя женщина должна была нацеплять бороду, ложась почивать с мужем.

ПЕРСИДСКИЕ ЖЕНЩИНЫ [13]

Когда Кир поднял персов против царя Астиага и мидян, он проиграл сражение. Персы бежали в город; и вот, когда враги уже готовы были ворваться вместе с ними, навстречу им из городских ворот вышли женщины и, задрав подолы, принялись кричать: «Куда вы бежите, негоднейшие из людей? Туда-то вам уже не укрыться, откуда вы явились на свет!» Персы были пристыжены и этим зрелищем и криками; обругав самих себя, они

повернулись, возобновили сражение и обратили врагов в бегство.

В память об этом, по почину Кира, был установлен закон, чтобы всякий раз, как в этот город будет вступать царь, каждой женщине выдавать по золотому. При этом рассказывают про Оха [14], что он, в придачу ко всем своим порокам и самый жадный из царей, всю жизнь объезжал этот город стороной и ни разу в него не входил, чтобы лишить-таки женщин их подарка. Но Александр вступал в город дважды, и беременных женщин при этом одаривал вдвойне.

МИККА И МЕГИСТО

Аристотим, сев в Элиде тиранном, оставался в силе по милости царя Антигона [15]. Не для добрых и пристойных дел пользовался он своей властью. И сам он имел нрав зверский, и к тому же заискивал из трусости перед варварским сбродом — стражами своей власти и жизни. Много дерзких и кровавых насилий над гражданами он спускал им с рук.

Такого рода беда постигла и Филодема. У него была красавица дочь, по имени Микка; и вот некий предводитель наемников — звали его Левкий,— влекомый скорее наглостью, нежели любовью, возымел намерение овладеть ею. Он послал за ней и велел прийти к нему. Родители, понимая безвыходность положения, посоветовали ей идти. Но дитя их, девушка благородная родом и душою, стала умолять отца, обнимая его и припадая к его стопам, чтобы он лучше согласился на ее смерть, нежели на столь позорное и беззаконное насилие над ее девственностью.

Проходит время; Левкий, обуреваемый похотью и вином, сам в ярости встал и ушел с попойки. Придя и увидев Микку, положившую голову на колени отцу, он велел ей идти с ним. Она не хотела этого делать — он сорвал с нее хитон и бичевал нагую. Она молча переносила страдания; отец и мать, ничего не добившись мольбами и слезами, призывали богов и людей в свидетели того, что над ними совершается дело страшное и беззаконное. Варвар же, окончательно обезумев от бешенства и вина, закалывает девушку, припавшую лицом к груди отца!

Тиранна такие вещи нимало не трогали. Много народу он казнил, еще больше отправил в изгнание; как передают, восемьсот изгнанников бежали к этолийцам и молили, чтобы им помогли увести из-под власти тиранна жен и детей, находившихся еще в младенческом возрасте. Немного времени спустя Аристотим сам объявил через глашатая разрешение женам изгнанников отправиться к мужьям, взяв с собою сколько захотят из приданого. Когда он узнал, что все они приняли указ с радостью,— а именно, желающих оказалось свыше шестисот,— он приказал

идти всем вместе в назначенный день, якобы ради их безопасности. Когда этот день наступил, женщины собрались у ворот, уложив пожитки и взяв детей, кто на руках, кто на телегах, и поджидали друг друга. Внезапно накинулось множество людей тиранна; еще издали они кричали, чтобы те стояли на месте. Приблизившись, они велели женщинам идти назад, а повозки и телеги повернули, направили на женщин и без всякой жалости погнали через толпу. Они не давали женщинам ни идти, ни стоять, ни спасать младенцев — а те погибали, или выпадая из телег, или попадая под колеса. Наемники гнали женщин, как стадо овец, окриками и бичами, валили их друг на друга, пока не загнали всех в темницу. Их добро было отдано в казну Аристотима.

Это вызвало негодование элейцев. Посвятившие себя Дионису женщины, которых называют «Шестнадцать», взяв масличные ветви и повязки божества, вышли на площадь навстречу Аристотиму и, когда копьеносцы почтительно расступились, вначале стояли в молчании, по обряду простирая священные ветви [16]. Когда же выяснилось, что они просят и заступаются за тех самых женщин, тиранн, в ярости выбранив копьеносцев за то, что они допустили жриц подойти к нему, заставил пинками и ударами разогнать их с площади; на каждую он наложил пеню в два таланта.

Когда это произошло, в самом городе начал готовить заговор против тиранна Гелланик, человек уже старый и потерявший двух своих сыновей; поэтому тиранн не обращал на него внимания, считая бессильным. Изгнанники же из Этолии перешли в Элиду, захватили там местность Амимону, удобный оплот для ведения военных действий, и принимали толпами сбегавшихся к ним граждан Элиды.

Устрашенный этим, Аристотим пришел к узницам и, предпочтя действовать угрозами, нежели лаской, приказал написать мужьям, чтобы они ушли из страны. В противном случае он пригрозил всех перерезать, подвергнув истязаниям и убив еще при их жизни их детей. И вот, пока он в течение долгого времени стоял перед ними и требовал ответа, сделают ли они что-нибудь из приказанного, все они ничего ему не отвечали, но молча переглядывались между собою и кивали друг другу в знак того, что нимало не боятся и не устрашены угрозою. А Мегисто, супруга Тимолеонта, из-за своего мужа и благодаря собственной доблести пользовавшаяся авторитетом руководительницы, не сочла должным встать перед ним и другим не разрешила — сидя отвечала она ему: «Будь ты человек разумный, ты не вел бы о мужчинах переговоров с их женами, но послал бы вестника к ним самим, имеющим над нами власть, да придумал бы речь получше той, которой ты обманул нас. Если же ты отчаялся сам

убедить их и потому намерен их опутать с нашей помощью,— не надейся, что мы снова дадимся в обман; ими же да не овладеет такое безумие, чтобы они из жалости к малым детям и женам предали свободу отчизны! Не такая уж беда для них потерять нас,— нас, которых они и так лишены,— но сколь великим благом было бы избавить сограждан от твоей свирепости и наглости!»

Когда Мегисто молвила это, Аристотим, не владея собой, велел привести ее ребенка, чтобы убить на глазах у матери. Когда стражи разыскивали его между другими детьми, резвившимися и боровшимися друг с другом, мать позвала его по имени и крикнула: «Иди сюда, дитя мое, и избавься от горькой тираннии прежде, чем ты научился чувствовать и понимать! Мне горше было бы увидеть твое незаслуженное рабство, нежели смерть». Аристотим извлек меч и в бешенстве бросился уже на нее самое. Однако один из его приближенных, по имени Килон, пользовавшийся его доверием, но на деле ненавидевший его и бывший в заговоре с Геллаником, воспротивился и удержал его, упрашивая и уговаривая, что это было бы неблагородно, по-женски и недостойно-де его власти и опытности. Так он с трудом привел Аристотима в себя, и тот ушел.

Тиранну было великое знамение. Был полдень, он почивал с женой; готовили пир; вдруг в небе показался орел, который кружил над дворцом, а затем, словно с разумным намерением, выпустил из лап изрядной величины камень на ту часть крыши, где была спальня и где как раз лежал Аристотим. Одновременно и сверху раздался сильный грохот, и на улице закричали те, кто видел птицу. Тиранн был поражен шумом; узнав, что случилось, он призвал предсказателя, услугами которого всегда пользовался на агоре, и в смятении расспрашивал его о значении знамения; а тот его обнадеживал, говоря, что это-де Зевс его ободряет и приходит к нему на помощь. Тем же из граждан, кому он доверял, он возвестил, что уже не сегодня-завтра падет на голову тиранна нависшая над ним кара.

Поэтому и товарищи Гелланика решили не медлить, но выступать на следующий же день. В ту ночь Гелланику приснилось, будто один из его умерших сыновей предстал перед ним со словами: «Что ты спишь, отец? Завтра должно тебе стать главой граждан!» Ободренный сновидением, Гелланик обнадеживал товарищей. Аристотим же, услышав, что Кратер выступил ему на помощь с большими силами и стал лагерем в Олимпии, проникся такой уверенностью в своем положении, что без копьеносцев вышел на площадь в сопровождении Килона. И вот, когда Гелланик увидел представившийся случай, он не стал давать условленного знака к началу действий, но закричал громким голосом, простирая руки: «Что вы медлите, храбрые мужи?

Прекрасная сцена в средоточии отчизны предложена нашей борьбе!»

И вот первым Килон, выхватив меч, поражает одного из свиты Аристотима; когда же налетели с обеих сторон Фрасибул и Лампид, Аристотим бежал в святилище Зевса. Заговорщики убили его там, выставили труп на площади и призвали народ к свободе. Не на много опередили они своих жен: те тотчас же прибежали с криками ликования и, окружив мужей, стали их увенчивать.

Затем толпа ринулась на дворец тиранна. Его жена заперлась в спальне и удавилась. Было у него еще две дочери, незамужние, очень красивые и по возрасту на выданьи. Ворвавшиеся схватили их и потащили из дворца, намереваясь предать смерти, но сперва подвергнуть истязаниям и надругательствам. Однако попавшаяся им навстречу с другими женщинами Мегисто возопила, что они творят ужасное дело, если, считая себя свободным народом, отваживаются на такие же гнусности, что и тиранн. Почтение к откровенности и слезам этой женщины пристыдило многих; было решено отказаться от насилий и разрешить девушкам самим умертвить себя.

Их повели обратно в дом и приказали немедленно приступить к самоубийству. Старшая сестра, Миро, развязав пояс и затянув петлю, обнимала сестру и увещевала ее следить со вниманием и делать то, что на ее глазах сделает она сама. «Пусть мы окончим нашу жизнь»,— молвила она,— «но без унижений и бесчестия!» Когда же младшая стала просить, чтобы та дозволила ей умереть первой, и сама взялась за пояс, Миро ответила: «Я еще никогда не отказывала тебе ни в одной твоей просьбе; прими же и этот подарок, а я подожду и снесу то, что тяжелее смерти,— видеть, как ты, милая сестра моя, умираешь первой». Затем она сама научила сестру, как накинуть петлю на шею; когда она увидела, что та мертва, она сама вынула ее из петли и накрыла. Позаботиться о ней самой и не допустить, чтобы ее тело бросили непристойным образом, она попросила Мегисто.

Поэтому не нашлось среди присутствовавших такого жестокосердного человека или такого ненавистника тираннов, который не прослезился бы и не пожалел этих благородных девушек.

КАММА [17]

Жили некогда в Галатии Синат и Синорикс, первые по могуществу из тетрархов [18] и по происхождению родня друг другу. У Сината была жена, вступившая в брак девой, по имени Камма, привлекавшая взгляды цветущей красотой своего тела, но еще большее восхищение вызывавшая своей добродетелью. Она отличалась не только целомудрием и любовью к супругу, но также

умом и душевным величием, и ее необычайно любили подданные за ее благожелательность и доброту. Еще бóльшую славу принесло ей то, что она была жрицей Артемиды, которую галаты чтят превыше всего, и ее постоянно видели при шествиях и жертвоприношениях в великолепном облачении.

И вот Синорикс воспылал к ней страстью. Убедившись в невозможности овладеть ею обольщением или насилием при жизни мужа, он совершил страшное дело — обманом убил Сината и немного времени спустя посватался к Камме. Она теперь проводила дни в храме и сносила свое горе без слабодушных жалоб, сохраняя ясность рассудка и поджидая возможности отомстить Синориксу. А тот не прекращал своих неотвязных просьб, и речь его была не совсем лишена внешней благопристойности. Он говорил, что-де во всем прочем превосходит Сината, убил же его из любви к Камме, а не по какой-нибудь иной, низкой причине. И что ж! — Уже вначале ее отказы были не слишком суровыми, затем она, казалось, начала мало-помалу смягчаться; и то сказать, ее родичи и друзья, всячески угождавшие Синориксу, первому по могуществу человеку, упрашивали и принуждали ее к этому. Наконец, она дала согласие и пригласила его к себе, дабы согласие на брак и клятвы верности даны были пред лицом богини.

Когда он пришел, она ласково встретила его и подвела к алтарю, затем совершила возлияние из фиала, а оставшееся отпила сама и предложила отпить ему. То был отравленный медовый напиток. Когда она увидела, что он выпил, она испустила громкий вопль ликования, повергласъ на колени перед богиней и молвила: «Тебя зову я в свидетели, о многочтимое божество, что единственно ради этого дня я осталась жить после гибели Сината, столько времени ничего доброго в жизни своей не видя, кроме надежды на мщение. Добившись его, я ухожу к моему супругу. А тебе, гнуснейший из людей, пусть твои близкие готовят могилу взамен брака и свадьбы!»

Когда галат услышал эти слова и в тот же миг почувствовал, как яд начал действовать и разливаться по телу, он сел в повозку, чтобы вылечить себя тряской. Однако вскоре же он вышел и пересел в носилки, а вечером умер. Камма прожила еще до утра; узнав, что с ним покончено, она умерла со светлой и радостной душой.

ТИМОКЛЕЯ [19]

Фиванец Феаген, в делах государственных разделявший образ мыслей Эпаминонда, Пелопида и других лучших людей своей отчизны, пал при Херонее, где свершалась общая судьба всей Эллады. Он был убит после того, как уже одолел было врага и преследовал тех, кто с ним бился. Ведь это именно он, когда враг

вскричал: «Да до каких же пор ты будешь меня гнать?», отвечал: «До самой Македонии!» Погибнув, он оставил сестру, которая доказала, что это природная доблесть их семейства сделала его таким славным и великим. Самой же ей довелось вкусить благой плод своей доблести, что облегчило для нее бремя ее доли в общественных бедствиях.

Когда Александр овладел Фивами [20], воины грабили город и каждый брал, что попадет под руку. Случилось так, что дом Тимоклеи захватил непорядочный и несдержанный человек, но разнузданный насильник: он командовал каким-то фракийским отрядом и был тезкой царя, ни в чем не будучи с ним сходным. Без всякого уважения к происхождению и к честной жизни этой женщины он после ужина, напившись пьян, принудил ее провести с ним ночь. Но и этого ему не было достаточно: он еще принялся требовать у нее золото и серебро, если она кое-что припрятала. При этом он то угрожал, то обещал жить с ней всегда как с женой.

Она ухватилась за предлог, который он же давал ей, и ответила: «О, если бы мне умереть, не дожив до этой ночи! Тогда я, все потеряв, хоть тело свое уберегла бы от бесчестия. Но раз уж это свершилось, раз мне остается только видеть в тебе богом данного мне заступника, господина и мужа,— я не лишу тебя того, что тебе принадлежит. Ведь я вижу, что и мне самой суждено быть тем, чем ты пожелаешь. Были у меня женские украшения и серебряные сосуды, было и золота немного и монет. Когда брали город, я велела служанкам все собрать и побросала, или скорее сложила на хранение, в колодец, в котором нет воды и который мало кому известен: он сверху накрыт, и его со всех сторон окружает густая роща. Бери все, и тебе пусть это будет на счастье! Для меня же это послужит перед тобой доказательством того, что семья наша была богатой и знатной».

Когда македонянин это услыхал, он не стал ждать и дня, но незамедлительно пошел на то место, куда повела его Тимоклея: велев даже запереть сад, чтобы никто ничего не проведал, он в хитоне спустился в колодец. Вела же его грозная Клото — отмстительница в образе Тимоклеи, стоявшей над ним. Когда она услышала, что его голос доносится со дна, она сама стала сбрасывать на него камень за камнем; много, и пребольших, наваливали и служанки, пока не прикончили и не завалили его.

Когда македоняне узнали об этом и извлекли труп, то поскольку было уже объявлено о запрещении убивать фиванцев, ее схватили, повели к царю и рассказали ему, на что она дерзнула. Александр, приметив в ней по невозмутимости лица и спокойствию походки нечто, свидетельствующее о достоинстве и благородстве, прежде всего спросил ее, что она за женщина. Она отвечала с полным самообладанием и бесстрашием: «Братом

моим был Феаген; он пал при Херонее, сражаясь с вами как полководец и воин за свободу Эллады, за то, чтобы нам не приходилось терпеть такие дела. Ныне, когда я претерпела недостойное моего рода унижение, я готова принять смерть. Нисколько не лучше было бы для меня, оставшись в живых, испытать, быть может, другую подобную ночь, если ты этому не воспрепятствуешь!»

Наиболее благородные сердцем люди из числа присутствовавших прослезились, Александр же не стал выражать жалости к ней,— нет, он счел ее выше этого и восхищался ее доблестью и произнесенной ею речью, в которой она так смело обвиняла его. Начальникам он повелел позаботиться и принять меры, дабы не было вторично нанесено подобное оскорбление славной семье, а Тимоклею отпустил — ее самое и всех ее родичей, сколько их ни оказалось.

ХОРОШО ЛИ СКАЗАНО: «ЖИВИ НЕЗАМЕТНО»? [1]

1. Однако ведь сам-то человек, сказавший эти слова, не пожелал остаться незамеченным: даже это суждение он высказал ради того, чтобы его заметили как человека необыкновенного образа мыслей,— иначе говоря, призывом к бесславию лукаво готовил себе славу!

Смешон мудрец, немудрый в деле собственном! [2]

Рассказывают про Филоксена из Эриксиды и про сицилийца Гнафона [3], будто они были такими обжорами, что сморкались в блюда с лакомствами, чтобы внушить сотрапезникам отвращение к этим яствам, а самим наесться вволю; вот так и люди, не в меру жадные до славы, хотят оклеветать ее перед другими, как бы своими соперниками в любви к ней, лишь бы получить ее без состязания. Еще они похожи на гребцов, которые усаживаются лицом к корме, но корабль-то однако же гонят вперед, и обратное движение воды, возникающее от ударов весел, подталкивает суденышко,— так и эти люди, давая подобные советы, гоняются за славой, как бы отвернув от нее лицо. К чему было говорить все это, к чему записывать, к чему издавать для будущих времен, если он хотел остаться неизвестным для своих современников,— это он-то, который позаботился, чтобы о нем узнали даже потомки!

2. Но довольно об этом. Но разве само по себе изречение не худо? «Живи незаметно» — такой совет подходит гробокраду. Или, может быть, жить позорно? Почему это о нас никто и знать не должен? А вот я посоветовал бы: «Даже если ты живешь скверно — не сильсся жить незаметно; лучше образумься, раскайся, исправься. Если в тебе есть что-нибудь хорошее, не будь бесполезным, если дурное — не избегай воспитания».

Но лучше разграничить и обособить, кому, собственно, ты даешь такое наставление. Положим, что человеку невежественному, порочному, вздорному,— так ведь это все равно, что сказать: «Скрывай свою лихорадку, скрывай свое помешательство. а то врач узнает! Ступай, забейся в уголок потемнее, чтобы остаться со своими недугами незамеченным!» Вот твои слова: «Ты болен неотвязной и гибельной болезнью — своей порочностью; так ступай и спрячь эту зависть, эти приступы суеверия, но страшись отдать себя в руки тех, кто способен вразумлять и врачевать!» [4]

А вот в глубокой древности и больных пользовали всенародно: каждый, если сам раньше перенес ту же хворь или ходил за больным и по опыту мог сообщить что-нибудь полезное, давал нуждающемуся совет [5]: так-то, если верить рассказам, из накапливаемого опыта родилось великое искусство врачевания. Наподобие этого следовало бы и нездоровые нравы и душевные язвы обнажать перед глазами всех, чтобы каждый мог рассмотреть положение дела и сказать: «Ты гневлив? Остерегайся того-то. Ты завистлив? Предприми то-то. Ты влюблен? Когда-то и я был влюблен, но образумился». Но вместо этого люди отрицают, скрывают, прячут свои пороки и тем самым загоняют их вглубь.

Но положим, что ты советуешь таиться и скрываться достойным людям. В таком случае ты говоришь Эпаминонду: «Не начальствуй воинами!», Ликургу — «Не издавай законов!», Фрасибулу [6] — «Не свергай тиранов!», Пифагору — «Не воспитывай юношей!», Сократу — «Не веди бесед!», да и себе же первому, Эпикур,— «Не пиши писем асийским друзьям! Не зови учеников из Египта! Не сопровождай повсюду лампсакских эфебов! [7] Да и книг не рассылай, не показывай всем и каждому свою мудрость,— и не делай распоряжений о своих похоронах!» [8] В самом деле, к чему совместные трапезы, к чему собрания друзей и красавцев, к чему все эти тысячи строк, так трудолюбиво сочиненных и составленных и посвященных Метродору, или Аристобулу, или Хередему [9], дабы они и после смерти не были безвестными, коль скоро ты предписываешь добродетели — бесславие, мудрости — безмолвие, успеху — забвение?

4. Но если ты хочешь изгнать из жизни гласность, как на пирушке гасят свет, чтобы в безвестности можно было предаваться каким угодно видам наслаждения,— что же, тогда ты мо-

жешь сказать: «Живи незаметно». Еще бы — коль скоро я намерен жить с гетерой Гедией и с Леонтион [10], «плевать на прекрасное» [11] и видеть благо «в плотских ощущениях» [12] — такие вещи нуждаются во мраке и в ночи, для этого нужны забвение и безвестность. Не если кто-нибудь восхваляет в миропорядке бога, справедливость, провидение [13], в нравственном мире — закон, согласие, гражданскую общность, а в последней — достойное, а не «пользу» [14], чего ради такому человеку скрывать свою жизнь? Чтобы ни на кого не оказать доброго воздействия, никого не побудить к соревнованию в добродетели, ни для кого не послужить прекрасным примером?

Если бы Фемистокл таился от афинян, Камилл — от римлян, Платон — от Диона [15], то Эллада не одолела бы Ксеркса, не устоял бы город Рим, и Сицилия не была бы освобождена. Свет, как мне кажется, помогает нам не только видеть друг друга, но, прежде всего, быть друг для друга полезными; так и гласность доставляет добродетели не только славу, но и случай проявить себя на деле. В самом деле, Эпаминонд до сорока лет оставался безвестным и за это время не смог принести фиванцам никакой пользы; но когда ему оказали доверие и предоставили власть, он спас от гибели отчизну и избавил от рабства Элладу, воспользовавшись славой, как светом, чтобы в должный миг явить готовую к делу доблесть.

Он обжитой сияет, словно меди блеск;
Но, праздный, и заброшенный, погибнет...[16] —

не только «дом», как говорит Софокл, но и дух человеческий: в бездействии и безвестности он как бы ржавеет и дряхлеет. Тупой покой и праздная, вялая жизнь расслабляют не только тела, но и души. Как вода при отсутствии света и стока загнивает, так и у людей, ведущих неподвижную жизнь, если в них и было что хорошего, все эти врожденные силы гибнут и преждевременно иссякают.

5. Разве ты не видишь, как с приходом ночи тела людей сковывает ленивое оцепенение, а души охватывает сонная вялость, и рассудок, ограниченный пределами самого себя, словно едва тлеющий огонь, от праздности и изнеможения сотрясается несвязными видениями, свидетельствуя лишь о том, что еще живет человек?

Но едва лишь разгонит видений обманчивых стаю [17]

восходящее солнце, едва оно, как бы соединяя воедино, всех разбудит и обратит своим светом к действию и мысли,— тогда люди, «с новыми думами при начале нового дня», как говорит Демо-

крит [18], влекомые друг к другу душевным побуждением, словно неизбывной тягой, из разных мест собираются, чтобы приступить к трудам.

6. Мне представляется, что и самая жизнь, то, что мы вообще появляемся на свет и становимся причастными рождению, дано человеку божеством для того, чтобы о нем узнали. Никто во всем свете не знает и не ведает человека, пока он пребывает ничтожным и обособленным; когда же он родится, когда он придет к людям и вырастет, он становится известным из безвестного и заметным из скрытого. Ведь рождение — стезя не к бытию, как говорят иные, но к тому, чтобы о твоем бытии знали: кто рождается, тот еще не становится человеком, а лишь является на свет. Так и гибель существующего — это не переход в небытие, но скорее сведение через распад к недоступному для восприятия состоянию. Поэтому-то эллины, полагая, в соответствии с древними отеческими установлениями, что Аполлон — это Солнце, именуют его Делием и Пифийским [19], а владыке противоположного удела [20] — будь то бог или демон — дают прозвание в соответствии с тем, что в недоступное зрению место отходим мы, подвергаясь разрушению: его называют «темной ночи царем и праздного сна».

Я думаю, что и человека древние потому называли φώς [21], что в каждом из нас живет врожденное страстное желание — познавать других и быть узнанным в общении самому. Да и самое душу некоторые философы считают по ее сущности светом; при этом они пользуются как другими доводами, так и тем соображением, что из всего сущего тяжелее всего душа переносит неведение, что она ненавидит мрак и боится темноты, внушающей ей страхи и подозрения. Свет же столь сладостен, столь желанен для нее, что ничем из иных вещей, по природе своей приятных, она не хочет насладиться без него, во мраке: свет, как всеобщая приправа, сообщает всякому удовольствию, всякой утехе и забаве привлекательность для человека. Тот же, кто ввергает себя самого в безвестность, облачается во мрак и хоронит себя заживо, тот, похоже, недоволен тем, что родился, и отказывается от бытия.

7. Ведь природа славы и бытия не чужда, по рассказам поэтов, обители блаженных [22].

> Им и ночью сияет в глубинах подземных солнце,
> В лугах, что покрыты пурпурными розами [23],

и перед ними простирается долина, красующаяся цветами плодоносных, цветущих и тенистых деревьев; тихо и спокойно протекают некие реки. А обитатели тех мест проводят время в воспоминаниях и беседах о делах прошедших и настоящих.

Третья же стезя, уготованная тем, кто прожил жизнь нечестиво и беззаконно, ввергает души в некий мрак, в бездну,

> Отколе медлительные реки мрачной ночи
> Безбрежную мглу изрыгают [24].

Реки эти подхватывают обреченных каре и скрывают их в безвестности и забвении. Ведь лежащим в земле злодеям коршуны не терзают печень — она или сгорела, или сгнила! — тела наказуемых не страдают и не изнемогают под бременем груза [25]: ведь

> Крепкие жилы уже не связуют ни мышц, ни костей их [26],

и у мертвых не остается плоти, которая могла бы принять наложенное наказание. Нет,— но одна кара воистину существует для тех, кто прожил дурную жизнь: бесславие, безвестность, бесследное уничтожение, которое влечет их в скорбную реку Забвения [27] и топит в бездонном и пустынном море, ввергая в никчемность и праздность, в полную безвестность и бесславие.

К НЕПРОСВЕЩЕННОМУ ВЛАСТИТЕЛЮ

1. Киренцы звали к себе Платона, чтобы тот дал им законы и упорядочил их государственный строй, но Платон отказался, заявив, что трудно быть законодателем у киренцев, пока они наслаждаются таким благополучием. «Ни в чем нет столько дерзости», столько строптивости и непослушания, «как в муже том» [1], который достиг, как ему кажется, полного счастья. Именно поэтому трудно выступать советчиком правителей относительно дел правления: они страшатся дать наставлению власть над собой, чтобы оно не умалило блага их власти, подчинив ее долгу. Не знают они изречения Феопомпа, спартанского царя, который первым из царствовавших в Спарте разделил власть с эфорами [2]: когда его после этого бранила жена, укоряя, что он-де передаст детям меньше власти, нежели унаследовал сам, он возразил: «Да, меньше, но настолько же и прочнее!» В самом деле, убавив мощь своей власти и ограничив ее, он избежал зависти, а с ней и опасности.

И все же Феопомп, отведя от своей власти долю другим, как отводят воду от большого потока в каналы, все, что роздал, отнял у себя самого; но философское наставление, если правитель примет его в сопрестольники и стражи, отнимает у его власти

(как это делают при чрезмерном телесном развитии) только все опасное, а здоровое оставляет.

2. Однако многие цари и правители, которым недостает ума, подражают неумелым ваятелям: как те воображают, будто их колоссы будут казаться исполненными величия и мощи, если они их изваяют с широко расставленными ногами, напряженными мышцами и разверзнутым ртом, так и они думают посредством сурового голоса, мрачного взгляда, грубого обращения, нелюдимого поведения придать достоинство и значительность своей власти. Ничуть не отличаются они от изваяний-колоссов, которые снаружи имеют герою или божеству приличествующий облик, внутри же полны земли, камня и свинца! Впрочем, громады этих статуй хотя бы осанку свою сохраняют недвижно и неколебимо, а непросвещенных полководцев и властителей их внутреннее невежество частенько заставляет шататься и падать. Не выровняв по наугольнику основания, они, возводя высокое здание могущества своего, клонятся набок.

Нужно, чтобы прежде всего само правило стояло прямо и незыблемо; затем уже, прилаживая и подгоняя к нему, выравнивают все остальное. Так и правителю следует прежде всего подчинить своей власти самого себя, выпрямить свою душу и упорядочить свои нравы, а затем уже приноровлять к себе то, что ему подвластно. Ведь не дело павшего поднимать, неуча — учить, не дело того, кто неупорядочен сам, приводить в порядок, не тому, кто не умеет покоряться, приличествует требовать покорности от других. Однако толпа имеет ложные понятия о власти и полагает, что первейшим благом является в ней то, что сам властитель не подвластен никому. Действительно, персидский царь и считал всех рабами, кроме своей супруги, господином которой он должен был бы быть прежде всего!

3. Но кто же будет править правителем? Закон, «всем смертным царь и бессмертным» [3], как сказал Пиндар, не внешним образом начертанный в книгах или на каких-нибудь скрижалях, но живущий в его душе, всегда присутствующий в ней и бодрствующий и никогда не допускающий ее остаться без руководства. У персидского царя был слуга, обязанностью которого было по утрам входить к нему и обращаться с такими словами: «Вставай, царь, и позаботься о делах, о которых велел тебе заботиться великий Оромазд! [4]» Но правитель просвещенный и разумный в себе самом имеет внутренний голос, который постоянно твердит и внушает ему это [5].

4. Анаксарх [6] сказал в утешение Александру, терзавшемуся после убийства Клита, что на то, мол, и Зевс имеет сопрестольницами Справедливость и Правосудие [7], дабы все дела царя почитались правосудными и справедливыми. Нехорошо и бесчестно действовал он, врачуя раскаяние решимостью и впредь по-

ступать так! Если уж пользоваться такими уподоблениями, то Зевс не сопрестольницей своей имеет Справедливость, но сам он есть Справедливость и Правосудие, сам он — всех законов начало и конец. Древние же так говорили, писали и учили, что без Справедливости и сам Зевс не может хорошо править, Справедливость же, по Гесиоду [8],— непорочная подруга совестливости, благоразумия и простоты. Поэтому в древности царей называли «совестливыми» [9]: следует, чтобы особенно чуткими к голосу совести были те, кто менее всех подвержен чувству страха. Страх же испытывать должен правитель больше перед тем, как бы не сделать это дурное, нежели — как бы не испытать: ведь первое — причина второго.

Но есть род страха, который, если он присущ правителю, свидетельствует о его человеколюбии и благородстве: это страх за подвластных ему, как бы они неприметно для себя не потерпели вреда,

> Словно как псы у овчарни овец стерегут беспокойно,
> Сильного зверя зачуяв [10],

и не о себе беспокоясь, но о тех, кто вверен их защите. Когда фиванцы во время какого-то праздника предались попойкам, Эпаминонд один проверял оружие и обходил дозором стены, говоря, что он трезв и бодрствует для того, чтобы другим можно было напиваться и спать. Так и Катон в Утике всем воинам, оставшимся в живых после поражения, через глашатая велел отплывать, посадил их на суда и помолился за них о счастливом плавании, а сам вернулся домой и покончил с собой: он дал своим поведением урок, о чем правитель должен тревожиться, а что ему надлежит презреть.

А вот Клеарх [11], тиранн понтийский, спал, забравшись в сундук, как змея. Аристодем [12], тиранн Аргоса, поставил свое ложе в верхнем покое над люком и спал там с гетерой, причем мать этой гетеры на ночь потихоньку убирала снизу лесенку, а утром снова притаскивала ее и подставляла. Как вы думаете, до какой же степени должен был страшиться театра и правительственного здания, Совета и пиров тот, кто из спальни сделал себе тюрьму! Да, истинные цари боятся за подданных, а тиранны — подданных, и поэтому вместе с могуществом возрастает у них боязливость: чем больше людей им подвластно, тем больше у них оснований для страха.

5. [13] В небесах Солнце являет, как в зеркале, прекраснейшее изображение и образ бога тем, кто способен узреть его в этом отражении; общинам же людским бог даровал свет справедливости и некое подобие своего разума, которое и воспроизводят люди блаженные и мудрые, усовершенствуя себя в соответствии с наипрекраснейшим образцом.

Такого образа мыслей не дает человеку ничто, кроме философского наставления. Пусть с нами не случится того, что случилось некогда с Александром: он увидел в Коринфе Диогена и молвил, восхищаясь его природными способностями и преклоняясь перед его разумом и величием душевным: «Не будь я Александром, я хотел бы быть Диогеном». Недоставало только, чтобы он сказал, что тяготится своей удачливостью, славою и могуществом, что завидует рубищу и суме — ведь при их помощи Диоген был таким непобедимым и неуязвимым, каким его, Александра, не делали войска, кони и сариссы [14]. Но ведь он имел возможность предаться философии и стать по образу мысли Диогеном, по судьбе оставаясь Александром; тем более следовало ему стать Диогеном, что он был Александром, и ему, дабы противостоять своей великой судьбе, готовившей ему много ветров и бурь, нужно было иметь много балласта и хорошего кормчего.

6. У людей маленьких, ничтожных и неопытных их бессилие в сочетании с глупостью не дает им согрешить и только волнует страстями, словно дурными сновидениями, их души: их желания не могут быть осуществлены. Но если с порочностью соединяется могущество, то оно предоставляет страстям средства и силу. Верно сказал Дионисий, что человек больше всего наслаждается властью тогда, когда его желания быстро исполняются. Потому-то велика опасность, как бы тот, кто может делать, что хочет, не захотел того, что не должен!

Скоро, как было сказано слово, исполнено дело [15];

порок, когда могущество открыло ему быструю дорогу, добивается удовлетворения любой страсти, превращая гнев в убийство, похоть — в любодеяние, алчность — в захват чужого добра. «Скоро, как было сказано слово», уже погиб тот, кто вызвал недовольство властителя; одно подозрение и — оклеветанный казнен! Молния, по словам естествоиспытателей, в своем возникновении следует за громом — как поток крови за нанесением раны,— но воспринимаем мы сначала ее, потому что слух наш дожидается звука, а зрение идет навстречу свету; вроде этого и у сильных мира сего кары предшествуют законному обвинению и осуждение опережает доказательство виновности.

Бессилен дух страстям противоборствовать,
Как цепкий якорь волн напор выдерживать [16],

если только серьезное размышление не остановит и не сдержит произвола правителя, и он не будет брать пример с солнца: когда оно, поднявшись к северу, достигает наибольшей высоты, оно движется особенно медлительно, неторопливостью делая свое движение безопасным.

7. К тому же скрыть пороки власть имущего невозможно. Если страдающие падучей болезнью окажутся на каком-нибудь высоком месте, их одолевает головокружение и судороги, выдавая их болезнь. Так и с людьми непросвещенными и невежественными: если судьба немного вознесет их, дав им хоть какое-нибудь богатство, или славу, или власть, то в скором времени она даст увидеть их нравственное падение. Или лучше скажем так: пока сосуды пусты, ты не отличишь целого от треснувшего, но наполни их, и ты увидишь, откуда льется: так и души, тронутые пороком, не удерживают могущества, но изливают через дыры, причиняемые их похотью, раздражительностью, кичливостью, невежеством.

Да что уж говорить, если самые ничтожные недостатки дают пищу для сплетен о людях выдающихся и прославленных. Кимона укоряли за пристрастие к вину, Сципиона за излишнюю сонливость, Лукуллу ставили в вину не в меру роскошные пиры [17].

О ТОМ, ЧТО НЕ НАДО ДЕЛАТЬ ДОЛГОВ

1. Платон в своих «Законах» [1] воспрещает просить воду у соседа, за исключением случая, когда ты уже копал на своей земле вплоть до так называемого глиняного слоя и все-таки не обнаружил родника: дело в том, что этот глиняный слой по своей жирности и плотности имеет свойство задерживать воду. Подобает, стало быть, чтобы у другого брал только тот, кто не может найти необходимое у себя самого: закон хочет оказывать помощь только нужде. Разве не хорошо было бы иметь такой же закон и о деньгах — воспретить занимать их у соседа и ходить по чужим колодцам, пока ты наперед у себя дома не проверишь свои средства и не соберешь по крохам все, что может выручить в нужде? А то ведь, глядишь, по привычке к тратам, к мотовству, к распущенности те, кто и мог бы обернуться своим добром, вместо этого без надобности занимают под большие проценты. И вот тому веское доказательство: ведь неимущим-то ссуды не дают. Ссужают того, кто хочет широкой жизни, и для получения ссуды он должен представить поручителя и установленные доказательства своей платежеспособности; а между тем как раз платежеспособному стыдно делать долги.

2. Зачем тебе пресмыкаться перед менялой, перед ростовщиком? Обратись за ссудой к собственному столу. У тебя есть серебряные кубки, блюда, подносы: если нужно, откажись от

них! Взамен них прекрасная Авлида или Тенедос украсят твой стол глиняной утварью, и она будет чище серебряной: от нее не будет непереносимо вонять долгами, которые изо дня в день не хуже ржавчины разъедают твою роскошь. Глиняная утварь не станет напоминать тебе о календах и новолунии, этом священнейшем дне месяца, который ростовщики превратили в несчастливый и роковой день. Тех, кто вместо продажи своего имущества предлагает его в обеспечение заимодавцу, не избавит и сам Зевс, Хранитель достояний (Ктесий),— этих-то людей, которым стыдно принимать плату за свои вещи и не стыдно выплачивать этими же вещами проценты! Распорядился же Перикл сделать убор самой богини [2], в котором было на сорок талантов чистого золота, свободно снимающимся, дабы можно было, по его словам, «воспользоваться золотом в случае военной необходимости и затем сполна вернуть». Вот так и нам, когда нас осаждает нужда, вместо того, чтобы открывать ворота неприятелю-заимодавцу и позволять ему уводить в рабство наше добро, лучше пожертвовать всем излишним на нашем столе, в постели, выездах, во всей нашей жизни: лишь бы сберечь свободу в надежде на лучшие времена, а уже там все можно будет без труда вернуть себе. 3. Вспомним, как римские женщины пожертвовали Аполлону Пифийскому свои украшения, переплавили их в золотой кратер и отослали в Дельфы; как карфагенские женщины остригли головы и передали свои волосы на веревки для военных машин, на благо отечества! А мы, стыдясь жить скромно, сами предаем себя в рабство закладами и расписками, между тем как наш долг — ограничить нужды, уничтожить и распродать все излишки и через это воздвигнуть алтарь свободы для нас самих, для наших жен и детей. В Эфесе Артемида дарует прибегающим к ее алтарю должникам безопасность и свободу от заимодавцев; но святилище Бережливости повсеместно раскрывает свои двери для рассудительных людей, предоставляя им надежное убежище и светлый, полный достоинства покой. Во время мидийских войн пифия возвестила афинянам, что бог дарует им «деревянную стену» [3], и они ради свободы покинули землю, город, имущество и дома, спасшись на корабли. Так и нам, если мы хотим жить свободными людьми, бог тоже дарует деревянный... стол, глиняное блюдо и грубый плащ.

Не помышляй о конях...[4]

ни об упряжи разукрашенных серебром повозок — стремительный бег процентов нагонит тебя и на них. Нет, лучше на любом осле или лошаденке беги заимодавца, этого злого тиранна, который требует не «земли и воды», как некогда мидянин [5], но протягивает руку к твоей свободе и посягает на доброе имя! Когда ты не платишь, он к тебе пристает; когда платишь, не берет; когда

распродаешь добро — снижает цену; когда не хочешь продавать — заставляет; когда ты судишь — подает на тебя жалобу; когда под присягой отрекаешься — уличает в клятвопреступлении; когда идешь к нему — его нет дома; когда ты сидишь у себя — сторожит у порога и барабанит в дверь.

4. Что проку афинянам от того, что Солон запретил ссужать деньги под залог личной свободы? Граждане и так в рабстве у любого ростовщика, и даже не у него самого — это бы еще не обидно! — но у его наглых, грубых и злобных рабов, подобных тем огненным палачам и истязателям, которые, если верить Платону [6], приставлены к нечестивцам в Аиде. Ведь и эти люди превращают для несчастных должников агору в какую-то «обитель грешных душ», не хуже коршунов терзают их,

Роясь в утробе глубоко...[7]

и не дают им, словно Танталам, притронуться к плодам своего же мнения.

Дарий послал некогда Датиса и Артаферна [8] с цепями и веревками для пленных в руках; вот так и они таскают с собой ящички с расписками и договорами — настоящие цепи для Эллады! От города к городу странствуют они и всюду сеют — не благое семя, как некогда Триптолем [9], но зловещие, плодовитые, цепкие корни долгов, которые дают такие разрастающиеся побеги, что эта поросль удушает целые города. Говорят, будто зайчиха, рожая один приплод, в это самое время выкармливает другой и вынашивает третий; так и у этих мерзостных варваров лихва порождает лихву, не успев зачать. Действительно, выдав деньги, они немедленно требуют часть назад, положив, снова берут и пускают в рост то, что получили за выдачу ссуды.

5. У мессенян говорят:

Есть, кроме Пилоса, Пилос, но есть еще Пилос и третий,

а про ростовщиков можно сказать так:

Кроме лихвы, есть лихва, но есть лихва еще третья!

И смеются же они, надо полагать, над утверждениями естествоиспытателей, будто «из ничего не происходит ничто» [10]! Ведь у них-то из того, чего еще нет, что еще не существует, получаются проценты. Заниматься откупами и действовать в пределах закона эти люди считают за бесчестие; вместо этого они отдают деньги в рост на совершенно беззаконных или, лучше сказать, грабительских условиях. Ибо тот, кто получает меньше, чем значится в расписке, ограблен.

Персы считают ложь вторым по значению пороком, а первым — склонность залезать в долги: ведь должникам все равно приходится то и дело прибегать и ко лжи. Но еще больше при-

бегают к ней заимодавцы, которым ничего не стоит записать в своих расходных книгах, будто они выдали имярек такую-то сумму, а на деле дать меньше. И ведь эта ложь проистекает не от нужды, не от безвыходности, но единственно от жадности, от ненасытности, которая в конце концов не приносит никакого удовольствия им самим, но только бессмысленную гибель их жертвам. Ведь заимодавцы не возделывают полей, которые они отняли у своих должников, не живут в домах, из которых вышвырнули хозяев, не едят с их столов и не носят их одежд. Вместо этого, как только один погибнет, его гибель служит к уловлению в эти же сети другого. Эта напасть, как огонь, жарче разгорается, пожрав и истребив то, что ей попалось, и от этого шире распространяется. Но тот, кто разжигал этот пожар и подкладывал топливо,— сам ростовщик — получает от этого одну корысть: он может время от времени читать в своих записях, сколько народу он продал, сколько разорил и по каким путям движутся деньги, чтобы стекаться в одну груду.

6. Не подумайте, что я говорю все это потому, что у меня война с ростовщиками:

> Муж их ни коней моих, ни тельцов никогда не похитил [11],—

я только хочу показать тем, кто не бережется долгов, с каким бесчестием, с каким рабством это сопряжено, так что идти к ростовщику — признак крайнего неразумия и слабодушия. У тебя есть средства? Так не занимай без нужды. У тебя ничего нет? Так не занимай, коль скоро все равно не сможешь отдать. Вот как следует рассматривать каждый отдельный случай.

Катон сказал одному старику, который предосудительно вел себя: «Мой друг, у старости и так много тягот, к чему ты прибавляешь к ним еще и позор?» Так и ты не прибавляй к тяготам бедности, которых и без того много, еще и безвыходной задолженности; не отнимай у бедности ее единственного преимущества перед богатством — спокойствия! Не то к тебе подойдет забавное присловье:

> Мне козы не снести — навали мне на плечи корову!

Ты не можешь нести бремя бедности и сажаешь себе на шею еще и ростовщика — поклажу, непосильную и для богача!

«Как же мне прокормить себя?» — И ты это спрашиваешь, располагая руками, ногами, голосом, будучи человеком, которому дано любить и быть любимым, оказывать услуги и с благодарностью их принимать? Учи грамоте, наймись дядькой, привратником, моряком, лодочником: ничто из этого не может быть ни постыднее, ни горше, чем выслушивать слова: «Отдавай долг!»

7. Однажды Рутилий подошел в Риме к Мусонию [12] со словами: «Мусоний, а ведь Зевс-Спаситель, которому ты хочешь следовать и подражать, не берет в долг!» Мусоний улыбнулся и возразил: «Но ведь и не дает!» Дело в том, что Рутилий сам занимался ростовщичеством, а Мусония попрекал его долгами. Но какова, однако, стоическая гордыня! Что тебе за нужда тревожить самого Зевса-Спасителя? Разве ты не мог почерпнуть примера из того, что перед глазами? Не берут в долг ласточки, не берут в долг муравьи, а ведь их природа не снабдила ни руками, ни речью, ни ремеслами! Но ведь и люди, одаренные разумом, держат при себе коней, держат псов, куропаток, галок — за то, что те поддаются выучке. Как же ты можешь так плохо думать о себе: неужели же твоя речь нескладнее, чем у галки, твой голос слабее, чем у куропатки, твоя порода хуже, чем у пса? Неужели ты ни при едином человеке не можешь снискать пропитание, как его слуга, собеседник, сторож, боец? Как ты не видишь все выходы, которые предлагают тебе земля и море?

Комик Кратет говорит [13]:

> Видеть пришлось и Микилла: прилежно трудяся, сидел он,
> Шерсть торопливо чесал. В трудах и жена помогала:
> Так боролись они с нуждою и голодом...;

а Клеанф [14], когда царь Антигон, долго его не видавший, встретил его в Афинах и спросил: «Что, Клеанф, все работаешь на мельнице?» — ответил ему: «Все работаю, царь, чтобы не пришлось расстаться с Зеноном и с философией». Что за мужество было у человека, который тою самой рукой, которой вращал жернова и месил тесто, затем писал о богах, о луне, о звездах, о солнце! А нам подобные занятия кажутся рабскими, и мы, чтобы сохранить достоинство свободного человека, влезаем в долги, а после заискиваем и лебезим перед рабами, угощаем их, задариваем, подкупаем — и все это не из бедности, ибо бедному никто в долг не поверит, но ради тщеславия! Если бы мы довольствовались необходимым для жизни, то самой породы ростовщиков не было бы на свете, как нет кентавров и Горгон: роскошь породила заимодавцев, как золотых дел мастеров, как чеканщиков по серебру, как торговцев благовониями и притираниями. Не на хлеб и не на вино занимаем мы в долг, но на приобретение земли, рабов, мулов, лож, столов, на игры, которые мы из честолюбия устраиваем для народа, не получая за это никакой благодарности. Но кто однажды попался в эту сеть, остается должником до гроба, попадая от одного наездника к другому, как взнузданная лошадь, которая уже никогда не увидит своих лугов и

пастбищ. Должник обречен блуждать, как демоны, изгнанные из среды богов и с небес у Эмпедокла [15]:

> Сила эфирная их низвергает в пространное море,
> Море на землю кидает, земля же гонит в сиянье
> Неистомного солнца, а Гелий в эфирные выси
> Снова ввергает,—

так и его передают один другому то ростовщик или барышник из Коринфа, то из Патр, то из Афин, покуда он, отовсюду получая удары, наконец сам окончательно не раздробится и не разменяется на проценты! Если ты упал в грязь, надо немедля вставать или спокойно лежать, а если начнешь шевелиться и вертеться, вымокшее тело измарается еще больше: так и должники усугубляют свои невзгоды, если пытаются отделаться от одних долгов, влезая в другие и беря на себя новые проценты, так что уподобляются больным разлитием желчи, которые обычно не позволяют ухаживать за собой, не принимают врачебных предписаний и только собирают желчь: так же точно и эти не хотят принять решительных мер к выздоровлению, но в назначенные годовые сроки с мучениями и терзаниями вносят проценты, и когда набегают новые, испытывают те же приступы тошноты и головокружения. Вместо этого им следовало бы раз и навсегда разделаться с долгами и вернуть себе свободу.

8. Теперь моя речь обращается уже к тем состоятельным и бесхарактерным людям, которые говорят: «Что же мне, жить без рабов, без дома, без крова?» Так мог бы сказать врачу раздувшийся от водянки больной: «Что же мне, прикажешь исхудать?» — «А почему бы и нет, если это необходимо для выздоровления?» Так и ты откажись от рабов, чтобы самому не стать рабом; распродай вещи, чтобы не продали тебя самого! Послушай-ка басню про коршунов: когда одного из них вырвало, и он закричал, что у него вышла наружу кишка, другой возразил: «Что же тут страшного? это кишка не твоя, а того трупа, который мы недавно растерзали!» Так и любой должник продает не свой участок, не свой дом, но землю и дом своего заимодавца, которого он по закону сделал хозяином всего этого.— «Но, клянусь Зевсом,— скажет он,— это поле оставил мне отец!» — Но ведь он тебе оставил еще и свободу и честь, которые ты должен ценить еще выше! Твой родитель дал тебе еще руки и ноги, однако если твоя рука или нога будет поражена гангреной, ты сам заплатишь за то, что ее тебе отрежут. Калипсо надела на Одиссея плащ,

> Благовонным одевши покровом [16],

еще издававшим запах бессмертной плоти,— памятный дар своей любви: но когда Одиссей, потерпев кораблекрушение и погру-

зившись в волны, с трудом выбился на поверхность, а ткань намокла и отяжелела, он стянул ее с себя и отбросил, препоясал нагую грудь покрывалом и так

Поплыл, на землю взор устремляя [17],

а когда спасся, не испытал недостатка ни в одежде, ни в еде. Так что же, разве это не настоящая буря для должников, когда в назначенный срок появляется заимодавец со словами: «Отдай долг!» —

Рек, и тучи собрал, и подъял пучину морскую:
Быстро слетелись и Эвр, и Нот, и Зефир необорный [18],

и проценты начали бурно вздыматься. Теснимый волнами должник борется с их бременем, но выплыть наверх он не в силах, так что погружается в пучину и исчезает вместе с поручившимися за него друзьями.

А вот фиванец Кратет [19], не терпя никакого принуждения, не будучи никому ничего должен, но тяготясь проистекающими от богатства хлопотами и беспокойствами, отказался от своего имущества в 8 талантов и, взяв рубище и суму, бежал к философии дорогой нищеты. Так и Анаксагор бросил свои стада и земли. Да нужны ли такие примеры, если поэт Филоксен, владевший в сицилийской колонии земельным наделом, обеспечивавшим ему совершенно безбедное существование, когда увидел, что в этих краях царят роскошь, разврат и невежество, молвил: «Клянусь богами, чем мне пропадать из-за этого имения, лучше уж пусть оно пропадает из-за меня», отдал надел другим и отплыл прочь. Между тем должники терпят грубые напоминания, суровые требования, рабскую жизнь, пускаются на ухищрения; все это они сносят и не перестают, подобно Финею, кормить некиих крылатых гарпий, которые приносят и сейчас же вновь уносят их еду, и к тому же не сообразуясь со временем: нет, они закупают хлеб еще до жатвы, и скупают масло прежде, чем поспеют оливы. Ростовщик говорит: «Вино я забираю за столько-то», и вписывает цену в книжечку, между тем как гроздь еще висит на лозе и зреет, дожидаясь Арктура.

АРРИАН

Флавий Арриан родился в городе Никомедии, в Вифинии, в семье знатного человека, имевшего права римского гражданства. В молодости, во время правления императора Траяна (98—117 г. н. э.), он немало времени провел в Никополе, где слушал Эпиктета, который, подобно Сократу, излагал свое учение в беседах с учениками. Арриан по свежей памяти записывал эти беседы на разговорном греческом языке того времени. Часть этих записей сохранилась. В дальнейшем Арриан занимал административные должности в Риме, был консулом и в 136 г. н. э. получил от императора Адриана назначение на должность наместника Каппадокии.

В Каппадокии Арриан много времени уделял литературной деятельности. В «Перипле Понта Эвксинского» он описал местности, прилегающие к Черному морю, небольшую вещь «Кинегетик» посвятил охоте. Но главное внимание Арриан уделяет изучению исторической литературы. Как плоды усердных занятий и изучения трудов Фукидида Аррианом в виде стилистических опытов были написаны биографии Тимолеонта и Диона Сиракузского, до нас не дошедшие. К такому же типу работ относится и его знаменитый труд «Поход Александра» в семи книгах. Интерес историков первых веков нашей эры к жизни Александра Македонского (ср. «Историю Александра» Квита Курция Руфа, сравнение Цезаря с Александром в «Гражданских войнах» Аппиана) знаменателен для эпохи, когда Римское государство расширяло свои границы на Востоке и покоряло те самые племена, с которыми некогда воевал великий македонский полководец. В дополнение к истории походов Александра Арриан написал специальное сочинение об Индии на ионийском диалекте. Возможно, в выборе ионийского диалекта сказывается изучение трудов Геродота. После этих работ Арриан приступил к описанию истории Вифинии, которую он начал от баснословных времен и довел до 74 г. н. э. Затем в 17 книгах он описал парфянские походы Траяна. Эти два последние произведения до нас не дошли.

Афиняне предоставили Арриану права аттического гражданства, и в 147 г. он выполнял в Афинах обязанности архонта.

Последние годы жизни Арриан провел в своем родном городе.

ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА

ПОБЕДА НАД ГЕТАМИ

(I, 3—4)

3. На третий день после этого сражения [1] Александр дошел до Истра, важнейшей реки в Европе, своим течением обнимающей очень большое пространство. Берега этой реки заселены весьма воинственными народами, главным образом кельтами, живущими у ее истоков. С ними граничат квады и маркоманы, далее савроматы, языги, геты, уповающие на бессмертие, затем опять множество савроматов и наконец склеры, населяющие берега Истра вплоть до того места, где он пятью устьями впадает в Понт Эвксинский. Здесь Александр застал большие суда, прибывшие к нему из Византия через Понт по реке. Посадив на них стрелков и тяжеловооруженных воинов, он поплыл к тому острову, на который удалились трибаллы и фракийцы, и попытался там высадиться. Однако берег был защищен варварами, кораблей у Александра было мало, да и войска не особенно много, к тому же, в том месте, где они хотели пристать, берег круто обрывался, а течение реки в теснине было необычайно быстрым и представляло непреодолимое препятствие.

Тогда Александр, отведя корабли назад, решил переправиться через Истр и на противоположном берегу напасть на гетов. Он видел, что их много собралось у берега, чтобы помешать его переправе: там было до четырех тысяч конницы и свыше десяти тысяч пехоты, и у него при виде этого вспыхнуло страстное желание попасть на другую сторону Истра. Он велел взойти на суда. Из кож, которыми покрываются палатки, он приказал сделать мешки и набить их соломой, приказал также собрать многочисленные челноки, которыми местные жители пользовались для рыбной ловли, для переездов по реке, а часто и для разбоя. Когда таких приспособлений собрано было много, он посадил на них столько войска, сколько можно было переправить таким образом. И переправилось вместе с Александром до полутора тысяч всадников и до четырех тысяч пехоты.

4. Ночью они переплыли реку в том месте, где росли высокие хлеба, и никем не замеченные причалили к берегу. На рассвете Александр двинулся через поле, приказав пехоте идти, пригибая с обеих сторон колосья копьями, пока не кончится поле. За фалангой последовали всадники. Когда же они миновали засеянные поля, то Александр сам вывел конницу на правое крыло, а фалангу велел Никанору вести в виде четырехугольника. И геты не выдержали даже первого натиска конницы. Их потрясла отвага Александра, так легко в одну ночь без моста перешедшего величайшую реку Истр, страшными показались им сомкнутые

ряды фаланги и натиск конницы необыкновенно сильным. Сначала они, спасаясь бегством, укрылись в своем городе, расположенном от Истра на расстоянии парасанга. Увидав же, что Александр, опасавшийся, как бы его не окружила сидящая где-нибудь в засаде пехота гетов, поспешно повел фалангу вдоль реки, на передний фронт послав всадников, геты покинули плохо укрепленный город и, посадив на лошадей столько женщин и детей, сколько лошади могли нести на себе, удалились от реки и углубились в пустынные места. Александр же овладел городом и всей добычей, которую оставили геты.

Добычу он поручил Мелеагру и Филиппу. А сам, разрушив до основания город, принес на берегу Истра жертву Зевсу-Спасителю, Гераклу и самому Истру, благоприятствовавшему ему при переправе. В тот же день, не потеряв ни одного человека, он собрал в лагерь все свое войско. К Александру прибыли туда послы от остальных свободных племен, живущих вдоль берегов Истра, и от Сирма, царя трибаллов. Пришли послы и от кельтов, живущих и у Ионического залива. Кельты отличаются высоким ростом и большим самомнением. Все они говорили, что пришли искать дружбы Александра, и Александр со всеми обменялся клятвами верности. А кельтов он вдобавок спросил о том, что их больше всего страшит на земле, надеясь, что слава о нем достигла до кельтов и проникла еще дальше и что они назовут его. Но ответ не оправдал его надежд. Кельты, жители отдаленных от Александра, почти неприступных мест, видя, что Александр устремляется в другие места, сказали, что боятся только, как бы небо на них не обрушилось. Назвав их друзьями и сделав своими союзниками, Александр отослал их обратно, намекнув только, что кельты — хвастуны.

СЛАВА АЛЕКСАНДРА

(I, 12)

12. Когда Александр вступил в Илион, кормчий Манэтий увенчал его золотым венком, а затем то же самое сделали и прибывшие из Сигея [2] афинянин Хар и некоторые другие — как эллины, так и местные жители. Сам же Александр своими руками возложил венок на могилу Ахилла, а Гефестион [3], говорят,— на могилу Патрокла. Есть рассказ, что Александр при этом промолвил: «Счастлив Ахилл, ведь, чтобы воспеть его подвиги сложил свои песни Гомер». И в самом деле, Ахилл в этом отношении был гораздо счастливее Александра, которому не хватало именно этого, хотя он одерживал блестящие победы. О деяниях Александра людям не возвещалось достойным образом ни стихами, ни прозой, ни даже в песнях не прославляли Александра

так, как прославили Гиерона, Гелона, Ферона [4] и многих других, не идущих ни в какое сравнение с Александром. Потому-то подвиги Александра известны гораздо меньше, чем самые незначительные события древности. Так, например, о походе десяти тысяч с Киром против царя Артаксеркса [5], о судьбе Клеарха [6] и тех, кто попал в плен вместе с ним, о возвращении их под предводительством Ксенофонта [7] — обо всем этом люди, благодаря Ксенофонту, имеют более ясное представление, чем о подвигах Александра. А между тем Александр не пользовался услугами чужих войск, не спасался бегством от Великого царя [8] и победы свои одерживал не во время отступления к морю. Он единственный, кто один совершил столь много славных подвигов среди греков и варваров. И в этом, признаюсь, таилась причина того, что я, сочтя себя достойным поведать людям о подвигах Александра, принялся писать это сочинение. Думаю, мне нет надобности указывать свое имя, потому что людям оно известно, так же, как и моя родина и мой род и то, какую должность я занимал. Подпись же я поставлю такую: «Родина, семейство и чины мои заключены вот в этих писательских трудах и заключались для меня в них с самого детства». Я отношу таким образом себя к числу лучших писателей Эллады, если, конечно, и Александр среди воинов лучший.

ГОРДИЕВ УЗЕЛ

(II, 3)

3. Когда Александр пришел в Гордий [9] и поднялся в крепость, во дворец Гордия и его сына Мида, то у него вспыхнуло страстное желание увидать колесницу Гордия и узел ее ярма. В окрестных странах об этом узле много говорили; рассказывали, будто Гордий, бедный человек из древних фригийцев, занимался возделыванием небольшого клочка земли и имел две упряжки волов, на одной из которых он пахал, другую же запрягал в колесницу. Как-то раз, когда он пахал, на ярмо опустился орел и просидел на нем, никуда не улетая, до вечера. Пораженный таким зрелищем, Гордий пошел к тельмесским гадателям [10], чтобы сообщить им об этом знамении. А тельмесцы умеют толковать божественные явления, и этот дар из рода в род передается у них и женам и детям. Недалеко от одного тельмесского селения Гордий встретил девушку, несущую воду, и рассказал ей про случай с орлом. Она принадлежала к семье прорицателей и велела ему, возвратившись обратно на то место, принести жертву Зевсу-царю. А Гордий, стало быть, просил ее пойти вместе с ним и указать жертву. Жертвоприношение он совершил так, как она посоветовала ему, и женился на этой девушке; у них родился

мальчик по имени Мид. Когда Мид, отличавшийся необыкновенной красотой, достиг уже зрелого возраста, во Фригии, раздираемой внутренними сумятицами, получено было предсказание, что колесница привезет царя, который прекратит беспорядки. Еще не кончилось обсуждение этого пророчества, как к собранию на колеснице подъехал Мид вместе со своим отцом и матерью. Сообразуясь с пророчеством, в нем увидели того, о ком бог предсказал, что он будет править колесницей. И Мида сделали царем. Он положил конец волнениям, а колесницу поставил в крепости как жертву Зевсу-царю за орла. Относительно же колесницы существовало еще одно предсказание: кому по силам окажется распутать узел ярма колесницы, тому суждено подчинить себе всю Азию. Узел тот был из лыка кизилового дерева, и ни одного из концов его не было видно. Не находя способа развязать узел и не желая оставить его неразвязанным, чтобы это не смутило народ, Александр в шутку, как рассказывают одни, разрубил узел мечом и заявил, что развязал его. Аристобул [11] же говорит, что он вырвал из дышла болт, т. е. деревянный гвоздь, который проходил через все дышло и скреплял узел; тем самым он извлек ярмо из дышла. Что же в действительности делал Александр с узлом, я не берусь утверждать. Как бы то ни было, когда он со своими спутниками отошел от колесницы, то считалось, что пророчество о распутывании узла сбылось. К тому же и на небе в ту ночь было знамение: свет и раскаты грома. Александр в честь этого совершил на следующий день жертвоприношение богам, которые явили знамение и распутали узел.

БИТВА ПРИ ИССЕ

(II, 10—12)

10. Противник был уже близко [12], и Александр проезжал верхом вдоль рядов своего войска, призывая воинов показать доблесть и называя при этом с уважением и по именам не только одних командиров, но и илархов, и лохагов, и чужеземных наемников, приобретших известность благодаря своему званию или какому-нибудь подвигу. Ему в ответ со всех сторон раздался крик, что пора, не теряя времени, напасть на врагов. Однако, хотя силы Дария и были уже видны, Александр повел своих воинов сначала строем, медленно, чтобы от быстрого передвижения не разъединились сомкнутые ряды фаланги [13]. Сам он ехал верхом впереди правого крыла. Когда же они оказались от неприятеля на расстоянии пущенной стрелы, то Александр вместе с окружившими его первыми рядами поскакал прямо к реке, чтобы быстрым натиском ошеломить персов, заставить их скорее вступить в сражение и не дать им нанести македонскому войску

большой ущерб своими стрелами. Расчеты его оказались верны. Действительно, как только завязался рукопашный бой, левое крыло персидского войска обратилось в бегство, а Александру и окружавшим его воинам досталась таким образом блестящая победа. Там, где между рядами фаланги образовался наибольший разрыв, на македонян напали эллины [14]. Завязался жестокий бой: эллины стремились столкнуть македонян в реку и вернуть победу персам, которые уже спасались бегством, македоняне же старались сохранить за собой победу Александра и не уронить честь фаланги, считавшейся непобедимой. В этой схватке выразилось также и соперничество между племенем эллинским и македонским. Во время сражения был убит доблестный Птолемей, сын Селевка, и около ста двадцати других не безызвестных македонян.

11. А ряды правого крыла тем временем, видя, что стоявшие против них персы бежали, двинулись туда, где сражались чужеземные наемники Дария, оттеснили их от реки и, окружив ту часть персидского войска, в которой был сделан прорыв, набросились на нее с фланга и сразу принялись рубить врагов...

Дарий же, как только увидел, что его левое крыло, отступившее перед Александром, отрезано от остального войска, тотчас, в чем был, на колеснице одним из первых пустился в бегство. Пока путь его лежал через равнины, он спасался на колеснице, когда же встретились утесы и другие препятствия, Дарий снял с себя щит вместе с верхней одеждой и сошел с колесницы. Даже лук свой он оставил в колеснице, а сам верхом на коне продолжал бегство. Ночь помешала Александру тотчас настичь его. Дело в том, что Александр, пока было светло, гнался за ним изо всех сил, с наступлением же ночи, когда самые близкие предметы стали невидимы, он вернулся назад в лагерь, причем захватил с собой колесницу Дария, его щит, верхнюю одежду и лук. Лагерь Дария был быстро взят приступом. Там оставались мать, супруга, сестра Дария и малолетний сын его. Попали в плен также две дочери Дария и несколько окружавших их знатных персиянок. Жены остальных персов находились с прочей утварью в Дамаске, потому что Дарий заранее отослал в Дамаск большое количество денег и все те предметы роскоши, которые сопровождают великого царя даже в походе, так что в самом лагере было захвачено не более трех тысяч талантов. Впрочем, и дамасское богатство немного позднее было взято посланным туда для этого Парменионом [15]. Так закончилась эта битва. Архонтом тогда в Афинах был Никострат и шел месяц Мемактерион [16].

12. Хотя Александр был ранен мечом в бедро, он на следующий день сам обошел раненых, приказал собрать тела убитых и устроил пышное погребение, торжественно выстроив в строй все войско как будто для похода. Он с похвалой отозвался о тех, чьи

подвиги он видел сам или слышал о них от многих очевидцев. Деньгами он также одарил каждого по заслугам. Затем одного из царских телохранителей, Балакра, сына Никанора, он назначил сатрапом Киликии, а в число телохранителей включил вместо него Менита, сына Диониса. Полисперхонта [17], сына Симмия, он сделал начальником того отряда, которым раньше командовал павший в бою Птолемей, сын Селевка. Жителям Сол [18] Александр позволил не платить пятидесяти талантов из наложенной на них дани и вернул им их заложников.

Не оставил он также без внимания ни матери, ни жены, ни детей Дария. Как передают некоторые из биографов Александра, в ту самую ночь, когда, перестав преследовать Дария, он вернулся и вошел в отведенную для него палатку Дария, до слуха его донеслись вопли женщин, рыдающих около палатки. Александр, понятно, спросил, что это за женщины и почему они расположились так близко, и услыхал от кого-то в ответ: «Царь, это мать, супруга и дети Дария оплакивают его как покойника, потому что узнали, что у тебя находится лук Дария, а также его одеяние и что щит его привезен обратно». Выслушав это, Александр послал к ним гетера Леонната [19], чтобы объявить, что Дарий жив. Про оружие и одежду он велел сказать, что во время бегства Дарий оставил их на колеснице и что только они одни попали в руки Александра. Войдя в палатку, Леоннат передал им все, что касалось Дария и сообщил, что Александр не лишает их ни царской прислуги, ни других почестей, а также оставляет за ними титул цариц, потому что его война против Дария была не следствием личной вражды, а законной борьбой за господство над Азией. Такие подробности сообщают Птолемей [20] и Аристобул.

Существует также рассказ о том, как Александр сам на следующий день пришел к ним в сопровождении одного лишь гетера Гефестиона, и как мать Дария, не догадавшись, кто из них царь, поскольку оба были одеты одинаково, подошла и поклонилась Гефестиону, который показался ей более величественным. Когда же Гефестион отпрянул назад, а кто-то из ее свиты, указав на Александра, назвал Александром его и она, стыдясь своей ошибки, стала удаляться, то Александр заявил, что она не ошиблась, так как и тот был Александром [21]. Я привел этот рассказ, не считая его ни вполне истинным, ни совершенно ложным. Однако, и в том случае, если это происходило на самом деле, я хвалю Александра за сострадание к женщинам и за доверие и уважение к другу, и в том случае, если эти поступки и слова приписаны Александру биографами, как правдоподобные, я в равной мере хвалю его.

АЛЕКСАНДР В ЕГИПТЕ

(III, 2—4)

2. Александр направился в Египет [22], куда он стремился попасть с самого начала; выступив из Газы, он на восьмой день пришел в египетский город Пелусий [23]. Из Финикии в том же направлении морем плыл его флот, который раньше его достиг Пелусия и стал там на якорь.

Сатрап Дария в Египте, перс Мазакис, уже знал об исходе битвы при Иссе, о позорном бегстве Дария, о том, что Александру подчинена Финикия, Сирия и бóльшая часть Аравии; он не имел у себя никакого персидского войска и дружески принимал Александра в городах и по всей стране. В Пелусий Александр ввел гарнизон, флоту приказал плыть вверх по реке до Мемфиса, а сам вдоль правого берега Нила направился к Гелиополю [24]. Жители лежащих на его пути селений сдавались без боя. Пройдя пустыню, он достиг Гелиополя. Затем, переправившись через реку, он пришел в Мемфис. Там были принесены жертвы богам, в том числе Апису, и устроены гимнастические и музыкальные состязания; к Александру собрались тогда из Греции самые знаменитые мастера этих видов искусства. Из Мемфиса он вниз по реке поплыл по направлению к морю, посадив на корабли своих телохранителей, лучников, агрианцев [25], царский отряд конницы и гетеров. Достигнув Каноба и переплыв Марейское [26] озеро, он высадился там, где теперь возвышается город Александрия, названный так в честь Александра. Место это показалось ему великолепным для постройки города: было видно, что город тут мог бы процветать. Горя желанием скорее приступить к делу, он сам составил план города, указал, где следует поместить площадь, где и в каком количестве нужно строить храмы, посвящаемые греческим богам и египетской Изиде, и где должны быть воздвигнуты стены. При этом он приносил жертвы, и предзнаменования от них были благоприятны.

...Существует и такой, весьма правдоподобный, мне кажется, рассказ. Александр хотел сам начертить для строителей линию возведения стен, но у него не было того, чем делают надписи на земле. Тогда одному из строителей пришла в голову мысль собрать всю муку, которую воины привезли в сосудах, высыпать ее на землю там, где укажет царь, и таким образом очертить линию стены, возводимой вокруг города. Гадатели, а особенно Аристандр из Тельмесса, предсказавший Александру много истинного, узнав про это, сказали, что город будет процветать благодаря обилию земных плодов, а также и всего другого.

Тем временем в Египет приплыл Гегелох [27] и сообщил Александру, что отпали от персов и перешли на сторону Александра

тенедосцы [28], так как к персам они примыкали против воли. На Хиосе также народ призвал к себе сторонников Александра на помощь против распоряжавшихся в городе ставленников Автофрадата и Фарнабаза [29]. При этом были захвачены в плен покинутый всеми Фарнабаз и мефимнский тиранн Аристоник [30], который приплыл в хиосскую гавань на пяти пиратских кораблях, не зная, что гавань захвачена македонянами. Караул, охранявший вход в гавань, обманул его, сказав, что флот стоит там на якоре. Все пираты были казнены, но Аристоника — хиосца, Аполлонида, Фисина, Мегарея и других подстрекателей мятежа на Хиосе [31], применявших тогда насилие на острове, Гегелох привез к Александру. Еще он сообщил, что отнял у Хареса [32] Митилену, а также и остальные города Лесбоса и, заключив соглашение, привлек их на свою сторону, а также что Амфотера с шестьюдесятью кораблями он послал к Косу [33], потому что жители Коса звали их к себе. Сам он тоже приплыл на Кос и застал Амфотера уже там. И всех остальных пленных Гегелох привез с собой, за исключением Фарнабаза, который на Косе тайно бежал из-под стражи. Александр отослал тираннов обратно в те города, где они были схвачены, чтобы жители этих городов сами решили их судьбу. Хиосцев же, приверженцев Аполлонида, он под строгим надзором отправил в египетский город Элефантину [34].

3. После этого у Александра появилось страстное желание пойти в Ливию к Аммону [35], чтобы услыхать от бога какое-нибудь предсказание, ибо молва гласила, что вещание Аммона непреложно и что к нему обращались в давние дни Персей и Геракл, первый — когда Полидевк посылал его против Горгоны, второй — когда шел против Антея в Ливию и против Бусириса [36] в Египет. Александр соревновался с Персеем и Гераклом, имевшими одного с ним родоначальника [37], и сам при этом приписывал свое рождение Аммону, подобно тому, как в мифах рождение Персея и Геракла приписывается Зевсу. С такими мыслями он отправлялся к Аммону, полагая, что узнает там истину о себе или, по крайней мере, будет утверждать, что узнал ее.

До Паретония [38] он шел, как пишет Аристобул, тысячу шестьсот стадий [39] вдоль моря по пустыне, не лишенной, однако, воды. Затем он повернул в глубь страны, туда, где находился оракул Аммона. Дорога эта пустынна, бóльшая часть ее — безводные пески. Но для Александра пролилось с неба много воды, и это было приписано божественной силе. Вмешательством божества сочли также и следующее явление: когда в этой стране дует южный ветер, он несет с собой огромное количество песка и заметает дорогу, и тогда здесь, как и в море, пропадает всякая возможность определить необходимое направление пути, так как

вдоль дороги нет никаких примет — ни горы какой-нибудь, ни дерева, ни неподвижных холмов, по которым путники могли бы определять свою дорогу, как это делают моряки по звездам: поэтому войско Александра блуждало, а проводники не знали, какой путь выбрать. По словам же Птолемея, сына Лага, два дракона с шипением двигались впереди войска, и Александр приказал проводникам довериться божеству и следовать за ними; драконы же указали им путь к оракулу и обратно. А у Аристобула помещен более распространенный рассказ о том, как два ворона летели впереди войска и служили для Александра проводниками. О том, что вмешательство какого-то божества имело место, я могу говорить с уверенностью, потому что это вполне естественно, но рассказ об этом событии передан без достаточной точности из-за того, что оно было по-разному описано теми, кто писал о нем.

4. Участок земли, на котором стоит храм Аммона, окружен безводными песками пустыни. Однако в центре этого небольшого местечка (в самом широком месте оно простирается приблизительно на сорок стадий [40]) растет много выращенных человеком деревьев — маслин и финиковых пальм, и среди лежащей кругом пустыни это единственное влажное место. Находится там также источник, совсем непохожий на остальные бьющие из земли источники. Дело в том, что в полдень вода в нем холодна на вкус, а умывающемуся она кажется даже ледяной, но когда солнце клонится к закату, вода нагревается и после захода солнца до полуночи становится все теплее и теплее, теплее же всего она бывает в полночь, а после полуночи начинает постепенно охлаждаться и уже утром делается холодной, а в полдень ледяной; это повторяется каждый день.

В этой местности добывается также природная соль. Некоторые сорта этой соли доставляют в Египет жрецы Аммона. Ведь когда они отправляются в Египет, то в корзинах из пальмовых листьев относят ее в дар царю или кому-нибудь другому. Соль эта крупная, отдельные куски ее достигают в длину трех пальцев и больше; она чиста, как кристалл. Поскольку она чище морской соли, то египтяне и те, кто соблюдает религиозные обряды, используют ее при жертвоприношениях. Александр с изумлением осмотрел это место и вопросил оракула. Услыхав то, что, по его словам, было ему по душе, он отправился обратно в Египет. По мнению Аристобула, он возвращался прежней дорогой, по свидетельству же Птолемея, сына Лага, он пошел в другом направлении, к Мемфису.

АЛЕКСАНДР В НИСЕ

(V, 1—3)

1. В той стране, куда пришел Александр, между реками Кофином [41] и Индом был расположен, говорят, город Ниса [42], основанный, по преданию, Дионисом после покорения им индусов. Но кто этот Дионис, когда и откуда отправился он в поход против индусов? Я не могу решить, мог ли фиванский Дионис [43], выступив из Фив или даже из лидийского Тмола [44], повести войско против индусов и, пройдя через области, населенные множеством воинственных, неизвестных дотоле грекам племен, не покорить ни одного из них, кроме индусов. Впрочем, не нужно быть придирчивым исследователем, когда речь идет о боге. Ведь то, что в обычных условиях невероятно, оказывается не лишенным вероятности, когда речь заходит о божестве.

Когда Александр подошел к городу, нисейцы послали к нему того, кто был среди них самым главным и носил имя Акуфиса, а с ним вместе еще тридцать знатнейших граждан с просьбой оставить город свободным как дар богу. Послы вошли в палатку Александра, когда он не успел еще стряхнуть с себя пыль после дороги и сидел в полном вооружении, в шлеме и с копьем в руках. Это зрелище наполнило их ужасом, они пали ниц и долго хранили молчание. Александр, наконец, велел им подняться и отбросить всякий страх; тогда Акуфис начал свою речь следующими словами:

«Царь, жители Нисы просят тебя оставить им свободу и самоуправление в знак уважения к Дионису. Ведь Дионис, возвращаясь после покорения индусского народа, на обратном пути к эллинскому морю основал этот город силами выбывших из строя солдат, которые были одновременно и его вакхантами. Город был заложен с той целью, чтобы для грядущих поколений он служил памятником победоносного странствования Диониса, подобно тому, как ты сам основал Александрию у Кавказской горы и еще другую Александрию в Египетской земле; и много других городов ты уже основал и еще будешь основывать со временем, ты, который совершил больше подвигов, чем Дионис. Итак, Дионис назвал наш город Нисой в честь своей кормилицы Нисы, а страну эту — Нисеей; гора же близ города получила название Мерос [45], потому что Дионис по преданию рос в бедре Зевса. И с тех пор жители Нисы пользуются свободой; у нас свои законы, и мы живем благопристойно. Доказательством того, что город наш основан Дионисом, пусть послужит для тебя этот плющ [46], который не встречается ни в одном другом месте Индии, но растет у нас».

2. Александру приятно было слышать это и хотелось верить тому, что рассказывали о странствованиях Диониса, хотелось,

чтобы на самом деле Нисса была созданием Диониса, чтобы оказалось, что сам Александр уже пришел туда, куда приходил Дионис, и может идти еще дальше. Он полагал, что и македоняне, подражая подвигам Диониса, не откажутся и впредь делить с ним тяготы похода.

Жителям Нисы Александр предоставил свободу и самоуправление. Узнав их законы и то, что власть у них принадлежит знатным людям, он похвалил их порядки и пожелал, чтобы они прислали ему триста всадников и сто самых лучших мужей из числа трехсот, которые стояли во главе государства. Произвести отбор он поручил Акуфису, которого назначил своим наместаником над Нисейской страной. Говорят, что, выслушав это, Акуфис улыбнулся и на вопрос Александра, над чем он смеется, ответил: «Царь, когда у города отнимут целых сто хороших граждан, как сможет сохраняться в нем правильное управление? Нет, если ты хочешь проявить заботу о нисейцах, то всадников веди с собою триста человек, а если тебе угодно, то и больше, но вместо ста лучших людей, которых ты велишь присоединить к ним, возьми в два раза больше прочих, плохих, чтобы на обратном пути ты мог найти в нашем городе тот же неизменный порядок».

Эти слова, казавшиеся разумными, убедили Александра. Он приказал прислать всадников, а об остальных ста больше не упоминал и не требовал замены. Акуфис же отослал к нему своего сына и сына своей дочери.

Александр жаждал увидеть то место, где, как хвалились нисейцы, не исчезли следы пребывания Диониса. С конницей гетеров и со своей отборной гвардией пехотинцев пришел он на гору Мерос и убедился, что она вся покрыта плющом и лавром, что в тенистых рощах растут всевозможные породы деревьев и живут самые разнообразные дикие звери. Радостно было македонянам смотреть на плющ, которого они давно уже не видели, так как в Индии плющ нигде не встречается, даже там, где растет виноград. Быстро сплели они из него венки, надели их на себя и там же стали петь гимн Дионису, возглашая разные прозвища бога [47].

Александр совершил там жертвоприношение Дионису и пировал вместе с гетерами. У некоторых записано, если можно этому верить, что многие из близких к нему знатных македонян, охваченные божественным влечением к Дионису, безумствовали в венках из плюща и издавали исступленные возгласы.

3. Читатель может верить и не верить этому, как ему угодно. Я лично не во всем согласен с Эратосфеном Киренским [48], который говорит, что все эти божеские почести македоняне относили главным образом к личности Александра. Он даже утверждает, что македоняне видели пещеру парапамисадов [49] и слышали,

а может быть сами придумали местное предание, будто это и есть пещера Прометея, в которой он находился связанным, и будто в нее прилетал орел, чтобы питаться внутренностями Прометея, и что пришедший туда Геракл убил орла и освободил Прометея от уз.

В этом рассказе македоняне перенесли гору Кавказ из Понта в восточные края земли и страну парапамисадов в Индию, назвав гору Парапамис Кавказом для бóльшего прославления Александра. Увидев в Индии коров с клеймом в форме палицы, они сочли это свидетельством того, что Геракл побывал в тех местах[50]. Похожие на это подробности из странствований Диониса Эратосфен подвергает сомнению. Что касается меня, то я не высказываю своего мнения относительно этого.

ИНДИЯ

10. (8) В земле индусов замечательно и то, что все индусы свободны и нет ни одного индуса раба. В этом сходство между индусами и лакедемонянами. (9). Но у лакедемонян есть рабы — гелоты, которые выполняют работу рабов, у индусов же вообще нет рабов, тем более из числа индусов.

11. (1) Все индусы разделены приблизительно на семь[1] сословий. В одно из сословий входят мудрецы. Количество их меньше, чем остальных, но они пользуются наибольшим почетом и славой. (2) С них не требуют ни физической работы, ни какого-либо налога в казну. Да и вообще на мудрецов не возлагается никаких других обязанностей, кроме приношения жертв богам за все общество индусов. (3) Когда кто-нибудь от себя лично приносит жертву, один из мудрецов руководит им при этом, так как полагают, что иначе жертвоприношение не будет угодно богам. (4) Также и в искусстве гадания сведущи только они одни среди индусов, и никому другому, кроме мудреца, не позволяется давать предсказания. (5) Прорицают они относительно времен года, а также в том случае, если обществу грозит беда. Предсказывать же каждому о его личных делах — не их дело, либо потому, что они в своем искусстве не занимаются маловажными вопросами, либо потому, что считают ниже своего достоинства беспокоить себя такими вещами. (6) Тому, кто до трех раз ошибся в прорицании, никакого зла не причиняют, но обязывают его молчать всю остальную жизнь. И никто уже не заставит издать звук того человека, который осужден на молчание.

(7) Мудрецы эти не носят одежды; зимой они живут под открытым небом на солнце, а летом, когда солнце бывает мучительно,— на лугах, в болотистых местах под большими деревьями, тень от которых, по словам Неарха[2], простирается почти на 5 плетров вокруг, и таким образом под тенью одного дерева может укрыться множество людей. Так велики эти деревья[3]. (8) Питаются они плодами и корой деревьев; кора эта приятна на вкус и питательна не менее, чем финики.

(9) Следующие — это земледельцы, самое многочисленное сословие индусов. У этих нет вооружения, и до военного искусства им нет дела, но они обрабатывают землю и платят подать царям и городам, которые пользуются самостоятельностью. (10) Даже если индусы воюют друг против друга, они не смеют ни трогать тех, кто возделывает землю, ни опустошать саму землю; в то время, когда они сражаются и убивают друг друга, как это бывает на войне, другие рядом с ними спокойно пашут, жнут, подрезывают деревья, собирают плоды.

(11). Третье сословие у индусов — это пастухи, которые пасут быков и мелкий скот. Эти люди не населяют ни городов, ни деревень; они кочевники и живут в горах, подать же они платят за свой скот, кроме того, они охотятся по стране за птицами и дикими зверями.

12. (1) Четвертое сословие состоит из ремесленников и торговцев. Они также несут общественные повинности и вносят налог от своих трудов, кроме тех, однако, которые производят военное оружие. Эти последние получают еще и плату из казны. В это сословие входят корабельные мастера и гребцы, которые на судах плавают по рекам.

(2) Пятое сословие у индусов — это воины; по количеству своему они идут сразу после земледельцев, но наслаждаются бóльшей свободой и весельем, чем кто-либо. Занимаются они одними военными делами. (3) Оружие же для них делают другие; другие также доставляют им коней и прислуживают в лагере, где следят за их конями, чистят оружие, водят слонов, держат в порядке колесницы и правят ими. (4) А сами воины, если нужно воевать, воюют, в мирное же время веселятся. И на них из казны отпускается такая сумма, что еще и других легко можно кормить на эти средства.

(5) В шестое сословие у индусов входят те, кого называют надзирателями. Они наблюдают за тем, что происходит в городах и селах, и сообщают об этом царю там, где есть царская власть, а там, где индусы самостоятельны,— главным чиновникам. Они не имеют права принести ложное известие, и ни один индус никогда не был обвинен во лжи.

(6) К седьмому сословию относятся те, кто вместе с царем или с властями в городах, пользующихся самоуправлением,

держат совет о делах государства. (7). Это сословие немногочисленно, но мудростью и справедливостью оно превосходит всех. Из их числа выбираются высшие должностные лица, начальники округов, помощники начальников, хранители сокровищ, командующие войском и флотом, казначеи и начальники, распоряжающиеся земледельческими работами.

(8) Брать жен из другого сословия воспрещено; земледелец, например, не может жениться на девушке из сословия ремесленников и наоборот. Один человек не имеет права ни заниматься двумя профессиями, ни перейти из одного сословия в другое, т. е. стать, например, земледельцем из пастуха или пастухом из ремесленника. (9) Только в сословие мудрецов может у них перейти человек независимо от того, в каком сословии он родился. И это потому, что жизнь мудреца необычайно затруднительна, и он не знает послаблений.

АППИАН

О жизни Аппиана нам известно немного. Уроженец Александрии, он у себя на родине занимал почетные должности, в 116 г. н. э. принимал участие в войне, которую император Траян вел в Египте против иудеев. При императоре Адриане (117—138 гг. н. э.) Аппиан выступал в Риме в качестве адвоката, а в правление Марка Аврелия и Луция Вера (161—169 гг. н. э.) получил должность прокуратора.

Уже будучи прокуратором, он написал подробную историю Римского государства. Гражданин огромной империи, простиравшейся от берегов Тигра до побережья Атлантического океана и от Британии до Египта, современник походов Траяна в Дакию и Парфию и вместе с тем выходец из богатейшей римской провинции, некогда самостоятельной и занимавшей первое место среди государств Средиземноморья, Аппиан в своем труде большое внимание уделяет процессу покорения Римом различных народов, придерживаясь в своем рассказе не хронологического, а этнического принципа. Тем самым он концентрирует внимание читателя на истории римской политики в каждой отдельной местности и, как сам он говорит во вступлении, стремится показать доблесть и стойкость римлян.

«Римская история» Аппиана в 24 книгах охватывала период со времени прибытия Энея в Италию до войн Траяна в Дакии (107 г. н. э.). Из них книги XVIII—XXIV утрачены целиком, полностью сохранились книги о гражданских войнах (XIII—XVII), а также книги «Испанская» (IV), «Ганнибалова» (VII), «Карфагенская» (VIII), «Митридатова» (XII). От остальных дошли до нас отрывки.

Наибольший интерес представляют собой книги о гражданских войнах, где излагаются события внутренней политической жизни Рима за целое столетие (от времени Тиберия Гракха до 37 г. до н. э.). Мы не имеем другого античного сочинения, связно излагающего историю Рима за тот же период, и поэтому рассказ Аппиана приобретает особую ценность. В распоряжении нашего автора были, несомненно, не дошедшие до нас произведения современников описываемых им событий: «История» Азиния Поллиона, автобиография Августа и др.

«Гражданские войны» — это не просто повествование о событиях двухсотлетней давности, это острая политическая полемика, в которой звучит голос очевидца и раскрываются экономические причины междоусобных раздоров в Риме.

Взгляды самого Аппиана изложены им в первых главах I книги «Гражданских войн», где он, сожалея об убийстве Цезаря, высказывается как сторонник диктатуры.

«Римская история» написана на греческом языке, причем во многих местах исследователи усматривают влияние латинского оригинала.

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

КАВДИНСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ

(I, 4)

4. (1) Римляне постановили даже послов не принимать больше от самнитов [1], а вести с ними непримиримую войну, не соглашаясь ни на какие переговоры, пока те не уступят силе.

(2) Бог, однако, был возмущен такой надменностью, и римляне впоследствии были побеждены самнитами и прошли под ярмом. Самниты, которыми командовал Понтий [2], заперли их в очень узком месте [3]; римлян стал мучить голод, и консулы послали послов к Понтию, предлагая ему от римского народа благодарность, которая предоставляется не во всякое время. Он же ответил, что послов впредь следует посылать лишь в том случае, если они сложат оружие и самих себя отдадут в его руки. При этих словах поднялся стон, как бывает при взятии города, консулы медлили несколько дней, боясь совершить что-либо недостойное Рима. Но поскольку никакого спасительного выхода не представлялось, а мучения голода продолжались, то, не решаясь рисковать жизнью пятидесяти тысяч молодых воинов, они сдались Понтию и просили его, убьет ли он их, продаст ли или сохранит для выкупа, не подвергать никакому надругательству тела несчастных.

(3) Понтий вызвал для совета из города Кавдия своего отца, который по старости ездил в повозке. И старец промолвил: «Сын мой, при большой вражде лекарством служит крайний избыток как благодеяния, так и наказания. Наказания устрашают, благодеяния же привлекают на нашу сторону. Сумей эту первую победу сохранить как величайшее счастье. Отпусти всех, не причинив ни страдания, ни обиды, не отобрав ни у кого ничего, чтобы полным было величие твоего благодеяния. Римляне, как я слыхал, необычайно честолюбивы; побежденные одними благодеяниями, они постараются превзойти тебя в своей благодарности за них. Это благодеяние ты можешь сделать залогом нерушимого

мира. Если такой образ действий не привлекает тебя, тогда перебей всех без различия, не оставляй никого, чтобы и с известием в город явиться было некому. О первом способе я тебе говорю с одобрением, о втором — лишь в силу необходимости. Ведь если ты нанесешь обиду римлянам, они всячески станут мстить тебе, поэтому заранее сделай безвредными тех, с кем все равно придется сражаться. А бóльшего урона, чем гибель 50 тысяч юношей, нельзя вообразить».

(4) Таковы были его слова. Но сын возразил: «Меня, отец, не удивляет, что ты говорил о вещах, прямо противоположных друг другу. Ведь ты предупреждал, что будешь говорить об избытке того и другого. Я, однако, не стану убивать такого количества людей, опасаясь кары бога и стыдясь вызвать негодование у людей; и не буду я непоправимым злом лишать народы тех надежд, которые они возлагают друг на друга. А что касается освобождения их, то, захватив в плен этих римлян, много зла нам причинивших и до сих пор владеющих нашими садами и городами, я не решаюсь отпускать их совершенно невредимыми. Я не сделаю этого. Глупо ведь быть человеколюбивым до безумия. Рассуди сам, без меня: самниты, у которых римляне убили детей, отцов, братьев да еще отняли имущество и деньги, ищут удовлетворения. Победитель от природы необуздан, и они также высматривают, чем бы поживиться. Итак, кто потерпит, чтобы я не убил их, не продал, не подверг наказанию, но отослал бы невредимыми, как благодетелей. Поэтому-то мы не станем прибегать к крайностям; одну из них я не властен выполнить, бесчеловечности же сам не переношу. А чтобы уязвить римлян в их высокомерии и остаться безупречным в глазах остальных, я отберу у них оружие, которое они всегда направляли против нас, и деньги, которые также взяты у нас. Целыми и невредимыми проведу их под ярмом: такому позору они и сами подвергали других. При этом я заключу договор о мире между нашими народами. Как заложников я оставлю у себя знатнейших всадников, пока весь народ не одобрит этот договор. Думаю, что, поступая так, я совершу поступок достойный как победителя, так и гуманного человека. И римлянам понравится то, что они сами часто проделывали с другими, стремясь, как они говорят, быть доблестными».

(5) При этих словах Понтия старец заплакал и, сев в повозку, отправился обратно в Кавдий. Понтий же призвал посланных и спросил, уполномочен ли кто-нибудь из них вести мирные переговоры. Такого лица среди них не оказалось, так как война велась жестокая, без перемирий. Тогда через послов он передал консулам, а также остальным начальникам и всей массе войска следующее: «У нас с римлянами всегда были мирные отношения, которые вы порвали, оказывая военную поддержку нашим врагам

сидицинам[4]. Затем, когда дружба между нами была восстановлена, вы стали воевать с нашими соседями неаполитанцами. И мы видели, что вы готовитесь к захвату власти над всей Италией. Воспользовавшись безвыходным положением наших полководцев в первых битвах, вы в своем обращении с нами ни в чем себя не сдерживали; вы не довольствовались тем, что опустошали нашу землю, владели чужими селами, поселяли туда колонистов, и когда мы два раза направляли к вам послов и шли на большие уступки, вы с величайшим высокомерием требовали, чтобы мы вдобавок ко всему сложили с себя власть и были бы у вас в подчинении, как будто мы не союзники, а пленники ваши. Вслед за тем вы приняли решение вести жестокую, не на жизнь, а на смерть, войну против бывших друзей, живущих вместе с вами потомков сабинян. Так что, по вашей ненасытности, и нам не следовало бы заключать с вами мира. Но я боюсь кары богов, о чем и вам надо подумать. Помня наше родство и прежнюю дружбу, я позволяю вам пройти под ярмом и затем целыми и невредимыми уйти в одной одежде, если вы поклянетесь вернуть нам землю со всеми селами, вывести колонистов из городов и никогда больше не воевать с самнитами».

(6) Когда слова эти стали известны в лагере, то поднялся страшный вопль и плач. Ведь прохождение под ярмом считалось позором хуже смерти. А когда услыхали о всадниках, то заплакали еще сильнее. Но так как иного выхода не было, они приняли условия. Клятвы были произнесены Понтием и двумя римскими консулами, Постумием и Ветурием, а также двумя квесторами, четырьмя легатами, двенадцатью трибунами — то есть всеми, кто уцелел. После клятвы Понтий разрушил часть стены, воткнул в землю два копья, третье положил поперек и стал пропускать каждого римлянина через эти копья. Он дал им затем кое-какой скот для больных и пищу, чтобы добраться до Рима. Способ освобождения, называемый у них ярмом, может, по-моему, навлекать такой же позор, как взятие в плен.

(7) Когда известие о несчастии достигло Рима, то поднялся там плач и рыдание, как во время траура; женщины били себя в грудь, как будто мертвы были те, кто позорно спасся. Сенаторы сняли с себя тунику с широкой каймой. На целый год, пока не будет поправлена беда, прекращены были торжественные жертвоприношения, браки и тому подобные церемонии. Из тех же, кто был отпущен Понтием на свободу, одни от стыда разбежались по полям, другие вступили в город ночью. Консулы же по необходимости пришли днем, облеченные во все знаки своего консульского достоинства, но делами они с тех пор больше не занимались.

ДИКТАТУРА И ГИБЕЛЬ ЦЕЗАРЯ

(«Гражданские войны», II, 106—117)

106. Цезарь, закончив вполне эти гражданские войны [5], поспешил в Рим, внушив к себе такой страх и славу о себе, какую не имел никогда никто до него. Вот отчего и угождали ему так безмерно и были оказаны ему все почести, даже сверхчеловеческие: во всех святилищах и публичных местах ему совершали жертвоприношения и посвящения, устраивали в честь его воинские игры во всех трибах и провинциях, у всех царей, которые состояли с Римом в дружбе. Над его изображениями делались разнообразные украшения; на некоторых из них был венок из дубовой листвы как спасителю отечества, символ, которым издревле чтили спасенные своих защитников. Его нарекли отцом отечества и выбрали пожизненным диктатором и консулом на десять лет; особа его была объявлена священной и неприкосновенной; для занятий государственными делами ему были установлены сидения из слоновой кости и золота, при жертвоприношении он имел всегда облачение триумфатора. Было установлено, чтобы город ежегодно праздновал дни боевых побед Цезаря, чтобы жрецы и весталки каждые пять лет совершали за него публичные молебствия и чтобы тотчас же по вступлении в должность магистраты присягали не противодействовать ничему тому, что постановил Цезарь. В честь его рождения месяц Квинтилий был переименован в Июлий. Было также постановлено посвятить ему наподобие божества множество хоамов, и один из них — общий Цезарю и Благосклонности, причем обе фигуры протягивали друг другу руки.

107. Так они его боялись как неограниченного владыку, но молились вместе с тем, чтобы он был к ним благосклонен. Были и такие, которые предполагали дать ему титул царя. Однако он, узнав об этом, отверг это предложение: он даже угрожал сторонникам этой мысли, считая этот титул нечестивым вследствие тяготеющего над ним проклятия со стороны предков [6]. Преторские когорты [7], которые охраняли его с самой войны, он теперь уволил и появлялся в сопровождении одних лишь народных ликторов. И ему, так умеренно себя держащему, в то время, когда он занимался делами, сенат во главе с консулами — при этом каждый шел в подобающем порядке — преподнес постановление о вышеуказанных почестях. Он их приветствовал, однако не встал ни тогда, когда они к нему приближались, ни тогда, когда около него стояли: этим он подал новый повод для тех, кто обвинял его в том, что он замышляет стать царем. Цезарь все предложенные титулы принял, кроме десятилетнего консульства, назначив консулами на ближайший год себя и Антония, начальника своей конницы, на место же Антония поставил начальником

над конницей Лепида, правителя Испании. Лепид, однако, должность выполнял не сам, а через своих друзей. Затем Цезарь возвратил всех беглецов из Рима, кроме тех, кто убежал из-за какого-нибудь неизгладимого преступления, простил своим врагам и многим из тех, кто против него воевал, дал или годовые магистратуры в городе или управление в провинции или в армии. Благодаря такому поведению Цезаря, народ стал надеяться, что он вернет и демократическое правление, как это сделал Сулла, неограниченно господствовавший подобно Цезарю. Но в этом-то народ заблуждался.

108. Кто-то из тех, кто особенно поддерживал слух о вожделении Цезаря быть царем, украсил его изображение лавровым венком, обвитым белой лентой. Трибуны Марул и Цезетий разыскали этого человека и арестовали его под тем предлогом, что они делают этим угодное и Цезарю, который прежде сам угождал тем, кто будет говорить о нем как о царе. Цезарь перенес этот случай спокойно. В другой раз группа людей, встретив его у ворот Рима, когда он откуда-то шел, приветствовала его как царя, но народ при этом зароптал. Тогда Цезарь очень хитро сказал приветствовавшим его: «Я — не Рекс (царь), я — Цезарь», как будто они ошиблись в его собственном имени. Друзья Марула и другие его сторонники открыли и главаря этой группы и приказали общественным служителям представить его перед судом трибунала. Цезарь, потеряв терпение, выступил перед сенатом с обвинением против группы Марула, указывая, что они коварно набрасывают на него обвинение в стремлении быть тираном, и прибавил при этом, что считает их заслуживающими смерти, однако ограничивается только лишением их должности и изгнанием из сената. Этим поступком Цезарь больше всего сам себя обвинил в том, что он стремился к этому титулу, что от него самого идут все эти попытки и что он стал вообще тираном: ведь причиной наказания трибунов оказалось то, что они боролись против наименования Цезаря царем. Власть же трибунов была и по закону и по присяге, соблюдаемой издревле, священной и неприкосновенной; кроме того, он еще больше возбудил негодование против себя тем, что не дождался конца их служебного срока.

109. Цезарь и сам сознавал свою ошибку и раскаивался. И это было первым тяжким и неподобающим поступком, а именно, что он сделал все это, стоя во главе правления и в обстановке уже не военного, а вполне мирного времени. Передают, что он предложил своим друзьям охранять его, так он дал врагам, ищущим повод предпринять враждебные действия против него, прекрасную к тому возможность. Когда же друзья спросили его, не призвать ли опять испанские когорты для его охраны, он ответил: «Ничего нет хуже продолжительной охраны: это при-

мета того, кто находится в постоянном страхе». Испытания его, однако, в отношении склонности к царской власти нисколько не прекратились, и однажды, когда Цезарь сидел на форуме на золотом кресле перед ростpами, чтобы смотреть оттуда на Луперкалии [8], Антоний, товарищ его по консульству, подбежал, обнаженный и умащенный маслом, как обычно ходят жрецы на этом празднестве, к ростpам и увенчал голову Цезаря диадемой. При этом со стороны многих зрителей этой сцены раздались рукоплескания, но большинство застонало. Тогда Цезарь сбросил диадему. Антоний снова ее возложил, и Цезарь опять ее сбросил. И в то время как Цезарь и Антоний между собой как будто спорили, народ оставался еще спокойным, наблюдая, чем кончится все происходящее. Но когда взял верх Цезарь, народ радостно закричал, одобряя его за отказ.

110. Цезарь же, потому ли, что он сам не знал как быть, или потому, что он устал и хотел отклонить эти не то искушения, не то обвинения, или из-за своих врагов желал удалиться из города, или задумал лечиться от эпилепсии и конвульсий, которыми он часто внезапно, особенно во время отсутствия деятельности, подвергался,— неизвестно по той или другой из причин задумал большой поход на гетов и парфян [9], сперва на гетов, племя суровое, воинственное и обитавшее по соседству, а затем на парфян, чтобы отомстить им за нарушение перемирия [10] с Крассом. Он уже ранее этого послал через Ионийское море войско, состоявшее из 16 легионов пехоты и 10 000 конницы. При этом опять распространился слух, что Сивиллины книги предсказывают: парфяне тогда лишь будут побеждены римлянами, когда против них выйдет воевать царь. И опять в связи с этим некоторые осмелились говорить, что Цезаря необходимо провозгласить, как это на самом деле и было, диктатором и императором римлян и дать ему всякие иные прозвища, которыми римляне пользуются вместо титула царя, и чтобы народы, подчиненные Риму, называли его царем. Но Цезарь все это отверг, торопил приготовлениями к походу, вызывая к себе в городе недовольство.

111. Осталось всего четыре дня до отбытия, когда враги убили его в сенате из-за зависти ли к счастью Цезаря и его силе, возросшей свыше всякой меры, или, как они сами говорили, из-за попечения о восстановлении государственного строя отцов. Ведь они хорошо знали Цезаря и опасались, что, когда он покорит и те народы, против которых он собирался идти, он станет царем беспрекословно. Я полагаю, что поводом к убийству Цезаря послужило это прозвище, ибо между «царем» и «диктатором» есть лишь разница в названии, на деле же, будучи диктатором, Цезарь был бы царем. Составили этот заговор, главным образом, двое: Марк Брут, по прозвищу Цепион, сын Брута, погибшего

при диктатуре Суллы, перебежавший к Цезарю при Фарсале, и Гай Кассий, передавшийся Цезарю с триерами на Геллеспонте [11]. Оба они были сторонниками Помпея; к ним присоединился еще, из наиболее близких Цезарю лиц, Децим Брут Альбин. Все они пользовались у Цезаря почетом и доверием. Им он давал и самые значительные поручения: так, отправившись на войну в Африку, он передал им командование войском и управление Галлией: Трансальпинской — Децимy, Цизальпинской — Бруту.

112. В то время как раз Брут и Кассий, собираясь стать преторами, спорили между собой о так называемой городской претуре, которой отдается предпочтение перед другими претурами; может быть, они действительно спорили из-за честолюбия, а может быть, это была просто игра, чтобы не считалось, будто они друг с другом во всем согласны. Цезарь, выбранный ими в судьи, говорят, сказал своим друзьям, что более правым оказывается Кассий, но Бруту он уступает из-за расположения к нему. Так во всем Цезарь оказывал ему благоволение и почет. Некоторые даже полагали, что Брут приходится Цезарю сыном, так как, когда Брут родился, у Цезаря была связь с Сервилией, сестрой Катона [12]. Вот почему, говорят, и при победе при Фарсале Цезарь приказал своим полководцам все усилия приложить для спасения Брута. Но Брут или потому, что был неблагодарен, или потому, что о проступке своей матери не знал или не верил этому или стыдился, или же потому, что слишком любил свободу и предпочитал отечество отцу, или потому, что, будучи потомком Брута [13], изгнавшего в древности царей, он был подстрекаем и возбуждаем больше других со стороны народа — ибо на статуях Брута Древнего, на судейском кресле самого Брута появились надписи вроде: «Брут — ты труп?», или «почему не ты живешь теперь», или «ты — не его потомок»,— так или иначе, но многим воспламенялся юноша на дело, которое он считал делом, завещанным от предков.

113. Как раз в то время, когда слух о замыслах Цезаря стать царем был еще в силе, назначено было ближайшее заседание сената, Кассий положил свою руку на плечо Брута и спросил: «Что мы будем делать в сенате, если льстецы Цезаря внесут предложение объявить его царем?» На это Брут ответил, что он совсем не пойдет в сенат. Кассий снова его спросил: «А что мы сделаем, славный Брут, если нас туда позовут в качестве преторов?» — «Я,— ответил Брут,— буду защищать отечество до своей смерти». Тогда Кассий, обняв его, сказал: «Кто из знатных при подобном образе мыслей не присоединится к тебе? Кто, полагаешь ты, исписывает твое судейское кресло тайно надписями: ремесленники, лавочники, или же те из благородных римлян, которые от других своих преторов требуют зрелищ, конских бегов и состязаний зверей, а от тебя — свою свободу как дело,

завещанное тебе и твоим предком?» Так в первый раз они друг другу открыли то, что обдумывали уже долгое время, и каждый из них стал испытывать как собственных друзей, так и друзей самого Цезаря, тех, кого они признавали наиболее смелыми. Из их друзей к ним присоединились два брата, Цецилий и Буколиан, также Рубрий Рекс, Квинт Лигарий, Марк Спурий, Сервилий Гальба, Секстий Назон и Понтий Аквила; из друзей Цезаря они привлекли: Децима Брута, о котором я упоминал, Гая, Кассия, Требония, Тиллия Цимбра, Минуция и Бастила.

114. Когда Брут и Кассий сочли, что число их достаточно, и не считали нужным никого больше привлекать, они заключили между собой договор без клятв и жертвоприношений, и, однако, ни один из них не отступил и не оказался предателем. Все искали только подходящего времени и места. Они вынуждены были спешить, так как через четыре дня Цезарь собирался отправиться в поход, и тогда возле него будет немедленно большая военная охрана. Что касается места, то они выбрали сенат для того, чтобы сенаторы, хотя заранее о том и не знали, увидев дело, присоединились, подобно тому, как это, по преданию, было с Ромулом, когда он из царей превратился в тиранна. Они полагали, что их дело, как и дело с Ромулом, совершенное к тому же в сенате, будет принято всеми не как злодеяние, но как подвиг за отечество, предпринятый для общего блага, и это обеспечит им безопасность со стороны войска Цезаря; а честь останется за ними, так как всем будет известно, что это они были зачинателями всего дела. Вот почему все согласно выбрали сенат местом для совершения своего дела. В подробностях были расхождения. Одни считали нужным убить и Антония, так как он был консулом вместе с Цезарем, сильнейшим из его друзей и наиболее популярным человеком у войска. Брут, однако, возражал, что, убивая Цезаря, они получат славу тиранноубийц, так как убивают царя, за убийство же друзей Цезаря их сочтут просто врагами их, как сторонников Помпея.

115. Убежденные этим доводом, они только ждали предстоящего собрания сената. Накануне дня этого заседания Цезарь отправился на пир к начальнику своей конницы Лепиду и взял с собой туда Децима Брута Альбина. За чашею зашел разговор о том, какая смерть для человека всего лучше. Каждый говорил разное, и только Цезарь сказал, что лучшая смерть — неожиданная. Так он напророчил самому себе и вел беседу о том, чему предстояло случиться наутро. После попойки тело его ночью стало вялым, и жена его Кальпурния, видя во сне, что он сильно истекает кровью, отговаривала его идти в сенат. При жертвоприношении, что он делал часто, приметы оказались неблагоприятными, и он уже собрался было послать Антония отменить заседание. Но Децим, присутствовавший тут же, убеждал его не

подавать повода для обвинения в высокомерии и просил, чтобы он сам отправился распустить сенат. Цезарь отправился для этой цели на носилках. В этот день происходили зрелища в театре Помпея [14], и сенат, согласно обычному в дни игр порядку, должен был заседать в одном из портиков Помпея. Приближенные Брута отправились уже с утра в портик при театре и занимались там с большой выдержкой своими преторскими обязанностями. Узнав о неблагоприятных приметах при жертвоприношениях Цезаря и об отсрочке заседания, они были весьма смущены. Когда они были в замешательстве, кто-то, взяв Каску [15] за руку, сказал: «Ты от меня, друга, скрываешь, а Брут мне донес». И Каска, сознавая свою вину, пришел в смущение. Тот же, смеясь, продолжал: «Откуда у тебя будут деньги, необходимые для должности эдила?» Тогда Каска пришел в себя. Бруту и Кассию, задумчиво о чем-то друг с другом договаривающимся, один из сенаторов, Попилий Лена, отозвав их в сторону, сказал, что он желает успеха тому, что они замыслили, и увещевал их торопиться. Они испугались и от испуга молчали.

116. В то время как Цезаря уже несли на носилках в сенат, кто-то из его домашних, узнав о заговоре, прибежал донести то, о чем он узнал. Он пришел к Кальпурнии и сказал ей лишь то, что у него к Цезарю важные дела, и ждал, пока тот вернется из сената, так как он не все до конца знал о заговоре. Другой человек, Артемидор, книдский уроженец, бывший гостем Цезаря, побежав в сенат, нашел его уже убитым. Третий вручил Цезарю, в то время как он совершал жертвоприношения и как раз при входе в сенат, письмо с изложением заговора, письмо, которое было потом найдено в руках убитого. Едва Цезарь сошел с носилок, как Лена, тот самый, который недавно пожелал успеха друзьям Кассия, пересек ему дорогу и завел с ним серьезный разговор о каком-то личном деле. При виде того, что происходило, и при длительности беседы заговорщики испугались и уже готовились даже дать друг другу знак убить самих себя прежде, чем их схватят. Но видя, что в продолжение разговора Лена выглядит скорее просящим и умоляющим о чем-то, чем доносящим, они оправились, а когда увидели, что Лена по окончании разговора попрощался с Цезарем, снова осмелели. Был обычай, что консулы при входе в сенат совершают жертвоприношения, прежде чем войти. И жертвоприношения были опять-таки неблагоприятны для Цезаря: первое животное оказалось без сердца, а, как другие говорят, внутренности его были лишены самой существенной части. И прорицатель сказал, что это признак смерти. Цезарь, смеясь, возразил, что нечто подобное с ним случилось в Испании во время войны с Помпеем [16]. На это прорицатель ответил, что Цезарь и тогда был в большой опасности и что теперь примета еще более показательна для смерти. Цезарь тогда

Погребальная урна двух вольноотпущенников: Скантия Олимпа и Скантия Атсы

II в.

приказал ему совершить новое жертвоприношение. Но когда ни одно не давало благоприятной приметы, Цезарь, стесняясь перед сенаторами за свое опоздание и побуждаемый как будто бы друзьями, на самом деле своими недругами, пошел, пренебрегши показаниями жертвоприношений. Ибо то, что с Цезарем случилось, должно было случиться.

117. Перед входом в сенат заговорщики оставили из своей среды Требония, чтобы он разговором задержал Антония, Цезаря же, когда он сел на своем кресле, они, словно друзья, обступили со всех сторон, тайно держа кинжалы. И из них Тиллий Цимбр, став перед Цезарем, стал просить его о возвращении своего изгнанного брата. Когда Цезарь сперва откладывал решение, а затем совершенно отказал, Цимбр взял Цезаря за пурпуровый плащ, как бы еще прося его, и, подняв это одеяние до шеи его, потянул и вскрикнул: «Что вы медлите, друзья?» Каска, стоявший у головы Цезаря, направил ему первый удар меча в горло, но, поскользнувшись, попал ему в грудь. Цезарь вырвал свой плащ у Цимбра и, вскочив с кресла, схватил Каску за руку и потянул его с большой силой. В это время другой заговорщик поразил его мечом в бок, который был, вследствие поворота Цезаря к Кассию, доступен удару, Кассий ударил его в лицо, Брут в бедро, Буколиан между лопатками. Цезарь с гневом и криком, как дикий зверь, поворачивался в сторону каждого из них. Но после удара Брута... или потому что Цезарь уже пришел в совершенное отчаяние, он закрылся со всех сторон плащом и упал, сохранив благопристойный вид, перед статуей Помпея. Заговорщики превзошли всякую меру и в отношении к падшему и нанесли ему до 23 ран. Многие в суматохе ранили мечами друг друга.

ПАВСАНИЙ

Об авторе знаменитого «Описания Эллады» мы знаем только то, что он носил имя Павсания, происходил из Малой Азии и жил во II в. н. э. Труд его в 10 книгах представляет собой ценнейший источник наших сведений по мифологии, истории искусства, археологии и географии Греции, ценность которого увеличивается еще и тем, что он написан рукой очевидца. Все описание проникнуто горячей любовью к бесчисленным художественным сокровищам Эллады.

Павсаний сохранил нам множество мелких местных сказаний и преданий, большое количество мифов, относительно истинности которых он нередко выражает сомнение. Он позволяет нам понять и почувствовать ту эстетическую атмосферу, в которой жила Греция первых веков нашей эры.

ОПИСАНИЕ ЭЛЛАДЫ

СУДЬБА ГРЕЦИИ

(VII, 17, 2—3)

(2) Аттике, оправившейся после Пелопоннесской войны [1] и губительной повальной болезни и снова начавшей играть видную роль, немного лет спустя предстояло подпасть под власть Македонии, достигшей тогда наибольшего могущества. Как удар молнии, из Македонии обрушился мстительный гнев Александра и на Беотийские Фивы. Против лакедемонян воевали фиванец Эпаминонд [2] и ахейцы [3]. Когда же с трудом, как молодой отросток из дерева, поврежденного и почти засохшего, в Элладе вновь вырос Ахейский союз [4], то подлость и неспособность его военачальников погубили его рост.

(3) Позднее, когда Римская империя перешла в руки Нерона, он дал свободу всему эллинскому миру, произведя следующий обмен с римским народом, а именно: он отдал ему как се-

натскую провинцию [5] взамен Эллады остров Сардинию, в то время наиболее богатый и благоустроенный. И вот, размышляя об этом поступке Нерона, я был поражен глубокой справедливостью слов Платона, сына Аристона, что «преступления, своей величиной и дерзновенностью превосходящие обычные нормы, свойственны человеку не обычному, но благородной душе, испорченной нелепым воспитанием». Но фактически эллинам не удалось воспользоваться этим даром: когда после Нерона власть взял в свои руки Веспасиан [6], у них вновь начались между собой междуусобия и восстания. Тогда Веспасиан вновь наложил на них уплату дани и велел повиноваться наместнику, сказав, что эллинский народ отвык от свободы.

Таковы были по моим исследованиям ход и развитие истории Ахайи [7].

ПАМЯТНИКИ АТТИКИ

(I, 21, 1—3, 5; 29, 2; 30, 3; 32, 1)

21. (1) У афинян в театре стоят изображения поэтов и трагических и комических, большею частью малоизвестных; если не говорить о Менандре, то не было ни одного из комических поэтов, которые бы приобрели себе славу. Из известных писателей трагедий там находятся Еврипид и Софокл. (2) Говорят, что лакедемоняне вторглись в Аттику в момент смерти Софокла [8]. И вот их вождь увидел во сне явившегося к нему Диониса, который приказал ему почтить всеми почетными обрядами, которые полагаются мертвым, новую сирену. И ему стало ясно, что это сновидение имеет отношение к Софоклу и к его поэзии. Еще и теперь обычно всех выдающихся в поэзии и в речах сравнивают с сиренами.

(3) Изображение же Эсхила, я думаю, сделано много позднее его кончины и той картины, которая изображает марафонскую битву. Сам Эсхил рассказывал, что, будучи еще мальчиком, он заснул в поле, сторожа виноград; и вот ему явился во сне Дионис, приказав писать трагедии. Когда наступил день, он пожелал выполнить волю бога, и когда он попытался, то ему очень легко удалось писание стихов. Так он рассказывал об этом...

(5) В самой верхней части театра есть пещера в скалах [9], идущая на Акрополь, и в ней стоит треножник. На нем изображение Аполлона и Артемиды, убивающих детей Ниобы. Эту Ниобу я и сам видел, поднявшись на гору Сипил [10]; вблизи — это крутая скала, и стоящему перед ней она не показывает никакого человеческого облика — ни плачущей женщины, ни вообще женщины. Если же стать дальше, то покажется, что ты совершенно ясно видишь плачущую женщину.

29. (2) У афинян и за городом, в поселках, и по дорогам есть храмы богов и могилы героев и прославленных мужей. Ближе всего Академия, некогда владение частного гражданина, в мое время гимнасий.

30. (3) Недалеко от Академии есть могильный памятник Платону, о котором бог вперед дал знамение, что он будет самым великим в философии. А предсказал он это вот каким образом. В ночь перед тем, как Платон собирался сделаться учеником Сократа, Сократ увидал сон, что ему на грудь прилетел и сел лебедь. Лебедь же как птица славится своей большой музыкальностью; говорят, будто Кикн (лебедь) был царем лигийцев, живших по ту сторону Эридана [11], у начала кельтских земель, что он был очень музыкален и когда умер, то по воле Аполлона он был превращен в птицу. Лично я верю только тому, что у лигийцев царствовал музыкальный человек, но чтобы из человека он превратился в птицу, это мне кажется невероятным.

32. (1) От Марафона на расстоянии ста стадий находится Браурон [12], где, по преданию, высадилась Ифигения, дочь Агамемнона, бежавшая от тавров, везя с собой изображение Артемиды; оставивши здесь изображение, она отправилась в Афины, а затем в Аргос.

АРТЕМИДА ОРТИЯ

(III, 16, 6—7)

(6) Место, называемое Лимнеем [13], является храмом Артемиды Ортии. Тут находится ее деревянное изображение, которое, говорят, некогда Орест и Ифигения похитили из Тавриды. По рассказам лакедемонян, оно было перенесено в их город Орестом, который тут и царствовал. И мне кажется этот рассказ более вероятным, чем рассказ афинян. Какой смысл был Ифигении оставлять эту статую в Брауроне? И почему афиняне, когда они готовились покинуть это место, не взяли с собой на корабли и этой статуи? [14] А ведь еще и доныне так широко распространено и имя и почитание этой Таврической богини, что каппадокийцы, живущие у Эвксинского моря, утверждают, что эта статуя находится у них; претендуют на обладание ею и те лидийцы, у которых есть храм Артемиды — Анаитиды [15]. Выходит, что афиняне не обратили внимания на то, что статуя стала добычей мидийцев! Ведь из Браурона она была увезена в Сузы, а впоследствии Селевк [16] подарил ее жителям сирийской Лаодикеи [17], и они владеют ею до сих пор. Что деревянная статуя Артемиды Ортии в Лакедемоне привезена от варваров, свидетельством мне служит следующее: во-первых, нашедшие эту статую Астрабак и Алопек, дети Ирбы, сына Амисфена, внука Амиклея, правнука Агида [18], тотчас сошли с ума; во-вторых, когда спартанцы-

лимнаты, жители Киносур, Месои и Китана [19], стали приносить ей жертву, они были доведены до ссоры, а затем и до взаимных убийств, и в то время, как многие умерли у самого алтаря, остальные погибли от болезни. (7) После этого им было сообщено божье слово — орошать жертвенник человеческой кровью. Прежде приносили в жертву того, на которого указывал жребий, но Ликург заменил это бичеванием эфебов, и алтарь стал таким образом орошаться человеческой кровью. При этом присутствовала жрица, держа в руках деревянное изображение. Будучи маленьким по величине, это изображение было очень легким, но если бывает, что бичующие бьют эфеба слабо, щадя или его красоту или его высокое положение, тогда у жрицы деревянное изображение становится тяжелым, так что его трудно бывает удержать, и она начинает укорять бичующих и говорит, что мучается по их вине. Так продолжают удовлетворять человеческой кровью эту статую после таврических жертвоприношений. Ее же называют не только Ортией (прямо стоящей), но и Лигодесмой (связанной ивой), так как она была найдена в кусте ив, и ивовые ветки, охватившие ее кругом, поддерживали статую прямо.

ДИОНИСИЙ ПЕРИЭГЕТ

От Дионисия Периэгета, т. е. «Описателя» (первая половина II в. н. э.) дошла географическая поэма, заключающая в себе более 1000 стихов гекзаметром и дающая описание всех известных в то время стран; она носит название «Описание ойкумены» (т. е. населенной части земли) и является ценным источником для изучения географических сведений во II в. н. э.

ПРОЛОГ К «ОПИСАНИЮ ОЙКУМЕНЫ»

(ст. 1—25)

Песню начавши мою о земле и о море широком,
О городах, о потоках, о сонме народов несметном,
Прежде всего Океан вспомяну я глубокопучинный.
В нем вся земля, словно остров огромный, лежит, обвитая
Всюду водой, как венком; но не круглы ее очертанья:
Там, куда солнце идет, земля становится узкой,
Форму принявши праща. Хотя земля и едина,
Люди, ее на три части разбив, им дали названья:
Ливии — первой, Европы — второй и Азии — третьей.
Ливии грань и Европы дугою кривой изогнулась;
Тянется эта дуга от Гадеса [1], а Нильское устье
Служит концом для нее; там Египет глядит на Борея,
Там прославленный храм воздвигнут в память Каноба [2],
Азии грань и Европы — река Танаис; извиваясь,
Он сквозь страну Савроматов течет из пределов Борея [3],
Скифии край прорезает, стремясь в Меотийские топи [4].
К югу граница идет, Геллеспонта касаясь; оттуда
Тянется далее к югу, кончаясь у Нильского устья.

Впрочем, считают иные, что грань пролегает на суше.
Есть перешеек большой — он в Азии самый высокий —
Между Каспийской пучиной и морем Эвксинским; его-то
Многие гранью считают Европы и стран азиатских.
Есть перешеек другой, огромный и длинный, он к югу
Тянется между арабским заливом и краем Египта.
Он от азийских земель отделяет ливийские страны.

МАРК АВРЕЛИЙ

Автор размышлений «Наедине с собой» — римский император Марк Аврелий Антонин (годы жизни 121—180 гг. н. э.; годы правления 161—180 гг. н. э.). Он происходил из знатного рода Анниев, выходцев из Испании, по преданию, ведущего свое начало от легендарного римского царя Нумы Помпилия; родился в Риме и рос при дворе Адриана, по инициативе которого, путем распространенной тогда и теоретически обоснованной стоиками «адоптации» (усыновления) стал наследником императорской власти. Марк получил разностороннее образование. Среди его учителей были: грамматик Евфорион, комический актер Гемин, музыкант Андрон, известный греческий ритор-софист Герод Аттик, латинский ритор-архаист Корнелий Фронтон, философы-стоики Аполлоний Халкедонский, Юний Рустик, перипатетик Клавдий Север, известный живописец Диогнет, юрист Луций Волузий Мециан. О некоторых из них Марк с благодарностью вспоминает в первой книге своих размышлений (например, об Аполлонии, Рустике, Фронтоне, Диогнете). Любимой его наукой с отроческих лет стала философия, особенно учение стоиков, несмотря на то, что ритор Фронтон, которого очень уважал Марк, всеми силами старался склонить его на сторону риторики.

Стоицизм к этому времени (благодаря Сенеке, Эпиктету, Диону Хрисостому) получил широкое распространение в империи. Это идеалистическое учение, с его утверждением неизменности всего существующего, неизбежности судьбы, проповедью бездействия и смирения, дружбы между всеми людьми без различия их классовой принадлежности, было выгодно господствующим классам. Стоики создали теорию об идеальном просвещенном монархе, не «тиранне», заботящемся о благе граждан и государства и требующим для себя лишь самого малого. Образ Марка Аврелия, нарисованный Капитолином в его «Жизнеописании Марка Антонина», чрезвычайно похож на этот «идеал» монарха, проповедуемый стоической философией. Как рассказывает Капитолин, Марк с детства отличался необыкновенной серьезностью и усердием в занятиях, скромностью и воздержанием (II, III). Антонин Пий чувствовал к нему исключительное доверие и еще при жизни сделал его соучастником своей императорской власти и ничего не предпринимал без его ведома, а Марк никогда не злоупотребил его доверием (VI). Он был бескорыстен и отказывался от наследств в пользу родственников (VII); как никто из государей оказывал уважение сенату, оберегал государственные доходы и

презирал доносы (X—XI); с успехом вел войны, с умеренностью и добротой управлял провинциями (XXVII). Он терпеливо переносил распущенный образ жизни своего брата и соправителя Луция Вера (VIII); великодушно прощал жену, поведение которой вызывало порицание окружающих (XXIX); стойко выдержал разочарование в сыне, в котором он не видел достойного себе преемника. Смерть Марк принял, как подобает философу: спокойно и мужественно, за несколько дней до нее отказавшись от пищи (XXVIII).

Словом, девизом всей его жизни, как говорит Капитолин, было изречение Платона: «Государство процветало бы, если бы философы были властителями или если бы властители были философами» (XXVII).

Таким «философом на троне» сохранился он в памяти потомков, таким он был, видимо, и в почтительном восприятии современников. Не будем говорить о том, насколько далек этот образ от реального Марка Аврелия; важно что такое представление о нем, как о смиренном труженике и подвижнике, созданное с помощью самой лицемерной из всех философских школ — стоической,— было выгодно власти.

В области искусства и литературы Марк Аврелий продолжал начатую еще Траяном и Адрианом политику покровительства и фаворитизма: учредил в Риме несколько государственных философских и риторских школ, старался приблизить ко двору наиболее известных риторов, философов, деятелей искусства. Характерно, что к произведениям искусства и литературы он подходил, главным образом, с точки зрения их нравоучительности (см. например, «Наедине с собой», XI, 6). Обычно годы правления Антонина Пия (138—161) и годы правления Марка Антонина (161—180 гг. н. э.) считают кульминационным пунктом развития империи, ее «золотым веком». Далее идет постепенный спад, завершившийся кризисом III века. Предчувствие этого кризиса наложило отпечаток на размышления Марка Аврелия «Наедине с собой», придав им пессимистическую окраску. Записки были найдены и изданы уже после его смерти. Большая их часть — он вел их на греческом языке в виде дневника, для самого себя — была написана во время дунайских походов. Они состоят из двенадцати книг, разделенных на главы. Каждая из этих глав представляет изложение какой-то одной мысли и не связана с предыдущей или последующей главой. Разделение на книги чисто механическое. Единства внутри них, исключая первую, не существует. Как нет здесь четкого внешнего плана, так нет здесь и систематического изложения философских взглядов Марка Аврелия — это отдельные высказывания преимущественно на морально-этические темы (этика составляла главную часть философии стоиков). По запискам видно, что Марк Аврелий отнюдь не отличается догматизмом — он любит приводить понравившиеся ему изречения также и других философов.

Основные положения Марка Аврелия сводятся к следующему: надо жить согласно природе, с философским спокойствием и безразличием относясь ко всему происходящему в мире. Что бы ни управляло миром — закон или случай — надо стремиться к добру. Счастье — в добродетели, а добродетель — в смирении. Каждому выпадает тот жребий, которого он достоин, и с этим надо мириться. Так как изменить что-либо во внешнем положении

вещей и противиться судьбе невозможно, человек все свои силы должен направить на самоусовершенствование.

Марк Аврелий постоянно говорит о неизбежности смерти, о мимолетности жизни. По его мнению, краткость жизни и непрочность окружающего оправдывает добровольный уход от жизни.

Марк Аврелий был последний крупный представитель римского стоицизма. На его философии сказалась бесперспективность развития разлагающегося рабовладельческого общества.

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Книга I

1. Деду Веру [1] я обязан сердечностью и незлобивостью.

2. Славе родителя [2] и оставленной им по себе памяти — скромностью и мужественностью.

3. Матери [3] — благочестием, щедростью и воздержанием не только от дурных дел, но и от дурных помыслов. А также и простым образом жизни, далеким от всякого роскошества.

4. Прадеду [4] — тем, что не посещал публичных школ, пользовался услугами прекрасных учителей на дому и понял, что на это не следует щадить средств.

5. Воспитателю [5] — тем, что не интересовался исходом борьбы между зелеными и голубыми [6], или между гладиаторами фракийского и галльского вооружения, что вынослив в трудах, довольствуюсь малым, не поручаю своего дела другому, не берусь за множество дел и невосприимчив к клевете.

6. Диогнету [7] — нелюбовью заниматься пустяками и неверием в россказни чудотворцев и волшебников о заклинаниях, изгнании бесов и тому подобных вещах, тем, что не разводил перепелов [8] и не увлекался ничем подобным, и тем, что меня не выводит из себя свободное слово, что я отдался философии ребенком, писал диалоги и почувствовал влечение к простому ложу, звериной шкуре и прочим принадлежностям греческого образа жизни [9].

7. Рустику [10] — тем, что пришел к мысли о необходимости исправлять и образовывать характер, не проникся духом софистики, не занимался сочинительством теорий, не держал увещательных речей, не разыгрывал напоказ ни страстотерпца, ни общего благодетеля, не увлекался ни риторикой, ни поэтикой, ни крас-

нобайством, не разгуливал дома в сто́ле [11] и не делал ничего подобного. Благодаря ему я пишу письма без всяких затей, вроде того, которое он сам написал моей матери из Синуессы [12], всегда готов примириться с оскорбителями и обидчиками, лишь только они сделают первый шаг, вникаю во все, что приходится читать, не довольствуясь поверхностным обзором, не соглашаюсь тотчас же с людьми, сыплющими словами, и благодаря ему же я познакомился с воспоминаниями об Эпиктете [13], которыми он ссудил меня из своей библиотеки.

8. Аполлонию [14] — свободой и решимостью и тем, что неуклонно не взираю ни на что, кроме как на разум, и всегда остаюсь себе верным, при жестокой боли, при потере ребенка, в опасной болезни. Благодаря ему я на живом примере ясно увидел, что в одном и том же лице величайшая настойчивость может ужиться со снисходительностью, благодаря ему я не выхожу из себя, когда приходится растолковывать что-либо; я видел человека, который уменье и сноровку в передаче знаний почитал наименьшим из своих достоинств, и понял, каким образом следует принимать от друзей так называемые услуги, не оставаясь в вечном долгу из-из них, но и не оставляя их равнодушно, без внимания.

9. Сексту [15] — благожелательностью, образом дома, руководимого отцом семейства [16], решением жить согласно природе, безыскусственной серьезностью, заботливым отношением к друзьям, запасом терпения в отношении к людям невежественным и опрометчиво судящим и уменьем со всеми ладить: общение с ним было приятнее всякой лести, и в то же время он пользовался у этих людей величайшим уважением. Он учил меня с пониманием и методически отыскивать и располагать необходимые для жизни основоположения (δόγματα), не выказывать признаков гнева или какой-либо другой страсти, но сочетать любвеобилие с полнейшей свободой от страстей, пользоваться доброй славой, не вызывая шума, и обладать большими познаниями, не выставляя их напоказ.

10. Александру-грамматику [17] — воздержанием от упреков и обидных замечаний по адресу людей, обмолвившихся каким-либо варварским, ошибочным или неблагозвучным выражением: в подобных случаях я, следуя ему, стараюсь употребить правильное выражение в форме ли ответа, подтверждения, совместного исследования самого предмета, а не оборота речи, или же посредством какого-либо другого уместного приема напоминания.

11. Фронтону [18] — пониманием того, каковы злорадство, коварство и лицемерие, присущие тираннии, и того, насколько, в общем, черствы душой люди, слывущие у нас аристократами.

12. Александру-платонику [19] — тем, что не часто и не без необходимости ссылаюсь на недуг, как в разговоре с кем-нибудь, так и в письмах, и не пренебрегаю, таким образом, постоянно,

под предлогом неотложных дел, обязанностями по отношению к близким.

13. Катулу [20] — тем, что не оставляю без внимания жалобы друзей, даже если они неосновательны, но стремлюсь, по возможности, все вернуть к порядку, что от чистого сердца воздаю хвалу учителям, как это делали, судя по воспоминаниям, Домиций и Атенодот [21], а также истинной любовью к детям.

14. Брату моему Северу [22] — любовью к домашним, к истине и справедливости, знакомством, через его посредство, с Тразеей, Гельвидием, Катоном, Дионом и Брутом [23], представлением о государстве с равным для всех законом, управляемом согласно равенству и равноправию всех, и о царстве, превыше всего чтущем свободу подданных. Ему же я обязан и тем, что неизменно чту философию, делаю добро, постоянен в проявлениях щедрости, исполнен благих надежд и верю в любовь со стороны друзей. Осуждая кого-нибудь, он не скрывал этого, а его друзьям не приходилось догадываться, чего он хочет или не хочет, так как это всем было ясно.

15. Максиму [24] — самообладанием, настойчивостью, бодростью в болезнях и других невзгодах, уравновешенностью, мягкостью и достоинством характера, рвением в исполнении стоящих на очереди дел; что бы он ни говорил, все верили в его искренность, что бы ни делал,— в отсутствие злого умысла. Ему же я обязан тем, что ничему не удивляюсь и ничем не поражаюсь, ни в чем не проявляю ни спешки, ни медлительности, ни растерянности, ни уныния, ни злорадства, ни гнева, ни мнительности, и тем, что предан добру, готов простить обиду, чуждаюсь лжи, предпочитаю верность своему долгу последующему исправлению, соблюдаю благопристойность и в шутках: никто не считал себя презираемым им, но никто не решался и счесть себя выше его.

16. Отцу своему [25] — кротостью и непоколебимой твердостью в решениях, принятых по зрелом обсуждении, отсутствием интереса к мнимым почестям, любовью к труду и старательностью, внимательным отношением ко всем, имеющим внести какое-либо общеполезное предложение, неуклонным воздаванием каждому по его достоинству, знанием, где нужны меры строгости, а где кротости, искоренением любви к мальчикам, преданностью общим интересам. Он разрешил своим друзьям даже вовсе не присутствовать на его обедах и не принуждал их сопровождать его в путешествиях. Если кто отлучался по делам, то, возвращаясь обратно, находил его расположенным к себе по-прежнему. Во время совещаний он настаивал на исследовании всех обстоятельств дела и не спешил положить конец обсуждению, довольствуясь первым встретившимся решением. Он старался сохранить своих друзей, не меняя их по капризу, но и не обнаруживая

к ним чрезмерного пристрастия. Уверенность в своих силах и бодрость были его постоянными спутниками. Он предвидел отдаленные события и предусматривал самые ничтожные обстоятельства, не кичась этим. Угодливость и вообще всякая лесть были ему противны. Он всегда был на страже государственных нужд и бережно тратил общественные средства, не боясь упреков за это. Ему были равно чужды, как суеверие по отношению к богам, так и заискивание и угождение по отношению к людям или потакание черни — наоборот, трезвость, положительность, благопристойность, постоянство были его отличительными свойствами. Что касается вещей, которые красят жизнь и которыми судьба одарила его в изобилии, то он пользовался ими без тщеславия, но и без скупости, так что, пользуясь беспритязательно тем, что имелось налицо, он не нуждался в том, чего не было. Никто не мог про него сказать, что он софист, болтун или педант, но всякий должен был признать в нем человека зрелого, совершенного, не доступного лести, способного устроить и свои дела и чужие. Кроме того, он умел ценить истинных философов, к остальным же относился без пренебрежения, хотя и не давался им в обман. Отличаясь приветливостью, он не прочь был и пошутить, но никогда не переходил границ. Он заботился должным образом и о своем теле, не как человек, цепляющийся за жизнь, не стремясь к внешней красоте, но и не оставляя его в небрежении; своим вниманием к нему он имел в виду достичь того, чтобы возможно менее нуждаться во врачебном искусстве или же во внутренних и наружных лекарствах. Но особенно замечательна та готовность, с которой он признавал превосходство людей, приобретших особую авторитетность в какой-нибудь области, например, в красноречии, познании законов, нравов или еще чего-нибудь; он даже прилагал все усилия, чтобы каждый из них получил известность в меру своих дарований. Во всем блюдя заветы отцов, он в то же время даже не старался казаться следующим им. Кроме того, ему были чужды непостоянство и непоседливость, и он подолгу оставался в одних и тех же местах и при одних и тех же занятиях. После жестоких припадков головной боли он, как ни в чем не бывало, со свежими силами принимался за обычные дела. Секретов у него было очень мало, да и те относились только к общественным делам. В устройстве зрелищ, возведении зданий, в своих щедротах и тому подобном он проявлял благоразумие и умеренность. Во всяком поступке его занимало только должное, а не добрая слава, сопутствующая такому поступку. Он не пользовался банями в неурочное время, не увлекался постройкой зданий, был непритязателен в вопросе о еде, о ткани, о цвете одежд, о красоте рабов. Обыкновенно в Лории он носил сто́лу, изготовленную в соседней деревне, в Ланувии по большей части ходил одетым в хитон, в Тускуле [26] же

носил плащ, считая нужным извиняться в этом — и таков он был во всем. Не было в нем ничего грубого, непристойного, необузданного, ничего такого, что позволило бы говорить об «усердии не по разуму»; наоборот, он все обсуждал во всех подробностях, как бы на досуге, спокойно, держась известного порядка, терпеливо, сообразуясь с самим делом. К нему вполне можно было бы применить то, что повествуется о Сократе[27]: именно, он мог и воздерживаться, мог и пользоваться всем тем, относительно чего большинство людей бессильно в воздержании и неумеренно в пользовании. Но проявлять в одном случае терпение, в другом — воздержание, в третьем — трезвость суждения достойно человека, обладающего душою совершенной и непреклонной. Именно таким показал он себя во время болезни Максима.

17. Богам — тем, что у меня хорошие деды, хорошие родители, хорошая сестра, хорошие учителя, хорошие домочадцы, родственники, друзья, почти все окружающие, и тем, что мне не пришлось обидеть никого из них, хотя у меня такой характер, при котором я, при случае, и мог сделать что-нибудь подобное: но, по милости богов, не было такого стечения обстоятельств, которое должно было бы меня обличить. Им же я обязан и тем, что не долго воспитывался у наложницы деда и что сохранил в чистоте свою юность, не возмужал раньше времени, а даже запоздал в этом отношении. Богов я должен благодарить и за то, что моим руководителем был государь и отец, который хотел искоренить во мне всякое тщеславие и внедрить мысль, что, и живя при дворе, можно обходиться без телохранителей, без пышных одежд, без факелов, статуй и тому подобной помпы, но вести жизнь, весьма близкую к жизни частного человека, не относясь поэтому уже с пренебрежением и легкомыслием к обязанностям правителя, касающимся общественных дел. Их же я должен, благодарить, далее, за то, что у меня был брат, который своим характером мог подвигнуть меня на заботу о самом себе и который в то же время доставлял мне радость своим уважением и любовью ко мне, за то, что мои дети не были обижены ни в умственном, ни в физическом отношении, и за то, что я не сделал больших успехов ни в риторике, ни в поэтике, ни в других занятиях, которым, быть может, я бы посвятил себя, если бы знал за собой бóльшую успешность. Богам я обязан и тем, что безотлагательно взыскал своих воспитателей теми почестями, которых они, по-видимому, добивались, а не ласкал их только надеждою, что сделаю это впоследствии, так как сейчас они еще молоды; и тем, что познакомился с Аполлонием, Рустиком, Максимом. Я часто думал о жизни, согласной с природой, и ясно представлял себе, какова она. Боги, с своей стороны, сделали все своими дарами, помощью и внушением, чтобы я мог беспрепятственно жить согласно природе, и если я не жил так, то по

своей вине и потому, что не следовал их указаниям и подчас прямым наставлениям — за это я также должен быть признателен богам, равно как и за то, что, при такой жизни, мое тело не отказалось мне служить до сих пор, и за то, что избег сближения с Бенедиктой и Феодотом, да и впоследствии быстро исцелялся от любовных увлечений; за то, далее, что, часто сердясь на Рустика, не сделал ничего такого, в чем бы пришлось потом раскаиваться, и за то, что моя мать, которой суждено было умереть молодой, последние годы провела со мною. Благодарение богам и за то, что не было такого случая, чтобы я хотел помочь бедному или же вообще нуждающемуся, но должен был отказаться от этого за неимением средств, и за то, что сам никогда не был в такой нужде, чтобы быть вынужденным брать у других, и за то, что у меня такая преданная, любвеобильная, откровенная жена [28], и за то, что никогда не имел недостатка в хороших воспитателях для моих детей. Им же я обязан и полученным мною во сне указанием средств как против кровохаркания и головокружения (что случалось и в Каэте) [29], так и против других недугов, и тем, что, почувствовав влечение к философии, я не попал в руки какого-нибудь софиста, не увлекся ни историей, ни анализом силлогизмов, не отдался изучению небесных явлений. Ибо для всего этого нужна помощь богов и милость судьбы.

Книга II

5. Всегда ревностно заботься о том, чтобы дело, которым ты в данный момент занят, исполнять так, как достойно римлянина и мужа, с полной и искренней сердечностью, с любовью к людям, со свободой и справедливостью; и о том также, чтобы отстранить от себя все другие представления. Последнее удастся тебе, если ты каждое дело будешь исполнять, как последнее в своей жизни, свободный от всякого безрассудства, от обусловленного страстями пренебрежения к велениям разума, от лицемерия, себялюбия и недовольства своей судьбой. Ты видишь, как немногочисленны требования, исполнив которые, всякий сможет жить блаженной и божественной жизнью. Да и сами боги от того, кто исполняет эти требования, ничего больше не потребуют.

17. Время человеческой жизни — миг; ее сущность — вечное течение; ощущение — смутно; строение всего тела — бренно; душа — неустойчива; судьба — загадочна; слава — недостоверна. Одним словом, все, относящееся к телу, подобно потоку, относящееся к душе — сновиденью и дыму. Жизнь — борьба и странствие по чужбине; посмертная слава — забвение. Но что же может вывести на путь? Ничто, кроме философии. Философствовать же значит оберегать внутреннего гения от поношения и изъяна, добиваться того, чтобы он стоял выше наслаждений и страданий,

чтобы не было в его действиях ни безрассудства, ни обмана, ни лицемерия, чтобы не касалось его, делает или не делает чего-либо его ближний, чтобы на все происходящее и данное ему в удел он смотрел, как на проистекающее оттуда, откуда изошел и он сам, а самое главное,— чтобы он безропотно ждал смерти, как простого разложения тех элементов, из которых слагается каждое живое существо. Но если для самих элементов нет ничего страшного в их постоянном переходе друг в друга, то где основания бояться кому-либо их общего изменения и разложения? Ведь последнее согласно с природой, а то, что согласно с природой, не может быть дурным.

Книга III

5. Не поступай ни против своей воли, ни в разрез с общим благом, ни как человек опрометчивый или поддающийся влиянию какой-нибудь страсти, не облекай свою мысль в пышные формы, не увлекайся ни многоречивостью, ни многоделанием. Пусть божество в тебе будет руководителем существа мужественного, зрелого, преданного интересам государства, римлянина, облеченного властью, чувствующего себя на посту, подобного человеку, который, «не нуждаясь ни в клятве, ни в поручителях», с легким сердцем ждет зова оставить жизнь. И светло у тебя будет на душе, и ты не будешь нуждаться ни в помощи извне, ни в том спокойствии, которое зависит от других.

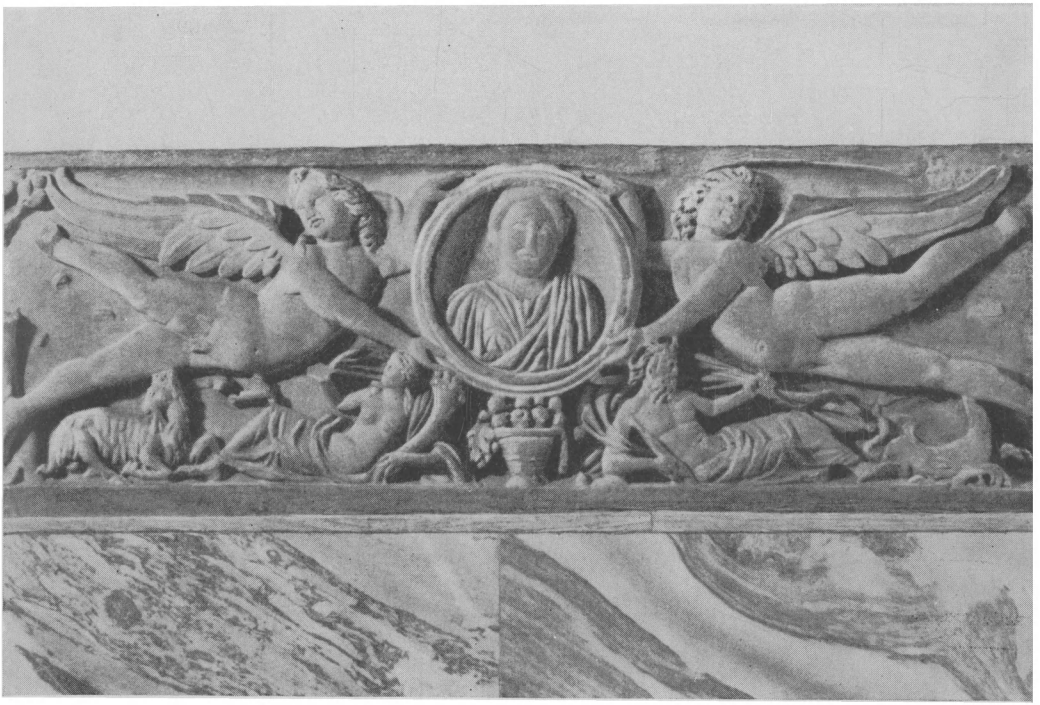
Итак, следует быть правым, а не исправляемым.

Книга IV

17. Не живи так, точно тебе предстоит еще десять тысяч лет жизни. Уж близок час. Пока живешь, пока есть возможность, старайся быть хорошим.

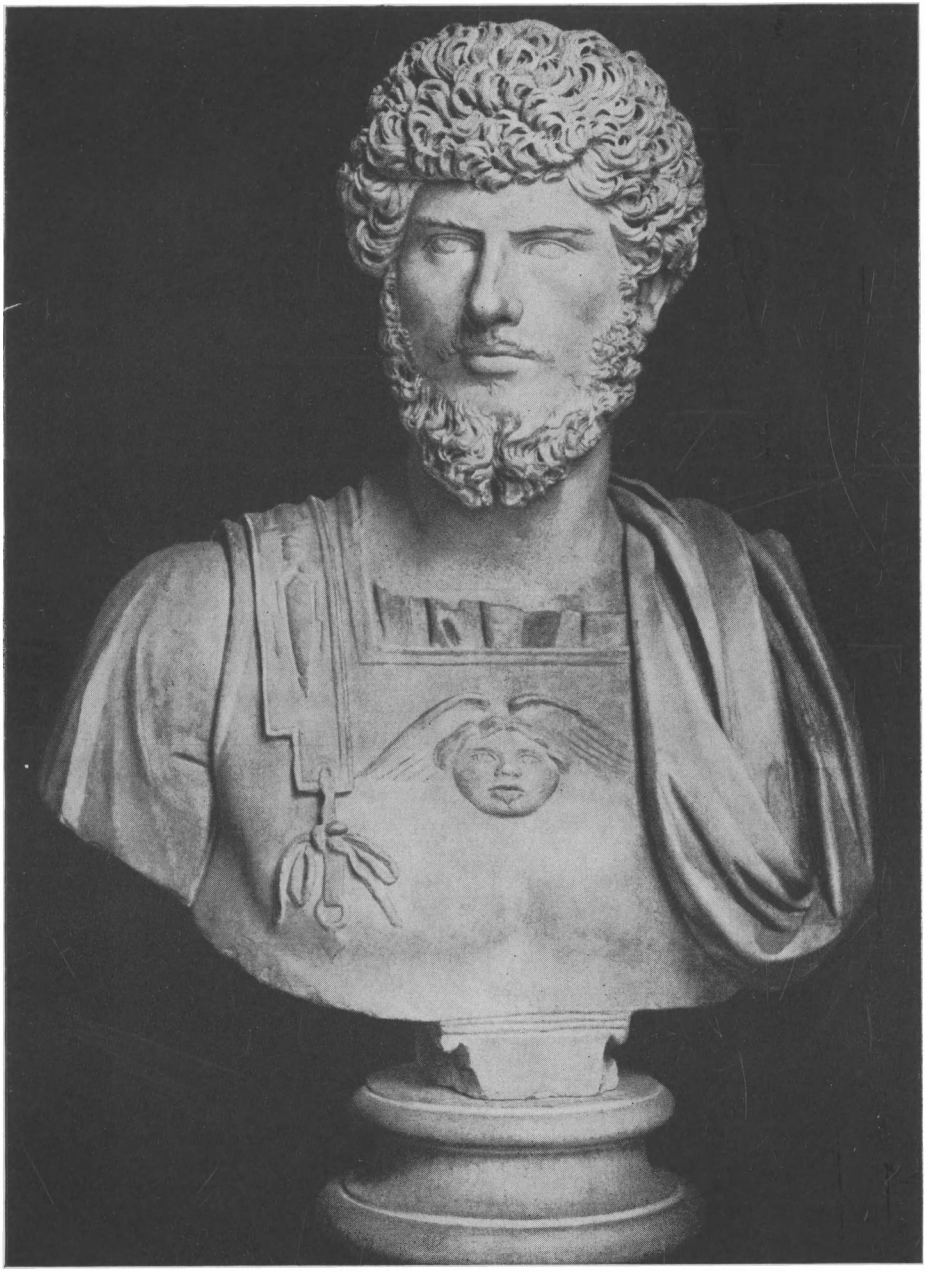
20. Все прекрасное, чем бы оно ни было, прекрасно само по себе; похвала не входит в него составной частью. Поэтому от похвалы оно не становится ни хуже, ни лучше. Я имею здесь в виду и то, что называется прекрасным с обычной точки зрения, как, например, материальные вещи и произведения искусства. А в какой похвале могло бы иметь нужду действительно прекрасное? Не более, чем закон, не более, чем истина, не более, чем благожелательность, чем порядочность. Что из всего этого прекрасно вследствие похвал или извращается благодаря порицанию? Разве смарагд от отсутствия похвалы становится хуже? А золото, слоновая кость, пурпур, мрамор, цветок, растение?

31. Люби то немудреное искусство, которое ты изучил, и в нем находи удовлетворение. Остаток жизни проживи, как человек, всей душой предавшийся, во всем касающемся его, на во-

Саркофаг с изображением умершего в медальоне

Начало IV в.

Бюст Луция Вера

II в

лю богов и не желающий быть ни рабом, ни тираном по отношению к кому-нибудь из людей.

33. Слова, бывшие некогда обычными, теперь нуждаются в пояснении. То же и с именами некогда прославленных мужей, как Камилл, Цезон, Волез, Леоннат [30]; скоро та же участь постигнет и Сципиона, и Катона, затем Августа, а потом очередь и Адриана, и Антонина. Все в мире недолговечно и вскоре начинает походить на миф, а затем предается и полному забвению. И я еще говорю о людях, в свое время окруженных необычайным ореолом. Что же касается остальных, то стоит им испустить дух, чтобы «не стало о них и помину». Что же такое вечная слава?— Сущая суета. Но есть ли что-нибудь, к чему следует отнестись серьезно? Только одно: праведное помышление, общеполезная деятельность, речь, не способная ко лжи, и душевное настроение, с радостью приемлющее все происходящее как необходимое, как предусмотренное, как проистекающее из общего начала и источника.

51. Всегда иди кратчайшим путем. Кратчайший же — путь, согласный с природой; он в том, чтобы блюсти правду во всех речах и поступках.

Подобное решение избавит тебя от утомления, борьбы, пригворства и тщеславия.

Книга V

1. Если тебе не хочется подыматься чуть свет, то тотчас же скажи себе: «Я встаю, чтобы приняться за дело человеческое. Неужели же я буду досадовать на то, что иду на дело, ради которого я создан и послан в мир! Неужели мое назначение — греться, растянувшись на ложе?» — «Но последнее приятнее».— «Так ты создан для наслаждения, а не для деятельности и напряжения сил? Почему ты не смотришь на растения, пичужек, муравьев, пауков, пчел, делающих свое дело, и, по мере сил своих, способствующих красоте мира? Ты же не желаешь делать дела человеческого? И не спешишь к тому, что отвечает твоей природе?» — «Но ведь нужно и отдохнуть».— «Согласен. Однако природа установила для этого известную меру, как установила ее и для еды и для питья. Но ты все же идешь дальше меры и дальше того, что достаточно. В деятельности же своей ты не достигаешь этой меры, не доходишь до границ возможного, ибо ты не любишь самого себя. Иначе ты бы любил и свою природу и ее требования. Другие, любящие свое искусство, всецело отдаются своему делу, забыв и помыться и поесть. Ты же меньше ценишь свою природу, нежели гравер — гравирование, танцор — танцы, сребролюбец — деньги, честолюбец — славу. Все они, когда увлекутся, предпочитают не есть и не спать, только бы

приумножить то, к чему лежит их душа. Неужели же общеполезная деятельность кажется тебе менее значительной и менее достойной усилия?».

Книга VI

12. Если бы у тебя были одновременно и мачеха и родная мать, то ты, конечно, относился бы к первой с уважением, но тебя, однако, постоянно тянуло бы к матери. Таковыми являются для тебя двор и философия. Постоянно же возвращайся к философии и ищи в ней успокоения; благодаря ей и жизнь при дворе не будет тебе в тягость и сам ты не будешь в тягость другим.

21. Если кто-нибудь может с очевидностью доказать мне, что я неправильно сужу или действую, то я с радостью изменюсь. Ибо я ищу истины, от которой еще никто никогда не потерпел вреда. Терпит же вред тот, кто упорствует в своем заблуждении и невежестве.

36. Азия, Европа — только уголки мира, весь океан — капля в мире, гора Афон — ком земли в мире. Все настоящее — мгновенье вечности. Все ничтожно, непостоянно, подлежит изчезновению. Все исходит от одного общего руководящего начала непосредственно или же в силу необходимой связи. И пасть льва, и яды, и все вредоносное, как шипы или тина, есть сопринадлежность совершенного и прекрасного. Не воображай же, что сно чуждо тому, что ты чтишь, но постоянно возвращайся мыслью к источнику всего.

39. Приспособляйся к обстоятельствам, выпавшим на твою долю. И от всего сердца люби людей, с которыми тебе суждено жить.

58. Никто не может тебе помешать жить согласно разуму твоей природы, и ничто не происходит вопреки разуму общей природы!

Книга VII

15. Кто бы что ни делал или ни говорил, я должен оставаться хорошим человеком. Так золото, изумруд или пурпур могли бы сказать: «Что бы кто ни говорил или не делал, а я должен остаться изумрудом и сохранить свою окраску».

Книга VIII

3. Что Александр, Гай[31] и Помпей по сравнению с Диогеном, Гераклитом и Сократом? Эти последние проникали взором в суть вещей, со стороны причины и со стороны материи, и ру-

ководящее начало в них всегда оставалось верным самому себе. А сколько забот было у первых, и от чего только они не зависели?

Книга IX

27. Когда какие-нибудь люди порицают тебя, или ненавидят, или дурно отзываются о тебе, то подойди вплотную к их душе, проникни внутрь и посмотри, что они собой представляют. Ты увидишь, что тебе незачем тревожиться относительно того, каково мнение этих людей о тебе. Однако относиться к ним следует с благожелательностью, ибо по природе они друзья тебе. Ведь и боги оказывают им всяческую поддержку сновидениями и прорицаниями в том, на что направлены их помыслы.

41. «Во время болезни,— говорит Эпикур,— меня не занимали телесные страдания, и с посещавшими меня я не беседовал о подобных вещах. Я продолжал свои начатые ранее научные работы, интересуясь главным образом тем, как мысль, несмотря на свою причастность к подобным движениям в теле, сохраняет тем не менее свой внутренний мир, преследуя свойственное ей благо». «И врачам,— продолжает он,— я не дал повода возгордиться, точно они невесть что для меня делают, но жизнь моя протекала счастливо и хорошо». Подражай ему, если тебе случится заболеть или попасть в какое-нибудь другое опасное положение. Все школы сходятся в том, что не следует ни отрекаться от философии при каких бы то ни было обстоятельствах, ни вторить невеждам, ничего не знающим о природе, но все свое внимание отдавать делу, которым в данный момент занят, и средствам, которыми оно приводится в исполнение.

Книга X

14. Человек просвещенный и скромный обращается ко вседающей и всеотбирающей назад природе со словами: «Дай, что пожелаешь, и возьми обратно, что пожелаешь». Говорит же он так не из дерзновения, а повинуясь природе и благоволя ей.

37. Приучай себя, по возможности, при всяком действии другого человека задаваться вопросом о цели, которую он думает достичь им. Начни с самого себя и исследуй прежде всего самого себя.

Книга XI

6. Первоначально трагедии должны были напоминать зрителям о том, что известные события по природе происходят известным образом, и о том, что развлекающее их на сцене не

должно быть тягостным для них и на большей сцене — в жизни. Ибо зрители воочию убеждаются, что данные события должны совершаться именно таким образом и что с ними приходится мириться и тем, кто восклицает: «О Киферон!» [32]. Авторы этих трагедий говорят подчас нечто дельное. Лучшим примером может служить:

Хотя б меня с двумя детьми забыли вы,
Цари небес,— все ж разум есть и правда в том.

И далее:

Что пользы гневаться на вещи?

И:

Нельзя, чтоб в день свой не пожата жизнь была,
Как спелый колос.

И другое в том же роде. После трагедии появилась древняя комедия, нравоучительно откровенная и самой резкостью своей полезная для обличения тщеславия. Для этой цели и Диоген кое-что заимствовал из нее. Подумай же теперь, в чем существо появившейся затем средней комедии, и для чего, наконец, была введена новая, перешедшая мало-помалу в мимическое искусство. Никто не станет отрицать, что и здесь можно найти кое-что полезное. Но какую цель преследует все это направление поэтического и драматического творчества?

Книга XII

20. Еще немного времени и ты исчезнешь, равно как и все то, что ты видишь, и все те, кто живет сейчас. Ибо все подлежит изменению, превращению и исчезновению — дабы, вслед за ним, возникло другое.

ДИОН КАССИЙ

Историк Дион Кассий Коккеян (ок. 155—235 гг. н. э.) был по матери внуком Диона Хрисостома, от которого он унаследовал свое третье имя, принятое его дедом в честь императора Коккея Нервы. Он был уроженцем Никеи, получил прекрасное образование и, начав свою государственную карьеру при Коммоде, остался в силе при Северах, был претором и дважды консулом, но в 229 г. удалился от дел и доживал свой век в родном городе. Из его произведений до нас дошла полностью только часть его «Римской истории» (он сам упоминает еще о сочинении относительно сновидений и знамений, доставившем ему благосклонность Септимия Севера); вся «Римская история» (от древнейших времен до 229 г. н. э.) состояла из 80 книг, из которых до нас полностью дошли книги от 36 до 60-й, охватывающие период 68 г. до н. э.— 47 г. н. э. Содержание дальнейших книг известно вкратце из сокращения (эпитомы) византийского писателя XI в. Иоанна Ксифилина, а предыдущих книг — лишь фрагментарно из сочинений Зонары (XII в.) и из «Энциклопедии» византийского императора Константина Багрянородного.

«Римская история» Диона Кассия обладает многими достоинствами: он хорошо знал труды своих предшественников (Дионисия Галикарнасского, Тита Ливия, Плутарха) и умел сопоставлять их данные. Нередко он высказывал и свои собственные взгляды: так, в противоположность к распространенному даже среди историков времен империи культу Цицерона, он относится к этому оратору крайне отрицательно, изображая его слабохарактерным краснобаем. Приверженец монархии, кое-где даже льстец, он осуждает противников Цезаря и влагает в уста Мецената речь к Августу с советом сохранить за собой права единовластного правителя, между тем как Агриппа у него настроен более благосклонно к республиканскому образу правления.

Дион обладает незаурядным литературным дарованием; его «История» местами читается как исторический роман; не отклоняясь в основном от правдивой передачи исторических фактов, он умеет оживить повествование характеристиками, речами, наглядными драматическими описаниями лиц и событий.

КОНЕЦ АНТОНИЯ И КЛЕОПАТРЫ
(LI, 5—15)

5. Антоний и Клеопатра, спасшись бегством после морского сражения [1], добрались вместе до Пелопоннеса. Там они отпустили тех из своих спутников, кому не доверяли (при этом многие покинули их против их желания), и Клеопатра тотчас же поспешила в Египет, опасаясь, как бы там, при вести о поражении, не совершился переворот; чтобы обеспечить себе безопасную высадку, она велела разукрасить венками носовую часть своих кораблей и играть на флейтах победные песни, как будто она возвращалась победительницей. Оказавшись вне опасности, она казнила многих видных людей, которые и прежде были настроены против нее и теперь радовались ее неудаче. Потом она захватила себе огромные богатства из имущества казненных и из других источников, а также из святилищ и храмов, не пощадив даже самых почитаемых. Она стала снаряжать войско и подыскивать союзников. Так, она убила царя Армении и голову его послала Мидийскому царю, надеясь таким путем привлечь его на свою сторону. А Антоний отправился морем в Ливию к Пинарию Скарпу [2], под командой которого там уже стояли войска, готовые к защите Египта; однако Пинарий отказался принять Антония и казнил не только его посланцев, но и тех из своих солдат, которые выражали недовольство случившимся. Так, ничего не добившись, Антоний отправился в Александрию.

6. Война уже надвигалась: готовясь к ней, Антоний и Клеопатра объявили совершеннолетними своих сыновей, Клеопатра — Цезариона, Антоний — Антилла, своего сына от Фульвии, который в это время находился при нем. Они сделали это с той целью, чтобы египтяне, зная, что у них есть уже взрослый наследник престола, чувствовали себя смелее, а прочие воины — в случае, если бы с Антонием и Клеопатрой приключилась беда,— продолжали храбро сражаться под руководством этих вождей. Но именно это явилось причиной гибели обоих юношей: Цезарь [3] не пощадил ни одного из них как раз потому, что они считались уже взрослыми мужчинами и обладали некоторой видимостью власти.

Антоний и Клеопатра готовились к войне так, словно намеревались давать в Египте сражения и на суше и на море: с этой целью они обращались ко всем соседним племенам с призывами о помощи, а также и к царям, дружественно к ним расположенным. Но вместе с тем они вели подготовления и к отплытию в Испанию — если это понадобится. Они намеревались с помощью

своих огромных богатств поднять там мятеж или же перенести военные действия к Красному морю.

Стараясь возможно дольше хранить все свои замыслы в тайне, чтобы либо обмануть Цезаря, либо подослать к нему тайных убийц, они отправили к нему посланных, поручив им передать их мирные предложения, а его приближенных щедро одарить деньгами. Клеопатра же, тайком от Антония, послала Цезарю золотой жезл, золотой венок и царский трон, как бы вручая ему тем самым царскую власть и надеясь, что, даже если он останется врагом Антония, то все же сжалится над ней. Дары Цезарь принял, сочтя их за благое предзнаменование, но Антонию не ответил ничего, Клеопатре же — для всеобщего сведения — дал суровый ответ: если она положит оружие и откажется от царской власти, то он еще подумает над тем, что ему с ней делать. Но тайком он известил ее, что он обеспечит ей безопасность и сохранит за ней царский престол, если она убьет Антония.

7. В это время арабы, поддавшись уговорам Квинта Дидия, наместника Сирии, сожгли корабли, построенные в аравийском заливе и готовившиеся к отправке в Красное море. Все племена и все цари отказались прийти Антонию и Клеопатре на помощь. Удивительным кажется мне, что многие близкие им люди, видевшие от них немало милостей, теперь от них отшатнулись, а, напротив, гладиаторы, жившие в самых жалких условиях, доказали им свою безграничную преданность и сражались за них с отчаянной отвагой. Они в ту пору находились в Кизике [4] и упражнялись в своем искусстве, надеясь выступить в триумфальных играх в случае победы над Цезарем. Когда же они узнали о происшедшем, то немедленно бросились в Египет на помощь Антонию и Клеопатре. Они причинили много хлопот Аминте [5] в Галатии, сыновьям Таркондимота [6] в Киликии (прежним близким друзьям Антония и Клеопатры, перешедшим теперь на сторону их врагов), а также Дидию, который не пропустил их через свою область. Однако пробиться в Египет им не удалось: окруженные со всех сторон, они тем не менее не шли ни на какие уступки, хотя Дидий обещал им самые выгодные условия. Они послали за Антонием, думая, что под его командованием они смогут воевать даже в Сирии; но когда он не только не приехал сам, но и не дал им никакого ответа, они подумали, что он уже погиб, и, хотя и неохотно, пошли на уступки, с условием, что впоследствии они никогда не будут использованы в качестве гладиаторов. Дидий поселил их в Дафне, пригороде Антиохии, обещая доложить об этом Цезарю. Впоследствии Мессала [7] обманул их: он разослал их по разным областям, якобы для записи их в легионы, но при первом представившемся удобном случае они были уничтожены.

8. Антоний и Клеопатра, услышав от послов ответы Цезаря, снова снарядили к нему посольство, причем Клеопатра посулила ему огромные богатства, а Антоний напоминал ему о их прежней дружбе и о их родственных отношениях, оправдывался за свою связь с египтянкой и перечислял их общие любовные похождения и проделки; кроме того, он выдал Цезарю своего друга, сенатора Публия Туруллия, одного из убийц Юлия Цезаря, и писал также, что он обещает покончить с собой, если этим спасет Клеопатру. Цезарь казнил Туруллия на острове Косе [8]: на этом острове Туруллий некогда, чтобы построить флот, вырубил рощу, посвященную Асклепию, так что теперь, казалось, он понес кару и за это преступление.

Антонию же Цезарь и на этот раз не ответил ничего; тогда Антоний снарядил третье посольство и отправил с ним своего сына Антилла и гору золота. Золото Цезарь принял, а Антилла отослал обратно, опять не дав никакого ответа. Клеопатре же как через первое, так и через второе и третье посольство, он передавал и угрозы и различные обещания. Однако он все же опасался, что они, потеряв надежду на примирение с ним, соберутся с духом и либо сами выступят против него, либо отправятся в Испанию или Галлию, либо уничтожат свои сокровища, которые, по слухам, были несметны: ибо Клеопатра собрала их все в гробнице, которую она велела выстроить при царском дворце, и угрожала сжечь их вместе с собой, если ей будет грозить какое бы то ни было несчастье. Поэтому он послал к ней своего вольноотпущенника Тирса, чтобы он наговорил ей кучу всяких любезностей и что-де Цезарь в нее страстно влюблен: он надеялся, что она, всегда воображавшая, будто все мужчины жаждут ее любви, Антония уберет с дороги, а на себя и на свои сокровища руки не поднимет. Так и вышло.

9. Однако раньше, чем это случилось, Антоний узнал, что Корнелий Галл, приняв на себя командование войском Скарпа, неожиданно напал на Паретоний и занял его [9]; тогда Антоний отказался от мысли о поездке в Сирию, хотя ему и хотелось последовать призыву гладиаторов: он выступил против Галла, надеясь без труда переманить его солдат на свою сторону,— среди них многие служили прежде под его началом и сохраняли к нему дружеское расположение; если же это не удастся — думал он — он победит их силой оружия, так как у него был и большой флот и пехота. Но с солдатами ему даже поговорить не удалось, хотя он подошел к самым стенам и начал громко кричать, потому что Галл приказал трубить во все трубы и никто не мог ничего расслышать. Кроме того, Антоний потерпел поражение при внезапной вылазке, а его флот попал в ловушку: Галл приказал ночью протянуть под водой цепи поперек входа в гавань и не поставил на виду никакой стражи, а когда корабли Антония, смело, даже

как бы издеваясь над противником, вошли в гавань, он велел поднять цепи особыми машинами и, внезапно напав на корабли со всех сторон (нападение велось и с берега, и из домов, и с моря), одни из них сжег, другие затопил.

В это же время Цезарь взял Пелусий [10], якобы приступом, на самом же деле с помощью Клеопатры, предавшей ему этот город, видя, что к ней и к Антонию никто не приходит на помощь, поняв, что Цезаря победить не удастся, а более всего положившись на посулы Цезаря, переданные ей Тирсом, что он действительно, в нее влюблен: во-первых, ей самой этого хотелось, во-вторых, ей именно таким способом уже удалось покорить и его отца и Антония: поэтому она надеялась не только получить прощение и сохранить за собой царскую власть в Египте, но видела себя уже владычицей римлян. Потому она и решила предать в руки Цезаря Пелусий. Когда же он повел наступление на самый город, она дала тайное распоряжение, чтобы жители Александрии не выступали против него, между тем как во всеуслышание она яростно призывала их к сопротивлению.

10. Антоний, получив известие о взятии Пелусия, вернулся из Паретония, натолкнулся близ Александрии на войско Цезаря, еще утомленное с дороги, и нанес ему поражение своей конницей. Это придало ему мужества; понадеялся он и на то, что ему удалось отправить в лагерь Цезаря летучие послания (листовки), привязав их к стрелам: в них он обещал каждому солдату тысячу пятьсот драхм. Поэтому он выступил против Цезаря со своей пехотой, но был разбит: дело было в том, что Цезарь сам прочел солдатам вслух листовки Антония, резко осуждая его и противопоставляя позор предательства доблестной верности своему полководцу: так что солдаты, оскорбленные попыткой соблазнить их и не желая показать себя способными на измену, сражались особенно ревностно.

Потерпев это неожиданное поражение, Антоний возложил всю надежду на свои морские силы и стал готовиться либо к морскому сражению, либо, в крайнем случае, к отплытию в Испанию. Увидев это, Клеопатра побудила начальников кораблей отложиться от Антония, а сама поспешила в гробницу, якобы из страха перед Цезарем и стремясь каким-либо способом покончить с собой, но на самом деле, чтобы заманить туда Антония. Он, правда, подозревал предательство с ее стороны, но, страстно любя ее, не мог этому поверить, да и жалел ее больше, чем себя. Клеопатра отлично это знала и надеялась, что он, услышав о ее смерти, не захочет пережить ее и сейчас же покончит с собой. Поэтому она поспешила скрыться в гробнице, взяв с собой одного евнуха и двух прислужниц, и оттуда велела известить Антония, что она уже погибла. Он, услыхав это, не стал медлить, а захотел тотчас же последовать за ней: он сперва умолял одного

из своих спутников убить его, но когда тот, выхватив меч, закололся, то и Антоний, желая подражать ему в мужестве, нанес себе рану, упал лицом на землю и всем присутствующим показалось, что он уже мертв. Раздались громкие крики, и Клеопатра, услышав их, выглянула из гробницы: двери гробницы были устроены так, что, будучи раз заперты, они никаким способом уже не могли быть открыты, но верхняя часть гробницы, под самой крышей, была еще не совсем закончена. Когда Клеопатра, выглянув наружу, нагнулась вперед, увидевшие ее подняли крик, такой громкий, что его услышал и Антоний. Узнав, что она еще жива, он вскочил на ноги, как будто в нем еще сохранились жизненные силы; но он потерял уже слишком много крови и, отчаявшись в спасении, обратился с мольбой к окружающим, чтобы они подняли его в гробницу на канатах, которые свешивались сверху (они обычно употреблялись для поднятия камней).

11. Так и умер Антоний в объятиях Клеопатры. Она же, воспрянув духом и возлагая надежды на Цезаря, немедленно известила его о происшедшем. Однако она все же опасалась, как бы с ней не случилось какой-нибудь беды: поэтому она осталась в гробнице, рассчитывая на то, что если ей никаким иным способом спастись не удастся, то она купит себе жизнь и царство своими сокровищами, которые Цезарь побоится потерять. Даже в таком ужасном положении она настолько чувствовала себя царицей, что предпочитала умереть, нося это имя и сохраняя все знаки своего царского достоинства, только бы не остаться жить в качестве частного лица. Она все время держала наготове огонь, чтобы в случае необходимости уничтожить свои богатства, а при себе имела аспидов и разных других змей; силу их смертельного яда она заранее испытала на других людях. Цезарь же стремился и ее сокровищами завладеть и Клеопатру захватить живой, чтобы провести ее в своем триумфальном шествии; но ему не хотелось самому давать ей какие-либо заверения, чтобы потом не оказаться лжецом и иметь возможность обращаться с ней как с пленницей, попавшей в его власть против своей воли. Поэтому он послал к ней всадника Гая Прокулея и своего вольноотпущенника Эпафродита, дав им точные указания, что́ они должны говорить и как поступать. Согласно этим указаниям, они отправились к Клеопатре и некоторое время любезно беседовали с ней, но вдруг, еще не придя ни к какому соглашению, схватили ее. Все предметы, с помощью которых она могла лишить себя жизни, они немедленно убрали, но разрешили ей остаться еще несколько дней на месте, пока тело Антония не будет набальзамировано. Потом они перевели ее в царский дворец, не лишив ее ни свиты, ни обычных условий жизни, чтобы она снова возымела надежду добиться исполнения своих желаний и не причинила себе какого-нибудь зла. Поэтому, когда ей захотелось повидаться и погово-

рить с Цезарем, ее просьба была немедленно выполнена, и чтобы еще вернее вовлечь ее в обман, он сам обещал прийти к ней.

12. Тогда Клеопатра пышно разукрасила свой покой, приготовила роскошное ложе, а сама одевшись как будто небрежно (между тем, траурные одежды удивительно шли к ней), села на ложе, расставив вокруг себя множество различных изображений его отца и спрятав на груди все его письма, которые он ей в свое время писал. Когда вошел Цезарь, она, вспыхнув румянцем, вскочила с ложа и сказала: «Привет тебе, владыка! Тебе бог даровал это имя, у меня же отнял. Но ты воочию видишь здесь твоего отца, таким, каким он часто входил ко мне, и слышишь, какие почести он мне не раз оказывал и как он сделал меня царицей Египта. А чтобы ты многое узнал обо мне от него самого, возьми и прочти эти письма, которые он писал мне своей собственной рукой». Сказав это, она прочла вслух многие дышащие страстью слова Цезаря и то плакала, то целовала письма, то, обращаясь к изображениям Цезаря, падала перед ними ниц и как бы поклонялась им: то, бросая взгляды на Цезаря, она сладким голосом начинала стонать, то обращалась к нему с трогательными речами; то она говорила: «На что мне теперь, Цезарь, эти твои письма?»; то: «Но в этом человеке ты снова стоишь передо мною, как живой!». Потом восклицала: «О, если бы я умерла раньше тебя!» и снова прибавляла: «Но теперь со мной он — и ты опять со мною!». К таким разнообразным искусным речам и уловкам прибегала она, бросая на него нежные взоры и шепча сладостные слова. Цезарь понимал, что она хочет разжалобить и завлечь его, но не поддался на ее уловки и, опустив глаза в землю, сказал только: «Ободрись, женщина, и не падай духом! Никакого зла тебе не причинят».

Уязвленная тем, что он даже не взглянул на нее и не сказал ни слова ни о ее царском достоинстве, ни о своей любви к ней, она упала к его ногам и зарыдала. «Жить, о Цезарь,— сказала она,— я не хочу и не могу! Об одной милости умоляю тебя именем твоего отца: раз божество после его смерти передало меня Антонию, то пусть я умру вместе с ним! О, зачем я не погибла сейчас же вслед за Цезарем! Но раз мне было суждено перенести и все это, пошли меня к Антонию! Не лишай меня общего с ним погребения, чтобы я умирая из-за него, осталась жить вместе с ним в обители Аида!».

13. Вот какие речи говорила она, чтобы вызвать в Цезаре чувство сострадания, но он на все это не ответил ей ничего. Боясь, однако, как бы она не покончила с собой, он опять посоветовал ей не падать духом и не только не лишил ее привычного обслуживания, но велел заботиться о ней особенно тщательно, чтобы она украсила собой его триумф. Она подозревала этот его замысел и предпочла бы тысячу раз умереть, чем стерпеть

это. Теперь она уже и на самом деле жаждала смерти и не раз обращалась с мольбой к Цезарю, чтобы он тем или иным способом убил ее, да и сама пыталась предпринять разные шаги к этому. Когда же ей ничто не удалось, она притворилась, что изменила свои намерения и, будто бы возлагая большие надежды и на него, и еще больше на Ливию [11], стала уверять, что она охотно поедет с ним: она отобрала много драгоценностей для того, чтобы поднести подарки, надеясь внушить всем мысль, что она вовсе не хочет умереть, и когда все этому поверят и ее станут стеречь менее внимательно, ей удастся покончить с собой. Так и случилось.

Как только все окружающие и даже Эпафродит, которому было поручено наблюдать за ней, поверили в то, что она действительно изменила свое намерение, и ослабили свой надзор, она подготовила все, чтобы умереть, насколько возможно, без страданий. Она написала Цезарю письмо, в котором просила его похоронить ее вместе с Антонием, и вручила это письмо, запечатав его, Эпафродиту, чтобы он, предполагая, что в письме содержится совсем иная просьба, ушел и не помешал ей выполнить ее замысел. Потом она приступила к делу: надев свою самую роскошную одежду, она убрала себя подобающим ее достоинству образом, взяла в руки знаки своей царской власти, легла на ложе и умерла.

14. Никто не знает достоверно, какой способ смерти она избрала: на руке ее были видны только еле заметные уколы. Одни говорят, что она приложила к своему телу того аспида, которого ей принесли либо в сосуде для воды, либо в букете цветов. Другие — что гребень, которым она обычно расчесывала волосы, был смазан ядом, причем этот яд обладал особым свойством: при прикосновении к телу он не приносил никакого вреда, но если хотя бы капля его попадала в кровь, он немедленно отравлял ее и причинял мгновенную и безболезненную смерть. Этот гребень, смазанный ядом, Клеопатра до этого времени обычно носила в волосах, а в этот миг, слегка оцарапав себе руку, впустила яд в кровь.

Таким ли или каким-либо подобным способом Клеопатра погибла, и вместе с нею ее две прислужницы. А евнух — как только Клеопатра была взята под стражу — добровольно подверг себя укусам ядовитых змей и, ужаленный ими, бросился в гробницу, которую заранее себе приготовил.

Когда Цезарь узнал о смерти Клеопатры, он был потрясен: он осмотрел ее тело и велел попытаться вернуть ее к жизни с помощью разных противоядий и псиллов. Псиллами называются мужчины (женщины псиллами не бывают), которые могут высасывать змеиный яд из ран людей, только что укушенных змеей, но еще не умерших; если их самих укусит любая змея, им это

никакого вреда не принесет. Это свойство передается по наследству в одних и тех же семьях: новорожденных детей либо кладут вместе со змеями, либо бросают змеям их пеленки; змеи не могут укусить новорожденного ребенка, а, соприкасаясь с его пеленками, впадают в оцепенение. Вот как это происходит.

Когда Цезарю не удалось никакими средствами вернуть Клеопатру к жизни, он не мог не почувствовать изумления и сострадания: особенно же он сокрушался о самом себе, как будто ее смерть лишила его всей славы от его победы.

15. Вот как Антоний и Клеопатра, виновники многих бедствий, постигших и египтян и римлян, вели войну, вот как они погибли: оба были набальзамированы и похоронены в одной гробнице. А вот каков был их прирожденный характер и их жизненный путь: Антоний всегда хорошо понимал, как следует поступать, и в этом не имел себе равных, но совершил много неразумных поступков; порой он был необычайно храбр и в то же время не раз терпел неудачи по своей трусости, он был то велик душою, то ничтожен; чужое добро захватывал, свое расточал, иных без всяких причин прощал, а многих карал не по справедливости. Поэтому, хотя он стал из ничтожного всемогущим, из бедняка — богачом, ни то, ни другое не пошло ему на пользу, и он, надеявшийся стать единовластным повелителем римлян, кончил жизнь самоубийством.

Клеопатра же не знала пределов ни в любовной страсти, ни в стяжательстве, была честолюбива и властолюбива, и к тому же надменна и дерзка. Царской власти в Египте она добилась любовными чарами, но, надеясь тем же путем достигнуть господства над римлянами, ошиблась в своих расчетах и потеряла и то, что имела. Двух величайших римлян своего времени она подчинила своей власти, а из-за третьего сама покончила с собой. Вот каковы были Антоний и Клеопатра и вот как кончили они свою жизнь.

Из их детей Антилл, хотя он и был обручен с дочерью Цезаря и скрылся в небольшом храме, посвященном его отцу и выстроенном Клеопатрой, был заколот на месте. Цезарион[12], бежавший в Эфиопию, был схвачен на пути и тоже убит. Но Клеопатра[13] была выдана замуж за Юбу, сына Юбы[14]. Этому Юбе, воспитанному в Риме и сопровождавшему Цезаря в его походах, Цезарь дал в жены Клеопатру вместе с престолом его отца и по их просьбе помиловал Александра и Птолемея[15]. Своим племянницам, дочерям Октавии от Антония, воспитанным ею, он дал часть отцовского достояния и велел вольноотпущенникам Антония отдать Иулу, сыну Антония от Фульвии, немедленно все, что ему согласно закону оставили в наследство его родители.

ГЕРОДИАН

Геродиан, автор «Истории империи после Марка», происходил, как предполагают, из Антиохии, но большую часть своей жизни провел в Риме. Более подробных сведений о его жизни мы не имеем. Принято считать, что «История империи после Марка», в которой говорится о событиях от смерти Марка Аврелия (181 г. н. э.) до воцарения Гордиана III (239 г. н. э.), написана в 240 г. н. э.

В начале своего труда Геродиан упрекает более ранних историков в том, что они либо заботились о красоте слога в ущерб точности рассказа, либо давали неверное освещение фактов в угоду тем или иным лицам. О себе же он заявляет, что не от других принял на веру, но сам по свежей памяти тщательно описал случившееся, ставя своей целью описать деяния многих императоров в течение 70 лет, как он их сам наблюдал. Однако история Геродиана во многом уступает сочинениям предшествовавших ему историков. В основном это история императорского двора с подробными рассказами о придворных заговорах и нравах императоров.

ИСТОРИЯ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ МАРКА

ВСТУПЛЕНИЕ
(I, 1)

1. Большинство историков, стремившихся в своих писаниях напомнить о событиях древности, старались таким путем прославиться навеки своей образованностью, боясь, что их причислят к общей массе, если они будут хранить молчание. Истину в своем изложении они умалили, но большую заботу проявили о благозвучии и красоте слога, смело полагая, что приятность звучания, хотя бы говорили они нечто баснословное, все равно принесет им успех, а неточности в повествовании не вызовут нарека-

ний. Некоторые из чувства вражды и ненависти к тираннам или из лести и уважения к государям, к отечеству, и к отдельным лицам доставили силой своего слова незаслуженную славу делам ничтожным и незначительным.

Я же отношусь к делу серьезно, и при составлении исторического произведения я полагался не на непроверенные данные, полученные от других и не встречающие подтверждения, а на свежие воспоминания о тех событиях, которые описываю. Потомкам, думаю, приятно будет узнать о многих великих делах, совершенных в короткое время. Действительно, если сопоставить с тем, что я описываю, весь период времени от Августа с того момента, как верховная власть римлян превратилась в единоличное правление [1], то в течение почти двухсот лет до времени Марка [2] невозможно наблюдать ни столь частой смены императоров, ни таких войн с переменным успехом, которые велись и внутри страны и за ее пределами, ни таких народных движений и захвата городов в нашей стране и во многих варварских землях, ни таких землетрясений, заражений воздуха, загадочных событий в жизни тиранов и государей, о чем прежде почти не было слышно. Из них одни стояли у власти очень долго, другие правили короткое время, были и такие, которые, получив почетный титул, лишались его через день. Ведь за шестьдесят лет [3] в Риме сменилось больше династий, чем того требовало время, и произошло много разных событий, вызывающих удивление. Одни правители, благодаря прожитым годам и приобретенной опытности в делах, очень старательно властвовали над собой и над подданными, другие же, совсем юные, проводили жизнь в праздности и тешились нововведениями. Различия в возрасте и в способностях приводили, естественно, к неодинаковому образу жизни. А о том, как все это совершилось, я буду рассказывать, следуя ходу времени и порядку династий.

КУЛЬТ МАТЕРИ БОГОВ

(I, 10—11)

10. Ежегодно в определенный день в начале весны у римлян совершается торжество в честь матери богов [4]. Перед богиней несут все имеющиеся у каждого предметы роскоши, императорские драгоценности, диковинки природы и чудеса искусства. Всем предоставляется полная свобода шутить и надевать любую личину. Нет такого великого авторитета, которого бы всякий желающий не мог осмеять, переодевшись и оставаясь неузнанным, так как не легко отличить притворяющегося от того, за кого он себя выдает.

11. Эту богиню римляне особо чтут по следующей, как гласит предание, причине, о которой я решил рассказать, поскольку

некоторые греки этого не знают. Статуя сама, говорят, упала с неба; ни вещество, из которого она сделана, ни имя художника, создавшего ее, не известны, и рука человеческая не притронулась к ней. По преданию, она в древности была перенесена с неба во Фригию на то место, которое называется теперь Пессинунтом, в честь статуи, упавшей с неба [5]. Там она была замечена впервые. По другим рассказам, фригиец Ил воевал в той местности с лидийцем Танталом то ли за передел земли, то ли из-за Ганимеда. Долго никто не мог выйти победителем из битвы и немало народу пало как у той, так и другой стороны. Несчастье это дало название месту. Здесь же, говорят, и похищенный Ганимед пропал, когда брат и любовник влекли его каждый к себе. Тело исчезло, и это событие отражено в мифе о похищении юноши Зевсом.

В этом Пессинунте фригийцы издревле совершали священнодействия на протекающей там реке Галле, от названия которой происходит прозвище скопцов, посвященных богине. Когда римляне расширили свои владения [6], то получив, говорят, предсказание о том, что они удержат свою власть и будут преуспевать, если Пессинунтскую богиню привезут к себе, они отправили к фригийцам послов просить статую [7]. Указав на свое родство и на право наследования, перешедшее к ним от фригийца Энея, они получили ее без труда. Когда статую везли на корабле по устью Тибра, которое служит для римлян гаванью, божественная сила вдруг остановила судно. Долго всем народом римляне старались вытащить застрявший в иле корабль, но корабль двинулся с места лишь после того, как туда привели жрицу Весты, которая обязана была хранить целомудрие и обвинялась в нарушении девства. Ожидая приговора себе, жрица просила народ отдать ее на суд Пессинунтской богине. Вознося молитву, чтобы корабль стал послушен ей, если она чиста и девственна, весталка сняла с себя пояс и бросила его на нос корабля. Пояс привязали, и корабль легко последовал за весталкой. Римляне были поражены как вмешательством богини, так и величием девственницы.

КОНЕЦ АЛЕКСАНДРА СЕВЕРА
(VI, 7—9)

7. Со стороны персов, как полагал Александр, все было спокойно. Ведь распустив однажды войско, варвар не скоро может собрать его вновь, так как это не постоянное войско, а скорее толпа, не знающая боевого порядка; провиант его состоит из тех запасов, которые каждый приносит с собой для личных нужд; тяжело и боязно бывает воинам расставаться с детьми, женами и родной страной. В это время послы вдруг принесли страшное

известие, очень встревожившее Александра. Командующие в Иллирии писали ему, что германцы переходят Истр и Рейн, опустошают владения римлян, своими набегами очень беспокоят военные лагеря, города, села и что положение соседних с Италией иллирийских племен крайне опасно. Необходимо, конечно, его личное присутствие вместе со всем тем войском, которое находится при нем.

Известия эти смутили Александра и опечалили воинов-иллирийцев, считавших себя вдвойне несчастными от того, что и сами они пострадали в сражении с персами и родные у каждого из них истреблены германцами. В негодовании они приписывали теперь неудачу на востоке трусости и беспечности Александра и обвиняли его в том, что он по робости медлит идти на север. Александр же со своими друзьями опасался за Италию, понимая, что угроза со стороны персов не идет в сравнение с угрозой со стороны германцев. До персов, живущих на востоке, едва доходят слухи о стране италийцев, от которой они отделены огромным морем и обширной землей. Иллирийское же племя стеснено на малом наделе земли и подчинено римлянам, так что германцы оказываются непосредственными соседями италийцев.

Неохотно, скрепя сердце и лишь в силу необходимости Александр объявил о походе. Для защиты римских берегов он оставил достаточные, по его мнению, силы, позаботился об укреплении лагеря и сторожевых постов, наполнив их необходимым количеством войска, а сам с остальной частью выступил против германцев. После быстрого перехода он остановился у берегов Рейна и начал делать приготовления к войне: в реке поставил суда, считая, что они, если связать их вместе, послужат для воинов хорошим мостом при переправе. Ведь эти северные реки, Истр и Рейн, действительно необычайно велики. Первая течет через Паннонию, вторая через Германию. Летом благодаря своей глубине и широте они бывают судоходны, зимой же от холода замерзают и превращаются в ровную поверхность, по которой можно ездить на лошадях. Вода в реке становится тогда столь плотной и твердой, что по ней спокойно ступают и конское копыто и человеческая нога, те же, кому надо зачерпнуть воды, несут с собой не посуду, не кувшин, а топоры и заступы, чтобы вырубить и унести без всякой посуды воду, похожую на кусок камня. Таково свойство этих рек.

Александр привел с собой очень много мавров и большое число восточных стрелков из страны осроенов [8], а также парфян, среди которых были перебежчики и наемники. Он держал их в боевой готовности, чтобы дать отпор германцам, для которых подобное войско особенно неприятно, так как мавры, бросающие издали копья, с большой легкостью делают набеги и возвращаются обратно, а стрелки с далекого расстояния метко пускают

стрелы в непокрытые головы и высокие тела германцев... они выносят натиск сомкнутых рядов и в сражениях часто ведут себя не хуже римлян. Таково было положение Александра. Все же он решил послать посольство для мирных переговоров и обещал, не жалея денег, доставлять германцам все, в чем они нуждаются. В борьбе против германцев это действительно самое лучшее средство: они сребролюбивы и всегда за деньги продают римлянам мир. Александр поэтому был склонен скорее купить у них перемирие, чем подвергаться опасностям войны. Понятно, что воинов возмущали напрасная трата времени, неспособность Александра вдохнуть в них мужество и зажечь их желанием битвы, его увлечение пиршествами и конями, в то время, когда нужно было дать бой и наказать германцев за их дерзость.

8. В войске был некто Максимин, выходец из ближайших фракийских полуварварских племен[9], родился он, как говорили, в какой-то деревне, в детстве пас скот, а в зрелом возрасте за свой рост и физическую силу был взят на военную службу в конницу; судьба затем помогла ему мало-помалу пройти через все воинские звания и получить в свое управление войска и народы. Максимину этому как человеку опытному в военном деле Александр вверил всю молодежь в войске с тем, чтобы он обучил юношей военному искусству и сделал их способными воевать. Максимин старательно выполнял порученное ему дело и снискал расположение солдат тем, что не только указывал им на их обязанности, но и сам первым выходил на работы, так что они не только учились у него, но и ревностно подражали его стойкости. Помимо этого, он привлек их к себе дарами и всевозможными почестями. Молодые воины поэтому, среди которых было большинство паннонцев, восхищались мужеством Максимина и насмехались над Александром, над которым, говорили они, командует мать[10], вершащая всеми делами по своему усмотрению и своею властью, в то время как сам Александр небрежно и легкомысленно относится к военным занятиям. Они напоминали друг другу о понесенных из-за его медлительности поражениях на востоке, о том, что, выступая против германцев, он не вдохнул в них ни отваги, ни мужества. Итак, склонные и без того к переворотам, они считали данное правительство невыносимым и уже невыгодным вследствие его длительности, поскольку для честолюбия не оставалось никаких приманок, надеялись же, что новая власть и самим им будет выгодна и для получающего ее очень желанна и почетна. У них возникла мысль устранить Александра и провозгласить императором и Августом Максимина, такого же воина, как и они, жившего с ними вместе и в этой войне показавшего свою храбрость и свой опыт. И вот они, вооруженные как будто для привычных упражнений, собрались в лагерь, и когда Максимин, либо действительно ничего не подозревающий,

либо уже втайне подготовленный, вышел к ним, они возложили на него императорскую порфиру и провозгласили самодержцем. Максимин начал отказываться и сбросил порфиру, но, когда воины с кинжалами в руках стали угрожать ему смертью, он предпочел будущую опасность настоящей и принял почетный титул. Заявив солдатам, что принимает власть вопреки своей воле и желанию, он призвал их делом подтвердить свое решение и, пока никакие слухи не успели распространиться, взявшись за оружие, немедленно напасть на пребывающего в полном неведении Александра, разогнать окружающих его воинов и телохранителей, либо склонив их на свою сторону, либо без труда расправившись с ними, пока те не готовы к отпору и ничего не ждут. Стараясь обеспечить себе их любовь и преданность, Максимин удвоил ежедневную норму продовольствия, пообещал великие дары и добычу, прекратил позорные наказания и после этого выступил вместе с ними из лагеря. Укрепление, в котором расположился Александр со своими приближенными, находилось тут же поблизости.

9. Неожиданное известие о поступке Максимина привело Александра в сильное замешательство. Как исступленный, он выскочил из императорской палатки, дрожа и обливаясь слезами, стал обвинять Максимина в неблагодарности и неверности, перечисляя при этом все оказанные ему благодеяния; молодых воинов он упрекал в необдуманной дерзости и нарушении клятвы. Сам же давал обещания предоставить им все, чего бы они ни попросили и исправить то, чем они недовольны. Присутствовавшие при этом воины утешали Александра, пообещав ему в тот день всеми силами защищать его. По прошествии ночи, на рассвете, когда стали докладывать, что Максимин уже близко, что вдали виден столб пыли и оттуда доносится гул голосов, Александр опять вышел в поле и, созвав воинов, просил защитить и спасти его, их воспитанника, который за свое четырнадцатилетнее правление не дал им повода к упрекам. Взывая к сострадательности и милосердию каждого из них, он велел взяться за оружие и выступить в боевом порядке. Воины сначала давали обещание, потом разошлись понемногу, не захотев даже притронуться к оружию. Некоторые стали требовать выдачи военачальника и друзей Александра как виновников мятежа. Другие бранили мать за ее сребролюбие и утаивание денег, Александра же ненавидели за его скупость и нерешительность при раздачах. Какое-то время они стояли, выкрикивая на разные голоса подобные обвинения. Когда же приблизилось войско Максимина и стали слышны голоса молодых солдат, кричавших сослуживцам, чтобы те покинули скупую бабу с трусливым юношей, рабом своей матери, и присоединялись бы к мужу сильному, к их благоразумному сподвижнику, привыкшему к военным трудам

и оружию, то воины, поддавшись уговорам, начали покидать Александра и переходить на сторону Максимина, которого теперь уже все провозглашали императором.

Упавший духом, дрожащий Александр добрался до своей палатки. Там, обняв мать, горько плача и виня ее во всем происходящем, он дожидался убийц. Между тем Максимин, которого все войско провозгласило Августом, послал военного трибуна и несколько центурионов, чтобы убить Александра, его мать и тех, кто стал бы оказывать сопротивление. Вбежав в палатку, они убили Александра вместе с матерью, а также тех, кто, казалось, был близок к нему и занимал почетные должности; лишь немногим удалось бежать и скрыться, но и их потом Максимин поймал и всех казнил.

Такой конец постиг Александра с матерью, которые четырнадцать лет властвовали [11], не вызывая упреков со стороны подданных и не проливая их крови. Не любивший убийств, жестокостей и беззаконий, Александр был склонен к благотворительности и человеколюбию. Правление его было бы действительно славно во всем, если бы не было запятнано сребролюбием и скупостью матери.

МАКСИМИН ФРАКИЕЦ

(VII, 1, 3, 7, 8)

1. Вступив на престол, Максимин [12] произвел большие перемены; используя власть для жестокостей и наводя ужас, он тихую и кроткую царскую власть старался сделать во всем похожей на тираннию, с досадой вспоминая, из какого крайнего ничтожества дошел до такого величия. От природы был он варваром как по своему характеру, так и по происхождению.

3. Его подвиги прославили бы его, если бы он не был так невыносим и так страшен для своих домашних и подданных. Что пользы от того, что он истреблял варваров, когда в самом Риме и среди подвластных ему народов совершались постоянные убийства? Что пользы, что он брал добычу и отводил в плен врагов, когда у своих собственных людей он отнимал имущество и оставлял их без одежды? Ведь доносчикам предоставлялась полная свобода, даже более того, их призывали снова поднимать старые, неизвестные, недоказанные дела.

7. Попав в рискованное положение [13], сенат в страхе перед Максимином делал все, чтобы привлечь на свою сторону провинции. Ко всем правителям во все концы были в качестве послов отправлены члены сената и виднейшие всадники, были разосланы письма, разъясняющие намерение римлян и сената, убеждающие правителей заступиться за общее отечество и за сенат, а народы — повиноваться римлянам, у которых власть искони была на-

родной и с которыми еще предки их состояли в дружбе, оказывая им повиновение. Итак, очень многие приняли посольство; целые области легко отложились от Максимина из ненависти к его самоуправству и, убив его сторонников, присоединились к римлянам. А некоторые — таких было очень мало — убили послов или отослали их под стражей к Максимину, который жестоко с ними расправился.

8. Вот что творилось в городе и в умах римлян. Когда объявили об этом Максимину [14], он огорчился и сильно встревожился, но притворился, что все презирает. Первые два дня он не выходил из дома и советовался с друзьями о том, что ему делать. Но все войско, все жители тех стран знали о случившемся, и все были взволнованы необычайной смелостью таких действий...

На третий день, созвав все войско на равнину перед городом, Максимин вышел, неся с собой книжку, написанную для него друзьями. Поднявшись на возвышение, он, читая, произнес следующее:

«Скажу вам нечто невероятное и странное, не удивления, я думаю, достойное, а презрения и смеха. Оружие против вас и вашего мужества поднимают не германцы, которых мы часто побеждали, не савроматы, каждый раз умоляющие о мире, не персы, нападавшие прежде на Месопотамию, теперь же тихие, довольствующиеся своим, удерживаемые славою нашей воинской доблести, которую они испытали, когда я предводительствовал вами на берегах тех рек. Но, смешно сказать, карфагенцы взбесились и жалкого старца [15], к концу жизни выжившего из ума, уговорили либо принудили и теперь, как бы для народной потехи, играют в царство. На какое войско они полагаются, если начальники их в своем подчинении имеют только ликторов? Какое оружие есть у них, кроме копий, с которыми они охотятся за зверями? А воинские упражнения их — это одни пляски, смех, песни. Не пугайтесь известий из Рима. Виталиан [16] убит хитростью и обманом. А легкомыслие и непостоянство римлян, их дерзость, доходящую до крика, вы знаете. Когда они видят двух или трех вооруженных воинов, то каждый из них бежит, расталкивая других, спасаясь сам и не думая об общей опасности. Если вам кто-нибудь сообщил о поступках сената, то не дивитесь, что наше благоразумие им кажется жестокостью. При своей роскоши они уважают только нравы подобные своим; мужественные и доблестные поступки они называют ужасными, а пьянство и беспечность с удовольствием принимают за кротость. Поэтому они не любят моего правления, энергичного и благопристойного, а обрадовались имени Гордиана, чья соблазнительная жизнь вам известна. Вот с такими врагами у нас теперь война, если только так можно назвать ее. Ведь я, как многие и почти все, уверен, что стоит нам приблизиться к Италии, как они, про-

тягивая детей своих с ветвями умилостивления, падут к нашим ногам, остальные же разбегутся от трусости и робости, так что я смогу отдать вам все их имущество, вы же безбоязненно станете наслаждаться плодами своих трудов.

ГИБЕЛЬ МАКСИМИНА

(VIII, 2, 4, 5)

2. Максимин был уверен в быстром успехе, поскольку италийцы не решились ничего предпринять даже в неприступных местах, где они могли безопасно скрываться, могли делать засады и сражаться с недоступных высот. Но когда войско спустилось в долину, дозоры объявили, что самый большой италийский город Аквилея [17] заперся, а посланные вперед паннонские фаланги, мужественно пытавшиеся несколько раз взять город приступом, без всякого успеха отступают, поражаемые камнями, копьями и множеством стрел. Разгневанный на предводителей паннонской фаланги за то, что они плохо сражаются, Максимин сам пошел туда с войском, надеясь легко взять город.

4. Между тем аквилейцы кидали сверху камни и, смешав серу, селитру и смолу, наливали эту смесь в пустые сосуды с длинными ручками и, поджигая, лили ее на подступающее к стенам войско, обливая его, как дождем. Эта смесь, падая на обнаженную часть тела, разливалась по всему телу, так что воины сбрасывали с себя горящие панцири и прочее оружие, железные части которого нагревались, а деревянные и кожаные воспламенялись и коробились. Было на что посмотреть, когда воины сами старались остаться без доспехов, и разбросанное оружие их казалось добычей, отнятой искусством, а не силой. У бóльшей части войска были тогда выжжены глаза, обожжены руки, лицо и все обнаженные части тела. На придвигаемые машины осажденные бросали пропитанные смолой факелы с остриями стрел на конце. Воткнувшись в машины и застряв там, эти факелы легко поджигали их.

5. Таким образом, войско, почитавшее себя осаждающим, само находилось в осаде, так как не могло ни Аквилеи взять, ни двинуться на Рим из-за недостатка судов и повозок, которые все были заранее собраны и заперты в городе. Молва еще больше увеличивала справедливые опасения, будто весь римский народ взялся за оружие, вся Италия возмутилась, все иллирийские и варварские народы, восточные и южные, собирают войско, и умами и сердцами всех овладела единодушная ненависть к Максимину. Поэтому воины, терпевшие недостаток во всем, даже в воде, потеряли надежду. Ведь пили только речную воду, зараженную кровью и трупами, так как и аквилейцы, не имевшие где похоронить умирающих в городе, бросали их в реку и в лагере

предавали волнам убитых и погибших от болезней, ибо и здесь не было того, что нужно для погребения.

И вот, при таком крайне безвыходном и угнетенном состоянии войска, однажды, когда не было сражения и Максимин отдыхал у себя в палатке, а большая часть войска разошлась по палаткам и по назначенным для стражи местам, воины, стоявшие со стороны Рима под горою Албанской, за которой у них остались жены и дети, решили вдруг убить Максимина, чтобы прекратить затянувшуюся до бесконечности осаду и не опустошать Италии ради презренного и ненавистного тиранна. Итак, около полудня они смело подходят к его палатке и, склонив на свою сторону телохранителей, срывают со знамен изображения Максимина. Когда же он сам с сыном вышел из палатки, чтобы поговорить с ними, они в ярости убили его. Одновременно были убиты главный военачальник и все близкие друзья Максимина. Трупы их выбросили, чтобы всякий желающий мог попирать их и ругаться над ними, и оставили их на съедение псам и птицам. А головы Максимина и его сына были отправлены в Рим. Такой конец постиг Максимина и сына его в наказание за плохое правление.

ДИОГЕН ЛАЭРТСКИЙ

Единственный общий обзор истории греческой философии, дошедший до нас из древности, принадлежит Диогену Лаэртскому. Имя этого писателя, по-видимому, указывает на то, что он был родом из малоазиатского города Лаэрты. По другому предположению, это имя — лишь псевдоним, принятый по созвучию с гомеровским эпитетом Одиссея: «богородный Лаэртид». Время жизни Диогена относится к первым десятилетиям III в. н. э.: он уже знает скептическую школу Секста Эмпирика, но еще не знаком с неоплатонизмом. О жизни его ничего неизвестно. Кроме сочинения о философах, ему принадлежал сборник стихов «Все размеры», откуда он охотно цитирует свои, весьма посредственные, эпиграммы на смерть знаменитых философов.

Сочинение Диогена Лаэртского называется «Жизнь и учения знаменитых философов». Оно состоит из 10 книг с предисловием и сохранилось почти целиком. Философы сгруппированы по школам, школы расположены в порядке традиционной преемственности: сперва ионийские философы, потом Сократ и сократические школы, потом Пифагор и пифагорейцы, потом все остальные. Наиболее подробно говорится о Платоне, стоиках и Эпикуре. Сочинение было посвящено какой-то знатной почитательнице Платона; предполагают, что это была Аррия, упоминаемая медиком Галеном, или императрица Юлия Домна, жена Септимия Севера.

Диоген Лаэртский — один из тех многочисленных компиляторов, деятельность которых так характерна для поздней античности. Метод его работы не отличается от метода работы Геллия, Афинея или Элиана. Однако, благодаря своей теме, сочинение Диогена имеет особый интерес. Прежде всего, оно является драгоценным источником сведений по истории философии; кроме того, оно показывает характер философской культуры своего времени.

Сочинение Диогена исполнено глубокого почтения к философии. Философия для Диогена — лучший жизненный удел, философы — благодетели человечества. Однако, преклоняясь перед философией, Диоген ее не понимает и не пытается понять. Она для него священна благодаря своей глубокой древности и ценна тем, что приносит человеку счастье. Каждая философская школа может проследить свою генеалогию чуть ли не до времен семи мудрецов, и каждая претендует на то, что она ведет своих последователей к истинному счастью, поэтому для Диогена все школы равно достойны уважения,

и он с одинаковым восторгом говорит о Платоне и об Эпикуре, о стоиках и о скептиках. Собственных воззрений у него нет. Он путает Анаксимандра с Анаксагором и Ксенофана с Ксенофонтом. Книга Диогена — своего рода история философии, но ее автор — не историк и не философ. Он пишет не для специалистов, а для любителей. Его интересует не столько содержание философских учений, сколько результаты, к которым приводят эти учения: его книга — не учебник, а сборник поучительных примеров. Жизнеописания философов рассыпаются на бесчисленные анекдоты, а философские системы — на разрозненные «мнения» и «суждения». При этом Диоген заботится больше о яркости, чем о характерности: его не занимают ни историческая достоверность сообщаемых анекдотов, ни место приводимых мнений в системе взглядов философа. Частности отвлекают внимание автора от целого: его повествование бессвязно, а слог небрежен.

Книга Диогена в высшей степени характерна для той промежуточной ступени развития античного общества, когда философия уже перестала быть наукой и еще не стала религией.

ЖИЗНЬ И УЧЕНИЯ ЗНАМЕНИТЫХ ФИЛОСОФОВ

II, 8. АРИСТИПП

(65) Аристипп был родом из Кирены; в Афины он приехал привлеченный славой Сократа, как сообщает Эсхин [1]. Перипатетик Фаний [2] из Эреса говорит, что, занимаясь софистикой, он первым из учеников Сократа начал брать плату со слушателей и отсылать деньги учителю. Однажды, послав ему двадцать мин, он получил их обратно, и Сократ сказал, что демоний [3] запрещает ему принимать их: действительно, это было ему не по душе. Ксенофонт Аристиппа не любил: поэтому он и приписал Сократу речь, осуждающую наслаждение и направленную против Аристиппа [4]. Поносил его и Феодор [5] в сочинении «О школах» и Платон в диалоге «О душе», как я уже говорил в другом месте [6].

(66) Он умел применяться ко всякому месту, времени или человеку, играя свою роль в соответствии со всею обстановкой. Поэтому и при дворе Дионисия [7] он имел больше успеха, чем все остальные, всегда отлично осваиваясь с обстоятельствами. Дело в том, что он извлекал наслаждение из того, что было доступно, и не трудился разыскивать наслаждение в том, что было недоступно. За это Диоген называл его царским псом.

Своей изнеженностью он навлек колкость Тимона[8], который говорит так:

> Был Аристипп до того изнежен, что мог прикасаньем
> Чувствовать ложь[9].

Говорят, что однажды он велел купить куропатку за пятьдесят драхм. Когда кто-то стал осуждать его за это, он спросил: «А если бы она стоила обол, ты купил бы ее?». Собеседник не отрицал. «А для меня,— сказал Аристипп,— пятьдесят драхм не дороже обола».

(67) Однажды Дионисий предложил ему из трех гетер выбрать одну; Аристипп увел с собою всех троих, сказав: «Парису плохо пришлось за то, что он отдал предпочтение одной из трех». Впрочем, говорят, что он довел их только до сеней и отпустил. Так легко ему было и принять и пренебречь. Поэтому и сказал ему Стратон (а по мнению других, Платон): «Тебе одному дано ходить одинаково как в хланиде[10], так и в лохмотьях».

Когда Дионисий плюнул в него, он стерпел; а когда кто-то начал его за это бранить, сказал: «Рыбаки подставляют себя брызгам моря, чтобы поймать мелкую рыбешку; я ли не вынесу брызг слюны, желая поймать большую рыбу?».

(68) Однажды, когда он проходил мимо Диогена, который чистил себе овощи, тот, насмехаясь, сказал: «Если бы ты умел кормиться вот этим, тебе не пришлось бы прислуживать при дворах тиранов». «А если бы ты умел обращаться с людьми,— ответил Аристипп,— тебе не пришлось бы чистить себе овощи».

На вопрос, какую пользу принесла ему философия, он ответил: «Дала способность смело говорить с кем угодно». Однажды, когда его упрекали за роскошную жизнь, он сказал: «Если бы роскошь была дурна, ее не было бы на пирах у богов»[11]. На вопрос, чем философы превосходят остальных людей, он ответил: «Если все законы уничтожатся, мы будем жить по-прежнему».

(69) На вопрос Дионисия, почему философы ходят к дверям богачей, а не богачи к дверям философов, он ответил: «Потому что одни знают, что им нужно, а другие не знают». Когда Платон упрекал его за роскошную жизнь, он спросил: «А Дионисий, по-твоему, разве не хороший человек?» И когда тот согласился, сказал: «А ведь он живет еще роскошнее, чем я: значит, ничто не мешает жить роскошно и в то же время хорошо». На вопрос, какая разница между людьми образованными и необразованными, он ответил: «Такая же, как между лошадьми объезженными и необъезженными».

Однажды, когда он входил с мальчиками в дом к гетере и один из мальчиков покраснел, он сказал: «Не позорно входить, позорно не найти сил, чтобы выйти».

(70) Когда кто-то предложил ему задачу и сказал: «Распутай!» — он воскликнул: «Зачем, глупец, ты хочешь распутать узел, который, даже запутанный, доставляет нам немало хлопот?». Он говорил, что лучше быть нищим, чем невеждой: если первый лишен денег, то второй лишен образа человеческого. Однажды кто-то бранил его; он пошел прочь; бранивший направился следом и спросил: «Почему ты уходишь?» Аристипп ответил: «Потому что твое право — ругаться, мое право — не слушать». Кто-то сказал, что всегда видит философов перед дверями богачей. «Но ведь и врачи,— сказал Аристипп,— ходят к дверям больных, и тем не менее всякий предпочел бы не болеть, а лечить».

(71) Однажды он плыл на корабле в Коринф, был застигнут бурей и сильно перепугался. Кто-то сказал: «Нам, простым людям, не страшно, а вы, философы, трусите?». Аристипп ему ответил: :«Мы оба беспокоимся о своих душах, но души-то у нас не одинаковой ценности».

Человеку, который хвастался обширными знаниями, он сказал: «Оттого, что человек очень много ест [12], он не становится здоровее, чем тот, который довольствуется только необходимым: точно так же и ученый — это не тот, кто много читает, а тот, кто читает с пользой». Оратор, который защищал Аристиппа на суде и выиграл процесс, спрашивал его: «Что хорошего сделал тебе Сократ?». «Благодаря ему,— ответил Аристипп,— все, что ты говорил в мою пользу, было правдой».

(72) Своей дочери Арете он давал превосходные наставления, приучая ее презирать всякое излишество. Когда кто-то спросил его, чем станет лучше его сын, получив образование, он сказал: «По крайней мере тем, что не будет сидеть в театре, как камень на камне» [13].

Кто-то привел к нему в обучение сына; Аристипп запросил пятьсот драхм [14]. Отец сказал: «За эти деньги я могу купить раба». «Купи,— сказал Аристипп,— и у тебя будет целых два раба». Он говорил, что берет деньги у друзей не для своей пользы, а для того, чтобы научить их самих, как надо пользоваться деньгами. Когда его упрекали за то, что, защищая свое дело в суде, он нанял оратора, он сказал: «Нанимаю же я повара, когда даю обед».

(73) Однажды Дионисий требовал, чтобы он сказал что-нибудь философское. «Смешно,— сказал Аристипп,— что ты у меня учишься, как надо говорить, и сам меня поучаешь, когда надо говорить». На это Дионисий рассердился и велел Аристиппу занять самое дальнее место за столом; а он: «Ты пожелал оказать почет этому месту».

Когда кто-то хвалился своим умением плавать, Аристипп сказал: «И не стыдно тебе хвастаться тем, что под силу даже

дельфину?». На вопрос, чем отличается разумный человек от неразумного, он сказал: «Отправь обоих нагишом к незнакомым людям и ты узнаешь». Кто-то хвастался, что может много пить, не пьянея. «Это может и мул»,— сказал Аристипп.

(74) Кто-то осуждал его за то, что он живет с гетерой [15]. «Но разве не все равно,— сказал Аристипп,— занять ли такой дом, в котором жили многие, или такой, в котором никто не жил?» — «Все равно»,— отвечал тот. «И не все ли равно, плыть ли на корабле, где уже плавали тысячи людей, или где еще никто не плавал?» — «Конечно, все равно».— «Вот так же,— сказал Аристипп,— все равно, жить ли с женщиной, которую уже знавали многие, или с такой, которую никто не трогал».

Его упрекали за то, что он, последователь Сократа, берет деньги с учеников. «Еще бы!— сказал он.— Правда, когда Сократу присылали хлеб и вино, он брал лишь самую малость, а остальное возвращал; но ведь о его пропитании заботились лучшие граждане Афин, а о моем только раб Евтихид».

Он был в связи с гетерой Лаидой [16], как утверждает Сотион [17] во второй книге «Преемств». (75) Тем, кто осуждал его, он говорил: «Ведь я владею Лаидой, а не она мною; а лучшая доля — не в том, чтобы воздерживаться от наслаждений, а в том, чтобы властвовать над ними, не подчиняясь им».

Человека, который порицал роскошь его стола, он спросил: «А разве ты отказался бы купить все это за три обола?» — «Конечно, нет»,— ответил тот. «Значит, просто тебе дороже деньги, чем мне наслаждение».

Сим, казначей Дионисия,— был он фригиец, и человек отвратительный,— показывал Аристиппу пышные комнаты с мозаичными полами; Аристипп кашлянул и сплюнул ему в лицо, а в ответ на его ярость сказал: «Нигде не было более подходящего места».

(76) Когда Харонд (а по другому мнению, Федон) [18] спросил: «Кто это такой пахнет духами?» — он ответил: «Это я, несчастный, а еще несчастнее меня персидский царь. Но подумай, ведь если все другие живые существа не становятся хуже от благовоний, то и человек тоже. А развратники, из-за которых отличные наши притирания пользуются дурною славою, пусть погибнут злою гибелью!».

На вопрос, как умер Сократ, он сказал: «Так, как и я желал бы умереть».

Однажды к нему зашел софист Поликсен [19] и, увидев у него женщин и роскошный стол, стал всячески бранить его. Аристипп, подождав немного, спросил: «А не можешь ли нынче и ты побыть с нами?» — (77) и, когда тот согласился, сказал: «Что же ты ругаешься? как видно, не роскошь тебе претит, а расходы».

Как сообщает Бион [20] в «Диатрибах», однажды в дороге у

Аристиппа утомился раб, который нес его деньги. «Выбрось лишнее,— сказал ему Аристипп,— и неси, сколько можешь». В другой раз, когда он плыл на корабле и увидал, что корабль этот — разбойничий, он взял свои деньги, стал их пересчитывать, и потом, словно ненароком, уронил в море, а сам рассыпался в причитаниях. Некоторые говорят, будто он при этом сказал, что лучше золоту погибнуть из-за Аристиппа, чем Аристиппу из-за золота.

На вопрос Дионисия, зачем он пожаловал, он ответил: «Чтобы поделиться тем, что у меня есть, и поживиться тем, чего у меня нет». (78) Другие передают его ответ так: «Когда я нуждался в мудрости, я пришел к Сократу; сейчас я нуждаюсь в деньгах, и вот пришел к тебе». Он осуждал людей за то, что при покупке они проверяют, хорошо ли звенит посуда, и не заботятся проверить, хорошо ли живет человек. Другие приписывают это замечание Диогену.

Однажды Дионисий за чашей вина приказал всем надеть красные одежды и начать пляску. Платон отказался, заявив:

Нет, я не в силах женщиной одеться[21].

Но Аристипп принял платье и, пускаясь в пляс, метко возразил:

Чистая душой
И в Вакховой не развратится пляске[22].

(79) Однажды он заступался перед Дионисием за своего друга и, не добившись успеха, бросился к его ногам. Когда кто-то стал над ним смеяться, он сказал: «Не я виноват, а Дионисий, у которого уши растут на ногах». В бытность свою в Азии он попал в плен к сатрапу Артаферну. Кто-то спросил его: «И ты не унываешь?» — «Глупец!— ответил Аристипп,— меньше, чем когда бы то ни было, склонен я унывать теперь, когда мне предстоит беседовать с Артаферном».

Тех, кто овладел обычным кругом знаний, а философией пренебрегал, он уподоблял женихам Пенелопы, которые сумели подчинить себе Меланто, Полидору и остальных рабынь, но не могли добиться брака с их госпожой[23]. (80) Нечто похожее говорил и Аристон[24] о том, что Одиссей, спустившись в Аид, встретил и увидел там почти всех мертвых, но не лицезрел самой их царицы.

На вопрос, чему надо учить хороших детей, Аристипп сказал: «Тому, что пригодится им, когда они вырастут». Тому, кто обвинял его за то, что от Сократа он ушел к Дионисию, он возразил: «Но к Сократу я приходил для учения, к Дионисию — для развлечения»[25]. Когда преподавание принесло ему много денег, Сократ спросил его: «За что тебе так много?». А он: «За то же, за что тебе так мало».

(81) Гетера сказала ему: «У меня от тебя ребенок». «Тебе это так же неизвестно,— ответил Аристипп,— как если бы ты шла по тростнику и сказала: вот эта колючка меня уколола». Кто-то осуждал его за то, что он отказался от своего сына, словно тот был не им порожден. «И мокрота и вши тоже порождаются нами,— сказал Аристипп,— но мы, зная это, все же отбрасываем их как можно дальше за ненадобностью».

Дионисий дал ему денег, а Платону книгу; в ответ на упреки Аристипп сказал: «Значит, мне нужны деньги, а Платону книга». На вопрос, почему Дионисий недоволен им, он ответил: «Потому же, почему все остальные недовольны Дионисием».

(82) Однажды он просил у Дионисия денег; тот заметил: «Ты ведь говорил, что мудрец не ведает нужды».— «Дай мне денег,— перебил Аристипп,— а потом мы разберем этот вопрос»,— и, получив деньги: «Вот видишь, я и вправду не ведаю нужды». Когда Дионисий прочел ему:

Ведь кто под царскую вступает сень,
Тот раб его, хотя пришел свободным,— [26]

он перебил:

Не раб его, зане пришел свободным.

Так говорит Диокл [27] в жизнеописаниях философов; другие рассказывают это о Платоне.

Немного спустя, поссорившись с Эсхином, он предложил: «Не помириться ли нам и не прекратить ли препирательства? или ты ждешь, пока кто-нибудь помирит нас за чашей вина?» — «Я готов»,— сказал Эсхин. (83) «Так помни же, что это я первый пошел тебе навстречу, хоть я и старше тебя».— «Клянусь Герой,— воскликнул Эсхин,— ты говоришь разумно и ведешь себя гораздо лучше, чем я: ибо я положил начало вражде, а ты — дружбе».

Таковы рассказы о нем. Всего было четыре Аристиппа: первый — о котором идет речь; второй — автор сочинения об Аркадии; третий — которому дала образование его мать, приходившаяся дочерью первому Аристиппу; четвертый — философ новой Академии.

Киренскому философу приписываются три книги «Истории Ливии», посланные им Дионисию, и еще одна, включающая двадцать пять диалогов, отчасти на аттическом, отчасти на дорийском наречии, а именно: (84) «Артабаз»; «К потерпевшим кораблекрушение»; «К изгнанниками»; «К нищему»; «К Лаиде»; «К Пору»; «К Лаиде о зеркале»; «Гермий»; «Сон»; «К председателю пира»; «Филомел»; «К домочадцам»; «К порицателям», которые осуждали его за любовь к старому вину и гетерам; «К порицателям», которые осуждали его за роскошный стол; «Послание к дочери Арете»; «К упражняющемуся перед олимпий-

скими состязаниями; «Вопрос»; «Другой вопрос»; «Слово к Дионисию»; «Слово об изображениях»; «Слово о дочери Дионисия»; «К тому, кто считает себя обесчещенным»; «К тому, кто собирается давать советы» [28]. Некоторые говорят, что он написал также шесть диатриб; некоторые, в том числе Сосикрат Родосский [29],— что он вообще ничего не написал. (85) По мнению же Сотиона (в его второй книге) и Панэтия, сочинения его следующие: «О воспитании», «О добродетели»; «Поощрение», «Артабаз», «Потерпевшие кораблекрушение», «Изгнанники», шесть диатриб, три «Слова», «К Лаиде», «К Пору», «К Сократу» и «О судьбе».

Высшим благом он объявлял легкое движение, воспринимаемое ощущением.

Теперь, описав его жизнь, мы перейдем к его ученикам — киренаикам, из которых одни называли себя последователями Гегесия, другие — Анникерида, третьи — Феодора; коснемся также последователей Федона [30], из которых главные — эретрики. Дело обстоит так. (86) Учениками Аристиппа были его дочь Арета, Эфиоп из Птолемаиды [31] и Антипатр из Кирены. У Ареты учился Аристипп, прозванный «учеником матери», а у него — Феодор, прозванный сперва безбожником, а потом богом. Антипатр учил Эпитимида из Кирены, тот — Паребата, а тот — Гегесия, прозванного «Убеждающим умереть», и Анникерида.

Одни из них, сохранившие верность учению Аристиппа и прозванные киренаиками, держались следующих положений. Они принимали два состояния души — боль и наслаждение: легкое движение является наслаждением, резкое — болью. (87) Между наслаждением и наслаждением нет никакой разницы, ни одно не сладостнее другого. Наслаждение для всех живых существ привлекательно, боль — отвратительна. Однако здесь имеется в виду и считается высшим благом лишь телесное наслаждение (так говорит Панэтий в сочинении «О школах»), а не то, которое восхваляет и считает высшим благом Эпикур и которое является спокойствием и своеобразной безмятежностью, наступающей по устранении боли.

Кроме того, они различают высшее благо и счастье: именно, высшее благо есть частное наслаждение, а счастье — совокупность частных наслаждений, включающая также наслаждения прошлые и будущие. (88) К частным наслаждениям следует стремиться ради них самих, а к счастью — не ради него самого, но ради частных наслаждений. Доказательство того, что наслаждение является высшим благом,— в том, что мы с детства бессознательно влечемся к нему, и, достигнув его, более ничего не ищем, а также в том, что мы больше всего избегаем боли, которая противоположна наслаждению. Наслаждение является добром, даже если оно порождается безобразнейшими вещами, как

заявляет Гиппобот[32] в сочинении «О школах»; именно, даже если поступок будет недостойным, все же наслаждение остается добром, и к нему следует стремиться ради него самого.

(89) Освобождение от боли, о котором говорится у Эпикура, они не считают наслаждением, равно как и отсутствие наслаждения — болью. Дело в том, что и боль и наслаждение являются движением, между тем как отсутствие боли или наслаждения не есть движение: отсутствие боли даже напоминает состояние спящего. Они признают, что иные не стремятся к наслаждению, но лишь из-за своей извращенности. Однако не всякое душевное наслаждение или боль порождается телесным наслаждением или болью: например, можно радоваться единственно благоденствию отечества, как своему собственному. Тем не менее, память о благе или ожидание блага не ведут к наслаждению, как это кажется Эпикуру: (90) дело в том, что движение души угасает с течением времени. Далее, они говорят, что наслаждения порождаются не просто зрением или слухом: например, мы с удовольствием слушаем подражание погребальному плачу[33], подлинный же плач нам неприятен. Промежуточные состояния они называли отсутствием наслаждения и отсутствием боли.

Однако телесные наслаждения много выше душевных, и телесная боль много тяжелее: потому-то она и служит преимущественным наказанием для преступников. Таким образом, считая, что боль неприятна, а наслаждение приятно, они главным образом заботились о последнем. Поэтому же,— ибо, хотя к наслаждению следует стремиться ради него самого, но некоторые наслаждения часто порождают противоположные им беспокойства,— они считают слишком утомительным добиваться соединения всех наслаждений, составляющих счастье.

(91) Они полагают, что мудрец наслаждается, а невежда страдает не постоянно, но лишь по большей части, и что достаточно бывает наслаждаться отдельными случайными удовольствиями. Мудрость, по их мнению, есть благо, ценное не само по себе, а лишь благодаря своим плодам. Друзей мы любим ради выгоды, так же, как заботимся о частях своего тела лишь до тех пор, пока владеем ими. Некоторые добродетели присущи даже неразумным. Телесные упражнения помогают овладеть добродетелью. Мудрец чужд зависти, любви и суеверия, ибо эти чувства порождаются пустым воображением, но ему знакомы горе и страх, которые порождаются самой действительностью. (92) Богатство также дает возможность наслаждения, самостоятельной же ценности не имеет.

Страсти познаваемы, но причины их познанию недоступны. Они отвергают исследование явлений природы, ибо они явно непознаваемы, и признают исследование явлений сознания, ибо оно приносит пользу. Мелеагр[34] во второй книге «О мнениях»

и Клитомах [35] в первой книге «О школах» утверждают, что киренаики не видят пользы ни в физике, ни в диалектике: по их мнению, достаточно постичь смысл добра и зла, чтобы и говорить хорошо, и не ведать суеверий, и быть свободным от страха смерти.

(93) Нет ничего справедливого, прекрасного или безобразного от природы: все это определяется законом и обычаем. Однако знающий человек воздерживается от дурных поступков, избегая наказания и дурной славы, ибо он мудр. Они признают успехи философии и других наук. Они учат, что один человек страдает больше, чем другой, и что чувства иногда обманывают.

VI, 2. ДИОГЕН

(20) Диоген, сын менялы Гикесия, был родом из Синопа. По словам Диокла, его отец, заведовавший казенным меняльным столом, портил монету и за это подвергся изгнанию. А Евбулид [36] в книге о Диогене говорит, что и сам Диоген занимался этим и потом скитался вместе с отцом. И сам Диоген в сочинении «Леопард» признает, что он обрезывал монеты. Некоторые рассказывают, что его склонили на это рабочие, когда он был назначен заведовать чеканкой, и что он, отправившись в Дельфы или в делийский храм на родине Аполлона, спросил, сделать ли ему то, что ему предлагают. Оракул разрешил ему «изменить обращение» [37], а он, не поняв истинного смысла, стал подделывать монету, был уличен и, по мнению одних, приговорен к изгнанию, по мнению других, бежал сам в страхе перед наказанием. (21) Некоторые сообщают, что он получал деньги от отца и портил их и что отец его умер в тюрьме, а сам он бежал, явился в Дельфы и спросил оракула не о том, заниматься ли ему порчей монеты, а о том, что ему сделать, чтобы прославиться; тут-то он и получил ответ, о котором было сказано.

Придя в Афины, он примкнул к Антисфену [38]. Тот, по своему обыкновению никого не принимать, прогнал было его, но Диоген упорством добился своего. Однажды, когда тот замахнулся на него палкой, Диоген, подставив голову, сказал: «Бей, но ты не найдешь такой крепкой палки, которая могла бы прогнать меня, пока ты чего-нибудь не скажешь». С этих пор он стал учеником Антисфена, и, будучи изгнанником, повел самую простую жизнь.

(22) Феофраст в своем «Мегарике» рассказывает, что Диоген понял, как надо жить в его положении, когда поглядел на пробегавшую мышь, которая не нуждалась в подстилке, не пугалась темноты и не искала никаких мнимых наслаждений. По некоторым сведениям, он первый стал складывать вдвое свой плащ, потому что ему приходилось не только носить его, но и

спать на нем; он носил суму, чтобы хранить в ней пищу, и всякое место было ему одинаково подходящим и для еды, и для сна, и для беседы. Поэтому он говаривал, что афиняне сами позаботились о его жилище, и показывал на портик Зевса и на Пропилеи [39].

(23) Сперва он опирался на палку только тогда, когда выбивался из сил, но потом носил постоянно и ее и свою суму не только в городе, но и в дороге, как сообщают афинский простат Афинодор, ритор Полиевкт и Лисаний, сын Эсхриона [40]. Однажды в письме он попросил кого-то позаботиться о его жилище, но тот промешкал, и Диоген устроил себе жилье в глиняной бочке в Метрооне [41]: так он сам объясняет в своих «Посланиях». Желая всячески закалить себя, летом он перекатывался на горячий песок, а зимой обнимал статуи, запорошенные снегом.

(24) Ко всем он относился с язвительным презрением. Он говорил, что у Евклида [42] не ученики, а желчевики, что Платон отличается не красноречием, а пусторечием, что состязания на празднике Дионисий — это чудеса для дураков и что демагоги — прислужники черни. Еще он говорил, что когда он видит правителей, врачей или философов, ему кажется, что человек — самое разумное из животных, но когда он встречает снотолкователей, прорицателей или людей, которые им верят, а также тех, кто чванится славой или богатством, ему кажется, что ничего не может быть глупее человека. Он постоянно говорил, что для того, чтобы жить, как следует, надо иметь или разум или петлю.

(25) Однажды, заметив, что Платон на роскошном пиру ест оливки [43], он спросил: «Как же так, мудрец, ради таких вот пиров ты ездил в Сицилию, а тут не берешь даже того, что стоит перед тобою?» — «Клянусь богами, Диоген,— ответил тот,— я и в Сицилии питался главным образом оливками и тому подобной пищей». А Диоген: «Зачем же тебе понадобилось ехать в Сиракузы? Или в Аттике тогда был неурожай на оливки?» Впрочем, Фаворин [44] в «Разнообразных рассказах» приписывает эти слова Аристиппу. В другой раз он повстречал Платона, когда ел сушеные фиги, и сказал ему: «Возьми моих фиг». Тот взял и съел, а Диоген: «Я сказал: возьми, но не говорил: поешь». (26) Однажды, когда Платон позвал к себе своих друзей, приехавших от Дионисия, Диоген стал топтать его ковер со словами: «Попираю тщеславие Платона». На это Платон заметил: «Какую ты обнаруживаешь гордыню, Диоген, притворяясь таким смиренным!» Другие передают, что Диоген сказал: «Попираю спесь Платона», а Платон ответил: «Попираешь собственной спесью, Диоген». Сотион в четвертой книге говорит, что именно за это Платон обозвал его собакой. Диогену случалось просить у него то вина, то сушеных фиг. Однажды Платон послал ему целый бочонок; а он: «Когда тебя спрашивают, сколько будет

два и два, разве ты отвечаешь: двадцать? Этак ты и даешь не то, о чем просят, и отвечаешь не о том, о чем спрашивают». Так он посмеялся над его многословием.

(27) На вопрос, где он видел в Греции хороших людей, Диоген ответил: «Хороших людей — нигде, хороших детей — в Лакедемоне». Однажды он рассуждал о важных предметах, но никто его не слушал; тогда он принялся верещать по-птичьему; собрались люди, и он пристыдил их за то, что ради пустяков они сбегаются, а ради важных вещей не пошевелятся.

Он говорил, что люди соревнуются, кто кого столкнет пинком в канаву [45], но никто не соревнуется в добродетели. Он удивлялся, что грамматики изучают бедствия Одиссея и не ведают своих собственных; музыканты ладят струны на лире и не могут сладить с собственным нравом; (28) математики следят за солнцем и луной, а не видят того, что у них под ногами; риторы учат справедливо говорить и не учат справедливо поступать; наконец, скряги ругают деньги, а сами любят их больше всего. Он осуждал тех, кто восхваляет честных бессребреников, а сам втихомолку завидует богачам. Его сердило, что люди при жертвоприношении молят богов о здоровье, а на пиру после жертвоприношения объедаются во вред здоровью. Он удивлялся, что рабы, видя обжорство хозяев, не растаскивают их еду. (29) Он хвалил тех, кто хотел жениться и не женился, кто хотел путешествовать и не поехал, кто собирался заняться политикой и не сделал этого, кто брался за воспитание детей и отказывался от этого, кто готовился жить при дворе и не решался [46]. Он говорил, что, протягивая руку друзьям, не надо сжимать пальцы.

Менипп [47] в книге «Продажа Диогена» рассказывает, что когда Диоген попал в плен и был выведен на продажу, то на вопрос, что он умеет делать, философ ответил: «Властвовать людьми» и попросил глашатая: «Объяви, не хочет ли кто купить себе хозяина?» Когда ему не позволили присесть, он сказал: «Неважно: ведь как бы рыба не лежала, она найдет покупателя». (30) Удивительно, говорил он, что покупая горшок или блюдо, мы пробуем, как оно звенит, а покупая человека, довольствуемся беглым взглядом. Ксениаду, который купил его, он заявил, что хотя он и раб, хозяин должен его слушаться, как слушался бы врача или кормчего, если бы врач или кормчий были рабами.

Евбул в книге под названием «Продажа Диогена» рассказывает, что Диоген, воспитывая сыновей Ксениада, обучал их, кроме всего прочего, ездить верхом, стрелять из лука, владеть пращой, метать дротики; а потом, в палестре, он велел наставнику закалять их не так, как атлетов, но лишь настолько, чтобы они отличались здоровьем и румянцем. (31) Дети запоминали наи-

зусть многие отрывки из творений поэтов, историков и самого Диогена; все начальные сведения он излагал им кратко, для удобства запоминания. Он учил их, чтобы дома они сами о себе заботились, чтобы ели простую пищу и пили воду, коротко стриглись, не надевали украшений, не носили ни хитонов, ни сандалий, а по улицам ходили молча и потупив взгляд. Обучал он их также и охоте. Они, в свою очередь, тоже заботились о Диогене и заступались за него перед родителями. Тот же автор сообщает, что у Ксениада он жил до глубокой старости, и когда умер, то был похоронен его сыновьями. Умирая, на вопрос Ксениада, как его похоронить, он сказал: «Лицом вниз» — «Почему?» — спросил тот.— «Потому что скоро нижнее станет верхним»,— ответил Диоген: так он сказал потому, что Македония уже набирала силы и из слабой становилась мощной [48].

(33) Когда кто-то привел его в роскошное жилище и не позволил плевать, он, откашлявшись, сплюнул в лицо спутнику, заявив, что не нашел места хуже. Впрочем, другие приписывают это Аристиппу. Однажды он закричал: «Эй, люди!»— но когда сбежался народ, напустился на него с палкой, приговаривая: «Я звал людей, а не мерзавцев». Так говорит Гекатон [49] в первой книге притч. Говорят, что даже Александр сказал: «Если бы я не был Александром, я хотел бы быть Диогеном»,

(34) Тем, кто говорил ему: «Ты стар, отдохни от трудов»,— он отвечал: «Как, если бы я бежал дальним бегом и уже приближался к цели, разве не следовало бы мне скорее напрячь все силы вместо того, чтобы уйти отдыхать?» Когда его позвали на пир, он отказался, заявив, что недавно он пошел на пир, но не видел за это никакой благодарности. Босыми ногами он ходил по снегу; о других его поступках такого рода уже говорилось. Он пытался есть сырое мясо, но не мог его переварить.

Однажды он застал оратора Демосфена в харчевне за завтраком; при виде его Демосфен перешел во внутреннюю комнату; «От этого ты тем более находишься в харчевне»,— сказал Диоген. Приезжим, которые хотели посмотреть на Демосфена, он указывал на него средним пальцем со словами: «Вот вам правитель афинского народа».

(35) Желая наказать человека, который, уронив хлеб, постеснялся его поднять, он привязал ему горшок на шею и поволок через Керамик [50]. Он говорил, что берет пример с учителей пения, которые нарочно поют тоном выше, чтобы хоревты поняли, в каком тоне нужно петь им самим. Большинство людей, говорил он, отстоит от сумасшествия на один только палец: если человек будет вытягивать средний палец, его сочтут сумасшедшим, а если указательный, то не сочтут. Драгоценные вещи, по его словам, ничего не стоят, и наоборот: например, за статую платят по три тысячи, а за меру ячменя — два медных обола.

(36) Ксениаду, когда тот его купил, Диоген сказал: «Смотри, делай теперь то, что я прикажу!» — а когда тот воскликнул: «Вспять потекли источники рек!» [51] — сказал: «Если бы ты был болен и купил себе врача, ты ведь слушался бы его, а не говорил бы, что вспять потекли источники рек?».

Кто-то хотел заниматься у него философией; Диоген дал ему рыбу и велел в таком виде ходить за ним; но тот застыдился и бросил рыбу. Спустя некоторое время Диоген вновь повстречал его и со смехом сказал: «Нашу с тобой дружбу разрушила рыба». Впрочем, у Диокла это записано так: кто-то попросил: «Научи меня разуму, Диоген»; философ, отведя его в сторону, дал ему сыр ценою в пол-обола и велел носить при себе; тот отказался, и Диоген сказал «Нашу с тобой дружбу разрушил сырок ценою в пол-обола».

(37) Увидав однажды как мальчик пил воду из горсти, он выбросил из сумы свою чашку, промолвив: «Мальчик превзошел меня простотой жизни». Он выбросил и миску, когда увидел мальчика, который, разбив свою плошку, ел чечевичную похлебку из куска выеденного хлеба.

Рассуждал он следующим образом. Все находится во власти богов; мудрецы — друзья богов; но у друзей все общее; следовательно, все на свете принадлежит мудрецам.

Увидев однажды женщину, недостойным образом распростершуюся перед статуями богов, и желая избавить ее от суеверия, он, по словам Зоила из Перги, подошел и сказал: «А ты не боишься, женщина, что, быть может, бог находится позади тебя,— ибо все полно его присутствием,— и ты ведешь себя недостойно по отношению к нему?» (38) В храм Асклепия он подарил кулачного бойца, чтобы он подбегал и колотил тех, кто падает ниц перед богом.

Он часто говорил, что над ним исполнились трагические проклятия, ибо он — не кто иной, как

> Лишенный крова, города, отчизны,
> Живущий со дня на день нищий странник [52].

Говорил он также, что судьбе он противопоставляет мужество, закону природу, страстям разум. Когда он грелся на солнце в Крании, Александр, остановившись над ним, сказал: «Проси у меня чего хочешь»; Диоген отвечал: «Не заслоняй мне солнце».

Когда кто-то читал длинное сочинение и уже показалось неисписанное место в конце свитка, Диоген воскликнул: «Мужайтесь, други: виден берег». Софисту, который силлогизмом доказал ему, что он имеет рога [53], он ответил, пощупав свой лоб: «А я-таки их не нахожу». (39) Таким же образом, когда кто-то утверждал, что движения не существует, он встал и начал хо-

дить. Рассуждавшего о небесных явлениях он спросил: «Давно ли ты спустился с неба?».

Когда один развратный евнух написал у себя на дверях: «Да не внидет сюда ничто дурное», Диоген спросил: «А как же войти в дом самому хозяину?» Умастив себе ноги благовониями, он объяснял, что от головы благоухание поднимается в воздух, а от ног — к ноздрям. Афиняне просили его принять посвящение в мистерии, уверяя, что посвященные ведут в аиде лучшую жизнь. «Смешно,— сказал Диоген,— если Агесилай и Эпаминонд будут томиться в грязи, а всякие ничтожные люди из тех, кто посвящен,— обитать на островах блаженных».

(40) Заметив мышей, подбиравшихся к его еде, он воскликнул: «Смотрите, и при Диогене кормятся параситы!» Платону, обозвавшему его собакой, он ответил: «И верно: ведь я прибежал обратно к тем, кто меня продал» [54]. Выходя из бани, на вопрос, много ли людей моется, он ответил: «Мало», а на вопрос, много ли моющихся: «Много». Когда Платон дал определение, имевшее большой успех: «Человек есть животное о двух ногах, лишенное перьев», Диоген ощипал петуха и принес к нему в школу, объявив: «Вот платоновский человек!» После этого к определению было добавлено: «И с широкими ногтями». Человеку, спросившему, в какое время следует завтракать, он ответил: «Если ты богат, то когда хочешь, если беден, то когда можешь».

(41) Видя, что в Мегарах овцы ходят в кожаных чепраках [55], а дети бегают голыми, он сказал: «Лучше быть у мегарца бараном, чем сыном». Когда кто-то задел его бревном, а потом крикнул: «Берегись!» — он спросил: «Ты хочешь еще раз меня ударить?». Он говорил, что демагоги — это прислужники народа, а венки — прыщи славы. Среди бела дня он бродил с фонарем в руках, объясняя: «Ищу человека». Однажды он голый стоял под дождем, и окружающие жалели его; случившийся при этом Платон сказал им: «Если хотите пожалеть его, отойдите в сторону»,— имея в виду его тщеславие.

Когда кто-то стукнул его кулаком, он воскликнул: «Геракл! Как это я не подумал, что нельзя ходить по улице без шлема!» (42) Но когда Мидий ударил его кулаком и сказал: «Вот тебе три тысячи на стол!» [56] — он на следующий день надел ремни для кулачного боя [57] и отколотил Мидия, приговаривая: «Вот тебе три тысячи на стол!» Аптекарь Лисий спросил его, верит ли он в богов. «Как же не верить,— сказал Диоген,— если, например, я думаю, что ты богам ненавистен». Впрочем, некоторые приписывают это Феодору. Видя, как кто-то совершал очищение, он сказал ему: «Несчастный, ты не понимаешь, что очищение так же не исправляет жизненные грехи, как и грамматические ошибки». Он порицал людей за их молитвы, утверждая, что они молят не об истинном благе, а о том, что им кажется благом.

(43) Тем, кто боялся недобрых снов, он говорил, что они не заботятся о том, что делают днем, и беспокоятся о том, что приходит им в голову ночью. Когда на олимпийских играх глашатай возвестил: «Диоксипп победил всех мужей», Диоген сказал: «Он побеждает рабов, а мужей побеждаю я».

Однако афиняне его любили: так, например, когда мальчишка разбил его бочку, они его высекли, а Диогену дали новую бочку.

Стоик Дионисий[58] говорит, что при Херонее Диоген попал в плен, был приведен к Филиппу и на вопрос, чем он занимается, ответил: «Слежу за твоей ненасытностью». Изумленный таким ответом, царь отпустил его. (44) Когда Пердикка[59] грозился казнить Диогена, если он не явится к нему, Диоген ответил: «Невелика важность: то же самое могли бы сделать жук или фаланга» и «хуже было бы, если бы он объявил, что ему и без меня хорошо живется».

Часто он объявлял во всеуслышанье, что боги даровали людям легкую жизнь, а те омрачили ее, выдумывая медовые сласти, благовония и тому подобное. По той же причине он сказал человеку, которого обувал его раб: «Ты был бы вполне счастлив, если бы он заодно и нос тебе утирал; отруби же себе руки, тогда так оно и будет».

(45) Однажды, увидев, как иеромнемоны[60] вели в тюрьму человека, укравшего из храмовой казны какую-то чашу, он сказал: «Вот крупные воры ведут мелкого». Увидев, как мальчик швыряет камешками в крест, он сказал: «Славно ты попадаешь в свою цель!..». Человеку, который хвалился львиной шкурой, он сказал: «Перестань позорить облачение доблести». Когда кто-то, завидуя Каллисфену[61], рассказывал, какую роскошную жизнь делит он с Александром, Диоген заметил: «Вот уж несчастен тот, кто и завтракает, и обедает, когда это угодно Александру!».

(47) Ораторов и вообще всякого, кто хотел прославиться красноречием, он называл «трижды человеком», то-есть «трижды несчастным». Невежественного богача он называл златорунным бараном. Увидев дом одного распутника с надписью «продается», он сказал: «Я так и знал, что после таких попоек ему легко изрыгнуть своего владельца». Мальчику, жаловавшемуся, что все к нему пристают, он сказал: «А ты не выставляй напоказ все признаки своей похотливости». Об одной грязной бане он спросил: «А где мыться тем, кто помылся здесь?».

Он один хвалил рослого кифареда, которого все ругали; на вопрос, почему он это делает, он ответил: «Потому что, несмотря на свои возможности, он занимается кифарой, а не разбоем». (48) Кифареда, от которого постоянно убегали слушатели, он приветствовал: «Здорово, петух!» — «Почему петух?» — «Потому что ты всех поднимаешь на ноги».

Один юноша разглагольствовал перед народом; Диоген набил себе пазуху волчьими бобами, сел напротив него и стал их пожирать. Когда все обратили взгляды на него, он сказал: «Удивительно, как это вы забыли о мальчишке и смотрите на меня?» Один человек, известный крайним суеверием, сказал ему: «Вот я разобью тебе голову с одного удара!» — «А я чихну налево, и ты у меня задрожишь!» — возразил Диоген. Гегесий [62] просил почитать что-нибудь из его сочинений. «Дурак ты, Гегесий,— сказал Диоген,— нарисованным фигам ты предпочитаешь настоящие, а живого урока не замечаешь и требуешь писанных правил».

(49) Кто-то корил Диогена за его изгнание. «Несчастный! — ответил он,— ведь благодаря изгнанию я стал философом». Кто-то напомнил: «Жители Синопа осудили тебя скитаться».— «А я их — оставаться дома»,— ответил Диоген...

Он просил подаяния у статуи; на вопрос, зачем он это делает, он сказал: «Чтобы приучить себя к отказам». Прося у кого-то подаяния (как он делал вначале по своей бедности), он сказал: «Если ты подаешь другим, то подай и мне; если нет, то начни с меня».

(50) Тиранн спросил его, какая медь лучше всего годится для статуй. Диоген сказал: «Та, из которой отлиты Гармодий и Аристогитон» [63]. На вопрос, как обращается Дионисий с друзьями, он сказал: «Так же, как с мешками: полные подвешивает в кладовой, а пустые выбрасывает». Алчность он называл матерью всех бед. Увидев мота, который ел в харчевне оливки, он сказал: «Если бы ты так завтракал, не пришлось бы тебе так обедать» [64].

(51) Добродетельных людей он называл подобиями богов, любовь — делом бездельников. На вопрос, что́ есть в жизни горестного, он ответил: «Старость в нищете». На вопрос, какие звери опаснее всего кусаются, он ответил: «Из диких — сикофант, из домашних — льстец». Вкрадчивую речь он называл медовой удавкой, желудок — Харибдой жизни... На вопрос, почему у золота такой нездоровый цвет, он сказал: «Потому, что на него делается столько покушений». Увидев женщину в носилках, он сказал: «Не по зверю клетка».

(52) Увидев беглого раба, который сидел над колодцем, он сказал: «Берегись колодца, парень!» [65] Заметив мальчишку, ворующего одежды в бане, он спросил: «Что ты хочешь делать с этим добром: мыться или смываться?» [66] Увидев женщин, удавившихся на оливковом дереве, он воскликнул: «О если бы все деревья приносили такие плоды!» Увидев вора, крадущего платье, он спросил:

Грабить ли хочешь ты мертвых, лежащих на битвенном поле? [67]

На вопрос, есть ли у него раб или рабыня, он ответил: «Нет».— «Кто же тебя похоронит, если ты умрешь?» — спросил собеседник.— «Тот, кому понадобится мое жилище».

(53) ...Когда Платон рассуждал об идеях и изобретал названия для «стольности» и «чашности», Диоген сказал: «А я вот, Платон, стол и чашу вижу, а стольности и чашности не вижу». А тот: «И понятно: чтобы видеть стол и чашу, у тебя есть глаза, а чтобы видеть стольность и чашность, у тебя нет разума». (54) На вопрос: «Что, по-твоему, представляет собой Диоген?» — Платон ответил: «Это безумствующий Сократ».

На вопрос, в каком возрасте следует жениться, Диоген ответил: «Молодым еще рано, старым уже поздно»[68]. ...На вопрос, какое вино ему вкуснее пить, он ответил: «Чужое». Ему сказали: «Тебя многие поднимают на смех». Он ответил: «А я все никак не поднимаюсь».

(55) Человеку, утверждавшему, что жизнь — зло, он возразил: «Не всякая жизнь, а лишь дурная жизнь». Когда у него убежал раб, ему советовали пуститься на розыски; «Смешно,— сказал Диоген,— если Манес может жить без Диогена, а Диоген не сможет жить без Манеса». Когда он завтракал оливками, ему принесли пирог; он отбросил его со словами: «Прочь, прочь с дороги царской, чужеземец!»[69] — а в другой раз сказал: «Бич на оливу занес...»[70] Его спросили: «Если ты собака, то какой породы?» Он ответил: «Когда голоден, то мальтийская, когда сыт, то молосская[71]: из тех, которых многие хвалят, но на охоту с ними пойти не решаются, опасаясь хлопот; так вот и со мною вы не можете жить, опасаясь неприятностей».

(56) На вопрос, можно ли мудрецам есть пироги, он ответил: «Можно все то же, что и остальным людям». На вопрос, почему люди подают милостыню нищим и не подают философам, он сказал: «Потому что они знают: хромыми и слепыми они, быть может, и станут, а вот мудрецами никогда». Он просил милостыню у скряги, тот колебался; «Почтенный,— сказал Диоген,— я же у тебя прошу на хлеб, а не на склеп!»[72]

Кто-то попрекал его порчей монеты. «То было время,— сказал Диоген,— когда я был таким, каков ты сейчас; зато таким, каков я сейчас, тебе никогда не стать». Как-то другой попрекал его тем же самым; Диоген ответил: «Когда-то я и в постель мочился, а теперь вот не делаю этого».

(57) Придя в Минд и увидев, что ворота в городе огромные, а сам город маленький, он сказал: «Граждане Минда, запирайте ворота, чтобы ваш город не убежал». Увидев однажды, как поймали человека, воровавшего пурпур, он сказал:

Очи смежила пурпурная смерть и могучая участь[73].

В ответ на приглашение Кратера[74] явиться к нему, он сказал: «Нет, я предпочитаю лизать соль в Афинах, чем наслаждаться роскошными яствами у Кратера». Однажды он подошел к ритору Анаксимену[75], который отличался тучностью, и сказал: «Удели нам, нищим, часть своего брюха: этим ты и себя облегчишь и нам поможешь». В другой раз, среди его рассуждений, он стал показывать его слушателям соленую рыбу и этим отвлек их внимание; ритор возмутился, а Диоген сказал: «Соленая рыбка ценою в обол опрокинула рассуждения Анаксимена».

(58) Однажды его упрекали за то, что он ел на площади; он ответил: «Голодал я тоже на площади». Некоторые относят к нему и следующий случай: Платон, увидев, как он моет себе овощи, подошел и сказал ему потихоньку: «Если бы ты служил Дионисию, не пришлось бы тебе мыть овощи»; Диоген, тоже потихоньку, ответил: «А если бы ты умел мыть себе овощи, не пришлось бы тебе служить Дионисию».

Ему сказали: «Многие смеются над тобою». Он ответил: «А над ними, быть может, смеются ослы; но как им нет дела до ослов, так и мне до них...»

(59) Кто-то удивлялся приношениям в Самофракийской пещере[76]. «Их было бы гораздо больше,— сказал Диоген,— если бы их приносили не спасенные, а погибшие». Впрочем, некоторые приписывают это замечание Диагору Мелосскому[77].

Однажды он просил подаяния у человека со скверным характером. «Дам, если ты меня убедишь»,— говорил тот. «Если бы я мог тебя убедить,— сказал Диоген,— я убедил бы тебя удавиться». Однажды он возвращался из Лакедемона в Афины; на вопрос «откуда и куда?» он сказал: «Из мужской половины дома в женскую».

(60) ...Расточителей он уподоблял смоковницам, растущим на обрыве, плоды которых недоступны людям и служат пищей воронам и коршунам.

Говорят, что когда Фрина[78] посвятила в Дельфы золотую статую Афродиты, он написал на ней: «От невоздержности эллинов». Однажды Александр подошел к нему и сказал: «Я — великий царь Александр».— «А я,— сказал тот,— собака Диоген». На вопрос, за что его зовут собакой, он сказал: «Кто бросит кусок, тому виляю, кто не бросит, облаиваю, кто злой человек, кусаю».

(61) Он обирал плоды со смоковницы; сторож сказал ему: «На этом дереве недавно удавился человек».— «Вот я и хочу его очистить»,— ответил Диоген. Увидев олимпийского победителя, жадно поглядывающего на гетеру, он сказал: «Смотрите на этого Аресова барана: первая встречная девка ведет его на поводу»[79]. Красивых гетер он сравнивал с медовым возлиянием подземным богам. Когда он завтракал на площади, зеваки стол-

пились вокруг него, крича: «Собака!» — «Это вы собаки,— сказал Диоген,— потому что толпитесь вокруг моего завтрака...».

(62) Увидев борца-неудачника, который занялся врачеванием, он спросил его: «Почему это? или ты хочешь этим погубить тех, кто когда-то одолевал тебя?» Увидев сына гетеры, швырявшего камнями в толпу, он сказал: «Берегись, чтобы не попасть в отца». Мальчик показал ему собаку, подаренную ему любовником; «Собака-то хороша,— сказал Диоген,— да повод нехорош» [80]. Люди хвалили человека, который подал ему милостыню. «А меня вы не похвалите за то, что я ее заслужил?» — спросил Диоген...

(63) На вопрос, что дала ему философия, он ответил: «По крайней мере, готовность ко всякому повороту судьбы». На вопрос, откуда он, Диоген сказал: «Я — гражданин мира». Кто-то приносил жертвы, моля у богов сына. «А чтобы сын был хорошим человеком, ради этого вы жертв не приносите?» — спросил Диоген...

Гетер он называл царицами царей, ибо те делают все, что угодно любовницам. Когда афиняне провозгласили Александра Дионисом, он предложил: «А меня сделайте Сараписом». Тому, кто стыдил его за то, что он бывает в нечистых местах, он сказал: «Солнце тоже заглядывает в навозные ямы, но от этого не оскверняется». (64) Когда он обедал в храме и обедавшим был подан хлеб с подмесью, он взял его и выбросил, говоря, что в храм не должно входить ничто нечистое...

Человека, который привел к нему своего сына и расхваливал его великие дарования и отличное поведение, он спросил: «Зачем же тогда я ему нужен?» Человека, который говорил разумно, а поступал неразумно, он сравнивал с кифарой, которая не слышит и не чувствует собственных звуков.

Он шел в театр, когда все выходили оттуда навстречу ему. На вопрос, зачем он это делает, он сказал: «Именно так я стараюсь поступать всю свою жизнь».

(65) Увидев однажды женственного юношу, он спросил: «И тебе не стыдно вести себя хуже, чем это задумано природой? ведь она тебя создала мужчиной, а ты заставляешь себя быть женщиной». Человеку, сказавшему «Мне дела нет до философии», он возразил: «Зачем же ты живешь, если не заботишься, чтобы хорошо жить?» Сыну, презиравшему отца, он сказал: «И тебе не стыдно смотреть свысока на того, кто дал тебе стать так высоко?» [81] Увидев прекрасного мальчика, болтающего вздор, он спросил: «И тебе не стыдно извлекать из драгоценных ножон свинцовый кинжал?»

(66) Когда его попрекали тем, что он пьет в харчевне, он сказал: «Я и стригусь в цирюльне». Когда его попрекали, что он принял плащ в подарок от Антипатра, он сказал:

Нет, не презрен ни один из прекрасных даров нам
бессмертных [82].

Человека, который толкнул его бревном, а потом крикнул: «Берегись!», он ударил палкой и тоже крикнул: «Берегись!» [83]

Человека, преследовавшего своими просьбами гетеру, он спросил: «Зачем ты так хочешь, несчастный, добиться того, чего лучше совсем не добиваться?» Человеку, надушенному ароматами, он сказал: «Голова у тебя благовонная, только как бы из-за этого твоя жизнь не стала зловонной». Он говорил, что как слуги в рабстве у господ, так дурные люди в рабстве у своих желаний.

(67) На вопрос, почему рабов называют «человеконогими» [84], он ответил: «Оттого, что ноги у них, как у человека, а душа, как у тебя, коли ты задаешь такой вопрос».

У расточителя он просил целую мину; тот спросил, почему он у других выпрашивает обол, а у него целую мину; «Потому,— ответил Диоген,— что у других я надеюсь попросить еще раз, а доведется ли еще попросить у тебя, одним богам ведомо». Когда его попрекали, что он просит подаянья, а Платон не просит, он сказал: «Просит и Платон, только

Голову близко склонив, чтоб его не слыхали другие» [85].

Увидев неумелого стрелка из лука, он уселся возле самой мишени, объясняя: «Это чтобы в меня не попало» [86].

(68) На вопрос, является ли смерть злом, он ответил: «Как же может она быть злом, если мы не ощущаем ее присутствия?» Однажды Александр подошел к нему и спросил: «Ты не боишься меня?» — «А что ты такое,— спросил Диоген,— зло или добро?» — «Добро»,— сказал тот. «Кто же боится добра?» Он говорил, что образование сдерживает юношей, утешает стариков, бедных обогащает, богатых украшает. Развратнику Дидимону, который лечил глаз одной девушке, он заметил: «Смотри, спасая глаз, не погуби девушку» [87]. Кто-то жаловался, что друзья злоумышляют против него. «Что же нам делать,— воскликнул Диоген,— если придется обращаться с друзьями, как с врагами?»

(69) На вопрос, что в людях самое хорошее, он ответил: «Свобода речи». Зайдя в школу и увидев много изваяний муз и мало учеников, он сказал учителю: «С помощью богов, у тебя много учащихся!» [88].

Все дела он совершал при всех: и дела Деметры и дела Афродиты. Рассуждал он так: если завтракать прилично, то прилично и завтракать на площади; но завтракать прилично, следовательно, прилично и завтракать на площади. То и дело занимаясь рукоблудием у всех на виду, он говаривал: «О если бы и голод можно было унимать, потирая живот!» О нем есть много и других рассказов, перечислять которые было бы слишком долго.

(70) Он говорил, что есть два рода упражнения: одно для души, другое для тела; благодаря этому последнему, привычка, достигаемая частым упражнением, облегчает нам добродетельное поведение. Одно без другого несовершенно; те, кто стремится к добродетели, должны быть здоровыми и сильными как душой, так и телом. Он приводил примеры того, что упражнение облегчает достижение добродетели: так, мы видим, что в ремеслах и других занятиях мастера не случайно добиваются ловкости рук долгим опытом; среди певцов и среди борцов один превосходит другого именно благодаря своему непрестанному труду; а если бы они перенесли свою заботу также и на собственную душу, такой труд был бы и полезным и ценным.

(71) Он говорил, что никакой успех в жизни невозможен без упражнения; оно же все превозмогает. Если вместо бесполезных трудов мы предадимся тем, которые возложила на нас природа, мы должны достичь блаженной жизни; и только неразумие заставляет нас страдать. Само презрение к наслаждению благодаря привычке становится высшим наслаждением; и как люди, привыкшие к жизни, полной наслаждений, страдают в иной доле, так и люди, приучившие себя к иной доле, с наслаждением презирают самое наслаждение. Этому он и учил, это он и показывал собственным примером; поистине это было «переменой обращения», ибо обращение к природе было для него важнее, чем обращение к обычаям. Он говорил, что ведет такую жизнь, какую вел Геракл, выше всего ставя свободу.

(72) ...Знатное происхождение, славу и тому подобное он высмеивал, обзывая все это прикрасами порока. Единственным истинным государством он считал весь мир. Он говорил, что жены должны быть общими, и отрицал законный брак: кто кого склонит, тот с той и сожительствует; поэтому же и дети должны быть общими.

(73) Нет ничего дурного в том, чтобы украсть что-нибудь из храма или отведать мяса любого животного: даже питаться человеческим мясом не будет преступлением, что явствует из обычаев других народов. В действительности, все заключается во всем: в хлебе содержится мясо, в овощах — хлеб, и вообще все тела как бы парообразно проникают друг в друга мельчайшими частицами через незримые поры. Так разъясняет он в своем «Фиесте», если только трагедии написаны им, а не его учеником Филиском с Эгины и не Пасифонтом, сыном Лукиана[89], который, по словам Фаворина в его «Разнообразных рассказах», писал уже после смерти Диогена. Музыкой, геометрией, астрологией и тому подобными науками Диоген пренебрегал, считая их бесполезными и ненужными».

(74) В ответах он отличался находчивостью и меткостью, как это явствует из всего вышесказанного. Когда его продавали в

рабство, он вел себя с необыкновенным достоинством. Дело было так: когда он плыл на корабле в Эгину, его захватили в плен пираты во главе со Скирпалом[90]; они увезли его на Крит и продали в рабство. На вопрос глашатая, что он умеет делать, он сказал: «Властвовать людьми» и добавил, указав на богато одетого коринфянина — это был вышеупомянутый Ксениад,— «Продай меня этому человеку: ему нужен хозяин». Ксениад купил его, отвез в Коринф, приставил его воспитателем к своим сыновьям и доверил ему все хозяйство. И Диоген повел его так, что хозяин повсюду рассказывал: «В моем доме поселился добрый дух». (75) Клеомен[91] в сочинении, озаглавленном «Педагогик», говорит, что ученики хотели выкупить Диогена, но он обозвал их дураками: ибо не львы бывают рабами тех, кто их кормит, но те, кто кормит,— рабами львов, потому что дикие звери внушают людям страх, а страх — удел рабов.

Этот человек обладал поразительной силой убеждения, и никто не мог противостоять его доводам. Говорят, что эгинец Онесикрит[92] послал однажды в Афины Андросфена, одного из двух своих сыновей, и тот, послушав Диогена, там и остался. Отец послал за ним старшего сына, вышеупомянутого Филиска, но Филиск точно так же не в силах был вернуться. (76) На третий раз приехал сам отец, но и он остался вместе с сыновьями заниматься философией. Таковы были чары диогеновой речи.

Слушателями Диогена были и Фокион, прозванный Честным, и Стильпон мегарский[93], и многие другие политики. Говорят, что он умер почти девяноста лет отроду. О его смерти существуют различные рассказы. Одни говорят, что он съел сырого осьминога, заболел холерой и умер, другие — что он задержал себе дыхание; среди последних — Керкид из Мегалополя[94], который так говорит в мелиямбах:

Не таков был мудрец из Синопа,
С палкой, в двойном плаще, под открытым небом живущий:
(77) Принял он смерть, закусив себе губы зубами
(И задержавши дыхание). Был он поистине
Отпрыском Зевса[95] и псом небожителей.

Другие говорят, что когда он хотел разделить осьминога между собаками, они искусали ему мышцы ног, и от этого он умер. А рассказ о том, что он задержал дыхание, это, по словам Антисфена[96] в «Преемствах», домысел его учеников: Диоген жил в это время в Крании — так назывался гимнасий поблизости от Коринфа; однажды, явившись к нему как обычно, ученики увидели, что он лежит, закутавшись в плащ, и подумали, что он спит,— вообще же он не страдал сонливостью; а когда откинули плащ, то увидели, что он уже не дышит, и подумали, что он сделал это умышленно, чтобы незаметно уйти из жизни.

(78) Между учениками, говорят, разгорелся спор, кому его хоронить, и дело даже дошло до драки; но вмешались родители и старейшины и указали похоронить Диогена возле ворот, ведущих к Истму. На его могиле поставили столб, а на столбе — собаку из паросского камня. Впоследствии сограждане Диогена также почтили его медными изображениями, написав на них так:

Пусть состарится медь под властью времени — все же
Переживет века слава твоя, Диоген:
Ты нас учил, как жить, довольствуясь тем, что имеешь,
Ты указал нам путь, легче которого нет.

(79) А вот моя эпиграмма [97]:

Диоген, какая доля увела тебя от нас
В дом Аида? — Злой собаки поразил меня укус.

Некоторые рассказывают, что умирая, он приказал оставить свое тело без погребения, чтобы оно стало добычей зверей, или же сбросить в канаву и лишь слегка присыпать песком; а по другим рассказам — бросить его в Илисс, чтобы он принес пользу своим братьям [98]. Деметрий в «Соименниках» сообщает, что Александр в Вавилоне и Диоген в Коринфе скончались в один и тот же день. Он был уже стариком в 113-ю олимпиаду [99].

(80) Ему приписываются следующие сочинения: диалоги «Кефалион», «Ихтий», «Галка», «Леопард», «Афинский народ», «Государство», «Наука нравственности», «О богатстве», «О любви», «Феодор», «Гипсий», «Аристарх», «О смерти»; послания; семь трагедий: «Елена», «Фиест», «Геракл», «Ахилл», «Медея», «Хрисипп», «Эдип». Однако Сосикрат в первой книге «Преемств» и Сатир [100] в IV книге «Жизнеописаний» говорят, что все это Диогену не принадлежит, а трагедийки, по словам Сатира, написаны Филиском из Эгины, учеником Диогена. Сотион в седьмой книге говорит, что Диоген написал только следующие сочинения: «О добродетели», «О благе», «О любви», «Нищий», «Толмей», «Леопард», «Кассандр», «Кефалион», «Филиск», «Аристарх», «Сисиф», «Ганимед», «Притчи», «Послания».

(81) Диогенов было пять: первый — физик из Аполлонии, сочинение которого начиналось так: «Приступая к какой бы то ни было речи, следует, как мне кажется, взять за основу нечто бесспорное»; второй — сикионец, который писал о Пелопоннесе; третий — тот, о котором шла речь; четвертый — стоик, родом из Селевкии, которого называют также вавилонянином, потому что Селевкия находится недалеко от Вавилона; пятый — из Тарса, писавший о вопросах поэтики, которые он пытался разрешить. О философе Афинодор [101] в восьмой книге «Прогулок» сообщает, что он всегда казался блестящим, благодаря притираниям.

ФИЛОСТРАТ

Флавий Филострат (Филострат II) — самый известный представитель знаменитой семьи Филостратов, где традиции писательского труда передавались из рода в род на протяжении почти целого столетия (II—III вв. н. э.). Творчество Флавия Филострата падает на первую половину III в. н. э. Ему приписывается философский роман «Жизнь Аполлония Тианского», сборник писем, жизнеописания софистов и некоторые другие сочинения. «Жизнеописания софистов» — первый в греческой литературе сборник, освещающий историю софистики на материале биографий главных носителей софистической образованности от V в. до н. э. до II в. н. э. В эллинистическую эпоху наметились два пути в развитии биографического жанра: 1) линия перипатетиков, которые стремились давать в биографии этическую картину личности, воссоздавать нравственный облик героя в рассказах о его поступках; 2) линия александрийских филологов, которые предпосылали своим изданиям текстов биографии авторов, оценивающие их литературное достоинство. В русле этого филологического направления составлены филостратовские жизнеописания софистов. Филострат старается смягчить сухую ученость александрийцев, он вводит в свои биографии апофтегмы, цитаты, письма, пропускает хронологические указания. Жизнеописания древних софистов (от Горгия до Эсхина, I, 9—18) скомпилированы из платоновских диалогов, Ксенофонта, биографий десяти ораторов и Диогена Лаэртского («Протагор»). В биографиях знаменитостей новой софистики ощущается влияние установившейся для этого жанра схемы, которая предстает в разных вариантах (происхождение софиста, учитель, у которого он учился, характер его речей, его нрав, место его жительства и т. п.).

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ СОФИСТОВ

ВВЕДЕНИЕ

I. На древнюю софистику следует смотреть как на философствующую риторику. Ведь рассуждает она о том же, о чем и философы, но если эти последние, ловко задавая вопросы и обна-

руживая мельчайшие черты исследуемого, утверждают, что все еще не достигли знания, то древний софист о том же самом говорит как знаток. Речи его начинаются со слов: «Я знаю», «Я полагаю», «Я давно понял» и «Для человека нет ничего достоверного».

Введение подобного рода заставляет в самом начале речи почувствовать превосходство, самоуверенность и ясное понимание сути дела. Прием философов напоминает человеческое предсказывание, которое установили египтяне, халдеи, а еще раньше них индусы, с помощью тысяч звезд искавшие познать действительность, манера же софистов соответствует вещанию (2) божества и оракула. Ведь и от Аполлона Пифийского можно услышать: «Знаю я песчинок число и моря размеры», а также: «Зевс широко гремящий Тритониде [1] дает деревянную стену» или: «Матери убийцы — Нерон, Орест и Алкмеон» и многое, похожее на речь софиста.

(3) Занимаясь философскими темами, древняя софистика сильно расширила их. Ведь рассуждала она о мужестве, рассуждала о справедливости, о героях, о богах, о том, как устроен видимый мир. Последующая же софистика, которую надо называть не новой, потому что она древняя, а скорее второй, высказывала мнения и о бедных, и о богатых, и о знатных, и о тиранах, и об известных событиях, вошедших в историю. Начало более древнему направлению положил леонтинец Горгий в Фессалии, второму — Эсхин [2], сын Атромета, который после того, как был лишен афинского гражданства, жил на Родосе и в Карии; ученики Эсхина вели дела по правилам искусства, ученики же Горгия полагались на свое усмотрение.

(4) Про речи, произносимые без подготовки, одни говорят, что у истоков этого потока стоит Перикл, за что Перикл и был признан великим оратором, другие называют Пифона Византийского [3], которому среди афинян один только Демосфен не уступал, как он выражается, в смелости и силе слова, третьи приписывают это открытие Эсхину, потому что, приплыв с Родоса к карийцу Мавзолу [4], он обрадовал его импровизированной речью.

Мне лично кажется, что больше всех импровизировал Эсхин, когда бывал послом или отдавал отчет о посольстве, когда выступал на защите или перед народом, но оставил он после себя только то, что было заранее сочинено, чтобы не оказаться намного хуже Демосфена с его обдуманными речами; начал же импровизировать Горгий (это он, войдя в афинский театр, осмелился сказать: «Задавайте вопросы» и таким образом первый пошел на этот риск, хвастаясь, надо думать, что все знает, что обо всем сможет говорить, если ему будет предоставлено время), а такая мысль появилась у Горгия по следующей причине. Продиком Кеосским [5] написан хороший рассказ, как доблесть и порок под-

ходят к Гераклу в образе женщин; одна из них наряжена в замысловатые украшения, другая одета как попало, и юноше Гераклу первая предлагает праздность и негу, вторая — лохмотья и труды. Присоединив к рассказу длинный конец, Продик за плату рассказывал это, обходя города и услаждая их подобно Орфею и Фамиру[6]; высоко чтили его фиванцы, больше же всех лакедемоняне за то, что поучения его были полезны юношам.

(6) Горгий, насмехавшийся над Продиком за частое повторение старого и уже сказанного, сам выступал с речью, когда представлялся удобный случай. И у него, конечно, были завистники.

В Афинах жил некто Херефонт, но не тот, которому комедия дала кличку дубины и у которого из-за усиленных занятий была болезнь крови. Тот Херофонт, про которого я рассказываю, изощрялся в высокомерии и был бесстыдным насмешником. Издеваясь над рвением Горгия, он спросил: «Из-за чего, о, Горгий, бобы раздувают живот, а огонь не раздувают!?» На что тот, ничуть не смутившись, ответил: «Рассматривать это я предоставлю тебе, сам я давно знаю, что для таких, как ты, земля рождает палки».

(7) Видя ловкость софистов, афиняне не допускали их в судилища как побеждающих несправедливым словом справедливость и находящих силу в неправде; поэтому и Эсхин с Демосфеном приписывали это друг другу не как нечто позорное, а как подозрительное для судей. Ведь в частной жизни они желали вызывать восхищение этим. И Демосфен, если верить Эсхину, хвастался в кругу своих близких тем, что склонял голоса судей, куда ему самому хотелось; а Эсхин, я думаю, не мог бы вести переговоры с родосцами о том, что им было неизвестно, если бы и в Афинах он не занимался тем же.

Софистами древние называли не только искусных в речи блестящих ораторов, но и тех философов, которые умели говорить плавно; о них необходимо сказать вначале, так как, не будучи софистами, они казались ими и получили то же самое прозвище.

I, 9. ГОРГИЙ

(1) Сицилия в Леонтинах произрастила Горгия, к которому, как к отцу, полагаю я, восходит искусство софистов. Ведь если мы задумаемся над тем, как много нового внес в трагедию Эсхил, введя в нее костюмы, подмостки, фигуры героев, вестников, послов, действия на сцене и за сценой, то такое же значение, пожалуй, имел Горгий для своих собратьев по профессии. Он среди софистов положил начало парадоксам, пылу, воодушевлению, умению веско говорить о важнейших вещах, обособлениям, вступлениям, от чего слог его стал приятнее и возвышеннее; употреблял он также много поэтических слов для придания речи красоты

и торжественности. О том, как он и речи произносил без всякой подготовки, сказано во введении. Неудивительно, если выступив уже стариком в Афинах, он вызвал восхищение толпы, он, который, я думаю, привлек к себе и самых выдающихся: Крития и Алкивиада, еще юных, Фукидида и Перикла, уже старцев. И Агафон[7], писатель трагедий, которого комедия называет мудрым и красноречивым, часто в ямбах подражает Горгию. На всенародных торжественных собраниях греков он обратил на себя внимание своей Пифийской речью[8], произнесенной в Пифийском храме с жертвенника, на котором и было впоследствии поставлено золотое изображение его; олимпийская же речь его посвящена самым важным политическим вопросам. Дело в том, что, видя раздор[9], царящий среди греков, он стал призывать их к согласию, направляя их мысли против врагов и убеждая делать добычей оружия не города Греции, а страну варваров.

(3) Надгробная речь, произнесенная им в Афинах, посвящена была памяти погибших на войне, которых афиняне с почестями похоронили на общественный счет, и составлена она необычайно мудро: подстрекая афинян против мидян и персов, ратуя за то же, что и в Олимпийской речи, он, однако, ни единым словом не обмолвился о согласии греков, так как находился среди афинян, добивающихся первенства, которого невозможно достичь, не взявшись за дело ревностно; он рассыпался в похвалах трофеям, взятым у мидян, показывая тем самым, что прославление побед, одержанных над варварами, рождает гимны, а одержанных над греками — вызывает слезы.

Прожив, как говорят, около ста восьми лет, Горгий не стал дряхлым от старости, но оставался стройным и чувствовал себя, как юноша.

I, 10. ПРОТАГОР

(1) Протагор из Абдеры был софистом и слушал Демокрита[10] у себя на родине. Общался он также и с персидскими магами во время нашествия Ксеркса на Грецию[11]. Дело в том, что отец его, Меандр, обладавший бóльшим богатством, чем многие жители Фракии, принял Ксеркса у себя дома и за подарки получил от него для сына разрешение беседовать с магами. Ведь персидские маги никого не обучают, если нет на то царского приказа. Мне кажется, что высказывание о неизвестности того, существуют боги или не существуют, Протагор украл у персидской школы. Маги придают божественное значение совершаемому ими в тайне, но, действуя открыто, устраняют понятие божественного, не желая приписывать свою силу ему.

(2) Именно за это он был отовсюду изгнан афинянами, по мнению одних — после суда, другие же полагают, что голосова-

ние произошло без суда. Переходя с островов на материк и избегая афинских триер, разбросанных по всем морям, он утонул, когда плыл на маленькой ладье. Он первый установил плату за беседы, первый ввел среди эллинов обычай, который ни в коей мере не заслуживает порицания. Ведь к занятиям, потребовавшим затрат, мы более внимательны, чем к тому, что дается даром. Платон, узнав в Протагоре человека, выражающегося торжественно, но хвалящегося своей торжественностью и, вероятно, также более многословного, чем надо, обрисовал его облик в длинном рассказе.

I, 11. ГИППИЙ

Гиппий, элейский софист, обладал даже в старости такой памятью, что услыхав один раз пятьдесят названий, повторял их на память в том же порядке; в своих беседах он касался геометрии, астрономии, музыки, ритма, рассуждал он и о живописи и о скульптуре. Об этом поговорим в другом месте. В Лакедемоне он рассказывал о типах государств, о колониях, о делах, потому что лакедемоняне из-за своей жажды власти были рады такому направлению речи. Есть у него и троянский диалог, не речь: в плененной Трое Нестор беседует с Неоптолемом, сыном Ахилла о том, что необходимо человеку, чтобы казаться храбрым.

Чаще других греков он участвовал в посольствах в защиту Элиды. Нигде не умалил он своей славы, ни в собраниях перед народом, ни во время бесед, но собрал много денег и был приписан к филам больших и малых городов. (Прибыл он ради денег и в Иник, городок этот населен сицилийцами, которых Платон высмеивает в диалоге «Горгий».) Пользуясь славой, он и в прочее время услаждал Грецию в Олимпии речью красочной и хорошо обдуманной. Слог свой он не обеднял, но выражался пространно и естественно, редко прибегая к поэтическим выражениям.

II, 1. ГЕРОД АТТИК

Относительно Герода Афинянина надо знать следующее. Софист Герод с отцовской стороны происходил от лиц, бывших два раза консулами, свой род он возводил к эакидам [12], чьей помощью пользовалась некогда Греция против персов, не пренебрегая ни Мильтиадом, ни Кимоном, людьми благородными и много послужившими афинянам и остальным грекам в борьбе против мидян; ведь Мильтиад первым одержал победу над мидянами, а за то зло, которое они причинили после этого, наказал варваров Кимон [13].

(2) Герод нашел самое лучшее употребление человеческому богатству. Это дело мы относим не к числу легких, но к числу весьма трудных и тягостных; ведь богатство опьяняет и наполняет человека презрением к людям. Сочиняют еще, будто Плутос слеп; если он и казался слепым все остальное время, то при Героде он прозрел; взглянул он на друзей, взглянул на города, взглянул на народы, потому что человек тот видел всех кругом и богатством считал мнения тех, с кем он делился. Он ведь говорил, что, правильно пользуясь богатством, подобает помогать нуждающимся, чтобы они не нуждались, не нуждающимся же, чтобы они не впали в нужду, и он называл мертвым богатство, не идущее на общее дело и удерживаемое скупостью, сокровищницы же, куда некоторые складывают деньги,— тюрьмами богатства, а тех, кто считает нужным идти на жертвы ради отложенных на сбережение денег, он называл алоадами [14], приносящими жертву Аресу после того, как они связали его.

(3) Многочисленны источники его богатства, и оно поступило к нему из многих домов. Самое же большое наследство он получил со стороны отца и матери. Дело в том, что у деда его, Гиппарха, было конфисковано имущество за стремление к тирании, в чем афиняне не обвиняли его открыто, но что не укрылось от самодержца; сына же его, Аттика, отца Герода, из богатого ставшего бедным, счастье не покинуло, и случай указал ему на несказанные сокровища в одном из приобретенных им около театра домов; скорее напуганный, чем обрадованный этим богатством, он написал императору такое письмо: «Владыка, я нашел у себя в доме сокровище; что ты прикажешь с ним делать?» Император (тогда правил Нерва [15]) на это ответил: «Пользуйся тем, что ты нашел». А когда Аттик пребывал все в той же нерешительности и написал, что он не в силах справиться с сокровищами, то Нерва сказал: «А ты не бойся того, что распорядишься находкой неразумно, ведь она твоя».

Богат поэтому Аттик, а еще богаче Герод, к которому в скором времени сверх отцовского богатства притекло и материнское.

(4) Замечательно было и величие души этого Аттика; Герод управлял свободными городами Азии, видя же, что в Троаде плохие бани, что люди достают землю из земляных колодцев и роют вместилища для дождевой воды, он обратился к императору Адриану [16], чтобы тот не ждал, пока древний город на берегу моря погибнет от засухи, но дал бы им на воду 300 тысяч, гораздо меньше того, что уже дано им для деревень.

Послание понравилось императору, он одобрил его и начальником работ по проведению воды поставил самого Герода. Поскольку издержки доходили до 800 тысяч, то проконсулы Азии написали императору, что странно расходовать налог с пятидесяти городов на родник для одного города. Император

пожаловался на это Аттику. Аттик же с необычайным для человека благородством сказал: «Император! Не сердись по пустякам, ведь сумму, израсходованную сверх трехсот тысяч, я дарю своему сыну, а сын дарит городу».

(5) Также и завещание, в котором он оставлял афинскому народу по мине на каждого человека ежегодно, свидетельствует о его благородстве, проявлявшемся и в остальном, когда он часто за один день приносил в жертву богине сто быков и устраивал жертвенное угощение афинскому народу по филам и по родам, и тогда, когда во время Дионисий изображение Диониса переносилось в Академию, а он на Керамике поил граждан с чужеземцами, разлегшимися на ложе из плюща. Поскольку я упомянул о завещании Аттика, надо сказать и о причинах, поссоривших Герода с афинянами.

Завещание было таким, как я сказал, написал же он его под влиянием своих вольноотпущенников, которые, видя неприятные для рабов и вольноотпущенников свойства Герода, искали себе защиты у афинского народа, как будто сами были причиной этого дара. А в том, какие счеты были у вольноотпущенников с Геродом, пусть разъяснит его обвинительная речь против них, где он обнаруживает всю язвительность своего языка.

(6) Прочитав завещание, афиняне собрались к Героду, чтобы он, дав сразу каждому по пять мин, выкупил у них для себя необходимость давать вечно. Но когда они для заключения сделки подходили к столам, им читались обязательства их отцов и дедов, бывших в долгу у родителей Герода, с ними производился расчет, и в результате они получали немного, другие — ничего, третьи же уходили с площади, чувствуя себя должниками. Афиняне были озлоблены этим, как если бы у них похитили дар, и от всей ненависти не отказались даже тогда, когда он больше всего хотел облагодетельствовать их. Так, они решили назвать его стадион Панафинейским [17], потому что он был построен на средства, которых лишились все афиняне.

34) О стиле Герода я рассакжу, касаясь отличительных черт его речи. О том, что учителями его были Полемон, Фаворин, Скопелиан, что он посещал Секунда Афинского [18], я уже упоминал; общался он и с критиками Феагеном Книдским и Мунатием Траллъским, а с Тавром [19] из Тира изучал платоновские наставления. Построение речи его достаточно стройное, и впечатление она производит не вдруг, а незаметно и постепенно, великолепие соединяется с простотой, и звучание напоминает Крития, а мысли не встречаются ни у кого другого; комическая бойкость речи воспринимается не как нечто привнесенное извне, но как присущая самой действительности; речь его приятна, разнообразна, красочна, слова умело подобраны, не прерывают и не задерживают дыхания, не заставляют напрягаться;

вообще, его стиль — это золотой песок, сверкающий в серебристом водовороте реки.

(35) Он тяготел ко всем древним, но ближе всего был к Критию и познакомил с ним презиравших и забывших его афинян. Когда Греция кричала о Героде и называла его одним из десяти, он не был прельщен этой похвалой, казавшейся великой, но необычайно тонко ответил хвалившим:

«Я лучше Андокида» [20]. Обладая необычайными для человека способностями, он не пренебрегал трудом, но занимался и во время пира и ночью, когда просыпался от сна, за что нерадивые и малодушные звали его откормленным ритором. В самом деле, один человек бывает хорош в чем-нибудь одном, другой отличается в другом; один вызывает восторг своей речью на заданную тему, второй — изысканностью слога, он же соединял в себе все, что есть лучшего у софистов, и источником страстного чувства служила ему не только трагедия, но и сама человеческая жизнь.

(36) Много у Герода писем, бесед, дневников, справочников и заметок, вкратце излагающих древнюю ученость. Те, кто укоряют его в том, что он еще в юности сбился, произнося речь перед императором в Паннонии, не знают, думаю я, что и Демосфен, говоря в присутствии Филиппа [21], испытал то же самое, но, вернувшись в Афины, требовал почестей и венков, хотя Амфиполь был потерян для афинян; Герод же, когда с ним это случилось, устремился к Истру, чтобы броситься в реку. Его желание прославиться своим красноречием было настолько сильно, что ошибка для него была равносильна смерти.

(37) Скончался он от чахотки в возрасте около семидесяти шести лет.

II. 3. АРИСТОКЛ

(1) Знаменит в среде софистов и Аристокл из Пергама, о котором я расскажу то, что слышал от людей постарше себя. Человек этот достиг громкой славы, а начал с того, что когда из ребенка становился юношей, перешел от занятий у перипатетика к софистам и посещал в Риме Герода, сочинявшего речи экспромтом. Аристокл, отличавшийся, пока был предан философии, неопрятностью и небрежением о своей внешности, ходивший весь в грязи, стал щеголять одеждой, отмыл с себя грязь, и все утехи лиры, флейты и пения как бы подошли к его дверям и были введены в распорядок дня. Столь воздержанный дотоле, он увлекся беспорядочными зрелищами и связанной с ними суматохой.

(2) К нему, которого превозносили в Пергаме и к которому прилепились там все греки, послал своих учеников Герод, когда держал путь в Пергам, и для Аристокла признание его

достоинств Геродом было как голос Афины [22]. Слог Аристокла ясный, аттический, более подходящий для разговоров, чем для споров, ибо нет в нем желчи и стремления к краткости. Сам аттикизм его, если бы взять за мерку язык Герода, состоит в тонком остроумии, а не в чеканной звучности. Скончался Аристокл наполовину седой, когда старость еще только надвигалась.

II, 7. ГЕРМОГЕН

Гермоген, уроженец Тарса, всего лишь пятнадцати лет от роду стяжал как софист такую славу, что даже императору Марку страстно захотелось послушать его. Марк приходил к нему как слушатель и получал удовольствие от беседы с ним; дивился он его умению говорить не готовясь и дарил великолепные подарки. Достигнув же зрелого возраста, Гермоген без всякой видимой болезни потерял эту способность и тем самым дал повод для клеветы и пересудов. Говорили ведь, что слова, прямо-таки по Гомеру, легки, как перья, так как Гермоген сбросил их с себя, как перья. И софист Антиох [23], подшучивая как-то над ним, сказал: «Этот Гермоген среди детей — старик, среди стареющих — дитя». Слог его был приблизительно таким же, как и в беседе с Марком [24]: «Вот царь, я пришел к тебе, ритор, нуждающийся в педагоге, ритор, дожидающийся зрелого возраста»,— говорил он и продолжал разговор в таком же шутовском тоне. Гермоген дожил до глубокой старости, но так и не нашел себе признания. Ведь после того, как он утратил свое искусство, на него стали смотреть свысока.

II, 22. ФЕНИКС

Феникс фессалиец не заслуживает ни восхищения, ни позора за все, что он сделал. Он ведь был из учеников Филагра [25]; познания его были лучше, чем способность истолковывать. Обдуманное он располагал в стройном порядке и ни о чем не рассуждал некстати. Толкования же его казались расплывчатыми и были лишены ритма. Он, по-видимому, приносил больше пользы начинающей молодежи, чем людям, уже приобретшим какой-то навык. Ведь он давал голое изложение фактов, и его стиль не служил украшению их. Умер Феникс в возрасте семидесяти лет и похоронен не без славы, ведь лежит он рядом с воинами по правой стороне дороги, ведущей в Академию.

АФИНЕЙ

Биографических данных о жизни Афинея (ок. 200 г. н. э.) из Навкратиды не сохранилось. Написанный им в 30 книгах диалог «Пирующие софисты» дошел до нас в виде позднейшего укороченного извлечения, в которое вошло лишь 15 книг первоначального текста. Следуя требованиям жанра застольных бесед, или пира, Афиней дает персонажам диалога имена известных исторических лиц, видоизменяя при этом некоторые их черты (Демокрит у него не из Абдер, а из Никомедии, Мазурий не столько юрист, сколько поэт и энциклопедист и т. п.).

Основным содержанием бесед служит подробное изложение тех, почерпнутых из самых разнообразных источников, сведений, которые привлекали к себе внимание энциклопедистов первых веков нашей эры. Сюда относятся и забавные, смешные истории, и гастрономические рецепты, и нравы и обычаи разных народов. Ценность всей этой «учености» в том, что она предоставляет в наше распоряжение богатейшее собрание цитат из утраченных произведений античной литературы. «Пирующие софисты» знакомят нас с высказываниями длинной вереницы писателей разных эпох и направлений. Среди них поэты (элегик Сакад (VI в. до н. э.), авторы дифирамбов Тимофей (V—IV в. до н. э.) и Филоксен Киферский, эпический поэт Капитон), афинский трагик IV в. до н. э. Агафон, писатели как средней (Антифон, Тимокл, Амфий, Алексид), так и новой (Филемон, Дифил, Каллиад (Каллий), Сосикрат) аттической комедии, афинские ораторы IV в. до н. э. (Аристофон и Аристогитон), энциклопедисты, риторы, грамматики (Харикл, Хамелеон, Амфикрат (I в. до н. э.), Полемон (III—II вв. до н. э.), Горгий, Геродик, Каллистрат (II в. до н. э.), Дионисий Левктрийский, Линкей Самосский (III в. до н. э.), Евфий), философы (Диодор Периэгет (II в. до н. э.), Гермипп из Смирны (III—II в. до н. э.), перипатетики (Фанний, Клеарх, Николай Дамасский, Сатир (II в. до н. э.), Алкет), киники (Антисфен и Кратес), историки, главным образом III в. до н. э., (Никий Никейский, Сократ Родосский, Ликий, Клитарх, Филарх, Менехм, Филипп Феангельский, Ктесикл, Феопомп, Неанф из Кизика, Пифенет).

ПИРУЮЩИЕ СОФИСТЫ

ВВЕДЕНИЕ

(I, p. 1a — 2a)

Афиней — отец этой книги. Он обращается в ней к Тимократу [1]. Название ее «Пирующие софисты». В ней описано, как богатый римлянин Ларенсий собирает у себя в доме самых лучших знатоков всякого рода учености. Ничто замечательное не осталось неупомянутым. В книгу вошли и рыбы, и способы их использования, и разъяснние их имен, и разные сорта овощей, и различные породы животных, и составители историй, и поэты, и философы, и музыкальные инструменты, и тысячи шуток; разговор заходит и о разнообразии чаш, и о царских сокровищах, и о размерах судов, и о многом другом, чего мне не успеть перечислить, даже если я потрачу на это целый день. И само распределение частей рассказа есть подобие роскоши пира, а составление книги напоминает приготовление к пиру [2]. Изумительный распорядитель слова, Афиней, устраивает этот столь сладостный словесный пир и, все более совершенствуясь, он, как афинские риторы, горячась во время речи, постепенно на протяжении книги становится превосходным. Участниками пира выведены софисты: Мазурий [3], толкователь законов, ревнитель всякого рода знаний, единственный поэт на пиру, не уступающий, однако, и в остальном никому, усердный энциклопедист. О чем бы ни заводил он речь, кажется, что он говорит именно о главном предмете своих занятий, настолько образован был он еще с детства. Он сочинял ямбы, по словам Афинея, ничуть не хуже любого из поэтов после Архилоха [4]. Присутствовали там и Плутарх, и Леонид Элейский, и Эмилиан Мавританский, и Зоил — самые приятные из грамматиков. Были там и философы Понтиан и Демократ никомидиец, затмившие всех своей ученостью, был и Филадельф Птолемей, муж, не только умом постигший философию, но и претворявший ее в жизнь. Из киников присутствовал только один, он назван Кинулком [5]; не «две лихие за ним побежали собаки», как за Телемахом на площадь, а свора, гораздо бóльшая, чем за самим Актеоном. Риторов было ничуть не меньше, чем киников. На них, как и вообще на всех, кто начинал говорить, обрушивался Ульпиан из Тира [6], за свои постоянные диспуты на улицах, во время прогулок, у книжных торговцев, в купальнях получивший кличку «Подходит, не подходит» — прозвище более выразительное, чем его собственное имя. Человек этот взял себе за правило прежде, чем отведать чего-либо, выяснять, подходит или не подходит, например, слово «пора» к обозначению части дня, слово «пьяница» к мужчине, слово «матка» к съедобной пище... Афиней, следуя Платону, придает диалогу драматическую форму.

Начало у него такое: «Сам ли ты, Афиней, принимал участие в этом прекрасном собрании упомянутых здесь пирующих софистов, о котором так много говорили в городе, или ты пересказал друзьям с чужих слов?

— Да, Тимократ, я сам был там».

ПИРШЕСТВА У РАЗНЫХ НАРОДОВ

(IV, p. 147e — 148f, 150b — f, 153d — 154a)

Сократ Родосский в III кн. «Гражданской войны» описывает пир Клеопатры, последней царицы Египта, вступившей в брак с римским полководцем Антонием в Киликии. Когда они с Антонием встретились в Киликии, Клеопатра устроила в честь него царственное пиршество, на котором вся утварь была из золота, усыпана драгоценными камнями и изготовлена руками искусных мастеров, даже стены там были, по словам Сократа, увешаны пурпуром и парчей. Приказав расставить двенадцать триклиниев, Клеопатра позвала на пир Антония и тех, кого ему хотелось привести с собой.

При виде несметного богатства Антоний остановился как вкопанный. Клеопатра же, улыбнувшись, сказала, что все это дарит ему, и пригласила еще раз прийти на пир к ней завтра вместе с друзьями и военачальниками. Великолепие второго пира было еще более потрясающим, так что убранство первого стало казаться теперь бедным. И опять она подарила все это ему, а военачальникам позволила унести с собой ложе, на котором каждый из них возлежал; чаши и покрывала были также распределены между гостями. Когда настало время расходиться, она предоставила высшим чинам носилки и слуг, прочим же гостям — коней с серебряной сбруей. Каждому был дан в сопровождение мальчик-эфиоп с факелом. На четвертый день она купила роз на целый талант и велела усыпать пол слоем этих роз толщиною в локоть, а поверх них положить гирлянды. Историк рассказывает, что впоследствии и сам Антоний воздвиг в Афинах над театром подмостки, увитые зеленью, наподобие пещер Вакха; они увешаны были у него тимпанами, оленьими шкурами и разными другими украшениями Диониса. Лежа там с раннего утра, Антоний пьянствовал с друзьями, слушая при этом певцов, приглашенных из Италии. Поглядеть на такое зрелище собирались греки со всех концов страны. «Иногда он переходил и на акрополь,— пишет Сократ.— Все Афины освещались тогда с крыш факелами. И с тех пор он повелел, чтобы во всех городах его называли Дионисом. А император Гай, получивший прозвище Калигулы за то, что родился в лагере, не только называл себя новым Дионисом, но носил также весь народ Диониса и в таком виде занимался судопроизводством».

Взирая на эти вещи, случавшиеся до нас, можно полюбить греческую бедность, особенно если учесть еще и пример фиванцев с их пирами.

Клитарх в I книге «История Александра» сообщает, что «после завоевания города Александром все их богатство исчислялось в 440 талантов, что это были люди малодушные, любители лакомой пищи, у которых на пирах подавались фиговые листы, мелкая рыбешка, сардины, анчоусы, колбасы, грудинка, похлебка. Такое угощенине предложил Мардонию и пятидесяти другим персам Аттагин, сын Фрунона, о котором рассказывает Геродот в IX книге (глава 16). Думаю, что они неспособны были одержать победу, и грекам не было надобности при Платеях выступать в боевом порядке против тех, кого уже успела погубить подобная пища...» [7]

Ликий в «Египетских историях» отдает египетским пирам предпочтение перед персидскими. «Египтяне,— рассказывает он,— отправились в поход против Оха [8], царя персидского. Потерпев поражение, египетский царь попал в плен. Ох обошелся с ним человеколюбиво и пригласил его к себе на обед. И вот, хотя приготовлено все было блестяще, египтянин рассмеялся, почувствовав, что перс живет, не зная роскоши. «Царь, обратился он к нему, если хочешь знать, чем должны питаться счастливые цари, то позволь моим бывшим поварам приготовить для тебя обед по-египетски». Приказ был дан, обед был приготовлен и Ох, отведав его, сказал тогда: «Проклятье богов пусть погубит тебя, негодный египтянин, за то, что оставив такие пиры, ты возжелал более дешевой пищи».

Филарх в VI книге говорит, что у галлов кладется на столы множество ломтей хлеба и вынимается большое количество мяса из котлов; никто там не приступает к еде, пока не увидит, что царь отведал предложенного. В III книге тот же Филарх рассказывает, как Ариамн, первый богач среди галлов, дал обещание целый год кормить всех галлов и осуществил его таким образом: в разных областях страны самые удобные дороги были, по его приказу, разбиты на участки, на них из кольев, камыша, ивовых прутьев построены шатры на 400 человек и больше, соответственно количеству населения, которое должно было туда стекаться из городов и сел. В этих шатрах он велел поставить огромные котлы и наполнить их мясом разных сортов. Еще за год до того, как Ариамн дал свое обещание, котлы эти были отлиты на заказ специальными мастерами, приглашенными из других городов. По приказу Ариамна ежедневно закалывались быки, свиньи, овцы и прочий скот без числа, приготовлены были также бочки с вином и замешано много теста.

И туда стекались не только галлы из городов и деревень, но даже проходившие мимо чужеземцы задерживались на дорогах

приставленными для этого отроками и принуждаемы были отведать угощения прежде, чем продолжать свой путь...

Мегасфен [9] во II книге «Истории Индии» пишет, что у индусов на пирах перед каждым ставится стол. Стол этот похож на ящик, на нем стоит золотая чаша, в которую они сначала кладут рис, сваренный так, как мы сварили бы кашу, затем — множество лакомых яств, приготовленных по-индусски.

Германцы же, как повествует Посидоний [10] в XXX книге, получают на завтрак куски жареного мяса, вдобавок к этому они пьют молоко и неразбавленное вино.

У кампанцев иногда происходит единоборство во время пиров. Николай Дамаскин [11], философ-перипатетик, в 90-й книге своих «Историй» упоминает про гладиаторские бои на пирах у римлян и пишет так: «Зрелищем гладиаторских боев римляне наслаждались не только, по обычаю этрусков, в театре, но и на своих пирах. Дело в том, что друзей часто приглашали на обед для того, чтобы сверх всего прочего они посмотрели на две или три пары гладиаторов, которым приказывали появляться, когда гости были уже сыты и пьяны от обеда. Когда гладиатор падал пронзенный, гости рукоплескали от удовольствия. У одного даже в завещании было написано, что он заставлял вступать в единоборство самых красивых из принадлежащих ему женщин, у другого — то же самое о несовершеннолетних мальчиках, его любимцах. Впрочем народ не вынес такого беззакония и завещание было признано недействительным».

РАБСТВО В ДРЕВНОСТИ И НРАВЫ РИМЛЯН

(VI, 271b — e, 272c — 275b)

Когда он (Кинулк) умолк, Мазурий сказал: «Поскольку рассказы о рабах исчерпаны еще не все, я тоже вставлю свое слово из любви к дорогому мудрому Демокриту. В сочинении о карийцах и лелегах Филипп Феангельский после описания лакедемонских гелотов и фессалийских пенестов говорит, что и карийцы держат в рабстве лелегов теперь так же, как и раньше [12]. Филарх в IV книге «Истории» говорит, что византийцы так же распоряжаются вифинцами, как лакедемонцы гелотами. О тех, кого лакедемонцы зовут эпевнактами (и они тоже рабы) ясно изложено у Феопомпа в XXXII книге его «Истории» такими словами: «Когда большое число лакедемонцев было убито во время войны с мессенцами, то уцелевшие, боясь как бы не узнали враги о том, что их осталось мало, приказали некоторым из гелотов лечь в постель погибших. Дав им позднее права гражданства, они прозвали их „эпевнактами“ за то, что те вместо убитых заняли их место в постели». В XXXIII книге его «Истории» говорится, что у сикионцев категория рабов, весьма близкая

к эпевнактам, прозвана «катонакофорами». Похожие вещи сообщает и Менехм в «Истории Сикиона» [13]. Феопомп во II книге «Филиппик» говорит, что у жителей Аркадии на таком же зависимом положении, как гелоты, находится 300 000 человек... [14]

Ктесикл в III книге «Хроник» пишет, что в 117 олимпиаду при Деметрии Фалерском в Афинах была произведена перепись жителей Аттики и было установлено число афинских граждан — 21 000, метеков — 10 000, рабов — 400 000... [15]

В ответ на это Ларенсий сказал: «Да у любого римлянина рабов несметное число (ты это, милый Мазурий, отлично знаешь); ведь по десять, по двадцать тысяч их и даже больше все они имеют. И не доходы извлекают они из них, как греческий богач Никий [16]; нет, большинство римлян целую толпу слуг водит повсюду за собой. А в Аттике десятки тысяч этих рабов в оковах работали на рудниках. По крайней мере философ Посидоний, которого ты постоянно вспоминаешь, говорит, например, что они восстали, убили тех, кто охранял рудники, захватили акрополь в Сунии [17] и надолго разорили Аттику. Это было тогда [18], когда в Сицилии произошло второе восстание рабов. Восставали рабы часто, погибло их при этом свыше миллиона. (Сочинение о войнах рабов принадлежит Цецилию, ритору из «Красивого берега». [19]) Спартак, например, гладиатор, бежавший из италийского города Капуи во время митридатовых войн, увлекший за собой многое множество рабов (он и сам был раб, фракиец родом), немалое время совершал набеги по всей Италии, и к нему каждый день рабы стекались толпами; и если бы он не погиб в битве против Лициния Красса, то нашим хватило бы с ним хлопот, как с Евном [20] в Сицилии.

А первые римляне, наоборот, чуждались роскоши и были в высшей степени благородны. Сципион, по прозванию Африканский, к примеру, когда сенат послал его по свету усмирять царства [21] и отдать в них власть тем, кому положено править, взял с собой только пять слуг, как сообщает Полибий и Посидоний, а когда один из этих рабов умер в дороге, то Сципион велел своим домашним купить и прислать ему еще одного. Юлий Цезарь, первый человек, приплывший к британским островам с тысячью кораблей, привез туда с собой всего навсего трех рабов, как пишет бывший тогда его легатом Котта [22], в своем труде о римском государстве, который написан на нашем родном языке. Это вам, эллины, не сибарит Сминдиридис, который, не зная меры своей роскоши, повез с собой по морю на брак Агаристы, дочери Клисфена, тысячу рабов — рыбаков, птицеловов и поваров.

Как рассказывает о нем Хамелеон Понтийский [23] в книге «О наслаждении» (эта же книга приписывается Феофрасту) [24], человек этот, желая еще и похвастаться тем, как счастливо он

жил, говорил, что двадцать лет не видел ни восхода, ни захода солнца. И это было в его глазах столь велико и изумительно, что доставляло ему блаженство. По-видимому, он засыпал рано утром и пробуждался поздно вечером. То и другое вредно. Гестией же Понтийский [25] заслужил добрую славу тем, что, занятый во всякое время учением, не видел никогда ни восхода, ни захода солнца, как повествует Никий Никейский в «Диадохах». Так что же, Сципион и Цезарь не имели рабов? Имели, но блюли законы предков и вели строгую жизнь, верные гражданскому долгу. Ведь разумным людям естественно сохранять обычаи прежних времен, когда умели на войне одерживать победу и, захватывая пленных, брали себе у них и то, что находили полезным и красивым для подражания. Именно так поступали прежние римляне. Сохраняя свое, отечественное, они наряду с этим усваивали себе и те науки, которые некогда процветали у покоряемых ими народов, которым они теперь разрешали заниматься лишь бесполезными вещами, чтобы не дать им вернуть себе то, что было ими утрачено. Узнав, например, от греков о машинах и осадных орудиях, они с помощью этих оружий победили греков; финикийцев, изобретших корабельное дело, они разбили в морском сражении. Подражали они и этрускам, которые сомкнутым строем вступали в рукопашный бой, а длинный щит заимствовали они у самнитян, метательное копье — у испанцев. И все, что они взяли у разных народов, они усовершенствовали. Подражая во всем порядкам лакедемонян, они сохранили их лучше, чем те. Ныне же, отбирая для себя полезное, они перенимают от врагов и дурные привычки.

От предков они унаследовали, как говорит Посидоний, выносливость, неприхотливость в пище, невзыскательность и простоту при пользовании прочими вещами, изумительное благоговение к священному, справедливость и боязнь малейшей неправды по отношению к кому-либо. Занятием их было при этом земледелие. Свидетели тому те отечественные обряды с жертвоприношениями, которые мы совершаем. Чинно идем мы по установленному пути, несем, произносим в молитвах и совершаем при священнодействиях то, что положено, без роскоши, просто, ничего сверх необходимого не возлагая ни на свое тело, ни на жертвенный алтарь. Мы надеваем тогда дешевую одежду и обувь, на головах у нас — шляпы из плотного войлока овечьих шкур, сосуды берутся глиняные и медные, пища и питье в них самые простые, ибо нелепым кажется делать приношение богам из отечественных плодов, самим же пользоваться привозными; ведь то, что расходуется на нас, измеряется потребностью, богам же идут начатки. Муций Сцевола был одним из трех, не нарушавших в Риме закон Фанния. Двумя другими были Элий Туберон и Рутилий Руф [26], написавший историю своего отечества. Этот закон

разрешал угощать у себя не свыше трех человек гостей, в базарные дни — не свыше пяти. Таких дней бывало три в месяц. Приправу предписывалось готовить не дороже, чем на 2,5 драхмы, копченого мяса разрешалось тратить в год на 15 талантов, овощей же и бобов для похлебки — сколько давала земля. По вине тех, кто нарушал законы и не скупился на затраты, цены повысились, и количество продуктов, которое разрешалось законом покупать, оказалось очень малым. И тогда, упомянутые выше лица, не нарушая закона, нашли удобный выход. Туберон по драхме платил за птиц тем, кто обрабатывал его собственные поля, Рутилий у своих рабов-рыбаков покупал за три обола фунт приправы, главным образом той, которая называется «тюрсион», такое название носит блюдо, приготовленное из морской собаки [27]. Подобным же способом и Муций устанавливал свои цены, договариваясь с теми, кто получал от него помощь. Из стольких тысяч людей лишь они одни не нарушали закона и не брали даже пустяковых подарков, сами со своей стороны оказывая большую помощь друзьям, питавшим любовь к знанию. Так поступать заставляло их учение Стои.

Пышно расцветшую же теперь роскошь первым ввел Лукулл, разгромивший Митридата в морском сражении [28], как передает Николай перипатетик. Вернувшись в Рим после побед над Митридатом и Тиграном Армянским, Лукулл справил триумф [29], отдал отчет о военных действиях и, забыв благоразумие древних, стал сорить деньгами. Он первый научил римлян роскоши, добыв себе богатства двух царей, о которых мы сказали выше. Но знаменитый Катон [30], как пишет Полибий в XXXI книге историй, не мог этого вынести и кричал, что в Рим ввели чужеземную привычку к неге, что за 300 драхм куплен глиняный сосудик вяленой рыбы с Понта, что за красивых мальчиков платят дороже, чем за поля. Раньше же жители Италии были столь нетребовательны, что даже люди, подобные нам, по словам Посидония, и весьма состоятельные, заставляли сыновей пить большей частью воду и есть что попало. Часто, как он передает, отец или мать спрашивали сына, хочет ли он груш или орехов на ужин, и сын ложился спать, удовлетворившись такой пищей. А теперь, как пишет Феопомп в I книге «Филиппик», нет никого даже среди людей среднего достатка, кому бы стол не обходился дорого, кто бы не имел поваров и прочей прислуги в большом количестве, кто бы не расходовал в будни больше, чем древние во время празднеств и жертвоприношений.

О КИФАРИСТЕ СТРАТОНИКЕ [31]

(VIII, 348d — e, 349f — 352d)

...Но я думаю, что сейчас, раз уж я вспомнил о кифаристе Стратонике, было бы не лишним рассказать кое-что о его ловкости в остроумных ответах. Так, он обучал игре на кифаре, и в училище у него было девять статуй муз и одна Аполлона, а учащихся — только двое; но на вопрос, сколько у него учеников, он ответил: «Благодаря богам, двенадцать!»

Однажды он приехал в Миласу и увидел, что народу в городе мало, а храмов много; тогда, встав посреди площади, он вместо того, чтобы начать: «слушайте, люди!» — начал: «слушайте, боги!»...

Клеарх во II книге сочинения «О дружбе» пишет: «Кифарист Стратоник перед сном всегда приказывал рабу принести ему пить: „Не оттого, что мне сейчас хочется пить,— говорил он,— а для того, чтобы потом не захотелось“».

В Византии один кифаред хорошо пропел вступление к песне, но затем стал фальшивить; тогда Стратоник встал и объявил: «Кто мне найдет того кифареда, который пел вступление, тому я заплачу тысячу драхм». На вопрос, кто самые негодные люди, он ответил: «Фаселийцы — самые негодные в Памфилии, а сидейцы [32] — самые негодные на свете». Далее, по словам Гегесандра, на вопрос, кто невежественнее — беотийцы или фессалийцы, он ответил: «Элидяне».— В своем училище он поставил трофей и написал на нем: «От побед над дурными кифаристами».— На вопрос, какие корабли безопаснее, длинные военные или круглые торговые, он сказал: «Вытащенные на берег» [33].

Однажды он выступал на Родосе, но никто ему не хлопал; тогда он ушел из театра со словами: «Вам жалко даже того, что ни гроша не стоит: какой же мне от вас ждать награды?» — Он говорил: «Пусть элидяне устраивают гимнастические состязания, коринфяне — музыкальные, афиняне — театральные, а спартанцы пускай бьют за ошибки состязающихся». Так он насмехался над спартанским обычаем бичеваний, по утверждению Харикла в первой книге «О состязании городов».

Когда царь Птолемей [34] слишком запальчиво спорил с ним об искусстве игры на кифаре, он сказал: «Царь, иное дело — скипетр, а иное — смычок» [35]. Так говорит эпический поэт Капитон в «Воспоминаниях», посвященных Филопаппу.— Приглашенный на выступление одного кифареда, он послушал его и сказал:

Дал ему вышний владыка одно, а иное отвергнул [36].

А на вопрос: «Что же именно?» — он ответил: «Дал ему плохо играть и не дал хорошо петь».— Однажды упала балка и убила одного дурного человека. «Видите, граждане,— воскликнул

Стратоник,— есть боги! а если нет богов, то есть, по крайней мере, балки» [37].

В дополнение к рассказанному, [Каллисфен] [38] пишет так в своих «Воспоминаниях о Стратонике».— Когда отец Хрисогона [39] говорил, что у него есть целый театр на дому: сам он постановщик, один его сын пишет драмы, а другой играет на флейте,— Стратоник сказал: «Одного только тебе не хватает».— «Чего?— спросил тот.—«Публики на дому»,— ответил Стратоник.

На вопрос, почему он странствует по всей Элладе, а не поселится в каком-нибудь одном городе, он ответил, что все эллины достались ему в подарок от муз, и он теперь собирает с них штраф за то, что музы от них отказались [40].— О флейтисте Фаоне он говорил, что в его игре царит не гармония, а Кадм [41]. Когда Фаон хвастался, что он — настоящий флейтист и что он нанял себе в Мегарах настоящий хор, Стратоник сказал: «Врешь: не ты его нанял, а он тебя нанял».

Он говорил, что больше всего на свете он удивляется матери софиста Сатира [42]: как могла она носить целых десять месяцев человека, которого ни один город не может вынести и десяти дней! Узнав, что этот Сатир приехал в Трою на Троянские игры, он сказал: «Трое всегда не везло».

Когда сапожник Миннак стал спорить с ним о музыке, Стратоник ему сказал: «Мне до тебя дела нет, коли ты судишь выше сапога».— Дурному врачу, говорил он, достаточно дня, чтобы отправить в Аид своих больных.— Встретив одного знакомого и увидев, как начищены у него сандалии, он стал сочувствовать его бедности, полагая, что сандалии не блестели бы так, если бы хозяин не чистил их своими руками.— В Тихиунте Милетском [43], где жили метэки, он увидел на всех могилах имена иноземцев и сказал рабу: «Идем скорей отсюда: все приезжие здесь умирают, а из местных жителей никто».— Кифаристу Зету, рассуждавшему о музыке, он сказал: «Уж тебе-то вовсе не к лицу болтать о музыке, коли ты выбрал себе самое противное музам имя и зовешься не Амфион, а Зет» [44].— Обучая македонца Макария игре на кифаре, он рассердился, что тот ничего толком не умеет сделать, и крикнул: «Убирайся, куда Макар телят не гонял!» [45]

Однажды он выходил из холодной и убогой бани, кое-как помывшись, и увидел по соседству пышное святилище. «Не удивительно,— сказал он,— что здесь такая уйма благодарственных табличек [46]: каждый, кто здесь помылся, должен благодарить богов за то, что остался жив».— В Эносе [47], говорил он, стоит восемь месяцев мороз и четыре месяца стужа.— О приморских понтийцах он говорил, что они живут у самого черного горя [48]; родосцев называл «белокожими киренейцами» и «городом женихов» [49]. Гераклею — «мужским Коринфом» [50], Византий —

«подмышкой Эллады», левкадян — «коринфянами второго помола» [51], амбракиян — «опрокинянами» [52]. Покидая Гераклею, он вышел за ворота и стал озираться по сторонам; на вопрос, зачем он это делает, он сказал, что ему стыдно попасться кому-нибудь на глаза, выходя из такого блудилища.

Увидев большую колодку, в которой сидело только двое преступников, он сказал: «Что за городишко! и на колодку-то народу не наберут!» — Когда с ним спорил о гармонии музыкант, прежде бывший садовником, он сказал ему:

Пусть каждый поливает то, что высадил [53].

Однажды в Маронее [54] за вином он сказал собутыльникам, что знает, где живет, на тот случай, если его придется вести домой пьяного; а когда он напился и его спросили, куда же его вести, он ответил: «В кабак!» — потому что вся Маронея казалась ему кабаком. А когда Телефан, лежа рядом с ним, стал играть на флейте, Стратоник ему крикнул: «Перестань рыгать!»

Банщику в Кардии, который вместо щелочи дал ему землю негодную, а воду — соленую, он сказал: «Ты меня осаждаешь с земли и с моря!»... В Фаселиде раб Стратоника бранился с банщиком, который, по обычаю, хотел с них как с иностранцев взять дороже. «Злодей! — крикнул ему Стратоник,— за какой-то грош ты хочешь сделать меня фаселийцем!» — Бедняку, который восхвалял его в надежде поживиться, он сказал, что куда бедней его.— Давая уроки в маленьком городишке, он заметил: «Что-то ваш городок больно короток!» [55] — В Пелле [56] он подошел к колодцу и спросил, можно ли пить здешнюю воду. «Да мы-то пьем»,— отвечали водоносы.— «Стало быть, нельзя»,— сказал Стратоник, потому что водоносы были бледные и худые.

Прослушав «Роды Семелы» Тимофея, он воскликнул: «А каково бы она кричала, кабы рожала не бога, а подрядчика!» Когда Полиид хвалился, что его ученик Филот [57] победил Тимофея, Стратоник сказал: «Ты разве не знаешь, что твой Филот — подголосок, а Тимофей — запевала?» — Кифареду Арею, который ему докучал, Стратоник сказал: «Пой до дна, да поскорее!» — В Сикионе какой-то кожевник, ругаясь, обозвал его: «дурень!» — «А ты — шкурень!» [58] — ответил Стратоник.— Тот же Стратоник, увидев, что родосцы живут в роскоши и пьют вино подогретым, назвал их белокожими киренейцами, а Родос — городом женихов: этим он хотел сказать, что родосцы в своей распущенности только цветом кожи отличаются от киренейцев, а в своем разврате подобны гомеровским женихам [59].

В своей страсти к таким ловким ответам Стратоник подражал поэту Симониду, как говорит Эфор [60] во второй книге «Об изобретениях»; таким же увлечением, по его словам, был охвачен и Филоксен Киферский. А перипатетик Фаний во II книге

«О поэтах» сообщает: «Афинянин Стратоник, по-видимому, первый ввел многозвучие в игру на кифаре без голоса, первый стал обучать гармонии и составил таблицу музыкальных интервалов. Да и по части шутовства он был не из последних». И добавляет, что за вольные шутки он поплатился жизнью: кипрский царь Никокл [61] за насмешки над своими сыновьями заставил его выпить яд.

ИЗ РАССУЖДЕНИЯ ГРАММАТИКА МИРСИЛА [62] О ЗНАМЕНИТЫХ ЖЕНЩИНАХ

(XIII, 567d — 568d, 575a — f, 576c — 577c, 583d — 584a, 588c — 592b, 609e — 610f)

— ...Да, гетера — как говорит Антифан в «Земледельце» — горе для поклонников:

Она их губит, а они и радуются.

Поэтому и Тимокл в «Неэре» выводит на сцену человека, оплакивающего свою участь:

Меня влюбиться в Фрину угораздило,
Когда она еще сбирала каперсы [63]
И не купалась так, как нынче, в золоте;
Я разорился, к ней ходя с подарками,
И вот — я изгнан.

А в комедии под названием «Орест-Автоклид» [64] тот же Тимокл пишет:

А вокруг несчастного
Старухи дрыхнут: Лика, Планго, Нанния,
Гнафена, Фрина, Мирра, Пифионика,
Хрисида, Коналида, Гиероклия...

Об этих гетерах упоминает и Амфий в «Цирюльнице»:

Да, конечно, Плутос слеп,
Коль не заходит к этой славной девушке,
А у гетер Синопы, Лики, Наннии,
И у других мошенниц, с ними сходственных,
Как сел, так и сидит себе безвылазно.

Алексид в драме под названием «Равновесие» следующим образом описывает средства и хитрые уловки, которые применяют гетеры, чтобы казаться красивее:

Ведь они, чтобы нажиться им за счет поклонников,
Обо всем забыв на свете, сети хитрые плетут.
А когда разбогатеют, то берут к себе в дома
Свежих девок, чтоб у старших набирались опыта.

И у тех не остается ни лица, ни облика
От того, что было прежде,— впрямь перерождаются!
Если рост невзрачен — ходит на подошвах пробковых,
Если долговяза — носит тонкие сандалии
И, гуляя, наклоняет голову на плечико.
Так-то с ростом! Если, скажем, ляжки слишком тощие,
То, подбив тряпья, такою станет крутобедрою —
Диву дашься! Если брюхо чересчур надутое,
То корсет она наденет, как актер в комедии:
Затянув его под груди, выпрямляя талию,
Вмиг живот она умерит прутьями корсетными.
У кого белесы брови — те чернят их сажею;
У кого черны чрезмерно — те пускают в ход свинец;
У кого бесцветна кожа — трут себя румянами.
Если в теле что красиво — выставляют напоказ:
Белозубая — смеется: как же не смеяться ей,
Чтобы все могли увидеть рот ее хорошенький?
Если смех не по нутру ей, то она по целым дням
Взаперти сидит и держит, раздвигая челюсти,
Тонкую во рту распорку из дощечки миртовой
(Как у мясников на рынке держат козьи головы),
Чтоб привыкнуть, так ли, сяк ли, раскрывать пошире рот.
Вот какие есть уловки, чтобы стать красавицей!

Так удивляться ли, что некоторые люди влюблялись по наслышке, если Харес Митиленский [65] в X книге «Истории Александра» сообщает, что многие увлекались любовью даже к тем, кого они видели только во сне, а наяву ни разу до того не встречали? Он пишет так:

«У Гистаспа [66] был младший брат Зариадр, и народ в тех местах говорил, будто они родились от Афродиты и Адониса. Гистасп был царем над Мидией и землями по сю сторону от нее, а Зариадр — над странами, лежащими за Каспийскими воротами и далее до самого Танаиса. А по ту сторону Танаиса царствовал над марафами [67] Омарт, и у него была дочь по имени Одатида. О ней-то и рассказывается в историях, будто она увидела во сне Зариадра и полюбила его; а его таким же образом постигла страсть к Одатиде. Одатида была прекраснейшей женщиной в целой Азии, и Зариадр тоже был красавцем. И вот Зариадр, увлеченный желанием взять за себя эту женщину, посылает к Омарту; но Омарт отказал, потому что у него не было сыновей-наследников, и он хотел выдать дочь за человека из своего рода.

Вскоре после этого Омарт созвал князей со всего царства, своих друзей и родичей, и устроил свадебный пир, так и не объ-

являя, за кого он намерен выдать дочь. Когда все охмелели, он призвал Одатиду на пиршество и сказал ей перед всеми: «Дочь моя Одатида, нынче мы справляем твою свадьбу. Оглядись же, посмотри на каждого, а потом возьми золотую чашу, наполни ее и вручи тому, за кого ты хочешь замуж, и ты будешь его женою» [68]. А она оглядела всех и отступила в слезах, потому что хотела увидеть Зариадра: Зариадру она перед этим послала весть, что готовится ее свадьба.

А тем временем Зариадр, стоявший станом на Танаисе, втайне от своего войска ночью переплыл реку, сопровождаемый одним только возницей, и на колеснице понесся далеко в глубь страны, проскакав целых восемьсот стадий [69]. Приблизившись к селению, где справлялась свадьба, он оставил в некотором месте колесницу с колесничим, а сам продолжал путь пешком, одетый по-скифски. И когда он дошел до дома и когда увидал Одатиду, которая, стоя перед поставцом, вся в слезах, медленно размешивала в чаше вино,— он встал рядом с нею и сказал: «Одатида, вот я здесь, как ты пожелала: я — Зариадр».

Одатида, увидев человека незнакомого, прекрасного собой и похожего на того, которого она видела во сне, преисполнилась ликованием и подала ему чашу; а он схватил Одатиду на руки, унес в свою колесницу и вместе с нею ускакал. А рабы и прислужницы, поняв, что это была любовь, не сказали ни слова; и когда отец приказал им говорить, они заявили, что не видели, куда умчались беглецы.

Историю этой любви помнят все живущие в Азии варвары и безмерно восхищаются ей; ее изображениями расписываются и храмы, и царские дворцы, и даже дома простых людей; и многие князья дают своим дочерям имя Одатиды».

. . . . . .

А разве Фемистокл, по словам Идоменея [70], не въехал в Афины при всем народе на колеснице, запряженной гетерами? Имена их были: Ламия, Скиона, Сатира и Нанния. А сам Фемистокл разве не был сыном гетеры по имени Абротонон? Так повествует Амфикрат в сочинении «О знаменитых людях»:

Абротонон из фракийской земли; уверяет преданье —
Славный герой Фемистокл ею для греков рожден.

Впрочем, Неанф Кизикийский в III и IV книгах «Эллинской истории» говорит, что он был сыном Евтерпы.— А разве Кир, отправляясь войною на брата, не взял на войну с собою гетеру из Фокеи, о которой говорили, что она была и умнее и прекраснее всех? Зенофан говорит, что сперва ее звали Мильто, а потом стали называть Аспазией [71]. Сопровождала Кира и другая наложница — из Милета.— А великий Александр разве не держал при себе Таиду, афинскую гетеру? Клитарх говорит, что это

из-за нее был сожжен царский дворец в Персеполе [72]. Эта самая Таида после смерти Александра вышла замуж за Птолемея, первого царя Египта, и родила ему сыновей Леонтиска и Лага и дочь Ирену, которую выдали за Евноста, царя Сол [73] на Кипре.— И второй царь Египта, прозванный Филадельфом (сообщает об этом Птолемей Эвергет [74] в III книге «Записок») имел множество любовниц: и Дидиму, самую прекрасную из всех египетских женщин, и Билистиху, и Агафоклею, и Стратонику, чей памятник стоял на морском берегу близ Элевсина, и Миртию, и многих других, потому что этот Птолемей был особенно склонен к любовным утехам. Полибий в XIV книге «Истории» [75] говорит, что в Александрии стоит много статуй Клейно, которая была у Птолемея виночерпием — она изображена одетой в один хитон и с чашей в руках.— А разве лучшие дома не называются по имени Миртии, или Мнесиды, или Пофины? а ведь Мнесида была флейтисткой, и Пофина была флейтисткой, а Миртия была одной из самых известных и доступных мимических актрис.— А разве царя Птолемея Филопатора [76] не держала в своих руках гетера Агафоклея, переворотившая все царство? — И Евмах из Неаполя во второй книге «Истории Ганнибала» сообщает, что Гиероним, тиранн Сиракуз, взял в супруги женщину из публичного дома, по имени Пифо, и сделал ее царицей.

Тимофей, афинский полководец [77], заведомо для всех был сыном гетеры-фракиянки; впрочем, в других отношениях она была вполне достойна уважения, так как эти женщины, переменив свой образ жизни на скромный и пристойный, обычно оказываются лучше, чем те, которые кичатся своей добродетелью. Когда однажды над Тимофеем смеялись за то, что у него такая мать, он сказал: «А я так благодарен ей, потому что ей я обязан тем, что я сын Конона» [78].— И Филетер, царь Пергама и так называемой Новой земли [79], был, по утверждению Каристия в «Исторических записках», сыном флейтистки Бои, гетеры из Пафлагонии [80].— А оратор Аристофон, тот самый, который в архонтство Евклида [81] внес закон, чтобы не считались гражданами дети, рожденные не от матери-гражданки [82], сам был изобличен комиком Каллиадом в том, что имел детей от гетеры Хоригиды: об этом рассказывает тот же Каристий в III книге «Записок».— А Деметрий Полиоркет [83] разве не был безумно влюблен в флейтистку Ламию, от которой имел и дочь Филу?..

В самом деле, наши великолепные Афины кормили такое множество гетер, как ни один славный мужами город. Во всяком случае, Аристофан Византийский перечисляет их сто тридцать пять, но Аполлодор насчитывает еще больше, а Горгий еще того больше,— оба утверждают, что Аристофан многих гетер пропустил, в том числе и ту, которую прозвали Выпивохой, и Лампириду, и Евфросину, которая была дочерью сукновала; не упомя-

нуты у него также Мегиста, Агаллида, Фавмария, Феоклея (по прозвищу Ворона), Ленэтокиста, Астра, Гнафена с ее внучкой Гнафенией, Сига, Синорида (по прозвищу Светильня), Евклея, Гримея, Фриаллида, и еще Химера и Лампада. В названную Гнафену был без ума влюблен комедиограф Дифил — об этом я уже говорил, об этом же повествует и Линкей Самосский в своих «Записках». Однажды на состязаниях он самым позорным образом провалился, и его вышвырнули из театра. Как ни в чем не бывало, он отправился к Гнафене; но когда он велел Гнафене вымыть ему ноги, она спросила: «Зачем? Разве ты не по воздуху летел из театра?» Очень она была находчива в ответах. Впрочем, и другие гетеры, будучи о себе высокого мнения, заботились о своем образовании и уделяли время ученым занятиям; они тоже были очень находчивы в ответах. Так, однажды — сообщает Сатир в «Жизнеописаниях» — Стильпон [84] на попойке стал упрекать Гликеру в том, что она развращает молодежь; Гликера ответила: «Нам с тобою, Стильпон, обоим вменяется одно и то же: ты, говорят, развращаешь молодежь, обучая ее бесполезным эристическим [85] хитростям, а я — эротическим хитростям; не все ли равно, с кем развращаться и разоряться — с философом или с гетерой?» Действительно, и Агафон говорит:

...Лениво тело женщин,
Но не ленив живущий в теле дух.

...А разве не упоминает о Лаиде из Гиккар Гиперид во второй речи против Аристагора? [86] Из Гиккар, сицилийского города, ее как пленницу привезли в Коринф, по словам Полемона в VI книге «Против Тимея»; ее любовниками были и Аристипп [87], и оратор Демосфен, и киник Диоген; Афродита Коринфская, называемая Черной, являлась ей во сне и предвещала появление богатых любовников. Живописец Апеллес увидал ее еще девушкой, когда она несла воду из источника Пирены [88], и, пораженный ее красотой, привел ее однажды на пирушку к друзьям. Те стали насмехаться над ним за то, что он привел на попойку вместо гетеры девушку. «Не удивляйтесь»,— сказал им Апеллес,— «в ее красоте — залог будущих наслаждений, и не пройдет трех лет, как вы в этом убедитесь». Такое же предсказание сделал Сократ об афинской гетере Феодоте, как пишет Ксенофонт в «Воспоминаниях» [89]. «Кто-то сказал, что она замечательно красива и грудь ее не поддается никакому описанию. Сократ сказал: «Надо нам пойти посмотреть на эту женщину: нельзя по наслышке судить о красоте». Красота Лаиды была такова, что живописцы приходили к ней, чтобы срисовывать ее груди и соски. Когда она соперничала с Фриной, ее окружала целая толпа поклонников, и она не делала никакой разницы между богатыми и бедными, со всеми обращаясь без всякой надмен-

ности. Аристипп каждый год проводил с нею два месяца на Эгине, во время праздника Посидоний [90]; и когда Гикет стыдил его: «Ты ей даешь столько денег, а она ни за грош забавляется с Диогеном-киником»,— он отвечал: «Я плачу Лаиде для того, чтобы самому наслаждаться ею, а не для того, чтобы не давать другим». ...Умерла она, как утверждает Полемон, в Фессалии: она влюбилась в некоего фессалийца Павсания, и фессалийские женщины из зависти и ревности забили ее насмерть деревянными скамеечками в храме Афродиты — отсюда и храм получил название Афродиты Нечестивой. Ее могилу показывают возле Пенея: [91] на ней стоит каменный кувшин и сделана надпись:

Гордая мощью своей всепобедной, Эллада Лаиде
Рабски служила, склонясь пред богоравной красой.
Эрос ее породил, возросла она в славном Коринфе,
А почивает она здесь, в фессалийских полях.

Поэтому пустое болтают те, кто уверяет, будто Лаида похоронена в Коринфе на Крании [92].

А разве Аристотель-стагирит [93] не прижил сына Никомаха от гетеры Герпиллиды? И он жил с нею до самой смерти, как говорит Гермипп в I книге «Об Аристотеле», добавляя, что и в завещании философ приказал заботиться о ней должным образом. А разве наш превосходный Платон не был влюблен в Археанассу, гетеру из Колофона? [94] Он даже сложил о ней следующие стихи:

Археанасса со мной, колофонского роду подруга —
Даже морщины ее горькой любовью горят.
Ах, злополучные вы, кто на первом кругу повстречали
Юность подруги моей! Что это был за пожар!

А Перикл-Олимпиец — разве он, хотя и славился разумом и могуществом, не посеял смуту во всей Элладе ради Аспазии (как говорит Клеарх в I книге «О любви») — не младшей Аспазии, а той, которая беседовала с мудрым Сократом? Перикл был на редкость падок на любовные наслаждения: он ведь был в любовной связи даже с женою своего сына, как повествует Стесимброт Фасосский [95], его современник и очевидец, в книге «О Фемистокле, Фукидиде и Перикле». А сократик Антисфен пишет, что когда Перикл был влюблен в Аспазию, то дважды в день приходил в ее дом, чтобы приветствовать эту женщину; и защищая ее на суде от обвинения в нечестии, он пролил больше слез, чем тогда, когда опасность угрожала его собственной жизни и имуществу. Когда Кимон находился в изгнании, а его сестра Эльпиника, с которой он находился в кровосмесительной связи, была выдана за Каллия [96], то в награду за возвращение Кимона Пе-

рикл потребовал и получил ее ложе. О Периандре [97] пишет Пифенет в III книге «Об Эгине», что когда однажды он увидел в Эпидавре Мелиссу, дочь Прокла, одетую на пелопоннесский лад — без покрывала, в одном хитоне, она разливала вино для работников — то тут же влюбился и женился на ней. А у Пирра, царя эпирского, третьего потомка того Пирра, который воевал в Италии, была любовницей левкадянка [98] Тигра, и мать молодого царя, Олимпиада, отравила ее ядом».

Тут Ульпиан, словно напав на какую-то находку, перебил Миртила вопросом: «В мужском или в женском роде надо говорить «тигр»? Ведь Филемон, я знаю, говорит в «Неэре»:

— Ты видел тигру, что сюда прислал Селевк?[99]
Теперь настало время отдарить его
Каким-нибудь зверьем из нашей местности.
— Пошли жар-птицу! Здесь таких не водится.

Миртил на это сказал: «Ты перебил меня на середине перечня женщин — хоть это и не то, что «Или каков» Сосикрата Фанагорийского или «Каталог женщин» Никенета Самосского или Абдерского; но я все-таки остановлюсь и отвечу на твой вопрос, «Феникс, мой дряхлый отец». Знай, что Алексид [100] в «Поджигателе» сказал «тигр» в мужском роде — вот так:

Открой же дверь, открой! Теперь понятно мне,—
Я был как истукан, как камень мельничный,
Как столб, как бегемот и как Селевков тигр.

У меня есть и другие примеры, но я отложу их до тех пор, пока не переберу в памяти до конца весь перечень красавиц.

Ведь Клеарх об Эпаминонде [101] пишет так: «Фиванец Эпаминонд был порядочнее тех, о ком я говорил, но и он в отношениях с женщинами позорным образом оказывался ниже своей славы — достаточно вспомнить, что с ним приключилось из-за лаконской женщины».— А оратор Гиперид, выгнав из дому собственного сына Главкиппа, взял в дом Миррину, самую дорогую из продажных женщин; ее он содержал в Афинах, а в Пирее — Аристагору, а в Элевсине — Филу, которую он выкупил за большие деньги и освободил, а потом даже сделал своей домоправительницей, по сообщению Идоменея. В речи в защиту Фрины Гиперид сам признается, что влюблен в Фрину; но еще не исцелившись от этой любви, он ввел в свой дом названную Миррину.

Фрина же была родом из Феспий. Евфий [102] привлек ее к суду по уголовному обвинению, но суд ее оправдал; Евфия это так обозлило, что с тех пор он не брал на себя ни одного судебного дела, как уверяет Гермипп. Фрину защищал Гиперид; так как речь его не имела успеха, и судьи явно склонялись к осуждению,

то он, выведя Фрину на видное место, разодрал на ней хитон и обнажил ее грудь, и этим зрелищем придал такую ораторскую силу своим заключительным стенаниям, что судьи ощутили суеверный страх перед этой жрицей и служительницей Афродиты, и поддавшись состраданию, не обрекли ее на казнь. А после этого оправдания было постановлено, чтобы никакой судебный защитник не смел возбуждать жалость в судьях и чтобы никакой обвиняемый или обвиняемая не были выводимы напоказ. В самом деле, тело Фрины было особенно прекрасно там, где оно было скрыто от взгляда. Потому и нелегко было увидеть ее нагой: она носила хитон, облегающий все тело, и не бывала в общих банях. Но на многолюдном празднестве Посидоний в Элевсине она на глазах у всей Эллады сняла одежду и, распустив волосы, вошла в море; с нее и написал Апеллес Афродиту, выходящую из волн. А скульптор Пракситель, влюбленный в Фрину, изваял с нее Афродиту Книдскую; а на подножии своего Эрота, что стоит в театре под сценой, он написал:

Точно таким изваял искусный Пракситель Эрота,
Как увидал он его в собственном сердце своем.
Фрине мной за меня самого заплатил он. Отныне
Стрелы не надобны мне: видом я сею любовь.

Действительно, Пракситель предложил Фрине выбрать одну из его статуй — или Эрота, или Сатира, что стоит на улице Треножников. Она выбрала Эрота и принесла его в дар храму в Феспиях. А местные жители посвятили в Дельфы статую самой Фрины, золотую, на подножии пентеликонского мрамора [103], и ее изваял Пракситель. При виде этой статуи киник Кратес сказал, что это — дар от невоздержанности эллинов. Изваяние стояло между статуями Архидама, спартанского царя, и Филиппа, сына Аминта [104]; надпись на нем гласила: «Фрина, дочь Эпикла, из Феспий», как сообщает Алкет во II книге «О дельфийских приношениях».— Аполлодор в сочинении «О гетерах» пишет, что было две Фрины: одна по прозвищу «Смех сквозь слезы», другая по прозвищу «Рыбка». Но Геродик в VI книге «Лиц, упоминаемых в комедиях», сообщает, что ораторы называли одну из них «Совком» за то, что она как бы обдирала и отсеивала своих поклонников, а другую — «Феспиянкой». Фрина была очень богата: она даже обещала отстроить фиванские стены, если фиванцы на них напишут: «Александр разрушил, гетера Фрина отстроила»,— так говорит Каллистрат в сочинении «О гетерах». О ее богатстве говорят комик Тимокл в «Неэре» и Амфий в «Цирюльнице»; их слова я уже приводил. Гриллион, член Ареопага, был параситом при Фрине, как Сатир, олинфийский актер,— при Памфиле. Аристогитон в речи против Фрины говорит, что ее настоящее имя было Мнесарета. Небезызвестно мне

и то, что речь против нее, приписываемая Евфию, принадлежит, по мнению Диодора Периэгета, Анаксимену. Комедиограф же Посидипп [105] говорит о Фрине в своей «Эфесянке» так:

Тогда никто не мог сравниться с Фриною
Из нас, гетер. И ты хоть и не видела
Суда над ней, но слышала, наверное:
Она казалась пагубою гражданам,
И приговор грозил ей смертной казнию,
Но, обойдя весь суд и тронув каждого,
Она, рыдая, вымолила жизнь себе.

Знайте, что и оратор Демад [106] прижил сына Демея от гетеры-флейтистки: когда этот Демей однажды заговорился на трибуне до хрипа, Гиперид унял его такими словами: «Замолчи-ка, малыш: у тебя и так дыханья больше, чем у матери». И философ Бион Борисфенит [107] был сыном лаконской гетеры Олимпии, как сообщает Никий Никейский в «Преемствах философов». Даже трагик Софокл уже стариком влюбился в гетеру Феориду и, молясь Афродите, говорил такие стихи:

Внемли молящему мне, о ты, что пестуешь юных:
Пусть отречется она от младых объятий и ложа,
Пусть отраду найдет в стариках, сединой убеленных —
В тех, чья мышца слабей, но дух исполнен желанья.

Эти стихи — из числа приписываемых Гомеру [108]. О той же Феориде он упоминает и в одной хорической песне следующими словами:

Мила ведь Феорида.

А уже на закате жизни, по словам Гегесандра, Софокл был влюблен в гетеру Архиппу, и оставил ее своей наследницей. И когда Архиппа жила с дряхлым Софоклом, то ее прежний любовник Смикрин так остроумно ответил на вопрос, что делает Архиппа: «Она как сова на гробнице» [109].

. . . . . .

Мне известно также, что некогда было установлено состязание в женской красоте. Рассказывая о нем, Никий в «Истории Аркадии» утверждает, что установил его Кипсел [110], когда основал город в долине Алфея: он переселил туда часть обитателей Паррасии [111], посвятил участок и алтарь Деметре Элевсинской, и в день ее праздника учредил состязание в красоте; а первую победу в нем одержала его жена Геродика. Это состязание справляется и по сей день, а участвующих в нем женщин называют «златоносицами». Феофраст утверждает, что состязание в красоте есть и у элидян: судьи на нем выполняют свое дело со всей серьезностью, а победитель получает в награду оружие — его

посвящают Афине (по словам Дионисия Левктрийского), и победитель, украшенный лентами своих друзей, возглавляет процессию, направляющуюся в ее храм. А венок они получают миртовый, как рассказывает Мирсил [112] в «Исторических достопримечательностях». Тот же Феофраст говорит в других местах, что между женщинами устраивались состязания и в добродетели, и в умении хозяйничать, как у варваров; а кое-где — и в красоте, как у тенедосцев и лесбосцев, потому что и красоту нужно почитать; но так как красота есть дело природы или случая, то награждать следует тех, кто добродетелен, и только такая красота будет прекрасна, в противном же случае она грозит обернуться распущенностью».

На этом Миртил кончил свой беспрерывный перечень [113], и все стали восторгаться его памятью. Только Кинулк сказал:

«О, премногоученость, что более суетно в мире?

— Так сказал безбожный Гиппон [114]; но и божественный Гераклит говорит: «Многоученость не научает разуму». И у Тимоча [115] сказано:

Напоказ выставляет
Ту премногоученость, которой нет суетней в мире.

В самом деле, какая польза от всех этих имен? Скажи нам, о ты, который не столько учишь, сколько мучишь слушателей! А спросить тебя, к примеру, какие герои сидели в деревянном коне? — и ты от силы назовешь одного-двух, да и то не по Стесихору [116] — куда там! — а разве что по «Разрушению Илиона» Сакада Аргосского: этот и впрямь перечисляет их множество. Да что уж! ведь ты не перечислил бы так складно даже спутников Одиссея — кого из них съели киклопы, кого лестригоны, да и точно ли съели? — потому что ты этого не знаешь, хотя и поминаешь все время Филарха [117], который говорил, что на Кеосе в городах не сыщешь ни гетеры, ни флейтистки».

Миртил на это возразил: «Где это сказано у Филарха? Я читал его „Историю“ от начала до конца!»

«В двадцать третьей книге»,— ответил Кинулк.

Тогда Миртил сказал: «Ну не прав ли я был, когда говорил, что ваша философия ненавидит филологию? Вас не только царь Лисимах [118] с громкой оглаской изгнал из своего царства, как пишет Каристий в „Исторических записках“,— вас и афиняне изгоняли!.. Некий Софокл даже издал закон об изгнании философов из Аттики — тот Софокл, против которого обвинительную речь написал Филон, ученик Аристотеля, а защитительную речь — Демохар, родственник Демосфена. И римляне, лучшие из людей, изгнали философов из Рима за развращение юношества, хотя потом, неведомо как, они опять вернулись...»

АПОЛЛОДОР

Автором богатого мифологического сборника, носящего название «Библиотеки», в рукописях признается известный афинский грамматик Аполлодор (II в. до н. э.), однако, язык «Библиотеки» и упоминание в ней об одном из современников Цицерона заставляют считать временем составления сборника I—II в. н. э.

«Библиотека» состоит из трех книг, в которых подробно рассказывается большинство греческих мифов, начиная от титанов и кончая Тесеем.

Все сочинение представляет собой тщательную компиляцию, о чем говорят часто встречающиеся в тексте ссылки на трагиков, на Ферекида Леросского (V в. до н. э.), на Акусилая (V в. до н. э.) и др. Помимо сухого книжного изложения родословий богов и героев, в «Библиотеке» встречаются и не лишенные занимательности рассказы с интересными сказочными мотивами.

БИБЛИОТЕКА

МЕЛАМП

I, 9, 2. Амифаон [1], живя в Пилосе, женился на Идомене, дочери Ферета [2], и у него родились дети Биант и Меламп [3]. Последний проводил жизнь в деревне. Перед его жилищем рос дуб, в котором находилось логовище змей. Когда слуги убили их, он набрал дров и сжег змей, а детенышей взял и стал выкармливать. Выросши большими, они приползли к нему во время сна и, расположившись на обоих плечах, прочищали ему уши своими языками. Вставши в великом ужасе, он начал понимать голоса пролетающих над ним птиц и по ним предсказывал людям будущее. Воспринял он и дар гадания по жертвам, а встретившись с Аполлоном у Алфея [4], Меламп сделался потом лучшим прорицателем.

II, 2, 2. Мелампе, сын Амифаона и Идомены, дочери Абанта [5], прорицатель, впервые открывший лечение волшебными напитками и очистительными жертвами, обещал вылечить дочерей Прета [6], если ему отдадут третью часть царства. Прет не соглашался на такую оплату, а девушки все больше безумствовали, а с ними и остальные женщины. Покинув дома, они губили своих собственных детей и скитались по пустынным местам. Бедствие все росло, и Прет был уже готов отдать требуемое, но тут Мелампе сказал, что станет лечить их, если вторую треть царства получит его брат Биант. Испугавшись как бы с него не запросили еще больше, если он станет медлить. Прет уступил. Тогда, взяв самых сильных юношей, Мелампе с криком и в какой-то боговдохновенной пляске согнал безумных с гор в Сикион. Во время погони самая старшая дочь Ифония испустила дух. А две другие после очистительных жертв снова обрели разум, и Прет отдал их в жены Мелампу и Бианту.

ТИФОН

I, 16, 3. Когда боги победили гигантов, Земля, раздражившись еще больше, сочеталась с Тартаром и в Киликии родила Тифона, получеловека, полузверя. Ростом и силой он превзошел всех рожденных Землею. До бедер он имел вид человека, и эта часть его была настолько громадна, что превосходила вышиной все горы, а голова часто касалась звезд; руки же у него были — одна, простирающаяся до запада, другая — до востока. Из них выдавались сто змеиных голов. Начиная от бедер, тело его состояло из огромных колец змей, которые извиваясь, достигали до самой головы и громко шипели. Весь он был покрыт перьями, жесткие волосы торчали на голове и из подбородка, глаза извергали огонь. Этот-то громадный Тифон носился с криком и свистом, хватал и бросал горящие камни в самое небо. Целую бурю огня он выбрасывал изо рта. А боги, как увидели, что он стремится на небо, бросились спасаться бегством в Египет и во время преследования приняли вид животных. Пока Тифон был далеко, Зевс поражал его молниями, а когда тот приблизился, стал угрожать ему стальным серпом и гнался за ним до горы Касии, возвышающейся над Сирией. Увидав там, что Тифон ранен, Зевс бросился ему на руки и вступил с ним в рукопашный бой; но тот, обвиваясь вокруг него, сковал его своими змеиными кольцами и, отняв серп, перерезал ему жилы на руках и на ногах. Взвалив Зевса на плечи, Тифон перенес его через море в Киликию и, придя в Корикийскую пещеру [7], сложил там, а рядом положил его жилы, прикрыв их шкурой медведя, и приставил караулить Дельфину — полудевушку-полузмею. Гермес и Эгипан выкрали жилы и потихоньку приладили их Зевсу. Снова обретя

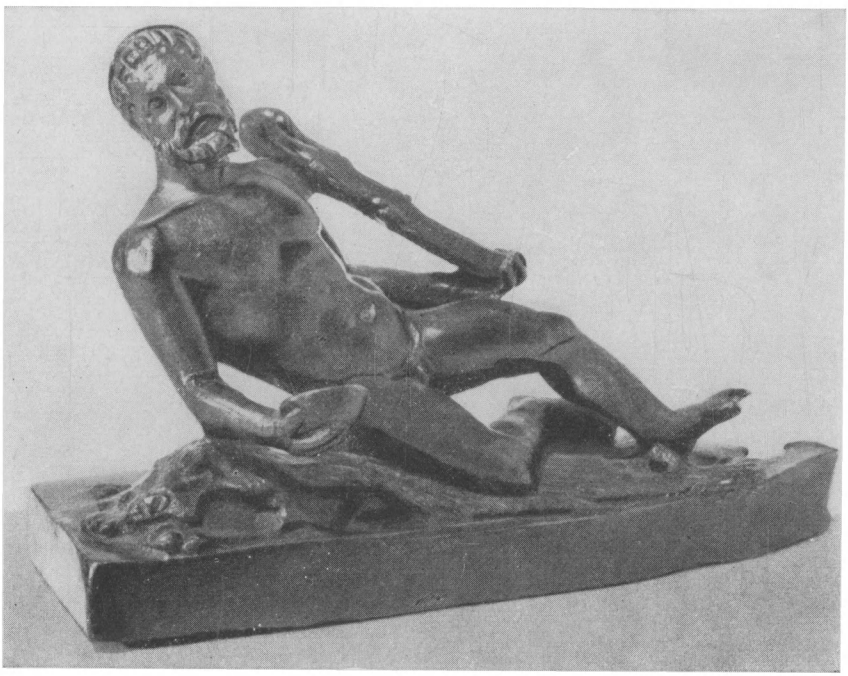
свою силу, Зевс вдруг с неба на колеснице с крылатыми конями, меча молнии, погнал Тифона на гору, называемую Ниса. Там Мойры обманули беглеца. Убежденный ими, что силы его увеличатся, он вкусил эфемерных плодов [8]. Итак, опять преследуемый, он пришел во Фракию и, сражаясь около Гема, бросал целые горы. Молния толкала их обратно на него, так что много крови пролилось на горе; поэтому, рассказывают, гора и была прозвана Гемой [9]. А когда Тифон хотел бежать через Сицилийское море, Зевс бросил на него гору Этну в Сицилии. Гора эта огромна; из нее, говорят, и до сих пор от брошенных молний происходит извержение огня.

ГЛАВК И ПОЛИИД

III, 5, 1—2. Еще малюткой Главк, гоняясь за мышью, упал в кадку с медом и погиб. Не видя его, Минос [10] после долгих поисков обратился к прорицателю. Куреты [11] сказали ему, что в его стадах есть трехцветная корова и тот, кто сможет придумать самое лучшее сравнение с ней, вернет дитя к жизни. И вот, когда предсказатели были созваны, Полиид [12], сын Койрана, сравнил цвет коровы с плодом терновника и вынужденный искать мальчика нашел его по какой-то догадке. Но Минос говорил, что он должен получить ребенка живым, и Полиида заперли вместе с трупом. Находясь, таким образом, в безвыходном положении, он увидел, как к мертвому ползет змея и, бросив камень, убил ее, боясь как бы не умереть самому, если с телом что-нибудь случится. И вот ползет вторая змея, но, увидав первую мертвой, удаляется, затем возвращается с травой и прикладывает ее ко всему туловищу первой. После прикладывания травы змея ожила. Поглядев на это и изумившись, Полиид приложил к телу Главка ту же самую траву и воскресил его. Получив обратно сына, Минос даже и тут не разрешал Полииду вернуться обратно в Аргос, пока тот не научит Главка гаданию. Полиид был вынужден преподать свое искусство, но при отплытии велел Главку плюнуть себе в рот и, сделав это, Главк забыл искусство гадания.

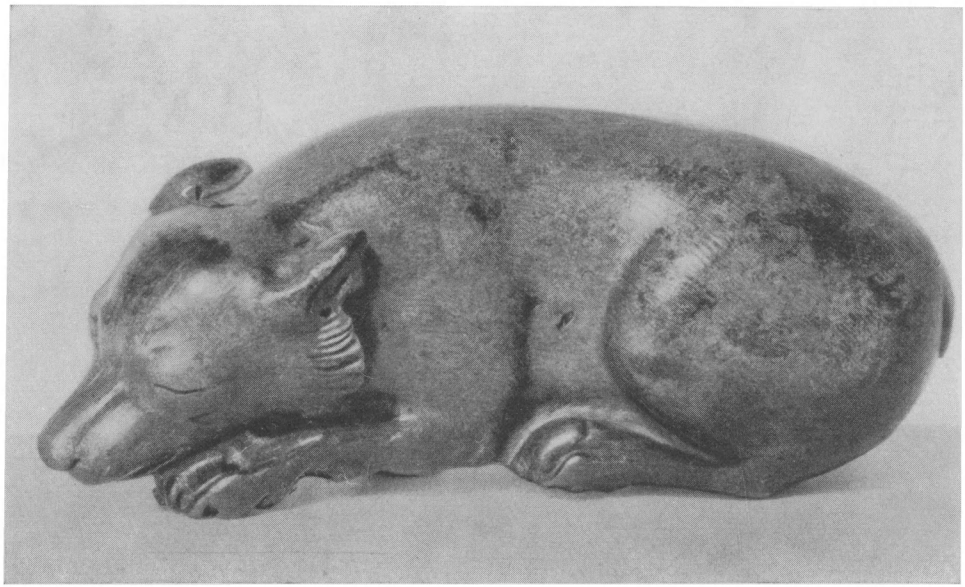
СТАТУЯ ПАЛЛАДЫ

III, 12, 3. О статуе Паллады передается такая история. Афина после своего рождения воспитывалась у Тритона [13], у которого была дочь Паллада. Обе они проделывали военные упражнения и как-то раз стали бороться. Паллада собиралась нанести удар, но Зевс, испугавшись, протянул перед нею щит; в благоговейном ужасе она подняла глаза к небу и тут же упала, пораженная Афиной. Сильно опечаленная этим, Афина сделала деревянное подобие ее, приложила к груди его щит, которого та испуга-

Полулежащий Геракл с чашей

Бронзовая статуэтка II в.

Спящая собачка

Бронзовая статуэтка II в.

лась, и стала чтить, поставив рядом с Зевсом. Позднее, когда Электра [14], подвергаясь насилию, прибегла к нему, Зевс забросил статую Паллады вместе с Атой в Троянскую землю, где Ил построил для нее храм и чтил ее. Вот то, что рассказывается о Палладии [15].

ПЕЛЕЙ И ФЕТИДА

III, 13, 5. Некоторые рассказывают, что Фетида, воспитанная Герой, не захотела быть наложницей Зевса, и разгневанный Зевс пожелал, чтобы она стала женой смертного. И вот Хирон посоветовал Пелею схватить ее и не выпускать, когда она станет изменять свой вид. Улучив удобный момент, Пелей схватывает ее; Фетида превращается то в воду, то в огонь, то в зверя, но он отпускает ее лишь тогда, когда видит, что она приняла свой первоначальный вид. Брак же заключает он на горе Пелионе. И боги, пируя там, отпраздновали брак. И дает Хирон Пелею копье из ясеня, Посейдон же коней Балия и Ксанфа, а кони эти были бессмертны [16].

КАДМЕЙСКАЯ ЛИСИЦА

II, 4, 6—7. Алкмена говорила, что станет женой Амфитриона, когда он отомстит за смерть ее братьев [17]. Амфитрион обещал ей это и, отправляясь в поход против телебоев [18], позвал с собой Креонта. А тот согласился участвовать в походе, если Амфитрион прежде избавит Кадмею от лисицы. Ибо много вреда причиняла зверь-лисица Кадмее, но никому не суждено было поймать ее. Беззащитные граждане каждый месяц клали ей одного из своих детей, а если бы они не делали этого, она похищала бы многих. Тогда Амфитрион пошел в Афины к Кефалу, сыну Деионея и, обещав ему часть своей добычи от телебоев, уговорил его взять на эту охоту собаку, которую Прокрида привезла с Крита от царя Миноса и которой дано было судьбой ловить все, за чем бы она не погналась. И вот, когда собака преследовала лисицу, Зевс обеих превратил в камни.

АТАЛАНТА

III, 9, 2. У Иаса и Климены, дочери Миния [19], родилась Аталанта. Отец, которому хотелось иметь сыновей, выбросил ее вон; но к выброшенной девочке стала ходить медведица и давала ей сосцы, пока охотники не нашли и не взяли ее себе на воспитание. Став взрослой, Аталанта соблюдала себя девой и все время охотилась, вооруженная, в пустынных местах. Кентавры Ройк и Гилай пытались совершить над ней насилие, но были поражены

ее стрелой и погибли. Вместе с другими героями она участвовала в охоте за калидонским кабаном, а во время игр, учрежденных в честь Пелея, она боролась с Пелеем и победила его. Потом Аталанта нашла своих родителей. Когда отец уговаривал ее вступить в брак, она удалилась туда, где происходят ристания и, вбив посредине кол высотой в три локтя, заставляла женихов бежать с этого места, а сама преследовала их с оружием в руках. Тому, кого Аталанта догонит, полагалась смерть, кого не догонит — брак. Многие уже погибли, когда на состязание пришел влюбленный в нее Меланион, принесший с собой золотые яблоки, полученные от Афродиты. Во время бега он кидал эти яблоки на земь, Аталанта же наклонялась, чтобы поднимать их и так потерпела поражение в беге. Таким образом Меланион женился на ней [20]. Рассказывают, что однажды, охотясь, они вошли в священную рощу Зевса и, предаваясь там утехам любви, были превращены в львов.

Однако Гесиод и некоторые другие называют Аталанту дочерью не Иаса, а Схойнея, Еврипид же считает, что она родилась от Менала и женился на ней не Меланион, а Гиппомен. От Меланиона или от Ареса Аталанта родила Парфенопея [21], который пошел войной против Фив.

ЖРЕБИЙ КРЕСФОНТА

II, 8, 4. Овладев Пелопоннесом, они [22] воздвигли три жертвенника Зевсу Отечественному, принесли на них жертву и стали распределять города по жребию. Первый удел был Аргос, второй — Лакедемон, третий — Мессена. Когда принесли кувшин с водой, решено было каждому бросить в него жребий. И вот Темен и дети Аристодема, Прокл и Еврисфен, бросили камни, а Кресфонт, хотевший получить Мессену, кинул ком земли. Ком рассыпался, и были вынуты только первые два жребия. Так как первый удел достался Темену, второй — детям Аристодема, то Мессену взял Кресфонт. На жертвенниках, где они приносили жертву, они нашли знамения. Те, кому выпал на долю Аргос, нашли жабу, те, кому достался Лакедемон — змею, а те, кем была получена Мессена,— лисицу [23]. Об этих знамениях прорицатели сказали, что получившим жабу лучше оставаться в городе, ведь в пути это животное бессильно. Имеющие змею, говорили они, будут при нападениях своих наводить ужас, а получившие лисицу будут хитры.

ПРОМЕТЕЙ

I, 7. Вылепив из воды и земли людей, Прометей тайно от Зевса дал им огонь, спрятав его в стволе тростника [24]. Когда Зевс узнал это, то велел Гефесту приковать его тело к горе Кав-

казу. Гора эта находится в Скифии. Долгие годы провел Прометей связанный и прикованный к этой горе, и каждый день к нему прилетал орел и клевал доли его печени, которая за ночь опять увеличивалась. И такую кару нес Прометей за похищение огня, пока, наконец, много времени спустя, Геракл не освободил его.

ОРЕСТ

VI, 23. Вернувшись в Микены вместе с Кассандрой, Агамемнон был убит Эгисфом и Клитемнестрой. Они подали ему хитон без рукавов и без ворота, и когда он пытался надеть его на себя, убийство было совершено. Эгисф воцарился над Микенами. Погубили они и Кассандру. Электра же, одна из дочерей Агамемнона, тайно уводит из дому своего брата Ореста и отдает на воспитание фокийцу Строфию, который стал воспитывать его вместе со своим собственным сыном Пиладом. Когда Орест вырос, он явился в Дельфы и вопросил, следует ли ему мстить убийцам своего отца. Получив позволение на это от бога, он тайно пошел в Микены вместе с Пиладом и умертвил там мать с Эгисфом. Охваченный после этого безумием и преследуемый Эринниями, пришел он в Афины и предстал пред судом Ареопага. Судили его, по мнению одних, Эриннии, по мнению других — Тиндарей, а как говорят третьи — Эригона, дочь Клитемнестры и Эгисфа. При голосовании голоса разделились поровну, и Ореста отпустили. Тогда он обратился к богу за советом, как ему исцелиться от болезни, и услыхал в ответ повеление принести от тавров деревянное изображение богини. Тавры — это племя скифов, которые убивают иноземцев и на посвященной богу земле бросают их в священный огонь, который был извержен из Аида вместе с каким-то камнем. И действительно, когда Орест и Пилад пришли к таврам, их заметили, схватили и в оковах привели к царю Фоанту. Царь обоих отослал к жрице. Но сестра Ореста [25], совершавшая священнодействия у тавров, узнала брата, и он, взяв деревянное изображение, бежал оттуда вместе с ней. Изображение это было доставлено в Афины и теперь называется Таврополой [26].

АНТОНИН ЛИБЕРАЛ

Антонин Либерал (II в.) известен как составитель небольшого сборника мифов о превращениях. Обилие ионизмов, поэтических выражений и слов, не засвидетельствованных в греческой литературе ранее Плутарха, заставляет думать, что Антонин Либерал жил не ранее II в. н. э. Предполагают, что он был вольноотпущенником императора Антонина Пия. Источниками Антонина Либерала служили главным образом «Превращения» Никандра (II в. до н. э.) и «Орнитогония» Боя, александрийское произведение, которым пользовался и Овидий в своих «Метаморфозах».

ПРЕВРАЩЕНИЯ

27. ИФИГЕНИЯ

У Елены, дочери Зевса, от Тесея родилась Ифигения, которую стала кормить сестра Елены Клитемнестра, уверившая Агамемнона, что она сама родила девочку: ведь Елена, на вопросы братьев, говорила, что вернулась от Тесея девственницей [1]. Когда безветрие задерживало в Авлиде ахейское войско, предсказатели объявили, что попутный ветер станет дуть тогда, когда Артемиде принесут в жертву Ифигению. По требованию ахейцев, Агамемнон обрек ее на заклание. Пока ее вели к алтарю, герои не решались смотреть на нее, все устремили свои взоры в разные стороны, и Артемида вместо Ифигении подставила молодого быка, ее же унесла далеко от Греции, к Эвксинскому морю, к сыну Борисфена, Фоанту [2]. Тамошнее племя она назвала таврами, так как вместо Ифигении привела к алтарю быка, самой же себе дала имя Таврополы [3]. Через несколько времени она перенесла Ифигению в Левку, к Ахиллу [4], превратила ее в вечное юное, бессмертное божество, имя Ифигении изменила на Орсилохию и сделала ее супругой Ахилла.

39. АРКЕОФОНТ

В Саламине [5], на Кипре, жил Аркеофонт, сын Миннирида. Не знатного происхождения были его родители, уроженцы Финикии, но денег и другого добра было у них вдоволь. Этот человек, увидав однажды дочь саламинского царя, Никокреонта, страстно влюбился в нее. От Тевкра, вместе с Агамемноном, взявшего Трою, вел Никокреонт свой род, вследствие чего Аркеофонт еще сильнее стремился к браку с его дочерью. Он обещал сделать ей более богатые брачные подарки, чем делали другие женихи, но Никокреонт не соглашался выдать дочь за Аркеофонта, так как презирал его род: ведь предки его были финикийцами. После неудачного сватовства любовь Аркеофонта стала еще более мучительной, он пошел ночью к дому Арсинои и подстерегал ее всю ночь вместе с товарищами. Но случай выполнить задуманное не представился, и поэтому он подослал кормилицу со множеством подарков разведать, не согласится ли девушка разделить с ним ложе втайне от родителей. Но девушка, услыхав слова кормилицы, все открыла родителям. Они велели отрезать у кормилицы язык до самого корня, нос и пальцы, без сострадания изуродовали ее и выгнали из дому. Справедливо воздала им богиня за такой поступок. Аркеофонт, не вынося страданий, потеряв надежду на брак, уморил себя голодом. Сограждане горевали, оплакивая его смерть. На третий день родственники вынесли труп Аркеофонта, чтобы отдать ему последний долг. Гордой Арсиное вздумалось посмотреть, как сжигают тело Аркеофонта, и она из дому стала любоваться на зрелище. Но ее ноги приросли к земле — в гневе на ее бессердечие Афродита превратила ее из человека в камень.

ПАЛЕФАТ

Палефату приписывается сборник «О невероятном», содержащий объяснения различных мифов. Свида называет Палефата афинским или египетским грамматиком и считает его также автором сочинений о Трое и о Симониде, но добавляет, что по другим источникам сборник «О невероятном», написан Палефатом с острова Пароса.

Сборник Палефата интересен своим рационалистическим подходом к народным поверьям и мифам. Автор не верит в сверхъестественные явления мифической древности, которые не повторяются в современную ему эпоху. Путем наблюдений над обычаями и привычками обыденной жизни Палефат находит примитивно-логическое объяснение мифическим сказаниям.

Решить вопрос о времени жизни Палефата очень трудно: ни содержание сборника, ни стиль его не помогают нам в этом. Рационалистический подход к мифологии не представлял собой ничего необычного уже в IV в. до н. э., когда философ Эвгемер писал, что боги — это обожествленные предки. Подобный же рационализм не чужд был и школе Аристотеля.

Сборник «О невероятном» пользовался в Греции большой популярностью, вплоть до византийской эпохи. Читали его еще в XVIII в.

О НЕВЕРОЯТНОМ

3 (6) ДРАКОНОВЫ ЗУБЫ

В одном старинном сказании говорится, будто Кадм, убив змею, взял ее зубы и посеял их в своей земле; из них затем произросли вооруженные люди. Если бы это была правда, то никто из людей не стал бы сеять ничего другого, кроме змеиных зубов, и тогда, пусть хотя бы в одной лишь той стране, где это только что произошло, человек непременно бы продолжал появляться на свет путем такого сеяния.

На самом же деле было вот что. Кадм, родом финикиец, пришел в Фивы, чтобы поспорить о царстве с братом Фениксом. В Фивах царствовал тогда Дракон, сын Ареса, у которого среди множества царских сокровищ были даже и слоновые клыки. Кадм убил его и сам стал царем, но друзья Дракона начали войну с ним, и дети его восстали против Кадма. И вот друзья Дракона, потерпев поражение в битве, похитили богатства Кадма вместе с зубами слонов, лежавшими в святилище, и, спасаясь бегством, отправились на родину. По разным местам разбрелись они; одни прибыли в Аттику, другие в Пелопоннес, Фокиду и Локриду. Выступая оттуда они делали набеги на фиванцев и были опасными противниками, так как знали язык и местность. Из-за того, что они убежали, захватив зубы, граждане говорили так: «Столько зла причинил нам Кадм, убив Дракона, ведь из-за его зубов много славных людей теперь рассеяно и сражается против нас». Про это истинное событие была сочинена сказка.

8 (9). НИОБА

Говорят, будто Ниоба, живая женщина, превратилась в камень на могиле своих детей. Но наивен, кто верит, что человек превращается в камень или камень в человека. На самом деле было так. После смерти детей кто-то сделал каменную статую Ниобы и поставил ее над могилой [детей]. И вот проходящие мимо говорили: «Каменная Ниоба стоит над могилой, мы ее видели». Как и теперь мы говорим: «я сидел около медного Геракла», или «находясь у паросского [1] Гермеса». Так было и в том случае, но сама Ниоба не стала каменной.

5 (8). ТЕВМЕССКАЯ ЛИСА

Про тевмесскую лису [2] рассказывают, что она похищала кадмейцев и пожирала их. Это нелепость. Ведь и вообще нет на суше животного, которое может схватить и нести человека, лиса же зверь маленький и слабый. А происходило что-нибудь в таком роде. Лисом прозывался знатный фиванец, и имя его говорило о хитрости. Он был сообразительнее всех людей. В страхе, как бы этот человек не замыслил чего-нибудь против него, царь выгнал его из города. Собрав большое войско и наемников, Лис занял холм, называемый Тевмесским, и, спускаясь оттуда, грабил фиванцев. А люди говорили: «Лис опустошает нас и возвращается к себе». Но пришел с большим войском человек по имени Кефал, родом афинянин, защитник фиванцев. Он убил Лиса и войско его прогнал с Тевмесского холма. После этих событий и появился тот рассказ.

13 (14). АТАЛАНТА

Про Аталанту и Меланиона рассказывают [3], что она стала львицей, а он львом. Дело же было так. Аталанта и Меланион были на охоте. Меланион уговаривал девушку отдаться ему. Для этого они вошли в какую-то пещеру. А там внутри находилось логовище льва и львицы. Услыхав голоса, они встали, набросились на Аталанту со спутником и растерзали их. Спустя какое-то время лев и львица вышли из пещеры. Увидев их, люди, охотившиеся вместе с Меланионом, решили, что это он с Аталантой превратился в этих животных. И вот, придя в город, они разгласили молву о превращении Аталанты и Меланиона в львов.

26 (27). ПОЛИИД

Очень смехотворна и сказка о том, будто Главк погиб в кадке с медом, а Минос зарыл с ним в могилу Полиида, сына Койрана (из Аргоса), который, увидав, как живая змея приложила к мертвой змее траву и воскресила ее, сделал то же самое с Главком и воскресил его. Не только умершего человека или змею воскресить невозможно, но и вообще какое-либо животное. Произошло же приблизительно следующее: у Главка от меда расстроился живот; когда у него разлилась желчь и он лишился сознания, приехали в надежде заработать деньги врачи; с ними приехал и Полиид. Когда мальчик уже испускал дух, Полиид увидал какую-то целебную траву, о которой знал от одного врача по имени Дракон, и, воспользовавшись этим растением, вернул здоровье Главку. И вот люди стали говорить: «Главка, который отравился медом, Полиид спас от смерти травой, о которой он узнал от Дракона». Сказители на основании этого создали сказку.

27 (28). ГЛАВК

Рассказывают, что тот же самый Главк, поев когда-то травы, стал бессмертным и теперь живет в море. Очень нелепо считать, что только Главк нашел такую траву и что в море живет человек или какое-либо другое наземное животное, когда даже ни одно речное животное не может жить в море, ни морское в реке. Итак, этот рассказ невероятен. На самом же деле было так. Главк, родом анфедонец [5], был рыбаком. Он умел нырять и этим отличался от остальных. Нырял он в гавани, на виду у жителей города, и, приплыв под водой к определенному месту, проводил там довольно много дней не замечаемый своими, затем снова нырял и вылезал на виду у всех. Когда его спрашивали: «Где ты провел столько дней?», он отвечал: «В море». А благодаря

тому, что у него рыбы содержались в бассейне зимой, когда никто из рыбаков не мог поймать рыбы, он спрашивал граждан, какие виды рыб им хотелось бы получить, и доставлял все, что им было угодно. Главка прозвали морским, как и теперь назвали бы горным человека, живущего в горах и искусного в охоте. Так и Главк, проводивший бóльшую часть жизни в море, был прозван Главком морским. И погиб он, наткнувшись на морского зверя. Люди же, видя, что он не выходит из воды, выдумали, будто остальную часть жизни он проводит, живя в море.

АРТЕМИДОР

Знаменитый снотолкователь и гадатель II в. н. э., Артемидор из Эфеса, имел отношение к культу Аполлона в городе Далдии в Ликии и поэтому получил прозвище Далдианца. По свидетельству Свиды, им были написаны три произведения: о гадании по птицам, о хиромантии и о толковании снов.

До нас дошел только его сонник, представляющий собой усердную компиляцию недошедших до нас авторов. Хотя само по себе толкование снов никакой научной ценности не имеет, труд Артемидора безусловно интересен. В нем, с одной стороны, отразились некоторые обычаи и представления эпохи, а с другой — взгляды средней Стои.

Исследователи усматривают в сочинении Артемидора сильное влияние Посидония — стоика I в. до н. э., однако приписывают это не непосредственному знакомству с работами Посидония, а распространенности учения этого стоика среди профессиональных прорицателей. Прямым источником Артемидора признают Гермиппа из Берита (совр. Бейрута), который писал об астрологии во времена Траяна и Адриана. Действительно, у Артемидора встречается много слов, малоупотребительных в литературном языке, но ходовых у астрологов.

Из пяти книг, входящих в сонник, первые три посвящены Кассию Максиму, в котором некоторые видят неоплатоника II в. н. э. Максима Тирского. В этих книгах излагается общая теория снов, принципы их толкования, объясняются причины, их вызывающие, и дается классификация снов. В IV книге, защищаясь от хулителей, Артемидор вновь останавливается на многих положениях первых трех книг. В V книге приводится описание большого количества сбывшихся снов.

ТОЛКОВАНИЕ СНОВ

Книга I

Как большой любитель такого рода вещей, я приобрел все виды сонников, какие только существуют, а кроме того, не прислушиваясь к клевете, я много лет общался с рыночными гадателями, которых люди с серьезными лицами и насупленными бровями [1] обзывают колдунами, ворами, шарлатанами; также в городах и на празднествах в Греции, Азии, Италии и на самых больших и густо населенных островах побывал я для того, чтобы послушать про старинные сны и про то, как они сбываются...

1. Отличие сна от сновидения в том, что последнее указывает на будущее, а первый на настоящее. Разъясню тебе это так. Некоторые ощущения обладают свойством возвращаться в душу, снова пребывать в ней и вызывать явления во сне. Влюбленный, например, обязательно увидит во сне своих любимцев, напуганный — причину своего испуга, голодный увидит себя за едой, жаждущему приснится, что он пьет, пресытившемуся, что у него рвота и удушье. В этих видениях, за которыми кроются ощущения, содержится не предсказание будущего, а переживание настоящего [2].

2. Сновидение же — это волнение души, или создание в ней различных образов, знаменующих будущие блага или беды. Особыми сравнениями с чем-то природным, получающими свои названия в соответствии с основными началами [3], душа предсказывает все то, что произойдет спустя долгое или короткое время, полагая, что мы тем временем можем путем рассуждения разгадать то, что нас ожидает...

Некоторые разделяют иносказательные сновидения еще на 5 видов.

Личными я называю те сновидения, во время которых человеку кажется, что он сам действует или испытывает что-либо, и в результате с самим сновидцем происходит хорошее или плохое. Чужими же я называю те сновидения, при которых снится, что действует или претерпевает что-либо другой человек, и они предвещают хорошее или плохое только для приснившегося, если, конечно, это лицо в какой-то мере знакомо сновидцу. Родственные, как указывает само название,— это те сновидения, во время которых является кто-либо из родных. Если снятся стены, площади, гавани, гимнасии, и все то, что установлено для обслуживания города, то эти сновидения называются государственными. Исчезновение солнца, луны, звезд, окончательное уничтожение земли и моря предвещают космические разрушения и беды, и такие сновидения обычно называются космическими.

3. Люди опытные говорят, что благоприятными следует считать сны, при которых видение соответствует естественному порядку вещей, закону, обычаю, занятию, названию и времени. Надо помнить, что для сновидца явления, соответствующие природе, важнее тех, которые противоречат ей, если только последние сами по себе не приносят пользы.

4. Одни сновидения предсказывают многое через многое, другие — малое через малое, третьи — многое через малое, четвертые — малое через многое.

Кто-то увидал во сне, как он, поднявшись сам собой, летит по воздуху к заданной цели, к которой он раньше стремился попасть, затем, достигнув ее, видит, что имеет крылья и улетает вместе с птицами, после чего возвращается к себе домой. Сбылось все это так: он переселился из своего жилища, о чем предсказывал полет; дела, которым он отдал много сил, были доведены им до конца, как это вытекало из того, что во сне он долетел до цели. Приобретя достаточное состояние (мы ведь говорим, что у богатых имеются крылья) и побывав на чужбине (ведь птицы не одного с ним рода), он вернулся на родину.

А вот пример предсказания малого через малое. Человеку приснилось, что у него золотые глаза,— и он потерял зрение, потому что золото не входит в состав глаз.

Вот пример указания на многое через малое. Одному человеку приснилось, что уничтожено его собственное имя; и случилось, что он потерял как сына (не потому только, что это самая большая ценность, но и потому, что ребенок носил имя отца), так и все имущество, когда какие-то лица возвели на него обвинение, и он был уличен в государственном преступлении. В изгнании, опозоренный, он лишил себя жизни, повесившись, так что после смерти не оставил по себе даже имени: ведь только имена таких покойников не произносятся родственниками во время обедов в честь мертвых. Таким образом, всякому, конечно, ясно, что все предвещалось одним явлением, поскольку имело один и тот же смысл.

А вот как предсказывается малое через многое. Одному лицу приснилось, что Харон играет с каким-то человеком в камешки, а сновидец сочувствует этому человеку, и поэтому, проиграв, Харон в гневе преследует его, но сновидец пускается бежать от него и, примчавшись к гостинице под названием «Верблюд», вбегает в комнату и запирает двери. После этого демон уходит прочь, а у него самого на одном из бедер вырастает трава. Свершение всего этого было одно: дом, в котором он жил, обрушился, и упавшие на него балки повредили ему бедро. Итак, Харон, играющий в камешки, предвещал, что сновидцу будет угрожать смерть. Избавление от смерти было предсказано тем, что Харон не смог догнать его. Погоня во сне указывала на то опасное со-

стояние, в котором будут находиться обе ноги сновидца. Гостиница «Верблюд» знаменовала собой перелом бедра, так как животное верблюд сгибает бедро посередине и высокие ноги выглядят как сломанные. Слово «верблюд» в сущности то же самое, что и «бедро», как говорит Эвен [4] в любовных песнях к Эвному. А на то, что бедро навсегда останется неподвижным, указывала трава, потому что она любит расти на пустующих землях. Если ты хорошо разбираешься в этом, то для всех случаев можешь найти такого рода последовательность.

6. Нужно помнить, что у людей, озабоченных чем-то и моливших бога о сновидении, явления не бывают сходны с их думами, так как подобия мыслей незаметны и похожи на мечту, о чем уже сказано раньше; причину их видят в страхе и в усиленной мольбе перед кем-нибудь. Сны же, предвещающие беды или удачи тем, кто совсем об этом не думает, называются богопосланными. Впрочем, я не стану здесь, как Аристотель [5], останавливаться в недоумении перед вопросом, находится ли вне нас, у бога, причина сновидений, или внутри нас заключено нечто, что настраивает нашу душу и производит сродное с ее природой, но, как принято в быту, мы просто будем называть богопосланным все неожиданное.

7. Когда причина сна не ясна, надо принимать во внимание ночью ли, днем ли было видение, поскольку для предсказывания одинаковы ночь и день, вечер и послеобеденное время, если человек спит после умеренной еды, тогда как чрезмерная пища не позволяет видеть истину до самой зари [6].

8. Обычаи, общие для всех, во многом отличаются от частных обычаев. Если их не изучить, то они будут вводить в заблуждение. Итак, общие всем обычаи таковы: все боятся богов и чтут их — ведь нет народа, не имеющего своего бога, так же как нет народа без царя; разные народы почитают разных богов, но отношение к божеству у всех одно и то же; все кормят детей, уступают женщинам, бодрствуют днем, спят ночью, принимают пищу, отдыхают, когда устанут, живут в домах, а не под открытым небом. Таковы общие обычаи, частные же мы называем также народными. Сюда относятся, например, обыкновение выжигать знаки на теле благородных детей во Фракии [7] и на теле рабов у гетов. Последние живут на севере, первые — южнее их. Моссины [8], на берегу Черного моря, имеют общих жен и соединяются с ними как собаки, что у других народов считается позором. Все люди едят рыбу, кроме сирийцев, поклоняющихся Астарте [9]. Перед зверями и всякими ядовитыми животными благоговеют только египтяне, которые чтут их как образы богов, но, конечно, не все чтут одних и тех же. Узнал я и в Италии про один древний обычай: там не истребляют сов и прикосновение к ним считается нечестием.

9. Было бы полезно, да и не только полезно, а прямо необходимо для сновидца и для того, кого он вопрошает, чтобы этот последний знал, что собой представляет человек, видевший сон, чем он занимается, как он родился, как он выглядит, сколько ему лет, каково его имущество. И сам сон надо тщательно исследовать: ведь в дальнейшем мы увидим, что от небольшого прибавления или убавления изменяется исход сна.

13. Если кому-нибудь приснится, что его рождает какая-то женщина, то следует рассуждать следующим образом: для бедняка это хорошо, так как его будут питать и окружат заботой, как ребенка,— впрочем, если только он не ремесленник, которому такой сон предвещает отсутствие работы, поскольку младенцы ничего не делают, и руки у них связаны. Богачу же в этом сновидении указывается, что он не властен в своем доме, но подчиняется тем, кому не хочет; детям ведь приказывают, не спрашивая их мнения.

17. Видеть во сне, что у тебя большая голова, хорошо для человека богатого, который еще не занимал государственных должностей, для бедняка, для атлета, для ростовщика, для менялы, для эранарха [10]. Одному это предвещает высокое положение, при котором он не останется без почетного венка, другому — благополучие и прибыль, потому что ведь и на монетах изображаются головы [11]. Атлету это понятным образом обещает победу, потому что у него от этого голова становится больше [12], а ростовщику, меняле и эранарху сулит большое накопление денег. Напротив, для богатого человека, который уже побывал на общественных должностях, для ритора, для демагога этот сон предвещает обиды и оскорбления от черни, для больного — головные боли, для воина — тяжелые труды, для раба — нескорое освобождение, а для человека, привыкшего к безмятежной жизни,— беспокойства и обиды. Однако если голова во сне будет меньше, чем на самом деле, то значение сна для каждого случая будет противоположным вышесказанному.

35. Иметь две или три головы хорошо для атлета: это значит, что именно столько раз он будет увенчан в состязаниях. Хорошо это и для бедняка: это обещает нажить много денег, скопить состояние, иметь хороших детей и жену по нраву. Напротив, для богача это означает ссору с какими-то родственниками, и если передняя голова крупнее, то враги его не одолеют если же задняя крупнее, то это — опасность и смерть.

22. Видеть во сне, что у тебя вся голова выстрижена, хорошо для жрецов египетских богов, для шутов и для всех, кто и наяву обычно обривается; для остальных людей это плохо... Мореплавателю это предвещает заведомое кораблекрушение, больным — крайнюю опасность, однако же не смерть: дело в том, что волосы себе обычно остригают те, кто спасся от кораблекрушения или

от тяжелой болезни, но никак не покойники. Когда тебя стрижет цирюльник, это для всех одинаково хорошо, потому что слова κείρειν (стричься) и χαίρειν (радоваться) различаются только одной буквой; кроме того, в опасности и в несчастии к цирюльнику никто не пойдет, а пойдет лишь тот, кто больше всего заботится о пристойности и вкусе, то есть тот, кто живет без нужды и без печали. Об участии цирюльника я упоминаю особо, ибо если кто во сне сам себя стрижет, не будучи цирюльником, это означает горе для близких или какое-нибудь внезапное несчастье, чреватое большими бедствиями: ведь обычно остригаются именно те, кого постигают подобные неприятности.

Видеть во сне, что у тебя острижены ногти, для должника означает сокращение процентов, а для всех остальных — ущерб и убыток, особенно когда стрижет ногти чужой человек: ведь и в разговоре мы говорим о человеке обманутом и обобранном: «Ему подрезали когти».

24. Иметь много ушей хорошо для того, кто хочет завести жену, ребенка, раба,— тех, кто будет его слушаться. Для богача это предвещает новости — приятные, если уши правильной формы, неприятные — если неправильной и несоразмерной. Дурным будет этот сон для раба и для тяжущегося в суде, будь то истец или ответчик: для раба это значит, что ему еще долго придется слушаться хозяина, а для тяжущегося, если он истец, то быть ему ответчиком, если же он ответчик, то иметь ему дело с новыми и новыми обвинениями: таким образом сон дает ему понять, что он еще всякого наслышится. Напротив, для ремесленника этот сон к добру: ему предстоит услышать много заказов. А видеть во сне, что ты и собственных ушей лишился, означает для каждого случая противоположное вышесказанному.

Чистить уши от грязи и серы предвещает услышать добрые новости; а когда тебя дерут за уши, то новости будут дурные.

Видеть во сне, будто в уши ползут муравьи, хорошо для одних лишь учителей, потому что муравьи похожи на детей, которые идут учиться. Остальным этот сон предрекает смерть, ведь муравьи — дети земли и спускаются в землю. Я знаю человека, которому приснилось, что у него из ушей выросли колосья пшеницы, и он подставляет руки, чтобы в них сыпалась пшеница. После этого ему пришло известие, что брат скончался и оставил его наследником. На наследство указывали колосья, на брата — уши, потому что ухо уху брат.

Увидеть во сне ослиные уши хорошо одним только философам, потому что осел не спеша поворачивает уши; остальным же это предвещает рабство и несчастье.

Иметь уши льва, волка, барса или другого какого хищника означает нападки клеветников; соответственно следует судить и о сходстве с другими животными.

Уши в глазах — предзнаменование глухоты, при которой слух будет восполняться зрением. Глаза в ушах — предзнаменование слепоты, при которой зрение будет восполняться слухом.

25. Видеть во сне густые и красивые брови всем хорошо, особенно женщинам, которые для красоты мажут их черной краской. Такие брови предвещают удовольствие и благоденствие, выщипанные же — не только бездеятельность и неприятность, но и скорбь в будущем, так как по древнему обычаю брови выщипывают от горя.

27. Иметь красивый и хорошей формы нос всем предвещает благо, так как означает большую чувствительность, обдуманность поступков, общение с благородными. Ведь люди, впитывающие в себя воздух носом, чувствуют себя потом лучше. Отсутствие носа всем предвещает тупоумие, вражду с начальством, больному же — смерть, так как череп мертвеца не имеет носа. Два носа знаменуют возмущение против старших родственников: на возмущение указывает все двойное, противоречащее природе, на родственников — нос, поскольку он нам не чужой.

51. Что касается обучения работам, ремеслам и искусствам, то в общем и обо всех случаях здесь можно сказать вот что. Если человек чему-то учился, усвоил это, занимается этим и наловчился в этом, то видеть те же занятия во сне ему хорошо, особенно когда они удачны: это означает, что человек доведет свое дело до благополучного и желанного конца. Если же эти занятия во сне неудачны, то это плохо, и означает противоположное желаемому. Когда же человек занимается во сне тем, чему не учился и чем не занимался, то это при удачной и легкой работе предвещает хорошее, при тяжелой и трудной — дурное, а при неудаче сулит пустую трату сил, да еще посмеяние. В частных же случаях здесь следует рассуждать следующим образом.

Заниматься земледелием, сеять, сажать, пахать хорошо для тех, кто хочет вступить в брак, и для бездетных: пашня есть не что иное, как жена, а семена и ростки — дети, причем пшеница — это сыновья, ячмень — дочери, а бобы — выкидыши; а для всех остальных этот сон означает труды и несчастья. Если в доме кто-нибудь болен, он умрет, потому что семена и ростки лежат скрыты под землей, как покойники. Видеть во сне жатву и сбор винограда не в пору означает, что все дела и предприятия следует отложить до соответственной поры.

Править кораблем, если отчалить и причалить удалось безопасно, будет хорошо для каждого; впрочем, исход будет сопряжен с трудом и страхом. Если же во сне застигнет буря или кораблекрушение, то по моим тщательным наблюдениям это сулит высшую степень несчастья.

Шорное и плотничье дело своим порядком и мерой сулят добро всем, кто ведет правильную упорядоченную жизнь, а сво-

ими швами и соединениями — всем, кто ищет брака или хорошего общества. Напротив, кожевенное дело для всех означает дурное, потому что кожевник всегда возится с мертвыми тушами и живет вне города, а также потому, что запах выдает все его тайны; для врачей это самый несносный сон.

Ювелирное дело означает обман, оттого что золотые изделия бывают дутыми, а ожерелья витыми и плетеными. Ремесло скульптора, живописца, литейщика, чеканщика хорошо для блудодеев, для риторов, для подделывателей завещаний и для всех вообще, кто промышляет обманом, выдавая несуществующее за существующее. Для всех остальных это обещает новости и многолюдство, потому что такие изделия бывают у всех на виду.

52. Быть кузнецом и поддувальщиком означает тревоги и огорчения; кто хочет жениться, тому этот сон сулит жену добродушную (ибо меха дуют в лад), но болтливую (ибо молот громко стучит). По этим образцам следует судить и об остальных ремеслах, все время учитывая свойства дела и свойства того, кому оно снится...

54. Если раб увидит, что он исполняет службу эфеба [13], то получит свободу, так как по закону к этому допускаются только свободные. Любому ремесленнику и ритору это предвещает бездеятельность и отдых на год, потому что у эфеба правая рука закутана в хламиду, и он целый год не освобождает ее, не делает ею ничего и не размахивает ею во время речи. Год — это срок эфебии; если же в некоторых местах служба эфеба длится три года, то там надо сообразовываться с местным обычаем. Этот сон не позволяет отлучаться из дома и находящихся на чужбине возвращает на родину, так как эфеб должен оставаться дома. А неженатому он предвещает женитьбу: как хламида надевается по закону, так и жена вступает в брак по закону. Если снится белая хламида, то сновидец женится на свободной, если черная — то на невольнице, если пурпурная — то он возьмет в жены более благородную, чем он сам, и ни в коем случае не рабыню. Если сновидение явится человеку, мечтающему о ребенке или уже имеющему сына, то службу эфеба станет нести не он сам, а его сын. Престарелому старцу этот сон предвещает смерть; разоблачает он также преступников. Поступающим же справедливо приносит пользу, так как служба эфеба — это почти норма правильной и здоровой жизни. Атлету до жеребьевки этот сон предвещает дурное: ему дадут отвод как неподходящему по возрасту, потому что срок эфебии недолог, а потом эфеб становится взрослым человеком. Также и борцу этот сон предвещает не попасть на состязания, а попав, не участвовать в них, потому что эфебы служат вдалеке от своего города.

61. Увидеть себя кулачным бойцом всякому плохо, так как это предсказание позора и убытков. Ведь лицо делается безобраз-

ным, и проливается кровь, на которую смотрят как на деньги. Хорош такой сон только для тех, кто по своей работе имеет дело с кровью, т. е. для врачей, жрецов, поваров.

77. Счастье приносит венок, сплетенный из цветов, которые цветут в то время года, когда снится этот сон. Если цветы не соответствуют данному времени, то это предвещает беду. Для ясности надо говорить о каждом цветке в отдельности, и поэтому я начну так. Венки из нарциссов в любое время приносят несчастье [14], особенно тем, кто находит свой заработок в воде или благодаря воде и собирается в плаванье. Венки из фиалок хорошо видеть во время их цветения, в другое же время они означают нужду. Белые фиалки указывают на явные и очевидные трудности, тогда как при желтом цвете неудобства менее значительны. Венки из пурпурных фиалок — знамение смерти, ведь пурпурный цвет [15] как-то связан со смертью.

Книга III

25. Писать справа налево предвещает обман и сулит кого-то одурачить и обездолить плутовством и хитростью; часто также означает блуд и рождение незаконных детей. Впрочем, я знаю человека, который после такого сна стал поэтом и начал сочинять потешные песенки.

28. Мышь означает слугу, потому что она живет, где мы живем, ест, что мы едим, и вдобавок труслива. Хорошо видеть во сне много мышей, которые резвятся и веселятся: это обещает большую радость и умножение хозяйства...

29. Грязь означает болезнь и поношение: болезнь — оттого, что это не чистая вода и не чистая земля, а смесь их, понятным образом предвещающая нарушение состава тела, то есть болезнь; поношение же — оттого, что грязь пачкает. Означает грязь также развратника, оттого что она мягкая и липкая. Хорош этот сон лишь для тех, кто всегда имеет дело с грязью.

35. Цепь на шее по существу своему означает жену, а также — сплетение обстоятельств не радостных и не веселых: сплетение, потому что цепь состоит из множества звеньев, не радостных — потому что кто в нее закован, весел не бывает. Означает это понятным образом также помехи и препятствия в делах.

44. Письмо увидеть и прочитать во сне означает, что исполнится все, что в нем написано; а если и нет, то все равно это к добру, потому что в каждом письме пишется «здравствуй» и «будь здоров».

49. Цикады означают вообще тех, кто занимается музыкой, сообразно тому, что о них рассказывают; в делах — людей, ко-

торые умеют только болтать, а дела не делают; в опасностях — людей, которые только грозятся, а повредить бессильны, потому что у цикад нет ничего кроме голоса.

66. Часы означают дела, предприятия, движения и замыслы, потому что все это люди делают, сверяясь с часами. Поэтому когда часы падают и разбиваются, это дурно и погибельно, особенно тем, кто болен. Час до полудня всегда лучше, чем час после полудня.

Книга IV

1. Сновидения бывают либо иносказательными, либо ясными. Ясные сбываются в точности, иносказательные на свое значение намекают загадками. Когда возникает сомнение в том, осуществится ли увиденное, или произойдет что-либо другое, ты можешь прибегнуть к рассуждению. Ясные сновидения, во-первых, сбываются тут же, тогда как иносказательные обязательно через какой-то срок. Нелепо было бы, во-вторых, считать буквально сбывающимися сновидения о чудесном, о том, что никогда не случается с человеком наяву: например, если кто-нибудь видит себя или богом, или с рогами, или что он летит, или что он спустился в Аид. Если же человек видит, что его укусила собака, что он встретил друга, что он обедает у себя, пьет, берет в залог, теряет какую-нибудь вещь, спешит куда-то или находит беглого раба, то это и тому подобное сновидение может как сбыться в точности, так и оказаться иносказательным.

49. Всякое превращение во что-то лучшее приносит счастье богатым, это относится и к тому случаю, когда снится превращение в бога; но явление не должно таить в себе никакого недостатка. Так, например, один человек увидел себя в виде Гелиоса, который проходит по площади, имея одиннадцать лучей; назначенный стратегом своего города [16], этот человек пользовался своей властью одиннадцать месяцев и умер, потому что число лучей было неполным.

Для исхода снов большое значение имеют и сами по себе места, которые предстают в видениях. Кому-то, например, приснилось, что он распят на кресте, и увидеть себя распятым на кресте служит предзнаменованием славы и благополучия. Славы — потому что висящий на кресте находится выше всех, благополучия — потому что он питает собой многих хищных птиц. Менандр в Элладе увидал себя во сне распятым перед храмом Зевса — Покровителя града. Став жрецом этого самого бога, он пользовался большим почетом и благоденствовал.

Книга V

14. Одному человеку приснилось, что он видит на луне собственное лицо. Этот человек поехал в дальнее путешествие и провел почти весь свой век в скитаниях по чужим странам: так сказалось на нем вечное изменение лунного лика.

19. Одному человеку приснилось, что он всходит на небо вместе с солнцем и идет по нему вместе с месяцем. Этот человек был повешен, так что и солнце и месяц видели его висящим между небом и землей.

29. Одному человеку приснилось, что за ним гонится одна хорошо ему знакомая женщина и хочет набросить на него плащ, а у плаща посредине разошелся шов; и наконец, против своей воли он уступил ей. Эта женщина влюбилась в этого человека, против его воли вышла за него, но через несколько лет разошлась с ним, потому что плащ был с распоротым швом.

42. Одному человеку, у которого было три сына, приснилось, что двое старших зарезали его и поедают, а младший стоит в стороне, корит их и говорит с горечью и отвращением: «Нет, я не буду есть отца!» И случилось так, что у этого человека младший сын умер: ему одному не суждено было получить отцовского мяса, то есть наследства, так как он умер раньше отца и не участвовал в дележе, а наследниками стали двое старших, которые поедали отца.

48. Борец, который собирался выступить в Олимпии в борьбе и в пятиборье, увидел во сне, будто обе его руки стали золотыми; и он не одержал ни одной победы, потому что руки его были беспомощны и неподвижны, как золото.

83. Один человек увидел во сне, будто он макает хлеб в мед и ест; он занялся философией, преуспел в ней и нажил много денег. Нетрудно понять, что мед здесь означал сладость философии, а хлеб — прибыль от нее.

РИМСКИЕ ИСТОРИКИ И ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ

СВЕТОНИЙ

Светоний вошел в историю литературы как классик биографического жанра. Но его собственная биография известна очень мало. Из скупых намеков в его сочинениях видно, что он принадлежал к всадническому сословию и был подростком в правление Домициана, иначе говоря, родился в начале 70-х гг. н. э. В правление Траяна он уже обладает некоторой известностью как ученый. Плиний Младший называет его своим другом, торопит его с изданием первого произведения, устраивает для него покупку маленькой усадьбы, хлопочет при дворе о юридической привилегии («право трех детей») для самого Светония и о военном чине для его родственника. По-видимому, у Плиния познакомился Светоний с политическим деятелем Септицием Клором, которому он впоследствии посвятил свои «Жизнеописания двенадцати цезарей» (это посвящение не сохранилось). Около 119 г., уже при императоре Адриане, Септиций Клар становится префектом претория, а Светоний получает должность императорского секретаря «по переписке»: в его канцелярию сходятся донесения и отчеты со всех провинций империи. Занимая этот высокий придворный пост, Светоний имел доступ к государственным архивам и пользовался ими в своих исторических работах. Однако уже в 122 г., в результате какой-то неясной придворной интриги, Септиций Клар уходит в отставку, а вслед за ним и Светоний. После этого о его жизни мы ничего не знаем. Судя по количеству написанного им, он дожил до старости и умер около 140 г. н. э.

Светонию принадлежали четыре больших труда: «Жизнеописания двенадцати цезарей» (биографии императоров от Цезаря до Домициана), «О знаменитых людях» (краткие биографии римских поэтов, ораторов, историков, философов и грамматиков с риторами), «Рим» (по-видимому, нечто вроде энциклопедии римских древностей) и «Луга» (сочинение смешанного содержания, касавшееся, в частности, естественноисторических тем). Кроме того, известны заглавия мелких его сочинений, но трудно сказать, какие из них были изданы отдельно, а какие входили составными частями в «Рим» и «Луга». Среди них — «О греческих развлечениях», «О критических знаках в книгах», «О телесных недостатках», «О сочинении Цицерона „О государстве“», «О видах и названиях верхнего и нижнего платья и всякой одежды», «Об общественных должностях», «О знаменитых гетерах», О бранных словах, или ругательствах, и о происхождении каждого»,

«О римском годе» и, наконец, «Разное». По-видимому, часть этих сочинений была написана на греческом языке.

Из этой пестрой массы трактатов сохранились только «Жизнеописания цезарей» и, в незначительной части, «О знаменитых людях». Этого недостаточно, чтобы представить содержание работ Светония, но достаточно, чтобы понять его метод.

Светоний — фактограф. История для него — ряд отдельных случаев, мир — совокупность отдельных достопримечательностей. Задача ученого — собрать как можно больше интересных фактов и тщательно расклассифицировать их. И в том и в другом Светоний достигает большого искусства. Он привлекает ценные, трудно доступные материалы, любит ссылаться на источники, с антикварским любопытством предпочитает частности целому, старину современности. Он располагает содержание своих биографий по строгому плану, выработанному еще в греческой литературе. Его язык — правильный, краткий и точный. Но в отношении к источникам он неразборчив и некритичен, а его планы схематичны и абстрактны. Он не делает даже попытки к обобщению, к практическим выводам: не задумывается над историческими закономерностями, как Тацит, не извлекает из истории нравственных уроков, как Плутарх. Это и понятно: если история — не более, как цепь случайностей, зависящих от личных качеств того или иного императора, то изучение прошлого не поможет разобраться в событиях настоящего. Работа Светония чужда политических тенденций: он не осуждает и не превозносит современность, он ею просто не интересуется. «Scholasticus», «кабинетный ученый»,— называет его Плиний. Это новый тип в римской историографии, и его появление свидетельствует о начинающемся упадке античной культуры.

При всем этом собранный Светонием материал представляет огромную ценность для историка. В частности, почти все то немногое, что мы знаем о жизни римских писателей, так или иначе восходит к сочинению Светония «О знаменитых людях». От этого сочинения сохранился, во-первых, большой отрывок, посвященный грамматикам и риторам; во-вторых, сухие выписки дат рождений и смертей, сделанные в IV в. Иеронимом для его «Хроники»; и в-третьих, жизнеописания поэтов Теренция, Вергилия, Горация, Персия и Лукана, переработанные позднейшими римскими комментаторами для вступительных заметок к сочинениям этих поэтов. Переработка коснулась их в различной степени: по-видимому, в биографии Теренция светониевский текст почти не изменен; биография Горация подверглась сильному сокращению; биография Вергилия, напротив, обросла дополнениями и вставками; биография же Персия, может быть, и вовсе не принадлежит Светонию. Не следует преувеличивать достоверность этих жизнеописаний: здесь многое — результат комментаторских домыслов, аллегорических толкований, хронологических подстановок. Все же для нас они незаменимы.

О ЗНАМЕНИТЫХ ЛЮДЯХ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ТЕРЕНЦИЯ

(1) Публий Теренций Афр, уроженец Карфагена, был в Риме рабом у сенатора Теренция Лукана; за одаренность и красоту он получил образование, как свободный человек, а вскоре и вовсе был отпущен на волю. Некоторые думают, что он был пленником, но Фенестелла[1] указывает, что это невозможно, ибо он и родился и умер в промежутке между концом второй Пунической войны и началом третьей[2]; не мог он также быть захвачен у нумидов или гетулов и попасть к римскому полководцу, потому что торговые сношения между италийцами и африканцами начались только после разрушения Карфагена.

Он был в дружбе со многими знатными людьми, особенно же со Сципионом Африканским и Гаем Лелием[3]. Думают, что он привлек их своей красотой; впрочем, Фенестелла и это оспаривает, утверждая, что Теренций был старше их обоих, хотя и Непот[4] считает их сверстниками, и Порций[5] подозревает их в любовной связи, говоря об этом так:

Он, похвал развратной знати лживых домогавшийся,
Он, впивавший жадным слухом мненья Сципионовы,
Он, обедавший у Фила и красавца Лелия,
Он, чьей на Альбанской вилле наслаждались юностью,
С высоты блаженства снова пав в пучину бедности,
С глаз долой скорее скрылся в Грецию далекую
И в Стимфале аркадийском умер, не дождавшися
Помощи от Сципиона, Лелия иль Фурия,
Между тем, как эти трое жизнь вели привольную.
Даже домика не нажил он у них, куда бы раб
Принести бы мог известье о конце хозяина.

(2) Он написал шесть комедий. Когда он предложил эдилам первую из них, «Девушку с Андроса», ему велели прочесть ее Цецилию[6]. Говорят, что он явился к нему во время обеда, бедно одетый, и, сидя на скамейке возле обеденного ложа, прочел ему начало пьесы; но после первых же строк Цецилий пригласил его возлечь и обедать с ним вместе, а потом выслушал все остальное с великим восторгом. Как эта, так и пять последующих комедий понравились также и публике, хотя Волкаций[7] и пишет, перечисляя их:

«Свекровь», шестая пьеса — исключение.

«Евнух» был даже поставлен два раза в один день и получил такую награду, какой не получала ни одна комедия — 8000 сестерциев, так что об этом даже сообщается в подзаголовке[8].

А начало «Братьев» Варрон даже предпочитает началу Менандра [9].

(3) Небезызвестно мнение, что Теренцию помогали писать Лелий и Сципион; Теренций и сам содействовал такой молве, почти не пытаясь этого отрицать,— например, в прологе «Братьев» он пишет [10]:

...А что твердят
Завистники о том, что люди знатные
Являются помощниками автору
И разделяют труд его писательский,
Им это бранью самой сильной кажется,
А автору — хвалою величайшею:
Для тех людей он, значит, привлекателен,
Которые и вам всем привлекательны
И городу всему,— ведь к их-то помощи
В войне ли, в мире, в важных ли делах каких,
Забывши гордость, всяк прибегнул в свой черед.

Как кажется, сам он защищался столь нерешительно только потому, что знал, что такая молва приятна Лелию и Сципиону; однако она распространялась все шире и дошла до позднейшего времени. Гай Меммий [11] в речи, произнесенной в свою защиту, говорит: «Публий Африканский, пользуясь личиной Теренция, ставил на сцене под его именем пьесы, которые писал дома для развлечения». Непот передает, ссылаясь на достоверный источник, рассказ о том, как однажды в Путеоланском поместье, в мартовские календы [12] жена Лелия попросила мужа не опаздывать к обеду, но он велел не мешать ему; а потом, войдя в столовую позже обычного, заявил, что редко случалось ему так хорошо писать; его попросили прочесть написанное, и он произнес стихи из «Самоистязателя» [13]:

Сир, обещав мне десять мин, завлек довольно дерзко
Меня сюда...

(4) Сантра [14] полагает, что если Теренций и нуждался в помощниках при сочинении, то он обращался не к Сципиону и Лелию, которые были еще юношами, а скорее к Гаю Сульпицию Галлу [15], человеку ученому, в чье консульство он впервые выступил с комедией, или к Квинту Фабию Лабеону или Марку Попилию, которые оба были консулярами и поэтами; потому-то он и указывает, что ему, по слухам, помогали не юноши, но зрелые люди, испытанные «в войне ли, в мире, в важных ли делах каких».

Издав эти комедии, в возрасте не более двадцати пяти лет, он уехал из Рима,— то ли избегая сплетен, будто он выдает чужие сочинения за свои, то ли для ознакомления с бытом

и нравами греков, которые он описывал слишком неточно,— и более туда не воротился. Волкаций так сообщает о его кончине:

Поставив шесть комедий, Афр покинул Рим,
И с той поры, как он отчалил в Азию,
Его никто не видел: вот конец его.

(5) Квинт Косконий [16] говорит, что он погиб в море, возвращаясь из Греции со ста восемью комедиями, переделанными из менандровых. Остальные сообщают, что он умер в аркадийском Стимфале или на Левкаде, в консульство Гнея Корнелия Долабеллы и Марка Фульвия Нобилиора [17], заболев от горя и уныния, когда погибли его вещи, посланные вперед с кораблем, и среди них его новые пьесы.

Был он, говорят, среднего роста, стройный и смуглый. После него осталась дочь, которая потом вышла замуж за римского всадника, а также двадцать югеров [18] сада по Аппиевой дороге возле виллы Марса. Тем удивительней, что Порций пишет:

...не дождавшися
Помощи от Сципиона, Лелия иль Фурия,
Между тем, как эти трое жизнь вели привольную.
Даже домика не нажил он у них, куда бы раб
Принести бы мог известье о конце хозяина.

Афраний ставит Теренция выше всех остальных комиков, заявляя в комедии «Компиталии» [19]:

Теренцию не назову подобного.

Волкаций, напротив, считает его ниже не только Невия, Плавта и Цецилия, но и Лициния с Атилием. Цицерон в сочинении «Луг» [20] так восхваляет Теренция:

Также и ты, о Теренций, который, изысканным слогом
Преобразив и латинскою выразив речью, Менандра
К нам, сидящим вокруг, сдержав дыханье, выводишь,
Ты, который так часто изящен и всюду приятен.

А Гай Цезарь так:

Также и ты, о полу-Менандр, стоишь по заслугам
Выше всех остальных, любитель чистейшего слога.
Если бы к нежным твоим стихам прибавилась сила,
Чтобы полны они были таким же комическим духом,
Как и у греков, и ты не терялся бы, с ними равняясь!
Этого ты и лишен, и об этом я плачу, Теренций.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ВЕРГИЛИЯ

(1) Публий Вергилий Марон, мантуанец, происходил от незначительных родителей. В частности, отца его некоторые считают ремесленником-горшечником; по мнению же большинства, он служил поденщиком у рассыльного Магия, благодаря усердию вскоре стал его зятем и, скупая леса и разводя пчел, сильно приумножил небольшое состояние.

(2) Он родился в октябрьские иды, в первое консульство Гнея Помпея Великого и Марка Лициния Красса[21], в деревне, называемой Анды, неподалеку от Мантуи[22]. (3) Матери его во время беременности приснилось, что она родила лавровую ветвь, которая, коснувшись земли, тут же пустила корни и выросла в зрелое дерево со множеством разных плодов и цветов. На следующий день, направляясь с мужем в ближнюю деревню, она свернула с пути и в придорожной канаве разрешилась от бремени. (4) Говорят, что ребенок, родившись, не плакал, и лицо его было спокойным и кротким: уже это было несомненным указанием на его счастливую судьбу. (5) Другим предзнаменованием было то, что ветка тополя, по местному обычаю сразу посаженная на месте рождения ребенка, разрослась так быстро, что сравнялась с тополями, посаженными намного раньше; это дерево было названо деревом Вергилия и чтилось как священное беременными и роженицами, благоговейно дававшими перед ним и выполнявшими свои обеты.

(6) Детство до самого совершеннолетия провел он в Кремоне. Мужскую тогу он надел пятнадцати лет отроду, в год, когда вторично были консулами те, в чье первое консульство он родился[23]; и случилось так, что в тот же самый день умер поэт Лукреций. (7) Из Кремоны Вергилий переехал в Медиолан, а вскоре затем в Рим.

(8) Он был большого роста, крупного телосложения, смуглый, походил на крестьянина и не отличался крепким здоровьем; особенно страдал он животом, горлом, головной болью, а нередко и кровотечениями. (9) Умеренный в пище и вине, он питал любовь к мальчикам, и особенно любил Цебета и Александра, которого ему подарил Асиний Поллион и который во второй эклоге «Буколик» назван Алексидом; оба были хорошо образованы, а Цебет даже писал стихи. Распространено мнение, что он был также в связи с Плотией Гиерией[24]. (10) Но Асконий Педиан[25] утверждает, что она сама уже в старости часто рассказывала, как Варий[26] прямо предлагал Вергилию сожительство с нею, но тот категорически отказывался. (11) В остальном он был всю жизнь так чист телом и душой, что в Неаполе его обычно называли Парфением[27], а когда он, приезжая изредка в Рим, показывался там на улице, и люди начинали ходить за ним по пятам и показы-

вать на него, он укрывался от них в ближайшем доме. (12) Он не решился даже принять по предложению Августа имущество одного изгнанника.

(13) Благодаря щедротам друзей, его состояние достигало десяти миллионов сестерциев; кроме того, у него был дом на Эсквилине, около садов Мецената, хотя он и предпочитал проводить время в Кампании[28] и Сицилии. (14) Уже в зрелом возрасте он лишился родных, и среди них — ослепшего отца и двух единокровных братьев, маленького Силона и взрослого Флакка, которого он оплакивает под именем Дафниса[29]. (15) В своих занятиях он уделял внимание медицине и, особенно, математике. Вел он также и судебное дело, но только одно и только один раз, (16) потому что, по словам Мелисса[30], речь его была слишком медлительна, и он даже казался невеждою.

(17) Обратившись к поэзии еще в детстве, он сочинил двустишие про школьного учителя Баллисту[31], побитого камнями за то, что он слыл разбойником:

> Здесь, под грудой камней, лежит погребенный Баллиста —
> Путник, и ночью, и днем стал безопасен твой путь,—

а затем — Каталепты, Приапеи, эпиграммы, «Проклятия» и, в возрасте шестнадцати лет, «Чайку» и «Комара»[32]. (18) Содержание «Комара» таково. Пастух, утомленный зноем, заснул под деревом, и к нему подползла змея. Комар прилетел с болота и ужалил пастуха между висков. Он тут же раздавил комара, убил змею и поставил комару могильный памятник, написав на нем такое двустишие[33]:

> Малый комар, по заслугам тебе воздает погребенье
> Пастырь, блюдущий стада, тебе обязанный жизнью.

(19) Написал он также «Этну», о чем, впрочем, существуют различные мнения. Вскоре затем он начал римскую историю[34], но, не решившись на такой предмет, обратился к «Буколикам», желая, главным образом, прославить Асиния Поллиона, Альфена Вара и Корнелия Галла, которые спасли его от разорения, когда после битвы при Филиппах по приказу триумвиров производился раздел полей за Падом между ветеранами[35]. (20) Затем он сочинил «Георгики», в честь Мецената, который, еще мало его зная, помог ему защититься от насилий одного ветерана, который чуть не убил его, тягаясь за поле. (21) Наконец, он приступил к «Энеиде», которая по сложности и разнообразию содержания не уступает обеим поэмам Гомера, а кроме того, повествует о героях и делах как греческих, так и римских, и в частности, о начале города Рима и рода Августа, к чему он особенно стремился.

(22) Говорят, что когда он писал «Георгики», он обычно каждое утро сочинял по многу стихов и диктовал их, а потом в течение дня переделками доводил их число до крайне малого, остроумно говоря, что он как медведица рождает свою поэму, облизывая стихи, пока они не примут должного вида[36]. (23) «Энеиду» он сперва изложил прозой и разделил на двенадцать книг, а затем стал сочинять ее по частям, когда что хотелось, не соблюдая никакого порядка. (24) А чтобы не мешать вдохновению, он иное оставлял недоделанным, иное лишь как бы намечал в приблизительных выражениях, шутливо говоря, что ставит их вместо подпорок, чтобы поддержать свое произведение, пока не будут воздвигнуты крепкие колонны.

(25) «Буколики» он сочинял три года. «Георгики» — семь, «Энеиду» — одиннадцать лет[37]. (26) «Буколики», явившись в свет, имели такой успех, что даже певцы нередко исполняли их со сцены. (27) «Георгики» он читал Августу четыре дня подряд, когда тот, возвращаясь после победы при Акции, задержался в Ателле[38], чтобы полечить горло; а когда у него уставал голос, его сменял Меценат. (28) Читал Вергилий приятно и с удивительным изяществом. (29) По словам Сенеки, поэт Юлий Монтан[39] не раз говорил, что охотно похитил бы кое-что у Вергилия, если бы имел его голос, облик и жесты: ибо одни и те же стихи в его произношении звучали прекрасно, а без него были пустыми и вялыми.

(30) Слава об «Энеиде», едва им начатой, была такова, что Секст Проперций без колебания предрекал[40]:

Прочь отойдите, писатели римские, прочь вы и греки:
Нечто творится важней здесь «Илиады» самой.

(31) Сам Август, который в это время был в походе против кантабров[41], писал письма с просьбами и даже шутливыми угрозами, добиваясь, чтобы ему, по его собственным словам, «прислали бы хоть первый набросок, хоть какое-нибудь полустишие из „Энеиды“»[42]. (32) Но даже много спустя, когда работа уже была завершена, Вергилий прочел ему только три книги, вторую, четвертую и шестую; эта последняя произвела сильнейшее впечатление на Октавию[43], присутствовавшую при чтении; говорят, услышав стихи о своем сыне — «Ты бы Марцеллом был»[44],— она лишилась чувств, и ее с трудом привели в сознание. (33) Читал он и более многочисленным слушателям, но лишь изредка, и главным образом то, в чем не был уверен, чтобы лучше узнать, каково мнение людей. (34) Говорят, что Эрот, его библиотекарь и вольноотпущенник, уже на старости лет рассказывал, как однажды Вергилий во время чтения сразу дополнил два полустишия[45]: читая «Сына Эола — Мисена», он добавил: «умевшего лучше всех прочих», а далее, произнося «Медью мужей созывать», дви-

жимый тем же вдохновением, он продолжал: «возбуждая Марса напевом», и тут же приказал Эроту записать оба полустишия в текст.

(35) На пятьдесят втором году жизни, собираясь придать «Энеиде» окончательный вид, он решил уехать в Грецию и Азию, чтобы три года подряд заниматься только отделкой поэмы, а остаток жизни целиком посвятить философии. Однако, встретив по дороге в Афинах Августа, возвращавшегося с Востока в Рим, он решил не покидать его и даже воротиться вместе с ним, как вдруг, осматривая в сильную жару соседний город Мегары, он почувствовал слабость; во время морского переезда она усилилась, так что в Брундизий он прибыл с еще большим недомоганием и там через несколько дней скончался, за одиннадцать дней до октябрьских календ, в консульство Гнея Сентия и Квинта Лукреция [46]. (36) Прах его перенесли в Неаполь и похоронили возле второго камня по Путеоланской дороге; для своей гробницы он сочинил следующее двустишие:

В Мантуе был я рожден, у калабров умер, покоюсь
В Парфенопее; я пел пастбища, села, вождей [47].

(37) Половину имущества он завещал Валерию Прокулу, своему сводному брату, четверть — Августу, двенадцатую часть — Меценату, остальное — Луцию Варию и Плотию Тукке [48], которые после его смерти издали по приказу Цезаря «Энеиду».

(38) Об этом есть такие стихи Сульпиция Карфагенянина [49]:

Быстрое испепелить должно было пламя поэму —
Так Вергилий велел, певший фригийца-вождя.
Тукка и Варий противятся; ты, наконец, величайший
Цезарь, запретом своим повесть о Лации спас.
Чуть злополучный Пергам не погиб от второго пожара,
Чуть не познал Илион двух погребальных костров.

(39) Еще до отъезда из Италии Вергилий договорился с Варием, что если с ним что-нибудь случится, тот сожжет «Энеиду», но Варий отказался. Уже находясь при смерти, Вергилий настойчиво требовал свой книжный ларец, чтобы самому его сжечь; но когда никто ему не принес ларца, он больше не сделал никаких особых распоряжений на этот счет (40) и поручил свои сочинения Варию и Тукке с условием, чтобы они не издавали ничего такого, что не издал бы он сам. (41) По указанию Августа, издание осуществил Варий, внеся в него лишь незначительные исправления, так что даже незавершенные стихи он оставил, как они были. Многие потом пытались их дополнить, но безуспешно: трудность была в том, что почти все полустишия обладали у Вергилия совершенно законченным смыслом, за исключением одного: «тот, кого в Трое тебе» [50]. (42) Грамматик Нис говорил,

что, по рассказам стариков, Варий переменил порядок двух книг, и теперешнюю вторую поставил на первое, третью на второе и первую на третье место [51], а также исправил начало первой книги, отбросив следующие строки:

Тот я, который когда-то на нежной ладил свирели
Песнь, и покинув леса, побудил соседние нивы,
Да селянину они подчиняются, жадному даже
(Груд, земледелам любезный) — а ныне ужасную Марса
Брань и героя пою...

(43) В порицателях у Вергилия не было недостатка, и неудивительно: ведь были они даже и у Гомера. Когда появились «Буколики», некий Нумиторий [52] сочинил в ответ «Антибуколики», полные безвкуснейших пародий и состоявшие только из двух эклог, первая из которых начиналась:

Титир, ты в тогу одет: зачем же покров тебе бука?

А вторая:

Молви, Дамет: «кого это стадо» — ужель по-латыни?
Нет, ибо так говорят в деревне у братца Эгона [53].

Другой, когда Вергилий читал стих из «Георгик» — «Голым паши, голым сей» [54],— подхватил: «простудишься, схватишь горячку». (44) Против «Энеиды» также написана книга Карвилия Пиктора под заглавием «Бич Энея». Марк Випсаний [55] называл Вергилия подкидышем Мецената, изобретателем нового «пустозвонства» [56], не напыщенного и не сухого, но слагающегося из повседневных слов и поэтому незаметного. Геренний собрал его погрешности, Переллий Фавст — его заимствования; (45) «Подобия» Квинта Октавия Авита в целых восьми книгах также содержат заимствованные Вергилием стихи с указанием их происхождения [57]. (46) Асконий Педиан в своей книге против порицателей Вергилия излагает лишь некоторые обвинения против него — главным образом те, где речь идет об истории и о многочисленных заимствованиях у Гомера, но он говорит, что сам Вергилий обычно так защищался от этого обвинения: «Почему они сами не попробуют совершить такое воровство? тогда они поймут, что легче у Геркулеса похитить палицу, чем у Гомера стих». Тем не менее, уехать он решил для того, чтобы сократить все лишнее и этим удовлетворить зложелателей.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ГОРАЦИЯ

Квинт Гораций Флакк из Венузии был сыном вольноотпущенника, собиравшего деньги на аукционах, как сообщает сам Гораций; впрочем, многие считают его торговцем соленою рыбою,

и кто-то даже попрекал Горация в перебранке: «Сколько раз видел я, как твой отец локтем нос утирал!» Будучи вызван во время филиппской войны командующим Марком Брутом, Гораций заслужил в ней звание военного трибуна [58], а когда его партия была побеждена, он, добившись помилования, устроился на должность писца в казначействе. И войдя в доверие сперва к Меценату, а вскоре — и к Августу, стал не последним другом обоих.

Как любил его Меценат, достаточно свидетельствует такая эпиграмма:

Если пуще я собственного брюха
Не люблю тебя, друг Гораций,— пусть я
Окажусь худощавее, чем Нинний [59],

а еще больше — такое выражение в его завещании, обращенное к Августу: «О Горации Флакке помни, как обо мне».

Август также предлагал ему место своего секретаря, как это видно из следующего письма его к Меценату: «До сих пор я сам мог писать своим друзьям; но так как теперь я очень занят, а здоровье мое некрепко, то я хочу отнять у тебя нашего Горация. Поэтому пусть он перейдет от стола твоих параситов к нашему царскому столу, и пусть поможет нам в сочинении писем». И даже когда Гораций отказался, он ничуть на него не рассердился и по-прежнему навязывал ему свою дружбу. Сохранились письма, из которых я приведу в доказательство небольшие отрывки: «Располагай в моем доме всеми правами, как если бы это был твой дом; это будет не случайно, а только справедливо, потому что я хотел, чтобы между нами были именно такие отношения, если бы это допустило твое здоровье». И опять: «Как я о тебе помню, можешь услышать и от нашего Септимия, ибо мне случалось при нем высказывать свое мнение о тебе. И хотя ты, гордец, отнесся к нашей дружбе с презрением, мы со своей стороны не отплатим тебе надменностью». Кроме того, среди прочих шуток, он часто называл Горация чистоплотнейшим распутником и милейшим человечком.

Сочинения же Горация так ему нравились, и он настолько был уверен в том, что они сохранятся навеки, что поручил ему не только сочинение юбилейного гимна [60], но и прославление победы его пасынков Тиберия и Друза над винделиками [61], и для этого заставил его к трем книгам стихотворений после долгого перерыва прибавить четвертую. А прочитав некоторые его «Беседы» [62], он таким образом жаловался на то, что он в них не упомянут: «Знай, что я на тебя сердит за то, что в стольких произведениях такого рода ты не беседуешь прежде всего со мной. Или ты боишься, что потомки, увидев твою к нам близость,

сочтут ее позором для тебя?» И добился послания к себе, которое начинается так [63]:

> Множество, Цезарь, трудов тяжелых выносишь один ты:
> Рима державу оружьем хранишь, добронравием красишь,
> Лечишь законами ты: я принес бы народному благу
> Вред, у тебя если б время я отнял беседою долгой.

Телосложением Гораций был невысок и тучен: таким он описывается в его собственных сатирах [64] и в следующем письме от Августа: «Принес мне Онисим твою книжечку, которая словно сама извиняется, что так мала, но я ее принимаю с удовольствием. Кажется мне, что ты боишься, как бы твои книжки не оказались больше тебя самого. Но если рост у тебя и малый, то полнота немалая. Так что ты бы мог писать и по целому секстарию [65], чтобы книжечка твоя была кругленькая, как и твое брюшко».

Жил он обычно в уединении, в своей сабинской или тибуртинской деревне: дом его до сих пор показывают около тибурской рощи. В мои руки попали также и элегии под именем Горация, и послание в прозе, где он как бы представляется Меценату [66], но и то и другое считаю неподлинным, потому что слог в элегиях груб, а в послании даже темен; а этот недостаток меньше всего свойствен Горацию.

Родился он в шестой день до декабрьских ид, в консульство Луция Котты и Луция Торквата [67]. Умер в пятый день до декабрьских календ, в консульство Гая Марция Цензорина и Гая Асиния Галла [68], через пятьдесят девять дней после смерти Мецената, на пятьдесят седьмом году жизни. Наследником своим он вслух объявил Августа, так как, мучимый приступом болезни, был не в силах подписать таблички завещания. Погребен на окраине Эсквилина, подле гробницы Мецената.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПЕРСИЯ

Авл Персий Флакк родился накануне декабрьских нон в консульство Фабия Персика и Луция Вителлия [69], умер за восемь дней до декабрьских календ в консульство Публия Мария и Афиния Галла [70]. Родился он в Волатеррах, в Этрурии, был римским всадником, но родством и свойством был связан с высшим сословием. Умер в своем имении на восьмой миле по Аппиевой дороге.

Отец его Флакк умер, оставив его сиротой на шестом году отроду. Мать его Фульвия Сизенния вышла после этого за всадника Фузия, но и его похоронила через несколько лет. До двенадцатилетнего возраста Флакк учился в Волатеррах,

а затем в Риме, у грамматика Реммия Палемона и ритора Вергиния Флава[71].

В шестнадцать лет он подружился с Аннеем Корнутом[72] так крепко, что нигде с ним не расставался. У него приобрел он некоторое философское образование. С отроческого возраста он был дружен с поэтом Цезием Бассом и с Кальпурнием Статурой[73], который умер юношей еще при жизни Персия. Сервилия Нониана[74] он почитал, как отца. У Корнута он познакомился с другим его учеником — Аннеем Луканом, своим сверстником[75]. Лукан был в восторге от сочинений Флакка, и на его обычных чтениях едва удерживался от возгласов, что это — истинная поэзия, а его собственные стихи — пустая забава. Впоследствии он познакомился и с Сенекой, но не стал поклонником его таланта. У Корнута он пользовался обществом двух ученейших и достойнейших тогдашних философов — врача Клавдия Агатурна из Лакедемона и Петрония Аристократа из Магнесии[76]; ими одними он восхищался и подражал им, потому что они были сверстниками Корнута, а он — моложе их. Почти десять лет он был большим любимцем Тразеи Пета[77], и они иногда даже путешествовали вместе; Пет был женат на его родственнице Аррии.

Он отличался мягкостью нрава, девической стыдливостью, красивой наружностью и образцовым поведением по отношению к матери, сестре и тетке; был добродетелен и целомудрен.

Он оставил два миллиона сестерциев матери и сестре, хотя его завещание было обращено только к матери. Он просил ее отдать Корнуту, по одним сведениям, сто тысяч, по другим, пятьдесят тысяч сестерциев, а также двадцать фунтов чеканного серебра и около семисот книг Хрисиппа[78], то есть всю свою библиотеку. Однако Корнут, приняв книги, оставил деньги сестрам[79], которых брат сделал наследницами.

Писал он редко и медленно. Эту книгу[80] он оставил недоделанной. Некоторые стихи в последней сатире были исключены, чтобы она казалась законченной. Корнут внес в книгу незначительные исправления и по просьбе Цезия Басса передал ему для издания. В детстве Флакк написал также претексту[81], книгу путевых записок и маленькое стихотворение о теще Тразеи, которая покончила самоубийством, опередив своего мужа[82], но Корнут посоветовал его матери уничтожить все это. Когда книга вышла в свет, все ею восхищались и раскупали ее.

Умер он от болезни желудка на тридцатом году жизни.

За сочинение сатир он взялся с большой горячностью, только что расставшись со школой и учителями, после того как прочитал десятую книгу Луцилия. В подражание началу этой книги, он порицал сперва себя, а затем и всех, с такой суровостью преследуя современных поэтов и ораторов, что нападал даже на

Нерона, который был тогда императором. Его стихи о Нероне читались:

...я видел, я сам видел, книжка,
Что у Мидаса-царя ослиные уши...

но Корнут, переделав только имя, исправил его:

...что у любого из нас ослиные уши...[83]

чтобы Нерон не подумал, что это сказано о нем.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЛУКАНА

Марк Анней Лукан из Кордубы впервые доказал свое дарование похвалами Нерону на пятилетних состязаниях[84] и лишь затем выступил с «Гражданской войной» Помпея и Цезаря. Он был так легкомыслен и невоздержан на язык, что в одном предисловии, сравнивая свой возраст и первые опыты с вергилиевыми, решился сказать:

...Но как далеко мне
До «Комара»[85]!

В ранней юности, узнав, что отец его из-за несчастливого брака живет в отдаленной деревне...[86]

Нерон вызывал его в Афины, причислил к когорте друзей и даже удостоил квестуры, но он недолго пользовался этими милостями. Обиженный тем, что однажды император во время его речи покинул заседание сената только для того, чтобы освежиться, он с тех пор не стеснялся ни в словах, ни в резких поступках против него. Однажды в общественном отхожем месте, испустив ветры с громким звуком, он произнес полустишие Нерона

Словно бы гром прогремел под землей..,—

вызвав великое смятение и бегство всех сидевших поблизости. Кроме того, он поносил в язвительных стихах как самого императора, так и его влиятельнейших друзей. Наконец, он стал как бы знаменосцем Пизонова заговора, часто открыто провозглашал славу тираннобийцам, был щедр на угрозы и настолько несдержан, что перед всяким приятелем хвастался головой императора. Однако по раскрытии заговора он вовсе не высказал такой твердости духа: признавшись без сопротивления, он дошел до самых униженных просьб и даже свою ни в чем не виновную мать назвал в числе заговорщиков, надеясь, что обвинение матери послужит ему на пользу в глазах императора-матереубийцы. Но добившись права свободно выбрать смерть, он написал письмо отцу с исправлениями к нескольким своим стихам, роскошно пообедал и дал свои руки врачу для вскрытия вен.

Я еще помню, как читались его стихи; издания же, выпущенные для продажи, не всегда сделаны усердно и заботливо, но иногда и небрежно.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПЛИНИЯ СТАРШЕГО

Плиний Секунд из Нового Кома усердно отслужил положенную всадникам военную службу, с замечательной честностью занимал несколько блестящих прокуратур подряд и, наконец, так ревностно отдался свободным наукам, что вряд ли кто и на полном досуге написал больше, чем он. Так, он собрал в 20 книгах описания всех войн, какие велись с германцами, а затем составил 37 книг «Естественной истории». Он погиб при кампанском бедствии. Командуя мисенским флотом, он при извержении Везувия поехал на либурнской галере, чтобы ближе разведать причины события, но противный ветер помешал ему вернуться, и он был засыпан пеплом и прахом, или, как полагают некоторые, был убит своим рабом, которого, изнемогая от жары, попросил ускорить его смерть.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПАССИЕНА МЛАДШЕГО

Пассиен Крисп из муниципия Визеллия так начал свою первую речь в сенате: «Отцы сенаторы и ты, Цезарь!» — за это его лицемерная речь очень понравилась Тиберию. Он по собственному желанию вел несколько процессов перед центумвирами: за это ему поставлена статуя в базилике Юлия. Он два раза был консулом. Женат он был дважды: сперва на Домиции, потом на Агриппине; первая была тетка, вторая — мать императора Нерона. Его состояние доходило до двух миллионов сестерциев. Он приобрел благосклонность всех принцепсов, особенно же Гая Цезаря, за которым он следовал пешком во время его поездок. Когда Гай спросил его наедине, сожительствует ли Пассиен со своей родной сестрою, как он, тот ответил: «Еще нет»,— весьма пристойно и осторожно, чтобы не оскорбить императора отрицанием и не опозорить себя лживым подтверждением. Он умер в результате интриг Агриппины, которую оставил наследницей, и был удостоен общественных похорон.

ФЛОР

Ничего неизвестно о жизни Флора. О месте его рождения существуют различные мнения: одни называют его родиной Испанию, а его самого считают выходцем из фамилии Аннеев, т. е. Сенеки, другие полагают, что он был родом из Галлии. На основании последней фразы вступления к книге Флора «Сокращение» (эпитома римской истории Тита Ливия) можно заключить, что основная часть жизни этого писателя пришлась на время династии Антонинов, а именно Траяна и Адриана, т. е. на II в. н. э. Этого Луция Аннея Флора (в некоторых рукописях он назван Юлием Флором), историка, некоторые исследователи склонны отождествлять с Публием Аннеем Флором, поэтом, автором шуточной стихотворной переписки с Адрианом и утерянного трактата «Вергилий оратор или поэт», от которого сохранился лишь фрагмент из вступления. Однако мнения ученых расходятся и по этому вопросу.

В своем «Сокращении» Флор излагает всю военную историю римского народа за 700 лет, начиная от царского периода и кончая Августом. Исторический процесс схематически делится им на четыре периода и рассматривается как жизнь отдельного человека: детство его — царский период, юность — от изгнания царей до покорения Италии, зрелость — от Пунических войн до Августа и, наконец, старость — эпоха империи. Таким образом, законы общественной жизни представляются Флору аналогичными законам биологической жизни человека. Эта теория четырех возрастов пронизывает все сочинение, часто прерывая течение рассказа своего рода обобщающими литературными отступлениями.

Сжатый исторический очерк Флора написан на основе трудов предшественников, образцами для подражания ему служили: по содержанию — Ливий, по форме и стилю — Сенека Старший, Тацит, Лукан, Саллюстий. Он свидетельствует о вырождении историографии, отступившей уже во II в. н. э. от самостоятельного творчества в сторону подражания, эпитоматорства и компиляции. Флор не стремился к исторической достоверности, допуская порой погрешности в географии и в хронологии. Весь его труд носит не столько исторический, сколько риторический характер. Это панегирик римскому народу, воспевание его подвигов, величия его государства.

Флора увлекла идея исторически сложившегося величия римского народа, он пытался даже осмыслить причины его одряхления (в этом он стоит выше более поздних представителей историографии, таких, как Аврелий

Виктор, Евтропий, писатели истории императоров и др.). Однако, несмотря на попытку анализа событий по ходу их изложения, Флор не является историком в собственном смысле этого слова. Сочинение его похоже больше на литературную декламацию на исторические темы, чем на исторический очерк, стиль его носит яркую риторическую окраску, изобилуя антитезами, сравнениями, поэтическими оборотами, восклицаниями, рассуждениями этического порядка, восхищенными отзывами о политических деятелях, полководцах и т. д. Манера изложения Флора меняется в зависимости от содержания сочинения: в описании военных подвигов римлян, быстрого роста государства преобладает стремительность, торжественность, даже гиперболичность, столь свойственная панегирику и, напротив, в рассказах о неудачах римлян, которые порой намеренно замалчиваются, декламаторский пафос снижается. Такая тенденциозность в освещении событий, т. е. акцентирование одних фактов и пренебрежение другими, характерна для писателя панегириста, подчиняющего предвзятой цели прославления Рима объективность изложения.

СОКРАЩЕНИЕ РИМСКОЙ ИСТОРИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Римский народ, начиная от царя Ромула до Цезаря Августа в продолжении семисот лет, совершил столько дел во время мира и войны, что сравни кто-нибудь величие его империи с продолжительностью ее существования, он счел бы ее древнее. Он так широко по свету распространил свое оружие, что те, которые читают о его деяниях, узнают историю не одного города, а всего человечества. Ведь столько он преодолел трудностей и опасностей, что кажется, будто сами Храбрость и Фортуна приложили усилия для установления его власти. Поэтому, хотя это наиболее важно, стоит узнать и прочее. Но, так как величина темы сама себе создает осложнение, а разнообразие фактов ослабляет остроту внимания, я поступлю подобно географам: изображу картину всего Рима как бы на небольшой табличке и, надеюсь, этим кое-что будет прибавлено к восхищению, внушаемому римским народом, если я разом продемонстрирую все его величие.

Итак, если бы кто стал рассматривать римский народ как одного человека [1] и беглым взглядом окинул всю его жизнь: как он ее начал, как подрастал и достиг цветущей юности, а затем словно бы состарился, то он нашел бы в процессе его развития четыре последовательные ступени. Первый возраст, при царях,

насчитывает почти двести пятьдесят лет, в течение которых римский народ сражался с соседями у границ своей родины: это было его детством. Следующий возраст, от консульства Брута и Коллатина до консульства Аппия Клавдия и Квинта Фульвия[2], охватывает двести пятьдесят лет, в которые он покорил Италию: это был самый побудительный для героев и войн период, поэтому его можно назвать отрочеством. С этих пор до Цезаря Августа прошло двести лет, в течение которых он усмирил весь свет: это сам расцвет империи, подобный некоей могущественной зрелости. От цезаря Августа до наших дней немногим меньше двухсот лет, в продолжении которых из-за беспечности цезарей римский народ как будто состарился и обессилел; разве что в правление Траяна[3] империя напрягает силы и, сверх ожиданий, старость ее будто вновь обрела молодость и снова расцветает.

ДЕТСТВО РИМСКОГО НАРОДА

(I, 8)

Вот первый возраст, и как бы детство, римского народа, в котором он находился при семи царях, наделенных, по какому-то особому стечению обстоятельств, различными талантами именно так, как того требовали интересы и выгоды государства. В самом деле, кто более горяч, чем Ромул? Такой нужен был, чтобы захватить царство. Кто более благочестив, чем Нума?[4] А обстоятельства как раз требовали смягчить суровый народ страхом перед божеством. Кто как не этот Туллий[5], создатель военного искусства, был нужнее воинственным людям, чтобы дополнить их храбрость разумом! А строитель городов Анк?[6] Он расширил город колонией, навел мост, защитил стеной. Далее: какую придали величественность великому народу украшения и отличия Тарквиния[7] одним своим внешним видом! Чего достигла произведенная Сервием перепись, если не того, что государство само себя узнало? Наконец, и ненавистное господство Тарквиния Гордого было кое в чем полезным, скорее даже очень во многом: ведь следствием его было то, что народ, мучимый несправедливостями, загорелся стремлением к свободе.

ВОЙНА С ПИРРОМ

(I, 18, 22)

Далее следует тарентинская война — по названию война с одним городом, но в действительности со многими. Она как бы в одну общую лавину вовлекла кампанцев, апулийцев, также луканов и зачинщиков войны — тарентинцев, словом всю Италию, а с ними вместе Пирра[8], знаменитого греческого царя, чтобы в

одно и то же время объединить Италию и предвестить победы за морями.

Тарент, сооружение лакедемонян, некогда столица Калабрии, Апулии и всей Лукании, славится как своей огромной территорией, стенами и гаванью, так и удивительным местоположением, так как, будучи расположен у самого залива Адриатического моря, он отправляет (отсюда) корабли во все страны: Истрию, Иллирию, Эпир, Ахайю, Африку, Сицилию. Над гаванью возвышается громадный, обращенный к морю, театр, что, разумеется, и было причиной всех бедствий несчастных жителей города.

Случилось так, что они праздновали игры, когда увидели римскую эскадру, гребущую к берегу; приняв ее за неприятельскую, они высыпали навстречу и, не разобравшись, принялись насмехаться: «Кто эти римляне? Откуда они взялись?» Мало того: когда к ним тотчас прибыли послы с жалобой, они их так же позорно оскорбили, осыпав гадкими и постыдными словами. Оттого и началась война. Приготовления к ней наводили ужас, когда столько народов вместе поднялись на Тарент, и всех их сильнее — Пирр, прибывший для защиты полугреческого, основанного лакедемонянами города с военной силой всего Эпира, Фессалии, Македонии, сушей и морем, с пехотой и конницей, оружием и, сверх того, с неизвестными в то время римлянам слонами, усугубившими ужас.

У Гераклеи и кампанской реки Лириса произошло первое сражение против консула Левина [9]; сеча была так яростна, что Обсидий, начальник Ферентинского эскадрона, бросился на царя, привел его в замешательство и принудил бежать с поля боя, сбросив украшения. Все было бы кончено, если бы не устремились вперед слоны, направленные к месту битвы; величиной их, уродливостью, непривычным запахом и ревом напуганные лошади, которым неведомые чудовища показались гораздо бо́льшими, чем были в действительности, обратились в бегство и повсюду произвели смятение.

Потом в Апулии, при Аускуле консулы Курий и Фабриций [10] сражались с большим успехом. К этому времени ужас, внушаемый чудовищами, уже рассеялся, и Гай Нумиций, стрелок четвертого легиона, отрубив у одного слона хобот, показал, что и они могут умирать. Поэтому и в них стали бросать копья, а факелы, метаемые в башни, покрыли все вражеское войско горящими обломками. Только ночь положила конец сражению. Сам царь, бегущий последним, был ранен в плечо и отнесен телохранителями на своем щите.

Последнее сражение произошло в Лукании, на так называемых Арусинских полях, под командованием тех же самых полководцев [11], но тогда случай решил окончательную победу, которую

должна была обеспечить храбрость. Ведь, когда слоны были вновь выведены на переднюю линию, одного из них, совсем еще молодого, сильный удар копья в голову обратил в бегство; когда он, мчась сквозь гущу своих и сбивая их, издавал жалобный рев, мать узнала его и, словно желая отомстить, стала метаться из стороны в сторону, словно среди врагов, сея ужас и смятение. Таким образом, эти звери, которые первую победу у нас похитили, вторую сделали обоюдной,— третью отдали без боя.

Однако не только оружием и на поле боя, но также разумом и на родине, в стенах Рима, мы должны были сражаться с царем Пирром. После первой же победы, испытав храбрость римлян, хитрый царь потерял надежду на победу своего оружия и прибегнул к козням: убитых он сжег, с пленными обошелся милостиво и без выкупа возвратил их, а потом отправил послов в Рим и всеми средствами старался добиться того, чтобы, заключив договор, мы ему вернули дружбу.

Но и в войне и мире, вне государства и внутри его, со всех сторон прославила себя римская доблесть и никакая другая победа, более чем тарентинская, не показала храбрость римского народа, мудрость сената, благородство полководцев. И что за люди были те, которые в первом сражении были раздавлены слонами! У всех в груди раны, некоторые умерли на трупах своих врагов, у всех в руках мечи и на лицах следы угрозы; и в самой смерти еще жил в них гнев. Пирр был до такой степени удивлен этим, что воскликнул: «О! как легко было бы овладеть целым миром или мне с римскими воинами или римлянам под моим царствованием!» А каково рвение у еще оставшихся в живых в пополнении войска! «Вижу я,— сказал Пирр,— что рожден под созвездием Геркулеса: ведь, словно у гидры Лернейской, столько сбитых вражеских голов возрождаются из своей крови!» А каков был тот сенат, когда, после речи Аппия Слепого [12], изгнанные со своими дарами из Рима послы на вопрос своего царя, что́ они думают о вражеском городе, признались: Рим показался им храмом, сенат — собранием царей. Каковы, наконец, сами полководцы! на войне ли, когда Курий отослал назад лекаря [13], предлагающего продать ему жизнь царя Пирра, а Фабриций отверг предложенную ему царем часть владений, или в мирное время, когда Курий предпочел свои глиняные сосуды самнитскому золоту, Фабриций же, облеченный цензорской властью, осудил, как бы за роскошь, консула Руфина [14], у которого было около десяти фунтов серебряной посуды! А потому удивительно ли, что с такими нравами, с такой воинской храбростью римский народ стал победителем и в одну только тарентинскую войну, за четыре года, подчинил своей власти бо́льшую часть Италии, наиболее сильные народы, богатейшие города и самые плодородные области?

Что более невероятно, чем эта война, если сопоставить начало ее с ее исходом? Победитель в первом сражении Пирр, приведя в трепет всю Италию, опустошив Кампанию, берега Лириса и Фрегеллы, взирал с пренестинской крепости [15] на Рим почти как на свою добычу, и с расстояния двадцати миль он веял в глаза встревоженных граждан дымом и пылью. А потом тот же самый Пирр, вынужденный дважды покинуть поле боя, два раза раненный, бежал через сушу и море в свою Грецию; наступил мир и покой. И так велика была военная добыча от столь многих и богатейших народов, что Рим не вмещал плодов своей победы. Не было ведь в городе ни одного более прекрасного или более блестящего триумфа. Что видел Рим до этого дня? ничего, кроме скота вольсков, стад сабинян [16], двухколесных повозок галлов, сломанного оружия самнитов; а теперь, если взглянуть на пленников: молоссы, фессалы, македоняне, бруттийцы [17], апулийцы и луканцы; если на великолепие: золото, пурпур, знамена, картины и роскошь Тарента! Но ни на что римский народ не смотрел охотнее, чем на тех зверей, наводивших страх своими башнями, которые теперь, почуя свое пленение, понурив головы, следовали за конями-победителями.

Это второй возраст римского народа и как бы его юность, он находился тогда в силе и расцвете, бурлил и кипел, сохраняя в то же время какую-то пастушескую грубость, он дышал неукротимой гордостью.

ПЕРВАЯ ПУНИЧЕСКАЯ ВОЙНА

(II, 1—2)

Италия покорена и подчинена, римский народ, существовавший уже почти пятьсот лет, с гордостью наблюдал рост своего могущества; и вот он, сильный и юный, стал помышлять об овладении вселенной. Удивительно и невероятно, что народ, который в течение пятисот лет воевал на родине, с большим трудом подчинив себе Италию, в эти последующие двести лет прошел войной и победами по Африке, Европе, Азии и затем по всему миру.

Подобно пожару, который опустошает стоящие на пути леса, но, дойдя до реки, внезапно затихает, римский народ, победитель Италии, дойдя до пролива, на короткое время остановился. Вскоре, увидев богатейшую добычу, находящуюся под рукой и как бы оторванную от его Италии, он загорелся страстью захватить ее и подчинить континенту, полагая, что война и оружие сделают то, чего не могли сделать ни мосты, ни дороги. Но вот случай представился, и сама судьба открыла путь в ту сторону, когда союзный город Сицилии Мессана обратился к нему с жалобой на деспотизм карфагенцев. Рим, так же как и Карфаген, страст-

но желал завладеть Сицилией, и оба, равные по стремлению и силе, одновременно домогались господства над миром.

Итак, под видом помощи союзникам, а на деле подстрекаемый добычей, невзирая на пугающую новизну предприятия (такова была уверенность в своих силах), этот грубый, этот пастушеский и поистине сухопутный народ доказал вскоре, что для храброго безразлично: воевать ли на лошадях или на кораблях, на суше или на море.

В консульство Аппия Клавдия римляне в первый раз вошли в пролив, пользующийся дурной известностью из-за баснословных чудовищ и бурных вод [18], однако они до такой степени были далеки от страха, что эту самую неистовую силу волн приняли за дар, устремились вперед и сразу, без промедления, с такой молниеносностью победили Гиерона Сиракузского [19], что по его собственному признанию он был побежден прежде, чем увидел врага.

При консулах Дуилии и Корнелии [20] Рим даже дерзнул сражаться на море. Тогда, пожалуй, сама быстрота сооружения флота была предзнаменованием победы. Ведь спустя шестьдесят дней, после того как был нарублен лес, на якоре стал флот в сто шестьдесят судов, так что казалось, будто не рукой человека они сколочены, а по какому-то благоволению богов деревья сами вдруг преобразились и превратились в корабли. Удивительным было зрелище битвы, когда эти тяжеловесные и неуклюжие суда останавливали те быстроходные и словно летевшие по волнам неприятельские корабли. Бесполезными для карфагенцев стали их приемы морского боя: ломать неприятельские весла и ловкой уверткой обманывать таран. Ведь на них обрушились железные крючья и тяжелые машины, осмеянные ими до боя и заставившие их теперь сражаться, как на земле. Итак, победитель при Липарских островах [21], римский народ, сокрушив или обратив в бегство вражеский флот, торжествовал свою первую морскую победу. Радость по поводу этого была столь велика, что командующий флотом Дуилий, не удовольствовавшись однодневным торжеством, приказал, чтобы в течение всей его жизни по дороге с ужина домой его сопровождали светом факела и звуком флейты, как если бы он торжествовал каждый день. По сравнению с такой победой ущерб от этого сражения был незначительным: Азина Корнелий, другой консул, вызванный будто бы для переговоров, был схвачен и таким образом побежден. Вот образец вероломства карфагенян!

Диктатор Калатин изгнал почти все карфагенские гарнизоны из Агригента, Дрепана, Панорма, Эрикса и Лилибея [22]. Один раз, все же, римская армия испытала затруднение близ Камеринских лесов, но и тут она была спасена отменной храбростью военного трибуна Кальпурния Фламмы [23], который с отрядом

в триста солдат захватил занятый противником холм и до тех пор задерживал его, пока все римское войско не спаслось. Таким блестящим своим успехом он сравнялся со славой Фермопил и Леонида и был тем более знаменит, хотя ничего не начертал кровью [24], что в таком рискованном походе остался в живых.

Когда Сицилия была уже загородной провинцией римского народа, война распространилась дальше; консул Луций Корнелий Сципион перешел в Сардинию и прилегающую к ней Корсику. Он нагнал страх на жителей разорением городов Ольбии и Алерии [25] и столько повсюду, и на земле и на море, покорил карфагенян, что уж ничего для победы и не оставалось, кроме самой Африки.

Под предводительством Марка Атилия Регула [26] война, перейдя на воду, приближалась уже к Африке. Не мало было солдат, которые при одном только упоминании о Пуническом море теряли присутствие духа. Вдобавок и трибун Манний усиливал их робость: ему командующий грозил снести голову за отказ повиноваться, и он под страхом смерти отважился на морской поход. Вскоре затем с помощью весел и ветра была набрана скорость, и приход неприятеля внушил такой ужас карфагенянам, что Карфаген был взят чуть ли не через открытые ворота. Первой добычей войны был город Клипея, потому что он первый выступал на африканском берегу, являясь как бы крепостью и наблюдательным постом. И эта крепость и свыше трехсот других были опустошены.

И не только с людьми, но даже и с чудовищами происходило сражение: удивительной величины змеи, рожденные как бы для защиты Африки, то и дело тревожили лагерь нападениями у Баграды [27]. Но Регул был победителем всех, повсюду нагоняя ужас одним своим именем; множество молодых солдат и самих предводителей были или убиты им или закованы в цепи, в Рим он отправил флот, нагруженный богатой добычей и исполненный торжества, а сам в это же время осадил Карфаген, самый очаг войны, засев у самых его ворот. Тут счастье несколько переменилось, однако настолько, чтобы еще более увеличить примеры римской доблести, величие которой лишь испытывается бедствиями. Ведь неприятели прибегнули к помощи иностранцев, и как только Лакедемон прислал к ним полководца Ксантиппа [28], мы были побеждены этим искуснейшим в военном деле человеком. В этом несчастном, еще не испытанном римлянами поражении, отважный наш главнокомандующий Регул живым попал в руки врагов. Однако он, по крайней мере, держался соответственно такому несчастью, его не поколебала ни карфагенская тюрьма, ни посольство [29], которым он был облечен: ведь он высказывал сенату мнение, противоположное тому, которое ему поручили неприятели, он внушал, чтобы не был заключен мир и не со-

стоялся обмен пленными. Но ни добровольным возвращением к своим врагам, ни тюрьмой, ни пытками, ни казнью не было ущемлено его достоинство; напротив, удивительнее всего то, что побежденный был более велик, чем его победители, поскольку он торжествовал над своей судьбой, раз не удалось над Карфагеном. Римский же народ с большой ожесточенностью и неистовством добивался мщения за Регула, чем самой победы над ними.

И вот консул Метелл [30], в то время как карфагеняне стремились все к большему, а война уже перешла в Сицилию, поразил неприятелей у Панорма так, что они больше об этом острове и не помышляли. Доказательством грандиозности этой победы было около ста захваченных слонов, добыча настолько большая, что можно было подумать, будто не на войне, а на охоте взято это стадо.

Консул Аппий Клавдий был побежден не врагами, а скорее самими богами, предзнаменованиями которых пренебрег: его флот затонул вскоре в том месте, где он приказал побросать в воду священных цыплят, потому что они запрещали сражение.

Консул Марк Фабий Бутеон [31] на африканском море у Эгимура [32] наголову разбил неприятельский флот, плывущий по направлению к Италии. О, какой триумф пропал из-за бури, когда флот, нагруженный богатой добычей, гонимый неблагоприятными ветрами, наполнил обломками своего кораблекрушения Африку и Сирты и берега всех лежащих между ними островов! Великое несчастье, хоть и не без некоторой славы для римского народа,— отнятая бурей победа и триумф, погубленный кораблекрушением! И все же, когда карфагенская добыча носилась по волнам мимо всех мысов и островов, римский народ и тут торжествовал.

Наконец, при так называемых Эгатских островах консулом Лутацием Катулом [33] войне был положен конец. Никогда морская битва не была более страшной. Вражеский флот, нагруженный провиантом, войском, военными машинами, оружием, казалось, вмещал в себе весь Карфаген, что и было причиной его гибели. Римский же флот, полный боевой готовности, проворный, ловкий, как будто дело было на суше, управлялся веслами, словно поводьями в конном сражении, а подвижные корабельные носы наносили удары так ловко, что казались живыми. Итак, в одно мгновение вражеские корабли, разбитые вдребезги, покрыли своим кораблекрушением все море между Сицилией и Сардинией. Словом, победа была столь полной, что римский народ и не беспокоился о разрушении вражеского города. Казалось ему излишним свирепствовать против крепости и стен, раз уж Карфаген истреблен на море.

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ

(III, 12)

Вот третий возраст римского народа, заморский, в котором он дерзнул выйти за пределы Италии, распространив по всему свету свое оружие. Первые сто лет этого возраста были священными и благочестивыми и, как мы уже сказали, золотыми, без позора и преступления, до тех пор пока подлинная и невинная честность этого пастушеского народа и постоянный страх перед карфагенским оружием поддерживали еще древнюю дисциплину. Последующие сто лет, прошедшие от разрушения Карфагена, Коринфа, Нуманции [34] и азиатского наследства царя Аттала [35] до времени Цезаря и Помпея и следующего за ним Августа (мы еще будем говорить о нем) прославились как великими военными событиями, так и внутренними бедствиями, достойными сожаления и постыдными. Несомненно, сколь славно и почетно приобрести Галлию, Фракию, Киликию, Каппадокию, эти плодороднейшие и сильнейшие провинции, и даже Армению и Британию, если уж не для пользы, то, по крайней мере, хоть для внушительности империи, столь в то же время позорно и унизительно вести у себя на родине гражданскую войну, сражаться против союзников, рабов, гладиаторов и даже целому сенату между собой. Я не знаю, не лучше ли было бы для римского народа довольствоваться Сицилией и Африкой или даже, обойдясь без них, господствовать над своей Италией, чем возвыситься до такого величия, чтобы пасть от собственной силы. В самом деле, какова другая причина гражданских распрей, если не чрезмерное благополучие? Первой нас испортила побежденная Сирия, потом азиатское наследство пергамского царя. Это богатство и изобилие развратили нравы времени и погруженную в свои пороки, словно в клоаку, республику привели к полному упадку. Ведь отчего римский народ требовал у трибунов земель и провианта, если не от голода, который произвела роскошь? Отсюда первое и второе возмущение Гракхов и третье Сатурнина [36]. Почему могло бы управлять судебными законами отторгнутое от сената сословие всадников, если не по причине алчности, чтобы доходы республики, а также и сам суд служили источником обогащения? Отсюда Друз [37] и право гражданства, обещанное Лациуму, и война с союзниками. А восстания рабов? Откуда они, если не от увеличения челяди? Как могли бы подняться армии гладиаторов против своих начальников, если бы чрезмерная щедрость, потворствующая зрелищам для того, чтобы снискать расположение народа, не превращала в искусство то, что служило некогда для наказания врагов? А если коснуться более существенных пороков, не это ли же самое богатство возбудило домогательство почетных должностей путем интриг? От него же

разразилась марианская и сулланская гроза. Все эти великолепно обставленные пиршества и расточительные даяния, не от богатства ли они, носящего в себе зачатки нищеты? Оно-то и толкнуло Катилину[38] против своей родины. Наконец, это самое стремление к первенству и власти, не исходит ли оно от безмерного богатства? Именно оно вооружило Цезаря и Помпея[39] ужасными факелами на погибель республики. Итак, все эти внутренние волнения римского народа, отделенные от внешних и справедливых войн, изложим по порядку.

ВОССТАНИЕ СПАРТАКА *

(III, 20)

Вдобавок ко всему, Риму пришлось перенести еще и позор вооруженного восстания рабов: хотя они по своей судьбе обречены на рабство и унижены во всех отношениях, все же они люди, пускай второго сорта, и причастны благам нашей свободы. Каким именем назвать войну под начальством Спартака, я не знаю. Так как ведь, когда рабы стали воинами, а гладиаторы стали предводителями, первые по положению люди низшие, а вторые наименее заслуживающие почтения, они своими надругательствами увеличили бедствия римлян.

Спартак, Крикс, Эномай, выломав двери гладиаторской школы Лентула[40], не более как с тридцатью[41] людьми такого же положения, вырвались в Капую. Они призвали рабов под свои знамена; и увидев, что к ним немедленно собралось более десяти тысяч, эти люди, которые только что были довольны бегством, уже захотели и мести. Первым своим местопребыванием они, словно звери, облюбовали гору Везувий[42]. Когда они там были осаждены Клавдием Глабром[43], то, спустившись по голым стремнинам горы на веревках, связанных из прутьев виноградной лозы, они сошли к самой подошве горы. И, выйдя незамеченными, разгромили внезапным нападением лагерь ничего подобного не ожидавшего вождя. Затем они разгромили другой лагерь, Вариния, а следом за ним и лагерь Торания[44]. Они растекаются по всей Кампании. Не удовлетворившись разгромом поместий и поселков, они, произведя страшное избиение, опустошают Нолу, Нуцерию, Фурий и Метапонт[45]. Когда со дня на день стекались к ним новые силы и когда у них уже образовалось настоящее войско, они из прутьев и из шкур животных сделали себе необычные щиты, а из железа в рабских мастерских и тюрьмах, переплавивши его, они сделали себе мечи и копья. И, чтобы придать до-

* Отрывок о восстании Спартака дается в переводе А. В. Мишулина.

стодолжный вид настоящего войска, они, захватив встречные табуны, сформировали конницу и приносили своему начальнику взятые от преторов знаки отличия и ликторские связки. От этих знаков отличия не отказался Спартак, этот солдат из фригийских наемников, ставший из солдата дезертиром, из дезертира разбойником, а затем, благодаря его физической силе, гладиатором. Даже и погребение вождей, павших в сражении, он справлял с торжествами, подобавшими полководцам. Он приказывал пленным сражаться с оружием в руках около погребального костра, как будто желая вполне загладить всякий позор прошедшего, если только он, сам бывший прежде гладиатором, будет устраивать похороны, как какой-нибудь вельможа, с гладиаторскими боями [46]. Затем уже, напав в Апеннинах на консула Лентула, разбил и его войско и у Мутины уничтожил лагерь Публия Кассия [47]. Окрыленный этими победами, он — чего уже одного достаточно для нашего позора — составил план нападения даже на Рим. Наконец-то римляне всеми силами государства поднимаются против этого гладиатора, и от этого позора освобождает римлян Лициний Красс [48]. Эти, стыдно сказать, враги, разбитые и обращенные им в бегство, убежали в крайние пределы Италии. Там, запертые в бруттийском углу [49], они стали готовиться к бегству в Сицилию и, не имея лодок, напрасно пытались переплыть через бурный пролив на плотах из бревен и на бочках, связанных ветвями; наконец, сделав вылазку, они погибли смертью, достойной храбрых людей, сражаясь не на жизнь, а на смерть, что было вполне естественно в войсках под начальством гладиатора. Сам Спартак, сражаясь храбрейшим образом в первом ряду, был убит и погиб, как подобало бы великому полководцу.

ВОЙНА С АНТОНИЕМ И КЛЕОПАТРОЙ
(IV, 11)

Ярость Антония, поскольку она не могла быть подавлена честолюбием, была погашена роскошью и распутством. Ведь он, после парфянской войны, возненавидев оружие, предался праздности и, охваченный страстью и Клеопатре, отдыхал, как будто после триумфа, в ее царственных объятиях. Эта египтянка запросила у опьяненного любовью императора римскую империю как награду за ее ласки. И Антоний обещал, словно римляне были доступнее, чем парфяне. Итак, он открыто готовил тиранию, забыв свое отечество, имя, тогу и фаски, он стал похож на то чудовище (Клеопатру) как умом, так и сердцем и даже одеждой. Золотой жезл в руке, сабля на боку, багряница, стянутая огромными драгоценными камнями, и даже диадема, чтобы именно царь наслаждался царицей.

По первому слуху о новых волнениях, Цезарь отправился из Брундизия[50] навстречу надвигающейся войне. Разбив лагерь в Эпире, он окружил готовым к нападению флотом все побережье Акция[51], остров Левкаду, город Левкату[52] и оба мыса Амбракийского залива[53]. У нас было не менее четырехсот кораблей, у неприятеля не более двухсот, но недостаточность числа возмещалась их величиной. Имея от шести до девяти рядов весел, обремененные к тому же башнями в несколько ярусов, наподобие крепостей и городов, они двигались под шум моря лишь благодаря усилию ветров. Эта самая тяжесть и была причиной их гибели. Корабли Цезаря[54], имея от трех до шести рядов весел, не более, были, таким образом, приспособлены ко всему, что требовала необходимость: к натиску, отступлению, развороту; несколько кораблей вместе атаковали каждое из этих тяжелых и неповоротливых судов дротиками и одновременно поражали тараном, затем забрасывали их факелами и уничтожали. И никогда не были очевиднее размеры вражеской силы, чем после победы, так как обломки громадного, разбитого войной, как кораблекрушением, флота носились по всему морю. И море, волнуемое ветрами, беспрестанно выкидывало на берег сокровища арабов, сабеян и множества других народов Азии, а также пурпур и золото.

Первая обратилась в бегство царица, выйдя в открытое море на корабле с золотой кормой и пурпуровыми парусами. Вскоре последовал за ней Антоний[55], но Цезарь преследовал их по пятам. Таким образом и подготовленное бегство по океану и укрепленные гарнизоном оба мыса Египта, Паретония и Пелузия[56] оказались бесполезными. Вот-вот они должны уже были попасть в руки Октавиана. Антоний [тогда] первый пронзил себя мечом; царица же, бросившись к ногам Цезаря, тщетно пыталась пленить его, ибо красота имела для него меньшую ценность, чем скромность. И не только о жизни, которая была ей дарована, заботилась Клеопатра, но и о сохранении части государства. Когда же она отчаялась в своей просьбе и увидела, что оставлена лишь ради триумфа, то, воспользовавшись беспечностью стражи, проникла в мавзолей (так называли гробницу царей); здесь, надев, как обычно бывало, самый лучший наряд, она расположилась на благоуханном саркофаге рядом со своим Антонием, и, подпустив к жилам змей, умерла, как будто заснула.

АВЛ ГЕЛЛИЙ

Время жизни Авла Геллия приходится на середину II в. н. э. Год его рождения определяется лишь приблизительно и относится к 125—130 гг., место рождения, по всей вероятности, Рим. О жизни Геллия не сохранилось никаких свидетельств древних авторов. Единственным источником, откуда можно почерпнуть отдельные сведения о жизни, деятельности и взглядах этого писателя, является его собственное произведение — «Аттические ночи», написанное им в период с 169 по 175 г. н. э. в Афинах, где Геллий, после получения первоначального образования в Риме, продолжал свое риторическое и философское образование. Он провел там несколько лет в общении с учеными, риторами, философами (Антонием Юлианом, Кастрицием, Фаворином, Сульпицием Аполлинарием, Фронтоном и др.) и получил широкое философское образование, хотя оно и не было систематическим, так как учителями его были философы разных направлений: Тавр — последователь Платона, Перегрин — представитель кинической философии, Герод Аттик — софист. Не говоря о приверженности Геллия к определенной философской системе, все же следует отметить, что его мировоззрение в какой-то мере подверглось воздействию идеалистической философии Платона и Аристотеля. В Афинах Геллий приступил к выписыванию из множества прочитанной им литературы всего, что находил достойным внимания, а позднее, в Риме, он продолжал эту работу, делая извлечения разного рода и составляя из них сборник, который он назвал, по месту и времени самой работы, «Аттическими ночами».

Труд этот, состоящий из 20 книг и 434 глав, дошел до нас полностью (не считая восьмой книги, от которой остались лишь названия глав, и не считая несколько испорченных начала и конца). Он представляет собой обширный сборник заметок и выписок из античных авторов, в котором смешаны любопытные и весьма полезные сведения из самых разнообразных отраслей знания: литературы, грамматики, истории, юриспруденции, логики, музыки, геометрии, физики и др. Однако нетрудно заметить, что охотнее всего Геллий сообщает сведения историко-литературного характера, занимается критикой текстов, этимологией слов и выражений, рассуждает об употреблении, значении и происхождении слов, о свойствах ударений, приводит редкие грамматические обороты и т. д. Самым ценным в этом труде является то, что все эти сведения часто подаются в виде фрагментов и цитат из утерянных произведений древних греческих и римских авторов. Сбор-

ник составлен без какого бы то ни было композиционного замысла, материал, отличающийся тематической пестротой, расположен в нем беспорядочно и как бы случайно, соответствуя, очевидно, порядку накопления его автором. Однако для удобства читателя сборник снабжен подробным оглавлением, помещенным непосредственно после предисловия. Обычно выписки оформлены в виде коротких, не связанных между собой рассказов из жизни образованных слоев общества Рима и Афин. Геллий использует различные средства художественной подачи собранного материала с тем, чтобы оживить его и заинтересовать читателя. Среди них монологи философов и писателей о языке, быте, нравах, диалоги и споры о различных предметах, сказки, анекдоты, пословицы и т. д.

Авл Геллий — писатель эпохи упадка римской империи, периода иссякания творческих возможностей римского общества. Литература этого времени, отчетливо свидетельствующая о снижении общего идейного уровня, аполитична, незначительна по тематике, замкнута в узкий круг бытовых интересов. Особенное развитие в ней получают архаические тенденции, повышенный интерес к памятникам старины, получившим теперь авторитет образцов, а также интерес к римским древностям в области права, морали, быта, языка. Вместо дальнейшего развития художественной литературы процветают ученые занятия в области грамматики, риторики, юриспруденции. Литература деградирует, переключаясь с самостоятельной, творческой мысли на разного рода компиляции и сокращения. Этому архаистическому направлению в литературе, возглавляемому Фронтоном, и следовал Геллий, отражая своей деятельностью состояние умственной жизни в рассматриваемую эпоху, состояние литературы этого периода с ее тяготением к старине. Труд его является ярким примером литературной компиляции, в которой собраны всевозможные антикварные сведения со ссылками на древних авторов. Выписки Геллия сохранили нам ряд важных для истории литературы сведений, например, о жизни Невия, Еврипида, о подлинности комедий Плавта, отрывки из речей Гракха, Катона, изречения из мимов Публия Сира, канон римских комедиографов Вулкатия Седигита, отрывки из комедий Цецилия и Менандра, эпиграммы Варрона и поэтов доцицероновской эпохи и множество других не менее интересных сведений о театре, о библиотеках и т. д. Особенно много места уделяет Геллий таким писателям, тоже поклонникам старины, как Энний, Гракх, Вергилий, Катон, Варрон, Плавт, Саллюстий, Лукреций. Авторы серебряной латыни большей частью обходятся молчанием (упоминаются лишь самые прославленные из них) или же подвергаются обвинениям Геллия, как, например, представитель «нового стиля» Сенека.

Едва ли можно говорить о каких-то определенных общественно-политических взглядах Геллия. Политические мотивы в его творчестве получили крайне слабое выражение. Он почти не касается вопросов социально-экономической жизни Рима, текущих политических событий и настроений, не выражает своих политических симпатий. При всем бесконечном разнообразии содержания сборника, идеологическая направленность его остается неизменной — на первом плане здесь тяготение к старине, уход от современности и

насущных политических вопросов. Ритор по образованию, Геллий лишь излагает факты, не исследуя их. Всесторонние знания его поверхностны, энциклопедичны. К сообщаемому материалу Геллий относится недостаточно критически, не высказывая, обычно, своего к нему отношения. При постановке тех или иных вопросов он лишь сопоставляет противоположные точки зрения, уклоняясь от прямого ответа на них. Язык Геллия тяжеловесен, лишен изящества, насыщен архаизмами; местами встречаются и грамматические ошибки, что объясняется, видимо, тем, что Геллий брал сведения не только из первых рук, но и пользовался разного рода компилятивными сборниками, а кое-что даже записывал по памяти. Таким образом, имея лишь относительное значение в качестве литературного памятника своей эпохи, труд Геллия, тем не менее, представляет собой большую объективную ценность как неистощимый источник сведений о литературной, общественной и бытовой жизни древнего мира, как хранилище многочисленных фрагментов из утраченных произведений древних авторов.

АТТИЧЕСКИЕ НОЧИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

...Можно найти другие, более привлекательные чем это, произведения [1]. Я же написал его для того, чтобы и для моих детей были готовы такого рода отдохновения, когда ум их в свободное от дел время смог бы развлечься и успокоиться. В расположении материала я следовал случайному порядку, который соблюдал раньше, при выписывании его из книг. Ведь всякий раз, как я брал в руки какую-либо, греческую или латинскую, книгу или слышал что-нибудь достойное запоминания, я отмечал без разбора и подряд все то, что было мне желательно, какого бы оно ни было рода; и хранил это, для памяти, при себе, как бы некий литературный запас, чтобы я мог их легко там найти и взять, когда явится необходимость в каком-либо факте или выражении, которые я вдруг забыл, а книг, из которых их выбрал, не будет в моем распоряжении.

Итак, в этих записках представлено то же разнообразие материала, которое было в тех прежних выписках, сделанных мной на скорую руку, бессистемно и беспорядочно между занятиями, упражнениями и чтениями разного рода. Но поскольку, как я уже сказал, я начал для забавы составлять эти записки, в долгие зимние ночи в аттической деревне, то и озаглавил их «Аттические ночи», ничуть не подражая высокопарным надписям, сде-

ланным большинством других латинских и греческих писателей в подобных книгах. В самом деле, собрав всевозможные, разнообразные смешанные по содержанию ученые сведения, они и надписи книгам дали самые вычурные, отвечающие их характеру. Так одни надписали «Музы», другие «Сильвы», этот «Покрывало», тот «Рог изобилия», иной «Соты», некоторые «Луга», а другие «Мои чтения», «Древние чтения», «Цветник» и «Открытия». Есть такие, которые назвали свои книги «Лампады» и, равным образом, «Ковры», а некоторые даже «Пандекты» («Всесодержащие»), «Геликон», «Проблемы», «Учебные книги», «Краткое руководство» [2]. Некоторые дали названия: «Памятные книжки», «Реалии», «Прибавления», «Дидаскалии». Есть и такие, которые озаглавили книги: «Естественная история», «Всеобщая история», кроме этого, «Луг» и, подобным же образом, «Фруктовый сад» и «Общие места». Многие дали своим книгам названия: «Наброски» или «Нравоучительные письма», или «Эпистолярные вопросы», или же «Смесь» и некоторые другие [3], весьма остроумные и безусловно в какой-то мере художественные. Я же, по своему усмотрению, небрежно, без затей и чуть ли не по-деревенски озаглавил сборник «Аттические ночи» по самому месту и времени зимних бодрствований, настолько же уступая всем прочим авторам в привлекательности самого заглавия, насколько уступил в тщательности отделки и изяществе сочинения. И к тому же у меня не было того намерения в выписывании и изучении материала, какое было у большинства из них. Ибо ведь все эти авторы, и из них особенно греческие, читающие многое и разнообразное, отделяли, как говорится, «белой чертой» [4], без различия, что бы ни встретили, стремясь к одному лишь количеству; при чтении их ослабеешь от усталости или от скуки, прежде чем найдешь одну-две занимательные страницы, которые бы развивали ум или были бы полезны для запоминания. Что касается меня, то, помня изречение Гераклита Эфесского, столь известного мудреца, о том, что «многознание не научает быть умным» [5], и сам я, упражняясь усердно и до усталости в беглом чтении и просматривании огромного числа томов во все те часы досуга, которые я мог урвать у дел, немногое из них и лишь то отобрал, что или бы могло поддержать в умах склонность к честному познанию и наводило бы на размышления о полезных науках, или бы людей, уже занятых другими в жизни делами, оградило бы от постыдной, несомненно, и грубой невежественности в области словесности и истории.

Если же в этих заметках будет изложено несколько скрупулезно и затруднительно что-нибудь из грамматики, из диалектики или же из геометрии, а что-нибудь о праве авгуров [6] и понтификов — несколько отвлеченно, то не следует избегать этого, как бесполезного для знания или трудного для понимания; ведь я

не вдавался в чересчур глубокие и темные исследования на эти темы, но лишь предлагал некоторые начала и как бы образчики свободных наук, о которых не слышать и не читать человеку и гражданину образованному, если и не вредно, то уж, во всяком случае, неприлично.

Итак, я хочу обратиться с просьбой и предупреждением к тем, у кого когда-нибудь будет время и желание ознакомиться с этими плодами бессонных ночей, чтобы, читая то, что они уже давно знают, они не отклоняли это с пренебрежением, как известное и заурядное; потому что есть ли что в науках столь сокровенное, чего бы многие не знали? (Достаточно приятно и то, что оно ни в школах не пережевано, ни в комментариях не затаскано.) А что случайно встретят новое для себя и неизвестное, пусть они по справедливости рассмотрят это без необоснованного недоброжелательства: неужели, все же, эти маленькие и скромные напоминания ни в какой мере не пригодны для распространения научных знаний или слабы, чтобы усладить и освежить ум? Скорее, напротив, они такого рода и характера, в силу которого легко могут развиваться или более деятельные человеческие умы, или более твердая память, или более гибкая речь, или же более чистый язык, занимательный в праздности и изысканный в литературных состязаниях. Если же что-нибудь покажется недостаточно ясным и не особенно полным, прошу при этом вспомнить, что оно, повторяю, написано более для напоминания, чем для наставления, а читатели, как бы довольствуясь указаниями следов, если пожелают, могут после пополнить это, отыскав книги или учителей. Если же они найдут что-либо достойным порицания, пусть, коль осмелятся, сетуют на источники, из которых я черпал это; а, если прочтут это у других авторов, в иной трактовке, то не должны тотчас же опрометчиво осуждать, но обдумать и доводы и преимущества писателей, которым они и которым я сам следовали.

Наконец, будет весьма справедливо, чтобы те, которые никогда не трудились и не имели удовольствия читать, сочинять, размышлять, никаких такого рода бессонных ночей не проводили и не были искушены в исследованиях и сочинениях, в каких-либо спорах и дискуссиях между сторонниками одной и той же науки, но поглощены своими беспокойствами и заботами, удалились бы от этих «Ночей» и искали себе других развлечений. Есть старинная поговорка:

Лира галке ни к чему, на что свинье амаракин[7].

И даже, чтобы еще больше раззадорить злость и завистливость некоторых недостаточно образованных людей, я позаимствую из хора Аристофана несколько анапестических стихов, и закон, который этот остроумнейший человек установил для

просмотра своих комедий, я применю для чтения этих записок: чтобы не прикасался и не приступал к ним будничный и непросвещенный народ, чуждый общения с музами. Вот стихи данного закона:

...а вы прочь из нашего хора уйдите,
Все, кто этих священных речей не слыхал, да и в мыслях нечистым остался,
Те, кто в таинства не был еще посвящен и лихой не испробовал пляски;
Всем таким я велю и вторично велю, и еще раз велю непременно
Убираться совсем: здесь мистический хор. Ну, а вы начинайте же песню
И ночное служенье; пусть будет оно наших празднеств великих достойно![8]

До сего дня я написал уже 20 книг записок. А сколько по воле богов продлится еще моя жизнь и сколько у меня будет времени, свободного от занятий домашними делами и забот по воспитанию детей, все те последующие часы досуга я употреблю на собирание такого же рода воспоминаний и рассуждений. Итак, с продолжением, каково бы оно ни было с помощью богов, самой жизни, возрастет число книг, и я желаю жить не долее того, как буду способен к такому дару сочинения и размышления.

Оглавления материалов, содержащихся в каждой книге, я поместил здесь с тем, чтобы сразу же было ясно, что можно найти и в какой именно книге отыскать.

Книга I

10. С какими словами обратился философ Фаворин к юноше, говорившему чересчур по-старинному

Философ Фаворин[9] сказал однажды юноше, большому любителю древнего языка, который употреблял в обычной повседневной беседе много отживших и неизвестных выражений: «Курий, Фабриций и Корунканий[10], наши древнейшие герои, и, еще древнее их, три Горация[11] объяснялись со своими современниками ясными и понятными словами; и говорили они не на языке Аврунков, Сиканов или Пеласгов, первых обитателей Италии[12], а на языке своего времени. Ты же разговариваешь, будто с матерью Евандра[13], пользуясь выражениями, уже много лет вышедшими из употребления, чтобы никто не сумел вникнуть в смысл твоей речи. Не лучше ли тебе, глупый, молчать, чтобы наверняка достигнуть своей цели? Ты говоришь, что тебе нравится древность, потому что она благородна, доблестна, умерена, скромна. Вот ты и живи по старинным обычаям, а говори словами теперешними, и всегда храни в памяти и душе то, что

написано в первой книге «Об аналогии» [14] Гаем Цезарем, человеком превосходного дарования и светлого ума: избегай, как подводного камня, неупотребительных и необычных слов.

15. Как несносен и отвратителен порок пустой и бессмысленной болтливости; многочисленные примеры справедливого осуждения его известными греческими и римскими писателями

Правильно говорят о легкомысленных, пустых и несносных болтунах, которые, не вникая в суть дела, расточают потоки бесцветных и необдуманных слов, что речь их исходит не из сердца, а рождается на устах; между тем как язык не должен быть своевольным и необузданным, напротив — он должен двигаться, как бы повинуясь нитям, протянутым от самого сердца. Между тем можно видеть, как некоторые расточают слова, лишенные всякого смысла, в таком изобилии и с такой глубокой беспечностью, что часто, кажется, они и сами себя не понимают.

Гомер сказал об Улиссе, этом одаренном разумным красноречием герое, что речь его исходит не из уст, а из сердца; это, разумеется, касается не столько свойства речи, сколько глубины мыслей, возникших в самом сердце. Для сдерживания своеволия языка, сказал он, поставлена преграда из зубов, чтобы безрассудные речи находились не только под наблюдением и под стражей сердца, но и удерживались некоторой, как бы расположенной во рту, охраной.

Вот эти стихи Гомера, о которых я только что сказал:

но когда издавал он голос могучий из персей

и

речи какие из уст у тебя излетают?[15]

Можно привести также слова из Марка Туллия [16], в которых сурово и справедливо осуждается пустое и глупое многословие: «Несомненно,— говорит он,— не заслуживает одобрения ни тот, кто знает дело, но не может объяснить его словами, ни тот, кто не понимает сути дела, а говорит о нем. Но если бы нужно было выбирать что-нибудь одно, я бы, конечно, предпочел бессловесное знание глупой болтливости». А вот что Цицерон написал еще в первой книге «Об ораторе»: «Есть ли что-нибудь столь безрассудное, как пустой звон слов, пусть даже самых прекрасных и красноречивых, не содержащих ни мысли, ни знания?» [17]. Но особенно жестоким преследователем этого порока является Марк Катон. Ведь в речи, озаглавленной «Если бы Целий назвал себя народным трибуном», он говорит: «Как одержимый сонной болезнью беспрерывно пьет и спит, так никогда не смолкает охваченный недугом болтливости. Он до того жаждет произносить

речи, что не соберись вы, когда он вас приглашает,— он сам наймет таких, которые бы его внимательно слушали. И так вы слушаете его, не внимая словам, как торговца зельем: ведь каждый слышит его слова, но ни один больной не доверится ему». В этой же самой речи Катон, укоряя того же Целия, народного трибуна, ничтожностью не только его слов, но и молчания, говорит: «За кусок хлеба можно заставить его не только говорить, но и молчать». По заслугам и Гомер одного из всех — Терсита — называет «празднословным» и «безумноречивым» [18]; речи его, говорит он, пространные и непристойные, подобны нескончаемому карканью галок. Что же еще может значит ἐχολῶσ᾽» [19].

О такого же рода людях и Евполид сочинил весьма примечательный стих:

На болтовню горазд, на рассужденья слаб [20].

Наш Саллюстий, желая этому подражать, написал: «Больше болтлив, нежели красноречив» [21]. Потому и Гесиод, самый благоразумный из поэтов, сказал, что языком не нужно болтать повсюду — нужно прятать его, как сокровище, и если он скромен, умерен и сладкозвучен, речь его в высшей степени приятна.

Лучшим сокровищем люди считают язык не болтливый.
Меру в словах соблюдешь,— и всякому будешь приятен [22].

Неплохо написал и Эпихарм этот вот стих:

Говорить едва умеет, да молчать ему невмочь... [23]

Фаворин [24], я слышал, говорил об этих вот стихах Еврипида:

Необузданным речам
И безверья слепоте
Злой конец определен [25].

будто они не только к тем должны относиться, кто произносит нечестивое или недозволенное, но особенно к людям, болтающим безмерно много и попусту, язык которых так расточителен и необуздан, что беспрерывно движется и изливает поток самых мерзких слов; этому роду людей греки дали очень выразительное название κατάγλωσσοι [26].

Такого же рода болтливость и беспорядочное нагромождение слов пустых и бессмысленных описал остроумнейший поэт Аристофан в следующих замечательных стихах:

С упрямством он творит людей свирепых.
Ни обуздать, ни затворить нельзя
Уста его надменные безмерно [27].

Не менее замечательно и наши древние писатели этот род людей, не в меру говорливых, называли: locutuleios, blaterones, linguaces (неутомимые говоруны, пустомели, болтуны).

24. Три надписи трех древних поэтов: Невия, Плавта, Пакувия [28], составленные ими самими и высеченные на их могилах

Надписи трех известных поэтов, Гнея Невия, Марка Плавта и Марка Пакувия, которые они сами себе сочинили и завещали высечь на своих гробницах, я счел нужным поместить в этих заметках — так они благородны, изящны и остроумны.

Надпись Невия, полная кампанской гордости [29], могла бы иметь значение справедливого свидетельства, не будь она высказана им самим:

Когда б бессмертным вместен был бы плач о смертных,
Оплакали б Камены Невия-поэта;
Как только к теням Орка он сошел в обитель,
Забыли вовсе в Риме все язык латинский [30].

Вот надпись Плавта, в принадлежности которой ему мы бы усомнились, не будь она помещена Варроном [31] в первой книге «О стихотворцах»:

По смерти Плавта горестна Комедия,
Пустует сцена, Смех, Остроты с Шутками
И все безмерные размеры слезы льют.

Надпись Пакувия, весьма скромная и простая, достойна его утонченной степенности:

Хоть ты спешишь, однако просит камень сей:
Взгляни на надпись и прочти, о юноша!
Пакувия-поэта кости здесь лежат.
Вот это я хотел, чтоб знал ты. Будь здоров.

Книга II

4. На каком основании Габий Басс [32] написал, что дивинацией называется особого рода суд, и как другие объясняют это слово

Когда в судебном процессе ставится вопрос о выборе обвинителя и решается кому из двух или многих претендентов всего лучше дать право на обвинение или подпись его, это размышление судьи называется гаданием [33]. Обычно спрашивают о происхождении этого слова.

Габий Басс в третьей книге «О происхождении слов» говорит: «Дивинацией суд называется потому, что судье надо некоторым образом предугадывать, какое он должен вынести решение» [34]. Конечно, в словах Габия Басса мотивировка весьма несовершенна или скорее она недостаточна и суха; но, по-видимому,

он хотел дать понять, что этот суд называется гаданием потому, что в других делах судья обычно руководствуется изучением дела, доводами или показаниями свидетелей; в этом же деле, когда нужно выбрать обвинителя, доводы, которые могли бы убедить судью, незначительны и слабы, поэтому он должен как бы предугадать, кто более всего способен быть обвинителем.

Таково мнение Басса. Но другие думают, что гаданием назвали суд потому, что обвинитель и обвиняемый, будучи двумя сторонами как бы родственными и связанными, не могут обойтись одна без другой, а в этом роде суда обвиняемый есть, но обвинитель отсутствует — поэтому то, чего еще недостает и что неизвестно, приходится восполнять посредством предугадывания: кто же будет обвинителем?

5. Как остроумно и выразительно сказал философ Фаворин о различии между речью Платона и речью Лисия

Фаворин имел обыкновение говорить о Лисии и Платоне: «Если из речи Платона выкинешь какое-либо слово или изменишь его, и сделаешь это неплохо,— повредишь ее красоте, если же из речи Лисия — обеднишь смысл.

18. О том, что сократик Федон был рабом и что многие другие философы тоже были рабами

Федон Элидский[35], ученик Сократа, был близким другом Сократа и Платона. Его именем Платон назвал чудесную книгу о бессмертии души. Этот Федон был раб с красивой внешностью и богатым природным дарованием и, по сведению некоторых, он в отрочестве отдавался своим господином на разврат. Говорят, что его выкупил, по внушению самого Сократа, сократик Кебет[36] и обучил философии. Впоследствии он стал знаменитым философом, его речи о Сократе весьма изящны.

Немало было и других рабов, которые сделались потом знаменитыми философами. Из них особенно замечателен Менипп[37], сочинениям которого подражал Марк Варрон в своих сатурах, сам он называл их «Менипповыми», другие — «киническими».

Впрочем и раб перипатетика Феофраста[38] Помпил, и раб стоика Зенона[39], звавшийся Персеем, и раб Эпикура, по имени Мус, были позднее известными философами.

Киник Диоген[40] также был рабом, но он из свободного состояния продался в рабство. Когда его захотел купить коринфянин Ксениад и спросил, какое он знает мастерство, Диоген ответил: «Я умею управлять свободными людьми». Тогда Ксениад, удивленный его ответом, купил его и, поручая ему своих сыновей, сказал: «Возьми моих детей, которыми ты будешь повелевать».

Об Эпиктете[41] же, знаменитом философе, который тоже был рабом, память слишком свежа, чтобы нужно было вспоминать об этом.

23. Обсуждение и разбор отрывков из комедий Менандра и Цецилия «Ожерелье»[42]

Мы читаем комедии наших поэтов, взятые и переведенные с греческих комедий Менандра, Посидиппа, Аполлодора, Алексида[43] и также некоторых других комиков. Они, по правде сказать, доставляют нам немалое удовольствие и представляются настолько остроумными и привлекательными, что, кажется, ничего лучше и быть не может. Но вот если сопоставить их и сравнить с их греческими источниками, сличая рядом внимательно и тщательно отдельные части того и другого текста по очереди, то латинские комедии начинают уступать и становятся ничтожными; настолько они тускнеют перед остроумием и блеском греческих комедий, с которыми им не под силу соревноваться.

Совсем недавно нам пришлось в этом убедиться. Мы читали комедию Цецилия[44] «Ожерелье»; и мне, и присутствовавшим она очень понравилась. Захотелось прочесть и «Ожерелье» Πλόκιον) Менандра, с которого Цецилий перевел свою комедию. Но после того, как мы взяли в руки Менандра, тут же сразу — благие боги! — каким вялым и холодным показался Цецилий и во что превратился он рядом с Менандром! Право, оружие Диомеда и Главка[45] не более разнилось по стоимости. Мы дочитали до того места, где старик-супруг жалуется на свою богатую и безобразную жену, из-за которой он был вынужден продать свою очень даже умелую и весьма недурную собой служанку, которую жена заподозрила в том, что она — его любовница. Я сам ничего не скажу о степени разницы; я приказал вынуть стихи из обеих комедий и предоставить судить о них другим. Менандр говорит так:

Во всю ноздрю теперь моя супружница
Храпеть спокойно может. Дело сделано
Великое и славное; из дома вон
Обидчицу изгнала, как хотелось ей,
Чтоб все кругом глядели с изумлением
В лицо Кробилы и в жене чтоб видели
Мою хозяйку. А взглянуть-то на нее —
Ослица в обезьянах,— все так думают.
А что до ночи, всяких бед виновницы,
Пожалуй, лучше помолчать. Кробилу я
На горе взял с шестнадцатью талантами
И с носом в целый локоть! А надменности

Такой, что разве стерпишь? Олимпийский Зевс,
Клянусь тобой с Афиной!.. Нет, немыслимо!
А девушку-служанку работящую —
Пойди, найди-ка ей взамен такую же! [46]

А Цецилий так:

Да, жалок тот, кто скрыть своих несчастий неспособен:
Молчу, а все улика мне дела и вид супруги.
Опричь приданого — все дрянь; мужья, на мне учитесь:
Свободен я и город цел, а сам служу, как пленник.
Везде жена за мной следит, всех радостей лишает.
Пока ее я смерти жду, живу в живых, как мертвый.
Затвердила, что живу я тайно со служанкою;
Плачем, просьбами, мольбами, руганью заставила,
Чтоб ее продал я. Вот теперь, думаю,
Со сверстницами и родными говорит:
«Кто из вас в цвете лет обуздать мог бы так муженька своего
И добиться того, что старуха смогла:
Отнять у мужа своего наложницу?»
Вот о чем пойдет беседа; загрызут меня совсем [47]!

Помимо совершенно неодинаковой привлекательности содержания и выражений в этих двух произведениях, я, по правде сказать, постоянно обращаю внимание на то, что написанное Менандром очень ясно, уместно и остроумно, Цецилий не попытался передать даже там, где он мог бы сделать это, но опустил, как совершенно не стоющее внимания, и ввел что-то шутовское; а взятое Менандром из самой сущности человеческой жизни — простое, правдивое и увлекательное — зачем-то выкинул. Вот ведь, как тот же старик-супруг, беседуя с другим стариком-соседом и жалуясь на надменность жены, говорит:

Жена моя с приданым — ведьма. Ты не знал?
Тебе не говорил я? Всем командует —
И домом и полями — всем решительно,
Клянусь я Аполлоном, зло зловредное;
Всем досаждает, а не только мне она,
Нет, еще больше сыну, дочке.
(Сосед)
Дело дрянь,
Я знаю.

А Цецилий предпочел оказаться здесь скорее смешным, чем быть в соответствии и согласии с характером выведенного лица.

Вот как он это испортил:

(Сосед)
Жена твоя сварлива, да?

(Супруг)

Тебе-то что?

(Сосед)

А все-таки?

(Супруг)

Противно вспомнить! Стоит мне
Домой вернуться, сесть, сейчас же целовать
Безвкусно лезет.

(Сосед)

Что ж дурного? Правильно:
Чтоб все, что выпил ты вне дома, выблевал.

А вот еще отрывок из обеих комедий, из которого ясно, как надо судить о нем. Смысл этого отрывка приблизительно такой: дочь одного бедного человека была обесчещена на ночном празднестве. Отец об этом не знал, и дочь считалась девицей. После бесчестия она понесла, и в положенный срок начались роды. Верный раб, стоявший у дверей дома и не знавший ни о том, что хозяйская дочь должна родить, ни о насилии над нею, услышал стоны и плач роженицы. Он испуган, рассержен, подозревает, жалеет, горюет. Все эти душевные движения и переживания сильны и ярки в греческой комедии, а у Цецилия все это вяло и лишено всякого достоинства и прелести. Затем, когда раб узнал из расспросов о случившемся, он выступает у Менандра так:

Злосчастен трижды тот бедняк, что женится
Да и детей рожает. Безрассуден тот,
Кому поддержки нет нигде в нужде его,
И кто, когда позор его откроется,
Укрыть его от всех не может деньгами.
Но без защиты продолжает жизнь влачить
Под вечной непогодой. Доля есть ему
Во всех несчастьях, ну а в счастье доли нет.
Один вот этот горемыка — всем пример.

Посмотрим, постарался ли Цецилий приблизиться к искренности и правдивости этих слов. Вот соответствующие Менандровым стихи стихи Цецилия; слова урезаны и сшиты из трагической напыщенности:

...тот несчастный, право, человек,
Который беден и детей на нищету обрек:
Его судьбина вся всегда открыта всем.
А вот позор богатых никому не зрим.

Итак, как я уже сказал, когда я читаю это отдельно у Цецилия, все кажется отнюдь не лишенным приятности и вовсе не вялым; когда же я сравниваю и сопоставляю его с греческим текстом, я думаю, что Цецилию нечего было гнаться за тем, чего догнать он не мог.

Книга III

3. Как опознать подлинность комедий Плавта, под именем которого без разбора распространяются комедии, несомненно ему принадлежащие и подложные; и о том, что Плавт писал пьесы на мельнице, а Невий в тюрьме

Мне кажется справедливым то, что я услышал от некоторых весьма образованных людей, пытливо и внимательно читавших комедии Плавта: они говорят, что склонны верить не сообщениям Элия, Седигита, Клавдия, Аврелия, Акция, Манилия [48] относительно так называемых «сомнительных» комедий, но самому Плавту, свойству его дарования и характеру стиля. Ведь мы видим, что этим же признаком руководствовался и Варрон. Кроме тех двадцати одной комедии, называемых «варроновыми», которые он выделил из прочих, как бесспорно и по общему признанию принадлежащие Плавту, он отметил и некоторые другие, по стилю и характеру остроумия показавшиеся ему сходными с манерой Плавта и эти, уже приписанные другим комедии, он также счел возможным отдать Плавту, так же как и ту, озаглавленную «Boeotia», которую мы читали совсем недавно. Хотя ее и нет в числе тех двадцати одной и приписывается она Аквилию [49], Варрон, тем не менее, нисколько не сомневается в ее принадлежности Плавту, да и всякий, кто усердно читает Плавта, не станет в том сомневаться, прочитай он из этой комедии хотя бы одни эти стихи, которые я вспомнил и привожу здесь, поскольку они «насквозь плавтовские», как сказал бы сам Плавт. Голодный парасит говорит там вот что:

Пусть сгинет тот, кто первый изобрел часы,
Поставил первый измеритель солнечный!
День раздробил на части он мне бедному!
В ребячестве часами было брюхо мне
Гораздо лучше и вернее этих всех:
Оно внушит тебе, бывало,— ты и ешь
(Не в счет идет то время, если нет еды):
Теперь, когда и есть еда, а не едят,
Покуда не позволит солнце этого,
И город так часами переполнен весь!
Иссох народ, чуть ползает от голода [50].

И наш Фаворин, когда я ему читал «Нерволярию» Плавта, находящуюся среди сомнительных пьес, услышав из этой комедии этот вот стих:

Лахудры, хромы, грязны и нечесаны,—

был восхищен древностью и комизмом выражений, обозначающих порок и безобразие блудниц. «Право,— воскликнул он,— один только этот стих может убедить, что комедия эта принадлежит Плавту».

Сам я тоже, читая недавно «Fretum»,— так называется комедия, которую тоже не считают принадлежащей Плавту,— ничуть не сомневался, что это подлинная плавтовская комедия и даже подлиннее многих других. Из нее я выписал два стиха, пытаясь найти рассказ об Арретинском оракуле [51]:

А на Великих играх вот каков «ответ Арретия»:
Погибну, коль не сделаю, коль сделаю, пропал я.

Марк Варрон в первой книге «О комедиях Плавта» приводит следующие слова Акция: «Комедии „Geminei", „Lenones", „Condalium", „Anus", „Bis compressa", „Boetia", „Agroecus", „Commorientes" никогда не принадлежали Плавту, а написаны Марком Аквилием».

В этой же книге Варрона написано, что существовал другой комический поэт по имени Плавтий. Так как его комедии были надписаны «Plauti», то они и были приняты за произведения Плавта и названы «плавтовские» вместо «плавтиевские».

Под именем Плавта ходило до ста тридцати комедий, ученый же Луций Элий полагает, что ему принадлежат только двадцать пять. Несомненно, однако, что комедии, которые носят имя Плавта, но подлинность которых сомнительна, принадлежали другим древним поэтам, а Плавтом были только переработаны и отделаны, и потому-то носят следы его стиля. Но что касается комедий «Saturio», «Addictus» и какой-то третьей, название которой мне сейчас не приходит в голову, то, как сообщает Варрон и многие другие, Плавт написал их на мельнице, когда все деньги, сбереженные им во время работы в театре, он потерял в торговле, вернулся в Рим бедняком и в поисках средств к существованию нанялся к мельнику ворочать жернова.

Слышал я, говорят и о Невии, что он написал две комедии — «Hariolus» и «Leon» — в тюрьме, куда он был брошен по приказу триумвиров за постоянную дерзость и резкое порицание высокопоставленных лиц. Оттуда он был выпущен народными трибунами после того, как в вышеназванных комедиях он искупил свои проступки и дерзкие слова, которыми раньше оскорбил многих.

11. О том, какими неосновательными аргументами пользуется Акций в дидаскалиях, пытаясь доказать, что Гесиод старше Гомера

О времени жизни Гомера и Гесиода нет единого мнения. Одни, среди которых Филохор и Ксенофан [52], писали, что Гомер старше Гесиода, другие, среди них поэт Луций Акций и историк Эфор [53], считают, что он младше. А Марк Варрон в первой книге «Портретов» говорит, что трудно решить, кто из двух поэтов прежде родился, но несомненно какое-то время они были современниками; это доказывает надпись на треножнике, который, говорят, на горе Геликон поставлен Гесиодом [54]. Акций же в первой книге дидаскалий пользуется крайне слабыми доводами, посредством которых пытается доказать, что Гесиод родился первым. «Гомер, говорит он, в первой книге «Илиады» [55] называет Ахилла сыном Пелея, а кто был Пелей не сообщает, об этом он, без сомнения сказал бы, не будь оно сказано уже Гесиодом. То же о Циклопе — что он был одноглазым: конечно, Гомер не прошел бы мимо такого в высшей степени замечательного штриха, если б об этом не было рассказано раньше в стихах Гесиода [56]. О родине Гомера еще больше разногласий. Одни говорят, что он был из Колофона, другие — что из Смирны; одни считают его афинянином, а другие — египтянином. Аристотель сообщает, что он родился на острове Иос [57]. Марк Варрон в первой книге «Портретов» к портрету Гомера приложил следующую надпись:

Гомера холм отмечен белой козочкой.
Иэты жертвой этой чтут покойника [58].

Книга V

16. О сущности и способах зрения

Я обратил внимание на различные мнения философов о сущности процесса зрения и его свойствах.

Стоики говорят, что причиной зрения являются лучи, испускаемые из глаза и направленные на предмет, и вместе с тем напряжение воздуха.

Эпикур думает, что из всех тел истекают частицы, подобные им самим, сами проникают в глаза и, таким образом, возникает чувство зрения.

Платон считает, что из глаз исходят некоторого рода лучи огня и света, которые, непрерывно соединяясь со светом солнца или со светом другого светила, освещают собственной силой и при помощи силы посторонней все, на что наталкиваются, и заставляют нас это видеть.

Однако об этом не надо дольше говорить, а лучше воспользоваться советом того же вышеупомянутого Энниева Неоптолема, который полагает, что ознакомиться с философией нужно, но углубляться в нее не следует.

18. Чем и насколько отличается история от летописи и слова об этом Семпрония Аселлиона, извлеченные из первой книги его истории

Некоторые думают, что история от летописи отличается тем, что хоть и то и другое есть рассказ о происшедших событиях, однако история есть рассказ о тех собственно событиях, свидетелем которых был рассказчик. О том, что некоторые держатся такого мнения, говорит Веррий Флакк[59] в четвертой книге «О значении слов»; и хоть сам он в этом сомневается, однако полагает, что это мнение имеет какое-то значение, потому что ἱστορία по-гречески означает рассказ очевидца событий. Мы же обычно слышим, что летопись — то же, что и история, но история — не совсем то же, что и летопись, это вроде того, как говорят: человек — животное, но животное — не обязательно человек.

Таким образом, говорят, история есть или изложение или описание, или, как вам будет угодно называть это, происшедшего, летопись же — когда события многих лет излагаются непосредственно год за годом, с соблюдением хронологического порядка. Когда же не по годам, а по отдельным дням описываются минувшие события, это называется у греков словом ἐφημερίς латинское истолкование которого есть в перой книге Семпрония Аселлиона[60]; из нее я и привел несколько строк, чтобы показать вместе с тем, как он сам определил разницу между историей и летописью.

«Между тем,— говорит он,— которые предпочитали составлять летопись, и теми, которые пытались описать историю римского народа, существует следующее различие: летописцы рассказывали только о том, что произошло и в какой именно год, подобно тем, которые пишут дневник, по-гречески называемый ἐφημερίς. Мне же кажется недостаточно только рассказать о происшедшем, но надо показать, какова цель события и причина его». Несколько ниже в той же книге Аселлион говорит: «Летопись не в состоянии ни побудить кого-либо к более горячей защите отечества, ни удержать от совершения дурных поступков. А писать, при каком консуле началась война и при каком окончилась, кто справил триумф и что случилось на войне, не упоминая между тем ни о постановлениях сената, ни о внесенных законопроектах, ни о целях, руководивших этими событиями,— это значит рассказывать детям сказки, а не историю писать».

3. Что Туллий Тирон, вольноотпущенник Цицерона, порицал в речи Марка Катона, которую он произнес в сенате в защиту родосцев; и что я на это порицание ответил

Родосское государство [61] славилось и выгодностью расположения острова, и превосходным качеством сооружений, и искусством в мореплавании, и морскими победами. Это государство, хоть и было римскому народу другом и союзником, однако поддерживало дружеские отношения с царем Македонии — Персеем [62], сыном Филиппа, с которым римский народ воевал, и родосцы старались, часто отправляя в Рим посольства, эту войну между ними прекратить. Когда же это примирение не состоялось, многие родосцы на своих собраниях стали говорить народу, что если мир не будет заключен, то они будут поддерживать царя против римского народа. Тем не менее никакого публичного решения по этому поводу вынесено не было. Но когда Персей был побежден и взят в плен, родосцы забеспокоились о том, что неоднократно происходило и высказывалось на их народных собраниях, и послали в Рим послов попросить прощения за безрассудство некоторых их граждан и пообещать всеобщую верность и благоразумие. После того как послы прибыли в Рим и были допущены в сенат, после того как они смиренно изложили свое дело и вышли из курии, начался обмен мнениями; и когда часть сенаторов жаловалась на родосцев, говоря. что они были плохо настроены и с ними надо начать войну, тогда поднялся Марк Катон [63] и приступил к защите и ограждению лучших и вернейших союзников Рима, к расхищению и разграблению чьих богатств были устремлены алчные помыслы многих знатных лиц, и он произнес знаменитую речь «За родосцев», которая отдельно издана, а также помещена в пятой книге «Начал».

Тирон Туллий [64], вольноотпущенник Цицерона, был, бесспорно, человек недюжинного ума, сведущий в вопросах древней литературы; с детских лет тщательно обучив его, Цицерон использовал его как помощника и почти сотрудника в своих литературных занятиях. Однако он был дерзок больше, чем это можно стерпеть и извинить. Слишком смелое и опрометчивое письмо он написал Гаю Аксию [65], другу своего патрона, разобрав в нем эту речь «За родосцев» с остроумием и тонкостью суждения, как самому ему казалось. И мне вздумалось заняться некоторыми его порицаниями из этого письма с тем, чтобы осудить Тирона, с большей, разумеется, снисходительностью, чем он критиковал Катона.

Осуждал он прежде всего то, что Катон неумело и неискусно воспользовался в начале речи слишком высокомерным, слишком резким и порицающим тоном, выразив опасение, как бы сенато-

ры, потеряв голову от радости и веселья за благополучный исход войны, не оказались бы неспособными, будучи не в полном уме, здраво мыслить и принимать решения. Между тем, говорит Тирон, в начале же защитники обвиняемых должны расположить к себе судей и склонить их к милости, а их чувства, неопределенные и сдержанные в ожидании дела, должны смягчать учтивыми и скромными суждениями, а не раздражать несправедливыми и властными угрозами. Затем он привел и самое начало, вот его слова: «Я знаю, что у многих людей в счастливых, удачных и благоприятных обстоятельствах обычно поднимается дух, растет и усиливается гордость и высокомерие. Поэтому и теперь очень опасаюсь, как бы вследствие столь счастливого окончания нынешних событий в наше решение не вмешалось чего-нибудь дурного, что могло бы поколебать наше счастье, и как бы эта радость не вышла из пределов умеренности. Несчастье смиряет и учит тому, что нам следует делать; счастье же обычно отклоняет от правильного суждения и понимания. Вот почему я особенно настаиваю и советую отложить это дело на несколько дней, пока мы не придем в себя от столь великой радости».

Последующие слова Катона, говорит Тирон, являются признанием вины родосцев, а не их защитой, и не содержат в себе ни отклонения вины, ни попытки переложить ее на кого-то, а содержат лишь указание на причастность к ней многих других, что, конечно, вовсе не имеет значения для оправдания. И сверх того, говорит он, Катон признает, что когда родосцы обнаружили свое расположение к царю и поддерживали его против римского народа, то они делали это ради собственного интереса, чтобы римляне, победив царя Персея, не преступили бы меры надменности, дерзости и высокомерия. Затем приводит и самые слова Катона так, как написано ниже: «Я также думаю, что родосцы не желали, чтобы мы так окончили войну, как она окончена, и чтобы мы победили царя Персея. Но этого не желали не только родосцы, не желали этого, я думаю, многие народы и племена; и я не знаю не было ли между родосцами таких, которые не желали нашей победы не только ради нашего бесчестия, но также из опасения, что, если нам будет некого бояться, и мы станем делать все, что нам вздумается, то они должны будут подпасть под нашу власть и сделаться нашими рабами. Ради своей свободы, думаю, они держались такого мнения. Родосцы, однако, никогда не помогали Персею от имени государства. Подумайте, насколько осторожнее поступаем мы в наших частных отношениях. Каждый из нас, если видит, что дело идет против его выгоды, старается всеми силами противодействовать этому. А они, однако, это допустили».

Что касается порицаемого вступления, Тирону следовало бы знать, что Катон защищал родосцев как сенатор и как бывший

консул и цензор, пекущийся о пользе государства, а не только как адвокат, выступающий за обвиняемых. Ведь одни вступления полезны обвиняемому, который ищет у всех снисхождения и жалости, другие — человеку авторитетному, когда он выступает перед сенатом, возбужденный несправедливыми суждениями некоторых сенаторов, и говорит откровенно и с достоинством, с негодованием и с болью, выступая за интересы общества и за спасение союзников. В самом деле, справедливо и полезно предписание риторических правил о том, что судей, обсуждающих чужую жизнь и чужое дело, в котором без всякой опасности или выгоды для себя они выполняют лишь служебную обязанность, нужно миролюбиво и мягко умилостивлять и склонять к благоприятному мнению о том, кого они судят. Но когда дело идет об общих для всех достоинстве, чести и интересе и надо или заставить принять решение или отклонить уже начавшееся дело, тогда тот, кто старается во вступлении к речи подготовить слушателей к доброжелательности и благосклонности, попусту тратит время на ненужные слова. Ведь уже давно само положение дел и общие опасности подготовили их к принятию советов и скорее уж они сами просят оратора о благосклонности.

А когда Тирон говорит, будто, по словам Катона, родосцы не хотели, чтобы война окончилась так, как она окончилась, и чтобы царь Персей был побежден римским народом и будто не только родосцы, но и многие другие народы не хотели этого (хотя все это ничуть не способствует оправданию родосцев или ослаблению их вины),— то уж здесь Тирон бесстыдно лжет. Он приводит слова Катона, а другими словами толкует его превратно. В самом деле, Катон не прямо сказал, что родосцы не хотели победы римского народа, а только сказал, что ему так кажется, что они не хотели этого; это было, несомненно, выражением личного мнения, а не признанием вины родосцев. В этом, мне думается, он не только не виноват, но достоин даже похвалы и удивления, так как откровенно и чистосердечно высказывал против родосцев то, что чувствовал. А снискав себе доверие искренностью он, однако, все то, что считалось неблагоприятным, направил и повернул так, чтобы именно по требованию справедливости родосцы оказались более желанными и дорогими для римского народа, так как, несмотря на выгоду и желание помочь царю, они все же ничего не сделали для оказания ему содействия.

Затем Тирон приводит из этой же речи следующие слова: «Неужели теперь вдруг мы должны оставить связывающие нас взаимно столь большие выгоды, столь большую дружбу? То, что мы говорим, они будто бы хотели сделать, мы поспешим сделать первыми?». Такая энтимема[66], говорит Тирон, негодна и порочна. Потому что можно ответить Катону: конечно, мы поспешим,

ведь если мы не предупредим противника, то будем застигнуты врасплох и попадем в сети, от которых заранее не остереглись. И прав, говорит он, Луцилий[67], когда упрекает поэта Еврипида за сцену, где царь Полифонт[68] говорит, что убил брата потому, что тот сам намеревался раньше убить его, а Меропа, жена брата, возражает ему следующими словами:

Ты говоришь: он ждал, чтобы убить тебя.
Так почему же сам ты подождать не мог?

Это ведь, говорит Тирон, верх глупости хотеть что-нибудь сделать и сознательно старается не делать того, что хочешь. Однако Тирон, очевидно, не обратил внимания на то, что обстоятельства принятия мер предосторожности не всегда бывают одинаковыми и что занятия, действия и обязанности человеческой жизни, будь это опережение или отсрочка, отмщение или предосторожность, не похожи на гладиаторскую битву. Ведь гладиатору, готовому к битве, предложен в бою такой жребий: или убить противника, если он опередит его, или быть убитому, если придется отступить, и противник окажется опередившим. Но человеческая жизнь не ограничена столь несправедливой и неизбежной необходимостью, чтобы нужно было первому причинять обиду только потому, что можешь пострадать сам, если не сделаешь этого. Такой образ действия вовсе не согласуется с милосердием римского народа, который часто даже причиненные ему обиды оставлял без внимания и отмщения.

Затем, говорит Тирон, Катон в той же речи употребил недостаточно честные и слишком дерзкие доказательства, свойственные не такому человеку, каким он вообще был, но лукавые и обманчивые, подобные хитросплетениям греческих софистов[69]. Он говорит: когда упрекали родосцев в том, что они хотят воевать против римского народа, и Катон почти не отрицал этого, а только просил прощения для них, потому что они этого не сделали, хотя и очень хотели, то он представил тот род доказательства, который диалектики называют «индукцией», весьма коварный и софистический, с помощью которого можно доказать как истину, так и ложь, поскольку он пытался обманчивыми примерами установить и доказать, что несправедливо наказывать желавшего сделать зло, если он не исполнил своего желания. Вот слова Катона из этой речи: «Кто говорит против них с наибольшим ожесточением, тот говорит: „Они хотели сделаться врагами“. Но кто из вас по отношению к самому себе считал бы справедливым наказание за то, что он обличен в желании дурно поступить? Я думаю никто. Я и сам не хотел бы такого наказания». Затем, немного далее, он говорит: «Так что же? Есть ли, наконец, столь жестокий закон, который бы гласил: если кто-нибудь сам захочет сделать что-то, заплатить должен тысячу мин, если вина члена

семьи — половину; если кто захочет иметь более пятисот югеров земли, то должен быть наказан так-то; если кто захочет иметь большее количество скота, то должен быть приговорен к такому-то штрафу? Но ведь мы всего хотим иметь больше, и нас за то не наказывают». Дальше он говорит так: «Но если несправедливо, чтобы кому-либо оказывалась честь за то, что, по его словам, он желал сделать хорошее, однако не сделал, то неужели родосцы должны пострадать не за то, что поступили дурно, а за то, что будто бы хотели так поступить?» Этими доказательствами, говорит Туллий Тирон, Марк Катон убеждает и утверждает, что не нужно наказывать родосцев, так как, хоть они и хотели стать неприятелями римскому народу, однако же не стали. Нельзя, однако, говорит Тирон, умалчивать о том, что желание иметь пятьсот югеров земли, что, вопреки народному постановлению, совсем не то же самое, что желание предпринять несправедливую и нечестивую войну с римским народом, и нельзя также не признать, что основание для награждения бывает одно — для наказания другое. Ведь обещанных благодеяний, говорит, нужно ждать и благодарить за них не раньше, чем они будут сделаны, а угрожающих обид следует не ждать, а остерегаться. В самом деле, добавляет он, высшее проявление глупости не противиться задуманным преступлениям, а оставаться в ожидании пока они не будут совершены и окончены, откладывая наказание до тех пор, когда уже сделанного не вернешь.

Эти упреки Тирона Катону не так уж слабы и не лишены, разумеется, основательности. Но ведь Катон эту индукцию представил не голой, не одинокой, не беззащитной, а подкрепил разными способами и усилил множеством других аргументов; и так как он заботился об интересах республики больше, чем об интересах родосцев, то не остановился ни перед каким словом или делом, лишь бы любыми средствами убеждения добиться сохранения союзников. Во-первых, он искусно отыскал (для примера) то, что запрещено не естественным или народным правом, но правом законов, продиктованных временем и частными нарушениями, как например, о числе скота и об определенной мере земли, а в той области хоть запрещенное и не позволяется делать по законам, однако, хотеть это сделать, если б было позволено, не бесчестно. А потом он мало-помалу сопоставил и смешал эти желания с тем, что и делать и желать само по себе нечестно. И чтобы скрыть неосновательность сопоставления, он привел в защиту этого множество аргументов. Это не значит, что он придает значение тем тонким и изощренным осуждениям недозволенных желаний, о каких на досуге рассуждают философы; просто он изо всех сил старается, чтобы дело родосцев, дружбу с которыми было полезно сохранить для республики, было признано правым, или, по крайней мере, достойным прощения. То он го-

ворит, что родосцы не начали войну и не хотели начинать, а между тем заявляет, что рассуждать и судить следует только об одних поступках, одни же пустые намерения не подлежат ни законам, ни наказанию. А то вдруг он, словно признавая их виновность, просит простить их и доказывает, что прощение полезно человеку; если их не простят, он возбуждает страх за возможные перемены в республике, если же, напротив, простят, он обещает, что величие римского народа останется незыблемым.

Что касается обвинения в высокомерии, в котором тогда, помимо прочего, упрекали в сенате родосцев, он отразил и разбил его удивительным, почти божественным ответом. Я привожу слова самого Катона, поскольку Тирон пропустил их: «Говорят, что родосцы высокомерны. Такое обвинение я менее всего желал бы услышать по отношению к себе и своим детям. Но пусть они будут высокомерны. Что ж нам до этого? Неужели вы сердитесь на то, что есть кто-то более высокомерный, чем мы?» Решительно ничего нельзя высказать более веского, более сильного, чем этот укор, обращенный к в высшей степени гордым людям, которые в себе гордость любят, а в других осуждают.

Кроме того, можно заметить, что на всем протяжении этой речи Катона применены все средства и все силы риторики, но не так, как мы видим это в служащих для забавы турнирах или потешных сражениях, т. е. не слишком последовательно, красиво и стройно, но как бы в сомнительном бою, когда боевой строй разъединен и сражение происходит во многих местах и с переменным успехом; так и Катон в этом деле, когда пресловутая гордость родосцев была предметом пламенной ненависти и зависти многих, использовал без разбора все способы поддержки и защиты: то он рекомендует родосцев за их большие заслуги, то оправдывает как якобы невиновных и осуждает римлян за несостоятельное домогательство их имущества и богатства; то умоляет простить родосцев, будто они совершили преступление, то объявляет, что они необходимы Риму как союзники; напоминает сенаторам то о милости, то о гуманности предков, то об общественной пользе. Все это, возможно, могло быть сказано последовательнее, благозвучнее, но с большей силой и живостью, мне кажется, не могло быть сказано. Поэтому несправедлив Тирон Туллий, когда из всех средств столь богатой речи, зависящих друг от друга и взаимосвязанных, он выбрал для осуждения нечто незначительное и обособленное: недостойно было для Катона то, что он не счел заслуживающими наказания преступные намерения, не приведенные в исполнение.

Удобнее и правильнее оценит и рассудит этот мой ответ Туллию Тирону тот, кто ознакомится с самой речью Катона

и постарается отыскать и прочитать письмо Тирона, написанное Аксию. Таким образом он сможет более беспристрастно и верно или исправить меня или согласиться со мной.

3. Достойный упоминания рассказ об актере Поле[70]

Был в Греции знаменитый актер, который превосходил других ясностью голоса и красотой жеста; имя его, говорят, было Пол. Трагедии известных поэтов он представлял искусно и правдиво. У этого Пола смерть отняла горячо любимого сына. Когда, казалось, он уже достаточно погоревал над своей утратой, он вернулся к профессии актера. В это время в Афинах, представляя Электру[71] Софокла, он должен был нести урну с мнимым прахом Ореста. Эта сцена была задумана так, что Электра, неся как бы останки брата, горько оплакивает его погибель. И вот Пол, облаченный в траурные одежды Электры, обняв, как будто это урна Ореста, урну с прахом своего сына, которую он извлек из могилы, наполнил все кругом не призрачным и не показным, а настоящим страданием, плачем и вздохами. Таким образом, когда, казалось, исполнялась пьеса, была представлена подлинная скорбь.

14. О трех родах речи и о трех философах, которых афиняне отправили в качестве послов в римский сенат

Как в стихотворной, так и в поэтической речи есть, вероятно, три рода стиля, которые греки называют χαρακτῆρες и обозначают их: ἁδρὸς, ἰσχνὸς, μέσος. Так же и мы: первый род называем изобильным, второй — простым, третий — умеренным. Изобильному свойственны достоинство и величавость, простому — изящество и тонкость, умеренный находится посредине между ними, воспринимая часть качеств того и другого.

При каждом из этих хороших качеств речи возникло соответствующее число пороков, которые обманчивым сходством создают видимость их манеры и свойства. Так, большей частью, надутые и напыщенные речи обманчиво кажутся изобильными, неотделанные и сухие — простыми, темные и двусмысленные — умеренными. Настоящими же и специальными примерами каждого рода речи, говорит Варрон, в латинском языке являются: изобильного — Пакувий, простого — Луцилий, умеренного — Теренций. Но эти самые три рода стиля уже в прежнее время представлены Гомером в речи трех героев: блестящий и изобильный в речи Улисса, тонкий и сдержанный в речи Менелая, смешанный и умеренный в речи Нестора.

Это же самое тройное различие стиля замечено в речах трех философов, посланных афинянами в римский сенат и к римскому народу с тем, чтобы ходатайствовать об уменьшении штрафа,

к которому они были приговорены за опустошение Оропа[72]. Штраф составлял приблизительно пятьсот талантов. Философами этими были: Карнеад — академик, Диоген — стоик, Критолай — перипатетик[73]. Будучи приведены в сенат, они, разумеется, говорили через переводчика, сенатора Гая Ацилия, однако еще до того сами, каждый отдельно, хвастовства ради, рассуждали перед многочисленным собранием римлян. Было удивительно различным красноречие каждого из трех философов, сообщают Рутилий[74] и Полибий. Карнеад, по их словам, говорил горячо и быстро, Критолай — искусно и плавно, Диоген — скромно и умеренно.

Каждый же из этих родов речи, как мы уже говорили, бывает замечательным, если украшается естественно и скромно, но если подделывается и подкрашивается — становится фальшивым.

17. Кто первый основал общенародную библиотеку и сколько было книг в публичной библиотеке Афин до взятия их персами

Говорят, что тиранн Писистрат первый в Афинах основал публичную библиотеку из собранных им литературных и научных произведений. Потом сами афиняне увеличивали ее еще более заботливо и тщательно; однако все это множество книг, после захвата Афин и сожжения всего города, за исключением крепости, Ксеркс похитил и приказал вывезти в Персию. Спустя много лет царь Селевк[75], прозванный Победителем, позаботился о возвращении всех этих книг в Афины.

Затем в Египте по воле Птолемеев было собрано и написано огромное число книг — около семисот тысяч томов[76]; но в первую Александрийскую войну, когда город был разграблен, все они, не по чьей-либо воле или умыслу, а случайно, были сожжены солдатами вспомогательных войск[77].

Книга X

3. Сопоставление и сравнение некоторых известных отрывков из речей Гая Гракха, Марка Цицерона и Марка Катона

Гай Гракх считается оратором энергичным и сильным. Никто этого не отрицает. Но если некоторым он представляется более значительным, более пылким и более красноречивым, чем Цицерон — этого допустить нельзя. Мы читали совсем недавно речь Гракха об обнародовании законов[78], в которой он со всей ненавистью, на какую только способен, изъявляет свое неудовольствие по поводу того, что Марк Марий и несколько честных граждан из муниципальных городов Италии были несправедливо высечены розгами по приказу магистрата римского народа.

Вот они, его слова об этом: «Недавно в Теан Сидицинский [79] прибыл консул. Его жена сказала, что хотела бы вымыться в мужской бане. Сидицинскому квестору Марку Марию было поручено выгнать из бань тех, кто там мылся. Жена заявила мужу, что баня ей была предоставлена недостаточно быстро и что она была недостаточно чиста. Тогда на форуме был поставлен столб и к нему был приведен благороднейший человек этого города — Марк Марий. С него стащили одежды и высекли розгами. Каленцы [80], как только об этом услыхали, объявили, чтобы никто не посмел мыться в банях, когда в их городе находится римский магистрат. И в Ферентине [81] по той же причине наш претор приказал схватить местных квесторов: один из них бросился со стены, другой был схвачен и высечен розгами».

В деле столь жестоком, в засвидетельствовании публичной несправедливости столь горестной и печальной есть ли что-нибудь, что сказал бы он или горячо и замечательно или трогательно и страстно, или же с красноречивым возмущением и с суровой и проникновенной жалобой? Здесь есть разве что краткость, приятность, чистота речи — то, что свойственно легкому стилю комедии.

Тот же Гракх в другом месте говорит так: «Как велика распущенность и необузданность этих молодых людей, я покажу вам на следующем примере. Несколько лет тому назад из Азии был послан в качестве легата молодой человек, который в то время еще не занимал никакой должности. Его несли на носилках. Встретился ему пастух из Венузии [82] и в шутку, не зная, кого несут, спросил, не покойника ли? Как только тот услыхал это, приказал опустить носилки и теми веревками, которыми они были связаны, велел бить пастуха до тех пор, пока он не испустил дух».

Эта речь о столь насильственном и жестоком поступке в самом деле нисколько не отличается от обыденной речи. Наоборот, когда у Марка Туллия в речи на подобную тему [83] невинных римских граждан, вопреки праву и законам, секут розгами и осуждают на смертную казнь, то какое там горе! Какой плач! Какая картина всего дела стоит перед глазами! Какое море ненависти и горечи бушует! Когда я читал эти слова, передо мной словно носились видения, мне слышался шум ударов, крики, рыдания. Или вот его слова о Верресе, которые я привел здесь, насколько смог их припомнить: «Сам он в возбуждении от задуманного преступного злодейства вышел на площадь. Взор его пылал, все его черты носили отпечаток жестокости. Все ожидали на что он решится, что он намерен сделать? Как вдруг он приказывает этого человека схватить, раздеть, привязать к столбу и чтобы приготовить розги». Действительно, одни уж эти слова «nudari et deligari et virgas expediri jubet» — столь волнующи и

ужасны, что кажется будто не рассказ слышишь, а все видишь своими глазами.

Гракх не жалуется, не призывает на помощь, а только рассказывает: «На форуме, говорит он, был поставлен столб. С Мария стащили одежду. Он был высечен розгами». Цицерон же, прекрасно развернув картину, не говорит: «был высечен розгами», но: «Секли розгами на мессанской площади римского гражданина, но, несмотря на все страдания этого несчастного, ни один стон не прерывал свиста розог, кроме этих слов: „Я римский гражданин!" Он думал, что это упоминание о гражданстве отвратит все удары и избавит его тело от мучений». С какой энергией, с какой страстностью и с каким жаром он затем изливает свое возмущение столь жестоким поступком, возбуждая у римских граждан ненависть и отвращение к Верресу, восклицая: «О, сладкое имя свободы! О, великие права нашего гражданства! О, Порциев закон и законы Семпрониевы! [84] О, трибунская власть, о которой с горечью тосковал наш плебс и которая, наконец, возвращена ему! До того дошло, что римский гражданин, в провинции римского народа, в городе союзников, привязанный на форуме, подвергается сечению розгами со стороны того, кто сам имеет фаски и секиры лишь милостью римского народа! Разводили огонь, приготовляли раскаленное железо, подносили прочие орудия пытки — и тебя не тронули не только его страдальческие мольбы, его трогательные возгласы, но и раздирающий плач и стоны присутствовавших на этом зрелище римских граждан?» [85].

С какой обстоятельностью и достоинством, с каким красноречием и сообразностью высказывает свое сожаление об этом Марк Туллий! Впрочем, если есть человек, слух которого столь груб и неотесан, что ему не доставляет удовольствия ясность и прелесть этой речи и правильная соразмерность слов, но он предпочитает речь первого оратора потому, что она безыскусственна, коротка, легко написана, обладает какой-то природной привлекательностью и сохраняет подобие и как бы оттенок темной старины, этот человек, если он способен рассуждать, пусть рассмотрит речь Катона, оратора более древнего, чем Гракх, на подобную же тему, силы и изобилия этой речи Гракх даже и не старался достичь. И тогда станет понятно, я думаю, что Катон не был доволен красноречием своего века и уже тогда пытался осуществить то, в чем позднее Цицерон достиг такого совершенства. Так, в речи под заглавием «О летних битвах» он таким образом негодует на Квинта Терма [86]: «Он сказал, что децемвиры мало позаботились о доставке ему провианта. Он приказал стащить с них одежды и сечь их ремнями. Децемвиров секли бруттийцы [87], видели это многие смертные. Кто может вынести это оскорбление, этот произвол власти, это рабство? Этого не осмелился

сделать ни один царь; и это делается с людьми приличными, хорошего рода, благонамеренными? Где же союз? Где верность обязательствам? Самые унизительные обиды, удары, побои, рубцы, эти страдания и истязания ты осмелился позорным и самым оскорбительным образом обрушить на людей на глазах их собственных земляков и бесчисленной толпы? Но какую печаль, какой стон, какие слезы, какой плач я слышал! Рабы с трудом выносят обиды: что же, по вашему мнению, чувствовали и будут чувствовать люди благородные, наделенные великими доблестями?».

Катон говорит: «секли бруттийцы»; если кто, может быть, станет расспрашивать о бруттийцах, то вот что это значит. Во время пребывания в Италии Ганнибала Карфагенского с войском и после нескольких неудачных сражений римского народа, бруттийцы, из всей Италии первыми, перешли на сторону Ганнибала. Досадуя на это, римляне, после отступления Ганнибала из Италии и поражения карфагенян, не стали брать бруттийцев на военную службу, чтобы заклеймить их позором, не признавали за союзников, но приказали подчиняться отправляющимся в провинции магистратам и служить им в качестве рабов. Итак они, подобно тем, которые в комедиях зовутся lorarii [88], следовали за магистратами, и тех, кого им приказывали, связывали и секли розгами.

Книга XI

6. О том, что римские женщины не клялись Геркулесом, а мужчины Кастором

В древних сочинениях ни римские женщины не клянутся Геркулесом, ни мужчины Кастором. Почему первые не клялись Геркулесом — понятно: ведь они воздерживались от жертвоприношений Геркулесу. Но вот почему мужчины не называют имени Кастора, когда клянутся,— сказать трудно. Таким образом никогда вы не найдете у хороших писателей, чтобы женщина говорила «клянусь Геркулесом», а мужчина «клянусь Кастором»; клятва же Поллуксом — общая и для мужчин и для женщин. Между тем Марк Варрон уверяет, что в древнейшие времена мужчины не клялись ни Кастором, ни Поллуксом — это была только женская клятва, взятая из Элевсинских мистерий. Однако мало-помалу из-за незнания древности мужчины стали говорить: «клянусь Поллуксом»; и так эта клятва вошла в обычай; но ни в одном древнем сочинении не найти клятвы Кастором в устах мужчины.

8. Что думал и высказал Катон об Альбине, который, будучи римлянином, написал римскую историю на греческом языке, заранее прося прощения за то, что в нем неискусен

Марк Катон, говорят, справедливо и остроумно укорял Авла Альбина [89]. Альбин, который был консулом с Луцием Лукуллом, написал по-гречески римскую историю. В начале его произведения написано примерно так: никто не должен сердиться, если что-либо в этих книгах будет написано не очень правильно или мало изящно; «ведь я,— говорит он,— римлянин, родившийся в Лациуме, греческая речь мне в высшей степени чужда» и потому, если в чем-либо будет погрешность, он просит милостиво простить его и не судить строго. Катон, прочитав это, сказал: «Ты, Авл, большой шутник, коли предпочитаешь извиняться в ошибке, чем избежать ее. Ведь обычно мы просим прощения, когда ошиблись, или по глупости или по принуждению. А тебя, хотел бы я знать, кто заставлял поступать так, что ты извиняешься в том, чего еще не сделал?» Написано это в XIII книге «О знаменитых людях» Корнелия Непота.

10. О том, что Гракх в своей речи приписал слова Демосфена ритору Демаду; отрывок из речи Гая Гракха

Слова, которые Критолай, как мы указали в предыдущей главе, приписал Демосфену, Гай Гракх, в речи против Авфеева закона, приписал Демаду [90]. Вот эти слова: «Если вы, квириты, захотите воспользоваться вашей мудростью и доблестью, то вы, сколько ни ищите, не найдете никого между ними, кто бы выходил сюда бескорыстно. Все мы, говорящие речи, домогаемся чего-нибудь, и никто не является перед вами с иной целью, как только чтобы унести что-нибудь. Я сам, который говорю перед вами о том, чтобы вы умножили ваши доходы и тем удобнее могли устроить ваши выгоды и выгоды государства, не даром выступаю: но я требую от вас не денег, но доброго мнения и почета. Те, которые выступают с намерением отсоветовать вам принять предложенный закон, домогаются не почета от вас, а денег от Никомеда [91]. Те же, которые советуют вам принять его, также ищут не доброго мнения у вас, но награды и платы от Митридата [92]. Ну а те, которые, будучи одного происхождения с нами и одного сословия, молчат,— те самые алчные: ведь они от всех берут деньги и всех обманывают. Вы, полагая, что они далеки от этих дел, наделяете их доброй славой, а послы царские, полагая, что они молчат в их интересах, доставляют им подношения и большие деньги; это как в Греции, когда один трагик стал хвастаться, что за одну пьесу он получил полный талант [93],

то Демад, красноречивейший в своем городе человек, ему ответил, говорят, так: „Тебе кажется удивительным, что ты получил талант за то, что ты говорил? Я же получил от царя десять талантов за то, чтобы молчать". Так и эти люди получают наибольшую награду за молчание».

Книга XIII

2. О дружеской беседе двух поэтов, Пакувия и Акция в Таденте

Те, у кого есть время и желание изучать и описывать жизнь и годы замечательных людей, написали о трагических поэтах Марке Пакувии и Луции Акции такого рода рассказ: «Когда Пакувий, говорят они, уже ослабленный старостью и продолжительной болезнью, уехал из Рима в Тарент, Акций, значительно моложе его, отправляясь в Азию, заехал в этот город, зашел к Пакувию и, радушно им принятый, задержался у него на несколько дней и прочитал по его желанию свою трагедию „Атрей". Пакувий, говорят, нашел, что эти стихи звучны и благородны, но, как ему кажется, несколько грубоваты и резки. „Ты прав, сказал Акций, и я вовсе не сожалею об этом, потому что надеюсь в будущем писать лучше. Ведь, говорят, таланты подобны плодам: те, которые рождаются грубыми и горькими, становятся потом нежными и сладкими, а те, которые сразу бывают мягкими и нежными и с самого начала сочными — не созревают, а быстро гниют". Следовательно, нужно, по-видимому, оставлять в природном даровании нечто такое, что возраст и время будут смягчать».

8. О том, что поэт Афраний справедливо и остроумно назвал мудрость дочерью упражнения и памяти

Оригинально и весьма справедливо мнение поэта Афрания[94] о возникновении и приобретении мудрости, согласно которому она является дочерью опытности и памяти. Ведь этим самым он показал, что кто хочет быть мудрым в жизни, тому нужны не только книги и обучение риторике и диалектике, но следует ему также обращаться и упражняться в познании и испытании практических дел и все эти дела и события твердо помнить; а затем — мыслить и поступать так, как учит самый опыт вещей, а не только так, как внушали книги и учителя при помощи пустых слов и образов, будто в комедии или во сне. Вот стихи Афрания из комедии, озаглавленной «Sella»:

Отец мой — Опыт, мать зовется Памятью;
Софией грек меня зовет, вы — Мудростью[95].

Почти такая же мысль заключена в стихе Пакувия, который, по мнению философа Македона [96], человека достойного и моего приятеля, должен быть высечен на дверях всех храмов:

...Ненавижу я
Дела лентяев и слова философов [97].

Ведь ничего не может быть недостойнее и невыносимее, говорил он, чем когда люди ленивые и праздные, прикрывшись бородой и плащом, нравоучение и пользу философии превращают в искусное пустословие и весьма красноречиво осуждают пороки, сами будучи насквозь пропитаны ими.

17 (16). «Humanitas» не то значит, что обычно думают; впрочем те, которые говорили правильно, употребляли это слово в более узком смысле

Те, которые создали латинский язык, и те, которые хорошо говорили на нем, предпочитали, чтобы слово «humanitas» не имело того значения, которое за ним считают и которое соответствует тому, что у греков называется φιλανθρωπία и означает какую-то благожелательность и благосклонность ко всем людям без исключения; нет, они придавали слову «humanitas» почти что смысл того, что греки называют παιδεία, а мы — «обучением» и «познанием» благородных наук. Те, которые искренне расположены и стремятся к ним, более всего заслуживают названия «humanissimu». Ведь стремление к науке и к изучению её из всех живых существ присуще одному человеку и потому называется «humanitas». В таком именно смысле это слово употреблялось древними и в особенности Марком Варроном и Марком Туллием, как показывают почти все их произведения. Поэтому я счел достаточным представить один пример. Я приведу здесь слова Варрона из первой книги «De rerum humanarum...» [98], начало которой гласит: «Праксителъ, благодаря своему выдающемуся искусству, известен всем хоть сколько-нибудь образованным людям („humaniori")». «Humanior» не имеет здесь обычного значения снисходительного, сговорчивого и доброжелательного, хотя и несведущего в словесных науках человека — это ведь никоим образом не согласуется с мыслью автора,— но означает человека, образованного и знающего, который из книг и из истории узнал о существовании Праксителя.

20 (19). О роде и именах фамилии Порциев

Когда мы — я, Аполлинарий Сульпиций [99] и некоторые другие мои или его приятели — сидели в библиотеке Тибериева дворца, нам случайно попалась в руки книга, на которой было написано: «Сочинение Марка Катона Непота». Мы стали спрашивать

себя, кто же такой был этот Марк Катон. И тут некий молодой человек, не чуждый, как можно было судить по его разговору, литературным занятиям, сказал: этот Марк Катон не прозвище имеет Непот, а просто был внуком («nepos») Марка Катона Цензора; и он же был отцом Марка Катона, претора, того, который в гражданскую войну в Утике бросился на меч. Цицерон о его жизни написал книгу под названием «Похвала Катону» [100] и говорит в этой книге, что он был правнуком Марка Катона Цензора. Итак, отцом того, которого восхвалял Цицерон, был этот Марк Катон, речи которого и сохранились под именем Марка Катона Непота.

Тогда Аполлинарий очень спокойно и мягко, в своей обычной манере возражения, сказал: «Хвалю тебя, сын мой, за то, что в столь молодом возрасте, хоть и не знаешь, кто был тот Катон, о котором сейчас идет речь, однако понаслышке имеешь кое-какое представление о роде Катонов. У того Марка Катона Цензора был не один внук, а несколько, родившихся не от одного отца; ведь у Марка Катона, оратора и цензора, было два сына, от разных матерей и разного возраста. Дело в том, что когда один из них достиг уже юношеского возраста, мать его умерла, а сам Катон, хотя был уже очень старым, взял себе в жены дочь своего клиента Салония, и у нее родился Марк Катон Салониан; это прозвище ему было дано по деду, отцу матери. От старшего сына Катона, который, будучи назначен претором, умер при жизни отца и оставил замечательные книги о правоведении, родился вот этот, о котором идет речь: Марк Катон, сын Марка, внук Марка. Он был довольно сильным оратором, и по примеру своего деда оставил много написанных речей, был он и консулом с Гаем Марцием Рексом и именно в это консульство поехал в Африку, где и умер. Но он не был отцом, как сказал ты, Марка Катона претора, который лишил себя жизни в Утике и которого хвалил Цицерон; из того, что один был внуком Катона Цензора, а второй правнуком, не следует, что первый был отцом второго. Ведь этот внук, речь которого мы только что видели, хоть и имел сына Марка Катона, но не того, который погиб в Утике, а того, который, будучи курульным эдилом и претором, поехал в Нарбоннскую Галлию, и там скончался. От другого же сына этого Цензора, намного более молодого, которого, как я сказал, назвали Салонианом, родились двое: Луций Катон и Марк Катон. Этот Катон был народным трибуном и умер, когда домогался претуры; от него родился Марк Катон, претор, который во время гражданской войны в Утике убил себя и которого Цицерон, с похвалой описывая его жизнь, назвал правнуком Катона Цензора. Итак, вы видите, что та часть фамилии, которая ведет свое начало от младшего сына Катона, отличается не только ветвью рода, но также и большим промежутком времени, потому что этот Сало-

нан родился, как я уже сказал, в преклонные годы своего отца и дети его также появились на свет значительно позднее тех, которые родились от его старшего брата. Эту разницу во времени вы легко заметите, прочитав самую речь».

Так говорил нам Сульпиций Аполлинарий, и мы слушали. Позднее мы убедились в справедливости его слов, когда читали надгробные похвальные слова и записки о фамилии Порциев.

Книга XV

11. Текст сенатского постановления об изгнании из города Рима философов; также текст цензорского указа, по которому осуждались и ограничивались в правах те, кто начал вводить в Риме обучение риторике

В консульство Гая Фанния Страбона и Марка Валерия Мессалы [101] было вынесено следующее решение сената [102] о латинских философах и риторах: «Марк Помпоний, претор, доложил в сенате о философах и риторах. По этому делу сенат решил, чтобы Марк Помпоний, претор, в интересах республики и на свою ответственность позаботился о том, чтобы их не было в Риме».

Несколько лет спустя после этого сенатского решения Гней Домиций Агенобарб и Луций Лициний Красс [103], цензоры, издали следующий указ против латинских риторов: «Донесено нам, что есть люди, которые завели новый род учения, что в школу к ним собирается молодежь, что назвали они себя латинскими риторами и что у них молодые люди просиживают целыми днями. Наши предки установили, что́ их дети должны изучать и в какие школы ходить. Эти новшества, противные обычаям и нравам предков, нам не угодны и представляются безнравственными. Вследствие этого мы решили объявить о нашем мнении и тем, которым принадлежат эти школы, и тем, которые имеют обыкновение ходить в них: это нам не угодно».

И не только в те слишком суровые и еще не просвещенные греческим образованием времена были изгнаны из Рима философы, но и в правление Домициана [104] указом сената им было запрещено жить в Риме и в Италии. По этому указу и философ Эпиктет переехал из Рима в Никополь.

20. Несколько замечаний о рождении, жизни, нравах поэта Еврипида и о его смерти

Мать поэта Еврипида, по сообщению Феопомпа [105], зарабатывала на жизнь продажей дикорастущих овощей. Когда он родился, халдеи [106] предсказали его отцу, что этот ребенок в пору своей юности будет победителем в боях. Это и стало судьбой мальчика. Отец, решив, что сын его должен быть атлетом,

как только ребенок окреп и натренировал свое тело упражнениями, привел его на олимпийские игры для состязаний с юными атлетами. Сначала его не допустили к состязанию из-за сомнительного возраста [107], а потом он участвовал в Элевсинских и Тезеевых играх и получил венок. Вскоре, однако, он перешел от телесных упражнений к занятиям по совершенствованию ума: он учился физике у Анаксагора, риторике у Продика [108], моральной философии у Сократа. В возрасте восемнадцати лет он начал писать трагедии. На острове Саламине, согласно Филохору [109], есть мрачная и отвратительная пещера, я сам ее видел, в которой Еврипид писал трагедии.

Говорят, что он ненавидел почти всех женщин: или потому, что от природы чувствовал к ним отвращение, или же потому, что женат был одновременно на двух женщинах (тогда это позволял афинский закон) и ему с ними надоело жить в браке. Об этой его ненависти к женщинам упоминает и Аристофан в «Фесмофориазусах» в следующих стихах [110]:

Поэтому и я проект такой вношу:
Злодея наказать за все его грехи.
Не мало оскорблял он грубо, злостно нас.
Чего нам ждать еще? Питомец рынка он.

А Александр Этолийский [111] написал об Еврипиде такие стихи:

Анаксагора старого воспитанник
В речах мне показался и угрюм и груб,
И даже за вином, насколько помнится,
Он не смеялся; но зато в трагедиях
Сирен превосходил медовой сладостью [112].

Когда Еврипид был в Македонии у царя Архелая, обходившегося с ним по-дружески, то, возвращаясь однажды ночью с его ужина, он был растерзан собаками, которых натравил на него какой-то завистник, и погиб от этих ран. Гробницу же его и его память македоняне удостоили такой чести, что в прославление ему каждый раз говорили: «Гробница твоя, Еврипид, пусть никогда не погибнет»: ведь знаменитый поэт был погребен на их земле. Поэтому, когда присланные к ним афинянами послы просили, чтобы они позволили перевезти останки поэта на его родину в Афины, македоняне остались непоколебимыми в единодушном отказе.

23. О времени жизни знаменитых историков Гелланика, Геродота, Фукидида

Историки Геллаником [113], Геродот, Фукидид процветали, овеянные громкой славой, почти в одно и то же время и не очень различались по возрасту. Ведь Гелланику в начале Пелопоннесской

войны было, кажется, шестьдесят пять лет, Геродоту — пятьдесят три, Фукидиду — сорок.

Написано об этом в одиннадцатой книге Памфилы [114].

24. Суждение Вулкатия Седигита о латинских комиках в его книге «О поэтах»

Седигит [115] в книге, которую он написал о поэтах, следующими стихами выражает свое мнение о тех, кто сочинял комедии: кого из всех он считает лучшими и кому какую отдает честь и место по порядку:

Мы знаем: спорят многие, не ведая,
Какое место дать какому комику.
Я помогу, скажу тебе решение,
А кто иначе мыслит — заблуждается.
Цецилию [116] мимисту — пальму первенства.
За этим — Плавту превзойти нетрудно всех;
На третьем месте Невий лихорадочный.
Четвертое придется дать Лицинию [117],
А за Лицинием Атилий [118] следует.
Затем шестая очередь — Теренция,
Седьмым Турпилий будь, восьмым будь Трабеа [119],
Девятое дарую место Лусцию,
А устарелый Энний [120] нам закончит счет [121].

28. Об ошибке Корнелия Непота, написавшего, что Цицерон произнес речь за Секста Росция в возрасте 23-х лет

Корнелий Непот, хоть и был добросовестным историком и близким другом Марку Цицерону, однако в первой книге о его жизни он, кажется, ошибся, написав, что Цицерон в возрасте 23 лет вел первое дело в суде, защищая обвиняемого в отцеубийстве Секста Росция [122]. В самом деле, при исчислении лет от консульства Квинта Цепиона и Квинта Серрана [123], когда родился Цицерон, за три дня до январских нон, до консульства Марка Туллия и Гая Долабеллы [124], когда он выступил в частном процессе за Квинкция [125] перед судьей Аквилием Галлом [126], выходит 26 лет. И нет сомнения, что спустя год после речи за Квинкция, Цицерон, уже в возрасте 27 лет, в консульство Луция Суллы Феликса (вторично) и Квинта Метелла Пия [127], защищал дело Секста Росция, обвиняемого в отцеубийстве.

Асконий Педиан обратил внимание на то, что в этом вопросе ошибся и Фенестелла [128], написавший, что Цицерон произнес речь за Секста Росция в 26 лет. Ошибка Непота больше, чем ошибка Фенестеллы, если не учитывать того, что Непот скрыл четыре года из-за особенной любви и дружбы, с тем, чтобы

увеличить восхищение оратором и показать, что Цицерон произнес блестящую речь за Росция, будучи еще очень молодым.

Любители того и другого оратора отметили даже и то, что Демосфен и Цицерон в одном и том же возрасте произносили в судах блестящие речи — один против Андротиона и против Тимократа [129], в возрасте 27 лет, другой — на год моложе за Квинция и в 27 лет за Росция. Да и прожили они почти одинаково долго: Цицерон 63 года, Демосфен 60 лет.

Книга XVI

5. Что значит «vestibulum» и этимология этого слова [130]

Имеется много слов, которые мы употребляем ежедневно, но относительно которых мы не знаем в точности, что именно они значат в действительности; мы следуем принятой без критики и общепризнанной традиции в вопросе темном и невыясненном, и, можно сказать, не столько владеем словами, сколько притворяемся, что владеем. Таково слово «vestibulum», столь часто и обычно попадающееся в речи и все же не в достаточной степени ясно всем, кто им пользуется походя. Так, я встретил людей, и притом не вовсе лишенных образования, которые считали, что вестибул есть ближайшая от входа часть дома, обычно называемая атрием. Гай Элий Галл [131] так выражается во второй книге своего труда «О значении слов, относящихся к гражданскому праву»: «Вестибул не находится в стенах дома и не составляет часть его; этим именем обозначается свободное пространство перед входной дверью, через которое проходят, чтобы с улицы попасть в дом; между правым и левым флигелями, которые с обеих сторон входа непосредственно выходят на улицу, оставляется пустое пространство, и самый вход удален от улицы, будучи отделен от нее этим пространством». Каково происхождение этого слова, об этом много рассуждали; но то, что я прочел в книгах по этому поводу, показалось мне почти во всех случаях необоснованным и нелепым.

Когда в старину строили дома, оставляли перед входом незастроенную площадку в качестве промежуточного пространства между домом и улицей. В этом месте собирались те, кто приходил приветствовать хозяина дома, прежде чем быть допущенными в самый дом; они, таким образом, не стояли на улице, но вместе с тем и не находились внутри дома. Вот от этого пребывания на обширной площадке и как бы некоторой остановки на ней («stabulatio») и получилось название «vestibulum» («преддверие»), обозначающее широкое пространство, оставляемое, как я сказал, перед входом в дом, на котором собирались приходящие, прежде чем быть допущенными в самый дом. Однако нам сле-

дует помнить, что это слово не всегда употреблялось старинными писателями в его прямом значении, а принималось в некоем метафорическом смысле, не слишком, впрочем, уклонявшемся от того, о котором я говорил выше. Так, в шестой песне Вергилия имеются следующие стихи:

Перед преддверием самым Орка[132] в отверстиях первых
Ложа свои поместили и Плач и мстящие Думы.

Поэт не говорит здесь, что вестибул является первой частью подземной обители, хотя можно быть введенным в заблуждение и подумать, что он разумеет именно это. Он различает два места, находящиеся вне подземного царства: vestibulum и fauces; из них первое обозначает пространство, находящееся перед входом в самую обитель и в глубины подземного царства, а второе — узкий ход, по которому доходят до вестибула.

Книга XVII

4. Что сказал поэт Менандр поэту Филемону, который часто недостойным образом брал верх над ним в драматических состязаниях; и о том, как очень часто и Еврипида побеждали заурядные поэты

Филемон[133], писатель отнюдь не равный по таланту Менандру, часто побеждал последнего в драматических состязаниях посредством заискиваний, лести и происков. Случайно встретив его, Менандр сказал: «Скажи пожалуйста, Филемон, неужели ты не краснеешь от стыда, когда одерживаешь надо мной победу?» Еврипид также, говорит Варрон, только в пяти[134] из написанных им 75 трагедий, одержал победу — наоборот, его часто побеждали самые бездарные поэты. Менандр оставил, по сообщению одних, 108, других — 109 комедий. Впрочем, в книге известного писателя Аполлодора[135], озаглавленной «Хроника», читаем мы следующие стихи о Менандре:

Сын Диопифа из села Кефисии,
Сто пять комедий написал и умер он,
Имея пятьдесят два года отроду[136].

Однако из всех этих ста пяти комедий, только восемь одержали победу, как пишет тот же Аполлодор в том же самом произведении.

14. Забавные изречения, выбранные из мимов Публилия

Публилий писал мимы. Его считали почти равным Лаберию[137]. А Гай Цезарь был так оскорблен злословием и дерзостью Лаберия, что объявил во всеуслышание, что мимы Пуб-

лилия более приятны ему и заслуживают большего внимания, чем мимы Лаберия. Большинство сентенций этого Публилия, говорят, забавны и весьма полезны для общего употребления в беседе. Из них следующие, заключенные каждая в отдельном стихе, я, право, охотно выписываю здесь:

Негодный план, который изменить нельзя.
Себе услужишь, услужив достойному.
Сноси, не обвиняя, неизбежное.
. . . . . ,
В пути повозка — спутник разговорчивый.
Для доброй славы бережливость пагубна.
Наследника рыданья — смех под маскою.
Терпенье, лопнув, в ярость обращается.
При втором судна крушеньи нечего Нептуна клясть.
Коль имеешь друга, помни, недругом он может стать.
Снося обиду, навлекаешь новую.
Не одолеть опасность без опасности.
В чрезмерном споре истина теряется.
В просьбе учтивый отказ — доброго дела часть [138].

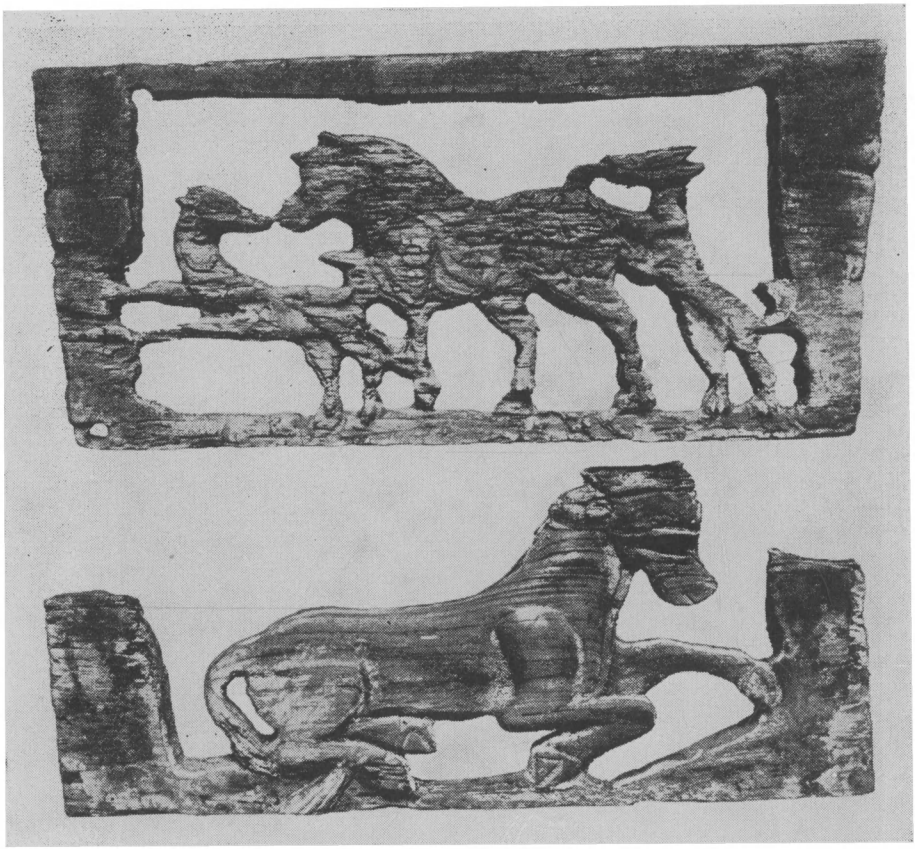
21. В какое время от основания Рима до второй карфагенской войны процветали знаменитые люди Греции и Рима

Чтобы иметь какой-то краткий очерк о древнейших временах, а также о живших в эти времена людях и чтобы в разговоре случайно, по неосмотрительности, не сказать чего-нибудь наобум о временах и жизни знаменитых людей, подобно тому неучу софисту, который недавно публично рассуждал о том, что философ Карнеад получил от царя Александра, сына Филиппа, денежное вознаграждение [139], а стоик Панетий [140] был современником Сципиона Африканского Старшего; чтобы, говорю, уберечься от подобного рода анахронизмов, я сделал из книг, называемых летописями, выписки о времени процветания греческих и одновременно римских знаменитостей, прославившихся или умом или могуществом, со времени основания Рима до второй карфагенской войны, и эти мои выписки, сделанные в различных местах, я расположил теперь в надлежащем порядке. Конечно, я это предпринял не для того, чтобы с ревностным старанием и основательностью составить синхроники всех знаменитых того и другого народа людей, но только чтобы эти «Ночи» до некоторой степени, хотя бы слегка, были расцвечены и этими цветками истории. Мне кажется достаточным в этих записках сказать о времени и жизни лишь немногих людей, из чего и о времени прочих, не упомянутых здесь, можно будет без труда догадаться.

Надгробный рельсф гладиатора-мирмиллона

II в.

Охота

Украшения деревянного саркофага. I—II вв.

Итак, начну я с прославленного Солона, так как относительно Гомера и Гесиода мнения почти всех писателей сходятся в том, что они были современниками или, что Гомер жил несколько раньше Гесиода, однако оба они жили до основания Рима, во время царствования Сильвиев в Альбе [141]; по сообщению Кассия [142] в первой книге летописей о Гомере и Гесиоде, спустя более ста шестидесяти лет после Троянской войны; по сообщению же Корнелия Непота в первой книге летописи о Гомере, около ста шестидесяти лет до основания Рима.

Итак, мы знаем, что Солон, один из этого славного числа мудрецов, написал для афинян законы в 33-й год царствования Тарквиния Приска. В царствование же Сервия Туллия тираном в Афинах был Писистрат; Солон, предсказавший его тиранию и не доверявший ей, был обречен на добровольное изгнание. Позднее Пифагор из Самоса прибыл в Италию, где царствовал сын Тарквиния, называемый Тарквинием Гордым; в то же время в Афинах был убит Гармодием и Аристогитоном Гиппарх, сын Писистрата, брат тиранна Гиппия. По сообщению Корнелия Непота, во время царствования в Риме Тулла Гостилия прославился благодаря своим сочинениям Архилох.

Затем, в 260-й год или чуть побольше от основания Рима, афиняне победили персов в знаменитом марафонском сражении под командованием Мильтиада, который после этой победы был осужден афинским народом и умер в государственной тюрьме. После этого стал известным в Афинах трагический поэт Эсхил. В Риме почти в этот же период народ, впервые взбунтовавшись, учредил для себя должности трибунов и эдилов; и немного позже Гней Марций Кориолан [143], преследуемый и притесняемый народными трибунами, перешел к вольскам, которые тогда были врагами Риму, и начал войну против римского народа.

Несколькими годами позже, в морском сражении при Саламине, афиняне и другие греческие народы под командованием Фемистокла победили и обратили в бегство царя Ксеркса [144]. Спустя примерно четыре года, в консульство Менения Агриппы и Марка Горация Пульвилла, в вейентском сражении у реки Кремере погибли со своими семьями, окруженные врагами, 306 Фабиев [145] патрицианского происхождения.

Примерно тогда же прославился изучением естественной философии Эмпедокл Агригентский. В Риме же в это время были выделены для письменного изложения законов децемвиры [146], которые написали сначала десять таблиц, затем добавили к ним две другие.

Затем, около 323 г. от основания Рима началась в Греции знаменитая Пелопоннесская война, историю которой описал Фукидид. В это время в Риме был диктатором Авл Постумий

Туберт, приказавший отсечь голову собственному сыну за то, что тот воевал против неприятеля, вопреки его приказанию. Врагами римского народа были тогда фиденаты и эквы. В это время прославились трагические поэты Софокл и затем Еврипид, врач Гиппократ[147], философ Демокрит; Сократ Афинский, хотя он и родился позже, был некоторое время их современником.

В то время, как военные трибуны[148] осуществляли консульскую власть в Римской республике около 347 г. от основания Рима, лакедемоняне поставили для надзора над афинянами тридцать тиранов[149], а в Сицилии управлял Дионисий Старший; спустя некоторое время в Афинах был осужден на смерть Сократ и в тюрьме отравился ядом.

Почти в то же время Марк Фурий Камилл[150] был диктатором в Риме и овладел Вейями. В скором времени последовала Сенонская война[151], когда галлы захватили даже Рим, кроме Капитолия.

Вскоре прославился в Греции астролог Евдокс; афиняне под предводительством Формиона[152] победили у Коринфа лакедемонян. Марк Манлий в Риме, который при осаде Капитолия[153] отогнал галлов, уже взбирающихся на стену, был заподозрен в намерении захватить власть, осужден на смерть и, как сообщает Варрон, сброшен с Тарпейской скалы, а по записям Корнелия Непота — до смерти засечен розгами. В тот же самый год, седьмой после освобождения Рима, родился, как гласит история, философ Аристотель.

Спустя несколько лет после Сенонской войны фиванцы под командованием Эпаминонда при Левктрах победили лакедемонян, а немного позже в Риме, по закону Лициния Столона[154], консулы стали выбираться из народа, в то время как прежде консулами могли быть только лица патрицианских фамилий.

Около 400 г. от основания Рима Филипп, сын Аминты, отец Александра, принял на себя македонское царство; в это время родился Александр, а несколькими годами позже философ Платон отправился к Дионисию Младшему, сицилийскому тирану; еще через некоторое время Филипп при Херонее в большом сражении побеждает афинян. Из этого сражения оратор Демосфен спасся бегством, а когда его за этот побег стали укорять, он ответил следующим хорошо известным стихом:

Бежавший воин вновь сражаться сможет[155].

Затем коварным образом был убит Филипп, а Александр, принявший царство, перешел в Азию с целью подчинения персов и Востока. Другой же Александр, прозванный Молоссом[156],

направился в Италию, чтобы воевать с римским народом (ведь уже тогда слава о римском мужестве и удачах стала проникать к иноземцам), но еще до начала войны скончался. Мы знаем, что этот Молосс, направляясь в Италию, говорил, что идет туда, как в обиталище мужчин, между тем как Александр Македонский шел к персам, как в обиталище женщин. Подчинив бо́льшую часть Востока, Александр Македонский, после одиннадцати лет царствования, скончался. Немного позже умер философ Аристотель, а за ним Демосфен; почти в этот же период римский народ изнывал под тяжестью длительной войны с самнитами [157], и консулы Тиберий и Спурий Постумий, окруженные в опасном месте при Кавдинском ущелье [158] самнитами, сдались в плен и, приняв постыдный договор, отступили. По этой причине они, по требованию народа, были переданы через фециалов [159] самнитам и не приняты ими.

Спустя почти 470 лет от основания Рима началась война против царя Пирра [160]. В это время получили известность философы Эпикур Афинский и Зенон Китийский, тогда же Гай Фабриций Луцин и Квинт Эмилий Пап были в Риме цензорами и исключили из сената Публия Корнелия Руфина [161], бывшего диктатором и дважды консулом. Причиной этого бесчестия было то, что они нашли у него серебряную столовую посуду весом в десять фунтов.

Около 490 г. от основания Рима, в консульство Аппия Клавдия, прозванного Кавдиком (брата известного Аппия Цека) и Марка Фульвия Флакка, началась первая война против Карфагена [162]; немного позднее, при дворе Птолемея в Александрии, прославился киренейский поэт Каллимах [163].

Через двадцать с небольшим лет, в консульство Клавдия Центона (сына Аппия Цека) и Марка Семпрония Тудитана был заключен мир с Карфагеном, а в Риме поэт Луций Ливий положил начало драматическому искусству, спустя более чем 160 лет после смерти Софокла и Еврипида, почти 52 года после смерти Менандра. За консулами Клавдием и Тудитаном последовали Квинт Валерий и Гай Манилий, при которых, по сообщению Варрона в первой книге «О поэтах», родился поэт Квинт Энний, написавший в возрасте 67 лет двенадцатую книгу летописи, как он сам говорит в этой книге.

В 511 г. от основания Рима, Спурий Карвилий Руга [164] первый в Риме, по совету своих друзей, развелся с женой из-за ее бесплодия и поклялся перед цензорами, что он женился только для того, чтобы иметь детей; в тот же год читал перед народом свои драмы поэт Гней Невий, который, по сообщению Варрона в первой книге «О поэтах», служил в армии во время первой Пунической войны, что подтверждает и сам Невий в написанной об этой войне поэме. Порций же Лицин [165] утверждает

в следующих стихах, что поэтическое искусство началось в Риме позже:

При второй войне Пунийской окрыленною стопой
К воинам спустилась муза — грубым Ромула сынам.[166]

Около пятнадцати лет спустя началась вторая Пуническая война, а вскоре прославились как оратор в республике Марк Катон, как поэт на сцене Плавт. В это же время стоик Диоген, академик Карнеад и перипатетик Критолай были посланы афинянами в качестве послов в сенат римского народа по государственным делам. Несколько позже процветали Квинт Энний, Цецилий, Теренций и за ними Пакувий, а уже в его старость — Акций и прославившийся критикой их сочинений Луцилий.

Но я зашел уже дальше своего намерения закончить эти примечания на второй Пунической войне.

Книга XVIII

15. Марк Варрон заметил в героических стихах нечто очень любопытное

Те, кто занимается метрикой, заметили, что в долгих стихах, называемых гекзаметром, как и в сенариях, две первые стопы и две последние могут содержать в себе, каждая в отдельности, целые части речи, средние же никогда не могут, наоборот, они всегда состоят или из разделенных или из соединенных вместе слов. Марк Варрон в трактате «О науках» также написал, что он заметил в гекзаметре, что пятая полустопа всегда оканчивает слово и первые пять полустопий играют такую же важную роль в образовании стиха, как и другие, последующие семь; и это, говорит он, происходит по некоторому геометрическому расчету.

ПИСАТЕЛИ ИСТОРИИ ИМПЕРАТОРОВ

Черты упадка римской империи, затронувшие всю культуру последнего ее периода, обнаружились и в области историографической литературы. Искусство исторического повествования в этот период находится на довольно низком идейном уровне. Дошедший до нас сборник биографий императоров, сочинение так называемых «Scriptores historiae Augustae» («Писателей истории императоров») служит тому убедительным примером. Составлен он шестью писателями, современниками Диоклетиана и Константина, о которых ничего неизвестно, кроме их имен. Элий Спартиан написал биографии Адриана, Элия Вера, Юлиана, Септимия Севера, Песценния Нигера, Каракаллы, Геты; Вулкатий Галликан — биографию Авидия Кассия; Требеллий Поллион составил жизнеописания императоров от Валериана до Клавдия II; Флавий Вописк из Сиракуз — автор биографий от Аврелиана до Нумериана; Элий Лампридий (иногда отождествляемый с Элием Спартианом) — автор биографий Коммода, Диадумена, Гелиогабала, Александра Севера; и, наконец, Юлию Капитолину принадлежат биографии Пия, Марка Аврелия, Вера, Пертинакса, Альбина, Макрина, двух Максиминов, трех Гордианов, Максима и Бальбина (некоторые рукописи приписывают часть этих биографий Спартиану). В большинстве случаев биографии посвящены Диоклетиану и Константину. Всего в сборнике 34 биографии императоров от Адриана до Нумериана, расположенные в хронологическом порядке и охватывающие, таким образом, период со 117 по 284 г., не считая пропущенных биографий императоров, правивших с 244 до 253 г. Сборник, вероятно, подвергался переработкам и дошел до нас в редакции конца IV в.

Не отличаясь ни глубиной содержания, ни оригинальностью литературной формы — в основном биографии построены по схемам Светония и написаны языком близким к вульгарной латыни — он представляет собой собрание компилятивных и часто панегирических жизнеописаний императоров и их соправителей, составленных на основании многочисленных и неоднородных по качеству источников. К сожалению, авторы собрания не всегда давали себе труд вникнуть в почерпнутый из источника материал и критически разобраться в нем, откинув сомнительное, противоречивое и явно недостоверное. Их привлекали не крупные исторические события, не политическое и нравственное состояние эпохи в целом, а главным образом зани-

мательные и малозначащие подробности из частной жизни императоров — их вкусы, привычки, интриги и т. п. Отдельные факты, сообщаемые авторами «Истории императоров», трудно поддаются критической проверке; вызывает сомнение и подлинность документального материала сборника, пользоваться которым можно лишь с известной осторожностью. Тем не менее для некоторых периодов истории сборник является почти единственным, а потому и ценным для нас источником; большое количество сведений, собранных в нем и засвидетельствованных так или иначе другими источниками, приняты за достоверные. Интерес этого памятника состоит в том, что он знакомит нас с материалами трудов, утерянных в оригинале, позволяющих судить об общем направлении творчества писателей историографов II—III вв., таких как Марий Септимий, Марий Максим, Лоллий Урбик, Дексипп, Элий Корд и многие другие.

XVII. ЭЛИЙ ЛАМПРИДИЙ [1]

ГЕЛИОГАБАЛ

I. (1). Я никогда не стал бы описывать жизнь Гелиогабала Антонина [2], который назывался также Варием (пусть бы никто не знал, что он был римским государем), если бы раньше это же государство не имело Калигул, Неронов и Вителлиев [3]. (2) Но так как одна и та же земля производит ядовитые травы и хлеб, а также другие полезные растения, одна и та же земля порождает змей и домашних животных, то прилежный читатель вознаградит себя, когда в противовес этим чудовищным тиранам будет читать об Августе, Траяне, Веспасиане, Адриане, Пии, Тите и Марке [4]. (3) Вместе с тем он поймет и суждение о них римлян, так как эти последние императоры правили долго и умерли естественной смертью, а те были убиты, трупы их волокли по улицам, к тому же — они были прозваны тираннами, и даже имена их неприятно произносить. (4) Итак, после убийства Макрина [5] и его сына Диадумена, который, разделяя с отцом императорскую власть, получил, кроме того, имя Антонина, императорское достоинство было перенесено на Вария Гелиогабала, благодаря тому, что он считался сыном Бассиана [6]. (5) Был он жрецом Гелиогабала, или Юпитера, или Солнца, и присвоил себе имя Антонина либо для того, чтобы доказать такое именно свое происхождение, либо потому, что, как он узнал, имя это было в такой степени дорого всем племенам, что благодаря этому имени был любим даже братоубийца Бассиан.

(6) Прежде он назывался Варием, а затем Гелиогабалом, потому что был жрецом бога Гелиогабала, которого он привез с собой из Сирии и которому он воздвиг в Риме храм на том месте, где раньше был храм Орка[7]. (7) Наконец, получив императорскую власть, он был назван Антонином и был последним в Римской империи, носившим это имя.

II. (1) Этот Гелиогабал был в такой степени послушен своей матери Симиамире, что во всех государственных делах руководился ее волей, а она жила во дворце наподобие блудницы и делала всевозможные мерзости: она находилась в позорной связи с Антонином Каракаллом, и таким образом, как обычно считали, был зачат этот Варий, или Гелиогабал. (2) Некоторые говорят, что и самое имя Варий[8] было дано ему школьными товарищами по той причине, что, рожденный от блудницы, он, по-видимому, был зачат от семени разных отцов. (3) Когда считавшийся его отцом Антонин был убит приверженцами Макрина, сам он, говорят, бежал в храм Гелиогабала, как в убежище, боясь, как бы его не умертвил Макрин, который вместе со своим сыном, распущенным и жестоким, очень сурово проявлял свою власть. (4) Но довольно говорить о его имени, хотя он так осквернил священное имя Антонинов, которое ты, святейший Константин[9], чтишь так высоко, что сделал золотые изображения Марка и Пия и поставил их среди Константинов и Клавдиев, как твоих предков, приобщая себя к доблестям древних, которые находятся в соответствии с твоими нравами, близки тебе и до́роги.

III. (1). Но возвратимся к Антонину Варию. Достигнув императорской власти, он отправил вестников в Рим. Все сословия, даже весь народ был воодушевлен именем Антонина, которое было у него не только титулом, как у Диадумена, но казалось переданным ему в силу кровного родства, так как он писал о себе, что он — Антонин, сын Бассиана; у всех явилось страстное желание поскорее увидеть его. (2) Шла о нем, кроме того, и слава — такая, какая обычно сопровождает новых правителей, которые сменили тиранов; однако она держится недолго, если они не обладают величайшими достоинствами, и многие посредственные государи быстро ее потеряли. (3) Наконец, когда в сенате было прочтено письмо Гелиогабала, тотчас же раздались возгласы с пожеланием счастья Антонину и проклятиями Макрину и его сыну. Антонин был провозглашен государем, все желали его и ревностно верили в него, как это всегда бывает с пожеланиями людей, готовых сразу поверить вследствие того, что свои пожелания они принимают за действительность. (4) Но как только Гелиогабал вступил в Рим (мы оставим в стороне все то, что делалось в провинциях), он освятил Гелиогабала на Палатинском холме, возле император-

ского дворца, и построил ему храм. Он стремился перенести в этот храм и лепное изображение матери богов [10], и огонь Весты, и Палладий [11], и священные щиты, словом — все, что глубоко чтят римляне. Он добивался того, чтобы в Риме почитался только один бог Гелиогабал. (5) Кроме того, он говорил, что сюда надо перенести религиозные обряды иудеев и самаритян, а равно и христианские богослужения для того, чтобы жречество Гелиогабала держало в своих руках тайны всех культов.

IV. (1) Затем, на первое же заседание сената он велел вызвать свою мать. (2) Прибыв туда, она была приглашена к сидениям консулов и присутствовала при редактировании, т. е. была свидетельницей составления сенатского постановления: Гелиогабал был единственным из императоров, при котором женщина вступила в сенат со званием светлейшей [12], словно мужчина. (3) На Квиринальском холме он создал сенакул, то есть женский сенат; прежде там происходили собрания матрон, но только в торжественные дни и в тех случаях, когда какая-нибудь матрона наделялась знаками отличия супруги консула — прежние императоры предоставляли это право своим родственницам, особенно тем, чьи мужья не занимали высоких должностей,— для того, чтобы эти родственницы не оставались на положении незнатных женщин. (4) Под председательством Семиамиры составлялись смехотворные сенатские постановления, касающиеся законов о матронах: в каком одеянии должна ходить та или иная, кто кому — уступить дорогу, кто к кому подходить для поцелуя, какая должна ездить в парадной повозке, какая — на коне, какая — на вьючной лошади, какая — на осле, какая — в крытой повозке, запряженной мулами, какая — на волах, какая должна передвигаться в сидячих носилках — и в кожаных ли или в костяных, выложенных слоновой костью или серебром, какая имеет право носить на обуви золото или драгоценные камни.

VI. (1) Он продавал почетные должности, звания и полномочия как самолично, так и через своих рабов и служителей своего разврата. (2) Он набирал людей в сенат, не считаясь с их возрастом, цензом, происхождением, а лишь за полученные от них деньги. Он продавал также военные командные посты — места трибунов, легатов, военных начальников, также — прокураторства и места в дворцовых ведомствах. (3) Возницы Протоген и Кордий сначала были его товарищами в состязании на колесницах, а затем — спутниками всей его жизни и участниками его действий... Он позволил себе обесчестить деву-весталку. (6) Унеся внутреннее хранилище, он надругался над святынями римского народа. (7) Он хотел погасить вечный огонь. Он хотел уничтожить не только римскую религию, но и другие ре-

лигии на всем земном круге; он стремился к единой цели — чтобы повсюду поклонялись богу Гелиогабалу. Осквернённый всякой нравственной грязью, он вместе с теми, кто его осквернял, ворвался в святая святых Весты, куда имеют доступ только девы-весталки и понтифики. (8) Он попытался унести священное внутреннее хранилище; схватив глиняный сосуд, который он считал подлинным (старшая дева-весталка умышленно указала ему на него как на подлинный), и не найдя в нем ничего, он бросил его на землю и разбил на куски. Этим, однако, он не нанес никакого вреда религии, так как, говорят, было сделано много похожих один на другой сосудов, для того, чтобы никто не мог когда-либо унести настоящий. (9) Все же он унес какую-то статую, которую он принял за Палладий и, связав ее золотыми цепями, поставил ее в храме своего бога.

VII. (1) Он принял затем посвящение в таинства матери богов и совершил тавроболии [13], чтобы отнять ее лепное изображение и другие святыни, которые хранятся внутри святилища. ...Похищенную святыню богини он перенес во внутреннее хранилище своего бога. (3) Жалобными криками и воем сирийского культа он изображал из себя Саламбо [14], тем самым давая себе знамение грозившей ему гибели. (4) Всех богов он называл служителями своего бога: одних он называл его спальниками, других — рабами, третьих — обслуживающими те или иные его нужды. (5) Он хотел доставить камни, называемые божественными, из их собственного храма, а изображение Дианы Лаодикейской из ее святого святых, куда поставил его Орест. (6) Говорят, что Орест поставил не одно изображение Дианы и не в одном только месте, но много и во многих местах. (7) Очистившись, на основании ответа оракула, у Трех Рек близ Гебра, он основал также город Оресту [15], который непременно должен часто окропляться человеческой кровью. (8) Городу Оресте Адриан — в то время, как он начал страдать безумием — приказал дать свое имя: ему было сказано, чтобы он присвоил себе дом или имя какого-нибудь безумца. (9) И с того времени его безумие, говорят, стало ослабевать, а до этого он в состоянии безумия велел убить многих сенаторов. (10) Антонин, спасши их, заслужил имя Пия, так как он впоследствии привел в сенат тех, кого все считали убитыми по приказу государя.

VIII. (1) Гелиогабал приносил и человеческие жертвы, выбирая для этого по всей Италии знатных и красивых мальчиков, у которых были живы отец и мать,— думаю для того, чтобы усилить скорбь обоих родителей. (2) При нем находились и ежедневно действовали всякого рода маги, а он подбодрял их и благодарил богов, которые, по его представлениям, были их друзьями, и в то же время он рассматривал внутренности детей и мучил жертвенных животных согласно с обрядами своего

племени. (3) Вступив в должность консула, он бросил народу на расхищение не деньги, не серебряные и золотые монеты, не лакомства, не мелких животных, а откормленных быков, верблюдов, ослов, оленей, повторяя, что это — по-императорски. (4) Он жестоко преследовал память Макрина, но гораздо более — Диадумена за то, что тот получил имя Антонина, называя его Лжеантонином, подобно тому, как был Лжефилипп, а также за то, что тот, как говорили, был сначала крайне распущенным, а потом стал человеком очень храбрым, превосходным, очень серьезным и очень строгим. (5) Гелиогабал заставил некоторых писателей рассказывать ужасные, вернее — бесчестные подробности об образе жизни и распущенности Диадумена, например в описании его жизни...

IX. (1) Когда он хотел начать войну против маркоманов [16], ввиду того, что Антонин блистательно сокрушил их, кто-то сказал, будто Антонин Марк при содействии халдеев и магов достиг того, что маркоманы навсегда стали преданными друзьями римского народа и что это было сделано при помощи заклинаний и посвящения. Когда он стал доискиваться, что это за посвящение и где оно, от него это скрыли. (2) Было совершенно ясно, что он доискивается, где это посвящение, с целью уничтожить его в надежде вызвать войну. Он желал этого тем более, что он слыхал, будто был дан ответ оракула: война с маркоманами должна быть окончена Антонином,— хотя в действительности он назывался Варием и Гелиогабалом, и общим посмешищем, имя же Антонина, которое он захватил себе, он только позорил...

X. (1) Со своей стороны, воины не могли больше переносить, что такая язва прикрывается именем императора: они стали вести об этом речи сначала наедине между собой, а затем и в кружках, все более склоняясь на сторону Александра [17], которого сенат к тому времени уже провозгласил Цезарем и который был двоюродным братом Антонина по матери: Вария была их общей бабкой, почему Гелиогабал и назывался Варием. (2) Зотик [18] имел при нем такое значение, что все начальники дворцовых ведомств смотрели на него как на мужа их господина. (3) Это был, вдобавок, тот самый Зотик, который, злоупотребляя такого рода близостью, торговал словами и поступками Гелиогабала, накапливая огромные богатства преимущественно тем, что морочил людей: одним он угрожал, другим давал обещания, всех обманывал. Выходя от Гелиогабала, он подходил к отдельным лицам со словами: «О тебе я говорил то-то, о тебе я слыхал то-то, с тобой будет то-то». (4) Он был из тех людей, которые, вступив в чрезмерно близкие отношения с государями, торгуют репутацией не только дурных, но и хороших государей и, пользуясь глупостью или простодушием импе-

раторов, не замечающих этого, кормятся распространением позорящих слухов...

XI. (1) Гелиогабал делал вольноотпущенников наместниками, легатами, консулами, военными начальниками и опозорил все великие звания, давая их подлым и развращенным людям. (2) Пригласив на праздник сбора винограда знатных друзей, он, сидя у корзин с виноградом, стал спрашивать наиболее почтенных людей, охотники ли они до утех Венеры, и когда старики краснели, он восклицал: «Краснеет: все в порядке!» [19] — молчание и краску стыда он принимал за утвердительный ответ. (3) Затем он стал рассказывать о том, что он сам проделывал, без всяких покровов стыдливости. (4) Видя, что старики краснеют и молчат, так как им — ввиду их возраста или высокого положения — претили подобные разговоры, он обратился к молодым людям и стал расспрашивать обо всем. (5) Слыша от них ответы, соответствовавшие их возрасту, он начал радоваться и говорить, что это и есть подлинно свободный праздник винограда, который он таким образом справляет. (6) Многие рассказывают, что он первый ввел обычай, чтобы на празднике сбора винограда рабы в присутствии господ произносили множество шуток о своих господах; сам он сочинял эти шутки, по большей части по-гречески. Многие из них приводит Марий Максим [20] в жизнеописании Гелиогабала. (7) Были у него непотребные друзья — в числе их и старики, и с виду философы; нося на головах сетки, они признавались, что предаются непотребствам и имеют мужей. По словам некоторых, они это выдумывали, чтобы — благодаря подражанию порокам — стать милее ему.

XII. (1) Префектом претория он назначил плясуна, который выступал в качестве актера [21] в Риме; префектом охраны он сделал возницу Кордия; префектом продовольственного снабжения он поставил цирюльника [22] Клавдия... (3) Посещая лагерь или курию, он привозил с собой свою бабку по имени Варию, о которой сказано выше,— чтобы благодаря ее авторитету стать в глазах людей достойным уважения человеком, так как сам по себе он быть им не мог. До него, о чем мы уже говорили, ни одна женщина не входила в сенат, не приглашалась присутствовать при редактировании постановлений и не высказывала своего мнения. (4) На пирах он помещал рядом с собой чаще всего продажных мужчин, находя особенное удовольствие в том, чтобы прикасаться и прижиматься к ним; из их рук он главным образом и принимал кубок, когда пил.

XIII. (1) Среди этих непотребств своей бесстыдной жизни он приказал удалить от себя Александра, которого он усыновил, говоря, что раскаивается в этом усыновлении, и поручил передать сенату, чтобы у Александра было отнято имя Цезаря.

(2) Однако, когда в сенате было сообщено об этом, воцарилось глубокое молчание. Действительно, Александр был очень хорошим юношей, что впоследствии было доказано его правлением; своему приемному отцу он не нравился тем, что не был бесстыдником. (3) По словам некоторых, он был двоюродным братом Гелиогабала; он был любим воинами, мил сенату и сословию всадников. (4) Однако Гелиогабал в своей ярости не остановился перед попыткой осуществить свое подлое желание: он даже подослал к нему убийцу. Произошло это следующим образом. (5) Сам Гелиогабал удалился в сады древней Надежды [23] и будто бы произносил там обеты, направленные против невинного юноши, оставив в Палатинском дворце мать, бабку и своего двоюродного брата; между тем он приказал убить этого превосходного, столь необходимого для государства юношу. (6) И воинам он отправил письмо, в котором требовал, чтобы они отняли у Александра имя Цезаря. (7) Он послал также в лагерь людей, чтобы они замазали глиной надписи на статуях Александра, как это обыкновенно делается по отношению к тиранам. (8) Он послал людей и к дядькам Александра и приказал последним, обещая им награды и почести, умертвить его каким угодно образом — в бане, ядом или мечом.

XIV. (1) Ничего не могут сделать бесчестные против невинных. Никакой силой нельзя было побудить кого-либо совершить такое преступление: то оружие, которое он готовил для других, обратилось скорее против него, и он был убит теми самыми людьми, которых он натравливал на других. (2) Как только были замазаны глиной надписи, все воины воспылали гневом; часть их устремляется в Палатинский дворец, часть в сады, где находился Варий, чтобы отомстить за Александра, а этого грязного человека, человека с душой братоубийцы, убрать, наконец, из государства. (3) Придя в Палатинский дворец, они затем увели с собой в лагерь Александра с матерью и бабкой, чтобы тщательным образом охранять их. (4) За ними последовала пешком и Симиамира, мать Гелиогабала, беспокоясь за своего сына. (5) Оттуда пошли в сады; там они застают Вария за приготовлениями к состязанию возниц,— и вместе с тем он с нетерпением ждал, когда же, наконец, к нему придет известие об убийстве его двоюродного брата. (6) Испуганный внезапным шумом, который производили воины, он спрятался в углу и укрылся за спальным занавесом, висевшим при входе в спальню. (7) Одного из своих префектов он послал в лагерь успокоить воинов, другого — умилостивить тех, которые уже пришли в сады. (8) Итак, один из префектов — Антиохиан, напомнив о присяге, умолил воинов не убивать Гелиогабала — пришло их немного, большинство же осталось при зна-

мени, которое охранял трибун Аристомах. Вот что происходило в садах.

XV. (1) В лагере же воины в ответ на мольбы префекта сказали, что они пощадят Гелиогабала, если он удалит от себя грязных людей, возниц и актеров и исправится; особенно же, если он прогонит тех, кто, ко всеобщей скорби, оказывал на него наибольшее влияние и торговал всеми его поступками, с помощью ли пустых обещаний или без обмана. (2) Словом, от него были удалены Гиерокл, Кордий, Мирисм и двое негодных близких к нему людей, которые делали этого глупого человека еще более глупым. (3) Кроме того, воины дали поручение префектам не позволять Гелиогабалу жить дальше так, как он жил, также — охранять Александра и оберегать его от всякого насилия, а вместе с тем — заботиться о том, чтобы Цезарь не виделся ни с кем из друзей Августа и не мог в чем-либо подражать их позорному поведению. (4) Но Гелиогабал неотступно просил вернуть ему Гиерокла, этого бесстыднейшего человека, и каждый день строил козни против Цезаря. (5) Несмотря на то, что оба они были тогда намечены в консулы, он не пожелал в январские календы появиться вместе со своим двоюродным братом. (6) Наконец, когда бабка и мать сказали ему, что воины грозятся погубить его, если не увидят согласия между двоюродными братьями, он, надев претексту, в шестом часу дня явился в сенат, причем пригласил туда свою бабку и проводил ее до кресла. (7) Затем он не пожелал отправиться на Капитолий для произнесения обетов и выполнения торжественных обрядов; все это было совершено городским претором, как будто в городе не было консулов.

XVI. (1) Он не откладывал убийства своего двоюродного брата. Боясь, как бы сенат — в случае убийства им своего двоюродного брата — не склонился на сторону кого-либо другого, Гелиогабал внезапно приказал сенату удалиться из Рима. Даже те, у кого не было повозки или рабов, получили приказ выехать немедленно, так что одних несли носильщики, а других везли первые попавшиеся нанятые животные. (2) Позвав центуриона, Гелиогабал, пользуясь при этом мягкими выражениями, приказал ему убить консуляра Сабина, которому посвятил свои книги Ульпиан [24],— за то, что он остался в городе. (3) Однако центурион, немного тугой на ухо, решил, что ему приказывают выгнать его из Рима. Так он и сделал: недостаток центуриона послужил спасением для Сабина. (4) Гелиогабал удалил и знатока права Ульпиана, зная его как хорошего человека, и ритора Сильвина, которого он назначил учителем Цезаря. Сильвин был убит, Ульпиан же спасся. (5) Но воины, и главным образом преторианцы,— потому ли, что они знали, какую беду готовит Александру Гелиогабал, или потому, что они понимали, как

он их возненавидел за их любовь к Александру,— сговорились между собой и составили заговор с целью освободить государство. Прежде всего были умерщвлены различными способами соучастники его разврата: одних убили, отрубив им необходимые для жизни органы, другим пронзили нижнюю часть тела, чтобы их смерть соответствовала образу их жизни.

XVII. (1) После этого бросились на Гелиогабала и убили его в отхожем месте, куда он бежал. Затем на виду у всех тащили его труп. Воины — в виде последнего надругательства — хотели кинуть его труп в клоаку. (2) Но так как оказалось, что эта клоака не могла вместить его, они сбросили его с Эмилиева моста в Тибр, привязав к нему груз, чтобы он не всплыл на поверхность и никогда не мог быть похоронен. (3) Но прежде чем бросить труп в Тибр, его протащили по всему пространству цирка. (4) Его имя, то есть имя Антонина, за которое он так упорно держался, желая считаться сыном Антонина, было, по приказу сената, отовсюду соскоблено и осталось имя Вария Гелиогабала. (5) После смерти его называли Тиберином, Протащенным, Грязным и многими другими именами — в зависимости от того, какое случившееся при нем событие хотели отметить. (6) Он — единственный из государей, чей труп тащили по улицам, кинули в клоаку и сбросили в Тибр [25]. (7) Этот позор выпал на его долю вследствие общей ненависти, которой особенно должны остерегаться императоры, так как те, кто не заслуживает любви сената, народа и воинов, не заслуживает даже погребения. (8) Не имеется никаких общественных сооружений, которые были бы созданы им, кроме храма бога Гелиогабала, которого одни называют Солнцем, а другие — Юпитером; был восстановлен после пожара амфитеатр, и достроена баня на Сульпициевой улице, которую начал строить Антонин, сын Севера. (9) Баню открыл Антонин Каракалла [26], он и мылся в ней, и пускал туда народ, но не было еще портиков, которые были впоследствии построены этим подложным Антонином и закончены Александром.

XVIII. (1) Гелиогабал был последним из Антонинов, хотя многие полагают, что это прозвание носили после него Гордианы [27]. Они, однако, назывались Антониями, а не Антонинами. Его образ жизни, нравы и порочность навлекли на него такую ненависть, что сенат уничтожил даже его имя. (2) Я и сам не стал бы называть его Антонином, если бы не требования исследования, часто заставляющие приводить даже те имена, которые были отменены. Убита была с ним и его мать Симиамира, порочнейшая женщина, вполне достойная своего сына. (3) После Антонина Гелиогабала прежде всего были приняты меры, чтобы никогда больше женщина не вступала в сенат, причем голова того, по чьей вине это случилось бы, была посвящена и обречена

подземным богам. (4) В описаниях его жизни сообщается много непристойного. Ввиду того, что все это недостойно упоминания, я решил сообщить только о том, что касается его любви к роскоши; кое-что относится к тому времени, когда он был частным человеком, кое-что другое он, как передают, делал уже в бытность свою императором. Сам он, будучи частным человеком, говорит, что подражает Апицию, а будучи императором — Нерону, Отону и Вителлию [28].

XIX. (1) Он — первый из частных людей — стал покрывать ложа золотыми покрывалами, так как тогда это было уже позволительно на основании авторитетного разрешения Антонина Марка, который продал с аукциона всю пышную императорскую обстановку. (2) Затем, он устраивал пиры с сервировкой различных цветов, сегодня, например, зеленого, на другой день — бледно-зеленого, на третий — голубого и так далее, в течение лета каждый день меняя цвет. (3) Он первый завел серебряные самоварящие сосуды, первый — и серебряные котлы. Были у него и сосуды по сто фунтов весом, серебряные, с резными украшениями; некоторые из них были обезображены имевшимися на них сладострастными изображениями. (4) Он первый придумал приправлять вино душистой смолой или полеем [29] и все то, что до сих пор сохраняется в быту роскошно живущих людей. (5) Вино, приправленное розами, которое было известно уже раньше, он сделал еще более благовонным, добавляя к нему растертые сосновые шишки. В сущности о такого рода напитках до Гелиогабала мы нигде не читали. (6) Смысл жизни состоял для него в придумывании каких-нибудь новых наслаждений. Он первый стал делать студень из рыб, устриц обыкновенных и с гладкими раковинами, а также из других такого рода раковин, из лангуст, крабов и скилл [30]. (7) Он устилал розами столовые, и ложа, и портики и гулял по ним; также — всякого рода цветами: лилиями, фиалками, гиацинтами, нарциссами. (8) Он купался в водоемах только в том случае, если туда были влиты ценные душистые мази или эссенция шафрана. (9) Он не соглашался возлечь на ложе, если оно не было покрыто заячьим мехом или пухом куропаток, который находится у них под крыльями; подушки он часто менял [...]

XX. (1) По отношению к сенаторам он проявлял иногда такое презрение, что называл их одетыми в тогу рабами; римский народ он называл годным только для обработки земли, а всаднические сословие ни во что не ставил. (2) Городского префекта он часто после обеда звал на попойку, приглашая на нее и префектов претория. Если они отказывались пить, то начальники дворцовых ведомств принуждали их. (3) Он хотел поставить в отдельных районах города Рима отдельных городских префектов, так чтобы их было в Риме четырнадцать; и он

сделал бы это, проживи он дольше, причем он намеревался выдвинуть людей самых порочных и самой низкой профессии. (4) У него были — как для столовых, так и для спален — ложа, сделанные из массивного серебра. (5) В подражание Апицию он часто ел пятки верблюдов, гребни, срезанные у живых петухов, языки павлинов и соловьев, так как считалось, что тот, кто их ест, не поддается моровой язве. (6) Его дворцовой охране подавали огромные миски, наполненные внутренностями краснобородок, мозгами фламинго, яйцами куропаток, мозгами дроздов и головами попугаев, фазанов и павлинов. (7) И что особенно удивительно, он велел подавать полными блюдами и тарелками столько бород краснобородок, что они заменяли кресс, мелиссу, маринованные бобы и пажитник [31].

XXI. (1) Собак он кормил гусиными печенками. Были у него любимые прирученные львы и леопарды. Их, обученных укротителями, он неожиданно приказывал уложить за второй и третий стол, чтобы позабавиться страхом гостей, так как никто не знал, что звери — ручные. (2) Он сыпал в ясли своим коням гроздь апамейского винограда; попугаями и фазанами кормил львов и других животных. (3) У него в продолжение десяти дней подавали вымя дикой свиньи с ее маткой — по тридцати штук ежедневно, горох с золотыми шариками, чечевицу с кошачьими глазами [32], бобы с янтарем, рис с белым жемчугом. (4) Кроме того, жемчугом, вместо перца, он посыпал рыб и трюфеля. (5) В своих столовых с раздвижными потолками он засыпал своих прихлебателей таким количеством фиалок и цветов, что некоторые, не будучи в силах выбраться наверх, задохнувшись, испускали дух. (6) Он подмешивал в водоемы и ванны вино, приправленное розами и полынью, и приглашал пить простой народ; и сам он вместе с народом пил столько, что, видя, сколько он один выпил, можно было понять, что он пил из бассейна. (7) В качестве застольных подарков он давал гостям евнухов, давал четверки коней, лошадей с попонами, мулов, закрытые носилки, дорожные повозки; давал он и по тысяче золотых, и по сотне фунтов серебра.

XXII. (1) Жребии на пирах были у него написаны на ложках таким образом, что одному выпадало десять верблюдов, а другому десять мух; одному — десять фунтов золота, а другому — десять фунтов свинца; одному — десять страусов, а другому — десять куриных яиц. Он делал это так, что действительно получались жребии, которыми испытывалась судьба. (2) Он проделывал это и на своих играх, так что в жребиях были и десять медведей, и десять сонь [33], и десять стеблей латука, и десять фунтов золота. (3) Он первый ввел обычай такого рода жребиев, какие мы видим и теперь. Участвовать в таких жеребьевках он, действительно, приглашал и актеров, причем в числе

выигрышей были и дохлые собаки, и фунт говядины, и тут же сто золотых, и тысяча серебряных, и сто мешков меди и тому подобное. (4) Все это народ принимал с такой охотой, что потом поздравляли друг друга с таким императором.

XXIII. (1) Передают, что он дал в цирке зрелище морского сражения в каналах, наполненных вином; что он окроплял плащи зрителей эссенцией дикого винограда; что он гнал на Ватикане четыре четверки слонов, разрушив стоявшие на пути гробницы; что он запрягал по четыре верблюда в колесницу, когда устраивал в цирке зрелище не для всех. (2) Говорят, он — с помощью жрецов племени марсов [34] — собрал змей и еще до рассвета, когда народ обычно собирается на многолюдные игры, он внезапно выпустил их, так что много народу погибло от укусов и было задавлено во время бегства. (3) Он носил тунику — всю в золоте, носил и пурпурную, носил и персидскую — всю в драгоценных камнях, причем говорил, что он отягчен бременем наслаждения. (4) Он носил на обуви драгоценные камни, притом резные. Это вызывало общий смех: разве можно было видеть резьбу знаменитых мастеров на драгоценных камнях, приделанных к обуви? (5) Он любил надевать и диадему, украшенную драгоценными камнями, для того, чтобы от этого становиться красивее и больше походить на женщину; носил он ее и дома. (6) Говорят, он обещал своим гостям феникса или, вместо него, тысячу фунтов золота, чтобы отпустить их по-императорски. (7) Он устраивал бассейны для плавания с морской водой, притом далеко от моря, опорожнял их в то время, как некоторые его друзья плавали в них, и снова наполнял водой с рыбами. (8) В своем дворце, в саду он устроил летом снежную гору, привезя снег издалека. У моря он никогда не ел рыбы, а в местностях, очень удаленных от моря, у него всегда подавались всевозможные произведения моря; простых крестьян в таких местностях, далеких от моря, но угощал молоками мурен и морских окуней.

XXIV. (1) Рыб он всегда ел сваренных с приправой подходящего для них голубого цвета, словно в морской воде. В одно мгновение он наполнял водоемы вином, приправленным розами и цветами роз, и мылся со всеми своими приближенными, устраивая в то же время горячие ванны из нарда [35]. В светильники у него наливали бальзам. (2) Он никогда не сходился с женщинами по два раза, за исключением своей жены. В своем доме он устроил лупанары [36] для своих друзей, клиентов и рабов. (3) Его обеды никогда не стоили меньше ста тысяч сестерциев, то есть тридцати фунтов серебра; иногда стоимость обеда, если подсчитать все, что было израсходовано, доходила до трех миллионов сестерциев. (4) Своими обедами он превзошел обеды Вителлия и Апиция. Рыбу из его садков вытаскивали с помощью быков.

Проходя по съестному рынку, он плакал о нищете народа. (5) Своих прихлебателей он привязывал к водяному колесу и путем вращения то погружал их в воду, то вновь поднимал наверх, называя их своими иксионоподобными [37] друзьями. (6) Он вымостил лакедемонским и порфировым камнями дворы в Палатинском дворце и назвал их антониновскими. Эти камни оставались до нашего времени, но недавно их вырыли и раскололи. (7) Он решил поставить огромную колонну, внутри которой можно было бы подниматься по лестнице, и на вершине ее поставить бога Гелиогабала, но не мог найти такого огромного камня во всей Фиваиде, откуда он думал вывезти его.

XXV. (1) Часто он запирал своих пьяных друзей и ночью внезапно впускал к ним прирученных львов, леопардов, медведей, так что, пробудившись на рассвете или, что было еще страшнее, ночью, они находили в той же комнате львов, медведей, леопардов; многие от этого испускали дух. (2) Многим друзьям попроще он постилал вместо полукруглых лож, надутые мехи и во время завтрака выпускал из них воздух, так что не раз завтракавшие вдруг оказывались под столами. (3) Наконец, он первый придумал постилать сигмы [38] не на скамейках, а на земле — для того, чтобы рабы могли потом развязывать мехи у ног пирующих и выпускать воздух. (5) ...Он часто выкупал блудниц у всяких сводников и отпускал их на свободу. (6) Когда в частной беседе зашла речь о том, сколько может быть в Риме людей, страдающих грыжей, он велел всех их переписать и привести к себе в бани и мылся с ними,— а среди них были и люди уважаемые. (7) Перед пиром он часто заставлял гладиаторов и кулачных бойцов сражаться на его глазах. (8) Он устраивал свою столовую на самом высоком месте амфитеатра и, когда он завтракал, для него выпускали на арену преступников, которые охотились на диких зверей. (9) Перед своими прихлебателями, находившимися за вторым столом, он приказывал ставить подобия кушаний, сделанные — то из воска, то из слоновой кости, иногда — глиняные, кое-когда — из мрамора или булыжника, так что им давалась возможность видеть воспроизведенные с помощью разного материала такие блюда, из каких состоял его обед; при перемене блюд они только пили и мыли руки, словно они в самом деле поели.

XXVI. (1) Говорят, он первый из римлян стал носить одежду из чистого шелка,— в то время уже употреблялись полушелковые. Он никогда не носил стираное белье и называл тех нищими, кто пользовался стираными полотнами. (2) После обеда он часто появлялся перед всеми в далматике [39], называя себя Гургитом, Фабием и Сципионом [40], так как в таком одеянии были выведены к народу родителями Фабий и Корнелий в дни своей юности, для исправления их нравов. [...] (6) Одна из его

шуток с рабами состояла в том, что он, обещая награду, приказывал принести себе по тысяче фунтов паутины и, говорят, собрал десять тысяч фунтов; при этом он говорил, что уже по этому одному можно заключить, как велик Рим. (7) Он посылал своим прихлебателям в качестве содержания, вместо продовольственных запасов, сосуды, наполненные лягушками, скорпионами, змеями и тому подобными гадами. (8) В любого рода сосуды он помещал и бесчисленное количество мух, называя их прирученными пчелами.

XXVII. (1) Он всегда держал наготове в столовых и портиках во время завтрака и обеда четырехупряжные цирковые колесницы и заставлял управлять ими своих гостей-стариков, среди которых были и люди, занимавшие высокие должности. (2) Уже будучи императором, он приказывал доставить себе десять тысяч мышей, тысячу хорьков, тысячу крыс. (3) У него были такие мастера сладких и молочных изделий, которые умели с помощью сладостей или молочных продуктов воспроизводить все то, что повара, распорядители и люди, готовившие блюда из овощей, делали из разнообразных видов съестного. (4) Своих прихлебателей он угощал обедами из стекла, а иногда посылал им на стол столько украшенных вышивками скатертей с изображениями всех подававшихся на стол видов съестного, сколько бы у него ни было перемен блюд, причем все это было либо вышито иглой, либо выткано в виде рисунков. (5) Иногда перед ними ставились картины, так что им как будто подавалось все, а на самом деле они испытывали муки голода. (6) Он соединял с фруктами и цветами драгоценные камни. Он выбрасывал через окно столько же блюд, сколько их подавалось его друзьям. (7) Благодаря предусмотрительности Севера[41] и Бассиана, в Риме имелся запас хлеба на семь лет; Гелиогабал приказал раздать годичный запас хлеба, принадлежащий римскому народу, блудницам, сводникам и продажным мужчинам, жившим в стенах города, пообещав другую такую же выдачу тем, которые жили за городом.

XXVIII. (1) Он запрягал в колесницу четырех огромных собак и так разъезжал по дворцу; то же он проделывал в своих имениях, когда был частным человеком. (2) На виду у всех он выезжал также на четырех запряженных огромных оленях. Запрягал он в свою колесницу и львов, называя себя Великой Матерью; запрягал и тигров, принимая имя Либера,— в этих случаях он надевал такую одежду, в какой изображаются боги, которым он подражал. (3) Он имел в Риме маленьких египетских змей, которых египтяне называют агатодемонами. Были у него также гиппопотамы, крокодил, носорог и все другие египетские животные, природа которых позволяет держать их. (4) Не раз у него за обедом подавались страусы; он говорил, что закон

предписывает иудеям есть их. (5) Кажется удивительным то, что о нем рассказывают, будто он устилал сигму шафраном, когда приглашал к себе на завтрак самых высокопоставленных лиц, говоря, что он употребляет такое сено, какое соответствует их достоинству. (6) Обычными дневными делами он занимался по ночам, а ночными — днем, считая и это условием роскошной жизни; таким образом, он просыпался и начинал принимать приветствия поздно вечером, а ложился спать утром. Своим друзьям он каждый день что-нибудь дарил и редко оставлял кого-либо без подарка; исключение составляли честные люди, которых он считал пропащими.

XXIX. (1) У него были украшенные драгоценными камнями и выложенные золотом повозки; выложенные же серебром, слоновой костью и медью он презирал. (2) Он запрягал в повозку самых красивых женщин — по четыре, по две, по три и более — и разъезжал таким образом; обычно он и сам бывал обнажен, и везли его обнаженные женщины. (3) Было у него и такое обыкновение: приглашать к себе на обед восемь лысых, восемь одноглазых, восемь подагриков, восемь глухих, восемь черных, восемь длинных, также восемь толстяков, которые не могли уместиться на одной сигме,— чтобы вызвать смех у всех присутствующих. (4) Он дарил своим сотрапезникам все серебро, бывшее на пиру, и весь набор бокалов, и делал это очень часто. (5) Первый из римских правителей он стал угощать на парадных пирах жидким рыбным соусом; прежде это было угощение для военных, которое впоследствии Александр немедленно восстановил. (6) Своим сотрапезникам Гелиогабал задавал — в виде тем для разработки — придумывать новые приправы к кушаньям; чье изобретение нравилось, тому он давал наибольшую награду; он дарил шелковую одежду, которая была тогда редкостью и потому высоко ценилась, (7) а тому, чье изобретение было ему не по вкусу, он приказывал все время есть кушанье самому, пока он не придумает чего-либо лучшего. (8) Он всегда сидел либо среди цветов, либо среди дорогих благовоний. (9) Он любил, когда перед ним преувеличивали цену того, что готовилось для стола, и уверял, что это усиливает аппетит во время пира.

XXX. (1) Он приказывал рисовать себя то в виде торговца деликатесами, то в виде продавца благовоний, то — трактирщика, то — лавочника, то — садовника, и у себя во дворце всегда выполнял такие обязанности. (2) Однажды у него за обедом было подано — на многих столах — шестьсот голов страусов, чтобы съесть из них мозги. ...(4) Справил он и такое пиршество, для которого каждая перемена кушаний была приготовлена отдельно у разных его друзей, и так как один жил на Капитолии, другой — на Палатине, третий — над валом, четвертый — на Целии, пятый — за Тибром, то где бы всякий из них ни жил,—

отдельные блюда съедались по порядку в доме каждого из них, и пирующие ходили из дома в дом. ...(6) Он всегда заказывал сибаритское блюдо из масла и рыбного соуса; в тот год, когда сибариты придумали это кушанье, они погибли. (7) Говорят, что он выстроил бани во многих местах; помывшись в них один раз, он тотчас же приказывал разрушить их, чтобы не иметь бань, бывших уже в употреблении. То же, говорят, он делал и с домами, загородными дворцами, отдельными аппартаментами. (8) Но я думаю, что и это и кое-что другое, выходящее за пределы вероятного, придумано теми, кто хотел извратить поступки Гелиогабала в угоду Александру.

XXXI. (1) Говорят, он выкупил пользовавшуюся большой известностью красавицу-блудницу за сто тысяч сестерциев и оберегал ее как девственницу, не позволяя прикасаться к ней. (2) Когда он был еще частным человеком, кто-то спросил его: «Не боишься ли ты обеднеть?» Он, говорят, ответил: «Что может быть лучше, чем быть наследником самому себе и своей жене?» (3) Он имел большие средства, которые многие оставляли ему по завещанию в память его отца. Он говорил, что не хочет иметь детей, так как среди них кто-нибудь может оказаться честным человеком. (4) Он приказывал жечь для согревания своих аппартаментов индийские благовония без угольев. В бытность свою еще частным человеком он всегда брал с собой во время путешествий не меньше шестидесяти повозок; причем бабка его Вария кричала, что он растеряет все свое состояние. (5) Став императором, он, говорят, возил за собой даже шестьсот повозок, утверждая, что персидский царь совершает путешествие с десятью тысячами верблюдов, а Нерон отправлялся в путь, имея с собой пятьсот парадных колесниц. [...] (8) Он посыпал золотым и серебряным порошком портик, жалея, что не может употребить таким же образом и янтарь. И это он делал часто, когда приходил пешком к своему коню или к крытой повозке, как это делается теперь с золотым песком.

XXXII. (1) Он никогда не надевал два раза одну и ту же обувь; говорят, он не надевал по два раза даже кольца; драгоценные одежды он часто рвал. Он поймал кита, взвесил его и подал друзьям столько рыбы, сколько весил кит. (2) Груженые суда он топил в гавани, называя это проявлением величия духа. Он испражнялся в золотые сосуды, а мочился в мурриновые и ониксовые [42]. (3) Он же, как передают, сказал: «Если у меня будет наследник, то я дам ему опекуна, который заставит его делать то, что делал и буду делать я». (4) Имел он также обыкновение устраивать себе такие обеды: один день он ел кушанья только из фазанов и все блюда приказывал делать только из фазаньего мяса, точно так же в другой день — из цыплят, в третий — то из одной рыбы, то из другой, в четвертый — из поросят,

в пятый — из страусов, в шестой — из овощеи, в седьмой — из фруктов, в восьмой — из сладостей, в девятый — из молочных продуктов. (5) Часто он запирал своих друзей в спальных покоях вместе с эфиопскими старухами и держал их там до рассвета, говоря, что им предоставлены писаные красавицы. (6) То же он проделывал с мальчиками: тогда, именно — до Филиппа, это считалось позволительным. (7) Иногда он смеялся так, что в театре среди публики было слышно его одного. (8) Сам он пел, танцевал, читал под звуки флейты, играл на трубе, упражнялся на пандуре [43], умел играть на органе. (9) Однажды он, говорят, набросив на себя, чтобы не быть узнанным, накидку с капюшоном, какую носят погонщики мулов, обошел всех блудниц цирка, театра, амфитеатра и всех других мест Рима; не тронув их, он одарил их всех золотыми монетами, добавляя: «Пусть никто не знает, это дает вам Антонин».

XXXIII. (1) Он придумал некоторые новые виды разврата, так что превзошел любимцев прежних императоров и хорошо знал ухищрения Тиберия, Калигулы и Нерона. (2) Сирийские жрецы предсказали ему, что он умрет насильственной смертью. (3) Поэтому он заранее приготовил веревки, свитые из шелка и багряного и алого материала, чтобы — в случае необходимости — окончить жизнь, удавившись в петле. (4) Заготовил он и золотые мечи, чтобы ими заколоть себя, если какая-либо сила принудит его к этому. (5) В кошачьих глазах, гиацинтах и изумрудах он заготовил себе яды, чтобы отравиться, если ему будет угрожать какая-нибудь серьезная опасность. (6) Выстроил он и очень высокую башню и поместил внизу, перед собой, золотые, украшенные драгоценными камнями плиты, чтобы броситься вниз; он говорил, что и смерть его должна быть драгоценной и роскошно обставленной: пусть говорят, что никто не погиб так, как он. Но все это оказалось ни к чему: (7) как мы сказали, он был убит щитоносцами, и труп его позорным образом волокли по улицам, тащили по клоакам и спустили в Тибр. (8) Таков был конец имени Антонинов в государстве, причем все знали, что это был ложный Антонин, как по своей жизни, так и по имени.

XXXIV. (1) Может быть, высокочтимый Константин, кому-нибудь покажется удивительным, что такой негодяй, жизнь которого я описал, занимал место государя, и притом в течение трех лет, и не нашлось никого, кто убрал бы его от кормила великого Римского государства, тогда как для Нерона, Вителлия, Калигулы и других подобного рода правителей всегда находился тиранноубийца. (2) Но прежде всего я сам прошу извинения за то, что я передал сообщения, найденные мною у различных писателей, хотя о многих позорных подробностях, о которых нельзя даже говорить без величайшего стыда, я умолчал; (3) но и то,

что я сохранил, я прикрыл, насколько это было для меня возможным, покровом пристойных выражений. (4) А затем я поверил тому, что имеет обыкновение говорить твоя милость: всегда следует помнить, что быть императором — это зависит от судьбы. (5) Ведь были и менее хорошие императоры, были и совсем дурные. Следует думать о том, о чем имеет обыкновение говорить твое благочестие,— чтобы те, кого сила рока неизбежным образом призвала к управлению, были достойны императорской власти. (6) Ввиду того, что он был последним из Антонинов и впоследствии это имя не встречалось в государстве у императоров,— для избежания какой-нибудь ошибки, когда я начну рассказывать о двух Гордианах, отце и сыне, которые хотели называться членами рода Антонинов, надо добавить следующее: у них это было не главным именем, а предименем, (7) затем, как я нахожу в большей части книг, они назывались Антониями, а не Антонинами.

XXXV. (1) Вот сведения о Гелиогабале, жизнеописание которого я составил по греческим и латинским источникам неохотно и с чувством отвращения; ты пожелал, чтобы оно было написано и поднесено тебе, так как уже до этого мы принесли жизнеописания других императоров. (2) Теперь я начну писать о тех, которые пойдут за ним. Из них лучшим следует назвать, и притом подчеркивая это, Александра, который был государем тринадцать лет. Другие были государями по полгода, по одному или по два года. Выдающимся правителем был Аврелиан, а красой всех — тот, от которого идет твой род — Клавдий [44]. (3) О последнем я боюсь рассказывать твоей милости истину,— как бы зложелателям не показалось, что я льстец; но я выполню свою задачу, несмотря на зависть бесчестных людей: они увидят, что и другие писатели прославляют его. (4) К этим императорам следует присоединить Диоклетиана, отца золотого века, Максимиана [45], отца — как его обычно называют — железного века, и других — вплоть до твоего благочестия. (5) О тебе же, высокочтимый Август, будут говорить на многих страницах и притом более красноречиво те, кому позволят это их более счастливые природные дарования. (6) Далее, к ним следует добавить Лициния, Севера Александра и Максенция [46]; права всех их на власть перешли к тебе, но доблесть их вследствие этого отнюдь не умалилась. (7) Я не буду поступать так, как делает большинство писателей, не буду унижать побежденных, так как понимаю, что твоя слава возрастет от того, что я правдиво расскажу об их достоинствах.

АММИАН МАРЦЕЛЛИН

«Грек и бывший солдат»,— называет себя Аммиан Марцеллин в заключительных строках своего сочинения. Родину грека называет его земляк Либаний — это Антиохия; путь солдата прослеживается по упоминаниям самого Марцеллина. В 353 г. он вступает в свиту магистра конницы Урсицина, одного из высших военных сановников империи; в 355—356 гг. он сопровождал Урсицина в Галлию, где в это время воевал с германцами Юлиан, будущий император; в 359 г. участвовал в войне с Персией и едва не погиб при осаде крепости Амиды. Затем Урсицин выходит в отставку, и след Аммиана теряется. В 363 г. он участвует в персидском походе императора Юлиана; по возвращении из похода он, по-видимому, оставляет военную службу, долгое время живет в Антиохии, совершает поездки в Грецию и Египет. После 378 г. Аммиан переезжает в Рим и приступает к работе над своей историей. Его публичные выступления с чтением отрывков имели большой успех. К 392 г. он, по-видимому, довел свое изложение до гибели императора Юлиана; это составило 25 книг. Потом он прибавил к ним еще 6 книг с описанием еще более близких к современности событий. Даты рождения и смерти Аммиана неизвестны: приблизительно можно отнести его жизнь к 330—400 гг.

История Аммиана Марцеллина носила название «Деяния». В окончательном виде она содержала 31 книгу и охватывала период 96—378 гг.: от смерти Домициана до смерти Валента. Материал распределялся по книгам неравномерно: события двух с половиной последних столетий, изложенные по сочинениям прежних историков, занимали тринадцать книг, события двадцатипятилетия 353—378 гг., о которых Аммиан мог писать по собственным воспоминаниям или по рассказам очевидцев, занимали восемнадцать книг. Сохранилась только эта вторая, наиболее ценная часть сочинения. Кругозор Аммиана широк: он описывает события в Риме, при дворе, в провинциях, на границах, войны, казни, интриги, мятежи. Историческое повествование перемежается характеристиками императоров, географическими и этнографическими экскурсами, описанием диковинных явлений природы.

Аммиан — последний крупный историк древности. В эпоху компиляторов и собирателей анекдотов он продолжал традиции лучших времен античной историографии. Его образцом был Тацит. История Аммиана начиналась с того момента, на котором кончалась история Тацита. «Бич тиранов» не случайно стал идеалом Аммиана. Молодость историка прошла среди за-

житочного провинциального населения, недовольного произволом императорской администрации; зрелость — среди высшего офицерства, недовольного варваризацией армии; старость — среди римской языческой интеллигенции, недовольной упадком древней религии и культуры. Так складывалась в нем та сдержанная оппозиционность, которая чувствуется в его сочинении. Но эта оппозиционность была бессильной. Идеал Аммиана утопичен. Рим для него — вечный город, император — слуга государства, сенат — блюститель нравов. Современность ничем не напоминала этого идеала: Аммиану все в ней было одинаково враждебно. Отсюда — его бросающееся в глаза беспристрастие. Он язычник неоплатонического толка, но с уважением относится к христианству; он преклоняется перед императором Юлианом, но трезво замечает все его недостатки. В своем пессимизме Аммиан утешается лишь тем, что исход человеческих предприятий находится во власти божества, что Рим уже не раз терпел невзгоды, но всегда выходил победителем и что «за дурные дела люди получают воздаяние всегда, а за хорошие — по крайней мере, иногда».

Сочинение Аммиана обращено к римским читателям, и поэтому написано на латинском языке. Греческое происхождение автора чувствуется в его синтаксисе, военная служба — в следах народной, «лагерной» латыни, внимательное изучение классических писателей — в многочисленных заимствованных у них выражениях. Подражая Тациту, он стремится к предельной сжатости, подражая Цицерону — к ритму в окончаниях фраз. Напряженная цветистость его рассказа выразительна, но быстро утомляет; пестрота языка и вычурность слога делают его речь крайне темной. Аммиан — один из самых трудных для понимания латинских писателей.

ИСТОРИЯ

ПОРОКИ СЕНАТА И РИМСКОГО НАРОДА (*XIV, 6*)

В эту пору [1] префектом Вечного города был Орфит, возносившийся в своей гордыне выше предела, положенного этим саном. Человек он был разумный и очень сведущий по судебной части, но в благородных искусствах менее просвещенный, чем это подобает человеку знатному. В его управлении возникли большие беспорядки из-за недостатка вина: чернь, склонная к неумеренному его потреблению, нередко бурно волнуется по этому поводу.

(2) А так как, быть может, иные, не жившие в Риме из тех, кому доведется читать мою книгу, удивятся, почему это, когда

мое повествование доходит до изображения событий в Риме, речь идет только о волнениях, харчевнях и тому подобных низких предметах, то я вкратце коснусь причин этого, ни в чем намеренно не уклоняясь от истины.

(3) В те времена, когда Рим, который будет жить, пока будет жить человечество, только начинал возвышаться до всемирного блеска, для его возрастания заключили союз вечного мира Доблесть и Счастье, которые обычно в разладе друг с другом, и если бы одна из них его покинула, то Рим не достиг бы вершины своего величия. (4) От самой колыбели и до конца детского возраста, то есть почти триста лет, римский народ выдерживал войны вокруг стен города. Затем, достигнув цветущего возраста, после многообразных невзгод на полях битв, он перешагнул через Альпы и через пролив; а став юношей и мужем, стяжал победные лавры и триумфы со всех стран, какие обнимает необозримый круг земной; но уже склоняясь к старости и нередко одерживая победы одним своим именем, он обратился к более спокойной жизни. (5) Поэтому-то достославный город, согнув гордую выю диких народов и дав законы, основы свободы и вечные устои, словно честный, разумный и богатый отец, предоставил управление своим имуществом Цезарям, как своим сынам. (6) И хотя трибы давно бездействуют, центурии умиротворились, нет борьбы при голосованиях и как бы вернулось спокойствие времен Нумы Помпилия [2],— но по всем, сколько их ни есть, частям и странам света чтят Рим как владыку и царя, и повсеместно властная седина сената внушает уважение, а имя римского народа — почтительный страх.

(7) Но великолепный блеск этого общества омрачается невежественным легкомыслием тех немногих, которые, словно предоставлена свобода всем порокам, впадают в преступный разврат и не помышляют о том, где они рождены,— хотя, по слову лирика Симонида [3], первое условие разумного счастья в этой жизни — слава отечества. (8) Иные из них, полагая, что они могут себя увековечить статуями, страстно этого добиваются, словно бесчувственные медные изображения дороже для них, чем сознание честности и справедливости своих поступков, и даже хлопочут о позолоте этих статуй — почет, которого первым удостоился Ацилий Глабрион, разумом и оружием победив царя Антиоха [4]. А как прекрасно, пренебрегая этими мелочами, взбираться на вершину истинной славы по крутому и длинному пути, как сказал некогда Аскрейский поэт [5],— это показал Катон Цензор. Когда его однажды спросили, почему нет его статуи среди множества других, он сказал: «Я предпочитаю, чтобы благомыслящие люди удивлялись, почему я этого не заслужил; хуже было бы, если бы они злословили насчет того, чем я это заслужил».

(9) Иные, усматривая высшее отличие в необычно высоких колесницах [6] и великолепии одеяния, потеют под тяжестью плащей, окутанных вокруг шеи и застегнутых у самого горла, вскидывая и колебля их частыми движениями рук, особенно левой, чтобы видно было длинную бахрому и чтобы сквозь развеваемую ветром тончайшую ткань просвечивала туника, пестро расшитая разнообразными фигурами животных. (10) Иные, напуская на себя важность, безмерно похваляются своими вотчинами, хотя бы их о том и не просили, хвастаясь преувеличенными урожаями со своих плодородных полей, широко раскинутых, как они воображают, от восхода солнца до заката, и не знают, что предки их, благодаря которым достигло таких размеров римское государство, стяжали славу не богатствами, а жестокими войнами: ни в чем не отличаясь от простых солдат в средствах, пище и одежде, доблестью побеждали они всякое сопротивление. (11) Поэтому-то на погребение Валерия Публиколы собирали складчину, вдова Регула с детьми в нужде жила на пособия от друзей ее мужа, а дочь Сципиона получила приданое из государственной казны, так как знати было стыдно, что цветущая девушка остается не замужем оттого, что отец ее беден и в отлучке [7].

(12) А теперь, если ты, достойный приезжий [8], явишься для утреннего приветствия к какому-нибудь богатому и оттого зазнавшемуся человеку, то в первый раз он примет тебя как долгожданного гостя, осыплет расспросами, заставит лгать, и ты подивишься, что столь высокое лицо, впервые тебя видя, оказывает тебе, маленькому человеку, такое заботливое внимание, и, пожалуй, пожалеешь, что ради такого счастья не приехал в Рим на десять лет раньше. (13) Но если ты, обнадеженный такой обходительностью, сделаешь то же самое на следующий день, то будешь торчать как незнакомый и нежданный посетитель, а твой вчерашний любезный хозяин долго будет перебирать в уме своих клиентов, соображая, кто ты и откуда. Если же ты, будучи, наконец, признан и принят в число друзей дома, будешь три года подряд поздравлять хозяина по утрам [9], а затем три дня проведешь в отлучке и вернешься опять к прежним отношениям, тебя не спросят, где ты был, и не беда ли какая заставила тебя уехать, а понапрасну будешь ты весь свой век унижаться перед высокомерным болваном. (14) А когда, спустя известное время, начнутся приготовления к долгим и несносным пирам или распределение праздничных подачек, то хозяева как бы с опаской раздумывают, стоит ли пригласить, кроме тех, кого приходится звать из благодарности, также и чужого человека. И если, зрело поразмыслив, они решатся на это, они пригласят того, кто ночует у дверей цирковых возниц, или мастерски играет в кости, или притворяется знатоком тайных наук. (15) А людей

образованных и трезвых избегают, считая их бесполезными неудачниками; к тому же и номенклаторы [10] обыкновенно продают эти и подобные приглашения, за известную мзду допуская к пирам и подачкам темных и безродных прихлебал со стороны.

(16) Чтобы не затягивать рассказ, я не стану описывать обжорство за столом и всякие соблазнительные наслаждения. Скажу теперь о том, что иные, не думая об опасности, разъезжают по широким городским улицам, погоняя лошадей, как гонцы, словно у тех, как говорится, копыта горят, так что камни выворачиваются из мостовой; а за ними несутся толпы рабов, словно какая шайка разбойников, и по слову комического поэта [11], даже шут не остается дома. Подстать им даже многие матроны мечутся по всем концам города, закутав лицо и занавесив носилки. (17) Как опытные полководцы в первую линию ставят тесным строем людей посильнее, за ними легковооруженных, далее стрелков, а позади всех вспомогательные войска, чтобы они могли оказать помощь в случае надобности,— так и надсмотрщики, которых легко признать по жезлу в правой руке, тщательно и заботливо расставляют городскую челядь, и словно из лагеря по сигналу выступает впереди экипажа вся ткацкая мастерская, к ней примыкает закопченная кухонная прислуга, затем уже остальные рабы вперемешку, к которым присоединяется праздный сброд из соседства, а позади всех толпятся евнухи всякого возраста, от стариков до детей, желтолицые, с безобразно искаженными членами: и в какую сторону ни пойдешь, наткнешься на толпы изувеченных людей и проклянешь память Семирамиды, знаменитой древней царицы, которая впервые оскопила нежных отроков, совершая как бы насилие над природой и отклоняя ее от предначертанного пути, между тем как природа уже при самом рождении живого существа, влагая ему источники семени, как бы молчаливо указывает на путь продолжения рода.

(18) При таких условиях даже немногие дома, некогда прославленные глубоким вниманием к наукам, погружены теперь в забавы тупой праздности, и в них раздаются звуки пения и звоны струн. Вместо философа приглашают певца и вместо ритора — мастера потешных дел; библиотеки заперты навек, словно гробницы, а сооружаются водяные органы, лиры величиной с телегу, флейты и всякие громоздкие принадлежности актерской игры.

(19) Дошло, наконец, до такого позора, что недавно [12], когда грозил недостаток продовольствия и чужестранцев спешно высылали из города, представители благородных наук, хотя их осталось очень мало, были изгнаны без колебаний, но удержаны были прислужницы мимических актрис и те, кто временно выдавал себя за них; невозбранно остались также три тысячи

танцовщиц со своими музыкантами и столько же хороначальников. (20) И в самом деле, куда ни кинешь взор, повсюду увидишь множество женщин, которые, будь они замужем, могли бы по возрасту быть матерями троих детей, а они, завив волосы, до изнеможения полируют ногами полы и порхают в хороводах, изображая действующих лиц, которых так несметно много в театральных представлениях.

(21) Нет сомнения в том, что некогда, пока Рим был обиталищем всех доблестей, многие знатные люди старались задержать при себе разными любезностями благородных чужеземцев, как гомеровские лотофаги сладостью своих ягод. (22) А теперь иные в своем надутом чванстве презирают всякого, кто родился за городской чертой, кроме бездетных и холостых,— просто невероятно, с каким изобретательным раболепием ухаживают в Риме за людьми бездетными! (23) И так как у них, в столице мира, сильнее свирепствуют болезни, которые все врачебное искусство бессильно хотя бы смягчить, то придумали спасительное средство не посещать друзей, постигнутых таким несчастьем, а самые осторожные добавляют к этому еще одно замечательно действенное средство: рабов, которых посылают наведаться о состоянии здоровья пораженных болезнью знакомых, не раньше пускают обратно, чем они очистят тело в бане. Так боятся заразы, даже когда ее видели чужие глаза. (24) Но если их пригласят на свадьбу, где гостям раздают в горсти золото [13], то эти самые люди, соблюдающие такие предосторожности, готовы, даже если и плохо себя чувствуют, бежать хотя бы в Сполеций. Таковы нравы знати.

(25) Что касается до массы низшего и беднейшего населения, то иные целыми ночами пьянствуют в харчевнях, другие укрываются под сенью театральных навесов, которые, подражая кампанской распущенности, впервые стал натягивать Катул в свое эдильство [14], или режутся в кости, с громким противным звуком втягивая воздух через ноздри, или же — и это самое любимое занятие — с рассвета и до вечера, в ведро и в дождь до изнеможения выискивают в подробностях достоинства и недостатки коней и возниц. (26) Удивления достойное зрелище представляет эта несметная толпа, ожидающая в страстном возбуждении исхода колесничных состязаний.

При такой обстановке в Риме не может происходить ничего достопримечательного и важного. Итак, возвращаюсь к моему повествованию...

(XXVIII, 4)

(6) Теперь я хочу рассказать в беглом очерке, как уже не раз делал при случае, о пороках знати, а затем — простого народа.

(7) Иные, выставляя напоказ мнимую знатность своих имен, безмерно чванятся тем, что их зовут Ребуррами, Флабуниями, Пагониями, Гереонами или же Далиями, Таррациями, Перразиями и многими другими столь приятно звучащими и некогда славными именами [15]. (8) Некоторые, блистая шелковыми одеяниями, выводят за собой шумящие полчища рабов, как будто идут на казнь или, чтобы не к худу сказать, замыкают строй в войске на походе. (9) Когда такие люди с полусотней служителей при каждом входят под своды терм, то грозно окликают: «Где наши?» Если же они вдруг заметят, что появилась незнакомая гетера, будь то блудница из простонародья или хотя бы девка, давно промышляющая своим телом, они сбегаются к новоприбывшей, тискают ее наперебой, превозносят ее отвратительными любезностями, как парфяне свою Семирамиду, египтяне — Клеопатру, карийцы — Артемисию, пальмирцы — Зенобию. И это позволяют себе люди, у предков которых цензор осудил сенатора, посмевшего поцеловать жену в присутствии собственной их дочери, что тогда считалось неприличным [16].

(10) Некоторые из них, когда кто хочет их приветствовать объятием, отворачивают голову от поцелуя, словно бодающиеся быки, и подставляют льстецам для лобызанья свои колени или руки, полагая, что и этого довольно для их блаженства; а что до чужого человека, которому они, быть может, даже обязаны за что-нибудь, то они считают избытком вежливости спросить, какие термы он посещает, какой водой моется, в чьем доме остановился.

(11) Будучи столь важными и почитая себя хранителями доблестей, эти люди, стоит им от кого-нибудь узнать, что в Рим должны откуда-то прибыть кони или возницы, с такой поспешностью сбегаются, глазеют, расспрашивают, как их предки взирали некогда на братьев Тиндаридов, когда те в старину вестью о победе исполнили всех радостью [17].

(12) Дома их посещают праздные болтуны, которые со всяческой изощренностью лести рукоплещут каждому слову высокопоставленной особы, подражая льстивому острословию паразитов в комедиях. Как те подпевают хвастливым воинам, уподобляя их героям и приписывая им осады городов, битвы, тысячи убитых врагов,— так эти до небес превозносят знатных людей, восторгаясь высоко воздымающимися рядами колонн и любуясь стенами, блистающими разноцветным великолепием мрамора. (13) Иной раз среди пира требуют весов, чтобы прикинуть на них рыбу, птицу или соню [18], и без конца расхваливают их будто бы небывалую величину, доводя гостей до изнеможения; а чтобы это записать, тут же стоят чуть не тридцать нотариев [19] с ларцами и записными книжками, и для полноты картины не хватает только школьного учителя.

(14) Иные боятся науки, как отравы, читают со вниманием только Ювенала и Мария Максима [20], и в своей глубокой праздности не берут в руки никакой другой книги; почему так, судить не моему слабому уму. (15) А между тем, людям такой знатности и славы следовало бы читать много сочинений разного рода: ведь они слышали, что Сократ, уже приговоренный и брошенный в темницу, просил одного музыканта, искусно исполнявшего стихи лирика Стесихора, поучить его этому, пока еще есть время; и когда тот спросил, какая ему от того польза, если завтра он умрет, Сократ отвечал: «чтобы уйти из жизни, зная хоть немногим больше».

(16) Немногие среди них умеют с должной строгостью взыскивать за проступки. Так, если раб запоздает принести горячей воды, приказывают дать ему тридцать розог; если же он намеренно убьет человека и все настаивают, чтобы виновный был наказан, то хозяин восклицает: «Чего же и ожидать от такого дурака и негодяя? Вот если он посмеет еще раз сделать что-нибудь подобное, то уж я его проучу».

(17) Теперь у них считается верхом хорошего тона, чтобы чужой человек лучше убил чьего-нибудь брата, чем отказался от приглашения к обеду: сенатору легче перенести потерю состояния, чем отсутствие человека, которого он однажды после зрелого размышления решился пригласить к столу.

(18) Некоторые из них готовы равнять свои путешествия с походами Александра Великого или Цезаря, если им пришлось проехаться подальше, чтобы посмотреть на свои поля или поохотиться чужими руками; если же они съездят из Авернского озера на расписных лодках в Путеолы, да еще в туманную пору, это для них — Дуилиев подвиг [21]. Если при этом на край его шелковых одежд сядет муха, ускользнувшая от золоченых опахал, или тоненький луч солнца проникнет сквозь щель в свисающих покрывалах, они сетуют, зачем не родились они в стране киммерийцев. (19) Если кто выходит из бани Сильвана или целебных вод Мамеи [22], то немедленно вытирается тончайшими льняными простынями, а затем пристально и подозрительно осматривает вынутые из-под пресса блистающие белизной одежды — а приносят их столько, что хватило бы на одиннадцать человек. Наконец, отобрав несколько одежд и нарядившись, он берет кольца, которые отдавал рабу, чтобы не попортить их сыростью, и, разукрасив ими пальцы, уходит.

(20) Вернулся кто-нибудь недавно со службы при особе императора или поездки,— в его присутствии никто не смеет раскрыть рот, он является как бы председателем. Все молча внемлют его словам — он один, как глава дома, рассказывает все, что ему угодно, хотя бы это и не относилось к делу, и сплошь да рядом обходит то, что действительно интересно [23].

(21) Некоторые из них, пусть немногие, не желают, чтобы их звали игроками в кости и предпочитают называться «метатели зерни» [24], хотя разница между этим не больше, чем между вором и разбойником. Но и то надо сказать, что если всякая иная дружба в Риме едва лишь теплится, то единственно между игроками существуют товарищеские связи, поддерживаемые с чрезвычайным рвением, словно они приобретены славными трудами. Иные участники этих компаний живут в такой близости, что впору назвать их братьями Квинтилиями [25]. Поэтому иной раз приходится видеть, что какой-нибудь человек, безродный, но искушенный в таинствах игры, выступает с угрюмой мрачностью, словно Порций Катон [26], который, не думав, не гадав, провалился на выборах в преторы,— и это потому, что на званом обеде или в собрании его посадили ниже какого-то проконсуляра.

(22) Иные заискивают перед богатыми людьми, старыми или молодыми, бездетными или холостыми, а то и перед теми, у кого есть и жена и дети,— все эти различия делает незаметными богатство,— и удивительными плутнями склоняют их составить завещание. Когда же те выразили свою последнюю волю и отказали имущество тем, в угоду кому написали завещание, тут они и умирают, как будто судьба только этого и ожидала от них [27].

(23) Другой, хотя саном и невысок, выступает, выпятив шею, и лишь через плечо оглядывает своих прежних знакомых: можно подумать, что это Марцелл возвращается после взятия Сиракуз [28].

(24) Многие из них отрицают существование высших сил на небе, а сами не решаются ни выйти на улицу, ни пообедать, ни выкупаться раньше, чем не изучат календарь, чтобы узнать, например, в каком знаке находится Меркурий, или какую часть созвездия Рака занимает, обегая полюс, Луна.

(25) Другой, если заметит, что его заимодавец настойчиво требует уплаты долга, прибегает к нагло готовому на все цирковому вознице и устраивает против заимодавца обвинение в отравлении, от которого тот спасается не раньше, чем вернет расписку и сам поплатится тяжелыми расходами. Бывает еще и так, что кредитор попадает сам в тюрьму, как бы за долг ему, и его не раньше отпускают, чем он признает этот мнимый долг.

(26) С другой стороны, жена, по старой пословице, днем и ночью кует на одной наковальне, заставляя мужа составить завещание, а муж настойчиво требует, чтобы то же самое сделала жена. Каждый приглашает юриста — одного в спальню, другого — в обеденный зал,— чтобы составить враждебные друг другу документы. За ними следуют истолкователи зна-

мений по внутренностям животных, и, противореча друг другу, одни щедро сулят префектуры и погребения богатых матрон, а другие, вот-вот ожидая кончины мужей, уже велят делать необходимые приготовления...[29] Как говорит Туллий, «ничего на свете не признают они хорошим, кроме того, что приносит выгоду, и к друзьям относятся, как к животным: любят больше всего тех, от кого надеются получить пользу»[30].

(27) Когда они хотят занять денег, то ходят скромно, как на сокках, уподобляясь Миконам и Лахетам; а когда им напоминают об уплате, они надуваются, как на котурнах, подобно Гераклидам Кресфонту и Темену[31]. Вот каков сенат.

(28) А теперь перехожу к праздной и ленивой черни. И здесь есть немало таких, кто блещет славными именами[32], а сам ходит без сапог: Цимессоры, Статарии, Семикупы, Серапины, Цицимбрик, Глутурин, Трулла, Луканин, Пордака, Сальзула. (29) Всю свою жизнь они проводят за вином и зернью, в притонах, увеселениях и на зрелищах. Большой Цирк для них и храм, и жилище, и место сборищ, и предел желаний. Можно видеть, как на площадях, перекрестках, на улицах и в харчевнях сходятся они в кружки, ссорятся и спорят между собою, отстаивая, как водится, один одно, другой другое. (30) Те из них, кто пожил досыта и умудрен продолжительным опытом, то и дело клянутся Янусом и Эпоной[33], что гибель грозит отечеству, если возница, за которого они стоят, на ближайшем состязании не выедет первым из-за загородки и пристяжной лошадью не обогнет меты вплотную. (31) Безделье здесь настолько въелось в нравы, что едва забрезжит желанный день конских ристаний, еще пока солнце не совсем взошло, все толпами спешат, сломя голову, чуть ли не опережая те самые колесницы, которым предстоят состязания: споря об их исходе, волнуясь за свои обеты[34], многие здесь проводили ночи без сна.

(32) Теперь обратимся к жалкому состоянию театров, где актеров прогоняют свистом, если кто-нибудь из них деньгами не закупит себе расположение низменной черни. Если мало шуму, то начинают реветь гнусными и бессмысленными голосами, в подражание племени тавров[35], что надо выгнать из Рима всех пришельцев, хотя Рим во все времена стоял и держался их поддержкою. Все это далеко не похоже на поведение и склонности древнего плебса, который оставил в памяти много остроумных и изящных изречений. (33) А в наши дни завелся новый обычай: вместо бурного плеска похвал, производимого наемными хлопальщиками, теперь на всяких зрелищах комедианту, гладиатору, вознице, всякому актеру, судьям, старшим и младшим, и даже женщинам настойчиво кричат: «У тебя ему учиться!»,— хотя никто не может разъяснить, кто и чему должен учиться.

(34) Многие из них, предаваясь жирному обжорству [36], с первыми петухами, среди пронзительных криков женщин, как павлины, кричащие от голода, бегут со всех ног, едва касаясь земли, на запах пищи и, толпясь по харчевням, грызут себе пальцы, пока остывают блюда; а иные с упорством выдерживают тошнотворный запах сырого мяса, пока оно варится, и можно подумать, что это Демокрит с анатомами разбирает внутренности вскрытого животного, поучая, какими способами потомство может лечить внутренние болезни.

(35) Пусть этого будет достаточно для рассказа о делах в городе Риме; вернемся теперь к многоразличным событиям, которые происходили в провинциях.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИМПЕРАТОРА ЮЛИАНА

(XXV, 4)

(1) То был человек, бесспорно достойный быть причисленным к героям духа, выдававшийся славою своих деяний и прирожденной величавостью. Если, по определению философов, есть четыре главные добродетели — умеренность, мудрость, справедливость и храбрость [37], к которым присоединяются другие, внешние — знание военного дела, авторитет, счастье и щедрость,— то Юлиан ревностно воспитывал в себе все их вместе и каждую в отдельности.

(2) Так, прежде всего, он блистал таким нерушимым целомудрием, что после смерти своей супруги он, как известно, не знал больше никогда никакой любви. Он ссылался на рассказ Платона [38] о трагике Софокле: когда того, уже в старости, спросили однажды, водится ли он с женщинами, он сказал, что нет, и прибавил, что считает счастьем избавление от этой страсти, как от дикого и жестокого владыки. (3) Чтобы еще лучше обосновать такое свое поведение, он часто повторял изречение лирика Бакхилида, которого он любил читать, имевшее такой смысл: как хороший художник дает красоту лицу, так целомудрие украшает жизнь, направленную к высшему идеалу. В полной силе своей юности он с такой заботой хранил себя от этого греха, что даже ближайшие люди из прислуги не могли его заподозрить в каких бы то ни было его увлечениях, как это часто бывает.

(4) Воздержность такого рода он укреплял в себе умеренностью в пище и сне, строго соблюдая ее как дома, так и в разъездах. В мирное время простота его стола и пищи поражала даже близко знавших его людей: казалось, что он собирался снова вернуться к плащу философа. А во время различных его походов нередко можно было видеть, как он, по солдатскому

обычаю, не присаживаясь, ел самую грубую и скудную пищу. (5) Подкрепив кратким сном свое закаленное в трудах тело, он тотчас по пробуждении самолично проверял смену постов и караулов, а после этих дел обращался к занятиям науками. (6) И если бы можно было призвать в свидетели ночной светильник, при свете которого он работал, то он бы, конечно, указал на великую разницу между этим государем и некоторыми другими, заведомо зная, что удовольствиям он не уступал даже в том, что является природной потребностью.

(7) Доказательства его мудрости настолько многочисленны, что достаточно будет привести лишь несколько. Глубокий знаток в науке военного и гражданского дела, он был так прост в поведении, что требовал к себе внимания лишь настолько, насколько считал нужным, чтобы избегать неуважения и дерзости. Будучи старше доблестью, чем годами, он тщательно вникал во все судебные дела и бывал непреклонным судьею. Строжайший блюститель нравов, спокойно презирающий богатство, равнодушный ко всему преходящему, он часто говорил, что постыдно для мудрого добиваться похвал своему телу, когда у него есть душа.

(8) Об его блистательной справедливости свидетельствует весьма многое. Прежде всего, он был, применительно к обстоятельствам и людям, весьма строг, но без жестокости; далее, карая немногих, он умел этим сдерживать пороки и скорее грозил мечом правосудия, чем пользовался им. (9) Наконец, не говоря о многом другом, известно, что он был столь снисходителен к некоторым, открыто злоумышлявшим против него врагам, что уменьшал по прирожденной своей мягкости строгость законной кары.

(10) Свое мужество доказал он множеством битв, военным опытом и выносливостью в сильнейший холод и зной. Хотя от солдата требуется работа тела, а от полководца работа духа, тем не менее, он сам, смело сойдясь однажды лицом к лицу со свирепым врагом, сразил его ударом, а иной раз он один сдерживал отступавших солдат, став грудью против них. Разоряя царства диких германцев и воюя в знойных песках Персии, он поднимал воодушевление своих, сражаясь в первых рядах.

(11) Его знание военного дела подтверждается множеством всем известных примеров: он предпринимал осаду городов и укреплений в самых опасных положениях, умел разнообразно строить боевую линию, избирал для стоянок здоровые и безопасные места, с правильным расчетом располагал передовые посты и караулы.

(12) Авторитет его был так велик, что солдаты горячо его любили и вместе с тем боялись. Разделяя с ними труды и опасности, он среди жаркого боя приказывал казнить трусов. Еще

будучи цезарем [39], он умел, даже не платя жалованья, держать солдат в повиновении, ведя их на войну с дикими народами, как я уже о том рассказывал. Вооруженный мятеж солдат он успокоил, пригрозив вернуться к частной жизни, если они не перестанут волноваться. (13) Достаточно, наконец, вместо всего другого указать на то, что простой речью на сходке он так подействовал на привычные к холодам и Рейну галльские войска, что увлек их за собою через отдаленные земли в жаркую Ассирию и к самой границе Мидии.

(14) Его счастье было чрезвычайно: как бы на плечах самой Фортуны, которая долго была его доброй путеводительницей, он преодолел в победном шествии невероятные трудности. После того, как он покинул западные области, и до тех пор, пока он был живым, все народы пребывали в спокойствии, словно под животворным жезлом Меркурия.

(15) Его щедрость с несомненностью доказывают многие его поступки, в том числе облегчение податей, отказ от коронного золота [40], прощение обильных недоимок, накопившихся с давнего времени, беспристрастие в тяжбах казны с частными людьми, возвращение отдельным городам пошлин и земельных имуществ, кроме тех, которые были законным образом проданы прежними властями: он никогда не хлопотал о накоплении денег, полагая, что у собственников они находятся в лучшей сохранности, и часто напоминал, что Александр Великий на вопрос, где его сокровища, добродушно ответил: «у моих друзей».

(16) Изложив все, что я знал о его хороших качествах, перейду теперь к выяснению его недостатков, чтобы хоть вкратце сказать о них. Легкомысленный по природе, он смягчал этот недостаток хорошей привычкой: позволял поправлять себя, когда сбивался с доброго пути. (17) Он был словоохотлив и слишком редко молчал; отличаясь чрезмерной склонностью во всем выискивать предзнаменования, в чем он мог бы сравниться с императором Адрианом, он был скорее суевер, чем точный исполнитель священных обрядов, и без всякой меры приносил в жертву животных, так что можно было думать, что не хватило бы быков, если бы он вернулся из Персии. В этом отношении он походил на императора Марка, о котором сохранилось такое двустишие:

Белые шлют быки привет императору Марку:
Если ты вновь победишь, нам это верная смерть.

(18) Рукоплескания толпы были ему приятны: не в меру одолеваемый желанием похвал за самые незначительные поступки, он иной раз из стремления к популярности даже вступал в беседу с недостойными того людьми.

(19) Тем не менее, можно было бы согласиться с его собственным утверждением, что древняя Справедливость, которая, по словам Арата, поднялась на небо, оскорбленная людскими пороками [41], в его правление опять воротилась на землю, если бы кое в чем он не проявлял произвола и не становился непохожим на себя самого. (20) Изданные им указы, в которых он безоговорочно что-нибудь повелевал или воспрещал, были вообще хороши, за исключением немногих. Так, например, было жестоко, что он запретил преподавание исповедовавшим христианство грамматикам и риторам, если они не перейдут к почитанию богов. (21) Равным образом было несправедливо, что он вопреки законам допускал в состав городских советов людей, приезжих или освобожденных от этой повинности привилегиями, либо своим происхождением.

(22) Наружностью и телосложением был он вот каков: среднего роста, волосы пушистые и мягкие, густая постриженная клином борода, глаза очень приятные, полные огня и выдававшие тонкий ум, красивые брови, нос прямой, рот великоватый, с отвисавшей нижней губой, толстый и крутой затылок, сильные и широкие плечи; отлично сложенный от головы до самых пят, он был крепок силою и быстр на бегу.

(23) Так как его хулители обвиняют его в том, что он возбудил на общую погибель новые бури военных предприятий, то пусть сама истина откроет им с очевидностью, что не Юлиан, а Константин зажег парфянский пожар, с жадностью ухватившись за выдумки Метродора [42], как я подробно рассказал в своем месте. (24) Отсюда — истребление наших армий, целые полки иной раз в плену, разоренные города, захват или разрушение крепостей, провинции в истощении от тяжких поборов, и все более близкие к осуществлению угрозы персов оттягать все земли до самой Вифинии и берегов Пропонтиды. (25) А в Галлии все усиливались волнения варваров, германцы рассеялись по нашей земле, Альпы уже не препятствовали опустошению Италии; людям, претерпевшим уже бесчисленные и несказанные бедствия, предстояли только слезы да ужасы, и воспоминание прошлого было горько, а ожидание будущего еще тяжелее. И этот юноша, посланный в западные области с одним только именем цезаря, все это исправил с почти удивительной быстротой, обращаясь с царями, как с жалкими рабами. (26) И вот, чтобы таким же образом возродить Восток, он ополчился на персов и принес бы себе оттуда триумф и почетный титул, если бы его замыслам и блестящим деяниям благоприятны были решения неба. (27) И хотя, как мы знаем, люди бывают настолько безрассудны, что иные, словно в насмешку над собственным опытом, потерпев поражение, бросаются опять на войну, потерпев кораблекрушение,— опять в море и вновь возвращаются к трудам, под

бременем которых так часто падали,— все-таки находятся люди, которые порицают государя за то, что он, всегдашний победитель, искал себе новых побед.

БИТВА ПРИ АДРИАНОПОЛЕ

(XXXI, 12—13)

12. В это время Валент [43], вдвойне раздраженный вестью о победе над лентийцами и письмом Себастиана, в котором тот словами раздувал свои дела, выступил из Мелантиады, спеша сравниться каким-нибудь славным подвигом с молодым племянником, доблести которого не давали ему покоя. Он вел с собою много разных войск, надежных и полных задора, так как он присоединил к ним много ветеранов; в их числе, вместе с другими высокими начальниками, вновь опоясался оружием и Траян, недавний магистр пехоты. (2) Усиленные разведки выяснили, что враг собирается преградить сильными сторожевыми постами дороги, по которым подвозилось продовольствие для армии. Против этой попытки немедленно приняты были должные меры: чтобы удержать ближайшие и важнейшие проходы, к ним поспешно отправили отряд всадников и пеших стрелков. (3) В ближайшие три дня варвары наступали медленно: опасаясь нападения в теснинах, они в пятнадцати милях от города [44] повернули к укреплению Ника. Так как по какому-то недоразумению наши передовые войска определяли всю эту часть полчищ, которую они видели, в десять тысяч человек, император с дерзким пылом спешил им навстречу. (4) Наступая в боевом строю, он подошел к пригородам Адрианополя и там, укрепив лагерь валом, частоколом и рвом, с нетерпением поджидал Грациана, когда к нему прибыл от этого императора комит доместиков [45] Рихомер, отправленный вперед с письмом, в котором тот сообщал, что скоро прибудет; (5) далее, он просил его немного подождать товарища по опасностям и не идти в одиночку и необдуманно на крайний риск. Валент собрал на совет различных сановников, чтобы обсудить, что нужно делать. (6) Одни вслед за Себастианом настаивали на том, чтобы немедленно вступить в бой, тогда как многие другие поддерживали магистра конницы [46] Виктора, родом сармата, но человека медлительного и осторожного, который считал, что следует подождать соправителя, чтобы получить подкрепление от галльских войск и легче раздавить пылающее самомнение варваров. (7) Победило, однако, злосчастное упрямство императора и льстивое мнение некоторых придворных, которые советовали действовать как можно быстрее, чтобы не делить с Грацианом победу, которая им казалась почти одержанной.

(8) В ту пору, когда делались необходимые приготовления к решительному бою, пришел в лагерь императора посланный Фритигерном христианский пресвитер,— как они это называют,— с другими людьми из простонародья. Будучи ласково принят, он представил письмо этого вождя, который открыто требовал, чтобы ему и его людям, изгнанным из отеческих мест стремительным набегом диких племен, предоставлена была для обитания Фракия со всем скотом и хлебом, и только она одна, и на этом условии обязывался сохранять вечный мир. (9) Кроме того, тот же самый христианин, как человек надежный и посвященный во все тайны, передал другое, негласное письмо того же царя: в нем этот искусный и лукавый хитрец сообщал Валенту, как будущий друг и союзник, что он не в силах сдержать свирепость своих земляков и склонить их на условия, удобные для римского государства, если император, подступив ближе, не устрашит их видом своих войск и своим именем, чтобы угасить их гибельный боевой задор. Эти вестники слишком двусмысленных предложений были отпущены ни с чем.

(10) На рассвете следующего дня [47], который по календарю числился пятым до августовских ид, войска были быстро двинуты вперед, а обоз и вьюки расположены у стен Адрианополя под охраной легионов. Казна и прочие отличия императорского сана, а при них префект [48] и члены консистории находились в стенах города. (11) Долго шли по каменистым и неровным дорогам, и знойный день уже близился к середине, когда, наконец, в восьмом часу [49] показались телеги неприятеля, выставленные и расположенные, по словам лазутчиков, в виде круга. Варвары по своему обычаю подняли дикий и зловещий вой; римские вожди тем временем стали выстраивать войска для боя. Правое крыло конницы было выдвинуто вперед, а большая часть пехоты оставлена позади в резерве. (12) Левое же крыло конницы сводили с большими затруднениями, так как эти всадники были еще рассеяны по дорогам и теперь торопились вскачь к полю боя. Пока это крыло вытягивалось, не встречая никакого сопротивления, варвары, которых пугал страшный лязг оружия и грозный стук щитов, так как часть их сил с Алафеем и Сафраком находилась далеко и еще не явилась на вызов, отправили послов просить о мире. (13) Император, с презрением глядя на их простое обличье, потребовал прислать к нему людей знатных, чтобы заключенный с ними мир был надежен. Готы нарочно медлили, чтобы среди этих обманчивых проволочек успела вернуться их конница, ожидаемая с часу на час, а также чтобы истомить жаждою усталых от летнего зноя солдат; для этого враги, подложив дров и всякого сухого материала, разожгли по всей широкой равнине пылающие костры. К этому бедствию прибавилось другое столь же тяжелое: голод мучил людей и лошадей.

(14) Между тем Фритигерн, тонко рассчитывая виды на будущее и опасаясь ненадежного боевого счастья, послал от себя глашатаем простого человека с просьбой прислать ему как можно скорее избранных заложников из числа знати, чтобы он мог без опасения выдерживать самые отчаянные угрозы своих воинов. (15) Это предложение грозного вождя встретило похвалу и одобрение, и с общего согласия решено было направить к готам заложником трибуна Эквиция, дворцового управителя и родственника Валента. Когда он стал отказываться, так как, однажды попав в плен к готам и убежав от них у Дибальта [50], он теперь боялся их безрассудного раздражения, то Рихомер сам вызвался на это, заявив, что пойдет добровольно, считая такое дело славным и достойным храброго человека. И он уже отправился в путь, являя достоинства своего положения и происхождения...[51] (16) Он уже приближался к вражескому валу, когда стрелки и щитоносцы, которыми тогда командовали ибер [52] Бакурий и Кассиан, дерзко выступив слишком далеко, завязали бой с противником, и как несвоевременно они вырвались вперед, так бессильно и отступили, осквернив этим позором начало сражения. (17) Эта неуместная попытка воспрепятствовала храбрости Рихомера, и его уже никуда не пустили. А готская конница Алафея и Сафрака между тем вернулась вместе с отрядом аланов и как молния грянула с крутых гор, в стремительном нападении уничтожая все на своем пути.

13. Среди звона оружия и града стрел со всех сторон, среди неслыханного безумства Беллоны, чьи скорбные трубы возвещали гибель римлянам, наши воины дрогнули было, но устояли, удержанные криками многих уст; ужасом охватывала солдат все жарче пылавшая битва, когда по нескольку человек зараз пронзали удары копий и стрел. (2) Наконец, оба строя столкнулись, словно клювы кораблей, и тесня друг друга, колебались, как волны, то в одну, то в другую сторону. Левое крыло подступило к самому вражескому лагерю, и если бы получило поддержку, то двинулось бы и дальше; но, покинутое остальной конницей, теснимое полчищами врага, оно было опрокинуто и раздавлено, словно огромным обвалом. Отряды пехоты, оставшись без прикрытия, были так стеснены один к другому, что едва можно было обнажить меч и отвести руку. Неба не видно было за пылью, стоявшей в воздухе, оглашенном устрашающими криками. Стрелы, стремившие отовсюду смерть, разили неминуемо, потому что нельзя было ни видеть их, ни уклониться. (3) Когда же рассыпавшиеся несчетными отрядами варвары стали опрокидывать лошадей и людей, а в этой тесноте нельзя было очистить места для правильного отступления, и давка отнимала всякую возможность бегства, то наши, в отчаянном презрении к смерти, взялись опять за мечи и стали рубить наступавших,

Портрет римлянина

II в.

Голова дака

С форума Траяна. Начало II в.

и удары секир с двух сторон разбивали шлемы и панцири. (4) Можно было видеть, как огромный разъяренный варвар с лицом, искаженным от крика, с подрезанными подколенными жилами, отрубленной правой рукой или разорванным боком, уже у самого предела смерти грозно озирался дикими очами; сцепившиеся враги вместе рушились на землю, сплошь покрывая простертыми телами убитых всю равнину; стоны умирающих и смертельно раненных вызывали ужас. (5) Среди столь великой и страшной сумятицы пехотинцы, истощенные от напряжения и опасностей, обессилев и утратив способность соображать, изломав почти все копья постоянными ударами, с одними обнаженными мечами стали бросаться в густые ряды врагов, не помышляя более о спасении и не видя никакой возможности уйти. (6) А так как покрытая ручьями крови земля делала неверным каждый шаг, то они старались как можно дороже продать свою жизнь, и с таким ожесточением нападали на противника, что иные гибли от оружия товарищей. Все кругом покрылось черной кровью, и куда ни обращался взор, громоздились кучи убитых, и ноги нещадно топтали бездыханные тела. (7) Высоко поднявшееся солнце, передвигаясь из созвездия Льва в обиталище небесной Девы, палило римлян, истощенных голодом и жаждой, обремененных тяжестью оружия. Наконец, напором силы варваров наши ряды были опрокинуты, и люди, обратясь к последнему средству в крайних положениях, побежали, кто куда мог.

(8) Пока все, рассеявшись, отступали по неизвестным дорогам, император, окруженный всеми этими ужасами, бежал с поля битвы, с трудом пробираясь по грудам мертвых тел, к ланциариям и маттиариям [53], которые стояли твердо и непоколебимо, пока можно было выдержать численное превосходство врага. Увидев его, Траян закричал, что все погибло, если императора, покинутого телохранителями, не защитят хотя бы вспомогательные войска. (9) Когда это услышал комит по имени Виктор, то поспешил к расположенным неподалеку в резерве батавам, чтобы сейчас же собрать их для охраны императора, но никого не смог найти и на обратном пути сам ушел с поля битвы. Точно так же спаслись от опасности Рихомер и Сатурнин.

(10) Варвары продолжали преследование, и глаза их горели яростью, и у наших уже кровь холодела в жилах. Одни падали, неизвестно от чьего удара, других опрокидывала тяжесть напиравших, иные гибли от руки своих товарищей; варвары сокрушали всякое сопротивление и не давали пощады сдававшимся. (11) Кроме того, дороги были преграждены множеством полумертвых, жаловавшихся на мучительные раны, а вперемешку с ними заполняли равнину целые груды убитых коней. Этим ничем не вознаградимым потерям, которые так дорого обошлись рим-

скому императору, положила конец ночь, не освещенная даже лунным блеском.

(12) Поздно вечером император, находившийся среди простых солдат,— так можно было только предполагать, ибо никто не заявлял, что сам это видел или был при этом,— пал, смертельно раненный стрелою, и вскоре испустил дух, а потом его нигде не нашли: шайки варваров долго бродили по тем местам, чтобы грабить мертвых, и никто из бежавших солдат и окрестных жителей не отваживался являться туда. (13) Подобная гибель постигла, как известно, Цезаря Деция [54], сброшенного в жестокой сече с варварами взбесившейся лошадью, которую он не смог удержать, и попав в болото, он не сумел оттуда выбраться, так что потом нельзя было даже отыскать его тело. (14) Другие рассказывают, что Валент не тотчас испустил дух, но несколько кандидатов [55] и евнухов снесли его в хорошо построенную деревенскую хижину и укрыли в верхнем помещении. Пока там ему делали неопытными руками перевязку, хижину окружили враги, но, не зная, кто он, они избавили его от позора пленения. (15) Когда они преследовали, то пытались взломать запертые двери и были осыпаны стрелами с навеса; и не желая из-за досадной задержки упускать случай пограбить, они нанесли вязанок соломы и дров, подложили огонь и сожгли здание вместе с людьми. (16) Один из кандидатов, выскочивший через окно и попавший в плен к варварам, рассказал им, как было дело; это их очень огорчило, так как они лишились великой славы взять живым правителя римского государства. Потом этот юноша тайком вернулся к нашим и сообщил об этом событии. (17) Такая же смерть постигла при отвоевании Испании одного из Сципионов [56], который, как известно, сгорел, когда враги подожгли башню, в которую он укрылся. Во всяком случае, ни Сципиону, ни Валенту не выпала на долю последняя честь погребения.

(18) Среди многих высокопоставленных людей, которые пали в этой битве, наиболее видными были Траян и Себастиан; с ними погибли тридцать пять трибунов, командовавших полками и свободных от командования, а также Валериан и Эквиций,— первый заведовал императорской конюшней, а второй управлением дворца. Среди павших был трибун промотов Потенций, в самом цвете юности уже пользовавшийся уважением всех добрых граждан, выделяясь как собственными достоинствами, так и заслугами своего отца Урсицина, бывшего магистра армии. Уцелела, как известно, только третья часть войска. (19) По свидетельствам летописей, ни одно сражение, кроме битвы при Каннах, не было столь губительно, хотя не раз неблагосклонность судьбы и обманчивость военного счастья заставляла римлян временно отступать перед необходимостью, и хотя мифические песни греков также оплакали не одну битву.

ЕВТРОПИЙ

О жизни Евтропия Флавия, римского историка IV в. н. э., известно немногое. Родился он около 316 г., в правление императора Константина. Место рождения точно не установлено: по мнению одних, это Греция, по мнению других — Рим. Есть ряд свидетельств древних авторов, сообщающих о том, что он занимал высокие должности в государстве; был личным секретарем Константина, в 373 г. императором Валентом был назначен проконсулом в Азию, а в 380 или 381 г. получил назначение от императора Феодосия на пост префекта претория (см. Аммиан Марцеллин, I, 29). Из слов самого Евтропия (X, 16) известно, что в 362 г. он принимал участие в экспедиции Юлиана против персов. Сохранилось только одно его произведение, а именно: «Бревиарий римской истории», написанный им по поручению императора Валента и посвященный ему. В то время были особенно популярны всяческие сокращения ранее написанных трудов и извлечения из них — бревиарии.

В бревиарии Евтропия, состоящем из 10 книг, содержится изложение истории Рима от его основания до времени императора Валента. При составлении его Евтропий пользовался надежными источниками, черпая из них необходимые сведения, хотя нельзя сказать, что к выбору материала он подходил достаточно критически: порой, обходя молчанием немаловажные события, он уделял внимание второстепенным вещам, например, деталям из частной жизни высокопоставленных особ, мелочам придворной жизни и т. д. Пренебрегая подчас описанием событий, не делавших чести Риму и его правителям, он особо останавливается на событиях, прославляющих Рим как мировую державу. Тенденциозность в освещении исторических фактов, свойственная Евтропию, еще более, впрочем, определенная у других историков его времени, показывает в нем выразителя идеологии придворных императорских кругов Рима. Даже сама история императорского Рима изложена им подробнее, чем история царского и республиканского периодов, что объясняется, вероятно, желанием угодить Валенту и, разумеется, восполнить некоторые пробелы, имеющиеся в изучении истории этого периода, по сравнению с предшествующими. Бревиарий написан простым, ясным и правильным языком, местами, правда, небрежным и довольно однообразным. У современников и в Средние века он пользовался большой популярностью, долгое время являясь общепринятым учебником римской истории, был

переведен даже на греческий язык Пеаном и Капитоном (перевод последнего не сохранился) и часто цитировался Иеронимом.

Первое издание Евтропия появилось в Риме, в 1471 г., в течение последующих веков оно много раз перепечатывалось. Еще и по сей день Евтропий не утратил своего значения как исторический источник — он признается одним из наиболее правдивых историков своего времени, несмотря на наличие в его труде отдельных погрешностей в изложении событий и неточностей в их датировке.

БРЕВИАРИЙ РИМСКОЙ ИСТОРИИ

Книга VIII

1. В 850 г. от основания Рима, в консульство Ветера и Валента [1], римская империя, столь счастливо доверенная благоразумным правителям, снова пришла в цветущее состояние. Ведь Домициану, ненавистному тиранну, наследовал Нерва; человек средней родовитости, скромный и предприимчивый в частной жизни, он уже в глубокой старости усилиями Петрония Секунда, начальника императорской гвардии, а также Парфения [2], убийцы Домициана, был провозглашен императором и показал себя в высшей степени справедливым и кротким правителем. С божественной прозорливостью, усыновив Траяна [3], он обеспечил благополучие империи. Умер в Риме спустя год, четыре месяца и восемь дней после своего вступления на престол, в возрасте семидесяти двух лет. И был причислен к богам.

2. Наследовал ему Ульпий Траян Криний, родившийся в Испании, в городе Италика [4], в семье скорее древней, чем знатной; ведь только его отец первым получил в ней консульское звание. Императором он был провозглашен в городе Агриппине [5] в Галлии; и так хорошо правил государством, что по заслугам его ставят выше всех других императоров. Он был человеком необыкновенной доброты и мужества. Границы римской империи, которая со времени Августа была скорее защищаема, чем увеличиваема, он расширил во все стороны. Он вновь приобрел лежащие за Рейном германские города, покорил Дакию, победив Децебала [6] и превратив в римскую провинцию те лежащие за Дунаем земли, на которых теперь живут таифалы, виктофалы и ферунги [7]; провинция эта занимает в окружности миллион шагов [8].

3. Он взял назад Армению, которую заняли парфяне, убив Парфамазира, завладевшего ею. Дал царя албанцам; принял под свое покровительство царей иберийского, сарматского, боспорского, арабского, осроенского [9] и колхидского. Он овладел кордуенами, амардами и медами [10], а также Анфемузией, большой местностью Персии; победил и оставил за собой Селевкию, Ктесифон, Вавилон и Эдессу [11]; проник до границ Индии и Красного моря и здесь образовал три провинции: Армению, Ассирию и Месопотамию с теми народами, которые граничат с Маденой [12]. Потом он сделал провинцией Аравию и построил на Красном море флот, чтобы совершать набеги на индийские границы.

4. Однако его кротость и обходительность превзошли даже его военную славу. В Риме и провинциях он обращался со всеми как с равными: часто навещал друзей в дни их болезни или в праздничные дни, пировал с ними и сам их угощал, часто садился в их носилки; не оскорбил ни одного сенатора, не допустил никакой несправедливости в целях умножения своей казны; был щедр ко всем, публично и в частном порядке обогащая всех, наделял почетными должностями даже тех, с кем был связан хоть незначительной дружбой. Он украсил империю строениями, городам предоставил многие льготы, был всегда так тих и спокоен, что за все время его царствования был осужден лишь один сенатор [13], и то сенатом, без его, Траяна, ведома. Благодаря этим свойствам по всей земле его уподобляли богу и ничего, кроме почтения, ему не оказывали и при жизни и после смерти.

5. Между другими памятными его словами приводятся следующие: когда друзья его упрекали в том, что он слишком обходителен со всеми, он им ответил: «Таким я должен быть императором для простых людей, какого бы я сам желал иметь, будь я простым смертным».

Итак, добыв огромную славу в войне и мире, он умер [14], возвращаясь из Персии, около Селевкии в Исаврии, от желудочной болезни, в возрасте шестидесяти трех лет, девяти месяцев, четырех дней, процарствовав девятнадцать лет, шесть месяцев, пятнадцать дней. Почтен божеской почестью и один из всех императоров похоронен в черте города [15]. Прах его, положенный в золотую урну, был погребен на площади, которую он соорудил, под колонной высотой в сто сорок четыре фута. Память о нем такова, что даже до наших дней при восшествии на престол императоров сенат приветствовал их именно такими словами: «пусть будет он счастливее, чем Август, и добрее, чем Траян». Он так прославился своим добросердечием, что его не льстиво, а искренно прославляют как совершенного и образцового правителя.

6. После смерти Траяна императором был провозглашен Элий Адриан, без всякой, однако, на то воли Траяна, но бла-

годаря стараниям Плотины, жены его. Ведь при жизни Траян отказался усыновить Адриана, хоть тот и был сыном его двоюродной сестры [16]. Родился он также в Италике [17], испанском городе. Завидуя славе предшественника, он тотчас покинул три провинции, присоединенные Траяном, отозвал римскую армию из Ассирии, Месопотамии и Армении и хотел, чтобы Евфрат был границей империи. Он пытался таким же образом поступить и с Дакией, однако его удержали друзья, опасаясь, как бы многие римские граждане не остались добычей варваров: ведь Траян, покорив Дакию, отправил туда из всех областей империи множество народа, чтобы распахать земли Дакии и заселить ее города, обезлюдевшие в длительной войне с Децебалом.

7. В период всего царствования Адриана был мир, лишь однажды он вел войну [18], и то через посредство наместника; он объездил все римские владения и много построил [19]. Весьма красноречивый в латинском языке, он основательно владел и греческим. Хотя и не особенную славу он приобрел кротостью, зато усердно заботился о государственной казне и о поддержании воинской дисциплины. Умер [20] он в Кампании, прожив более шестидесяти лет, после двадцати одного года, десяти месяцев и двадцати девяти дней правления. Сенат не хотел [21] удостоить его божеской почести, но по настойчивому требованию Тита Аврелия Фульвия Антонина, его наследника, он был, наконец, почтен этой честью, хотя все сенаторы явно противились этому.

8. Таким образом, Адриану наследовал Тит Антонин Фульвий Бойоний, прозванный также Пием. Происходил он из знатного, хотя и не очень древнего, рода [22] и был выдающимся человеком, который по праву может быть сравним с Нумой Помпилием [23], как Траян с Ромулом. Глубоко порядочный в частной жизни, он оставался таким и на посту императора, ни с кем не был жесток, но со всеми милостив. В военном деле он не стяжал славы, стремясь больше к защите провинций империи, чем к умножению их числа; он старался приобрести для управления государством людей наиболее справедливых, оказывая честь людям порядочным и питая отвращение к дурным, не будучи, впрочем, жестоким с ними. Царям своих союзников он внушал столько же почтения, сколько и страха, так что многие варварские племена, сложив оружие, предоставляли ему решение своих споров и тяжб. Он был очень богат до того как стал императором, но значительно поистратил свое состояние раздачей жалования воинам и своими щедротами по отношению к друзьям; впрочем, он оставил после себя богатую государственную казну. За свое мягкосердечие он был прозван Пием. Умер [24] он на своей вилле, в Лории, в двенадцати милях от Рима, на семьдесят третьем году жизни и на двадцать третьем году правления. Был также причислен к богам и по заслугам почитается за святого.

9. После него царствовал Марк Антонин Вер [25],— без сомнения, из весьма знатного рода, потому что по отцовской линии он ведет свое происхождение от Нумы Помпилия, а по материнской — от салентинского царя; [26] с ним вступил на престол Луций Анний Антонин Вер [27]. Тогда впервые римская империя подчинилась двум правителям, наделенным равными правами, в то время как до этих пор всегда имела лишь одного Августа.

10. Оба были соединены между собой узами родства и крови, потому что Вер Анний Антонин был женат на дочери Марка Антонина, а этот последний был зятем Антонину Пию по жене, Галерии Фаустине, младшей из его двоюродных сестер. Они воевали против парфян, которые тогда в первый раз после победы Траяна возобновили войну. Вер Антонин отправился в поход против них; основавшись в Антиохии и близ Армении, он с помощью полководцев достиг больших и многочисленных успехов. Он взял Селевкию, самый знаменитый город Ассирии, с его сорокатысячным [28] населением. Одержав победу над парфянами, он возвратился и торжествовал вместе с братом, который был также и его тестем. Наконец, умер он в Венетии, при возвращении из города Конкордия в город Альтин; сидя с братом в повозке, он внезапно был поражен кровоизлиянием — род болезни, который греки называют апоплексией. Человек не слишком приветливого нрава, он, однако, из уважения к брату, никогда не осмеливался на что-либо жестокое. Умер он на одиннадцатом году [29] правления и был причтен к богам.

11. После него государством управлял один Марк Антонин,— правитель, достойный скорее изумления, чем даже похвал. С самого начала жизни он отличался таким спокойствием духа, что даже в детстве выражение его лица не менялось ни от радости, ни от горя. Преданный стоической философии, сам философ, не только по своему образу жизни, но и по образованию, он еще будучи юношей сумел внушить такое восхищение, что Адриан хотел оставить его своим преемником; но так как он усыновил уже Антонина Пия, то пожелал, чтобы Марк Антонин стал ему, по крайней мере, зятем и таким способом смог бы достичь власти.

12. Философии он выучился у Аполлония Халкедонского [30], греческой литературе — у Секста Херонейского, племянника Плутарха, латинской же литературе его обучил знаменитый оратор Фронтон [31]. В Риме жил со всеми на равных правах, высокое императорское достоинство не внушило ему никакого высокомерия. Всегда готовый к оказанию благодеяний, он управлял провинциями с необыкновенной добротой и умеренностью. Во время его царствования были достигнуты успехи в войне против германцев. Сам он участвовал только в одной войне против марко-

манов [32], войне самой ужасной из всех, которые сохранились в памяти людей, и сравнимой лишь с Пуническими войнами: она была даже еще более бедственной, потому что римская армия погибла в ней целиком. При этом свирепствовала такая моровая язва, что после победы над персами [33] громадная часть населения в Риме, в Италии и в провинциях и почти все войско погибли от истощения.

13. Итак, с огромным напряжением и терпением, настойчиво простояв перед Карнунтом [34] три года, император окончил войну против маркоманов, с которыми в союзе были квады, вандалы, сарматы, свевы, словом все варварские народы. Он уничтожил несколько тысяч человек, и освободив Паннонию от рабства, с торжеством возвратился в Рим [35] вместе со своим сыном Антонином Коммодом, которого он уже сделал цезарем [36]. Расходы на эту войну истощили государственную казну, и император не имел более средств для раздачи солдатам; но не желая облагать налогом провинцию или сенат, он распродал с торгов на форуме божественного Траяна предметы царского обихода: золотые сосуды, хрустальные и мурриновые кубки [37], шелковую и златотканую одежду, принадлежащую ему и жене, и множество украшений из драгоценных камней; продажа длилась подряд два месяца, и было выручено много золота. Однако после победы он возвратил деньги тем из покупщиков, которые пожелали вернуть купленное, и не принуждал никого из тех, кто предпочитал сохранить за собой приобретенное.

14. Он разрешал наиболее знатным гражданам задавать пиры с той же пышностью и таким же обслуживанием, как это делал сам. В организации праздничных игр после победы он проявил такую щедрость, что, говорят, выпустил на арену одновременно сто львов. После того как он своей храбростью и кротостью привел государство в цветущее состояние, он умер [38] на восемнадцатом году правления, шестидесяти одного года от роду, и по ревностному желанию всех обожествлен.

15. Его наследник, Луций Антоний Коммод, не имел никакого сходства с отцом [39], за исключением того, что и он сам так же успешно воевал против германцев. Он задумал дать месяцу сентябрю свое имя: Коммод [40]. Испорченный роскошью и развратом, он очень часто сражался гладиатором в училищах, а позднее часто даже в амфитеатре с настоящими гладиаторами. Он умер так внезапно [41], что думали, он или задушен или отравлен ядом; царствовал он после отца двенадцать лет и восемь месяцев. Так он был ненавистен всем, что даже после смерти его объявили врагом рода человеческого.

16. Ему наследовал Пертинакс, уже престарелый, достигший семидесятилетнего возраста; он был префектом Рима [42], когда сенатским постановлением был назначен императором и после

восьмидесяти дней [43] правления, во время мятежа преторианской гвардии, был злодейски убит Юлианом.

17. После него захватил власть Сальвий Юлиан [44], человек знатного рода и весьма искусный в правоведении, внук того Сальвия Юлиана, который при божественном Адриане составил вечный устав [45]. Побежденный Севером у Мульвиева моста [46], он был убит во дворце; жил семь месяцев [47] после вступления на престол.

18. После него управление империей получил Септимий Север, происхождением африканец, из города Лептис [48], Триполитанской провинции. Он — единственный африканец, который когда-либо на памяти человека, раньше или позже, сделался римским императором. Сначала он был инспектором государственной казны, вскоре после этого военным трибуном [49], затем, пройдя через много различных чинов и почестей, достиг управления всем государством. Он пожелал называться Пертинаксом, в честь того Пертинакса, который был убит Юлианом. Был скуп и по натуре жесток; воевал много и успешно. Он убил около Кизика Песценния Нигра [50], который восстал в Египте и Сирии. Покорил парфян, а арабов подчинил до такой степени, что даже обратил их страну в римскую провинцию: поэтому он прозван Парфянским и Аравийским. Он многое отстроил на всем протяжении римской империи. Во время его правления Клодий Альбин [51], который был соучастником Юлиана в убийстве Пертинакса, объявил себя Цезарем в Галлии, но был побежден при Лугдуне [52] и убит. Помимо воинской славы, Север отличался также знанием гражданского права, был искусен и в других науках, углубленно занимался философией. Его последняя война происходила в Британии, где он, чтобы лучше обеспечить полную безопасность завоеванных провинций, возвел от моря до моря земляной вал [53] длиной в тридцать две тысячи шагов. Умер он в Эбораке [54], в преклонном возрасте, после шестнадцати лет и трех месяцев правления, и был обожествлен [55]. Он оставил наследниками двух своих сыновей, Бассиана и Гету, но предпочитал еще при жизни, чтобы сенат дал имя Антонина Бассиану. Таким образом, этот последний был назван Марком Аврелием Антонином Бассианом [56] и наследовал отцу; а Гета, объявленный врагом отечества, вскоре был предан смерти.

СЕКСТ РУФ

Секст Руф (или иначе Руф Фест) жил во второй половине IV в. н. э. О жизни его известно еще менее, чем о жизни его современника Евтропия. Историки сообщают (см. Аммиан Марцеллин, I, 29), что в течение своей жизни он занимал ряд видных постов: наместника Сирии (368 г.), Сардинии и Корсики (366 г.), префекта претория (373 г.). Свой труд — бревиарий «О победах и провинциях римского народа» он составил по поручению императора Валента к концу 369 г. и посвятил ему. Сочинение Руфа носит такой же характер, что и сочинение Евтропия, написано оно, однако, более сжато, языком сухим и менее правильным. Это самое краткое сокращение римской истории, вернее хронологический перечень событий или краткий исторический справочник, дающий самое схематическое представление об исторических явлениях. Источниками Руфу, особенно для древнейшего периода, служили Тит Ливий и Евтропий. Можно также полагать, что в качестве образца использовано им и «Сокращение римской истории» Флора. Как и последнего, Руфа интересовал процесс роста римского государства и войны римлян на востоке. В тексте бревиария встречаются порой прямые заимствования из Флора. Как исторический источник сочинение Руфа представляет весьма малую ценность. Первое издание бревиария появилось в XV в. без выходных данных, в дальнейшем оно неоднократно переиздавалось под разными названиями. Руфу приписывается также небольшое сочинение «Кварталы Рима», содержащее каталог памятников и зданий города.

БРЕВИАРИЙ О ПОБЕДАХ И ПРОВИНЦИЯХ РИМСКОГО НАРОДА

Нашему повелителю Валенту, императору, благочестивому бессмертному, вечно Августу [1], *Секст Руф, консул* [2].

1. Твоя царская милость предписала мне быть кратким. Охотно повинуюсь предписаниям, тем более что у меня нет склонности к более пространным речам; и по примеру калькуля-

торов, выражающих огромные суммы в немногих цифрах, я отмечу события, не излагая их. Итак, прими краткое обозрение, которое может быть прочитано еще короче, так что тебе, славный повелитель, предстоит не столько читать, сколько считать годы и возрасты [3] государства и события былых времен.

2. Таким образом, от основания Рима до начала царствования твоей Вечности, когда судьбой тебе было определено застать римскую империю в более цветущем состоянии, насчитывается тысяча сто семнадцать лет. Под властью царей протекло двести сорок три года, под руководством консулов четыреста шестьдесят семь, под правлением императоров четыреста семь лет. Семь царей правили Римом в продолжении двухсот сорока трех лет: Ромул царствовал тридцать семь лет; сенаторы, каждый по пяти дней, один год; Нума Помпилий сорок три года; Тулл Гостилий тридцать два года; Анк Марций двадцать четыре года; Тарквиний Древний тридцать семь лет; Сервий Туллий сорок четыре года; Тарквиний Гордый изгнан с престола после двадцати пяти лет царствования. Затем были консулы, начиная с Брута и Публиколы до Пансы и Гирция [4], числом четыреста шестьдесят семь, не считая тех, которые в один и тот же год по какой-либо причине были избраны дополнительно; они правили в течение четыреста шестидесяти семи лет. Совсем не было консулов в Риме в продолжение сорока девяти лет: два года прошло под властью децемвиров, сорок три под властью военных трибунов. Без магистратов Рим оставался четыре года [5]. Императоры, от Октавиана Цезаря Августа и до Иовиана, в числе сорока четырех, правили на протяжении четыреста семи лет.

3. Я коротко набросаю [6], насколько преуспел Рим под этими тремя формами правления, т. е. в периоды: царский, консульский и императорский. Под властью семи царей, в течение двухсот сорока трех лет римское могущество не распространилось за пределы Порта и Остии [7], в восемнадцати милях от городских ворот Рима, который, еще слабый и основанный пастухами, со всех сторон осаждался соседними племенами. При консулах, среди которых порой были и диктаторы, в продолжение четырехсот шестидесяти лет была оккупирована Италия вплоть до той стороны реки Пад [8], подчинена Африка, присоединена Испания, Галлия и Британия обязаны платить подати. Затем римляне покорили иллириков, жителей Истрии, либурнов [9], далматов, перешли в Ахайю, подчинили македонян, воевали с Дарданом, с мезийцами [10], с фракийцами, дошли до самого Дуная. После изгнания Антиоха [11] римляне впервые вступили в Азию. Вслед за победой над Митридатом было занято Понтийское царство, и силой оружия захвачена Малая Армения, которой владел тоже царь; римская армия проникла в Месопотамию; был заключен договор с парфянами; велась война против кордуенов,

сарацинов [12], арабов. Была побеждена вся Иудея; Киликия и Сирия попали под власть римского народа. Египетские цари стали его союзниками. При императорах же, в течение четырехсот семи лет, несмотря на различную судьбу государства и многочисленных ее правителей, к римскому миру, между тем, прибавились Альпы Приморские, Альпы Коттийские, Ретия, Норик, Паннония, Мезия [13]; берега Дуная были обращены в провинцию; весь Понт, вся Большая Армения, весь целиком Восток с Месопотамией, Ассирия, Аравия и Египет перешли под власть римской империи.

МАКРОБИЙ

Сведения о жизни Амвросия Феодосия Макробия очень скудны и почерпнуты из его собственных произведений, главным образом из «Введения» к дошедшим до нас семи книгам «Сатурналий». Время жизни Макробия — около 400 года н. э.; это видно из того, что в своих «Сатурналиях» в качестве действующих лиц он выводит многих научных и политических деятелей, живших в середине и во второй половине IV в. н. э. Сам Макробий, как и большинство выведенных им лиц, принадлежал к высшим кругам общества и был, по-видимому, каким-то крупным чиновником. Кем он был по происхождению, точных данных нет, но что он был не римлянином, а греком, об этом говорит он сам в своем «Введении». Заметка на одной рукописи, называющая его Sicerinus, указывает на то, что его родиной был греческий островок Сикера в Эгейском море.

От Макробия до нас дошли «Сатурналии», незаконченное произведение из семи неполных книг, написанное в форме застольной беседы. Из скольких книг состояло все это сочинение Макробия — точно неизвестно. В «Сатурналиях» приводится много ценного материала из древнеримской литературы. Особенно широко использованы замечания Сервия, известного комментатора произведений Вергилия. В пятой книге «Сатурналий» систематически проводится сопоставление «Энеиды» Вергилия с его греческими источниками, главным образом, с Гомером. Кроме вопросов литературного порядка в «Сатурналиях» приводится ряд замечаний археологического, исторического и мифологического характера, собранных из различных античных авторов.

Другое произведение Макробия — это «Комментарий ко „Сну Сципиона"». Здесь мы находим подробный, но не глубокий комментарий работы Цицерона, составлявшей заключительную книгу трактата «О государстве». В этой работе Макробий излагает свои философские взгляды, во многом близкие неоплатонизму.

От третьего сочинения Макробия — «О различии греческого и римского языка» до нас дошли лишь незначительные отрывки.

Макробий является одним из последних представителей языческой знати, получивших широкое литературно-историческое образование, которое, почти не изменяясь в своей форме, в течение многих веков питалось трудами предшествующих поколений.

САТУРНАЛИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я хочу, чтобы настоящая работа была вот какой: в ней должно быть много практических знаний, много наставлений и примеров из различных эпох, но объединенных в одно целое.

В них, если ты не будешь презирать то, что уже тебе знакомо, и избегать того, что неизвестно,— ты найдешь очень много такого, что прочтешь с удовольствием или выберешь для своего образования или запомнишь с пользой. Ведь я считаю, что в этом труде нет ничего лишнего или бесполезного для познания или трудного для понимания, а есть только то, что делает твой ум более деятельным, память более твердой, стиль более искусным, язык более безупречным,— конечно, если нам, рожденным под чужим небом, поможет сам характер латинского языка [1]. Что касается тех, у кого случайно окажется время и охота узнать этот труд, то мы хотим просить и достигнуть того, чтобы они отнеслись к нам благосклонно и снисходительно, если в нашем стиле не найдется врожденного изящества речи римлянина.

Впрочем, я поступаю явно опрометчиво, навлекая на себя остроумное порицание, некогда высказанное Катоном по отношению к Авлу Альбину, который был консулом вместе с Луцием Лукуллом [2]. Этот Альбин писал по-гречески римскую историю. В начале его истории говорилось о том, что никому не следует сердиться на него, если в его книгах будет написано что-либо недостаточно стройно и безукоризненно: «Ведь я,— говорит он,— римлянин, рожденный в Лациуме, и греческая речь мне совершенно чужда». Поэтому он просит снисхождения и милости в оценке, если им будет допущена какая-либо ошибка. Когда Марк Катон прочел это, он сказал: «Ты, Авл,— ужасный пустомеля, раз ты предпочитаешь просить прощения за ошибку, вместо того, чтобы не делать ее. Ведь мы обычно просим прощения или когда мы ошибаемся по незнанию, или когда мы допускаем проступок, побуждаемые приказанием. Я спрашиваю, говорил он, кто заставляет тебя делать то, за что ты просишь извинения, прежде чем ты это сделал?»

РЕЧЬ ПРЕТЕКСТАТА О ПРОИСХОЖДЕНИИ И УПОТРЕБЛЕНИИ ПРЕТЕКСТЫ

(I, 6)

«Тулл Гостилий, третий царь римлян, победив этрусков, первый постановил, чтобы в Риме были курульное кресло [3], ликторы, вышитая тога и претекста, которые были знаками отличия этрусских магистратов. Но в это время претекста не была приметой

детского возраста, а была, как и прочее, что я перечислял только почетным знаком. Но позже Тарквиний Приск [4] (которого, как говорят, также называли Лукумоном), сын Демарата, изгнанный из Коринфа, третий царь после Гостилия, пятый после Ромула, одержал победу над сабинянами. В этой войне он похвалил на собрании своего четырнадцатилетнего сына, который собственной рукой убил врага, и одарил его золотой буллой [5] и претекстой, отмечая мальчика, храброго не по летам, наградами мужественности и почета. Ведь как претекста служит украшением магистратов, так булла украшает получивших триумф. При триумфе они носят ее на груди, поместив в буллу разные средства, которые они считали самыми сильно действующими против зависти. Отсюда появился обычай, чтобы претекста и булла присваивались для пользования знатным мальчикам как предзнаменование и торжественное обещание того, что они проявят храбрость подобно тому, кому эти дары достались в раннем возрасте.

Другие думают, что тот же Приск, когда он с изобретательностью предусмотрительного правителя приводил в порядок сословия граждан, считая одежду свободнорожденных детей также одним из важных преимуществ,— установил, чтобы золотой буллой и тогой, окаймленной пурпуром, пользовались только те дети патрициев, отцы которых занимали курульные должности [6]. Остальным же разрешалось пользоваться лишь претекстой, но и то только тем, чьи родители отслужили должный срок военной службы в коннице; вольноотпущенникам же никоим образом не позволялось носить претексту, а еще менее — чужеземцам, не имевшим никакой родственной связи с римлянами. Но после претекста была разрешена также и сыновьям вольноотпущенников по той причине, которую выдвинул авгур Марк Лелий. Во время второй Пунической войны [7] он сказал, что вследствие многочисленных чудесных явлений, дуумвиры [8] по решению сената обратились к сибиллиным книгам и, рассмотрев их, объявили, что следует вознести моления в Капитолии и сделать лекстистерний [9] из снесенных в одно место пожертвований и чтобы вольноотпущенницы, носящие длинную одежду, также предоставили деньги для этого дела. Тогда было совершено публичное молебствие мальчиками благородного происхождения и сыновьями вольноотпущенников, а также были исполнены гимны девушками, имеющими в живых отца и мать. С тех пор было разрешено, чтобы также и сыновья вольноотпущенников, но только те, которые были рождены в законном браке, носили претексту и кожаный шарик на шее вместо буллы.

Веррий Флакк [10] говорит, что когда римский народ страдал от повальной болезни, оракулом было сказано, что это происходит потому, что на богов смотрят «сверху вниз». Город нахо-

дился в тревоге, так как не могли понять оракула. Случилось так, что в день цирковых зрелищ один мальчик смотрел вниз из верхнего этажа дома на торжественное шествие и рассказал отцу, что он видел, в каком порядке предметы священных обрядов лежали в ковчеге главной повозки. Когда отец доложил об этом сенату, было постановлено покрыть те места, где проходила процессия и таким образом болезнь была приостановлена. Мальчик же, который разгадал двусмысленное изречение оракула, получил в дар пользование тогой претекстой.

Люди, хорошо знакомые с древностью, рассказывают, что при похищении сабинянок одна женщина по имени Герсилия, которую не могли разлучить с дочерью, была похищена вместе с нею. Ромул отдал ее в жены некоему Госту из Лациума, укрывавшемуся в его убежище, за его исключительную храбрость. Герсилия родила сына раньше, чем какая-либо другая из сабинянок произвела потомство. Так как ее сын был первым рожден в неприятельской стране, то он был назван матерью Гостом Гостилием и его же Ромул почтил знаками отличия — золотой буллой и претекстой. Ведь он же, как говорят, созвав похищенных женщин, чтобы их утешить, клятвенно обещал, что ребенку той, которая первая родит ему римского гражданина, будет дан выдающийся подарок.

Некоторые считают, что предоставленное свободнорожденным детям право носить на груди буллу в виде сердца, было дано для того, чтобы они смотря на нее, считали себя мужчинами, конечно, лишь при том условии, если они проявляли мужество; а тогу претексту добавляли им для того, чтобы красным цветом пурпурной одежды напоминать им о чувстве чести, признаке знатного происхождения.

Мы сказали, откуда мы получили претексту и почему она считается предоставленной детям. Теперь же мы должны объяснить в немногих словах, на каком основании это название одежды стало употребляться как имя собственное. Раньше у сенаторов был обычай ходить в курию с сыновьями, одетыми в претексту. Когда в сенате обсуждался какой-либо важный вопрос и он откладывался на следующий день, то существовало решение, чтобы об этом деле, которое обсуждалось, никто бы не разглашал прежде, чем оно не будет утверждено.

Мать юноши Папирия, который со своим отцом был в курии, расспрашивала сына, что же обсуждают отцы? Мальчик ответил, что он должен молчать и что об этом не позволено говорить. Женщину охватило еще большее желание узнать: таинственность дела и молчание мальчика еще больше подхлестнули ее для расспросов. Итак она уже более строго и резко требует от него ответа. Тогда мальчик под давлением матери решился на остроумный и забавный обман.

В сенате, сказал он, обсуждают, что из двух будет полезнее и лучше для республики, чтобы каждый мужчина имел двух жен или каждая женщина была замужем за двумя мужьями. Услыхав об этом и ужасаясь в душе, она в волнении уходит из дома и рассказывает другим матронам. На другой день к сенату стеклись огромные толпы матерей семейств. Плача и заклиная, они просили, чтобы пусть лучше у каждой женщины будет по два мужа, чем по две жены у одного мужчины. Сенаторы, идущие в курию, удивлялись, что обозначает такая невоздержность женщин и чего они хотят от них таким требованием. Они испугались этого бесстыдного безумия у скромного пола, считая такое событие делом не малой важности. Мальчик Папирий избавил их всех от страха: выйдя на середину курии, он рассказал, как мать приставала к нему с просьбами и как он притворился перед матерью и сказал, что будто бы так было. Сенат был восхищен твердостью и остроумной выдумкой мальчика и вынес решение, чтобы после этого мальчики не ходили в курию с отцами, кроме лишь одного Папирия.

После этому же мальчику постановлением было дано как почетная награда прозвище Претекстат за его рассудительное поведение — уметь молчать и говорить в возрасте, когда носят претексту. Это прозвище после закрепилось за родовым именем нашей семьи.

То же произошло и со Сципионами. Корнелий, нося одно имя со своим отцом, лишенным зрения, служил ему вместо посоха и вследствие этого прозванный Сципионом (палкой) дал своим потомкам имя от этого прозвища.

Так, Авиен, и твой Мессала, названный фамильным именем Валерия Максима, после того как он взял Мессану, самый известный город Сицилии, был прозван Мессалой. Не удивительно, что из прозвищ появились имена, когда наоборот и прозвища выводились из собственных имен, например, от Эмилия — Эмилиан, от Сервилия — Сервилиан».

Здесь возразил Евсебий: «Мессала и Сципион, как ты говоришь, приобрели прозвища — один за сыновье почтение, другой за храбрость. Но Скрофа (свинья) и Азина (ослица), которые являются прозвищами людей незаурядных, откуда они получились? Я хочу, чтобы ты это сказал, так как прозвища кажутся более похожими на насмешку, чем на выражение почета».

Тогда Претекст сказал: «Не почет и не оскорбление, а случай создали эти имена. Ведь „Азина“ было дано Корнелиям потому, что глава рода Корнелиев, купив землю или отдав замуж дочь, когда от него торжественно потребовали поручителей, привел на форум ослицу, нагруженную золотом, как явную гарантию вместо поручителей.

Тремелий же был назван „Скрофа" вот по какому случаю: он вместе с домашними и детьми был в загородном доме. Когда у соседа заблудилась свинья, то рабы Тремелия, украв, убили ее. Сосед, позвав стражу, окружил дом Тремелия со всех сторон, чтобы нельзя было ее никуда вынести, а сам обратился к хозяину, чтобы ему вернули животное. Тремелий, который от управляющего знал о случившемся, спрятал труп свиньи под покрывалами, а поверх них легла его жена, и разрешил соседу поиски. Когда тот вошел в спальную, Тремелий произнес клятву, что в его доме нет ни одной свиньи, кроме той, сказал он, которая лежит на постели. И показал на кровать. Эта забавная клятва и дала Тремелию прозвище „Скрофа"».

7. ОБ ЯНУСЕ И САТУРНЕ

Ту область, которая теперь называется Италией, держал в своем владении Янус, который, как передает Гигин [11], наследовал Траллиану Протарху. Он владел этой землей совместно с Камезом, также коренным жителем, на равных правах, так что эта область называлась Камезеной, а город Яникулом. Позже власть была передана одному Янусу, о котором говорили, что у него было два лица, чтобы внимательно глядеть и вперед и назад. Это, без сомнения, относилось к рассудительности и ловкости правителя, который знал прошедшее и предвидел будущее, подобно тому, как богини Антеворта и Постворта [12] почитаются у римлян, конечно, как самые подходящие спутники божества.

Этот Янус, оказав гостеприимство Сатурну, приехавшему к нему на корабле, и узнав от него искусство земледелия, улучшил пищу, которая была простой и грубой до того, как они узнали употребление плодов. Он наградил Сатурна, сделав его соучастником своего правления. Когда Янус впервые начал чеканить из меди монеты, он и в этом проявил уважение к Сатурну. Так как тот приехал на корабле, то на одной стороне монеты было отчеканено изображение головы Януса, а на другой — корабль для того, чтобы увековечить в потомстве память о Сатурне. Что монета была отчеканена в таком виде, узнается из того, что и теперь при игре в кости дети, подбрасывая вверх монеты, громко кричат, свидетельствуя о прошлом: «Голова или корабль?»

Они правили в согласии и совместными усилиями основали города по соседству друг от друга, по словам Вергилия, который говорит: «Этому было дано имя Яникул, тому Сатурния».

Это было очевидно также из того, что потомки посвятили им два месяца, следующих непосредственно друг за другом: декабрь, посвященный Сатурну, и январь, ведущий свое наименование от Януса. Потом, когда Сатурн внезапно исчез, Янус, что-

бы еще больше почтить его память, прежде всего назвал принадлежащей Сатурну всю землю, находившуюся в его, Януса, владении. Затем ему как богу он воздвиг алтарь с жертвоприношениями (священными обрядами), которые назвал Сатурналиями. Сатурналии на много столетий по возрасту старше самого Рима. Итак, Янус приказал почитать Сатурна как бога за то, что он помог людям лучше жить. Доказательством этого служит его изображение: Сатурн держит косу (серп) — символ жатвы. Этому богу приписывают внедрение саженцев, разведение фруктовых деревьев и все наставления подобного рода, связанные с земледелием. Киренейцы, когда приносят ему жертвоприношения, украшаются свежими ветвями смоковницы и посылают друг другу пироги, считая Сатурна изобретателем меда и фруктов. Римляне называют его также «навозником», потому что он первый установил удобрение полей навозом. Времена его царствования были самыми счастливыми как вследствие изобилия всего, так и потому, что еще не различались свободные и рабы; поэтому можно понять то обстоятельство, что во время Сатурналий рабам разрешалось всякое своеволие.

Рассказывают и другую причину Сатурналий. Одни говорят, что Геркулес, разгневанный тем, что крупный скот находится без присмотра, оставил некоторых людей в Италии. Другие говорят, что они были оставлены им умышленно, чтобы оберегать его алтарь и храм от набегов. Эти оставленные и преследуемые разбойниками люди, заняв возвышенный холм, назвали себя «сатурновыми», ибо этим именем прежде назывался самый холм, и так как они чувствовали себя в безопасности из-за имени этого бога и веры в него, то, говорят, они учредили Сатурналии, чтобы соблюдение установленного праздника вызывало в грубых душах соседей большее уважение к богу.

Мне известно и иное начало Сатурналий, о котором упоминает Варрон [13]. Когда пеласги, прогнанные из своих жилищ, устремились в разные земли, то большая часть их кинулась в Додону. Им, не знающим в каких местах остановиться, был дан от оракула ответ такого рода: «Ищите с рвением посвященную Сатурну землю сицилийцев и Котилу [14] аборигенов, где носится на поверхности остров. Когда вы овладеете ими, принесите десятину Фебу, голову Аиду, а людей отцу».

Когда они, получив изречение оракула, после долгих скитаний пристали к Лациуму, то заметили на Кутилиевском озере выплывший остров. Это был весьма обширный луг, покрытый дерном, или сплошная тина болота, укрепленная сцеплением кустарников и деревьев, образующих подобие леса. Он блуждал, колыхаясь на волнах по всему озеру, вероятно, созданный так же, как и Делос, который со своими высокими горами и обширными лугами все же двигался по морям. Обнаружив это чудо, они узнали

в нем предназначенное им местопребывание и, покорив жителей Сицилии, заняли страну. Посвятив десятину добычи, согласно оракулу, Аполлону и воздвигнув небольшое святилище Диту, а жертвенник Сатурну, они назвали его праздник Сатурналиями. Так как они думали в течение долгого времени умилостивлять Дита человеческими головами, а Сатурна человеческими жертвами, согласно предсказанию, в котором говорилось: «Принесите головы Аиду, а людей отцу», то рассказывают, что Геркулес впоследствии, проходя по Италии со стадом Гериона, посоветовал их потомкам изменить несчастливые жертвоприношения на более благоприятные, принося Диту не головы людей, а маленькие восковые изображения, сделанные наподобие людей, и почитать алтари Сатурна не человеческими жертвами, а горящими факелами, так как φως обозначает не только человека, но и факел. Отсюда повелся обычай посылать во время Сатурналий восковые свечи. Другие считают, что свечи зажигаются лишь потому, что в правление Сатурна мы как бы перешли от грубой и мрачной жизни к свету и знанию полезных наук. В письменных памятниках я нахожу также, что когда многие по случаю Сатурналий из-за жадности настойчиво взимали с клиентов напоказ подарки, и это бремя отягощало простых людей, то народный трибун Публиций [15] предложил, чтобы более богатым посылались только восковые свечи.

...Из тех причин, которые относятся к происхождению праздника Сатурналий, ясно, что они более древни, чем город Рим. Луций Акций [16] в следующих своих «Анналах» передает, что этот торжественный обряд начался в Греции раньше, чем в Риме: «Большая часть греков, а больше всего афинян совершают в честь Сатурна священные обряды, которые называются ими „Кронии". И они празднуют этот день: в деревнях и почти во всех городах, веселясь, они занимаются пирами; каждый ухаживает за своими рабами так же, как и мы. И обычай, переданный оттуда, таков, что слуги пируют вместе со своими хозяевами».

ШУТКИ И ОСТРОТЫ РАЗНЫХ ЛИЦ

(II, 2—4)

2. Карфагенянин Ганнибал, бежавший к царю Антиоху [17], высмеял его весьма остроумно по следующему поводу: Антиох показывал ему на открытой равнине бесчисленные войска, которые он собрал для войны с римлянами, и заставил пройти перед ним эту армию, разукрашенную золотыми и серебряными значками. Он вывел также и повозки с косами, слонов с их башнями и конницу, сверкающую удилами и попонами, ожерельями и металлическими бляхами на лошадях. А потом царь, исполненный гордости при виде столь великого и пышного войска,

обратился к Ганнибалу: «Не находишь ли ты, что этого всего хватит для римлян?»

Тогда пуниец, насмехаясь над трусостью и слабостью этих солдат, столь великолепно одетых, ответил ему так: «Без сомнения, я думаю этого будет достаточно для римлян, хотя они и очень жадны». Действительно, нельзя было сказать ничего более остроумного и в то же время язвительного. Царь спрашивал о численности своего войска и об его дорогом вооружении, а Ганнибал говорил о добыче [для римлян].

У наших предков было жертвоприношение, которое называлось «на дорогу». Этот обычай состоял в том, что если что-нибудь оставалось после обеда, то оно сжигалось. Это дало повод Катону для его шутки. Когда некий Гай Альбидий, проев все свое состояние, напоследок сжег и дом, который у него остался, то Катон сказал, что он это сделал «на дорогу»: то, что он не мог проесть, он сжег.

...После бегства при Мутине [18] на вопрос, что делает Антоний, говорят, что один из его друзей ответил: «Как египетская собака: бежит и пьет». Известно, что в этой стране собаки, боясь быть схваченными крокодилами, пьют на бегу.

...Публий, видя Муция, весьма недоброжелательного человека, более грустным, чем обыкновенно, сказал: «Или с Муцием случилось что-нибудь неприятное, или, не знаю с кем,— что-либо хорошее».

3. ...Однажды, когда Цицерон ужинал у Дамасиппа, тот, угощая его посредственным вином, сказал: «Выпей этого фалернского, ему сорок лет». «Право,— сказал Цицерон,— оно не по летам молодо».

Он же, увидя, что его зять Лентул, человек маленького роста, опоясан длинным мечом, сказал: «Кто привязал моего зятя к мечу?»

...По случаю консульства Ватиния, которое продолжалось всего несколько дней, передавалась известная острота Цицерона: «В год Ватиния было великое чудо: ведь в его консульство не было ни зимы, ни весны, ни лета, ни осени». В другой раз, когда Ватиний жаловался, что Цицерон отказался прийти к нему, больному, домой, тот ответил: «Я хотел прийти в твое консульство, но до ночи не поспел». Очевидно, Цицерон мстил, так как он помнил, что сказал ему Ватиний, когда Цицерон хвастался, что он из изгнания вернулся на плечах народа: «Откуда же у тебя расширение вен?»

Каниний Ребилий, который был консулом один лишь день, как об этом уже говорил Сервий, взойдя на ростральную трибуну [19], одновременно принял знаки консульства и сложил их. Цицерон, обрадовавшись случаю сострить, сказал по этому поводу: «Каниний — это консул в теории». Он говорил также:

«Ребилий так ловко устроился, что приходится спрашивать, при каких консулах он был консулом». Что впрочем не мешало ему добавлять: «В лице Каниния мы имели неутомимого консула, который не сомкнул глаз во время своего консульства».

Помпей не переносил шуток Цицерона. Вот что последний говорил на его счет: «У меня есть за кем бежать, но нет за кем следовать». А когда Цицерон прибыл к Помпею, то тем, кто говорил, что он пришел поздно, он ответил: «Совсем не поздно, ведь я вижу, что здесь ничего не готово».

Когда Помпей спросил Цицерона, где находится его зять Долабелла [20], Цицерон ответил: «С твоим тестем». Когда Помпей наградил одного перебежчика римским подданством, Цицерон заметил: «Какой учтивый человек! Галлам он обещает чужое государство, а нам не может вернуть наше». Поэтому ясно, что Помпей говорил с полным основанием: «Я очень хочу, чтобы Цицерон перешел к нашим врагам, для того, чтобы нас бояться».

Своим язвительным остроумием Цицерон задевал и Цезаря. Когда его спрашивали вскоре после победы Цезаря (при Фарсале), как он мог ошибиться в выборе партий, Цицерон отвечал: «Меня обманул пояс», подшучивая над Цезарем, который так подпоясывал тогу, что, таща за собой платье, ходил с видом изнеженного человека. В связи с этим Сулла почти пророчески говорил Помпею: «Берегитесь этого распоясанного юноши!».

В другой раз, когда Лаберий [21], в конце общественных игр удостоенный Цезарем золотого кольца, тотчас же пошел, чтобы сесть среди зрителей четырнадцати рядов к возмущению сословия всадников, куда он, отвергнутый как римский всадник, возвратился как актер, Цицерон сказал Лаберию, когда тот проходил мимо него в поисках места: «Я бы пустил тебя, если бы мне не было так тесно сидеть», одновременно отвергая с презрением и его и вышучивая новый сенат, численность которого Цезарь увеличил сверх дозволенной. Но он не остался безнаказанным, так как Лаберий ответил: «Я удивляюсь, что тебе тесно сидеть, ведь ты имеешь обыкновение сидеть на двух стульях». Этим он упрекал Цицерона в непостоянстве, из-за которого этот достойный гражданин незаслуженно пользовался дурной славой.

4. Пакувий Тавр, настойчиво добиваясь подарка от императора Августа, сказал ему, что уже масса народа говорит о том, что он якобы получил от Августа немалую сумму денег. «А ты,— сказал Август,— им не верь».

Известна его же острота о Гереннии, юноше, предавшемся порокам, которого Август приказал выгнать из своего лагеря и который, умоляя о прощении, говорил: «Как я вернусь к себе домой, что я скажу отцу?» «Скажи, что я тебе не понравился»,— ответил Август.

Узнав, что среди мальчиков моложе двух лет, которых Ирод, царь нудейский, велел умертвить в Сирии, был убит также и собственный сын царя, Август сказал: «Лучше было бы быть свиньей Ирода, чем его сыном».

Однажды, когда ему рассказали об огромных долгах (более двадцати миллионов сестерциев), которые один римский всадник скрывал при своей жизни, он велел купить на аукционе подушку с его постели. Тем, кто удивлялся подобному приказанию, он объяснил: «Как хороша должна быть для сна эта подушка, на которой человек, имеющий столько долгов, мог спокойно спать».

Нельзя обойти молчанием и то, что Август сказал в защиту Катона. Однажды, когда он случайно пришел в дом, где жил Катон, Страбон, желая польстить Августу, начал порицать упрямство Катона. «Тот, кто не хочет изменять существующее в государстве правительство,— тот хороший гражданин и честный человек»,— ответил Август. Тем самым он и Катона похвалил и о себе самом позаботился, чтобы никто не пытался совершить переворот.

Хорошо известен остроумный ответ одного провинциала. Он приехал в Рим и, будучи чрезвычайно похожим на Августа, привлекал к себе все взгляды. Август приказал привести его к себе и, разглядывая его, спросил: «Скажи мне, юноша, твоя мать была когда-нибудь в Риме?» — «Нет,— ответил тот, и добавил с досадой,— но отец мой часто».

Когда Август с триумфом вернулся после победы при Акциуме, то навстречу ему среди поздравляющих поспешил человек, держащий в руке ворона, наученного говорить: «Привет Цезарю, победителю, императору». Цезарь в восторге купил приветливую птицу за двадцать тысяч сестерциев. Приятель этого ремесленника, который ничего не получил от щедрости Августа, заверил императора, что у того есть и другой ворон и просил, чтобы заставили принести и его. Принесенный ворон ясно произнес заученные слова: «Привет Антонию, победителю, императору». Август, нисколько не рассердившись, ограничился тем, что приказал виновному разделить полученные деньги с приятелем. Приветствуемый подобным образом попугаем, он приказал и его купить. Он же, восхищаясь сорокой, также приобрел и ее.

Эти случаи внушили бедному сапожнику мысль научить ворона подобному приветствию. Часто, сильно устав, он имел привычку обращаться к птице со словами: «Погибли и труд и деньги». Наконец, ворон начал говорить часто повторяемое приветствие, но Август, услыхав его, когда шел по улице, сказал: «У меня дома достаточно с такими приветствиями». Внезапно ворону пришло на память то, что он обычно слышал от своего хозяина, когда тот жаловался: «Погибли и труд и деньги». Август

рассмеялся и приказал купить птицу дороже, чем он платил за других.

Когда Август выходил из своего дворца, то некий грек каждый раз протягивал ему какую-нибудь хвалебную эпиграмму. Так как он часто делал это без всякого основания и Август увидел, что он не перестает это делать, то он сам быстро написал своей рукой на клочке бумаги эпиграмму по-гречески и потом дал ее в свою очередь греку, идущему навстречу. Грек и голосом и лицом выразил полный восторг при чтении. Затем он подошел к императорскому креслу и, опустив руку в свой тощий кошелек, вынул несколько денариев и предложил их принцепсу, говоря: «Клянусь, государь, если бы я имел больше, я бы дал больше». При дружном смехе всех присутствующих Август позвал казначея и приказал выдать греку сто тысяч сестерциев.

ЗАИМСТВОВАНИЯ ВЕРГИЛИЯ
(VI, 1)

Боюсь, что когда я захочу раскрыть, насколько наш Вергилий обязан чтению древних, и указать на все те цветы, которые он срывал повсюду, на те украшения, которые он извлекал из различных произведений для придания прелести своей поэзии,— я боюсь, что этим я дам возможность глупцам или невеждам упрекать такого мужа в присвоении чужого. Они не понимают, что польза от чтения состоит в том, чтобы подражать тому, что ты одобряешь у других, тому, чем ты больше всего восхищаешься в чужих произведениях, и переделывать это на свой лад подходящей заменой слов. Так часто делали и наши писатели, заимствуя друг у друга и у греков, и лучшие из греческих часто поступали таким же образом.

Не говоря уже об иноземных, я мог бы доказать на многих примерах, как авторы нашей древней литературы взаимно присваивали работы друг друга. А что это было удачно, я докажу вам в другой раз, если вы хотите. Теперь я приведу пример, которого почти достаточно для доказательства того, что я отстаиваю.

Афраний [22], автор национальных драм, в своей пьесе, названной «Компиталии», следующим образом скромно отвечал на упреки, что он много заимствовал у Менандра: «Признаюсь, что я брал не только у него одного, но у всякого, где я находил что-либо для себя подходящее, даже у латинских авторов. И я думаю, что я не мог лучше поступить». И если подобное товарищество, подобная общность всего приняты среди поэтов и всех писателей, то кто посмеет упрекнуть Вергилия в обмане, если он кое-что заимствовал у древних для своего совершенствования. Мы должны быть ему благодарны за то, что некоторые из их

отрывков он перенес в свои работы, которые сохранятся навеки, чтобы не погибла совсем память о древних поэтах, к которым, как показывает современное признанное мнение, мы начинаем уже относиться не только небрежно, но даже с насмешкой. Наконец, его способность к заимствованиям, его особая манера подражать таковы, что, когда мы читаем у него чужое, мы предпочитаем, чтобы оно было именно таким, или восхищаемся, так как оно звучит у него лучше, чем там, где оно было создано.

Итак, прежде всего я скажу о тех стихах, которые он перенял от других или наполовину переделав или почти нетронутыми. Потом — о целых отрывках, перенесенных с некоторыми незначительными изменениями, но так, что по смыслу ясно, откуда они взяты; и, наконец, о стихах, не измененных, но происхождение которых очевидно. После этого я скажу о тех стихах, что были взяты у Гомера и покажу, что не один Вергилий заимствовал у Гомера, но и раньше его оттуда брали и другие и что он взял у тех, кого он, несомненно, читал.

ОГОНЬ И ВЛАГА

(VII, 16)

«Так как от шуток разговор перешел к серьезным предметам, то я хочу,— сказал Евангел,— чтобы мне дали правильное объяснение того, что меня давно беспокоит. Недавно мне из моего Тибуртинского имения были присланы кабаны, которых лес доставил охотникам. Поскольку охота продолжалась довольно долго без перерыва, то одни кабаны были доставлены днем, другие ночью. У тех, которых доставили днем, мясо сохранилось свежим, а у привезенных ночью при полном сиянии луны оно испортилось. Когда это стало известно, то при перевозке в следующую ночь в каждую часть туши были воткнуты медные острия, и мясо кабанов было доставлено свежим. Вот я и спрашиваю, почему убитым животным не причинили вреда лучи солнца, а свет луны повредил им?»

«На это,— сказал Дизарий,— легко и просто ответить. Ничто не может подвергнуться никакой порче, если не соединятся вместе жар и влага. А гниение туш есть не что иное, как некое скрытое истечение влаги, которая разрыхляет плотность мяса в жидкость. Ведь жар, если он умерен и незначителен, поддерживает влажность, а если он чрезмерен, то он высушивает и уменьшает объем мяса. Следовательно, солнце, так как оно имеет больший жар, поглощает влагу из мертвых тел; а лунный свет, в котором не явный жар, но скрытая теплота, еще больше распространяет влажность. Отсюда из-за проникновения теплоты и увеличения влажности и происходит гниение».

...«Все, что говорит Дизарий,— сказал Евстафий,— ясно и верно, но хорошо было бы рассмотреть более определенно, является ли причиной гниения сила жары, так как говорится, что оно происходит не при большей жаре, а при меньшей и умеренной. Ведь жар солнца, которое больше всего греет в летнее время и охладевает зимою, подвергает гниению мясо летом, а не зимою. Следовательно, и луна распространяет влажность не вследствие более слабого жара, а благодаря какой-то неизвестной особенности, которую греки называют ἰδίωμα (своеобразие), присущей свету, истекающему от нее, увлажняющему тело и как бы пропитывающему его скрытой росой. Тепло от луны, смешавшись с росою, подвергает порче мясо, на которое оно довольно долго распространялось. Ведь всякий жар имеет не только то свойство, что отличается друг от друга большей или меньшей степенью тепла; но, как доказывается явными фактами, в огне имеются самые различные свойства, не имеющие между собой никакой связи. Золотых дел мастера для обработки золота пользуются огнем только от сжигания соломы, так как всякий другой считается непригодным для ковки этого металла, врачи для приготовления лекарств больше нуждаются в огне от сухого хвороста, чем от другой древесины; те, кто заботится о плавке стекла и о придаче ему формы, доставляют в пищу своему огню дерево по имени тамариск. Жар от полен оливы будет целебным для тела, но опасен для бань и еще более вреден для мраморных строений, так как способствует их расшатыванию. Следовательно, учитывая своеобразие, присущее каждому виду жары, не приходится удивляться, что солнечное тепло высушивает, а лунное тепло увлажняет. Оттого и кормилицы при свете луны закрывают грудных детей покрывалом, чтобы лунный свет не увлажнил бы еще больше их, полных влажности, естественной для их возраста, и чтобы увеличение влаги не искривило бы члены детей, подобно тому, как зеленые влажные деревья сгибаются под влиянием жары. Оттого и человек, который долго спит под луною, встает больным и похож на безумного, подавленный обилием влаги, разлитой и рассеянной по всему его телу благодаря воздействию луны, которая раскрывает и расширяет все его поры, чтобы наполнить тело. Отсюда и происходит, что Диана, являющаяся луной, называется Артемидой, как бы из ἀερότενις, что значит «рассекающая воздух». Родильницами она призывается как Луцина, так как обладает свойством расширять отверстия тела и давать дорогу движению, что полезно для ускорения родов. Именно об этом с изяществом говорит поэт Тимофей [23]:

...Через небо, сверкающее звездами,
с помощью луны, ускоряющей роды...

Не в меньшей степени свойство Луны проявляется и на неодушевленных предметах. Ведь деревья, срубленные в полнолуние или когда луна еще прибавляется, не пригодны для обработки, как бы размягченные полученной влагой. Земледельцы заботятся о сборе хлеба с гумна, для того, чтобы он был сухим, только тогда, когда луна на ущербе.

Наоборот, при луне, когда она прибавляется, делай то, для чего тебе требуется влага. Тогда лучше сажать деревья, особенно если она светит прямо на землю, потому что для роста молодых деревьев необходимо питание влагой.

Сам воздух испытывает на себе и выявляет свойство лунной влажности. Ведь при полной луне или в новолуние (тогда ведь луна со стороны, обращенной кверху, кажется полной) воздух или превращается в дождь, или, если он безоблачен, то выделяет много росы. Поэтому лирик Алкман [24] и называет росу дочерью воздуха и луны. Итак, со всех сторон мы видим доказательства, что в лунном свете есть свойство увлажнять и растворять тела, и это обнаруживает скорее опыт, чем умозаключение. А насчет того, что ты, Евангел, сказал о медных остриях, то мое предположение, если я не ошибаюсь, не уклоняется от истины. Ведь в меди есть довольно сильное свойство, которое врачи считают вяжущим, почему они и прибавляют медную окалину к средствам, к которым они прибегают для уничтожения гниения. Затем и те, кто долго работает в медных рудниках, всегда отличаются здоровьем глаз, а у тех, у кого раньше вылезли ресницы, они там отрастали снова: ведь воздушное испарение, исходящее из меди, попадая в глаза, вбирает в себя и высушивает вредную жидкость. Потому и Гомер на этих же основаниях называет медь то укрепляющей, то сверкающей. А у Аристотеля мы находим, что раны, полученные от медного оружия, менее опасны, чем полученные от железного, и легче излечиваются, потому что в меди, говорит он, есть какая-то целебная и высушивающая сила, которую она оставляет в ране. Значит, рассуждая так, медь, вонзенная в тело животного, противодействует лунной влажности».

КОММЕНТАРИЙ КО «СНУ СЦИПИОНА»
(I, 2, 6—10)

6. Не все вымыслы философия отвергает, но и не все она принимает. Чтобы можно было легко отделить те, которые она от себя отвергает и как недостойных не допускает даже в переднюю науки, внушающей уважение, от других, которые она легко и часто допускает до себя, то их надо изложить в том порядке, который им подобает.

7. Сказки, самое имя которых указывает на официально признанную в них ложь, были выдуманы или для того, чтобы

услаждать наш слух или для того, чтобы направить нас ко благу.

8. Слух веселят, например, комедии Менандра и его подражателей, или рассказы, переполненные выдуманными историями о влюбленных. В них много упражнялся Петроний, и Апулей подчас развлекал нас своими шутками.

Все выдумки подобного рода, единственная цель которых была услаждать наши уши, были изгнаны из святилища мудрости и отосланы обратно в колыбель к кормилицам.

9. Что же касается другого сорта выдумок, то их можно разделить на две части: в одних и сюжет выдуман и с помощью вымысла создается развитие рассказа. Таковы, например, басни Эзопа, замечательные по искусству выдумки; а в других сюжет основан на истине, но эта истина дается, прикрытая выдумкой и измышлениями, и произведение называется уже сказочным повествованием, а не сказкой. Таковы тайны священных обрядов, рассказы у Гесиода и Орфея о происхождении и деятельности богов, так же, как и мистические изречения пифагорейцев.

10. ...Дионисий, самый жестокий тиранн Сицилии, желая рассеять заблуждение одного из своих друзей, считающего жизнь тиранна сплошным удовольствием, и показать, насколько она жалка из-за постоянного страха и полна беспрестанных опасностей,— приказал среди пира повесить над головой этого друга меч, вынутый из ножен и держащийся на тонкой нити. Когда тот, находясь среди сокровищ Сицилии, был угнетен опасностью предстоящей смерти, то Дионисий сказал: «Вот какова жизнь, которую ты считаешь счастливой, я всегда вижу перед собою неминуемо угрожающую мне смерть. Так вот суди, насколько может быть счастлив тот, кто не может никогда перестать бояться».

ПРИМЕЧАНИЯ

ГРЕЧЕСКИЕ ИСТОРИКИ, ГЕОГРАФЫ, МИФОГРАФЫ, ФИЛОСОФЫ И ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ

ПЛУТАРХ

КАК ЮНОШЕ СЛУШАТЬ ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

[1] Слушание было у древних важнейшим элементом школьного образования и в большой мере заменяло чтение. Поэтому слово «слушать» Плутарх часто употребляет в значении «читать».

[2] Марк Седатий — видимо, друг Плутарха; подробных сведений о нем не сохранилось. Филоксен с острова Киферы — лирический поэт V—IV вв. до н. э.; произведения его не сохранились.

[3] Имеется в виду Катон Старший (234—149 гг. до н. э.), известный римский государственный деятель. Упомянутое суждение Плутарх приводит также в его жизнеописании (гл. IX).

[4] Абарис из Скифии — легендарный прорицатель и поэт, жрец Аполлона. Ямвлих (IV в. н. э.) рассказывает, что Абарис воспел путешествие Аполлона в страну гиперборейцев и за это получил от бога золотую стрелу, на которой мог летать по воздуху. Геродот приписывает Абарису прекращение чумы в Спарте. Что за произведение о нем имеется здесь в виду, определить невозможно. Гераклид — по-видимому, Гераклид Понтийский, ученый и поэт IV в. до н. э., ученик Платона и Спевсиппа. Ликон из Троады — философ III в. до н. э., в течение долгого времени глава перипатетической школы. Аристон — из Иулиды (остров Кеос) — ученик и преемник Ликона. Здесь говорится, видимо, о философском сочинении (трактате или диалоге), которое Аристон посвятил своему учителю.

[5] Аметист считался в древности средством против опьянения.

[6] Источник цитаты неизвестен. Полипы — морские животные, самые крупные из которых (кальмары, морские зайцы, каракатицы) считались у греков лакомым блюдом (Плиний, «Естественная история», IX, 29).

[7] «Одиссея», IV, 230; «Илиада», XIV, 216.

[8] Симонид Кеосский — знаменитый лирический поэт VI в. до н. э.

[9] Горгий — философ-софист V—IV вв. до н. э., современник Сократа.

[10] Намек на пренебрежение эпикурейцев к поэзии. Образ здесь взят из «Одиссеи» (XII, 39), где Одиссей залепил воском уши своим спутникам, чтобы они не слышали пения сирен.

[11] «Илиада», VI, 130; в мифе о легендарном царе Фракии Ликурге, который преследовал пьянство, отражено сопротивление культу Диониса, введенному в Греции позже культов олимпийских богов. Вопрос об опьянении подробно разбирается Платоном в первой книге «Законов».

[12] Мандрагора — многолетнее растение семейства пасленовых. В древности считалась волшебным средством; применялась также для приготовления снотворного напитка.

[13] Отрывок из несохранившейся трагедии Софокла.

[14] Аристотель, «Метафизика», гл. II.

[15] Платон, «Федон», гл. IV, 60c — 61в.

[16] Эмпедокл — философ V в. до н. э., автор научных поэм о происхождении вселенной. Парменид (VI в. до н. э.) — философ элейской школы; написал поэму «О природе». Никандру Колофонскому (II—I вв. до н. э.) принадлежала поэма «О зельях», из нее сохранился отрывок о средствах против укусов ядовитых змей. Феогнид — лирический поэт VI в. до н. э., автор нравоучительных элегий.

[17] Известный эпитет Посейдона — «земли колебатель». Здесь Плутарх имеет в виду «Битву богов» в «Илиаде»:

> В ужас пришел под землею Аид, преисподних владыка,
> В ужасе с трона он прянул и громко вскричал, да над ним бы
> Лона земли не разверз Посейдон, потрясающий землю.
> (XX, 61—63)

[18] Отрывок из несохранившейся трагедии Эсхила, предположительно «Психостасии» («Взвешивание душ»). По одному из вариантов мифа, Ахилл был убит Аполлоном, когда прибыл в Трою для свадьбы с Поликсеной.

[19] «Некия» — название XI песни «Одиссеи», где повествуется о схождении Одиссея в царство Аида. Все предшествующее описание относится к этому месту поэмы. Цитата передает слова умершей матери Одиссея (XI, 223).

[20] «Илиада», XXII, 210 и IV, 84.

[21] Отрывок из несохранившейся трагедии Эсхила «Ниоба».

[22] Отрывок из несохранившегося френа Пиндара.

[23] «Одиссея», XXIV, 11.

[24] Отрывок из несохранившейся трагедии Софокла.

[25] «Одиссея», XI, 72; «Илиада», XVI, 856.

[26] Еврипид, «Ифигения в Авлиде», ст. 1396; пер. И. Ф. Анненского.

[27] См. примечание 16.

[28] Ксенофан — философ VI в. до н. э., основатель элейской школы.

[29] Платон, «Протагор», 357c — 361d.

[30] Терсит — в «Илиаде» греческий воин, обличавший Агамемнона в корыстолюбии и жадности; Гомер изобразил его чрезвычайно уродливым:

> Муж безобразнейший, он меж данаев пришел к Илиону;
> Был косоглаз, хромоног; совершенно горбатые сзади
> Плечи на персях сходились; глава у него подымалась
> Вверх острием и была лишь редким усеяна пухом.
> (II, 216—219)

[31] Тимомах — уроженец Византии, живописец I в. до н. э., Феон — живописец IV в. до н. э., современник Александра Македонского. Парразий из Эфеса — известный живописец первой половины IV в. до н. э. Хайрефан — живописец, годы его жизни неизвестны.

[32] Парменон и Феодор — имена актеров.

[33] Силаний (III в. до н. э.) — скульптор аттической школы, последователь Скопаса и Праксителя; стремясь передать с предельной выразительностью лицо умирающей Иокасты, он применил смесь серебра и бронзы. Аристофонт — живописец; по-видимому, современник Плутарха.

[34] Здесь Сизиф и сводник Батрах упомянуты как действующие лица комедии, написанной, по-видимому, Менандром.

[35] Демонид — лицо неизвестное, по-видимому, из какого-то ходячего анекдота.

[36] Первая цитата — слова Этеокла из трагедии Еврипида «Финикиянки» (ст. 524—525). Властолюбивый Этеокл нарушил договор со своим братом Полиником о поочередном правлении Фивами; из-за этого началась братоубийственная война, известная как поход «семерых против Фив», финал которой Еврипид использовал в качестве сюжета трагедии. Вторая ци-

тата — из недошедшей трагедии Еврипида «Иксион». Иксион — жестокий царь лапифов, вероломно убивший своего тестя Дейонея. Прощенный Зевсом, он был взят на Олимп, но за то, что стал добиваться любви Геры, был прикован к огненному колесу в подземном царстве.

[37] «Илиада», III, 380—448.

[38] Несохранившаяся комедия Менандра.

[39] «Одиссея», VI, 48.

[40] «Илиада», II, 189; I, 24; I, 225; I, 223—224; XXIII, 24; VIII, 329; VIII, 198; IV, 104.

[41] Плутарх имеет в виду возникшее в VI—V вв. до н. э. и существовавшее на всем протяжении античности направление аллегорического толкования поэм Гомера, к которому принадлежали многие знаменитые философы-стоики: Клеанф, Хрисипп, киник Антисфен, перипатетик Гераклид Понтийский.

[42] «Одиссея», VIII, 249 и 492.

[43] «Илиада», XV, 32.

[44] Судя по содержанию, высказывания Мелантия. Плутарх имеет в виду парасита при дворе тиранна Александра из Фер (369—358 гг. до н. э.). Парасит этот прославился остроумием, примеры которого приведены Плутархом в других сочинениях («О слушании», VII, 41c и «О льстеце и друге», III, 50d).

[45] Отрывки из несохранившихся трагедий Еврипида.

[46] «Илиада», VII, 358 и VI, 138 (ср. «Одиссея», IV, 805).

[47] «Одиссея», VI, 46.

[48] «Илиада», XXIV, 525—526.

[49] Отрывки из несохранившихся трагедий Еврипида.

[50] Пиндар, «Истмийские оды», IV, 49 и VII. 47.

[51] Отрывки из несохранившихся трагедий Софокла.

[52] Фрагменты несохранившихся трагедий Менандра.

[53] Алексид — комедиограф IV в. до н. э., представитель средней аттической комедии; произведения его известны только по фрагментам и заглавиям, приводимым писателем III в. н. э. Афинеем.

[54] Диоген из Синопа (IV в. до н. э.) — знаменитый философ кинической школы.

[55] Несохранившаяся трагедия Софокла.

[56] Эпаминонд (IV в. н. э.) — фиванский государственный деятель и полководец во время войны Беотии со Спартой. Эпаминонд победил спартанцев в сражениях при Левктрах (371 г.) и Мантинее (362 г.); в последней битве он погиб.

[57] Тимофей Милетский и Кинесий Афинский — лирические поэты V и IV вв. до н. э., авторы дифирамбов.

[58] Бион (III в. н. э.) из Борисфена (Скифия) — философ кинической школы, создатель жанра диатрибы. Феогнид — см. примечание 16.

[59] Шпанская мушка — жук золотисто-зеленой окраски, обитающий на листве некоторых деревьев. В сушеном виде применяется в медицине, при неумеренном употреблении может вызвать тяжелое отравление организма. По распространенному в древности поверью, крылья, ножки и голова жука служат противоядием (аналогичные мысли содержатся в «Естественной истории» Плиния и у Галена).

[60] «Одиссея», IV, 197.

[61] «Илиада», XXIV, 525.

[62] Глоссы — слова устаревшие, вышедшие из употребления, или необычные, заимствованные из другого языка.

[63] Дриопы — племя у подножия горы Эты, переселившееся впоследствии в Македонию.

[64] «Илиада», XIII, 562.

[65] «Одиссея», IV, 318.

[66] «Илиада», V, 352.

[67] «Одиссея», XXIII, 332; в греческом тексте «скорбя глубоко» и «поднял ты нос» выражены глаголом ἀλύω, означающим волнение, потрясение — следствие и горя и радости. Ир — прозвище бродяги на Итаке (от имени Ириды, вестницы богов, так как он был у всех на посылках; настоящее его имя было Арнеон). Одиссей, вернувшись домой под видом нищего, вынужден был вступить с Иром в драку.

[68] Несохранившаяся трагедия Еврипида.

[69] Софокл, «Царь Эдип», 1—2. Противоположные значения глагола θάζειν современная наука объясняет наличием в греческом языке двух омонимов.

[70] Гесиод, «Труды и дни», 643.

[71] Архилох — крупнейший лирический поэт VII в. до н. э.

[72] Еврипид, «Финикиянки», 1006.

[73] Отрывок из несохранившейся трагедии Софокла.

[74] «Илиада», VII, 329 и III, 276.

[75] Фрагмент трагедии неизвестного автора.

[76] «Илиада», I, 3—5.

[77] Фрагмент несохранившейся трагедии Еврипида.

[78] Гесиод, «Труды и дни», 86—87. Намек на то, что Пандора была прислана Эпиметею Зевсом в подарок. Следующая цитата — «Труды и дни», 715—716.

[79] «Илиада», XXIV, 527 и VII, 69.

[80] «Одиссея», VIII, 81.

[81] «Илиада», XI, 540—543.

[82] Фрагмент трагедии неизвестного автора.

[83] Гесиод, «Труды и дни», 289.

[84] «Илиада», XI, 90.

[85] Фрагмент несохранившейся трагедии Еврипида.

[86] «Илиада», XX, 242; Гесиод, «Труды и дни», 310.

[87] Гесиод, «Труды и дни», 285; «Одиссея», XIX, 360.

[88] «Одиссея», VI, 93.

[89] Фрагмент несохранившейся комедии Менандра.

[90] Еврипид, «Медея», 603 и «Финикиянки», 552.

[91] Фрагмент несохранившейся трагедии Еврипида «Эол».

[92] «Илиада», XVI, 97; «Одиссея», XI, 422; «Илиада», IX, 449 и III, 365.

[93] Плутарх имеет в виду те легенды, которые связаны с именами обоих знаменитых философов. У каждого из них были ученики, любившие их настолько, что старались подражать даже их физическим недостаткам.

[94] «Илиада», I, 59; I, 90; I, 220; I, 349; IX, 458.

[95] Аристарх Самофракийский (II в. н. э.) — знаменитый филолог, хранитель Александрийской библиотеки, осуществивший первое подробное критическое издание поэм Гомера.

[96] Плутарх имеет в виду изложенный в «Илиаде» вариант мифа о Мелеагре (IX, 525 слл.; II, 641, XIV, 115). По этой версии Мелеагр был участником войны между этолянами и куретами из-за головы и шкуры калидонского вепря. Мелеагр сражался на стороне этолян и убил в бою брата матери, за что был проклят ею. Тогда Мелеагр отказался от участия в войне и уступил лишь просьбам своей жены Клеопатры. Он помог этолянам одержать победу, но сам погиб.

[97] «Одиссея», VI, 244; XVIII, 282.

[98] Фрагмент комедии неизвестного автора; «небесная коза» или «коза Зевса» — Амалфея, отождествляемая здесь с женой Полиагра.

[99] «Одиссея», XIII, 216.

[100] Тирренцы — жители прибрежных областей Тирренского моря, т. е. этруски.

[101] Фрагмент несохранившейся трагедии Софокла.

[102] В известной трагедии Еврипида «Ипполит» этого эпизода нет; воз-

можно, Плутарх имеет в виду трагедию «Ипполит закрывающийся», которая известна только по названию.

[103] Еврипид, «Троянки», 919.

[104] Марк Порций Катон Утический — римский государственный деятель и полководец I в. до н. э., консерватор и защитник республики.

[105] Оба места неясны. Первое (Гесиод, «Труды и дни», 742), по мнению известного комментатора «Моралий» Виттенбаха (XVIII в.), относится к обычаям, связанным с пиршествами. Ковш, положенный на чашу с вином, означал конец пира. Во втором месте («Илиада», IV, 306), видимо, речь идет о правилах сражения на колесницах.

[106] Еврипид, «Ипполит», 425; пер. А. Пиотровского; фрагмент несохранившейся трагедии.

[107] «Илиада», I, 163; II, 226—228.

[108] «Илиада», I, 128; II, 231. Для большей ясности приводим слова Терсита полностью:

> Жаждешь ли злата еще, чтоб его кто-нибудь из Троянских
> Конников славных принес для тебя, в искупление сына,
> Коего в узах я бы привел, иль другой аргивянин.

[109] «Илиада», IV, 402 и 404—405. Сфенел, сын Капанея, участник похода «семерых против Фив».

[110] «Илиада», IV, 357.

[111] «Илиада», IX, 34.

[112] «Илиада», IX, 70 и 74—75.

[113] «Илиада», IV, 431.

[114] Марк Порций Катон Старший, по прозвищу Цензорий — римский государственный деятель и полководец III—II вв. н. э., непримиримый враг Карфагена и автор сочинения «О сельском хозяйстве».

[115] «Илиада», X, 325.

[116] «Илиада», VII, 215.

[117] «Илиада», II, 220; VII, 226—228; VII, 231.

[118] Адраст — троянец, преследуемый в бою Менелаем и убитый Агамемноном («Илиада», VI, 46—65); сыновья подкупленного Парисом троянца Антимаха были сбиты с колесницы в бою и умерщвлены Агамемноном («Илиада», XI, 123—147); Ликаон — сын царя Приама, убитый Ахиллом («Илиада», XXI, 34—135).

[119] Фрагмент несохранившейся комедии Аристофана.

[120] «Илиада», XI, 313.

[121] «Одиссея», III, 52; XIII, 332.

[122] «Илиада», XXIV, 560—562 и 569—570; 584—586.

[123] Ксенофонт, «Воспитание Кира», V, 1.

[124] «Одиссея», XVI, 273—277.

[125] Клеанф (III в. до н. э.) — ученик Зенона и после его смерти глава стоической школы; от его сочинений сохранились только названия. Некоторые комментаторы «Моралий» считают, что здесь идет речь о некоем Клеанфе, который говорит стихами в «Пирующих софистах» Афинея.

[126] «Илиада», III, 320; XVII, 233; Додона — город в Эпире со святилищем Зевса и посвященной ему рощей.

[127] Хрисипп (III—II в. до н. э.) — ученик Клеанфа, философ стоической школы. «Далеко зрящий Кронид» — часто встречающийся в «Илиаде» эпитет Зевса.

[128] «Илиада», IV, 444 и XVII, 671.

[129] «Илиада», XIII, 354.

[130] «Одиссея», III, 20; «Илиада», XXIII, 570; XVII, 170. На играх в честь Патрокла Антилох оттеснил повозку Менелая и взял первый приз в конных состязаниях.

[131] «Илиада», VI, 160.

[132] «Одиссея», III, 265.

[133] См. примечание 57.

[134] Эсхил, «Семеро против Фив», 599 слл. Амфиарай — аргосский царь, предсказатель, участник Калидонской охоты, похода аргонавтов и войны «семерых против Фив».

[135] «Илиада», XXIII, 297; «богатый человек» — Эхепол, сын Анхиза.

[136] «Илиада», XXIV, 128.

[137] См. примечание 71.

[138] Антисфен — основатель кинической философской школы, ученик Сократа. Клеанф — см. примечание 125.

[139] Фрагмент несохранившейся трагедии Еврипида.

[140] Еврипид, «Электра», 428.

[141] Зенон (IV—III вв. до н. э.) из Китиона на Кипре — основатель стоической философской школы. Из Софокла приведен фрагмент несохранившейся трагедии.

[142] Фрагмент трагедии неизвестного автора.

[143] Еврипид, «Ифигения в Авлиде», 29—32.

[144] Два фрагмента из несохранившейся трагедии Еврипида «Хрисипп».

[145] Фрагмент несохранившейся комедии Менандра.

[146] Фрагменты трагедий неизвестного автора.

[147] Гесиод, «Труды и дни», 348.

[148] Еврипид, фрагмент несохранившейся трагедии.

[149] Фрагмент несохранившейся комедии.

[150] Отрывок из несохранившейся трагедии Софокла «Скирянки». Миф о пребывании Ахилла на острове Скиросе повествует, что Фетида, желая избавить сына от гибели в Троянской войне, послала его под именем Пирры ко двору Ликомеда, царя Скироса. Там Ахилл сидел в женской одежде вместе с прядущими девушками.

[151] Игра у греков: перепела, стоящего в описанном кругу, один из участников толкал пальцем. Если птица вылетала за пределы круга, толкнувший ее проигрывал и платил штраф. Здесь как синоним бессмысленного времяпрепровождения.

[152] Фрагмент несохранившейся трагедии Еврипида.

[153] «Илиада», III, 39 и XVIII, 142.

[154] «Илиада», II, 173; VII, 47; XIX, 216, XI, 608; I, 225; XXIII, 483; XXIII, 479; XIII, 823; XXI, 331.

[155] Филемон (IV в. до н. э.) из Сиракуз — комедиограф, представитель новой аттической комедии.

[156] Фрагмент несохранившейся трагедии Еврипида. Эрифила, сестра Адраста и жена Амфиарая (см. примечание 134), была подкуплена Полиником и указала место, где скрывался ее муж, не желавший принимать участия в походе «семерых против Фив». Амфиарай погиб во время этого похода, и Эрифила таким образом стала причиной его смерти. Алкмеон — сын Амфиарая и Эрифилы, убивший мать из мести за отца.

[157] Хилон Спартанский и Биант Приенский (VII—VI вв. до н. э.) причислялись к кругу «семи мудрецов», полулегендарных наставников практической нравственности. Хилону приписывалось изречение «Познай самого себя». Бианту — «Многолюдство портит дело».

[158] «Илиада», V, 428; XI, 543.

[159] Гесиод, «Труды и дни», 40 и 265.

[160] Фрагмент несохранившейся трагедии.

[161] Феспид — афинский трагик V в. до н. э.

[162] Платон, «Письма», III, 523.

[163] Вакхилид (V в. до н. э.) — лирический поэт, представитель торжественной хоровой лирики.

[164] Фрагменты несохранившихся трагедий Еврипида.

[165] Фрагменты несохранившихся трагедий Еврипида.

[166] Мысли Эпикура, приводимые Диогеном Лаэртским («Жизнеописания философов», X, 159 и 144).

СРАВНЕНИЕ АРИСТОФАНА С МЕНАНДРОМ

[1] Рифмы в нашем смысле слова греческая поэзия не знала. Встречается лишь, как в поэзии, так и в прозе, риторическая фигура ὁμοιοτέλευτον, заключавшаяся в совпадении окончаний одинаковых грамматических форм. Здесь имеется в виду разновидность этой фигуры — слова, стоящие в одинаковом падеже.

[2] Речь идет об одной из несохранившихся комедий Аристофана. Ταμιεύς — «казначей» в сочетании с Λαμίες — «жители города Ламия» (в фессалийской Фтиотиде) создает игру слов.

[3] Аристофан, «Всадники», ст. 437. Кекий — северо-восточный ветер, неблагоприятный для плавания.

[4] Аристофан, «Всадники», ст. 454.

[5] Фрагмент из недошедшей комедии Аристофана. Гелы или Гела — город в Сицилии. Игра слов: [illegible] — «смех».

[6] Фрагмент из недошедшей комедии Аристофана.

[7] Аристофан, «Женщины на празднике Фесмофорий», ст. 455.

[8] Аристофан, «Ахарняне», ст. 1110.

[9] Горгона — изображение чудовища на щите.

[10] Дионис упомянут здесь как покровитель театрального искусства.

[11] В этом месте в греческом оригинале пропуск.

РИМСКИЕ ВОПРОСЫ

[1] Пифагорейская символика чисел.

[2] Ср. рассказы Ливия, I, 45 и Валерия Максима, VII, 3, 1.

[3] Юба — нумидийский царь, современник Августа; получил образование в Риме и стал писателем; автор исторических и географических сочинений, от которых дошли лишь отрывки.

[4] Произведение Аристотеля не сохранилось.

[5] Т. е. почитание умерших как богов.

[6] Обычай, оставленный уже к концу республики: ср. Гораций, «Эподы», 2, 59.

[7] Текст испорчен, перевод дан по смыслу.

[8] Поход Брута против лузитанцев — 136 г. до н. э. Цицерон упоминает об этом в сочинении «О законах», II, 21, 54.

[9] В действительности обычай требовал совершать поминальные празднества в последний месяц года (последним месяцем римского года был февраль), и эта традиция сохранилась даже тогда, когда последним месяцем стал считаться декабрь; только в роде Юниев срок поминальных празднеств был изменен в соответствии с новым календарем.

[10] Ксенофонт, «Киропедия», IV, 1, 3.

О ДОБЛЕСТЯХ ЖЕНЩИН

[1] Жрице Клее посвящено еще одно из дошедших сочинений Плутарха — «Об Исиде и Осирисе».

[2] Фукидид, II, 45: «Если я должен упомянуть и о доблести женщин... то я выскажу все в кратком увещании: быть не слабее присущей женщинам природы — великая для вас слава, особенно если возможно менее громко говорят о ней в среде мужчин в похвалу или порицание». Эти слова Фукидид вкладывает в уста Перикла.

[3] О введении этого обычая Плутарх говорит в биографии Камилла (ср. также у Тита Ливия, V, 50 и у Цицерона, «Об ораторе», II, 10, 44). Известно, что Цезарь произносил подобные речи на похоронах своей тетки Юлии и своей первой жены.

[4] Еврипид, «Безумный Геракл», ст. 673. Цитата приведена неточно. Хариты — дочери Зевса, символ гармонического цветения природы, изящества и радости, а в данном контексте — художественной занимательности, которая должна оживлять философско-моралистические рассуждения.

[5] Никомах фиванский — знаменитый живописец конца IV в. до н. э.

[6] Бакид — легендарный прорицатель. Под его именем был распространен сборник пророчеств, пользовавшийся большой популярностью.

[7] Сесострис — легендарный образ фараона-завоевателя, в основе которого, по-видимому, лежит исторический образ Рамсеса II. Танаквила — супруга Тарквиния Старшего, своей энергией, умом и умением разгадывать знамения богов помогшая прийти к власти двум римским царям. Порция — жена Марка Брута, его подруга в заговоре против Цезаря. Пелопид — вождь фиванской демократии, один из организаторов демократического переворота в Фивах в 379 г. до н. э. О Тимоклее см. примечание 19.

[8] Эйрена — лицо неизвестное. Корнелия — мать Тиберия и Гая Гракхов, одна из самых одаренных, образованных и энергичных женщин своего времени. Олимпиада — жена Филиппа II Македонского, мать Александра, женщина гордая, властолюбивая и энергичная, не чуждая коварства и жестокости.

[9] Трактат «О доблестях женщин» делится, таким образом, на две приблизительно равные части, в первой из которых излагаются примеры коллективного героизма женщин, во второй — индивидуального. Новеллы обеих частей резко разнятся не только по тематике, но и по стилю. В первой части изложение отличается сжатостью и краткостью и производит впечатление эпизода из какого-нибудь исторического сочинения. Характерными примерами новелл первой части являются приводимые у нас «Аргивянки» и «Персидские женщины». Для второй части характерно более подробное и художественное изложение, включающее речи действующих лиц и близкое к повествовательному стилю «Параллельных жизнеописаний». В этой манере написаны «Камма» и «Тимоклея». Промежуточное место между ними занимает «Микка и Мегисто», далеко не случайно расположенная в сборнике между обеими частями: поскольку эта новелла не представляет «монографии» о подвиге одной женщины, она относится к первой части, однако стиль, объем (самая большая новелла сборника) и яркие индивидуальные образы ставят ее ближе к новеллам второй части.

[10] О походе Клеомена против Аргоса (первое десятилетие V в. до н. э.) рассказывают Геродот, VI, 76—83 (он ничего не говорит о подвиге аргивянок и объясняет отступление Клеомена иначе) и Павсаний, II, 20, 8—10.

[11] Сократ Аргосский — грамматик и историк, которому принадлежали труды «Описание Аргоса» и «Об обрядах».

[12] Эниалий («Воинственный») — эпитет Ареса, бога войны.

[13] Этот анекдот о персидских женщинах приведен также у Полиена, «Военные хитрости», V, 5, 1 и у Юстина, I, 6. Вариант, где героиней выступает уже некая спартанка, бранящая своих дезертировавших сыновей, мы встречаем в приписывавшихся Плутарху «Изречениях спартанок».

[14] Артаксеркс III Ох, персидский царь из династии Ахеменидов 359—338 гг. до н. э. Источники рисуют его жестоким деспотом, истребившим почти всех своих родственников.

[15] Об элидском тиранне Аристотиме, сыне Дамарета, этот рассказ Плутарха — почти единственный наш источник. Кроме него мы располагаем краткими упоминаниями у Павсания, V, 5, 1 и VI, 14, 11, а также у Юстина XXVI, 1. Сохранились монеты с именем Аристотима. Павсаний также характеризует Аристотима как ставленника Антигона Гоната (283—239 гг. до н. э.) — македонского царя, стремившегося к господству над Грецией.

[16] Так называемый обряд гикесии, придающий просьбе религиозное значение.

[17] Сюжет этой новеллы Плутарха был использован А. Теннисоном и лег в основу его драмы «Чаша», с успехом шедшей в Лондоне в 1881 г.

[18] Галатия — область в центре Малой Азии, населенная эллинизированными пришельцами-кельтами. До середины I в. до н. э. делилась на четыре политически автономные области, управлявшиеся тетрархами («четвертовластниками»).

[19] Плутарх рассказывает вкратце о Тимоклее в биографии Александра. Ее упоминают также Полиен, «Военные хитрости», VIII, 40, и другие античные авторы.

[20] В 335 г. до н. э. на Фивах Александр хотел показать другим греческим государствам пример своей суровости, поэтому город был разрушен до основания (за исключением святилищ и дома поэта Пиндара), жители проданы в рабство.

ХОРОШО ЛИ СКАЗАНО: «ЖИВИ НЕЗАМЕТНО»?

[1] «Живи незаметно» — известное изречение Эпикура (фр. 551 Usener), пользовавшееся в древности большой популярностью: упоминания о нем, его отголоски и полемика с ним встречаются у многих античных писателей, от Горация и Овидия до Фемистия и Юлиана Отступника.

[2] Эврипид, фрагмент 905.

[3] Анекдот о Филоксене и Гнафоне у других авторов не встречается. Плутарх упоминает Гнафона как образец наглого паразита, любящего обжираться на даровщинку, также в «Застольных изысканиях», VII, 6.

[4] К сходному сопоставлению больных телесными болезнями и тех, кто нуждается во врачевании души, Плутарх прибегает в своем трактате «Как можно почувствовать свои успехи в нравственном самоусовершенствовании», гл. 11.

[5] Встречающиеся у античных авторов описания обычая всенародного консультирования больных на древнем Востоке (у вавилонян) восходят к Геродоту, I, 197.

[6] Фрасибул — афинский политический деятель и полководец V—IV вв. до н. э., возглавивший в 404—403 гг. реставрацию афинской демократии.

[7] Об отношениях и переписке Эпикура со своими малоазиатскими и египетскими последователями известно только из этого упоминания. В Лампсаке (город в Малой Азии), Эпикур бывал сам и имел талантливых учеников из числа его уроженцев (Метродор, Идоменей, Колот и др.).

[8] Завещание Эпикура приводится у Диогена Лаэртского, X, 18. Оно обязывало учеников ежегодно в день рождения своего учителя совершать жертвоприношения ему самому, его родителям и братьям и, кроме того, в память о нем собираться по 20-м числам каждого месяца.

[9] Метродор из Лампсака (330—277 до н. э.) — последователь и один из ближайших друзей Эпикура, которому были посвящены многие сочинения учителя. Аристобул и Хередем — братья Эпикура; некоторые утраченные сочинения Эпикура имели форму посланий к ним, а после их смерти философ каждого из них почтил похвальным словом.

[10] Гедия и Леонтион — гетеры. Из них особенно известна вторая, характеризуемая преданием как ученая женщина: ей даже приписывалось сочинение «Против Теофраста» (Цицерон, «О природе богов», I, 33, 93).

[11] Имеются в виду слова Эпикура (фр. 512 Usener) «Я плюю на красоту и на тех, кто попусту восхищается ею, когда она не доставляет никакого удовольствия».

[12] Это высказывание Эпикура вызывает взрыв негодования у Сенеки, письмо 92, 6: «Так счастливым делает телесное ощущение? Что же ты колеблешься сказать, что человеку хорошо, если хорошо его нёбу? И ты причислишь — не скажу к мужам, но к людям — того, чье высшее благо заключено во вкусовых, зрительных и звуковых ощущениях!»

[13] Защита идеи божественного промысла, благого провидения является основным мотивом антиэпикуровской полемики Плутарха, привлекающего, по выражению Маркса, «философию на суд религии». См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 24. Впрочем, в нашей диатрибе вопросы отношения к религии занимают очень мало места, отступая на второй план перед основной темой.

[14] По-видимому, Эпикур говорил в каком-то из своих утраченных сочинений о практической пользе как источнике морали и основе общественной жизни людей (фр. 524 Usener). Эти взгляды встречают у Плутарха немного ханжеское возмущение.

[15] Дион Сиракузский, страстный последователь и друг Платона, в 357 г. сверг в Сиракузах тиранна Дионисия Младшего. Однако из его попыток претворения в жизни аристократической утопии Платона ничего не вышло, сам он вскоре был убит своими же сторонниками, и Дионисий Младший вернулся к власти. Плутарх написал жизнеописание Диона.

[16] Софокл, фрагмент 780.

[17] Каллимах, фрагмент 93.

[18] Демокрит, II, 91, 19 слл. Diels.

[19] Эти рассуждения о природе Аполлона в высшей степени характерны для Плутарха. О солнечной сущности Аполлона Плутарх говорит неоднократно (например, «О падении оракулов», 42, «О надписи „Е" в Дельфах», 21, и др.). Эпитеты «Делий» (т. е. «Делосский») и «Пифийский» (т. е. «Дельфийский») используются Плутархом для игры слов: первое сопоставляется с прилагательным δῆλος («ясный»), второе, по-видимому, с глаголом πυνθάνομαι («узнаю»), так как солнечный свет дает возможность познавать мир.

[20] Имеется в виду Аид, имя которого, прямо не называемое, также служит поводом для игры слов ввиду своего сходства с прилагательным ἀειδής — «незримый» (ср. ниже «в недоступное зрению место отходим мы...»). Аналогичную антитезу Аполлона и Аида как мировых начал света и тьмы мы находим у Плутарха в его диалоге «О надписи „Е" в Дельфах», 20.

[21] Снова игра слов: φώς (слово архаическое) — «муж», «человек»; φῶς — «свет».

[22] В начале седьмой главы текст сильно испорчен и содержит значительную лакуну. Перевод первой фразы главы приблизительный, по смыслу. Фразу о «третьей стезе», по-видимому, следует понимать так: одна дорога ведет человека на Олимп (если герой после смерти становится богом, как это было с Гераклом), вторая — в страну блаженных, описываемую в начале главы, третья — в места, где наказывают грешников.

[23] Пиндар, фрагмент 129.

[24] Пиндар, фрагмент 130.

[25] По распространенному мифу, коршуны терзают в загробном мире печень Тития, оскорбившего богиню Латону; что касается «бремени груза», то Плутарх мог иметь в виду Сизифа, вкатывающего камень в гору, или водоносиц-Данаид.

[26] «Одиссея», XI, 218 (пер. В. Жуковского).

[27] «Река Забвения» — Лета (λήθη по-гречески и означает «забвение»).

К НЕПРОСВЕЩЕННОМУ ВЛАСТИТЕЛЮ

[1] «Ни в чем нет столько дерзости, как в муже том»,— Еврипид, фрагмент 788, 1.

[2] Феопомп — спартанский царь, правивший приблизительно в середине VIII в. до н. э. Эфоры — высшие должностные лица Спарты, числом пять, которые в длительной борьбе с царями постепенно добились полного контроля над ними.

[3] Пиндар, фрагмент 169.

[4] Оромазд — переделанное на греческий лад имя верховного божества персов (Ахурамазда).

[5] Мы пропускаем конец главы — расплывчатые рассуждения о правителе как «образе бога всеустрояющего».

[6] Анаксарх из Абдеры — философ, ученик Демокрита; сопровождал Александра Великого в его походах. Как Александр на пиру убил своего лучшего друга Клита и как мучительно он потом раскаивался, Плутарх описывает в биографии Александра.

[7] Слова «справедливость» и «правосудие» по-гречески тождественны с именами богинь Дикэ и Фемиды.

[8] Гесиод, «Труды и дни», ст. 256.

[9] Игра слов: греческое прилагательное αἰδοῖος обозначает как «того, кто стыдится», т. е. «совестливого», так и «того, кого стыдятся», т. е. «почтенного», «уважаемого», «чтимого» человека. К царям это слово применялось, разумеется, во втором значении.

[10] «Илиада», X, 183 сл.; пер. Н. Гнедича.

[11] Имя понтийского тиранна Клеарха не встречается больше ни у одного древнего писателя.

[12] То же самое Плутарх рассказывает в биографии Арата о тиранне по имени Аристипп.

[13] Мы опускаем начало главы — мало связанную с темой трактата — критику стоического пантеизма с платонических позиций.

[14] Сарисса — длинное македонское копье.

[15] «Илиада», XIX, 242; пер. Н. Гнедича.

[16] Стихи из трагедии неизвестного автора.

[17] В биографии Кимона (гл. 15) Плутарх горячо защищает его от обвинения в излишней приверженности вину. О пирах Лукулла он сам отзывается в жизнеописании последнего (гл. 40) достаточно неодобрительно.

О ТОМ, ЧТО НЕ НАДО ДЕЛАТЬ ДОЛГОВ

[1] Платон, «Законы», VIII, 844в.

[2] Статуя Афины в Парфеноне.

[3] Двусмысленное пророчество дельфийского оракула афинянам перед персидским нашествием: «укрыться за деревянной стеной». Некоторые видели в этом указание на стены акрополя, но возобладало аллегорическое толкование, согласно которому «деревянные стены» означали борта кораблей; афиняне вывезли жен и детей из Аттики, сами сели на корабли и одержали победу в морском бою при Саламине.

[4] Начало вышеупомянутого пророчества.

[5] Формула требования покорности, с которой приходили в Грецию вестники персидского (мидийского) царя.

[6] Платон, «Государство», X, 615е.

[7] «Одиссея», XI, 579.

[8] Персидские полководцы, возглавлявшие поход на Грецию в 490 г. до н. э., закончившийся поражением при Марафоне.

[9] Триптолем — герой элевсинского культа, изобретатель плуга и любимец Деметры, которая научила его земледелию, чтобы он, в свою очередь, обучил ему человечество, облетая землю на колеснице, запряженной крылатыми змеями.

[10] Одно из основных положений античной материалистической натурфилософии; Лукреций переложил этот тезис в стих: «Из ничего ничего даже волей богов не бывает» (I, 150).

[11] «Илиада», I, 154.

[12] Гай Мусоний Руф — римский философ-стоик первой половины I в. н. э. Приводимый эпизод и комментарий к нему характерен для отношения Плутарха к стоицизму.

[13] Кратет — афинский комик V в. до н. э., старший современник Аристофана.

[14] Клеанф (вторая половина III в. до н. э.) — глава стоической школы, преемник Зенона, по преданию зарабатывавший на жизнь тяжелым физическим трудом, чтобы иметь возможность учиться философии.

[15] Эмпедокл переосмыслял в духе пифагорейски окрашенной философской мистики старое мифологическое представление о десятилетних мучениях божества, нарушившего принятую на Олимпе клятву водой Стикса.

[16] «Одиссея», V, 264.

[17] «Одиссея», V, 439.

[18] «Одиссея», V, 291, 295.

[19] Кратет — философ-киник, смягчавший в своем учении крайности кинизма и потому симпатичный Плутарху; Плутарх написал его биографию, которая до нас не дошла.

АРРИАН

ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА

[1] Т. е. битвы с трибаллами, жившими на границе с Македонией (335 г. до н. э.).

[2] Сигей — мыс в Троаде, северо-западная оконечность Азии при входе в Геллеспонт; то же название носил и расположенный там город с гаванью.

[3] Гефестион, сын Аминты, один из восьми телохранителей Александра, участвовавший во всех его походах.

[4] Гиерон — правитель Сиракуз (478 г. до н. э.— 467 г. до н. э.), привлекавший к своему двору знаменитых поэтов. Покровительством его пользовались Симонид, Эсхил и др. Пиндар воспел его в «Пифийских одах». Гелон — младший брат Гиерона, правивший в Сиракузах с 485 г. до н. э. по 478 г. до н. э. Ферон — современник Гиерона и Гелона, правитель Агригента (на южном берегу Сицилии). В 480 г. до н. э. одержал вместе с Гелоном победу над карфагенянами при Гимере в Сицилии.

[5] Речь идет о походе Кира Младшего в 401 г. до н. э. против своего старшего брата, персидского царя Артаксеркса. В войске Кира было около 13 тысяч греческих наемных солдат (Ксенофонт, «Анабасис», I, 2, 9).

[6] Клеарх — спартанский полководец, бежавший после пелопоннесской войны к Киру Младшему и навербовавший для него наемное греческое войско. После гибели Кира в битве при Кунаксе (401 г. до н. э.) Клеарх вместе с другими четырьмя полководцами и двадцатью начальниками отрядов греческих наемников был коварно убит пригласившим их к себе в дом персидским сатрапом Тиссаферном (Ксенофонт, «Анабасис», II, 5, 31—32).

[7] После битвы при Кунаксе греческие наемники из войска Кира стали отступать, держа путь к морю. Предводительствовал ими во время отступления Ксенофонт, описавший потом этот поход в своем «Анабасисе».

[8] Великим царем греки называли персидского царя.

[9] Гордий — город, названный по преданию в честь его основателя Гордия, находился в северной части Малой Азии на правом берегу реки Сангарии (н. Сакарья), впадавшей в Понт Эвксинский (Черное море).

[10] Город Тельмес находился на юго-западном побережье Малой Азии. О жителях этого города Цицерон говорит, что они обрабатывали свои плодородные земли, усердно наблюдали всякие знамения и занимались гаданием по полету птиц. Фригийцы же, которые пасут скот, летом и зимой бродят по полям и легко могут примечать полет и пение птиц, сообразуют свои действия с указаниями, которые исходят от птиц (Цицерон, «О гадании», I, 41, 42).

[11] Аристобул — соратник Александра, участник его походов. В старости написал о нем воспоминания, которые высоко ценились в древности и были использованы Аррианом и Плутархом.

[12] В этой главе описывается знаменитая битва при городе Иссе (333 г. до н. э.). После покорения внутренних областей Малой Азии Александр шел со своим войском вдоль берега по направлению к Сирии, а персидский царь Дарий III Кодоман (336—330 гг. до н. э.) в это время в тылу у Александра занял важную позицию на реке Пинаре, около Исса. Узнав об этом, Александр поспешно вернулся к Иссу и дал сражение, закончившееся бегством персидского царя и его войск.

[13] Фаланга составляла главную силу македонской армии. Плотность ее была шестнадцать человек в глубину. Из первых пяти рядов против врага торчали копья, копья же остальных лежали на плечах впереди стоящих. Фаланга набиралась из свободнорожденных македонян.

[14] **Т. е. греки, служившие в качестве наемников в войске Дария.**

[15] Парменион — знатный македонский полководец, служивший Филиппу Македонскому и одержавший победу в Иллирии в тот самый день, когда родился Александр. Во время похода Александра в Азию командовал в его войске пехотой. В 330 г. погиб по подозрению в заговоре против Александра.

[16] Месяц мемактерион соответствует концу ноября и началу декабря.

[17] Полисперхонт — один из старейших полководцев Филиппа и Александра. Участвовал в восточных походах Александра, был с ним в Индии. Незадолго до своей смерти Александр поручил ему отвести ветеранов в Македонию. После смерти Александра получил главное начальство в Македонии, принимал участие в борьбе диадохов и последние годы своей жизни провел в Локриде.

[18] Солы — большой и цветущий город Киликии, населенный выходцами с острова Родоса.

[19] Леоннат — знатный македонянин, бывший у Филиппа телохранителем, служивший затем в отборной македонской коннице Александра, воины которой назывались гетерами (т. е. товарищами). Погиб после смерти Александра в 323 г. до н. э. в битве при Ламии.

[20] Птолемей — сын Лага, один из талантливых полководцев Александра, родоначальник династии египетских Птолемеев. Был телохранителем Александра. После смерти Александра Птолемей утвердился в Египте (323—283 гг. до н. э.). В последние годы его правления в Александрии была основана знаменитая библиотека. Птолемей составил описание походов Александра Македонского.

[21] Слово «Александр» в переводе значит «отразитель мужей» или «защитник человечества», именно в этом смысле Александр и называет Гефестиона Александром.

[22] Описываемые события относятся к концу 332 г. до н. э., когда Александр уже покорил Палестину, сломил сопротивление Газы и вступил в пределы Египта, который был конечной целью его южного похода.

[23] Пелусий — приморский город в восточной части Египта.

[24] Гелиополь (дословно Солнечный город) — город в Нижнем Египте, к востоку от Нила, был местом почитания Солнца и священного быка Мневиса.

[25] Агрианцы — фракийско-македонское племя, превосходные стрелки из лука.

[26] Каноб — город в Нижнем Египте, до основания Александрии был самым значительным торговым центром этой местности. См. также Дионисий Периэгет, примечание 2. Марейское озеро, или Мареотида, образовано из Канобского устья Нила и других каналов, лежит к западу от Нила.

[27] Гегелох — начальник конницы Александра.

[28] Тенедос — небольшой греческий остров у северо-западного побережья Малой Азии. Во время греко-персидских войн (500—449 гг. до н. э.) его

захватили персы. Во время Пелопоннесской войны (434—404 гг. до н. э.) он был на стороне Афин. По Анталкидову миру (387 г. до н. э.) Тенедос оказался в подчинении у персов, в 334 г. сдался Александру. В 333 г., пока Александр завоевывал внутренние области Малой Азии, персидский флот восстановил персидское господство над Тенедосом и другими островами у побережья Малой Азии.

[29] Автофрадат — персидский военачальник. Вместе с Фарнабазом командовал в 333—332 гг. до н. э. флотом и снова подчинил персидскому влиянию те греческие государства на островах Эгейского моря и на малоазиатском побережье, которые при вступлении Александра в Азию перешли на сторону Македонии. При известии о поражении Дария при Иссе, где в плен попала жена Фарнабаза, последний поспешил на Хиос и таким образом сумел предотвратить отпадение этого острова (ноябрь 333 г. до н. э.). Когда на следующий год македонский флот появился в Эгейском море, Фарнабаз был осажден на Хиосе и схвачен восставшими гражданами. После смерти Александра Македонского перешел на сторону одного из диадохов, Эвмена, и как начальник его конницы участвовал в битве против Кратера (321 г. до н. э.).

[30] Мефимна — город на Лесбосе. Тиранн Аристоник захватил там власть благодаря поддержке Мемнона, командующего греческими наемниками в персидском войске. Выданный затем Александром на расправу гражданам Мефимны, Аристоник принял от их рук страшную смерть.

[31] Аполлонид — один из главарей олигархической партии на Хиосе. Вместе с Фисином и Мегареем входил в правительство, державшееся персидской ориентации. В данном случае речь идет об отпадении Хиоса к Персии в начале 333 г. до н. э., после того как Александром были введены на острове демократические порядки.

[32] Харес — командующий греческими наемниками в войске Дария.

[33] Амфотер — командующий флотом у Александра. Кос — остров в Эгейском море у западного побережья Малой Азии.

[34] Элефантина — город на границе с Эфиопией в южной части Верхнего Египта, расположенный на нильском острове.

[35] Аммон — божество, чтимое в Египте и Ливии. Греки считали, что этим именем египтяне называют Зевса (Геродот, II, 42). Аммон изображался в виде барана или человека с бараньей головой и витыми рогами. Святилище его находилось в оазисе Сива.

[36] Бусирис — мифический царь Египта, который всех чужеземцев, приходивших в Египет, приносил в жертву Зевсу. Он собирался поступить так и с Гераклом, но герой вырвался и убил Бусириса.

[37] Т. е. Зевса, потомком которого Александр считал себя. Геракл считался сыном Зевса и Алкмены. Персей — сыном Зевса и Данаи.

[38] Паретоний — морской порт к западу от дельты Нила.

[39] Т. е. около 237 *км*.

[40] Т. е. на 6 км.

[41] Описываемые в этой главе события относятся ко времени похода Александра в Индию в 327 г. до н. э. Кофин — правый приток Инда (ныне Кабул).

[42] Ниса — мифический город Диониса, местонахождение которого мифологией точно не устанавливалось: Гомер помещает его во Фракию («Илиада», VI, 133), Геродот — в Эдмонию (II, 146), Диодор Сицилийский пишет о Нисе в Индии, основанной Озирисом, странствования которого во многом напоминают странствования Диониса (Диодор Сицилийский, I, 19). Таким же мифическим городом следует, очевидно, считать и Нису, описываемую здесь Аррианом, поскольку до сих пор не удается выяснить, какое поселение тут могло иметься в виду. Сказание о Нисе в Индии и о посещении Александром этой Нисы встречается также у Филострата (III в. н. э.) в «Жизнеописании Аполлония Тианского» (II, 8—9).

[43] Существовало несколько преданий о рождении Диониса. Цицерон

насчитывает их пять, называя отцом его Зевса, Нила, Кабира и др. (Цицерон, «О природе богов», III, 58).

[44] Тмол — горная цепь во внутренней части малоазиатской области Лидии, изобиловавшая виноградом и золотом. Там же был расположен город Тмол.

[45] Мерос — по-гречески «бедро».

[46] Плющ был непременным атрибутом Диониса. По мифу, он обвил все тело Диониса, родившегося от умирающей в пламени Семелы, и таким образом своими листьями защитил младенца от огня.

[47] Празднества в честь Диониса приобрели характер шумных оргий, участники которых в безумном опьянении носились с криком «Эвоэ!» Дионису при этом давались эпитеты: «Эвиос» (от «эвое!»), «Вакх» (восторженный), «Бромий» (шумящий).

[48] Эратосфен Киренский (275—194 гг. до н. э.) — хранитель знаменитой Александрийской библиотеки, ученый, писавший сочинения по географии, истории, литературе, хронологии, музыке, математике, астрономии. До нас дошла его эпиграмма о удвоении куба и несколько отрывков из других его произведений.

[49] Парапамисады — горные племена на Парапамисе (Гиндукуше), жившие вдоль течения реки Кабула. Судьба этих племен неизвестна.

[50] Палица наряду с луком и львиной шкурой считалась атрибутом Геракла. Согласно мифу, Геракл сделал себе палицу из ствола вырванного им с корнем дерева в Немейской роще.

ИНДИЯ

[1] Законы Ману упоминают только о четырех кастах. Приводимая Арианом классификация отражает скорее деление по профессиям и заимствована у Мегасфена (IV в. до н. э.), который в качестве посла от сирийского царя Селевка бывал в Индии и составил описание Индии.

[2] Неарх — один из друзей Александра Македонского, участвовал в его походе в Индию.

[3] Описываемое дерево, Ficus bengalensis Linn., и сейчас вызывает восхищение путешественников. Площадь в 5 плетров равна приблизительно 150 метрам.

АППИАН

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

[1] Самниты — италийское племя, жившее к юго-востоку от Рима. Речь идет здесь о второй самнитской войне (327—304 гг. до н. э.).

[2] Гай Понтий был впоследствии захвачен римлянами и казнен в Риме в 292 г. до н. э.

[3] Имеется в виду Кавдинское ущелье, где римляне были заперты в 321 г. до н. э.

[4] Сидицины — народ в северной Кампании на границе с Самнием.

[5] Войны Цезаря против Помпея и его сторонников (49—45 гг. до н. э.).

[6] Последний из римских царей, Тарквиний Гордый, высокомерно державший себя по отношению к сенату, был после оскорбления, нанесенного Лукреции, жене царского родственника, изгнан Брутом в 510 г. до н. э.

[7] Преторская когорта — гвардия военачальника.

[8] Ростры — ораторская трибуна на Форуме. Луперкалии — праздник в честь Фавна (божество плодородия, покровитель скота и земледелия).

[9] Геты — фракийское племя, жившее по нижнему течению Дуная. Парфяне — иранское племя, обитавшее к юго-востоку от Каспийского моря.

[10] В 54 г. до н. э. консул Лициний Красс предпринял поход в Месопотамию. В 53 г. парфяне окружили и разбили римское войско. Красс согласился пойти на переговоры, во время которых он был убит.

[11] Гай Кассий командовал флотом Помпея, после битвы при Фарсале (48 г. до н. э.) перешел на сторону Цезаря.

[12] Марк Порций Катон (род. в 97 г. до н. э.) боролся против триумвирата Помпея, Цезаря и Красса. Во время гражданской войны бежал от Цезаря из Рима сначала в Сицилию, затем на остров Родос. Не желая подчиниться Цезарю, покончил с собой.

[13] Брут Древний изгнал в VI в. до н. э. царя Тарквиния Гордого.

[14] Театр Помпея, построенный в 55 г. до н. э. и вмещавший 40 000 зрителей, был первым каменным театром в Риме.

[15] Публий Сервилий Каска был народным трибуном в 43 г. до н. э.

[16] В 49 г. до н. э. Цезарь разбил войска Помпея в Испании.

ПАВСАНИЙ

ОПИСАНИЕ ЭЛЛАДЫ

[1] Пелопоннесская война (431—404 гг. до н. э.) — война, в которой принимали участие все греческие города. Соперничавшими центрами были Афины и Спарта.

[2] Эпаминонд — полководец, вождь фиванской демократии. В 371 г. до н. э. в Беотии около города Левктры фиванское войско во главе с Эпаминондом разбило спартанцев.

[3] Предположительно, в 221 г. до н. э.

[4] Около 280 г. до н. э.

[5] Римские провинции в императорскую эпоху делились на императорские и сенатские. В сенатские провинции сенат посылал своих наместников. Императорские были в ведении императора. В данном случае Нерон превратил Элладу из сенатской провинции в императорскую и освободил ее от уплаты дани.

[6] Веспасиан — римский император (69—79 гг. н. э.).

[7] Во время римского владычества Ахайей называлась провинция, в которую входили средняя Греция и Пелопоннес.

[8] Софокл умер в 406 г. до н. э.

[9] Театры в древней Греции строились на склоне холмов, и сидения делались из природного грунта. Афинский театр примыкал к южной части Акрополя.

[10] По одному из сказаний, Ниоба после смерти детей пошла в Сипил к своему отцу Танталу и там была превращена в камень, из которого все время текли слезы. Гора Сипил находится в Малой Азии.

[11] Лигийцы, или лигуры, жили на южном берегу Галлии. Эриданом греки называли современную реку По.

[12] Местечко Браурон расположено около Арафинидской гавани на восточном берегу Аттики.

[13] Лимны — город в южной части Пелопоннеса на границе Мессении и Лаконики.

[14] Во время нашествия персов на Грецию в 480 г. до н. э.

[15] Лидия — страна в западной части Малой Азии со столицей в Сардах. Напротив острова Самоса в Лидии был город Анаи, где особенно чтилась Артемида. Анаитида — персидское божество, чтившееся в Армении, Мидии, Каппадокии, отождествлялось с греческой Афродитой или Артемидой.

[16] Селевк I — полководец Александра Македонского. После смерти Александра получил наместничество в Вавилоне (321 г. до н. э.). Через не-

сколько лет, покорив всю верхнюю Азию, присвоил себе царский титул. Он присоединил к своему царству Сирию, Месопотамию, Армению.

[17] Город, названный так в честь матери Селевка I.

[18] Астрабак, древний македонский герой, пользовался в Спарте божеским почитанием. Агид, сын Еврисфена, покорил, по преданию, коренных жителей Лаконии — гелотов. По его имени одна из двух царствующих линий в Спарте стала называться агиадами.

[19] Лимны, Киносуры, Месоя, Питана — районы города Спарты.

ДИОНИСИЙ ПЕРИЭГЕТ

ПРОЛОГ К «ОПИСАНИЮ ОЙКУМЕНЫ»

[1] Гадес — торговый приморский город на южном побережье Испании, основанный финикийцами. Теперь Кадис.

[2] Каноб — кормчий корабля, на котором Менелай, возвращаясь из Трои, долго скитался по морю и не мог нигде пристать к берегу. Наконец, благодаря искусству Каноба, корабль пристал в Нижнем Египте, близ будущей Александрии. Каноба здесь настигла смерть. Менелай построил на этом месте город и храм, назвав город именем своего кормчего.

[3] Т. е. из стран, расположенных к северу от Понта Эвксинского.

[4] Меотийские топи — так называлась северо-восточная часть Понта Эвксинского от живших по его берегу меотов. Теперь это Азовское море. В древности были неверные представления о его размерах и предполагалось, что Меотида — часть Великого северного Океана. Ошибочность этих мнений была доказана во время походов Александра Македонского.

МАРК АВРЕЛИЙ

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

[1] Марк Анний Вер — дед Марка Аврелия с материнской стороны, римский сенатор, дважды консул.

[2] Отец Марка Аврелия — Публий Анний Вер, претор.

[3] Мать Марка Аврелия — Домиция Луцилла, дочь Кальвизия Тулла, бывшего дважды консулом.

[4] Прадед Марка Аврелия — Катилий Север, был дважды консулом.

[5] Может быть, имеется в виду стоик Аполлоний Халкедонский.

[6] Зеленые и голубые — партии на конских состязаниях, называемые так по цвету одежды наездников.

[7] Диогнет — учитель живописи Марка Аврелия. О нем упоминает Капитолин («Жизнеописание Марка», IV, 9).

[8] Разведение перепелов — модное в то время увлечение.

[9] Как сообщает Капитолин, Марк уже с двенадцати лет вел аскетический образ жизни, рекомендуемый стоическим учением («Жизнеописание Марка», 1).

[10] Юний Рустик — философ-стоик, один из учителей Марка Аврелия, пользующийся особым его расположением.

[11] Стóла — длинная туника с рукавами, одежда римских матрон, иногда носилась мужчинами.

[12] Синуесса — город в Лации на границе Кампании.

[13] Эпиктет — философ-стоик, особенно почитаемый Марком Аврелием. Жил в конце I — начале II в. н. э.

[14] Аполлоний Халкедонский — философ-стоик, учитель Марка Аврелия.

[15] Секст Херонейский — философ-стоик, племянник Плутарха (Капитолин, «Жизнеописание Марка», 3).

[16] «Дом, руководимый отцом семейства» — один из символов мироздания в стоическом учении.

[17] Александр Котиенский — родом из Фригии, учитель греческой грамматики Марка Аврелия (Капитолин, «Жизнеописание Марка», 2). Из его трудов известен комментарий к поэмам Гомера.

[18] Марк Корнелий Фронтон — знаменитый ритор, учитель Марка Аврелия.

[19] Александр — по свидетельству Филострата, секретарь Марка Аврелия.

[20] Цинна Катул — стоический философ, упоминаемый Капитолином («Жизнеописание Марка», 3).

[21] Домиций — имя неизвестное. Атенодот — по-видимому, философ-стоик. О нем как о своем учителе вспоминает Фронтон («К Марку Цезарю», IV, 12; «К Веру», I, 1).

[22] У Марка Аврелия не было братьев по имени Север. Некоторые издатели полагают, что здесь ошибка в тексте и предлагают читать φιλόν — «другу» вместо ἀδελφον. Тогда можно предположить, что речь идет о перипатетике Клавдии Севере, учителе Марка (Капитолин, «Жизнеописание Марка», 3).

[23] Тразея Пет и Гельвидий Приск — римляне, известные своими республиканскими симпатиями, преследовались Нероном. Катон Утический — участник гражданских войн конца республики. Марк Брут — убийца Юлия Цезаря. Дион, друг Платона, ниспроверг тиранию в Сиракузах.

[24] Клавдий Максим — философ-стоик, учитель Марка Аврелия (Капитолин, «Жизнеописание Марка», 3).

[25] Здесь Марк Аврелий имеет в виду своего приемного отца, императора Антонина Пия.

[26] Лорий — небольшой город на границе Этрурии и Лация, любимая резиденция Антонина Пия. Ланувий и Тускул — города Лация.

[27] Ксенофонт, «Воспоминания», I, 3.

[28] По единогласному свидетельству источников, Фаустина, жена Марка Аврелия и дочь Антонина Пия, напротив, вовсе не отличалась благонравным поведением и высокими душевными качествами.

[29] Каэта — город и гавань в Кампании.

[30] Леоннат — друг и соратник Александра Македонского. Какие имеются в виду Цезон и Валез — неизвестно.

[31] Гай — Юлий Цезарь.

[32] «О Киферон!» — Софокл, «Эдип-царь», стих 1391.

ДИОН КАССИЙ

РИМСКАЯ ИСТОРИЯ

[1] Имеется в виду битва при Акции в 31 г. до н. э.

[2] Пинарий Скарп — родственник Цезаря, был назначен Антонием правителем Африки, но впоследствии перешел на сторону Октавиана.

[3] Октавиан.

[4] Кизик — приморский город во Фригии, игравший видную роль в торговле.

[5] Аминт, царь Галатии в I в. до н. э., сначала был на стороне Антония, но после битвы при Акции перешел на сторону Октавиана.

[6] Таркондимот — киликийский царь, в битве при Акции сражался на стороне Антония, потом перешел к Октавиану и безрезультатно пытал-

ся воспрепятствовать переходу через Киликию преданных Антонию гладиаторов.

[7] Марк Валерий Мессала Корвин (64 г. до н. э.—9 г. н. э.) — известный оратор, сначала был на стороне Антония, впоследствии перешел на сторону Октавиана.

[8] Кос — остров в южной части Эгейского моря, вблизи берега Малой Азии; в древности считался посвященным богу врачевания Асклепию и был известен храмом в его честь.

[9] Паретоний — город в Африке, к западу от египетской границы, куда бежали Антоний и Клеопатра после битвы при Акции.

[10] Пелусий — город в Нижнем Египте на восточном рукаве Нила, окруженный болотами. Считался ключом Египта с востока.

[11] Ливия Друзилла, жена Октавиана Августа.

[12] Цезарион — сын Клеопатры.

[13] Дочь Клеопатры и Марка Антония, Клеопатра-Селена.

[14] Юба II, сын Юбы I — царя Нумидии.

[15] Александр, сын Марка Антония и Клеопатры, по прозванию Солнце. Птолемей — царь Мавритании, сын Юбы II и Клеопатры-Селены.

ГЕРОДИАН

ИСТОРИЯ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ МАРКА

[1] Т. е. с 31 г. н. э.

[2] Т. е. Марка Аврелия (161 г. н. э.— 180 г. н. э.).

[3] Геродиан описывает период римской истории от момента смерти Марка Аврелия (180 г. н. э.) до воцарения Гордиана III (238 г. н. э.).

[4] Матерью богов (Великой матерью) называлась Рея, или Кибела. В Греции важнейшим местом ее культа был остров Крит, в Азии город Пессинунт. В Риме праздник в честь Великой матери назывался Мегалезиями и справлялся в начале апреля.

[5] Слово «Пессинунт» в данном толковании связывается со сходным по звучанию греческим словом «песейн» — упасть.

[6] В конце III в. до н. э., после разгрома Ганнибала.

[7] Ср. Тит Ливий, XXIX, 10—11.

[8] Осроенское царство со столицей в городе Осрое находилось в северо-западной части Месопотамии. Парфия в 226 г. н. э. была покорена основателем ново-персидского царства Артаксерксом, против которого воевал Александр Север во время восточного похода 231—232 гг. н. э.

[9] Различные фракийские племена населяли обширную территорию к северу от Греции. На их воинственность указывал еще Вергилий, называя их «марсовыми» («Энеида», III, 13).

[10] Мать Александра, Мамея, пользовалась большим влиянием в государстве.

[11] Александр Север правил с 222 г. н. э. по 235 г. н. э.

[12] Гай Юлий Вер Максимин, фракиец, был провозглашен императором в 235 г. н. э.

[13] В 238 г. н. э. проконсул Африки Марк Антоний Гордиан (158—238 н. э.) был провозглашен императором. Сенат перешел на его сторону.

[14] Максимин находился в то время в Германии.

[15] Максимин говорит о Гордиане, которому было тогда 80 лет.

[16] Виталиан — префект преторианской гвардии в Риме, доказавший своей жестокостью преданность Максимину, был убит с согласия сената. Его гибель была воспринята в Риме как освобождение.

[17] Аквилея — город в верхней Италии, через который проходили дороги в северные и восточные страны. Со времен Марка Аврелия Аквилея была первой крепостью империи; город этот удерживал варваров от вторжения на полуостров и ко времени Максимина был необычайно богат.

ДИОГЕН ЛАЭРТСКИЙ

ЖИЗНЬ И УЧЕНИЯ ЗНАМЕНИТЫХ ФИЛОСОФОВ

[1] Писателей и философов по имени Эсхин было несколько; по-видимому, речь идет об ученике Сократа, сверстнике Аристиппа.

[2] Ученик Аристотеля, историк; написал сочинение «О сократиках», на которое и ссылается Диоген.

[3] Божественный голос, запрещающий человеку те или иные поступки; на него часто ссылался Сократ.

[4] «Воспоминания о Сократе», II, 1.

[5] Неизвестно, о каком из многочисленных философов, носивших это имя, говорится здесь.

[6] В жизнеописании Платона (III, 36): «Платон враждовал также и с Аристиппом: во всяком случае, в диалоге „О душе" он клеветнически уверяет, что Аристипп не присутствовал при кончине Сократа, хотя и находился в это время на Эгине, т. е. совсем неподалеку». «О душе» — другое название диалога «Федон»; см. «Федон», 59 с.

[7] Речь идет о Дионисии Младшем, правившем Сицилией в 367—357 и 346—343 гг. до н. э.

[8] Тимон из Флиунта — скептический философ, врач, оратор и поэт конца III в. до н. э.; цитата из его несохранившегося сатирического произведения «Силлы», широко используемого Диогеном (или его источниками).

[9] Намек на учение Аристиппа об ощущении («внутреннем осязании»).

[10] Плащ из тонкой шерсти; носить его считалось признаком изнеженности.

[11] Эта мысль приписывается также и Антисфену.

[12] В тексте интерполяция: «и занимается гимнастикой».

[13] Сидения в греческих театрах были каменные.

[14] По Плутарху («О воспитании детей») — тысячу драхм.

[15] По Афинею (XIII, 6), это был Диоген.

[16] Ставшее нарицательным имя двух коринфских гетер IV в. Речь идет о старшей из них. Ее любовником считался также и Диоген.

[17] Сотион — александрийский перипатетик начала II в. до н. э.; он первый стал изучать биографии философов отдельно от биографий остальных великих людей. «Преемства» — обычное название работ по истории философских школ с их сменяющими друг друга руководителями.

[18] Харонд неизвестен; Федон — ученик Сократа, основатель элидской сократической школы, персонаж известного диалога Платона.

[19] Софист Поликсен жил при дворе Дионисия; известен из писем, приписываемых Платону.

[20] Философ-киник конца IV в., известный атеист; родом из Скифии.

[21] Еврипид, «Вакханки», 836 (пер. И. Анненского).

[22] Еврипид, «Вакханки», 317 (пер. Ф. Зелинского).

[23] Такое сравнение приписывается также Биону.

[24] Аристон Хиосский, стоик, ученик Зенона, учивший в Афинах в первой половине III в. до н. э.

[25] В подлиннике игра слов: παιδεία («учение») и παιδία («забава»).

[26] Стихи из неизвестной трагедии Софокла (пер. Ф. Зелинского). Плутарх («О том, как слушать поэтов», 12; «Помпей», 78) приписывает это изменение Зенону.

[27] Диокл из Магнесии — философ I в. до н. э., близкий к киникам, друг поэта Мелеагра; его сочинение о философах, по-видимому, было одним из основных источников Диогена.

[28] Диоген перечисляет только 23 диалога; пропущены сочинение «О физиках», упоминаемое им в биографии Пифагора, и «О древней роскоши», упоминаемое в биографиях Периандра и Сократа.

[29] Сосикрат Родосский, живший во II в. до н. э., автор сочинения о «Преемствах», на которое Диоген неоднократно ссылается.

[30] О Гегесии, Анникериде и Феодоре-безбожнике говорится далее в биографии Аристида; Федону посвящена следующая биография.

[31] Анахронизм: современник Аристиппа не мог происходить из города, основанного Птолемеями.

[32] Историк, живший, по-видимому, в конце III в. до н. э. и известный только по ссылкам Диогена Лаэртского на это сочинение.

[33] «Френос» — составная часть многих классических трагедий.

[34] Философ-киник и поэт, родом из Гадары в Сирии, жил в I в. до н. э., писал сатиры в духе Менипла и эпиграммы; составил первую греческую антологию.

[35] Клитомах из Карфагена (вторая половина II в. до н. э.), ученик Карнеада, видный философ новой Академии.

[36] Неизвестен; может быть, тождествен с одноименным философом мегарской школы (IV в.). По-видимому, он же упоминается далее под именем Евбула.

[37] По-гречески одно и то же слово обозначает «монету» и «общественное установление, обычай».

[38] Ученик Сократа, основоположник кинической философии.

[39] Портик Зевса находился на афинской агоре (главной площади). «Помпейон» называлось здание возле Дипилонских ворот, где находился склад принадлежностей для торжественных процессий.

[40] Простат — покровитель метэков. Об Афинодоре ничего не известно; может быть, следует читать «Олимпиодор» — афинский полководец в войне против Деметрия Полиоркета в 287 г. до н. э. Полиект — имя нескольких афинских политиков и ораторов эпохи Демосфена. Лисаний — по-видимому, александрийский грамматик III в. до н. э., учитель Эратосфена.

[41] Метроон — храм матери богов на афинской агоре.

[42] Ученик Сократа, основатель мегарской сократической школы.

[43] Плоды оливкового дерева были дешевым общераспространенным кушаньем. В Аттике культура оливок была особенно развита и находилась под покровительством государства.

[44] Современник императора Адриана, знаменитый ритор из Арелате, друг Фронтона и Плутарха; его «Разнообразные рассказы», сочинение энциклопедического характера, было одним из основных источников Диогена Лаэртского.

[45] Упражнение в палестре, служившее для подготовки к состязаниям.

[46] Возможный вариант перевода: «Он хвалил тех, кто хотел жениться, и тех, кто не хотел жениться, тех, кто хотел путешествовать, и тех, кто не хотел путешествовать», и т. д.

[47] Менипп Гадарский, известный философ-киник первой половины III в. до н. э., автор сатир, которым впоследствии подражал Лукиан. В перечне его сочинений, приводимом у Диогена Лаэртского, «Продажа Диогена» не названа.

[48] Эта версия противоречит приводимой далее, согласно которой Диоген был современником установления македонской власти в Греции и умер одновременно с Александром.

[49] Гекатон Родосский, стоик II—I вв. до н. э., ученик Панэтия, автор сочинений этического содержания.

[50] Афинский квартал, где жили бедняки.

[51] Еврипид, «Медея», 410.

[52] Отрывок из неизвестной трагедии.

[53] Известный софизм, изобретение которого приписывается Евклиду Мегарскому: «То, чего ты не потерял, ты имеешь; ты не терял рогов; следовательно, ты имеешь рога».

[54] Намек на то, что Диоген, поплатившийся продажей в рабство за свою поездку в Сицилию, тем не менее ездил туда во второй и в третий раз.

[55] Кожаные чепраки защищали шерсть тонкорунных овец от колючек.

[56] Известный афинский богач, политический деятель, противник Демосфена. Имеется в виду стол менялы, заимодавца.

[57] Кулачные бойцы перед боем обвязывали руки ремнями для силы удара.

[58] Дионисий из Гераклеи (первая половина III в. до н. э.) — ученик Зенона, впоследствии примкнувший к киренаикам и прозванный Перебежчиком.

[59] Пердикка — один из диадохов, принявший верховную власть после смерти Александра Великого.

[60] Иеромнемоны — блюстители храмовой казны.

[61] Историк, родственник Аристотеля, сопровождавший Александра в восточном походе и казненный им по обвинению в заговоре.

[62] Ученик Диогена, ближе неизвестный.

[63] Плутарх приписывает это изречение Антифонту.

[64] Изречение приписывается также Биону.

[65] «Колодцем» называлось одно из отделений (дикастериев) афинского суда.

[66] В подлиннике игра слов: ἀλειμμάτιον — «притирание», ἀλλ' ἱμάτιον — «другой плащ».

[67] «Илиада», X, 387 (пер. В. Вересаева).

[68] Сходное изречение приписывается Фалесу Милетскому.

[69] Еврипид, «Финикиянки», 40.

[70] Пародированный стих «Илиады», V, 366.

[71] Мальтийские собаки были маленькие и ласковые, молосские охотничьи псы отличались свирепостью.

[72] Т. е. на один раз, а не впрок на всю жизнь.

[73] «Илиада», V, 83 и в других местах.

[74] Полководец Александра Македонского, после его смерти — союзник Антипатра, правителя Македонии; рассказ о его сношениях с Диогеном — по-видимому, анахронизм.

[75] Известный ритор середины IV в.; его учебник «Риторика к Александру» сохранился под именем Аристотеля.

[76] Пещера на острове Самофракии, посвященная Гекате, куда приносили свои дары люди, спасшиеся от смертельной опасности.

[77] Философ-атомист, последователь Демокрита, современник Перикла: известен как безбожник.

[78] Знаменитая гетера, любовница ваятеля Праксителя и оратора Гиперида.

[79] Элиан («Разные рассказы», XII, 58) сообщает, что это был упоминавшийся выше Диоксипп.

[80] В подлиннике другая игра слов: λαβή — «повод к чему-либо» и «рукоятка кинжала».

[81] Изречение приписывается также Платону.

[82] «Илиада», III, 65 (пер. Н. Гнедича).

[83] Изречение приписывается также Катону Старшему.

[84] Буквальное значение слова ἀνδράποδον.

[85] «Одиссея», I, 157 (пер. В. Жуковского).

[86] Такой поступок приписывается также кифаристу Стратонику, известному шутнику.

[87] Игра слов: κόρη по-гречески обозначает и «девушку» и «зрачок глаза».

[88] Изречение приписывается также кифаристу Стратонику.

[89] Пасифонт — философ эретрийской школы, ученик Менедема.

[90] Цицерон («О природе богов», III, 34, 83) называет его Гарпалом.

[91] По-видимому, философ-киник, упомянутый Диогеном Лаэртским среди учеников киника Метрокла.

[92] Впоследствии этот Онесикрит сопровождал Александра в восточном походе, посетил индийских мудрецов, участвовал в плавании Неарха по Индийскому океану; его сочинение о деяниях Александра не сохранилось.

[93] Ученик Евклида, один из виднейших представителей мегарской школы.

[94] Лирический поэт второй половины III в. до н. э. В рукописях интерполяция: «или с Крита».

[95] «Диоген» буквально значит «рожденный Зевсом».

[96] Может быть, родосский историк, упоминаемый Полибием.

[97] В подлиннике добавлено: «в прокелевсматическом размере» — размер, состоящий из одних кратких слогов и не поддающийся точной передаче на русский язык.

[98] «Братья» — собаки; слова «а по другим... в Илисс» — по-видимому, неудачная вставка (Илисс— река в Аттике, а Диоген умер в Коринфе).

[99] 113-я олимпиада 324—321 гг. до н. э. Александр умер 11 июня 323 г.

[100] Перипатетик (II в. до н. э.), автор жизнеописаний политиков, поэтов и ученых.

[101] Может быть, Афинодор из Тарса, стоик, учитель Октавиана Августа.

ФИЛОСТРАТ

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ СОФИСТОВ

[1] Тритонида — одно из названий Афины Паллады; происходит от имени бога реки Тритона в Беотии, у которого воспитывалась Афина.

[2] Горгий прибыл в Афины в 427 г. до н. э. в качестве посла от своего родного города. Позднее он объехал всю Грецию, и всюду его красноречие доставляло ему славу. Умер в Фессалии около 375 г.до н. э. Эсхин — противник Демосфена, защитник политики Филиппа Македонского. В 330 г. до н. э. потерпел поражение, выступая в суде против Демосфена, и отправился в добровольное изгнание на остров Родос.

[3] Пифон Византийский — оратор IV в. до н. э. был послан Филиппом Македонским в эллинские города с заданием склонить эллинов к подчинению Македонии.

[4] Неточность в повествовании Филострата: тиранн Галикарнасса Мавзол умер в 352 г. до н. э., т. е. до прибытия туда Эсхина.

[5] Продик родился на острове Кеосе. В Афинах, куда он прибыл по делам отца, красноречие его вызвало восторженное восхищение. Он был в близких отношениях с Сократом, Фукидидом, Эврипидом. Речи его не сохранились.

[6] О певце Фамире упоминает Гомер («Илиада», II, 594—598):

...Некогда музы,
Встретив Фамира Фракийского, песнями славного мужа,
Дара лишили: идя от Эврита, царя Эвхалиян,
Гордый, хвалиться дерзал, что победу похитит он в песнях,
Если и музы при нем воспоют, Эгиоховы дщери.

[7] Агафон родился около 448 г. до н. э. Был другом Еврипида и Платона. Аристотель упоминает о нем в «Поэтике». От его трагедий сохранились лишь незначительные фрагменты.

[8] Т. е. произнесенной во время Пифийских празднеств, которые устраивались в Дельфах в честь Аполлона. Первоначально это празднество заключалось в музыкальном состязании, затем были присоединены ристания и гимнастические состязания. Время первой пифиады относят к 586 г. до н. э.

[9] Во 2-й половине V в. до н. э. вся Греция была охвачена огнем междоусобных войн.

[10] Демокрит (род. между 470 и 460 г. до н. э.) родился в том же городе, но он лет на 20 моложе Протагора (480 г. до н. э.) и, следовательно, не мог быть его учителем.

[11] 480 г. до н. э.

[12] Эакиды — потомки мифического Эака, сына Зевса и Эгины. Многочисленные представители этого рода, возводившие свое происхождение к Эаку, жили на Саламине, в Фессалии, на острове Эгине. К эакидам принадлежал Мильтиад. Эакидами считались Ахилл и Аянт.

[13] Имеются в виду греко-персидские войны (500—449 гг. до н. э.). С именем Мильтиада связана победа над персами на Марафонской равнине в 490 г. Сын Мильтиада, Кимон, разбил персов в Памфилии при реке Эвримедонте.

[14] Алоады — сыновья Ифимедеи и Алоея, гиганты, грозившие самим богам в небесах. Они заковали в цепи бога войны Ареса и 13 месяцев держали его в медном сосуде, пока Гермес не освободил его («Илиада», V, 3, 85—90).

[15] Нерва правил с 96 по 98 г. н. э.

[16] Адриан правил с 117 по 138 г. н. э.

[17] Панафинейский стадион, устроенный для панафинейских игр, был отделан мрамором на средства Герода Аттика. Находился в северо-восточной части Афин.

[18] Софист Полемон (ок. 97—153 г. н. э.). При императоре Траяне и его преемниках славился как ритор. Фаворин — ритор, ученик Диона Хрисостома, был дружен с Плутархом и Фронтоном, писал на греческом языке. Сочинения его носят энциклопедический характер: «Всеобщая история», «Воспоминания». Скопелиан был первосвященником в Азии, сочинял поэмы, трагедии. В Афинах отец софиста Герода был связан с ним узами гостеприимства. Секунд Афинский был «знающим, но не красноречивым» софистом (Филострат, «Жизнь софистов», I, 26).

[19] Про критика (т. е. грамматика) Феагена известно лишь то, что он был учителем Герода. Траллы — значительный торговый город в Карии. Мунатий занимался исследованием Феокрита. Тавр — платоник II в. н. э., учитель Герода и Авла Геллия, комментатор Платона.

[20] По эллинистическому «Канону десяти аттических ораторов», самыми лучшими ораторами считались 10 человек: Антифонт, Андокид, Лисий, Исократ, Исей, Гиперид, Демосфен, Эсхин, Ликург, Динарх.

[21] После падения города Олинфа (348 г. до н. э.) Демосфен в числе других членов посольства был послан афинянами к Филиппу для переговоров о мире. В 346 г. был заключен мир между афинянами и Македонией, по условиям которого фракийское побережье оставалось за Македонией.

[22] «...как голос Афины» — поговорка, выражающая признание чьей-либо правоты. Ср. слова Афины в «Евменидах» Эсхила (ст. 737—738):

Мне все решить. Последний голос — голос мой,
И за Ореста я кладу свой камешек.

(Пер. С. Апта)

[23] Антиох — софист из Киликии. См. Филострат, «Жизнеописания софистов», II, 4.

[24] Т. е. с императором Марком Аврелием.

[25] Филагр — софист из Киликии. См. Филострат, «Жизнеописания софистов», II, 8.

АФИНЕЙ

ПИРУЮЩИЕ СОФИСТЫ

[1] Обращение к Тимократу наводит на мысль о платоновском «Федоне», где собеседником Федона выведен Эхекрат.

[2] «К пиру» (δεῖπνῳ) — конъектура Кайбеля.

[3] Мазурий Сабин — римский юрист середины I в. н. э.

[4] Архилох — древнейший ямбический поэт (VII в. до н. э.).

[5] Кинулк — вымышленное имя, буквально «влекущий за собой собак или киников». В следующей фразе очевидна ироническая игра слов: упоминая собак (по-гречески «кинес») Телемака («Одиссея», XVII, 62) и Актеона, автор подразумевает философов-киников, окружавших Кинулка.

[6] Ульпиан из Тира (конец II — начало III в. н. э.) — знаменитый римский юрист.

[7] Во время греко-персидских войн всю зиму 480 г. до н. э. персидский военачальник Мардоний стоял с войском в Фессалии. Весной 479 г. Мардоний опустошил Аттику, но вскоре под натиском соединенной армии спартанцев и афинян отступил в Беотию, где погиб в сражении при Платеях осенью 479 г.

[8] Ох — прозвище Артаксеркса III (середина IV в. до н. э.).

[9] Мегасфен — греческий географ и политический деятель. В конце IV в. до н. э. в качестве посла Селевка I провел пять лет в Индии в государстве Чандрагупты; наблюдения над экономической и административной жизнью этого государства Мегасфен описал в своей «Истории Индии» («Индика»).

[10] Знаменитому стоику Посидонию принадлежало немало исторических и географических сочинений, в том числе «История после Полибия» в 52 книгах.

[11] Николай из Дамаска (род. ок. 64 г. до н. э.) — последователь школы Аристотеля, автор сочинений «О философии Аристотеля», «Всемирной истории» в 144 книгах и «О растениях».

[12] Лелеги — догреческое кочевое племя неясного происхождения. Поселения его встречались вдоль западного побережья Греции (в Акарнании, Этолии, Элиде, Мессении, Лаконии), на Кипре и в прибрежной полосе Малой Азии. Пенесты — фессалийские рабы, которых приковывали к плугу и в таком виде заставляли обрабатывать землю. Филипп из Феангел в Карии — неизвестный историк.

[13] Эпевнакт — от греческого ἐπευνάζεσθαι — «разделять ложе»; катонакофор — «одетый в невольничье платье» (κατωνάκη). Автором «Истории Сикиона» принято считать ваятеля Менехма (Плиний, XXXIV, 80). Время его жизни относят обычно к концу IV в. до н. э. Менехма критиковал Аристотель в «Сикионской политии».

[14] Данные Афинея о количестве рабов современная наука считает преувеличенными.

[15] Ктесикл — неизвестный историк середины III в. до н. э. Приводимая здесь дата не точная (в рукописях расхождения). Возможно, что имеется в виду 309/308 г. до н. э., когда Деметрий был архонтом. Цифра 400 000

преувеличена. Приведенные цифры количества граждан и метеков учитывают лишь мужское население.

[16] Рабы Никия работали в серебряных рудниках. См. Плутарх, «Никий», IV.

[17] Суний — крепость на юге Аттики.

[18] 102—101 г. до н. э.

[19] Цецилий (I в. до н. э.— I в. н. э.) — автор многих трудов по риторике и истории, от которых до нас почти ничего не дошло. Свида приписывает Цецилию рабское происхождение и называет его уроженцем Калакты («Красивого берега») в Сицилии.

[20] Лициний Красс — см. Флор, «Сокращение римской истории», примечание 48. Восстание Евна (Евноя) в Сицилии датируется приблизительно 132—137 гг. до н. э.

[21] Речь идет о Сципионе Эмилиане Африканском Младшем — известном противнике римской роскоши, который был цензором в 142 г. до н. э. и по окончании срока цензуры был послан сенатом расследовать положение дел в Азии и Африке.

[22] Луций Аврелий Котта — консул 65 г. до н. э., друг Цицерона, перешедший впоследствии на сторону Цезаря.

[23] Сведений о жизни Хамелеона Понтийского не сохранилось.

[24] Феофраст (Теофраст, 327—287 гг. до н. э.) — ученик Аристотеля, возглавивший после его смерти школу перипатетиков. Феофрасту приписывали свыше 200 сочинений по вопросам логики, этики, риторики и целому ряду естественнонаучных проблем.

[25] Гестией Понтийский — лицо неизвестное.

[26] Муций Сцевола — римский государственный деятель начала I в. до н. э., консул 93 г. до н. э. Элий Туберон — народный трибун 129 г. до н. э. Рутилий Руф — консул 105 г. до н. э. Во время управления азиатской провинцией Рутилий Руф стремился упорядочить сбор налогов; откупщики возбудили процесс и добились несправедливого осуждения Рутилия. Закон Фанния (161 г. до н. э.) был направлен против роскоши.

[27] «Морская собака» — по-видимому рыба-меч. Плиний («Естественная история», IX, 9, 11) сравнивает «tursio» с дельфином.

[28] В 73 г. до н. э.

[29] В 63 г. до н. э.

[30] Марк Порций Катон Утический (97—46 гг. до н. э.).

[31] Кифарист лишь играл на кифаре; кифаред сопровождал свою игру пением. Стратоник (IV в. до н. э.), родом из Афин, кифарист и поэт, славился музыкальными произведениями и остротами.

[32] Фаселийцы — жители портового города Фаселиды в Памфилии (юго-запад Малой Азии). Сида — тоже город в Памфилии, т. е. жители этих городов были одинаково негодны.

[33] Эту шутку Диоген Лаэртский приписывает скифскому мудрецу Анахарсису. Она есть и в «Филогелосе».

[34] Упоминание Птолемея в данном случае — анахронизм.

[35] Игра слов: σκῆπτρον («скипетр») и πλῆκτρον («смычок»).

[36] «Илиада», XVI, 250; о мольбе Ахилла Зевсу.

[37] В подлиннике игра слов: δοκῶ («мне кажется») и δοκοί («балки»).

[38] Имя «Каллисфен» сохранилось только в схолии. Каллисфен, родом из Олинфа, известный историк IV в. до н. э., автор «Греческой истории», «Деяний Александра» и «Воспоминаний о Стратонике».

[39] Хрисогон — некий флейтист.

[40] Причина отказа — недостаточное почитание муз.

[41] Гармония — жена Кадма.

[42] Сатир — актер, родом из Олинфа, современник Демосфена. См. Плутарх, «Демосфен», VII.

[43] Тихиунт — квартал Милета.

[44] Амфион и Зет — мифические братья-близнецы, характеры которых

были очень различны: первый был склонен к искусству муз, любил песни и игру на флейте; второй — охоту и военные занятия.

[45] В подлиннике игра созвучными словами: μακεδονα εἰς Μακεδονίαν. Аристофан первый сочинил каламбур, который Афиней несколько изменил: μακεδονία — μακαρῶν νῆσοι («Лягушки», 85).

[46] В Греции существовал обычай оставлять таблички с надписями благодарственного содержания по случаю благодеяния, полученного от кого-либо.

[47] Энос — город во Фракии.

[48] В подлиннике: ἐκ του πολλοῦ ἥκειν πόντου, ὥσπερ ἐκ τοῦ ὀλέθρου.

[49] Киренейцы имели темный цвет кожи; мужчины отличались любовью к чрезмерной роскоши и легкомысленным поведением. Город женихов — т. е. кутил, повес, легкомысленных, неверных поклонников. См. Афиней, кн. VIII, 352 в., с.

[50] Женщины Коринфа славились своей распущенностью. В подлиннике намек на игру слов: Ἀκροκόρινξον — Ἀνδροκορινθον.

[51] Левкада — колония Коринфа.

[52] Игра слов: Αμβρακιώτας — Μεμβρακιώτας — от μεμβράκιον («мелкая рыбешка»).

[53] Переиначенная пословица: «Пусть каждый запевает то, что выучил».

[54] Маронея — город во Фракии; фракийцы славились как пьяницы.

[55] В подлиннике — игра созвучными словами: πόλις — μολις.

[56] Пелла — главный город в Македонии.

[57] Полиид, Филот — лица неизвестные.

[58] Сикион — главный город Сикионии в северо-восточном Пелопоннесе. Далее — игра слов: καλοδαίμον — κακοδαίμον (κάκος —«шкура»).

[59] «Одиссея», XIII, 375—381.

[60] Симонид из Кеоса, великий греческий лирик VI—V вв. до н. э. В Афинах одержал победу в состязании со знаменитыми поэтами, в числе которых был Эсхил. Последние 10 лет жизни провел в Сиракузах при дворе Гиерона. Эфор из Кум в Эолиде, ученик Исократа, историк середины IV в. до н. э.

[61] Никокл — кипрский царь IV в. до н. э. К нему были адресованы две речи Исократа — «Об искусстве управлять» и «Об обязанностях царей».

[62] Мирсил — фессалийский грамматик, лицо, вымышленное Афинеем.

[63] Работа по сбору каперсов оценивалась плохо; ею занимались очень бедные и незнатные люди.

[64] Автоклид был развратником.

[65] Харес Митиленский (IV в. до н. э.) — придворный Александра Македонского и его историограф.

[66] Гистасп — отец царя Дария I.

[67] Марафы — предполагается, что это меоты, жившие около Азовского моря, почему оно и называлось Меотида.

[68] По обычаю, на свадебном пиру жениху подносилась в дар золотая чаша, похожая на пиалу. См. Пиндар, «Олимпийские оды», VII, 1; Афиней, 504а.

[69] Около 150 км.

[70] Идоменей (IV—III вв. до н. э.) — родом из Лампсака, ученик Эпикура, философ и историк.

[71] Ксенофонт называет ее наложницей, а не гетерой («Анабасис», I, 10, 2).

[72] Персеполь — столица Персидской империи; разрушена Александром Македонским в 331 г. до н. э.

[73] Солы — город на северо-западном берегу Кипра.

[74] Птолемей Эвергет — царь Египта с 247 по 222 г. до н. э.

[75] Полибий, XIV, 11, 2.

[76] Птолемей Филопатор — египетский царь 222—205 гг. до н. э.

[77] Тимофей — знаменитый афинский полководец IVв. до н. э., отличался проницательностью ума, блестящим образованием (учился у Исократа и Платона), но в личной жизни был невоздержан и расточителен.

[78] Конон — афинский полководец V—IV вв. до н. э., сокрушил морское могущество Спарты.

[79] Филетер — родился в Тиейе, или Тионе, близ Понта, в молодости был слугой, в 284 г. до н. э. захватил крепость Пергам, впоследствии стал основателем Пергамского царства. Умер в 363 или 360 г. до н. э. Новой землей называлась область, прилегавшая к Пергаму.

[80] Каристий из Пергама, историк второй половины II в. до н. э. Пафлагония — область на северном побережье Малой Азии.

[81] Эвклид — афинский архонт 403—402 гг. до н. э., восстановивший законы Солона после свержения 30 тиранов.

[82] Закон был предложен в 403 г. до н. э.

[83] Деметрий Полиоркет — полководец и царь Македонии с 294 по 287 гг. до н. э.; умер в 283 г. до н. э.

[84] Стильпон — греческий философ IV в. до н. э., ученик Эвклида Мегарского.

[85] Эристика — искусство спора.

[86] Гиперид — аттический оратор, ученик и друг Демосфена; убит в 322 г. до н. э. Аристагор Коринфский был сначала другом Гиперида.

[87] Аристипп из Кирены (V—IV вв. до н. э.) — ученик Сократа, основатель киренской философской школы.

[88] Пирена — источник в Коринфе.

[89] Ксенофонт, «Воспоминания о Сократе», III, 11, 1.

[90] Эгина — остров в Саронической заливе, где ежегодно справлялось празднество в честь Посидона (Посейдона).

[91] Пеней — главная река Фессалии.

[92] Краний, или Краней,— гимнасий в Коринфе.

[93] Стагирит — уроженец Стагиры — города на восточном побережье Халкидики.

[94] Колофон — один из 12 крупнейших городов Малой Азии.

[95] Стесимброт с острова Фасоса, софист V в. до н. э., давал аллегорическое толкование поэмы Гомера. Его сочинение о частной жизни Фемистокла, Фукидида и Перикла имело своей целью распространить о них различные анекдоты и сплетни.

[96] Каллий — один из представителей очень богатого, древнего и знатного афинского рода, владевшего по наследству званием факелоносцев в Элевсинских мистериях.

[97] Периандр (625—585 гг. до н. э.), коринфский тиранн, один из «семи мудрецов». Далее упоминается Прокл — тиранн Эпидавра, тесть Периандра.

[98] Жительница Левкады — острова близ западного берега Акарнании.

[99] Селевк — военачальник Александра Македонского, основатель Сирийской монархии и первый ее царь с 312 по 281 г. до н. э.

[100] Алексид — поэт средней комедии, родом из Фурий, но бо́льшую часть жизни провел в Афинах.

[101] Эпаминонд (418—362 гг. до н. э.) — фиванский полководец и государственный деятель, победитель Спарты в битве при Левктрах в 371 г. до н. э.; погиб в битве при Мантинее.

[102] Феспии — город в Беотии, на юго-восточном склоне горы Геликон. Евфий — неизвестный нам оратор.

[103] Дем Пентеликон в Аттике славился своим мрамором.

[104] Архидам — имя пяти царей Спарты, династия которых продолжалась с VII по III в. до н. э. Филипп I — македонский царь с 360 по 336 г. до н. э.

[105] Посидипп родом из Кассандрии в Македонии, греческий комедиограф III в. до н. э.

[106] Демад — афинский оратор IV в. до н. э., сторонник македонской партии, враг Демосфена. Казнен в 318 г. до н. э.

[107] Бион из Борисфена — философ кинической школы III в. до н. э., создатель жанра диатрибы.

[108] «Гомеровские эпиграммы», 12.

[109] Гробница — символ старости.

[110] Кипсел — тиранн Коринфа, отец Периандра. Умер в 658 г. до н. э.

[111] Алфей — река в Пелопоннесе. Паррасия — город и область в юго-западной Аркадии.

[112] Мирсил — историк из Мефимны на Лесбосе, живший, вероятно, при первых Птолемеях (IV—III вв. до н. э.).

[113] Речь грамматика Мирсила занимает приблизительно 40 страниц большого формата (571а—610в).

[114] Гиппон (V в. до н. э.), родом из Регия — философ, близкий по идеям к ионической школе, особенно к Фалесу.

[115] Тимон Флиунтский (III в. до н. э.) — философ-скептик и поэт-сатирик, осмеивавший догматизм различных философских школ.

[116] Стесихор (VI в. до н. э.), родом из Гимеры в Сицилии — греческий лирический поэт.

[117] Филарх (III в. до н. э.) — историк из Афин или Навкратиды.

[118] Лисимах (IV—III вв. до н. э.) из города Пеллы в Македонии; полководец при Александре Македонском, после его смерти принял царский титул. Основал город Лисимахию во Фракии.

АПОЛЛОДОР

БИБЛИОТЕКА

[1] Амифаон — внук Эола, основателя эолийского племени, одного из родоначальников эллинского народа.

[2] Ферет — брат Амифаона.

[3] Меламп считался в Греции древнейшим прорицателем и основателем культа Диониса.

[4] Алфей — большая река в Пелопоннесе.

[5] Абант — сын данаиды Гипермнестры, пощадившей своего жениха Линкея. То, что Аполлодор в I, 9, 2 называет отцом Идомены Ферета, а в данном случае Абанта, указывает на разные источники, которыми он пользовался.

[6] Дочери Тиринфского царя Прета прогневали богов и были наказаны тем, что в припадке безумия с мычанием, как коровы, бегали по окрестным лесам.

[7] На юге Киликии, к северу от города Корика, в скалах находилось страшное ущелье со сталактитовой пещерой.

[8] Плиний в «Естественной истории» (кн. XXV, 170 и XXVIII, 160) дает описание ядовитого растения «эфемерон», напоминающего лилию и цветущего синими цветами.

[9] «Гема» по-гречески — «кровь».

[10] Минос — древний мифический царь Крита, отец Главка.

[11] Куреты — жрецы Реи и Зевса на Крите. По критской мифологии, куреты — полубоги, которым Рея поручила младенца Зевса, когда она спасала его от Кроноса.

[12] Полиид — знаменитый прорицатель в городе Аргосе, правнук Мелампа.

[13] См. Филострат Старший, «Жизнеописание софистов», примечание 1.

[14] Электра — дочь титана Атланта. Очевидно, здесь говорится о насилии над ней Зевса, так как от Зевса у нее родились сыновья Дардан и Иазон.

[15] Палладий; — название статуи Паллады.

[16] Этим копьем и этими конями воспользовался потом во время Троянской войны сын Пелея Ахилл.

[17] Амфитрион — тиринфский царь. Микенский царь Электрион, отправляясь в поход против Птерелая, вторгшегося в его область и убившего в бою его сыновей, вручил Амфитриону свою дочь Алкмену. Амфитрион, возвращаясь из Элиды, нечаянно убил Электриона. После этого бежал с Алкменой к своему дяде Креонту в Фивы.

[18] Телебои, они же тафийцы,— древнее племя, жившее в Акарнании (область на юго-западе Балканского полуострова).

[19] Иас — сын аркадского царя Ликурга. Миний — мифический родоначальник рода миниев, богатый царь города Орхомена в Беотии.

[20] О том, как Аталанта состязалась в беге с женихами, рассказывается и у Овидия («Метаморфозы», X, 560—680). Там же говорится, что дерево с золотыми яблоками росло на Тамасейском поле на Кипре.

[21] Парфенопей принимал участие в походе «семерых против Фив», во главе которого стал сын царя Эдипа Полиник.

[22] Т. е. Темен, Кресфонт, Аристодем, считавшиеся правнуками Геракла; Аристодем был убит молнией, а его дети вместе с Темеоном и Кресфонтом напали на Пелопоннес и убили царствовавшего там Тисамена.

[23] Ср. свидетельство Павсания о том, что на знаменитой картине Полигнота в Дельфах спартанский царь Менелай изображен со змеей на щите (X, 26, 3) и что мессенский герой Аристомен избежал с помощью лисицы ямы, в которую был брошен лакедемонцами (IV, 18, 6).

[24] Аполлодор здесь приводит более поздний вариант мифа (ср. Павсаний, X, 4, 4). По более раннему варианту Прометей считался лишь благодетелем людей (ср. Эсхил, «Прометей прикованный». Растение, упоминаемое здесь, относится к роду Ferula семейства зонтичных. Это многолетнее растение с толстым стеблем около 1—3 метров высоты. Плиний («Естественная история», кн. XIII, 125) замечает, что в ферулах прекрасно сохраняется огонь.

[25] Т. е. Ифигения (ср. Антонин Либерал, «Ифигения»).

[26] Тавропола (буквально «почитаемая в Тавриде») — эпитет Артемиды (ср. Павсаний, кн. I, гл. XXXIII, и Антонин Либерал, «Ифигения»).

АНТОНИН ЛИБЕРАЛ

ПРЕВРАЩЕНИЯ

[1] Братья Елены, Кастор и Полидевк, освободили сестру, похищенную афинским царем Тесеем.

[2] Борисфен — древнее название Днепра. Фоант — царь тавров.

[3] Тавропола (от греч. ταῦρος — бык) в переводе значит «едущая на быках» или «почитаемая в Тавриде».

[4] Левке — небольшой остров на Черном море при устье Истра (Дуная), был посвящен Ахиллу, так как считалось, что там он проводил блаженную жизнь вместе с другими героями.

[5] Саламин — самый большой город на острове Кипре, основанный, по преданию, Тевкром, героем Троянской войны.

ПАЛЕФАТ

О НЕВЕРОЯТНОМ

[1] Т. е. сделанного из паросского мрамора.
[2] Миф о Тевмесской лисе — см. Аполлодор, II, 4, 6—7.
[3] Ср. Аполлодор, кн. III, гл. 9, § 2.
[4] Ср. Аполлодор, кн. III, гл. 5, § 1—2.
[5] Анфедон — самый северный прибрежный город Беотии.

АРТЕМИДОР

ТОЛКОВАНИЕ СНОВ

[1] Намек на профессиональных философов того времени.
[2] Мысль о связи сонных видений с физическим и нравственным состоянием спящего высказывалась уже Платоном («Государство», 571—572), который заставляет Сократа говорить, что излишество в пище и питье влечет за собой страшные, нелепые кошмары во сне, тогда как умеренный образ жизни просвещает ум и позволяет видеть спокойные и правдоподобные сны. Ср. Цицерон, «О гадании», I, 121. По-видимому, учение Платона через посредство Средней Стои послужило источником как для Цицерона, так и для Артемидора.
[3] Артемидор здесь пользуется термином στοιχεῖον и вкладывает в него то содержание, которое это слово имело в риторике, т. е. придает ему значение обстоятельства, определяющего результат сновидения. Таких определяющих категорий, или основных начал, Артемидор насчитывает шесть и перечисляет их в книге I, гл. 3.
[4] Игра слов: «камелос» по-гречески — «верблюд», а «каммерос» переводится как «имеющий сломанное бедро». Этимологически эти слова не родственны. Эвен — имя двух греческих элегиков с острова Пароса. От них сохранились незначительные отрывки. Неизвестно, какой именно Эвен подразумевается здесь.
[5] У Аристотеля было сочинение «О прорицании во сне».
[6] О том, что толкователи снов брались объяснять лишь те видения, которые являлись под утро, и отказывались толковать сны, которые снились в первую половину ночи, сообщает также Филострат («Жизнь Аполлония Тианского», II, 37).
[7] О том, что у фракийцев выжженные на теле знаки служили признаком благородства, упоминает Геродот (V, 6).
[8] Моссины жили в лесистых горах в юго-восточной части черноморского побережья. Они твердо держались своих обычаев, и греки считали их племенем очень грубым. Об обычае, о котором говорит здесь Артемидор, рассказывает также и Ксенофонт («Анабасис», V, 4, 34).
[9] Артемидор, очевидно, смешивает Астарту с Атаргатис, или Деркето. Сирийцы чтили богиню Деркето, которая изображалась с лицом женщины и телом рыбы. Про нее рассказывался следующий миф. Рассердившись на Деркето, Афродита заставила ее полюбить одного из юношей, совершающих жертвоприношения. От этого сирийца Деркето родила дочь. Стыдясь своего проступка, она погубила юношу, а ребенка покинула в пустынном и каменистом месте. Младенца спасли и вскормили голуби, Деркето же от горя и стыда бросилась в озеро, и ее тело превратилось в тело рыбы. По этой причине сирийцы не едят рыбы. (Диодор, II, 4). Культ же Астарты не

был связан с рыбой. Геродот (II, 37) сообщает, что египетские жрецы не должны были питаться рыбой.

[10] Эранарх — заведующий складчиной дружеского общества (нечто вроде кассы взаимопомощи), которые получили большое распространение в эпоху империи.

[11] На лицевой стороне монет обычно чеканился портрет императора.

[12] Голова становится больше — от победного венка.

[13] Эфебом назывался в древней Греции юноша, достигший 18 лет. В этом возрасте юноша давал гражданскую присягу, и его имя вносилось в гражданские списки. После этого его на два года отправляли служить на границе. В 20 лет эфеб получал право участвовать в народном собрании.

[14] С именем Нарцисса связан следующий миф. Юный охотник Нарцисс отверг влюбленную в него Эхо. В наказание за это он воспылал такою любовью к своему собственному отражению в воде источника, что не был в состоянии оторвать глаз от воды. В конце концов он превратился в цветок, носящий его имя.

[15] «Пурпурный» как эпитет смерти встречается у Гомера («Илиада», XX, 477 и др.). У Вергилия упоминаются пурпурные цветы, приносимые в дар мертвым («Энеида», VI, 884).

[16] Стратег — **высший чиновник.**

РИМСКИЕ ИСТОРИКИ И ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ

СВЕТОНИЙ

О ЗНАМЕНИТЫХ ЛЮДЯХ

[1] Фенестелла — римский историк эпохи Августа; его сочинение, излагавшее римскую историю с древнейших времен до конца республики, не сохранилось.

[2] Вторая Пуническая война закончилась в 202 г. до н. э., третья началась в 149 г. и закончилась разрушением Карфагена в 146 г.

[3] Публий Сципион Эмилиан Африканский Младший, будущий разрушитель Карфагена, его друзья Гай Лелий Младший, прозванный Мудрым, и Фурий Фил, консул 136 г.,— вожди римской либеральной аристократии, поклонники греческой культуры.

[4] Корнелий Непот, историк и поэт I в. до н. э.; сочиненное им жизнеописание Теренция не сохранилось.

[5] Порций — грамматик конца II в. до н. э., автор несохранившейся дидактической поэмы по истории римской литературы.

[6] Цецилий — комедиограф, друг Энния, по происхождению галл, считался лучшим римским комиком. От его сочинений остались лишь отрывки.

[7] О Волкации Седигите, грамматике II в. до н. э. см. примечание 115 к Авлу Геллию.

[8] Имеется в виду дидаскалия — краткие данные о времени написания и обстоятельствах постановки пьес, обычно приводившиеся при заглавии.

[9] Т. е. началу той комедии Менандра, переработкой которой являются «Братья» Теренция.

[10] Теренций, «Братья», ст. 15—21 (пер. А. В. Артюшкова).

[11] Гай Меммий — имя нескольких политических деятелей эпохи гражданских войн (наиболее известен народный трибун 66 г. до н. э., приятель Цицерона и покровитель Лукреция и Катулла). Кто из них имеется здесь в виду, неясно.

[12] 1 марта — день женского праздника Матроналий.

[13] Теренций, «Самоистязатель», ст. 722 (пер. А. В. Артюшкова).

[14] Филолог и поэт I в. до н. э.

[15] Гай Сульпиций Галл — консул 166 г. до н. э., участник войны с Персеем Македонским; о его учености не раз с похвалой отзывается Цицерон. Квин Фабий Лабеон был консулом в 183 г., Марк Попилий Ленат — в 173 г.

[16] Квинт Косконий — грамматик, упоминаемый также Варроном («О латинском языке», VI, 36 и 89).

[17] В 159 г. до н. э.

[18] Около пяти гектаров.

[19] Афраний — комедиограф начала I в. до н. э., автор тогат — комедий из римской жизни. «Компиталии» — название весеннего праздника в честь домашних богов Ларов.

[20] «Луг» — перевод греческого слова Λειμών, обычно служившего заглавием для сборников смешанного содержания. Это сочинение Цицерона известно лишь в отрывках. Одинаковое начало этого отрывка Цицерона и последующего отрывка Цезаря заставляет думать, что в основе их лежат какие-то школьные стихотворные упражнения.

[21] 15 октября 70 г. до н. э.

[22] По традиции Анды отождествляются с нынешним местечком Пьетоле близ Мантуи. Однако вопрос этот спорный: в жизнеописании Вергилия, приписываемом Валерию Пробу, говорится, что Анды находятся в 30 милях (свыше 50 км) от Мантуи.

[23] 15 октября 55 г. Упоминание о смерти Лукреция вряд ли достоверно.

[24] Сервий (комментарий к «Буколикам», II, 15) говорит, что эту рабыню подарил Вергилию Меценат, и что Вергилий воспел ее в эклогах под именем Амаоиллиды.

[25] Асконий Педиан — грамматик эпохи Нерона, известный комментатор Цицерона, автор несохранившегося сочинения против порицателей Вергилия, на которое ссылается Светоний ниже.

[26] Варий — член кружка Мецената, драматический и эпический поэт, близкий друг Вергилия.

[27] По-гречески «девушка».

[28] В Кампании у Вергилия было поместье возле Нолы (см. анекдот о ссоре поэта с ноланцами у Геллия, VI, 20); подолгу жил он и в Неаполе, где посещал школу философа-эпикурейца Сирона (см. жизнеописание, приписываемое Пробу).

[29] «Буколики», эклога 5.

[30] Гай Мелисс, вольноотпущенник Мецената, грамматик и комедиограф эпохи Августа, заведовавший библиотекой в портике Октавии. О нем см. Светоний, «О грамматиках», 21.

[31] По-видимому, владелец школы гладиаторов.

[32] Все эти произведения вместе с упоминаемой далее «Этной» составляют так называемое «Дополнение к Вергилию» («Appendix Vergiliana»). Относительно принадлежности этих произведений Вергилию мнения современных ученых расходятся.

[33] «Комар», ст. 412—413.

[34] Ср. примечание Сервия к стиху «Стал воспевать я царей и бои» («Буколики», VI, 3): «имеет в виду или „Энеиду", или деяния альбанских царей, описывать которые он взялся было, но не решился, устрашившись грубости имен».

[35] В эпоху гражданских войн полководцы, распуская солдат после победы, наделяли их земельными участками; разделу подвергались земли общин, сочувствовавших побежденной партии. Юрист Альфен Вар и поэты Асиний Поллион и Корнелий Галл были в это время должностными лицами Октавиана, производившими такой раздел в северной Италии. Пад — река По.

[36] Об этом поверье подробнее — Геллий, XVII, 10, 2: «Друзья и близкие Вергилия... сообщают, что он обычно говорил, что рождает свои стихи наподобие медведицы: как это животное производит детенышей бесформен-

ных и безобразных, а затем, облизывая, уже рожденным придает вид и облик, так и плоды его дарования тотчас после рождения бывают грубы и несовершенны, и лишь потом, отделывая их и обрабатывая, он им придает черты лица и выразительность».

[37] В 42—39, 37—30 и 29—19 гг. до н. э.

[38] Летом 29 г. Ателла — город в Кампании.

[39] Юлий Монтан — друг императора Тиберия, ритор и поэт, славившийся описаниями закатов и восходов. О нем упоминает Сенека — ритор, писатель времени Августа и Тиберия; но в сохранившейся части сочинения Сенеки такого эпизода нет.

[40] Проперций, III, 34, 65 (пер. А. Фета).

[41] Август находился в походе против испанского племени кантабров с 27 до весны 24 г. до н. э.

[42] Отрывок из ответного письма Вергилия приводит Макробий, «Сатурналии», I, 24, 11; «Письмо самого Марона, с которым он обращается к Августу, начинается так: «Действительно, я часто получаю твои письма...» и далее: «Что же касается моего Энея, то, клянусь, будь он уже достоин твоего слуха, я с радостью послал бы его тебе; но предмет, к которому я приступил, таков, что порою, особенно, когда я предаюсь (как знаешь) другим занятиям, очень важным для моего замысла,— кажется мне, что неразумием было браться за столь великое предприятие».

[43] Октавия — сестра Августа; сын ее Марцелл, которого Август усыновил и хотел оставить наследником, умер юношей в 23 г. до н. э.

[44] «Энеида», VI, 884 (все цитаты из «Энеиды» — в переводе В. Брюсова с незначительными изменениями).

[45] «Энеида», VI, 164—165.

[46] 21 сентября 19 г. до н. э.

[47] Калабры — италийское племя, населявшее окрестности Брундизия. Парфенопея — греческое название Неаполя. «Пастбища» — намек на «Буколики», «села» — на «Георгики», «вождей» — на «Энеиду».

[48] Плотий Тукка — друг Вергилия и Вария, член кружка Мецената. О его литературной деятельности ничего не известно.

[49] Гай Сульпиций Аполлинарий, младший современник Светония, известный грамматик, учитель Авла Геллия.

[50] «Энеида», III, 320. В рукописях этот стих имеет продолжение: «...родила счастливой Креуса».

[51] Текст Рейффершейда. Грамматик Нис — лицо неизвестное. События, описанные во II и III книгах «Энеиды», предшествуют событиям, описанным в I книге,— отсюда и толки о мнимой перестановке этих книг.

[52] О нем, как и о других «порицателях Вергилия», больше ничего не известно.

[53] Пародии на начальные стихи I и III эклог Вергилия:

Титир, ты, что лежишь под покровом ветвистого бука...

(«Буколики», I, 1)

«Молви, Дамет: кого это стадо? ужель Мелибея?» —
«Нет, ибо дал его мне Эгон: это стадо Эгона».

(«Буколики», III, 1—2)

В первом случае пародируется выражение «под покровом бука» («sub tegmine fagi»), во втором — простонародная форма «кого это стадо» вместо «чье это стадо» («cuium pecus» вместо «cuius pecus»). Сервий приводит насмешку еще над одним стихом Вергилия («В дело пускайте волов, мужи: ячменя засевайте» — «Георгики», I, 210):

Тот, кто сказал «ячменя», тот должен сказать и «пшеницы».

Здесь пародист оспаривает форму множественного числа «ячменя» («hordea»).

[54] «Георгики», I, 299 (полустишие заимствовано из поэмы Гесиода «Труды и дни», 391).

[55] По-видимому, Марк Випсаний Агриппа (умер в 12 г. до н. э.), полководец и политический деятель, ближайший помощник Августа, автор географических и технических сочинений.

[56] Пренебрежительное обозначение поисков формальной новизны, бытовавшее в эпоху Августа. Ср. Светоний, «Божественный Август», гл. 86: Август «одинаково презирал как „пустозвонов", так и „старьевщиков"» («cacozelos et antiquarios») с их противоположными недостатками».

[57] Понятие заимствования понималось в древности очень широко: так, IV книга «Энеиды» целиком считалась заимствованной у Аполлония Родосского только потому, что описание любовной страсти Дидоны напоминает описание любовной страсти Медеи в поэме последнего «Аргонавтика».

[58] В 43—42 гг. до н. э., когда Гораций учился в Афинах. Битва при Филиппах произошла в октябре 42 г. Звание военного трибуна имели командиры легионов.

[59] Нинний — лицо неизвестное. Текст рукописей испорчен. Может быть, следует читать: «Окажусь худощавей жеребенка».

[60] На празднествах 17 г. до н. э.

[61] «Оды», IX, 4 и 14.

[62] «Беседы» («Sermones») — общее название сатир и посланий Горация.

[63] «Послания», II, 1, 1—4 (пер. Н. С. Гинцбурга).

[64] См. «Послания», I, 20, 24 слл.

[65] Секстарий — мера сыпучих тел, около 0,5 л. Смысл шутки неясен: по-видимому, Август намекает на форму сосуда соответственного объема.

[66] Очевидно, позднейшие школьные композиции.

[67] 8 декабря 65 г. до н. э.

[68] 27 ноября 8 г. до н. э.

[69] 4 декабря 34 г. н. э.

[70] 24 ноября 62 г. н. э.

[71] О Реммии Палемоне Светоний говорит в книге «О грамматиках», изображая его человеком очень талантливым, заносчивым и развратным. На Вергиния Флава с большим уважением ссылается Квинтилиан (VII, 4, 40 и др.); известность этого ритора была такова, что Нерон, ревнуя к его славе, изгнал его из Рима около 65 г. (Тацит, «Анналы», XII, 71).

[72] Луций Анней Корнут из Лептиса, видный представитель римского стоицизма, автор сочинений по философии, риторике и грамматике, до нас почти не сохранившихся. Был изгнан Нероном из Рима около 65 г.

[73] Цезий Басс — лирический поэт; Квинтилиан ставил его на второе место после Горация среди римских лириков. Погиб при извержении Везувия в 79 г. Его сочинения не сохранились. Кальпурний Статура ближе неизвестен.

[74] Консул 35 г. н. э., политический деятель, оратор и историк; Тацит с похвалой отзывается о его нравственности. Умер в 59 г.

[75] В рукописях — неуместное дополнение: «Ибо Корнут был поэтом-трагиком того времени, оставившим также книги по философии».

[76] Оба эти лица упоминаются только здесь. Может быть, Агатурн тождествен с Агатином, врачом эклектической школы, о котором упоминает Гален (XIX, 353 и др.).

[77] Тразея Пет — сенатор, вождь пассивной оппозиции правительству Нерона, пользовавшийся громкой славой за твердость духа и незыблемость убеждений. Погиб в 66 г.

[78] Хрисипп (280—206 гг. до н. э.) — греческий философ-стоик, придавший окончательную форму учениям Старшей Стои; славился обилием своих сочинений.

[79] Неясность: в остальных местах упоминается только одна сестра.

[80] Сборник шести сатир, предисловием к которому служила эта биография.

[81] Претекста — трагедия из римской истории. Заглавие трагедии в рукописи испорчено.

[82] Аррия Старшая, жена Цецины Пета, приговоренного в 42 г. к самоубийству за участие в заговоре против императора Клавдия. Видя, что ее муж колеблется, она первая поразила себя кинжалом, и затем протянула его мужу со словами: «Это не больно, Пет!».

[83] Сатиры, I, 120—121.

[84] «Неронии» — состязания музыкально-поэтические, гимнастические и скаковые, учрежденные Нероном и проводившиеся каждые пять лет (см. Светоний, «Нерон», 12).

[85] Двусмысленность: «Насколько мое произведение слабее, чем „Комар", написанный Вергилием еще в юности»! и «Насколько я с моим [уже столь значительным] произведением моложе, чем был Вергилий, когда писал еще только [такую безделку, как] „Комара"»!

[86] Пропуск в рукописи.

ФЛОР

СОКРАЩЕНИЕ РИМСКОЙ ИСТОРИИ

[1] Здесь Флор, очевидно, подражает Сенеке (см. Аммиан Марцеллин XVI, 6).

[2] Т. е. от 509 г. (первого консульства Луция Юния Брута) до 258 г. до н. э. (консульства Аппия Клавдия и в 257 г.— Квинта Фульвия Флакка).

[3] Траян — римский император с 98 по 117 г. н. э., завоеватель и опытный администратор; пользовался большой популярностью и получил при жизни титул «optimus» («наилучший»).

[4] Нума Помпилий — второй римский царь, которому традиция приписывает учреждение различных культов, создание жреческих коллегий, наделяя его благочестием, мудростью, справедливостью.

[5] Туллий Сервий — по преданию третий царь Рима. Присоединил к Риму город Альба-Лонгу, предоставив ему римское гражданство.

[6] Анк Марций — (VII в., до н. э.), четвертый римский царь, построивший, согласно традиции, мост через Тибр и основавший в устье Тибра гавань Остию.

[7] Тарквиний Древний (Приск) — по преданию пятый царь Рима, построил Форум и цирк, при нем был заложен Капитолийский храм, проведена клоака. Сервий Туллий (VI в. до н. э.) — шестой царь, которому приписывается разделение гражданства Рима на пять имущественных разрядов. Тарквиний Гордый (конец VI в. до н. э.) — последний царь Рима, тираническое правление которого, вызвавшее восстание в Риме, явилось причиной его изгнания и установления республиканского режима.

[8] Пирр — см. Геллий, примечание 160.

[9] Флор ошибается. Гераклея расположена не в Кампании и не на берегу реки Лириса, это приморский город в Лукании, на реке Сирис. Сражение произошло здесь в 280 г. до н. э. Левин Публий Валерий — консул 280 г. до н. э.

[10] Маний Курий Дентат — консул 290, 275 и 274 г. до н. э., Квинт Фабриций Луцин участвовал в сражении при Аускуле в 279 г. в качестве легата. Оба — знаменитые полководцы.

[11] Т. е. Курия и Фабриция. Сражение происходило при Беневенте в 275 г. и закончилось полной победой римлян.

[12] Аппий Клавдий Цек — цензор 312 г. до н. э., консул 307 и 296 гг. В старости ослеп. Когда Пирр через посла пытался склонить сенат к миру, Клавдий произнес пламенную речь против заключения мира, и сенат отверг предложения Пирра.

[13] Цицерон приписывает этот поступок Фабрицию («Об обязанностях», III, 22).

[14] Публий Корнелий Руфин — консул 290 г. (см. примечание 161 к Гелию), изгнан из сената в 275 г.

[15] Фрегеллы — город вольсков в Лации, на реке Лирисе. Пренесте — древний город в Лации, к юго-востоку от Рима.

[16] Вольски — древнее италийское племя, жившее по берегам реки Лирис, сабиняне — племя в гористой области к северо-востоку от Рима.

[17] Бруттийцы — см. Геллий, XX, примечание 87.

[18] Т. е. Сицилийский, или Мессинский, пролив, узкий и опасный (пролив Сциллы и Харибды), отличающийся сильным течением и острыми скалистыми берегами. Чудовища Сцилла и Харибда в греческой мифологии олицетворяли опасность плавания по Мессинскому проливу. Впервые римляне вошли в пролив в 264 г. до н. э.

[19] Т. е. тиранн Сиракуз Гиерон II, правивший с 269 г., союзник Рима в первой Пунической войне.

[20] Гай Дуилий и Гней Корнелий Сципион Азина одержали победу над карфагенским флотом в 260 г. в битве при Милах близ Липарских островов. Корнелий попал в плен к карфагенянам и был позднее освобожден Регулом.

[21] Липарские острова — Эолийские острова.

[22] Калатин Атилий — консул 258 и 254 г. до н. э., когда он взял Панорм, диктатор 249 г. Агригент, Дрепан, Панорм, Эрикс и Лилибей — города и порты Сицилии.

[23] Кальпурний Фламма — военный трибун в войске Атилия Калатина, спас своим самоотвержением римское войско от гибели при нападении его на город Камарину в Сицилии.

[24] Флор ошибочно приписывает спартанскому царю Леониду (V в. до н. э.) то, что рассказывали о спартанце Отриаде, который, один оставшись в живых из 300 спартанцев, сражавшихся против аргивян за обладание Фиреей (669 г. до н. э.), поразил себя на поле боя, написав кровью на щите, что Фирея принадлежит спартанцам (Геродот, I, 82).

[25] Ольбия и Алерия — города Сардинии и Корсики.

[26] Марк Атилий Регул — консул 267 и 256 г. до н. э. и полководец, в 256 г. высадился на африканском берегу, где был разбит Ксантиппом (см. ниже) и попал в плен.

[27] Баграда — сама большая река в Африке между Утикой и Карфагеном (современная Меджерда). По утверждению Плиния, змеи здесь были величиной в 120 шагов.

[28] Ксантипп — спартанский полководец, был приглашен Карфагеном для борьбы с римлянами. В 255 г. при Тунете нанес поражение римскому корпусу под командованием Регула.

[29] Историческая верность предания, связанного с отправлением в Рим Регула в качества посла, сомнительна.

[30] Луций Цецилий Метелл — консул 251 г. до н. э., в 250 г. нанес при Панорме поражение римскому полководцу Гасдрубалу.

[31] Марк Фабий Бутеон в 241 г. (год окончания первой Пунической войны) был цензором.

[32] Эгимур — остров против Карфагена.

[33] Гай Лутаций Катул — консул 242 г., под его начальством в 241 г. римский флот одержал решительную победу над карфагенской эскадрой при Эгатских островах (близ западной части Сицилии).

[34] Нуманция — город во внутренней Испании, взят и разрушен римлянами в 133 г. до н. э.

[35] Имеется в виду пергамский царь Аттал III, завещавший в 133 г. до н. э. Пергам Риму. Наследство это, принятое Римом, образовало часть провинции Азии.

[36] Тиберий (163—132 г. до н. э.) и Гай (153—121 г. до н. э.) Гракхи — братья, политические деятели, боровшиеся за проведение аграрных законов в интересах крестьянства; Аппулей Сатурнин выдвинул в 103 г. до н. э. программу демократических реформ, повторявших и дополнявших реформы Гракхов.

[37] Друз Марк Ливий — в 91 г. до н. э. в должности народного трибуна выступил с программой реформ против обеднения народных масс и бесправия италиков.

[38] Луций Сергий Катилина (98—62 г. до н. э.) — политический деятель, руководитель заговора против сенаторской олигархии в 63 г. Благодаря демагогическим обещаниям Катилине удалось привлечь на свою сторону часть плебса.

[39] Гней Помпей (96—48 г. до н. э.) — римский политический деятель и полководец, консул 70 г., союзник, а потом соперник Цезаря.

[40] Война со Спартаком началась в 73 г. до н. э. и продолжалась 3 года. Крикс и Эномай — помощники Спартака, вожди восстания. Лентул Батиат — владелец гладиаторской школы в Капуе.

[41] О числе гладиаторов, сопровождающих Спартака, существуют различные сведения.

[42] Везувий тогда еще не был действующим вулканом (первое извержение произошло в 79 г. н. э., когда были засыпаны Геркуланум и Помпея).

[43] Гай Клодий Глабр — претор 73 г. до н. э.

[44] Публий Вариний — пропретор Азии 72 г., разбит Спартаком в 73 г. Тораний Гай — командующий карательного отряда, разбитого Спартаком.

[45] Нола, Нуцерия — города в Кампании, Турии — порт на Тарентском заливе, Метапонт — город в Лукании.

[46] В Риме I—II в. был обычай устраивать на похоронах знатных римлян битвы гладиаторов.

[47] Гней Корнелий Лентул — консул 72 г. Публий Кассий — наместник цизальпийской Галлии.

[48] Марк Лициний Красс (ок. 97—53 гг. до н. э.) — римский государственный деятель и полководец, подавивший движение Спартака в 71 г., консул в 70 и 55 гг. до н. э., участник первого триумвирата (Красс, Помпей, Цезарь).

[49] Т. е. на самом краю Бруттийского полуострова.

[50] Брундизий — портовый город на юго-западе Италии, в Калабрии.

[51] Акций — город и мыс в Акарнании, где в 31 г. Антоний и Клеопатра потерпели поражение от Октавиана.

[52] Левката — южный мыс на острове Левкада, расположенном у западного побережья Акарнании.

[53] Амбракийский залив — на западе Греции, между Эпиром и Акарнанией.

[54] Т. е. Гай Юлий Цезарь Октавиан (63 г. до н. э.— 14 г. н. э.), внучатый племянник Юлия Цезаря, после победы над Антонием стал единовластным правителем римского государства под именем Цезаря Августа.

[55] Ср. Вергилий, «Энеида», VIII, 688 («За ним супруга египтянка следом»).

[56] Паретоний — порт между Египтом и Сирией. Пелузий — укрепленный город в Нижнем Египте.

АВЛ ГЕЛЛИЙ

АТТИЧЕСКИЕ НОЧИ

[1] Начало предисловия несколько попорчено.

[2] «Учебные книги», «Краткое руководство» — в подлинном тексте здесь игра слов ἐγχειρίδιον и παραξφίς , в основе которой лежит перенос одного из двух разных значений первого слова («кинжал» и «учебная книга», или «краткое руководство»), а именно — второго значения, на сходство с ним лишь по первому из этих значений слово παραξιφιζ (т. е. «кинжал»). См. об этом статью А. А. Грушки «Из области античных каламбуров» — «Гермес», 1911, № 19.

[3] По-видимому, Геллий подражает здесь Плинию Старшему, приводя ряд вычурных заглавий популярных в то время сборников ученых записок (см. «Естественная история», предисловие, 24).

[4] Выражение употреблено в метафорическом смысле, как поговорка, вместо того, чтобы сказать: «без различия», «нераздельно».

[5] Гераклит Эфесский, начало 40/16 — IX, 1.

[6] Авгуры — жрецы, гадавшие главным образом по полетам и пению птиц и объяснявшие разного рода явления

[7] Амаракин — благовоние из эфиромасличного, пряного растения майорана.

[8] Аристофан, «Лягушки», ст. 354—356 и 369—371 (пер. Ю. Шульца).

[9] Фаворин — греческий софист и оратор II в. н. э., современник Фронтона, ученик Диона Хрисостома, учитель и друг Геллия, неоднократно им упоминаемый, преподаватель риторики в Риме и Афинах.

[10] Курий, Фабриций и Корунканий — знаменитые римские полководцы, конца V в. до н. э.

[11] Три брата-героя, своим единоборством с Куриациями и победой над ними решившие исход войны Рима с городом Альба-Лонгой в царствование Тулла Гостилия.

[12] Аврунки — древнейшие жители Италии, сиканы — Сицилии, пеласги — Греции.

[13] Евандр — один из самых древних царей Аркадии, славившийся своим красноречием; по преданию, он сын пророчицы Карменты, пророчившей в стихах. Говорить с матерью Евандра — значит говорить на непонятном, вышедшем из употребления языке.

[14] «Об аналогии» — грамматический трактат из двух книг, посвященный анализу спора между аналогистами и аномалистами, написан Цезарем в 54 г. до н. э.

[15] «Илиада», III, 221; IV, 350.

[16] Цицерон, «Об ораторе», III. 35, 142.

[17] Цицерон, «Об ораторе», I, 12, 51.

[18] «Илиада», II, 212; 246.

[19] «Илиада», II, 213.

[20] Евполид — афинский поэт древней политической комедии, живший во второй половине V в. до н. э., современник Аристофана; от его произведений сохранились лишь отрывки.

[21] Саллюстий, «История», фр. IV, 43.

[22] Гесиод, «Труды и дни», 718—719 (пер. В. Вересаева).

[23] Эпихарм (ок. 540—448 гг. до н. э.) — греческий натурфилософ, творец литературной комедии в Сицилии. От его комедий сохранились лишь заглавия и ничтожные фрагменты.

[24] Фаворин — см. примечание 9.

[25] Еврипид, «Вакханки», 386.

[26] Т. е. «пустомели, неимоверные болтуны».

[27] Аристофан, «Лягушки», 837 (пер. Ю. Шульца).

[28] Гней Невий — известный римский поэт, уроженец Кампании, старший современник Плавта, жил в III в. до н. э. Писал трагедии, комедии, эпос. От произведений сохранились лишь отрывки. Нападал на знатных лиц, за что был осужден и посажен в тюрьму. Пакувий (220 — ок. 132 г. до н. э.).— виднейший представитель римской трагедии. От его комедий и трагедий сохранилось несколько фрагментов.

[29] Кампания — область средней Италии. Жители ее славились гордостью.

[30] Перевод надписей Ф. Петровского.

[31] Марк Теренций Варрон Реатинский (116—27 гг. до н. э.) — римский ученый-энциклопедист. Сохранились фрагменты отдельных сочинений.

[32] Согласно Макробию, Габий Басс — наместник Понта во время царствования Траяна (I в. н. э.). Он был хорошо образован в области истории и литературы.

[33] Divinatio (буквально «гадание», «предсказывание») — судебное разбирательство о том, кому из двух или нескольких обвинителей поручить обвинение подсудимого.

[34] См. прим. 33.

[35] Федон Элидский — философ, основатель элидо-эритрейской сократической школы. Жил около 400 г. до н. э.

[36] Сократик Кебет — греческий философ середины IV в. до н. э., ученик Сократа. Вероятно, о нем говорит Платон в «Федоне».

[37] Менипп (род. ок. 270 г. до н. э.) из Гадар, сириец по происхождению, известный философ-киник, составил 30 книг философско-сатирических диалогов в прозе и стихах. Варрон подражал ему в своих «Менипповых сатурах».

[38] Феофраст (372—286 гг. до н. э.) — древнегреческий философ-перипатетик и естествоиспытатель, ученик и последователь Аристотеля; занимался также историей литературы.

[39] Зенон из Китиона (остров Кипр) (ок. 336—264 гг. до н. э.) — основоположник стоического учения.

[40] Диоген (404—323 гг. до н. э.) — основатель кинической школы в древнегреческой философии, считавшей своей высшей нравственной задачей подавление страстей и сведение потребностей к минимуму.

[41] Эпиктет (ок. 50—138 гг. н. э.) — древнегреческий философ-стоик.

[42] Пер. Ф. Петровского.

[43] Менандр (343 — ок. 291 гг. до н. э.) — крупнейший древнегреческий драматург, главный представитель новоаттической комедии. Посидипп — греческий комедиограф III в., один из последних авторов новоаттической комедии. Начало его творчества относится к 285 г. до н. э. Аполлодор Каристский — малоизвестный греческий комедиограф, последователь Менандра. время деятельности — 300—260 гг. до н. э. Пьесы Теренция «Формион» и «Свекровь» составлены по его комедиям. Алексид (ок. 372—276 гг. до н. э.) — среднеаттический комический поэт, дядя Менандра.

[44] Цецилий Статий — известный комедиограф, старший современник Теренция, умер в 168 г. до н. э.

[45] Коринфский царь Главк, отец Беллерофонта, в Троянскую войну помогавший Приаму, обменялся с Диомедом, взяв взамен золотого оружия медное, стоящее в 10 раз дешевле (Гомер, «Илиада», VI, 230—236).

[46] Менандр, стр. 402 и ниже в тексте, стр. 403 и 404.

[47] Цецилий, стр. 142 и ниже в тексте, стр. 158 и 169.

[48] Элий и Манилий — древние римские писатели и грамматики.

[49] Аквилий — поэт-комедиограф, младший современник Плавта.

[50] Пер. Ф. Петровского.

[51] Аретинский оракул (буквально «бараний») — двусмысленный, направленный в разные стороны, как рога барана, ответ; намек на оракул

Юпитера Аммона, одного из главных божеств египетского пантеона, темный язык и запутанные ответы которого образно символизировались витыми рогами барана на голове бога. Пер. Ф. Петровского.

[52] Филохор — писатель-историк конца IV — первой половины III в. до н. э., уроженец Афин. Написал историческую повесть «О делах аттических» в семнадцати книгах. Ксенофан, родом из Колофона, жил в VI—V вв. до н. э., древнейший греческий поэт-философ, основатель элейской философской школы.

[53] Луций Акций (170 — ок. 86 гг. до н. э.) — римский ученый и поэт-трагик. Эфор — оратор и историк второй половины IV в. до н. э., ученик Исократа.

[54] У подножья Геликона, в деревне Аскре, родился Гесиод.

[55] «Илиада», I. 1.

[56] Гесиод, «Теогония», 142.

[57] Аристотель, 1486 b 39. Иос — небольшой остров греческого архипелага. Иэты — жители этого острова.

[58] Пер. Ф. Петровского.

[59] Веррий Флакк — ученый грамматик времени Августа. Его лексикографический словарь «О значении слов», впоследствии сокращенный Фестом (III в. н. э.), служит важнейшим источником для изучения римских древностей.

[60] Семпроний Аселлион — историк I в. до н. э., первый в Риме последователь прагматического метода повествования, начатого Полибием. По мнению Дионисия Галикарнасского, это один из самых знаменитых историков древнего Рима (см. Цицерон, «Законы», I, 2).

[61] Остров Родос (в юго-восточной части Эгейского моря) стоял на скрещении важнейших торговых путей и потому являлся богатейшим центром торговли; родосцы славились искусством кораблестроения и мореплавания. Огромные богатства, накопленные в торговле родосской морской державой, способствовали украшению Родоса великолепными памятниками архитектуры и скульптуры.

[62] Македонский царь Персей — сын Филиппа III, вступил на престол в 179 г. до н. э.; воевал с Римом в 171—168 гг.

[63] Марк Порций Катон (Старший) (234—149 гг. до н. э.) — известный римский государственный деятель и писатель, сторонник и хранитель древней строгости нравов, представитель римского консерватизма.

[64] Марк Туллий Тирон — вольноотпущенник Цицерона, его доверенное лицо, ближайший помощник и биограф.

[65] Квинт Аксий, банкир, был в дружественных отношениях с Цицероном (см. «Письма» Цицерона).

[66] Энтимема — риторическое, т. е. предположительное, умозаключение.

[67] Луцилий (148—103 г. до н. э.) — первый римский поэт-сатирик.

[68] Полифонт, мессенский царь, убивший Кресфонта, был выведен на сцене Еврипидом в трагедии «Кресфонт».

[69] С IV в. до н. э. слово «софист» обозначает человека, готового доказывать любой тезис независимо от его объективного правдоподобия. Анализу логических ошибок софистов посвящено сочинение Аристотеля «О софистических опровержениях».

[70] Пол — известный трагический актер в Афинах, родом с острова Эгины, современник Демосфена.

[71] В античном театре все женские роли исполнялись мужчинами.

[72] Ороп — город в Беотии.

[73] Карнеад — известный философ, родом из Кирены, основатель новой, или третьей, Академии. Умер в 128 г. до н. э. Диоген-стоик — уроженец Селевкии, стоический философ, ученик Хрисиппа.

[74] Рутилий Руф, писатель-мемуарист конца II — начала I в. до н. э., ученик стоика Панетия, известный юрист, знаток греческой литературы. Был консулом в 105 г. до н. э.

[75] Селевк (ок. 356—281 гг. до н. э.) по прозвищу Никатор-победитель — один из военачальников Александра Македонского, основатель эллинистической династии (312—64 гг. до н. э.) в Сирийском царстве, образовавшемся после распада македонской монархии.

[76] Птоломей I, Сотер — бывший полководец Александра Македонского, основал в Александрии знаменитую «Александрийскую библиотеку».

[77] В междоусобной войне с Помпеем Цезарь, воюя с жителями Александрии (48 г. до н. э.), поджег для своей защиты флот; этот пожар перекинулся на близлежащие строения, в том числе и на библиотеку.

[78] Речь была направлена против несправедливости и своеволия римской аристократии в отношении жителей провинций и муниципий.

[79] Теан — главный город сидицинов в северной Кампании.

[80] Каленцы — жители города Калес, в нескольких *км* от Теана.

[81] Ферентина — город в средней Италии.

[82] Венузия — город в южной Италии, на границе Апулии и Лукании.

[83] См.: Цицерон, «Речи против Верреса», II, V, 161—162 (пер. Ф. Зелинского).

[84] Семпрониевы законы — т. е. законы Гракхов (123—122 гг. до н. э.), согласно которым римские граждане могли быть приговорены к смертной казни только судом римского народа.

[85] См. Цицерон, «Речи против Верреса», II, V, 163.

[86] Квинт Минуций Терм — претор в 196 г. до н. э., консул в 193 и 192 гг., сражался против испанских племен и покорил лигурийцев. Речь Катона против Терма не сохранилась.

[87] Бруттийцы — жители южной Италии.

[88] Так назывались служители, вооруженные хлыстом и наказывающие ленивых или провинившихся рабов.

[89] Альбин — Авл Постумий Альбин, консул 152 г. до н. э. Цицерон в «Бруте» пишет, что он был учен и красноречив.

[90] Речь Гракха направлена против проекта закона, вынесенного трибуном Ауфеем (Iex Aufeja), по которому римляне должны были оставить за Митридатом занятый им престол убитого царя Каппадокии Ариарата. Гракх убеждал предоставить престол законным наследникам царя. Демад — афинский оратор и политический деятель, современник и соперник Демосфена, талантливый, но крайне беспринципный. Квириты — официальное название полноправных римских граждан в республиканскую эпоху.

[91] Никомед II Эпифан (умер в 91 г. до н. э.), царь Вифинии; некоторое время был в союзе с Митридатом.

[92] Митридат — имеется в виду Митридат VI Евпатор (120—63 гг. до н. э.), царь Понта, враг римлян, неоднократно воевавший с ними.

[93] Талант — весовая единица в греческих мерах (примерно 26,2 *кг*). брусок золота или серебра весом в талант служил самой крупной денежной единицей (равен 600 минам, или 6000 драхмам). Полный талант — аттический; в других городах талант был меньшей цены.

[94] Луций Афраний — последний крупный представитель римской комедии тоги конца II — начала I в. до н. э. Подражал Менандру.

[95] Упомянутая комедия не сохранилась; отрывок переведен М. Гаспаровым.

[96] Македон — малоизвестный философ II в. н. э., произведения его не сохранились.

[97] Пер. М. Гаспарова.

[98] Полностью сочинение называется «Antiquitates rerum humanarum et divinarum» («Древности человеческие и божественные»); состояло из 41 книги, сохранились фрагменты.

[99] Гай Сульпиций Аполлинарий — ученый-грамматик II в. н. э., уроженец Карфагена, учитель Геллия.

[100] Сохранились фрагменты этого произведения.

[101] Гай Фанний Страбон и Марк Валерий Мессала, их консульство относится к 160 г. до н. э.

[102] Эти указы есть у Светония в начале книги «О славных риторях», откуда, вероятно, и взял их Геллий.

[103] Гней Домиций Энобарб и Луций Лициний Красс были цензорами в 91 г. до н. э.

[104] Домициан — римский император (81—96 г. н. э.). В 83 и 93 гг. изгнал из Рима философов, среди которых были знаменитый стоик Дион Хрисостом и Эпиктет. Был убит заговорщиками.

[105] Феопомп — греческий историк и оратор IV в. до н. э., автор «Истории Греции» в двенадцати книгах и «Истории Филиппа», от которых сохранились лишь отрывки.

[106] Халдеи — семитические племена в южной Месопотамии, образовавшие в VII в. до н. э. Ново-Вавилонское государство. Впоследствии это имя носила жреческая каста, члены которой считались особенно сведущими в магии и астрологии.

[107] Т. е. от 14 до 18 лет (уже не отроки, но еще не совершеннолетние); а к бою допускались или отроки или мужчины, достигшие совершеннолетия.

[108] Продик — известный греческий софист, ритор, современник Сократа.

[109] Филохор — см. примечание 52.

[110] Аристофан, «Женщины на празднике Фесмофорий», ст. 453.

[111] Александр Этолийский — грамматик, трагический поэт, процветавший во времена Птоломея Филадельфа; сохранились отрывки.

[112] Пер. М. Гаспарова.

[113] Гелланик — логограф V в. до н. э., современник Геродота и Фукидида. Из сочинений дошли отрывки.

[114] Памфила — ученая женщина эпохи Нерона. Дата Памфилы в данном случае не признается надежной.

[115] Волкаций Седигит — грамматик конца II — начала I в. до н. э., составитель литературно-исторического сборника «О поэтах», в котором помещен канон, или список, десяти авторов комедии. Сохранились отрывки.

[116] Цецилий — см. примечание 44.

[117] Имбрекс Лициний — автор комедий.

[118] Атилий — малоизвестный римский драматург.

[119] Секст Турпилий — второстепенный представитель комедии плаща в Риме во II в. до н. э., последователь Цецилия. Трабея — второстепенный комик; время деятельности точно неизвестно, вероятно, предшественник Цецилия.

[120] Луций Ланувин — литературный враг Теренция. Его комедия «Сокровище» упоминается в «Евнухе», пролог, 7—12. Квинт Энний (239—169 гг. до н. э.) — крупнейший римский поэт, создатель латинского гекзаметра. Писал трагедии, комедии, сатиры, поэму «Анналы». Сохранились лишь фрагменты.

[121] Пер. М. Гаспарова.

[122] Речь за Секста Росция (Америйского) относится к 80 г. до н. э.

[123] Консульство Цепиона и Серрана относится к 106 г. до н. э.

[124] Консульство Туллия и Долабеллы относится к 81 г. до н. э.

[125] Это — первая речь Цицерона в гражданском процессе (81 г. до н. э.).

[126] Гай Аквилий Галл — юрист и оратор, был вместе с Цицероном претором в 66 г. до н. э.

[127] Консульство Луция Суллы и Метелла Пия относится к 80 г. до н. э.

[128] Асконий Педиан — римский грамматик I в. н. э., родился в Риме. Прославился своим историческим комментарием к речам Цицерона. Фенестелла — латинский писатель, исследователь древности. Жил в век Августа. От его произведений сохранились фрагменты.

[129] Речи против Андротиона и Тимократа относятся к 355 г. до н. э. Андротион обвинялся в жестокости и беззаконных поступках при взимании недоимок. Тимократ участвовал вместе с Андротионом в захвате одного египетского судна (см. Демосфен, XXII, XXIV).

[130] Пер. Н. Голицына.

[131] Гай Элий Галл — юрист I в. до н. э., от указанного в тексте сочинения дошли лишь отрывки.

[132] Орк — подземный мир и божество, управляющее им.

[133] Филемон (ок. 361—263) — древнегреческий комедиограф, представитель новоаттической комедии, старший современник Менандра.

[134] Здесь имеется в виду не пять трагедий, а пять тетралогий (поэты-трагики выступали с 4 пьесами, из которых 3 были трагедиями).

[135] Аполлодор, родом из Афин, писатель II в. до н. э., составивший «Хронику» (хронологическое обозрение всемирной истории) в четырех книгах, дошедшую до нас в нескольких отрывках.

[136] Пер. М. Гаспарова.

[137] Публилий, родом из Сирии, мимограф и актер, жил в одно время с Лаберием (I в. до н. э.).

[138] Пер. Ф. Петровского.

[139] Анахронизм, так как смерть Александра (323 г. до н. э.) и философа Карнеада (128 г. до н. э.) разделяют почти два века.

[140] Стоик Панетий (180—110 гг. до н. э.), родосский философ, основатель Средней Стои.

[141] Т. е. во время царствования Сильвия (по преданию, сына Энея) царя Альба-Лонги.

[142] Здесь разумеется Кассий Гемин, историк, живший ок. 146 г. до н. э.

[143] Гней Марций Кориолан (V в. до н. э.) — римский полководец, из-за вражды с римским плебсом перешедший в лагерь врага и принявший участие в осаде Рима.

[144] Ксеркс — персидский царь (480—465 г. до н. э.), пытавшийся завоевать Грецию, но разбитый греками при Саламине.

[145] Фабии — старинный римский род; в 477 г. до н. э. в борьбе с Вейями после геройского сопротивления при реке Кремере погибли 306 Фабиев — все члены рода, кроме одного человека.

[146] Децемвиры — комиссия из десяти человек для записи законов, избранная, как передает традиция, под давлением плебса в 451 г. до н. э. Комиссия была наделена широкими полномочиями и пользовалась чрезвычайной властью.

[147] Гиппократ (ок. 460—377 гг. до н. э.) — знаменитый греческий врач и естествоиспытатель.

[148] В 444 г. вместо консулов стали избираться военные трибуны с консульской властью; в начале IV в. до н. э. они заменили консулов на длительное время.

[149] Время господства тридцати тиранов —404—403 гг. до н. э.

[150] Марк Фурий Камилл — выдающийся полководец; победоносно закончил десятилетнюю войну Рима с Вейями (406—396 гг.), был назначен диктатором во время галльского нашествия 390 г.

[151] Сеноны — кельтское племя, вторгшееся в 390 г. до н. э. в среднюю Италию; были окончательно побеждены только в 283 г.

[152] Астролог Евдокс (406—353 гг. до н. э.) из Книда — философ (ученик Платона) и ученый (математик, астроном, географ). Его сочинения по астрономии до нас не дошли. Формион — афинский флотоводец, в 429 г. одержал победу над коринфянами при Навпакте.

[153] Марк Манлий (прозванный Капитолином) — отважный воин; во время нашествия галлов защищал и спас Капитолий; впоследствии обвинен в стремлении к царской власти и убит.

[154] Капитолий — самый высокий из семи холмов Рима с древней крепостью. На южном его склоне находилась Тарпейская скала, с вершины которой сбрасывали государственных преступников.

[154] Лициний Столон — народный трибун в 376 г. до н. э., вместе с Луцием Секстием предложивший закон о предоставлении плебсу участия в консульской власти.

[155] Менандр, моностих 45.

[156] Александр Молосс — эпирский царь (342 г. до н. э.), сын молосского царя Неоптолема, дядя Александра Македонского.

[157] Война с самнитами продолжалась с 343 по 290 г. до н. э.

[158] Кавдинское ущелье — горный проход, где в 321 г. до н. э. римское войско было разбито самнитами.

[159] Фециалы — древнеримская жреческая коллегия, обязанностью которой было осуществление обрядов и обычаев, касающихся международных отношений (объявления войны, заключение мира и др.).

[160] Пирр — эпирский царь, знаменитый полководец, в 280—278 гг. до н. э. воевавший с Римом.

[161] Публий Корнелий Руфин в 290 г. до н. э. избран в консулы вместе с Дентатом, спустя семь лет вторично был консулом вместе с Юнием Брутом. Храбрый и искусный полководец, воевавший с самнитами и бруттийцами.

[162] Первая Пуническая война началась в 264 г. и продолжалась до 241 г. до н. э.

[163] Каллимах (310—240 гг. до н. э.) — придворный поэт Птолемеев. Сохранились лишь эпиграммы, несколько гимнов и отдельные фрагменты.

[164] Карвилий Руга — консул 234 г. и 228 г. до н. э

[165] Порций Лицин — поэт-эпиграмматист конца II в. до н. э.

[166] Пер. Ф. Петровского.

ПИСАТЕЛИ ИСТОРИИ ИМПЕРАТОРОВ

ЭЛИЙ ЛАМПРИДИЙ
ГЕЛИОГАБАЛ

[1] Некоторые рукописи приписывают эту биографию Спартиану.

[2] Гелиогабал, или Элагабал, правил с 218 по 222 г. н. э.

[3] Императоры Калигула (37—41 гг. н. э.), Нерон (54—68 гг. н. э.), Вителлий (69 г. н. э.) отличались чрезвычайной жестокостью и бесчинствами.

[4] Время правления Августа — 27 г. до н. э.— 14 г. н. э., Траяна 98—117 гг. н. э., Веспасиана 69—79 гг., Адриана 117—138 гг., Антонина Пия 138—161 гг., Тита 79—81 гг., Марка Аврелия 161—180 гг. н. э.

[5] Макрин — император (217—218 гг. н. э.)

[6] Бассиан, прозванный Каракаллой,— император, 211—217 гг. н. э., в 212 г. убил своего брата и соправителя Гету.

[7] Орк — см. Геллий, примечание 132.

[8] По-латыни «varius» — «различный».

[9] Константин — император (313—337 гг. н. э.).

[10] Мать богов — Рея, жена Кроноса, мать Зевса и Геры, отождествляемая с малоазийской богиней Кибелой. См. Геродиан, примечание 4.

[11] Палладий — древняя резная статуя богини Паллады (Минервы), стоявшая в храме Весты и почитаемая как залог благополучия города. По римскому преданию, Эней принес ее из Трои в Италию.

[12] Clarissimus — титул знатности, давался сенаторам и их женам.

[13] Тавроболии — обряды на ежегодном весеннем празднике в честь Кибеллы и ее возлюбленного пастуха Аттиса, состоявшие в том, что человек

обливался кровью приносимых в жертву быков, что символизировало очищение от грехов. Культ этот, носивший оргиастический характер, был широко распространен в западных провинциях империи.

[14] Саламбо — вавилонское имя Венеры. Посвященное ей празднество (мистерии Венеры, оплакивающей Адониса) справлялось в глубокой печали. Культ был распространен в Сирии, Египте.

[15] Гебр — главная река во Фракии. Ореста — город в Аркадии.

[16] Маркоманы — см. Евтропий, примечание 32.

[17] Имеется в виду двоюродный брат Гелиогабала, усыновленный им в 221 г., Александр Север, император (222—235 гг. н. э.).

[18] Зотик Аврелий, из Смирны, носил прозвище Магир по профессии своего отца («magirus» — «повар»).

[19] В парижской рукописи 5816 рукою Петрарки отмечено: «Это из Теренция „Братья", 643».

[20] Марий Максим — римский историк II—III в. н. э., один из источников Лампридия.

[21] Т. е. Валерия Комазона Эвтихиана.

[22] tonsorem — конъектура Сомэза и Петера; cursorem («скорохода») — конъектура Иордана; censorem («цензора») — рукописное чтение.

[23] Сады древней Надежды расположены, очевидно, в 7-м квартале Рима, где находится, согласно каталогу Руфа, храм древней Надежды.

[24] Сабин Целий — юрист, последователь юриста Атея Капитона, жившего во времена Августа и Тиберия, основатель школы сабинианцев, к которой примыкали также известные юристы Сальвий Юлиан и Гай. Домиций Ульпиан (179—228 гг. н. э.) из Сирии — видный римский юрист и государственный деятель, был префектом претория и убит преторианцами при Александре Севере.

[25] Императора Вителлия также волокли по улицам и сбросили в Тибр.

[26] Бани (термы) Каракаллы представляли собой грандиозный ансамбль, состоящий из центрального здания и целой системы дополнительных помещений: раздевальни, бассейнов, комнат для отдыха и спорта, библиотеки, картинной галереи и т. д.

[27] Гордианы — династия императоров, правили: Гордиан I и II в 238 г., Гордиан III в 238—244 гг. н. э.

[28] Апиций — знаменитый кутила и лакомка времен Нерона, имя его часто употреблялось римлянами как нарицательное. Отон — император (69 г.), участвовал в оргиях Нерона.

[29] Полей — благовонная трава.

[30] Лангусты — десятиногие съедобные раки, скилла — морской рак.

[31] Кресс — овощное блюдо, салат; мелисса — эфиромасличное душистое растение; пажитник — растение семейства бобовых, содержит эфиромасличные и лекарственные вещества.

[32] Кошачий глаз — раковина из-под жемчуга (жемчужница).

[33] Сони — небольшие животные из семейства грызунов.

[34] Марсы — племя в Лации, считались знатоками целебных трав и змееукротителями.

[35] Нард — индийское ароматическое растение, из которого готовились дорогостоящие мази и масла.

[36] Лупанар — публичный дом в древнем Риме.

[37] Иксионоподобными — т. е. подобными Иксиону, сказочному царю Фессалии, который за любовь к Гере был прикован в подземном царстве к вечно вращающемуся огненному колесу.

[38] Сигмы («сигма», или «стибадиум») — полукруглые мягкие ложа, расположенные за такими же кругообразными обеденными столами, предназначенными для 6—7 персон.

[39] Далматика — длинная туника с широкими рукавами, употреблялась

как верхнее платье. Делалась из белой шерсти и украшалась двумя пурпурными полосами,

[40] Имеются в виду Квинт Фабий Гургит, консул 276 и 292 гг. до н. э., получивший прозвище Гургита («кутилы») за расточительную жизнь, и Луций Корнелий Сципион Бородатый, консул 298 г.

[41] Септимий Север, император 193—211 гг. н. э.

[42] Мурриновые и ониксовые, т. е. из особого вида фарфора и агата.

[43] Пандура — трехструнный музыкальный инструмент, изобретение которого приписывалось Пану.

[44] Аврелиан (270—275 гг. н. э.), Клавдий II Готский (268—270 гг. н. э.).

[45] Диоклетиан (284—305 г. н. э.), Максимиан (286—305 гг. и 307—310 гг. н. э.).

[46] Лициний (308—324 гг. н. э.) правил восточной частью империи, Александр (308—311 гг. н. э.) был провозглашен императором в Африке, оспаривал власть у Максенция (307—312 гг. н. э.).

АММИАН МАРЦЕЛЛИН

ИСТОРИЯ

[1] В 354 г.

[2] Речь идет о трибутных и центуриатных народных собраниях. Нума Помпилий— см. Флор, примечание 4.

[3] Плутарх («Демосфен», I), приводя эту сентенцию, ссылается на энкомий в честь Алкивиада, приписываемый Еврипиду. Упоминание о Симониде — по-видимому, ошибка.

[4] Маний Ацилий Глабрион победил сирийского царя Антиоха III при Фермопилах в 191 г. до н. э. Позолоченную статую ему воздвиг его сын в 181 г.

[5] Гесиод, происходивший из местечка Аскра в Беотии. Имеется в виду следующее место («Труды и дни», 289 сл.):

> ...Добродетель от нас отделили бессмертные боги
> Тягостным потом: крута, высока и длинна к ней дорога.
> И трудновато вначале. Но если достигнешь вершины,
> Легкой и ровною станет дорога, тяжелая прежде.
>
> (Пер. В. Вересаева)

[6] Ездить по Риму в колесницах имела право только знать.

[7] Валерий Публикола — легендарный участник свержения царской власти в Риме, консул первых лет республики. Атилий Регул — римский полководец в первой Пунической войне; по преданию, попал в плен к карфагенянам, и они послали его в Рим с просьбой о мире, взяв с него клятву вернуться. Регул вместо этого посоветовал римлянам воевать до близкой победы; затем, верный своему слову, он вернулся в Карфаген и был там убит. Далее упоминается Гней Корнелий Сципион Африканский Старший, победитель Карфагена во второй Пунической войне, в течение восьми лет непрерывно воевавший в Испании.

[8] Может быть, этот «чужеземец из хорошего рода» — сам Аммиан.

[9] Клиент был обязан поздравлять покровителя по утрам.

[10] Номенклатор — раб, который должен был знать в лицо и по именам всех лиц, знакомых или нужных хозяину, чтобы напоминать ему их при встрече, при созыве гостей или (в эпоху республики) при агитации перед выборами.

[11] Теренций, «Евнух», 780.

[12] В 383 г.

[13] Свадебный обычай одарять гостей золотыми монетами.

[14] Квинт Лутаций Катул, консул 78 г. до н. э., на играх, устроенных при освящении отстроенного им Капитолийского храма в 69 г. до н. э.

[15] Ирония.

[16] Речь идет о Катоне Старшем, который за такой поступок исключил сенатора Манилия из сената.

[17] Кастор и Поллукс, по преданию, возвестили в Риме о победе, одержанной римлянами при Киноскефалах в 197 г. до н. э

[18] Грызуны, чье мясо считалось лакомством. Римляне откармливали их в специальных садках.

[19] Здесь — секретари.

[20] Марий Максим — писатель III в. н. э., автор жизнеописаний римских императоров от Нервы до Элагабала, продолжатель и подражатель Светония. Назван рядом с Ювеналом, по-видимому, как образец фривольного чтения.

[21] Гай Дуилий — первый римский полководец, воевавший на море, победитель карфагенян в первую Пуническую войну.

[22] Источники в Кампании.

[23] Текст параграфа сильно испорчен, перевод по смыслу.

[24] В подлиннике: aleatores и tesserarii. Первое наименование считалось позорным.

[25] Братья Квинтилии, Максим и Кондиан, жили во II в н. э. Они вместе росли, вместе писали какое-то сочинение, вместе были консулами при Марке Аврелии, вместе командовали армией и управляли провинцией и вместе были казнены Коммодом.

[26] Имеется в виду Катон Младший, который домогался преторства в 55 г. до н. э., но встретил сопротивление Помпея и Красса.

[27] Конец параграфа безнадежно испорчен.

[28] Римский полководец Марцелл взял приступом Сиракузы в 212 г. до н. э.

[29] Испорченное место в рукописи.

[30] Цицерон, «О дружбе», 21, 79.

[31] Плоский сокк — обувь комических актеров, высокий котурн — трагических. Соответственно, имена относятся к персонажам комедий и трагедий.

[32] Ирония.

[33] Эпона — богиня — покровительница ослов и лошаков.

[34] Обеты за успех того или иного возницы.

[35] По преданию, тавры (племя в Крыму) приносили в жертву богам всех чужеземцев.

[36] По-видимому, речь идет о даровых угощениях за счет государства.

[37] См. Цицерон, «Об обязанностях», I, 15.

[38] Платон, «Государство», I, 329 в — с; ср. Цицерон, «О старости», 14, 47.

[39] Император носил титул августа, его младший соправитель — титул цезаря. Юлиан был цезарем при Августе Констанции в 355—360 гг., и в этом сане вел войну против германцев на рейнской границе.

[40] Коронное золото — разорительные подарки, которые должны были подноситься провинциями при вступлении на престол нового императора, при больших победах и т. п.

[41] Арат, «Явления», 134.

[42] Метродор — по сомнительному преданию, философ-авантюрист, который посетил Индию, получил от тамошнего царя дары для императора Константина, но по возвращении в Рим поднес их от своего лица, добавив, что другие, еще более ценные подарки у него отняли персы. Константин потребовал от персидского царя возвращения подарков, и так началась полоса войн римлян с персами. Рассказ Аммиана об этих легендарных событиях — в утраченной части его сочинения.

[43] Валент — император Восточной империи (364—378 гг. н. э.), Грациан — император Западной империи (376—383 гг. н. э.). В описываемое время Валент стоял в Мелантиаде, вблизи от Константинополя; Грациан, только что одержав победу над аламаннским племенем лентийцев, шел на соединение с ним через Паннонию; Себастиан, полководец Валента, высланный им вперед, одержал победу над рассеянными отрядами готов, освободил осажденный ими Адрианополь и заставил их отойти к предгорьям Балкан.

[44] Имеется в виду Адрианополь.

[45] Комит доместиков — командир императорской гвардии.

[46] Магистр пехоты и магистр конницы — высшие военные посты.

[47] 9 августа 378 г.

[48] Префект — высший гражданский пост, правитель одной из четырех префектур, на которые делилась империя (в данном случае — Востока); на нем лежала забота о снабжении войска. Консисторий — императорский совет.

[49] Около двух часов пополудни (римляне отсчитывали часы с рассвета).

[50] Дибальт — фракийский город на Черном море.

[51] Лакуна в тексте.

[52] Уроженец кавказской Иберии (восточная Грузия).

[53] Ланциарии и матинарии — легковооруженные отряды императорской гвардии.

[54] Император Деций правил в 249—251 гг. н. э. и погиб в сражении с готами.

[55] Отборный отряд телохранителей.

[56] Гней Корнелий Сципион, дядя Сципиона Африканского, погиб в Испании в 212 или 211 г. до н. э.

ЕВТРОПИЙ

БРЕВИАРИЙ РИМСКОЙ ИСТОРИИ

[1] Т. е. 96 г. н. э.

[2] Парфений — придворный Домициана, участвовавший в заговоре против него и способствовавший вступлению на престол Нервы.

[3] С конца I в. н. э. усыновление правящими императорами полководцев или видных государственных деятелей вошло в обычай. Траян в то время был наместником Германии.

[4] Италика — римский муниципий на правом берегу реки Бетис (Гвадалквивир), теперь Севилья.

[5] Агриппина — т. е. Колония-Агриппина (ныне Кёльн).

[6] Децебал — царь дакских племен, война с которыми шла со 101 г. н. э., побежден Траяном в 106 г.

[7] Таифалы, виктофалы, ферунги — вестготские племена.

[8] Или 1000 римских миль, т. е. около 200 географических миль.

[9] Осроены — жители северо-восточной части Месопотамии, на Евфрате.

[10] Кордуены — жители области в Большой Армении в верхнем течении Тигра; амарды и меды — жители областей, расположенных к югу от Каспийского моря.

[11] Селевкия — город на Тигре, Ктесифон — столица Парфии на левом берегу Тигра, Эдесса — город в юго-западной части Месопотамии.

[12] Мадена — столица на границе Армении и Мидии.

[13] Кальпурний Красс.

[14] В 117 г. н. э.

[15] Римские законы запрещали хоронить кого бы то ни было внутри города (см. законы XII таблиц, X, 1)

[16] Отец императора Адриана был двоюродным братом Траяна.

[17] По свидетельству Спартиана, Адриан родился в Риме (см. Писатели истории императоров, «Адриан», I).

[18] Намек на войну с иудеями в 133—135 гг.

[19] У Спартиана об этом говорится подробнее: «В Риме он восстановил Пантеон, ограждения, базилику Нептуна, множество священных зданий, форум Августа, бани Агриппы; все эти сооружения он посвятил от имени настоящих их создателей. Но от своего имени он выстроил мост, гробницу около Тибра и храм Доброй богини. Он перенес Колосс с места, на котором теперь находится храм Рима, причем, архитектор Декриан поднял его в стоячем положении на воздух; потребовалось применение огромной силы, на эту работу пришлось употребить даже труд 24-х слонов. Он посвятил это изображение Солнцу, удалив голову Нерона, которому раньше была посвящена эта статуя. Другое такое же сооружение он задумал создать в честь Луны, поручив это дело архитектору Аполлодору» (см. «Писатели истории императоров, Адриан», XIX, 10—13).

[20] В 138 г. н. э.

[21] Добрые отношения с сенатом, сохранившиеся в начале правления, нарушились в последние годы, когда Адриан безосновательно казнил нескольких сенаторов.

[22] Аврелий Виктор свидетельствует обратное: что происходил он из очень древнего рода.

[23] Нума Помпилий — см. Флор, примечание 4.

[24] В 161 г. н. э.

[25] Т. е. Марк Аврелий Антонин.

[26] Имеется в виду Маленний, царь племени салентинов в южной Калабрии.

[27] Оба были усыновлены Антонином Пием.

[28] Вероятно, цифра слишком мала; у других историков называется цифра 300 тысяч (Евсевий) и 400 тысяч (Руф).

[29] Евтропий ошибся, Вер умел на девятом году правления, в 169 г.

[30] Аполлоний Халкедонский — стоический философ конца I — начала II в.

[31] Фронтон, Марк Корнелий — известный ритор II в. н. э., возглавлявший архаистическое направление в литературе, воспитатель Марка Аврелия. До нас дошел сборник его переписки с Марком Аврелием и Луцием Вером.

[32] Маркоманы — свевское племя между Майном и Дунаем; война с ними продолжалась с 167 по 175 г., затем с 177 по 180 г. и закончилась победой римлян.

[33] Имеется в виду победа над парфянами, о войне с которыми говорится выше (§10); под именем персов Евтропий разумеет здесь парфян (ср. § 3)

[34] Карнунт — древний кельтский город на Дунае.

[35] Первый раз он возвращался после победы над парфянами. В древнем Риме полководец, выигравший войну, получал право на триумф — торжественное шествие, во время которого полководец в лавровом венке въезжал на колеснице в Рим в сопровождении войска.

[36] Цезарем назывался со времени Адриана каждый претендент на престол в противоположность правящему императору.

[37] Мурриновые кубки — кубки из плавикового шпата, особого вида фарфора.

[38] Т. е. в 180 г. н. э.

[39] Очевидно, здесь содержится иронический намек на распространенное в Риме мнение, что Коммод — сын любовника его матери Фаустины (см. «Писатели истории императоров», Капитолин, XIX).

[40] По сообщению Диона Кассия, Коммод изменил названия всех двенадцати месяцев.

[41] В ночь на 1 января 192 г. Коммод был убит в результате заговора приближенных, в гладиаторской казарме.

[42] Префект города — административная должность, соединяющая в себе во времена империи функции судебной и полицейской власти.

[43] Точнее: после 87 дней, убит 28 марта 193 г. н. э.

[44] Марк Дидий Юлиан — богатый сенатор, которому преторианцы продали престол.

[45] Вечный эдикт (perpetuum edictum) — никогда не изменяющийся, вечно действующий свод законов; составлен по поручению Адриана в результате пересмотра прежних преторских эдиктов и систематизации их ученой комиссией, возглавляемой виднейшим юристом того времени Сальвием Юлианом.

[46] Мульвиев мост — самый северный мост над Тибром за Римом.

[47] Евтропий неточен. Юлиан правил только 2 месяца и 5 дней (см. Капитолин, «Пертинакс», 1—15).

[48] Лептис — город на северном побережье Африки.

[49] Спартиан говорит, что он миновал эту должность («Север», 11, 3).

[50] Песценний Нигер — римский полководец, в 191 г. наместник Сирии, после смерти Пертинакса восстал против Севера и был признан на востоке императором, но в 193 г. побежден им.

[51] Клодий Альбин — наместник Британии.

[52] Лугдун — город в Галлии, ныне Лион.

[53] Север восстановил вал, возведенный еще Адрианом.

[54] Эборак (Йорк) — город в Британии, резиденция приезжающих в Британию римских императоров.

[55] В 211 г. н. э. (по Спартиану — на 18 году правления).

[56] Бассиан правил с 211 по 217 г.

СЕКСТ РУФ

БРЕВИАРИЙ О ПОБЕДАХ И ПРОВИНЦИЯХ РИМСКОГО НАРОДА

[1] Валент — римский император, соправитель своего брата Валентиниана, управлял восточными провинциями (364—378 гг. н. э.); «perpetuus» или «semper Augustus» — титул римских императоров, вошедший в обычай со времени Константина и, особенно, Феодосия.

[2] В подлинном тексте здесь стоят инициалы «Vic», означающие или «vir consularis» — «консульское лицо», или «vir clarissimus» — «светлейший», обычный титул знатности.

[3] Годы и возрасты — под первым разумеется число лет, которые протекли со времени основания Рима до правления Валента, под вторым — поступательное развитие Рима в течение всего этого времени. Здесь, очевидно, Руф следует римскому историку II в. н. э. Флору.

[4] Луций Юний Брут и Публикола — первые консулы Рима в 509 г. до н. э. Панса Вибий и Авл Гирций — консулы 43 г. до н. э.

[5] По Ливию, пять лет (VI, 35).

[6] В подлиннике «intimabo» — выражение вульгарной латыни, употребляемое писателями того времени (Спартианом, Капитолином и др.).

[7] Порт и Остия — портовые города в устье Тибра.

[8] Пад — главная река в северной Италии, ныне По.

[9] Либурны — жители побережья Иллирии.

[10] Дардан — город в Малой Азии, на Геллеспонте. Мезийцы — см. примечание 13.

[11] Имеется в виду Антиох III, сирийский царь из династии Селевкидов.

[12] О кордуенах — см. Евтропий, примечание 10; сарацины — кочевое племя, обитающее на севере Аравии.

[13] Ретия — альпийская область между реками По, Дунаем, Рейном; Норик — область к югу от Дуная; Мезия — область в северной Фракии.

МАКРОБИЙ

САТУРНАЛИИ

[1] Латинский язык не был родным языком Макробия. Вероятнее всего, Макробий был уроженцем одного из островов Эгейского моря.

[2] Марк Порций Катон Старший — консул 195 г. до н. э., цензор 184 г. до н. э., ярый поборник старины и защитник аристократических привилегий. Строгость катоновских нравов вошла в поговорку. Авл Альбин, Лициний Лукулл — консулы 151 г. до н. э.

[3] Курульное кресло — кресло из слоновой кости — знак отличия высших должностных лиц.

[4] Тарквиний Приск (Древний) — см. Флор, «Сокращение римской истории», примечание 7.

[5] Золотая булла — нечто вроде медальона или ладанки, которую носили на шее по древнеэтрусскому обычаю знатные римляне (а потом и все свободнорожденные). Сыновья вольноотпущенных носили буллу из кожи.

[6] Курульные должности — должности, занимаемые курульными магистрами (консул, диктатор, претор, курульный эдил).

[7] Вторая Пуническая война (карфагенян против римлян) — 218—201 гг. до н. э.

[8] Дуумвиры — два высших правительственных лица (ежегодно сменяемые) в римских колониях.

[9] Лектистерний — «пир богов», на котором изображения богов клались на подушки и им предлагались яства. Одни лектистернии устраивались регулярно в честь богов, другие в чрезвычайных случаях при особо важных событиях в жизни римского государства.

[10] Веррий Флакк — известный ученый-исследователь древности, грамматик, учитель внуков Августа, умер при Тиберии (I в. н. э.)

[11] Гигин — Гай Юлий Гигин — грамматик и антиквар (I в. н. э.).

[12] Антеворта — богиня, напоминающая о прошлом. Постворта — богиня, предвещающая будущее. Обе они считались спутницами богини Карменты.

[13] Марк Теренций Варрон (116—27 гг. до н. э.) — ученый-энциклопедист (филолог, историк, математик).

[14] Котила — озеро в земле сабинов, в котором находился блуждающий остров.

[15] Гай Публилий Бибул — народный трибун 209 г. до н. э., политический противник патрициев.

[16] Луций Акций — сын вольноотпущенника, римский трагик, поэт, представитель национальной римской трагедии (170—194 гг. до н. э.).

[17] Антиох III, Сирийский царь (242—187 гг. до н. э.).

[18] Мутина — город в северной Италии. В битве при Мутине в 43 г. до н. э. войска Антония были разбиты Октавианом.

[19] Ростральная трибуна — ораторская трибуна и окружающее ее пространство форума с выставленными на нем в виде победных трофеев rostra (железными оконечностями) с вражеских кораблей.

[20] Долабелла, зять Цицерона,— политический сторонник Юлия Цезаря, на дочери которого Помпей незадолго до того был женат.

[21] Лаберий (106—43 гг. до н. э.) — известный мимический поэт. Юлий Цезарь заставил его публично на сцене декламировать свои мимы в состязании с Публилием Сиром; выступление на сцене по римским законам считалось позорным и влекло за собой потерю гражданских прав.

[22] Афраний (около 140 г. до н. э.) — главный представитель комедии тоги, остроумный и искусный подражатель Менандра.

[23] Тимофей — дифирамбический поэт из Милета IV в. до н. э.

[24] Алкман — греческий лирический поэт VII в. до н. э.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Голова императора Адриана. Первая половина II в. . фронтиспис
Поэт. Обломок стенки саркофага. Римская работа 44
Голова победителя на играх. Первая половина II в. 45
Погребальная урна двух вольноотпущенников: Скантия Олимпа и Скантия Агелы. II в. 104
Саркофаг с изображением умершего в медальоне. Начало IV в. . . . 120
Бюст Луция Вера. II в. 121
Полулежащий Геракл с чашей. Бронзовая статуэтка II в. 200
Спящая собачка. Бронзовая статуэтка II в. 201
Надгробный рельеф гладиатора-мирмиллона. II в. 288
Охота. Украшения деревянного саркофага. I—II вв. 289
Портрет римлянина. II в. 328
Голова дака. С форума Траяна. Начало II в. 329

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5

ГРЕЧЕСКИЕ ИСТОРИКИ, ГЕОГРАФЫ, МИФОГРАФЫ, ФИЛОСОФЫ И ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ

Плутарх
Как юноше слушать поэтические произведения. Пер. *Л. А. Фрейберг* 11
Сравнение Аристофана с Менандром. Пер. *Л. А. Фрейберг* . . 47
Римские вопросы. Пер. *М. Л. Гаспарова* 50
О доблестях женщин. Пер. *С. С. Аверинцева* 56
Хорошо ли сказано: «Живи незаметно»? Пер. *С. С. Аверинцева* 65
К непросвещенному властителю. Пер. *С. С. Аверинцева* . . 69
О том, что не надо делать долгов. Пер. *С. С. Аверинцева* . 73

Арриан
Походы Александра. Пер. *Т. А. Миллер* 81
Индия. Пер. *Т. А. Миллер* 92

Аппиан
Римская история
Кавдинское поражение. *Пер. Т. А. Миллер* 96
Диктатура и гибель Цезаря. Пер. *М. С. Альтмана* . . 99

Павсаний
Описание Эллады. Пер. *С. П. Кондратьева* 106

Дионисий Периэгет
Пролог к «Описанию ойкумены». Пер. *М. Е. Грабарь-Пассек* . 110

Марк Аврелий
Наедине с собой. Пер. *С. Роговина* 114

Дион Кассий
Римская история. Пер. *М. Е. Грабарь-Пассек* 126

Геродиан
История империи после Марка. Пер. *Т. А. Миллер* 134

Диоген Лаэртский
Жизнь и учения знаменитых философов. Пер. *М. Л. Гаспарова* 145

Филострат
Жизнеописания софистов. Пер. *Т. А. Миллер* 168

Афиней
Пирующие софисты. Пер. *Т. А. Миллер* и *М. Л. Гаспарова* . . 178

Аполлодор
Библиотека. Пер. *Т. А. Миллер* 198

Антонин Либерал
Превращения. Пер. *Т. А. Миллер* 204
Палефат
О невероятном. Пер. *Т. А. Миллер* 206
Артемидор
Толкование снов. Пер. *Т. А. Миллер* и *М. Л. Гаспарова* . . . 211

РИМСКИЕ ИСТОРИКИ И ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ

Светоний
О знаменитых людях. Пер. *М. Л. Гаспарова* 225
Флор
Сокращение римской истории. Пер. *Т. И. Кузнецовой* 239
Авл Геллий
Аттические ночи. Пер. *Т. И. Кузнецовой* 253
Писатели истории императоров. Элий Лампридий
Гелиогабал. Пер. *С. П. Кондратьева* 294
Аммиан Марцеллин
История. Пер. *А. И. Сонни* 313
Евтропий
Бревиарий римской истории. Пер. *Т. И. Кузнецовой* 332
Секст Руф
Бревиарий о победах и провинциях римского народа. Пер. *Т. И. Кузнецовой* 338
Макробий
Сатурналии. Пер. *Е. А. Берковой* 342

Примечания 357
Список иллюстраций 412

Памятники поздней античной научно-художественной литературы II — V века

Утверждено к печати
Институтом мировой литературы
Академии наук СССР

Редактор Издательства *Л. М. Стенина*
Технический редактор *В. Г. Лаут*

Сдано в набор 3/X 1964 г. Подписано к печати 1/XII 1964 г.
Формат 60 × 90¹/₁₆. Печ. л. 26,0 + 7 вкл. (0,88 печ. л.)
Уч.-изд. л. 26,3 (25,6 + 0,7 вкл.). Тираж 2 000 экз.
Изд. № 4825. Тип. зак. № 1291
Темплан 1965 г. № 227
Цена 1 р. 24 к.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

АНТИЧНАЯ НАУЧНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА